XV. **1906.**

ЖУРНАЛЪ

Литературный

и

общественно-политическій.

№ 12.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-лит. Б. М. Вольфа, Невскій, 126.

1906.

СОДЕРЖАНІЕ № 12.

ОТДѢЛЪ I.

ОТДѢЛЪ II.

1906.

Образованіе.

Декабрь

Содержаніе № 12.

ОТДѢЛЪ I.

ОТДѢЛЪ II.

см. стр.

ЛЕДА.

Разсказъ Анатолія Каменскаго.

I.

Игралъ оркестръ неаполитанцевъ въ малиновыхъ атласныхъ костюмахъ, суетились и бѣгали лакеи, хлопали пробки, и Кедрову, сидѣвшему за длиннымъ столомъ среди знакомой артистической компаніи, казалось, что его путейская тужурка—такъ себѣ, одна декорація, и что онъ страшно широкій, талантливый и передовой человѣкъ. Ужинали на его счетъ; незамѣтно, между разговоромъ, заняли у него рублей полтораста денегъ, посылали нѣсколько разъ шампанскаго дирижеру неаполитанцевъ, и все это дѣлалось весело, размашисто и непринужденно. И было забавно смотрѣть, какъ въ перерывахъ между музыкальными номерами дирижеръ выходилъ на край эстрады, улыбался, безпомощно разводилъ руками, потомъ бралъ у лакея бокалъ и медленно выпивалъ вино, повернувшись лицомъ къ чествовавшему его столу.

Мѣсяцевъ восемь Кедровъ строилъ въ Сибири желѣзнодорожную вѣтку, жилъ въ глуши, не читалъ газетъ, и теперь, вернувшись въ Петербургъ, съ наслажденіемъ возобновилъ знакомства и увидалъ себя въ кругу прошлогоднихъ собутыльниковъ и друзей. Всѣ были въ полномъ сборѣ: и знаменитый писатель Ариничевъ, и непризнанный философъ Данчичъ, и неунывающій земецъ Брусницынъ, по-просту—Бруксъ, и помѣшанный на Достоевскомъ психіатръ Гемба, съ длинной гофрированной бородой, и милый юноша студентъ Володя Шубинскій. Были также актеры, молодые адвокаты и фельетонисты, а вмѣстѣ съ ними ихъ жены и подруги, эффектно одѣтыя, красивыя, какъ на подборъ. Приподнятая декламація актеровъ, рискованныя шутки фельетонистовъ, обрывки напряженно-тоскливой и страстной музыки, непрерывное журчаніе воды въ акваріумѣ, а главное

то, что, обращаясь къ Кедрову, компанія называла его „нашъ меценатъ“, опьяняли его больше вина. Въ довершеніе всего онъ былъ немножко влюбленъ въ молодую женщину, сидѣвшую какъ разъ напротивъ, жену философа Данчича, съ которой онъ познакомился три часа тому назадъ. У нея были большіе, блестящіе глаза необыкновеннаго лиловаго оттѣнка, бѣлая гибкая шея и длинная, тяжело спадавшая на спину прическа, звали ее почему-то, вмѣсто Елены, Ледой, и эта выдумка сегодня казалась Кедрову особенно оригинальной и тонкой. „Леда,—мысленно повторялъ онъ,—какъ это красиво—Леда“.

— У васъ лиловые глаза,—крикнулъ онъ, смѣясь, черезъ столъ,—клянусь вамъ Богомъ, совершенно лиловые.

— Ну, и что же, это вамъ нравится?—также смѣясь, спросила она.—Или это васъ оскорбляетъ?

— Конечно, оскорбляетъ,—весело отвѣтилъ Кедровъ.

Ему было страшно пріятно чувствовать себя артистомъ, художникомъ, и онъ смотрѣлъ на окружающее глубокимъ, расширеннымъ взоромъ, и все время ему чудилось, что въ шумѣ толпы, звукахъ оркестра, въ пестротѣ ресторанной обстановки, въ отраженномъ зеркалами блескѣ электрическихъ огней онъ улавливаетъ особый, значительный и сокровенный смыслъ, никому не доступный, кромѣ него. Это связывало его какой-то интимной нитью и съ беллетристомъ Ариничевымъ, и съ двумя модными фельетонистами, и съ философомъ Данчичемъ, и ему хотѣлось крикнуть имъ что-нибудь фамильярное, расцѣловаться съ ними, выпить на брудершафтъ. Но больше всего хотѣлось смотрѣть и слушать, и одновременно съ поразительной отчетливостью онъ видѣлъ десятка полтора лицъ и слышалъ нѣсколько рѣчей, раздававшихся въ разныхъ концахъ стола.

Помощникъ присяжнаго повѣреннаго Альбертъ, съ бритымъ лицомъ и англійскимъ проборомъ черезъ всю голову, кокетливо поджималъ губы, растягивалъ слова, дѣлалъ неожиданныя паузы, неожиданно снималъ и надѣвалъ пенснэ, и это у него выходило изящно и граціозно, какъ у женщины. И все время онъ юмористически скашивалъ глаза на сосѣдній столикъ, за которымъ сидѣло четверо бородатыхъ людей въ форменныхъ министерскихъ сюртукахъ.

— Жизнь можетъ быть прекрасной только тогда,—говорилъ Альбертъ,—когда нѣтъ ни учителей, ни учениковъ, вѣрнѣе, есть только одни ученики, и, притомъ, каждый учится у самого себя, у влеченій своего ума и своего тѣла. Если бы совсѣмъ исчезли такъ называемые педагоги, то міръ выросъ и расцвѣлъ бы въ нѣсколько лѣтъ. Остались бы одни

безсмертные учители, запечатлѣвшіе свой геній въ кускахъ мрамора и въ холстахъ, въ портикахъ и колоннадахъ, въ трагедіяхъ и сонетахъ, въ математическихъ формулахъ и псалмахъ. Люди учились бы на ходу въ театрахъ, музеяхъ, цвѣтущихъ паркахъ, на улицахъ и площадяхъ, а всѣхъ этихъ господъ педагоговъ съ лошадиными физіономіями успѣшно могли бы замѣнить граммофоны и волшебные фонари. Жизнь должна быть сплошнымъ праздникомъ ума и тѣла, — продолжалъ онъ, постепенно возвышая голосъ и чокаясь съ двумя молодыми женщинами, сидящими отъ него по бокамъ,—я вѣрю, что черезъ тысячу лѣтъ жизнь каждую минуту будетъ красивой, неожиданной, безстыдно-смѣлой, и я пью за будущій великій праздникъ человѣчества на землѣ.

— Ерунда,—кричалъ въ другомъ концѣ стола молодой фельетонистъ Русановъ, размахивая руками и выпячивая впередъ губы, отчего слышалось: „юрунда".—Юрунда!— повторилъ онъ нѣсколько разъ, наскакивая на неунывающаго волосатаго земца Брукса.—Есть геніальные, талантливые, сумасшедшіе, самоотверженные, храбрые люди, какіе хочешь, но честныхъ людей нѣтъ. Юрунда. И я тебѣ скажу—почему. Честныхъ людей нѣтъ потому, что нѣтъ людей искреннихъ. Ибо честность есть не что иное, какъ искренность.

— Ну, это ты, приблизительно, опять по части афоризмовъ,—смѣялся Бруксъ,—впрочемъ, хорошо, а, приблизительно, Христосъ?

— А ты заглядывалъ въ душу Христу?

— Помилуй Богъ, что ты проповѣдуешь, — говорилъ Бруксъ притворно-протестующимъ тономъ,—религія, приблизительно, и есть искренность, потому что она стремится къ единому источнику, къ Богу. Богъ-то вѣдь, приблизительно, одинъ.

— Какъ разъ наоборотъ,—спокойно передразнивая его, возражалъ Русановъ,—человѣкъ, приблизительно, одинъ, а боговъ великое множество.

Сидѣвшій рядомъ съ Кедровымъ знаменитый беллетристъ въ черной суконной блузѣ смотрѣлъ холодными сѣрыми глазами на своего визави, секретаря радикальной газеты, и небрежно покрикивалъ на него черезъ столъ:

— Эй вы, послушайте, когда вамъ дадутъ свободу, что вы будете дѣлать?

— Я васъ не совсѣмъ понимаю.

— Ну, напримѣръ, дадутъ вамъ полную свободу печати, что вы будете писать?

— Я буду обличать порокъ, несправедливость, злоупотребленія, мало ли что тамъ...

— Ха! а вы знаете, что такое порокъ?

И Альбертъ, и Русановъ, и беллетристъ Ариничевъ старались говорить такъ, чтобы ихъ слышали всѣ, и въ представленіи Кедрова ихъ рѣчи сливались въ общій великолѣпный концертъ, въ которомъ онъ боялся пропустить какую-нибудь ноту. И только мужъ Леды, Данчичъ, говорилъ самъ съ собой, ни къ кому не обращаясь, не ожидая ни возраженій, ни репликъ, и его безконечная рѣчь въ узкомъ концѣ стола звучала, какъ монотонный аккомпаниментъ:

— Порока не существуетъ, людей не существуетъ, жизни не существуетъ. Прошлаго нѣтъ, потому что его нѣтъ, будущаго нѣтъ, потому что оно не наступило, а настоящее — фикція, безконечно малая величина, посредствомъ которой будущее переливается въ прошедшее. Что же даетъ человѣку ощущеніе жизни? Только одно: память о прошломъ. Что же въ такомъ случаѣ смерть? Отсутствіе памяти о прошломъ. Смерти бояться не нужно. Подобно тому, какъ люди, не испытывая ни малѣйшаго страха, забываютъ безслѣдно цѣлыя страницы книгъ, химическія формулы, иностранные языки, случайно промелькнувшія передъ глазами лица,—они не должны бояться умирать. Ибо смерть есть такое состояніе, когда человѣкъ взялъ и рѣшительно все перезабылъ...

II.

Оттого, что кругомъ сидѣли люди, говорившіе убѣжденными, смѣлыми голосами, одинаково вѣрилось и въ красоту жизни, и въ великій праздникъ будущаго человѣчества на землѣ, и въ то, что честность есть не что иное, какъ искренность, а также въ то, что въ дѣйствительности не существуетъ ни искренности, ни человѣчества, ни самой жизни. Существуетъ ли на свѣтѣ Кедровъ, и не являются ли ошибкой его памяти эти удивительные, лиловые, сіяющіе противъ него глаза, эта гибкая шея и тяжелая, падающая на спину прическа? И если жизнь въ самомъ дѣлѣ миражъ, фикція, безконечно малая, неуловимая величина, то зачѣмъ же тогда работать, строить желѣзныя дороги, бродить по колѣно въ болотахъ, а главное бояться такихъ глупыхъ вещей, какъ религія, нравственность, право, и каждую минуту оглядываться назадъ?

Психіатръ Гемба уже цѣлыхъ полчаса развивалъ передъ Ледой сложную психопатологическую параллель между ти-

пами „Братьевъ Карамазовыхъ“ и „Идіота“, а молодая женщина, скучая, вырѣзала маленькимъ ножичкомъ узоры изъ апельсинной корки.

— Послушайте, Достоевскій,—неожиданно сказала она,— пойдите въ тотъ конецъ къ студенту Володѣ и передайте ему, что вы мнѣ ужасно надоѣли, и что я прошу его пересѣсть на ваше мѣсто сюда.

Докторъ точно проснулся, съ недоумѣніемъ погладилъ свою гофрированную бороду и пошелъ. И черезъ минуту, сквозь изступленно-страстную музыку неаполитанцевъ, Кедровъ услышалъ, какъ Леда заговорила съ Володей Шубинскимъ, приблизивъ къ нему лицо:

— Это очень хорошо, Володя, что вы ничего не пьете, душитесь дорогими духами, носите красиво сшитое платье, и что у васъ нѣжный дѣвичій подбородокъ. Вѣроятно, и тѣло у васъ бѣлое и нѣжное, какъ у дѣвушки... Только отчего вы такой молчаливый, робкій?.. Никогда ничего не нужно стыдиться въ молодости. Извольте сейчасъ же сдѣлать безстыдные глаза. Ну? Смотрите на меня прямо. Ну, вотъ, теперь хорошо, и даже, пожалуй, слишкомъ. Капитонъ,—продолжала она, обращаясь къ мужу,—послушай, Капитонъ, Данчичъ, скажи Володѣ, что ты разрѣшаешь ему ухаживать за мной, сколько угодно.

Попрежнему Кедрову было весело, какъ во снѣ, и, чувствуя себя еще больше влюбленнымъ въ Леду, завидуя и не завидуя Володѣ, онъ съ жгучимъ любопытствомъ вслушивался въ ихъ разговоръ. А Данчичъ сидѣлъ, какъ глухой, смотрѣлъ въ стаканъ съ краснымъ виномъ, стоявшій у самаго кончика его желтой узенькой бороды, и, ни къ кому не обращаясь, твердилъ:

— Все понятно, — жизнь понятна, безконечность понятна, природа понятна, и загадоченъ только самъ человѣкъ. Господамъ беллетристамъ, историкамъ и психіатрамъ слѣдовало бы помнить, что съ Рождества Христова и до сегодняшняго вечера ими рѣшительно ничего не прибавлено новаго къ тому, что называется психологіей человѣка. Разрабатывали на всѣ лады психологію большихъ и малыхъ поступковъ и неуклонно направляли жизнь путемъ суженій, ограниченій и запрещеній. И въ концѣ концовъ уперли человѣчество въ плоскую желѣзную дверь. Отбросьте исторію, забудьте привычку, забудьте проклятое „общее благо“ и вернитесь къ человѣку. Вся разгадка—въ тайникахъ моей или твоей души. Не нужно множества людей, не нужно толпы, а нуженъ только одинъ сидящій въ темной комнатѣ человѣкъ.

— Перестаньте, Володя,—между тѣмъ говорила Леда,—

вы напрасно повѣрили, что за мной нужно ухаживать. Знайте, что народился новый типъ женщины—Донъ-Жуана, и передъ вами представительница этого типа. Для меня не существуетъ разницы между тѣми, про которыхъ говорятъ: „она отдалась ему беззавѣтно", и торгующими собой. Женщина должна, наконецъ, добиться одинаковаго съ мужчиной права искать, завоевывать, брать, а не уступать такъ называемымъ мольбамъ. И близко время, когда мы, женщины, крутя воображаемый усъ, будемъ свободно расхаживать вѣ толпѣ, а стыдливые юноши, подобные вамъ, Володя, будутъ кокетничать, краснѣть, говорить томными голосами. Какъ это будетъ забавно! Ха-ха-ха!..

— Вотъ, напримѣръ, нашъ милый меценатъ,—сказала она, вдругъ поворачиваясь къ Кедрову, — цѣлый вечеръ смотритъ на меня влюбленными глазами и воображаетъ, что это страшно оригинально и прямо въ цѣль. Старо, голубчикъ, старо... Если бы у васъ было не это круглое обвѣтренное лицо и не этотъ нестерпимо-счастливый видъ, то, можетъ быть, вы бы сидѣли рядомъ со мной. А теперь мѣсто занято Володей.

Леда смѣялась, драла Володю за уши, щипала ему подбородокъ, и, къ своему удивленію, Кедровъ не испытывалъ ни ревности, ни досады. То, что говорила и дѣлала Леда, доставляло ему странное удовольствіе, было смѣло, оригинально, красиво со стороны. И онъ съ радостью думалъ о томъ, что завтра же онъ накупитъ книгъ, картинъ, устроитъ у себя артистическую обстановку, и всѣ эти новые, истинно-свободные люди будутъ приходить къ нему, какъ въ свой домъ.

— Дайте еще вина!—крикнулъ онъ проходившему лакею.

Еще минутъ десять пили шампанское, ликеры и кофе, чокались, произносили эффектные тосты, вслушивались въ собственные голоса, а когда потухло электричество и подъ кофейниками стали догорать синіе, туманные, ползающіе огни, вдругъ захотѣлось на воздухъ, и всѣ быстро собрались уходить. Расплачиваясь по счету, Кедровъ видѣлъ, какъ потянулись длинной цѣпью фельетонистъ Русановъ, помощникъ присяжнаго повѣреннаго Альбертъ, беллетристъ Ариничевъ, Леда, другія женщины, актеры, какая у всѣхъ была красивая, изнѣженная походка, — и онъ торопливо бросился догонять.

Русановъ махалъ руками, выпячивалъ губы и, открывая шествіе, кричалъ:

— Россія страна вѣкового, квалифицированнаго рабства, рабства, возведеннаго въ культъ. Въ Россіи все пропитано самодержавіемъ. Самодержавное небо, самодержавныя об-

лака... Послушайте, докторъ,—продолжалъ онъ, оборачиваясь назадъ и разыскивая глазами гофрированную бороду Гембы,—какъ вы думаете, если здоровому организму систематически прививать рабство, то черезъ сколько лѣтъ его можно считать безнадежно отравленнымъ? Напримѣръ, черезъ пятьсотъ, черезъ тысячу лѣтъ?

Психіатръ, помѣшанный на Достоевскомъ, и неунывающій земецъ Бруксъ, плотно обнявшись, спускались съ лѣстницы позади всѣхъ, останавливались на каждой ступенькѣ, и было похоже на то, что у нихъ одно общее туловище и штукъ двѣнадцать спотыкающихся ногъ.

— У Достоевскаго, у Ѳедора Михайловича, — плача восторженными слезами, говорилъ Гемба,—въ „Снѣ смѣшного человѣка" есть одно мѣсто... Нѣтъ, тебѣ, волосатому, этого не понять. Какая тамъ рисуется природа, какія чувства...

III.

Когда одѣлись и вышли изъ подъѣзда цѣлой толпой, Леда, въ узкомъ свѣтло-зеленомъ пальто, въ пушистой мѣховой шляпкѣ, прислонилась къ плечу Володи Шубинскаго и крикнула мужу:

— Капитонъ! Я везу Володю къ себѣ, а ты можешь дѣлать, что угодно.

— Какая трогательная сцена!—сказалъ одинъ изъ актеровъ, выразительно улыбаясь.—Господа, посмотрите: Леда и лебедь.

Актеры паясничали, строили каррикатурныя физіономіи, молодые адвокаты, притворно жестикулируя, продолжали говорить рѣчи, начатыя наверху, женщины смѣялись, и Кедрову не хотѣлось вѣрить, что сейчасъ всѣ разъѣдутся по домамъ. Худой, высокій Данчичъ, опустивъ на грудь свою желтую бородку, одиноко стоялъ въ сторонѣ и монотонно твердилъ:

— Не хочу, не хочу, не нужно жизни, не нужно фонарей, не нужно снѣга. Ничего не хочу видѣть. Дайте мнѣ темную комнату, дайте мнѣ темную комнату... Поѣдемъ ко мнѣ,—внезапно произнесъ онъ, встрѣтившись глазами съ Кедровымъ,—вы мнѣ нравитесь больше другихъ, вы умѣете внимательно слушать и молчать. Это хорошо.

Сидя въ саняхъ рядомъ съ Данчичемъ, вдыхая молодой, наивный запахъ тающаго снѣга, Кедровъ боялся разсмѣяться отъ удовольствія, что все устроилось такъ удачно, какъ трудно было ожидать. Очутиться Богъ знаетъ гдѣ, слышать отвратительные звуки какого-нибудь механическаго

піанино и видѣть раскрашенныхъ, кривляющихся женщинъ было бы оскорбленіемъ художественнаго образа Леды, а теперь онъ увидитъ ее опять и просидитъ съ ней и ея мужемъ до утра.

— Какая чудная погода, какой великолѣпный запахъ!— говорилъ онъ, высоко поднимая голову.—Ахъ, какой великолѣпный запахъ!

— Кедровъ, Кедровъ, — плачущимъ тономъ попросилъ Данчичъ,—вѣдь вы же умѣете молчать.

— Молчу, молчу!—покорно и весело воскликнулъ онъ.

Переѣхали черезъ Дворцовый и Биржевой мостъ, потянулись узенькія улицы съ палисадниками, съ деревянными домами и наступила поэтическая провинціальная тишина. А къ запаху тающаго снѣга прибавился какой-то новый, тонкій ароматъ, напоминающій въ одно и то же время и осень, и весну. Пріѣхали, молча прошли во дворъ, поднялись во второй этажъ и Данчичъ отперъ дверь французскимъ ключомъ. Въ передней горѣла лампа и на вѣшалкѣ виднѣлись свѣтло-зеленое пальто Леды, володина фуражка и шинель. Пахло гіацинтами и туберозой, стояла пріятная оранжерейная духота, и Кедровъ замѣтилъ, что не только въ комнатахъ, но и въ корридорѣ полъ затянутъ разноцвѣтнымъ сукномъ.

Чувствуя сладкое замираніе сердца отъ радости и отъ запаха цвѣтовъ, Кедровъ раздѣвался, смущенно потиралъ руки и говорилъ:

— Ей-Богу, мнѣ просто совѣстно. Вломиться въ четыре часа...

Изъ передней вели двѣ двери, одна—въ столовую, гдѣ на освѣщенномъ висячей лампой столѣ виднѣлись бутылки и высокая ваза съ яблоками и виноградомъ, другая—въ корридоръ, въ глубинѣ котораго свѣтилась полуоткрытая стеклянная дверь и раздавались смѣющіеся голоса.

Кедровъ потиралъ руки и все чего-то ждалъ, а Данчичъ, не глядя на него и не приглашая его за собой, прошелъ въ столовую, налилъ себѣ стаканъ вина и скрылся въ другую открытую дверь.

— Послушайте, что же вы?—раздался уже оттуда знакомый монотонный голосъ.

Въ кабинетѣ было темно, и Кедровъ двинулся куда-то наугадъ.

— Садитесь за столъ, — говорилъ Данчичъ изъ темноты,—лампы не нужно. Для чего лампа? Когда вамъ станетъ скучно и горящій керосинъ покажется вамъ нужнѣе вашихъ мыслей и разговора со мной, то въ столовой, между поломъ и потолкомъ, вы обрѣтете горящій керосинъ. Только

не заглядывайте въ другія комнаты, потому что вы можете помѣшать Ледѣ наслаждаться жизнью. Она такъ же, какъ и вы, думаетъ, что жизнь—далеко не фиктивная величина. Видитъ всю радость въ томъ, что судьба наградила ее красивымъ тѣломъ, и готова любоваться имъ въ зеркало цѣлый день. Устроила себѣ изъ квартиры оранжерею, гдѣ цвѣтутъ цвѣты и она... Слушайте, я хочу съ вами говорить. Думали ли вы, почему человѣкъ всю жизнь живетъ рабомъ, и съ чего нужно начинать освобожденіе человѣчества на землѣ? Нужно освободить мысль. Ибо человѣкъ и мысль—одно. И пока порабощена мысль, человѣкъ—жалкій, презрѣнный рабъ. А знаете ли вы, что поработило мысль? Человѣческое общество—и больше ничего. Нужно уничтожить общество, нужно лишить людей права сближаться между собой или выстроить столько же одиночныхъ тюремъ, сколько людей. Ибо, когда встрѣчаются два человѣка, они уже мелкіе трусы и рабы. Каждый думаетъ про другого: „А что у него въ головѣ?“ Или еще хуже: можно ли, хорошо ли, законно ли?

— Гдѣ Леда, гдѣ Леда?—думалъ Кедровъ, постепенно привыкая къ темнотѣ и уже различая на диванѣ въ углу согнутый, качающійся силуэтъ,—почему она не идетъ сюда? Что сдѣлать, чтобы она пришла? Надъ чѣмъ это она смѣется съ Володей?

— Какое мнѣ дѣло до того, что сейчасъ думаете вы,—продолжалъ Данчичъ,—какое мнѣ, вообще, дѣло до васъ, а вамъ до меня! Надо имѣть мужество быть одинокими, т. е. свободными, всю жизнь. Вѣдь вы не полѣзете за мною въ гробъ, да если бъ и полѣзли, то я посмотрѣлъ бы, какъ это можно умирать вдвоемъ. Знаете ли вы, что такое свободная мысль, или—что одно и то же—свободный человѣкъ? Это мысль, свободная отъ всякихъ знаній, отъ всякихъ привычныхъ путей, отъ всѣхъ этихъ законовъ логики, отъ всякой формы, отъ нелѣпаго стремленія облекаться въ слова... Замѣтьте, люди уже давно думаютъ словами и даже цѣлыми фразами. Думайте безъ словъ. Думайте, думайте, проваливайтесь въ черную, бездонную пропасть. Не нужно ходить и разсуждать: „Вотъ это солнце, а это дерево, а это море, а это другой человѣкъ... Ну-ка, а что тамъ еще дальше, за солнцемъ?“ Нашли и объяснили себѣ четыре предмета и приходятъ въ неистовый восторгъ, а когда разыщутъ и объяснятъ тысячу тысячъ, то успокоятся и скажутъ: „Довольно, все найдено, все объяснено, нѣтъ неизвѣстныхъ предметовъ, законовъ, силъ,—все извѣстно“. Глупые! Что изъ того, что я пересчиталъ всѣ деньги въ своемъ кошелькѣ? Сдѣлался ли я богаче? И когда я не зналъ, сколько у меня

денегъ, развѣ онѣ, эти деньги, не существовали себѣ преспокойно до самаго послѣдняго завалящагося пятака? Я не зналъ, и, несмотря на это, онѣ великолѣпно существовали. И что бы ни пришлось узнавать человѣку, все это уже давнымъ-давно *есть*. Понимаете ли вы весь ужасъ этого „есть?"... Нищіе!.. Звѣздочеты!..

Данчичъ говорилъ, а Кедровъ продолжалъ думать о Ледѣ обыкновенными, простыми, старыми, какъ міръ, словами. Онъ думалъ о томъ, что могло создать союзъ этого заоблачнаго человѣка съ красивой, чувственной, земною Ледой, думалъ, какое у нея тѣло, и какимъ невыносимымъ блаженствомъ было бы цѣловать ея губы и, приникнувъ близко-близко, смотрѣть въ эти необыкновенные лиловые глаза. То, что онъ слышалъ въ ресторанѣ, тѣ шутливыя выходки Леды съ Володей Шубинскимъ, которыя совершенно безкорыстно волновали Кедрова своею оригинальностью и красотой, потухли вмѣстѣ съ электрическими огнями, музыкой неаполитанцевъ, оставивъ по себѣ одинъ опредѣленный, зовущій образъ. Что случилось, куда дѣвалось восхищеніе художника, мечты о новыхъ формахъ жизни, новой искренности, новыхъ чувствахъ? Вотъ сидитъ онъ маленькій, растерявшійся Кедровъ, трусливо прислушивается и ждетъ чего-то, не видя и не рисуя себѣ никакого выхода, ничего не испытывая, кромѣ мелкаго любопытства, зависти и тайныхъ несбыточныхъ надеждъ. Что ему эти благоухающія слова о свободѣ, о мысли, о человѣкѣ, когда онъ не можетъ объяснить себѣ, что дѣлается тамъ, въ глубинѣ квартиры, за полуоткрытой стеклянной дверью, отчего прекратился смѣхъ, что значитъ эта ужасающая тишина, почему такъ спокоенъ Данчичъ...

— Не нужно фактовъ,—слышалась все та же монотонная рѣчь,—не нужно логики, не нужно словъ. Ищите новыхъ путей, страшныхъ путей. Найдите въ мысляхъ своихъ, въ глубинѣ себя темное поле и темную ночь, забудьте жизнь, оставьте позади себя людей, чувства, ваши собственныя тѣла и съ проклятіемъ, очертя голову, устремитесь впередъ... Кедровъ,—внезапно воскликнулъ онъ,—пойдите сюда. Пойдите сюда скорѣй. Чего вы испугались? Дайте мнѣ ваши руки... Вы чувствуете два тѣла—мое и ваше?.. Ага!.. А вы чувствуете двѣ мысли, мою и вашу?.. Вотъ, мы сплели пальцы, и вы различаете себя и меня. А если бы намъ удалось сплести наши мысли, свободныя, безгранично-смѣлыя, если бы великое множество людей, вдругъ освободившись отъ всего, что знаетъ и къ чему привыкло, могло соединиться въ одну грандіозную мысль!

Данчичъ говорилъ, говорилъ, и Кедровъ чувствовалъ

свои руки въ его холодныхъ и цѣпкихъ пальцахъ, слышалъ, какъ стучитъ маятникъ столовыхъ часовъ, задыхался отъ тягучаго, колдовского запаха туберозы, и не замѣтилъ, какъ философъ откинулся на спинку дивана и заснулъ. И только услышавъ его спокойное сонное дыханіе, Кедровъ тихонько высвободилъ руки и всталъ. Все кружилось, кружились мысли, но почему-то уже не было ни безпокойства, ни ревности, ни любопытства. Онъ стоялъ посреди комнаты, и ему казалось, что жизнь съ невѣроятной быстротой уходитъ отъ него впередъ, что кругомъ рушатся стѣны, гудятъ колокола и слышится побѣдный, торжествующій смѣхъ. А у него нехватаетъ смѣлости побѣжать вдогонку, въ его душѣ нѣтъ смѣха, нѣтъ вдохновенія, нѣтъ торжествующихъ словъ, и его нескладное, загрубѣвшее въ изысканіяхъ и постройкахъ тѣло не способно ни на какія чувства, кромѣ первобытной жажды обладанія, животной страсти... Опять смѣются Володя Шубинскій и Леда... Почему не на немъ, Кедровѣ, остановился ея выборъ? Потому что у него „круглое обвѣтренное лицо и нестерпимо-счастливый видъ?“.. Ахъ, какая ужасная духота, какъ мучительно пахнетъ цвѣтами! Что дѣлать? Куда бѣжать? Какъ страшно выйти изъ темноты.

IV.

Закрывъ лицо руками, онъ стоялъ все на томъ же мѣстѣ, боялся пошевелиться и ждалъ. Звонко стукнула дверь. Володя Шубинскій и Леда шли по корридору, и слышались ихъ голоса.

— Вы никогда къ намъ больше не придете, Володя,— говорила Леда,—я никогда васъ не позову... А, можетъ быть, позову завтра. Что это? Вы плачете, бѣдный мальчикъ... Ну, одѣвайтесь скорѣе, мнѣ хочется спать. Возьмите яблоко на дорогу. Скорѣй, скорѣй... Интересно знать, чье это пальто? Кого съ собой привезъ Капитонъ?.. Подождите. Цѣлуйте... Довольно. Думайте, что это вашъ послѣдній поцѣлуй.

Щелкнулъ французскій замокъ.

— Капитонъ!—пѣвучимъ голосомъ говорила Леда, идя черезъ столовую въ кабинетъ.—Почему вы сидите безъ огня?

Кедровъ кашлянулъ и переступилъ порогъ. И вдругъ что-то съ силой толкнуло его въ сердце, на минуту ослѣпило глаза, и онъ едва не лишился чувствъ. Онъ увидѣлъ Леду совершенно голую, увидѣлъ тѣло поразительной чистоты линій и бѣлизны, въ однѣхъ золоченыхъ туфляхъ на

высокихъ каблукахъ, увидѣлъ гордо поднятую прекрасную голову съ тяжелой, падающей на спину прической. Блеснулъ тонкій браслетъ на одной рукѣ у плеча, блеснули большіе, ясные и гордые глаза.

— А, это вы, меценатъ,—спокойно говорила она, останавливаясь и выбирая въ вазочкѣ виноградъ, — Данчичъ, навѣрное, заснулъ, что же вы не уходите домой?.. Боже мой, какъ вы ошеломлены! Развѣ васъ не предупреждалъ Капитонъ, почему у насъ такая жара? Представьте себѣ, какой ужасъ,—я осмѣливаюсь ходить у себя дома такъ, какъ мнѣ нравится. Я влюблена въ свое тѣло и позволяю на него смотрѣть другимъ. Боже, какая я преступница!.. Сейчасъ вы уйдете домой, но на одну минуту вамъ разрѣшается присѣсть и выпить глотокъ вина.

Любуясь собой, она медленно прошлась по комнатѣ мимо широкаго, задрапированнаго плюшемъ трюмо.

— Жизнь должна быть красивой, Кедровъ, и въ томъ, что я дѣлаю, нѣтъ положительно ничего оригинальнаго и смѣлаго. Забудьте о томъ, что сегодня весь вечеръ вы слышали звонкія, эффектныя слова, попробуйте быть просто искреннимъ и спросите себя, можетъ ли женщина съ прекраснымъ молодымъ тѣломъ, не стыдясь, не преслѣдуя грязныхъ цѣлей, появляться обнаженная въ толпѣ? Конечно, можетъ, и даже смѣшно говорить, какъ это старо и просто. Однако, всѣ признаютъ, и никто не дѣлаетъ. Запрятали тѣло въ полотняные, шелковые мѣшки, опошлили его альковомъ, сдѣлали предметомъ запретнаго, низменнаго любопытства. А потомъ умираютъ отъ испуга при видѣ женщины, объявившей войну мѣщанамъ и ханжамъ. Почему вы все молчите, Кедровъ? Будьте же, наконецъ, свободны. Не отводите глазъ.

Кедровъ опомнился, шагнулъ впередъ и молитвенно протянулъ руки.

— Я сейчасъ сойду съ ума, — произнесъ онъ дрожащимъ голосомъ, — вы—богиня... Простите мнѣ избитыя, пошлыя слова. Я глубоко уважаю васъ, и если я потрясенъ, то одной неожиданностью... Благодарю васъ,—сказалъ онъ, беря изъ рукъ Леды стаканъ вина,—извините, я больше не могу стоять.

Онъ сѣлъ на стулъ, а она,—поодаль отъ него, на край стола. Было тепло, ярко горѣла лампа, пахло гіацинтами и туберозой, и Кедрову показалось, что теплота и свѣтъ, и усыпляющій, безумный ароматъ исходятъ отъ одного источника—прекраснаго тѣла Леды. И у него уже умерла память и больше не нашлось словъ.

Между тѣмъ Леда положила себѣ на колѣни вѣтку ви-

нограда, отрывала его по ягодкѣ и говорила громкимъ, поющимъ голосомъ:

— Добрый, скучный Данчичъ прочелъ вамъ лекцію о величіи мысли, объ освобожденіи ея изъ плѣна логики и знаній и заснулъ. Умный, искренній, безтѣлесный, обожаемый мною Данчичъ разъ навсегда позабылъ о томъ, что на свѣтѣ два прекрасныхъ человѣка и двѣ прекрасныхъ свободы. Человѣкъ—мысль и человѣкъ—тѣло. И какъ уродовалась мысль, прогоняемая сквозь строй запретовъ и перегородокъ, такъ уродовалось и огаживалось тысячелѣтіями тѣло. Я презираю вашу отвратительную комнатную любовь съ ея приспущенными фитилями лампъ, презираю вашъ узаконенный прозаическій развратъ съ его такъ называемыми медовыми мѣсяцами и первыми ночами, презираю опоганенныя уличныя слова „любовница" и „любовникъ". И какъ вамъ, мѣщанамъ съ надутыми лицами, стыдно видѣть вашихъ голыхъ женъ и дочерей, такъ мнѣ стыдно при одной мысли, чтобы я позволила когда-нибудь умолять себя о поцѣлуяхъ, позволила бы дрожащими руками раздѣвать себя... Вижу по вашимъ глазамъ, что вы сейчасъ подумали о Володѣ. Володя—милый, чистый, неиспорченный мальчикъ. Володя—мигъ. Онъ плакалъ отъ восторга, цѣлуя мои колѣни. Это были случайныя прикосновенія цвѣтка. И, конечно, онъ не могъ быть моимъ любовникомъ и никогда не будетъ. И никто изъ васъ, трусливыхъ, комнатныхъ людей,—ни онъ, ни вы, ни Данчичъ. Потому что самый умный и самый глупый изъ васъ одинаково пошлы съ первыхъ шаговъ. И всѣ вы любите одинъ *процессъ* раздѣванія, а не любовь. Отсюда—и стыдъ, и мѣщанское лицемѣріе, и ханжество. Помните, Кедровъ, что только мужчина будетъ виноватъ въ томъ, что на землѣ навѣки умретъ любовь, что она выродится въ мелкое уличное любопытство и перестанетъ быть великой тайной и великимъ культомъ. Ну, меценатъ, давайте чокнемся за великій культъ и за моего будущаго... сообщника за новаго, мудраго и свободнаго человѣка. А теперь вамъ нужно отправляться домой. Пожалуйста, хорошенько захлопните за собою дверь.

Леда спрыгнула на полъ, лѣниво потянулась, и Кедровъ снова увидѣлъ ее всю, съ головы до ногъ, голую, ослѣпительную, недоступную, какъ мечту.

— Не уходите, побудьте еще минуту,—сказалъ онъ въ страшномъ смятеніи, боясь, что съ ея уходомъ навсегда померкнетъ его жизнь.

— Мнѣ скучно,—просто сказала Леда и посмотрѣла на него добрымъ, ласковымъ взоромъ,—развѣ вамъ можетъ быть пріятно, если я останусь для васъ, а не для себя?

Не дожидаясь его отвѣта, она повернулась и пошла, осторожно, какъ по льду, ступая на высокихъ золотыхъ каблукахъ. О, если бы Кедровъ могъ силой охватившей его смертельной тоски превратить свое нескладное загрубѣвшее тѣло въ стройное тѣло юноши, если бы его умъ не былъ отравленъ ненужными, лживыми словами, если бы у него могъ родиться могучій, искренній голосъ, онъ нашелъ бы одно коротенькое слово, способное вернуть ее назадъ!

Но у него не было искренняго голоса, не было мудрыхъ словъ, не было даже смѣлости унизить себя до конца, броситься на полъ, рыдать отъ горя, ползать на колѣняхъ и цѣловать слѣды ея ногъ.

Соціалистъ-утопистъ въ оцѣнкѣ современниковъ.

I.

Будущій историкъ современнаго освободительнаго движенія не сможетъ обойти молчаніемъ связи новѣйшихъ событій съ юридической ликвидаціей крѣпостного права помѣщика надъ личностью крестьянина. Это—одинъ неразрывный процессъ, совершавшійся различнымъ темпомъ въ разное время. Но темпъ, какъ говорятъ, дѣлаетъ музыку, и для членовъ общественнаго организма далеко не безразлично, какимъ темпомъ бьется пульсъ освободительнаго движенія. Въ зависимости отъ характера момента находится та форма, въ какой личность вообще—и личность, стоящая въ центрѣ освободительнаго движенія, въ частности, — реагируетъ на запросы жизни.

Я обращаю вниманіе читателя на одну черту, общую нашему времени и началу такъ называемой „эпохи великихъ реформъ". Въ обоихъ случаяхъ теоретическая мысль, работавшая надъ обоснованіемъ общихъ принциповъ, была призвана оставить уютную келью безмятежнаго ученаго, чтобы ринуться въ сутолоку повседневной жизни и подвергнуться провѣркѣ на дѣлѣ. И передъ носителями теоретической мысли въ обоихъ случаяхъ предстала трудная задача: не остаться въ сторонѣ отъ жизни и въ то же время не растерять основныхъ принциповъ, увлекшись „осязательными результатами" непосредственнаго успѣха. Съ этой точки зрѣнія представляетъ животрепещущій интересъ вопросъ о томъ, какъ соціалисты-утописты второй половины XIX вѣка встрѣтили неизбѣжную провѣрку своихъ принциповъ, насколько сумѣли они удержаться на принципіальной высотѣ теоретическихъ выводовъ,—какъ они падали и какъ подымались. То, что въ наши дни извѣстно вообще подъ именемъ оппортунизма, называлось въ то время преимущественно компромиссомъ,—и вопросъ объ отношеніи между идеаломъ и компромиссомъ былъ тогда такимъ же больнымъ и жгучимъ вопросомъ, какимъ въ наши дни является

отношеніе между принципіально-выдержанной и оппортунистической тактикой.

Накануне российской „эпохи великихъ реформъ“, конечно, не могло быть речи о сколько-нибудь широкомъ проникновеніи россійскихъ деятелей идеями научнаго соціализма. Вспомнимъ, что и на Западе идеи марксизма еще только прокладывали себе первыя тропинки въ умы пролетаріата. А въ Россіи пролетаріатъ молчалъ. Что же касается передовыхъ деятелей теоретической мысли изъ другихъ классовъ, то они, правда, пережили и гегелевскую философію, и своеобразныя попытки „поставить на ноги“ идеалистическую философію Гегеля, и многое другое, что явилось исторической предпосылкой идей научнаго соціализма; но не нужно забывать, что не борьба пролетаріата противъ буржуазной эксплоатаціи, а борьба буржуазно-гражданскаго общества противъ путъ крепостничества являлась соціологической предпосылкой, определившей міровоззреніе нашихъ соціалистовъ-утопистовъ.

Къ сожаленію, самый крупный изъ русскихъ соціалистовъ того времени, Н. Г. Чернышевскій, палъ слишкомъ рано отъ руки мундирныхъ черносотенцевъ, не остановившихся въ свое время предъ судебнымъ подлогомъ, какъ въ наше время они не останавливаются передъ подлогомъ якобы „общественныхъ“ взрывовъ религіозной и племенной ненависти. Изъ другихъ соціалистовъ эпохи крупнейшей величиной, по продолжительности вліянія и по богатству литературнаго наследства, является Салтыковъ-Щедринъ.

Воспитанный въ идеяхъ, которыми мучились и предъ которыми преклонялись такъ называемые „люди сороковыхъ годовъ“, Щедринъ съ самаго начала страдалъ отъ сознанія оторванности передовыхъ идей отъ міра реальной жизни. На своемъ образномъ языке Щедринъ такъ определяетъ положеніе „людей сороковыхъ годовъ“. Они вели две жизни рядомъ. „Въ первой области—вопросъ о томъ, позади ли нужно искать золотого века или впереди; во второй—вопросъ объ устройстве золотыхъ вековъ при помощи губернскихъ управленій и управъ благочинія, на точномъ основаніи изданныхъ на сей предметъ узаконеній“. Понятно, что первый проблескъ эпохи реформъ сильнее всего ударилъ Щедрина именно по этому больному месту: нашъ соціалистъ-утопистъ не могъ не кинуться съ головой въ сутолоку просыпающейся жизни.

Известно, что на манифестъ 19-го февраля Герценъ ответилъ обращеніемъ къ Александру II: „Ты победилъ, Галилеянинъ!“ Немудрено, что и менее Герцена искушенный Щедринъ на моментъ какъ бы потерялъ способность надлежащей оценки явленій русской политической жизни. Реформа 19-го февраля представилась ему актомъ великодушія: „Теперь все это (крепостное право) какой-то тяжкій и страшный кошмаръ; это кошмаръ, отъ котораго

освободило Россію прекрасное, великодушное слово царя-освободителя... Да, оно одно! Ибо кто же можетъ ручаться, не лизалъ ли бы безъ этого слова Сенька горячую печку и до сей минуты? Не ходила ли бы дѣвка Ольга Никандрова и до сей поры стриженая и оплеванная гостями своей барыни? Гдѣ гарантія противнаго?.. Кто же можетъ утверждать, что такому порядку вещей не суждено было продлиться и еще на многія лѣта, если бы сильная воля не вызвала насъ изъ тьмы кроваваго добродушія и бездны ехидной веселости?" („Невинные разсказы").

Если источникомъ обновленія является „сильная воля", то проводниками его, естественно, должны оказаться чиновники, добросовѣстно являющіеся орудіями „сильной воли". И Щедринъ дѣлаетъ попытку изобразить положительный типъ въ лицѣ чиновника Ник. Ив. Шалимова. Губернскіе аристократы,—эти рабы лукавые,—не любили Шалимова: „Человѣкъ этотъ, будучи поставленъ природою въ равныя къ намъ отношенія, постоянно проявлялъ наклонности странныя и даже подлыя. Дружелюбный съ низшимъ сортомъ людей, онъ былъ самонадѣянъ и даже заносчивъ съ равными и высшими" и т. д. Шалимовъ въ глазахъ глуповца—принципъ, подрывающій основы его внутренней жизни. Массы къ нему равнодушны. А между тѣмъ онъ все-таки сила благодаря тому, что и въ Глуповѣ порой дуютъ вѣтры, приходящіе изъ Умнова.

Опираясь на вѣтры („вѣянія"), дующіе изъ Умнова, Шалимовъ долженъ былъ, по мнѣнію автора, не якшаться съ глуповцами, покончить съ Глуповымъ и дѣлать свое дѣло, идти своею дорогою: „Стань въ сторонѣ отъ Глупова и вѣрь, что грязь его не забрызжетъ тебя!"

Современная критика тотчасъ подмѣтила въ Щедринѣ эту фальшивую ноту. Принято съ сплошнымъ отрицаніемъ относиться къ извѣстной статьѣ Писарева „Цвѣты невиннаго юмора". Статья дѣйствительно курьезна во многихъ отношеніяхъ. Но основная мысль ея вѣрна.

„Въ концѣ пятидесятыхъ годовъ,—негодуетъ Писаревъ,—Щедринъ своимъ отрицаніемъ сооружаетъ фигуру идеальнаго чиновника Надимова; но по свойственной ему осторожности, авторъ „Губернскихъ Очерковъ" не произнесъ въ этомъ направленіи послѣдняго слова; это слово, какъ извѣстно, было произнесено графомъ Соллогубомъ..."

Впослѣдствіи Щедринъ съ грустью вспоминалъ объ этомъ непродолжительномъ періодѣ своего увлеченія великодушіемъ сильной воли. Въ разсказѣ „Имярекъ" онъ жалуется на медленность своего развитія. Попавъ въ провинцію, Имярекъ подпалъ вліянію мелочей. Вмѣсто служенія идеаламъ, явилось служеніе долгу и буквѣ закона. Имярекъ не замѣчалъ, что дѣло сводилось къ личностямъ; порядокъ вещей ускользалъ изъ вида.

Быстро таяло обаяніе великодушія сильной воли, и Щедринъ ищетъ опоры въ другомъ мѣстѣ...

По характеру своего дарованія, какъ художникъ-публицистъ, Щедринъ постоянно отзывался на злобу дня, рисовалъ типы, выступавшіе на общественную авансцену, и въ то же время давалъ оцѣнку описываемыхъ явленій. Въ изображеніи этихъ послѣднихъ можно искать матеріаловъ для исторіи русскаго общества, а ихъ оцѣнка Щедринымъ даетъ драгоцѣнный матеріалъ для анализа міросозерцанія автора вообще и для полученія отвѣта на вопросъ о томъ, какъ возможно безъ компромисса, не оппортунистически, реагировать на повседневныя явленія жизни.

Но, можетъ быть, самъ Щедринъ на дѣлѣ былъ именно человѣкомъ компромисса? Можетъ быть, отмѣченный выше періодъ принципіальной невыдержанности не былъ единственнымъ въ его жизни?

Косвеннымъ отвѣтомъ на эти вопросы можетъ служить одно замѣчательное явленіе: Щедринъ удивительно точно предвидѣлъ событія,—предвидѣлъ такъ, какъ никто изъ его современниковъ. Въ 1872 году онъ такъ изображаетъ Россію 1897 года:

„Европа давно ужъ измѣнила лицо свое; одни мы, русскіе, остаемся попрежнему незыблемы, счастливы и непреоборимы. Въ Европѣ вслѣдствіе безначалія давно ѣсть нечего, а у насъ попрежнему всего въ изобиліи. Идя постепенно, мы дожили до того, что даже Верхотурье увидѣло гласный судъ. Исправники не называются больше исправниками, а носятъ титулъ „излюбленныхъ губернаторами людей“. Вредный административный антагонизмъ исчезъ совершенно. Земскія управы, изнемогши въ борьбѣ съ мостами и перевозами, оставили за собой лишь статистику, но зато довели эту науку до совершенства. Городскіе головы оставили за собой одну спеціальность: угощать по воскресеньямъ излюбленныхъ губернаторами людей пирогами. Независимость суда была счастливымъ образомъ уравновѣшена перспективой повышеній и наградъ. Воровать и грабить воспрещено строго-на-строго. Гражданскіе процессы прекратились. Паспортовъ нѣтъ: на мѣсто ихъ введены маленькія-маленькія карточки. Пастухи склоняютъ mensa. Раздѣленія на военныхъ и статскихъ не существуетъ: всѣ одновременно и статскіе, и военные. Подати всѣ платятъ, и притомъ съ удовольствіемъ, и притомъ противъ прежняго втрое. Политическія и литературныя партіи исчезли. По смерти Пьера мы успѣли посадить на президентскомъ креслѣ Петра Толстолобова...“

Это предсказаніе сдѣлано въ „Дневникѣ Провинціала“, гдѣ авторъ дѣлаетъ смотръ составнымъ частямъ нашего „общества“, приходитъ къ безнадежнымъ выводамъ относительно его способности

бороться за новыя формы жизни. Какъ извѣстно, почти одновременно Глѣбъ Успенскій, сотрудникъ Щедрина по журналу, началъ свой глубокій анализъ основъ крестьянской жизни и міровоззрѣнія мелкаго производителя, — и пришелъ къ тѣмъ же безотраднымъ выводамъ. Методъ анализа общественныхъ силъ привелъ Щедрина къ выводамъ — увы!—такъ рѣзко противорѣчившимъ розовымъ мечтамъ идеалистической молодежи семидесятыхъ годовъ! Вѣрность предсказанія, включительно до Петра Толстолобова на президентскомъ креслѣ (въ 90-хъ годахъ президентомъ былъ Феликсъ Форъ, украшавшій орденомъ Почетнаго Легіона директора департамента полиціи Дурново за успѣшный сыскъ въ Парижѣ)—эта вѣрность оцѣнки общественныхъ силъ служитъ лучшимъ доказательствомъ того, что оцѣнка стояла выше всякихъ временныхъ оппортунистическихъ соображеній.

Разочаровавшись въ „сильной волѣ", Щедринъ зналъ, что крѣпостничество будетъ до конца бороться за свое смрадное существованіе,—и онъ рисуетъ картину послѣднихъ моментовъ борьбы, картину нашихъ дней:

> „Ему какъ бы въ видѣніи представилось, что уже не было ни судовъ, ни палатъ, ни присутствій,—словомъ сказать ничего, чѣмъ красна современная русская жизнь. Была пустыня, въ которой рѣяли децентрализованные квартальные надзиратели изъ знающихъ обстоятельства помѣщиковъ. Бьютъ, испытываютъ и ссылаютъ, потомъ наскоро подкрѣпляютъ силы холодными закусками и водкой, и опять бьютъ, испытываютъ и ссылаютъ..."

Если человѣкъ пришелъ къ такому пониманію соотношенія наличныхъ общественныхъ силъ, то ему остается на выборъ—или сократить свои требованія до минимума, дѣйствовать „примѣнительно къ подлости", или смѣло, не поступаясь ни на іоту, держать знамя своихъ принциповъ. Щедринъ выбралъ второй путь. Въ то же время онъ все тревожнѣе, все болѣзненнѣе ищетъ своего читателя „не изъ команды слабосильныхъ", который готовъ былъ бы принять дорогое знамя изъ слабѣющихъ рукъ. Нашелъ ли онъ своего читателя? Сумѣла ли современная критика понять тѣ принципы, съ высоты которыхъ Щедринъ оцѣнивалъ мелочи безыдейной жизни въ рамкахъ крѣпостного строя, потерявшаго объективное оправданіе своего существованія?

На послѣдній вопросъ приходится въ общемъ отвѣтить отрицательно, хотя сочиненія Щедрина пользовались громаднымъ успѣхомъ.

II.

Книга Щедрина „Губернскіе Очерки" составитъ эпоху въ русской литературѣ,—писалъ въ 1857 году одинъ изъ литературныхъ обозрѣвателей. Этотъ и подобные ему отзывы поддержи-

ваются цѣлымъ хоромъ современниковъ. Критики находятъ въ Щедринѣ знаніе дѣла и пониманіе быта, имъ изображаемаго; они хвалятъ его за вѣрность изображенія всей гнусности взяточничества, за мѣткую наблюдательность, съ которою онъ вскрываетъ язвы общественной жизни,—неправду и взяточничество. Задачу Щедрина видятъ въ томъ, чтобы поднести на судъ публики обвинительный актъ прошлаго времени. Важно то, что въ „Губернскихъ Очеркахъ“ является чуть ли не въ первый разъ попытка разоблачить закулисную сторону нашей администраціи,—говоритъ авторъ одной изъ критическихъ статей. Щедрина называютъ главою новой школы „судебной литературы“. Въ числѣ обличителей Щедрину отводится первое мѣсто (А. Пятковскій). Щедринъ извѣстенъ, какъ писатель-беллетристъ, посвятившій себя преимущественно объясненію явленій и вопросовъ общественнаго быта,—говоритъ Анненковъ въ 1863 году.

Щедринъ, какъ бытописатель и обличитель, въ первый періодъ своей дѣятельности совершенно заслоняетъ въ глазахъ читательской массы Щедрина, какъ борца за болѣе или менѣе опредѣленные идеалы. И это не удивительно. Обществу, въ которомъ въ теченіе многихъ лѣтъ печать была совершенно задавлена, прежде всего бросилось, какъ новое, именно яркое изображеніе его собственной физіономіи. Въ то же время и у Щедрина, какъ мы видѣли выше изъ его собственнаго признанія, не было достаточно ясныхъ руководящихъ убѣжденій. Онъ самъ опредѣляетъ смыслъ „Губернскихъ Очерковъ“, какъ обнаруженіе зла и порока.

Но изъ всего этого не слѣдуетъ, что мы, вѣря на слово автору, должны видѣть въ его работѣ только обличительную цѣнность, тѣмъ болѣе, что, опредѣляя свою дѣятельность, какъ обнаруженіе зла и порока, онъ не забываетъ тутъ же рядомъ указать на сочувствіе добру и истинѣ, — на нѣчто положительное, что вытекаетъ изъ его отрицательнаго отношенія къ изображаемымъ явленіямъ.

Уже современники „Губернскихъ Очерковъ“,—Чернышевскій и Добролюбовъ,—нашли въ этой книгѣ болѣе глубокій смыслъ. Анненковъ уже въ отмѣчаемой выше статьѣ констатируетъ, что не что иное, какъ цѣльность воззрѣнія, болѣе всего содѣйствовало значенію произведеній Щедрина. Правда, эта цѣльность воззрѣнія ограничивается, по мнѣнію Анненкова, непреодолимымъ отвращеніемъ къ дореформенному быту: у Щедрина нѣтъ еще опредѣленнаго, законченнаго, установившагося созерцанія, одушевленіе Щедрина „едва ли возможно связать съ какимъ-либо глубоко продуманнымъ политическимъ или соціальнымъ ученіемъ“.

Тутъ для насъ важно не то или иное рѣшеніе послѣдняго вопроса,—важна самая постановка вопроса о связи щедринскаго міровоззрѣнія съ политическими и соціалистическими ученіями. Политическіе противники и въ позднѣйшее время обвиняли Щед-

рина въ безпринципности. Большая часть этихъ обвиненій объяснялась тѣмъ, что къ Щедрину предъявлялось требованіе дать отвѣты на текущіе вопросы въ предѣлахъ признанія этихъ вопросовъ за существенныя основныя задачи русской жизни. На подобныя требованія Щедринъ далъ мѣткій и достаточно опредѣленный отвѣтъ въ характеристикѣ „мундирныхъ реформъ". Какой мундиръ лучше? Находятся люди, которые остаются въ сторонѣ отъ споровъ на эту тему, находя, что „оба лучше". Такой отвѣтъ заключаетъ въ себѣ отрицаніе самаго принципа мундировъ,—и вопросъ о мундирахъ переходитъ на вопросъ объ отрицателяхъ.

Щедринъ имѣлъ право отвѣчать такимъ образомъ на упреки въ мнимой безпринципности, потому что, по существу дѣла, его произведенія въ цѣломъ уже были полнымъ отвѣтомъ на вопросъ объ исповѣдуемыхъ имъ принципахъ. Задача критики, сочувственной Щедрину, въ томъ именно и состояла, чтобы дать дальнѣйшее выясненіе литературной и общественной физіономіи Щедрина. Но такого рода критику Щедринъ, при своей жизни, нашелъ въ самой незначительной дозѣ.

„Губернскіе Очерки" появились въ моментъ, когда Крымская война обнаружила всю гнилость крѣпостныхъ устоевъ. Наряду съ оффиціально-провозглашенной идеей „улучшенія быта помѣщичьихъ крестьянъ" работала болѣе глубокая мысль, исходящая изъ потребностей вновь нарождающихся классовъ и требовавшая болѣе глубокой перестройки общественныхъ отношеній. Въ щедринскихъ „обличеніяхъ" чиновничьей дѣятельности представители названныхъ выше двухъ теченій реформаторской мысли должны были, естественно, найти неодинаковый смыслъ.

Идеологи господствующаго класса, люди мелочныхъ подновленій ветхаго зданія, увидѣли въ „Очеркахъ" только протестъ противъ злоупотребленій властью и отвѣтили тѣмъ, что наводнили литературу грудой мелко-обличительныхъ разсказовъ. Они воображали, что идутъ по стопамъ Щедрина.

Идейные выразители интересовъ вновь нарождающихся классовъ должны были прежде всего поставить вопросъ: во имя чего протестуетъ и обличаетъ Щедринъ? Критики этого лагеря,—или по крайней мѣрѣ болѣе глубокіе изъ нихъ, — тотчасъ замѣтили, что содержаніе „Губернскихъ Очерковъ" не исчерпывается „обличеніями". Они, вѣроятно, нашли, что сводить все значеніе книги къ обличеніямъ, къ раскрытію злоупотребленій, это значитъ играть въ руку людямъ вродѣ критика изъ „Отечественныхъ Записокъ" (1857 года), который увѣрялъ: „По содержанію своему эта книга („Губ. Оч.") принадлежитъ къ тому разряду книгъ, къ которому относятся „Открытія таинства карточной игры" и тому подобныя сочиненія". Болѣе глубокая критика тотчасъ обратила вниманіе на психологическіе и соціальные корни дореформенной мерзости

запустѣнія; она отмѣтила, что рядомъ съ господствующимъ классомъ и въ контрастъ ему въ „Очеркахъ“ выступаютъ на сцену люди угнетеннаго класса или, какъ тогда говорилось, народъ.

Этотъ темный, забитый, такой неэстетическій народъ привлекаетъ къ себѣ всѣ симпатіи Щедрина. Почему? На этотъ вопросъ можно было отвѣчать двояко.

Народъ могъ привлекать къ себѣ Щедрина своими страданіями, своей безысходной нуждой,— авторъ жалѣлъ его, какъ жалѣютъ всякаго слабаго,—и ребенка, будущаго дѣятеля жизни, и умирающаго старика. Элементъ жалѣнія встрѣчается у нашего автора и въ „Губернскихъ Очеркахъ“, и въ болѣе позднихъ произведеніяхъ: это элементъ, ведущій къ созданію интеллигентскаго типа „народолюбца“.

Но критика могла замѣтить въ произведеніяхъ Щедрина и нѣсколько иную тенденцію по отношенію къ народу, — не какъ къ объекту жалѣнія, а какъ къ могучему и здоровому носителю зачатковъ лучшаго будущаго, того самаго будущаго, въ которое вѣрилъ и которому служилъ авторъ. Если такое отношеніе было налицо въ произведеніяхъ Щедрина, то между нимъ и народомъ установлялось, слѣдовательно, внутреннее психологическое единеніе. Писатель въ такомъ случаѣ является уже не лицомъ, жалѣющимъ сверху внизъ бѣдняка, а человѣкомъ, живущимъ интересами бѣдняка или, въ данномъ случаѣ, „народа“, является его идеологомъ. Въ сочиненіяхъ Щедрина можно достаточно найти и элементовъ этого, второго рода, отношенія къ еще недостаточно дифференцировавшемуся въ сознаніи писателя „народу“. Укажу пока одинъ примѣръ. По поводу встрѣчи съ семьей Петруни, сданнаго въ рекруты, авторъ говоритъ:

„Казалось бы, что общаго между мной и этой случайно встрѣченной семьей? Какое тайное звено можетъ соединить насъ другъ съ другомъ? И между тѣмъ я несомнѣнно сознавалъ присутствіе этой связи, я несомнѣнно ощущалъ, что въ сердцѣ моемъ таится невидимая, но горячая струя, которая безъ вѣдома для меня самого пріобщаетъ меня къ первоначальнымъ и вѣчно бьющимъ источникамъ народной жизни“.

Слова эти вызваны горемъ крестьянской семьи,—источникомъ чувства является на первый взглядъ жалость къ чужому горю. Но достаточно вдуматься въ содержаніе рѣчи, чтобы увидѣть въ настроеніи и мысляхъ автора нѣчто большее, чѣмъ жалѣніе.

Если же мы признаемъ, что смыслъ появленія народа въ разсказахъ Щедрина заключается въ чемъ-то большемъ, чѣмъ выраженіе или вызываніе состраданія къ чужому горю, то намъ станетъ болѣе понятной и глубина щедринскаго отрицанія той среды, къ которой онъ самъ принадлежалъ по рожденію и общественному положенію.

Если, далѣе, мы признаемъ, что Щедринъ былъ не народолюбцемъ, а идеологомъ народа и его интересовъ, то нашъ главный интересъ сосредоточится на вопросахъ о томъ, насколько чистымъ идеологомъ того или иного класса былъ нашъ авторъ, что внесъ онъ новаго, какъ борецъ за интересы и идеалы класса или классовъ, выступавшихъ въ пореформенную эпоху на борьбу (сознательную или безсознательную) съ представителями отживающаго класса.

Вопросы эти, поставленные передъ критикою уже „Губернскими Очерками", продолжали ставиться и всѣми позднѣйшими произведеніями Щедрина. Въ теченіе тридцати лѣтъ появлялись почти ежемѣсячно его статьи, по большей части отвѣчавшія животрепещущему интересу современности. И блестящій художественный талантъ автора, и важная роль его персонажей, и злободневность поводовъ къ статьямъ и разсказамъ, — все это вмѣстѣ вело къ тому, что для большинства читателей авторъ какъ бы терялся за объектами его изображенія. Исключительное вниманіе они сосредоточивали на изображаемыхъ явленіяхъ, недостаточно замѣчая тѣ руководящія начала, изъ которыхъ вытекало отрицательное отношеніе автора къ современной дѣйствительности. Въ этомъ источникъ однобокости и,—я бы сказалъ,—крайней легковѣсности большинства критическихъ статей о произведеніяхъ Щедрина. Отсюда же создалось широко распространенное мнѣніе, будто Щедринъ имѣетъ только временное значеніе. Говорятъ о громадномъ вкладѣ, сдѣланномъ Щедринымъ въ исторію пореформеннаго русскаго общества, и отсюда выводятъ, что произведенія Щедрина представляютъ уже или скоро будутъ представлять только интересъ историческаго матеріала.

Въ самомъ дѣлѣ, если значеніе, напримѣръ, „Губернскихъ Очерковъ" ограничивается только обличеніемъ лѣни, пустоты и безчестности дореформеннаго чиновничества, то какой въ нихъ теперь интересъ? Съ реформированіемъ чиновничьяго облика, съ превращеніемъ чиновниковъ въ ретивыхъ исполнителей, довольствующихся узаконенными окладами, „Губернскіе Очерки" должны потонуть въ рѣкѣ забвенія, подобно сотнямъ другихъ обличительныхъ произведеній конца пятидесятыхъ годовъ. Такая же участь должна постигнуть и все остальное щедринское литературное наслѣдіе. А между тѣмъ Щедринъ продолжаетъ читаться, имъ интересуются...

III.

Лучшимъ и типичнѣйшимъ образчикомъ читателя, который въ произведеніяхъ Щедрина за деревьями не видитъ лѣса, является Скабичевскій. Не безызвѣстный въ свое время критикъ и публицистъ тѣмъ болѣе заслуживаетъ нашего вниманія, что онъ долго работалъ въ „Отечественныхъ Запискахъ" вмѣстѣ съ Щед-

ринымъ. Онъ еще въ 1876 году громогласно заявилъ: „Я убѣжденъ, что къ числу писателей-колоссовъ, слава которыхъ не умаляется, но, напротивъ того, возрастаетъ съ каждымъ поколѣніемъ и вѣкомъ, будетъ принадлежать Щедринъ!"

Что же цѣнитъ Скабичевскій въ писателѣ-колоссѣ?

Надѣюсь, читатель помнитъ разсказъ Щедрина „Сонъ въ лѣтнюю ночь", помнитъ страстную рѣчь Крамольникова въ защиту крестьянъ на мнимомъ юбилеѣ Мосеича, помнитъ картину одушевленія сельскаго схода и вслѣдъ затѣмъ — позорнаго его малодушія и предательства? Разсказъ проникнутъ трогательнымъ лиризмомъ и глубокимъ анализомъ измѣнчиваго настроенія несознательной массы мелкихъ производителей, разъединенныхъ самыми условіями производства, не привыкшихъ къ коллективной дѣятельности и потому готовой въ концѣ концовъ больше всего руководиться принципомъ „моя хата съ краю".

Что же видитъ въ этомъ разсказѣ Скабичевскій? Не замѣтивъ того, что манія чиновничьихъ юбилеевъ дала только внѣшній толчекъ творчеству Щедрина, нашъ критикъ резюмируетъ смыслъ разсказа словами: „Сонъ въ лѣтнюю ночь" представляетъ осмѣяніе той необузданной страсти къ юбилеямъ, которая обуяла наше общество въ послѣдніе годы". Сдѣлавъ выговоръ Щедрину за неудачное будто бы описаніе воображаемаго юбилея Мосеича, Скабичевскій заканчиваетъ: „Что же касается общей картины юбилея Севастьянова (чиновника), то въ ней не только не видно и тѣни какихъ-либо преувеличеній, но навѣрное можно сказать, что дѣйствительность празднованія подобнаго рода юбилеевъ далеко превосходитъ своими безобразіями скромную и довольно все-таки добродушную сатиру Щедрина".

„Писатель-колоссъ, слава котораго возрастаетъ съ каждымъ вѣкомъ"—и восторгъ по поводу обличенія будто бы чиновничьей слабости къ юбилеямъ,—въ этомъ весь Скабичевскій, какъ критикъ Щедрина. Подобнымъ же образомъ оцѣнивалъ онъ и другіе разсказы Щедрина при ихъ появленіи. Казалось бы, что хоть впослѣдствіи, подводя общіе итоги дѣятельности Щедрина, Скабичевскій найдетъ нужнымъ затронуть вопросъ хоть немного глубже. Ничуть не бывало!

Въ своей „Исторіи новѣйшей русской литературы" Скабичевскій характеризуетъ пореформенную эпоху, какъ вѣкъ демократическихъ идеаловъ, борьба за которые исчерпывалась, впрочемъ, по его мнѣнію, протестомъ противъ паразитизма, праздности и нравственной распущенности и проповѣдью труда и активности въ общественной жизни.

„Губернскіе Очерки," по мнѣнію Скабичевскаго, отличаются отъ массы обличительныхъ статей своего времени лишь присутствіемъ въ нихъ народа и его невыносимыхъ страданій; „Очерки" проникнуты сочувствіемъ къ народу, скорбью о его бѣдствіяхъ,

преклоненіемъ передъ великостью и святостью души простого человѣка и уваженіемъ къ его благодушію. Этими сердобольными чертами жалости къ несчастнымъ и какого-то славянофильскаго преклоненія передъ святостью невѣжества ограничивается въ глазахъ Скабичевскаго все, сказанное Щедринымъ о трудовыхъ слояхъ населенія.

Идолопоклонство предъ мужикомъ и поклоненіе „святой простотѣ" были въ свое время не чужды извѣстной части русскаго общества. Но приписывать безъ оговорокъ эти качества Щедрину—значитъ проглядѣть въ немъ многое существенное. О „святой простотѣ" людей сороковыхъ годовъ Щедринъ выражался весьма недвусмысленно. Что же касается идолопоклонства, то и тутъ Щедринъ достаточно высказался своимъ изображеніемъ глуповцевъ. Но еще много раньше, уже въ „Губернскихъ Очеркахъ", онъ не стѣснялся отмѣчать отрицательныя черты „идола". Напомню одинъ отрывокъ изъ разсказа „Мавра Кузьмовна":

„Живутъ они очень зажиточно и опрятно, но на всѣхъ ихъ дѣйствіяхъ, на всѣхъ движеніяхъ лежитъ какая-то печать формализма, устраняющая всякій намекъ на присутствіе идеала или того наивно-поэтическаго колорита, который хоть изрѣдка обливаетъ мягкимъ свѣтомъ картину поселянскаго быта. Коли хотите, есть у нихъ свои удовольствія, но... въ нихъ нѣтъ ни мягкости, ни искренней веселости, и потому они легко превращаются въ голый и безобразный развратъ".

Повидимому, эти крестьяне — раскольники. Но Щедринъ не могъ вносить въ свои произведенія элементъ недоброжелательства, истекающаго изъ вѣроисповѣдныхъ мотивовъ. Раскольники или православные—это было для него въ данномъ случаѣ безразлично. Не могло быть это исканіе поэтическаго колорита и проявленіемъ расплывчатаго сентиментализма. Что же заставляетъ Щедрина такъ рѣзко-отрицательно отнестись къ даннымъ крестьянамъ?

Въ другомъ очеркѣ встрѣчаемъ ядовитый вопросъ по адресу крестьянъ вообще: „Отчего мужикъ такъ легко претворяется въ чиновника? Оттого ли, что чиновнику веселѣе жить на свѣтѣ? Или оттого, что прежде сотворенъ былъ чиновникъ, а потомъ ужъ человѣкъ, и самое естество заставляетъ человѣка тяготѣть въ чиновника?"

Какъ видимъ, у Щедрина съ самаго начала періода „возрожденія" пробиваются уже нотки, звучащія диссонансомъ въ хорѣ народолюбивыхъ голосовъ. Да и могъ ли быть инымъ писатель, почти юношей выступившій (въ повѣсти „Запутанное Дѣло") съ критикой слабыхъ сторонъ міросозерцанія передовой интеллигенціи своего времени? До конца жизни хоръ голосовъ обвинялъ его въ томъ, будто онъ бьетъ „и своихъ, и чужихъ". И кто только ни примазывался въ „свои", когда успѣхъ Щедрина сталъ расти!

Сторонники и барды мундирныхъ реформъ и малыхъ дѣлъ, оппортунисты всевозможныхъ сортовъ и оттѣнковъ хотѣли видѣть въ Щедринѣ „своего“ и обижались, когда онъ вскрывалъ ихъ непослѣдовательность и лицемѣріе, хотя бы безсознательное.

Щедринъ „Губернскихъ Очерковъ“ остался вѣренъ Щедрину „Запутаннаго Дѣла“ и Щедрину-редактору „Отечественныхъ Записокъ“. Это не значитъ, конечно, чтобы онъ не развивался. Одинъ разрывъ съ вѣрой въ „великодушіе сильной воли“ чего стоилъ для тогдашняго времени! Затѣмъ—въ разныхъ видахъ и формахъ исканіе „читателя“ не изъ „команды слабосильныхъ“,—наконецъ, признанія Имярека... Но не это развитіе, взятое цѣною писательской крови, интересуетъ критиковъ вродѣ Скабичевскаго, когда они говорятъ, что „Салтыковъ не принадлежитъ къ числу писателей, которые сразу опредѣляются и въ продолженіе многолѣтней литературной дѣятельности носятъ неизмѣнный характеръ относительно формъ и содержанія произведеній“.

„Чуткій къ малѣйшему измѣненію общественныхъ настроеній и вѣяній, Салтыковъ не упускалъ изъ вида ни одного изъ такихъ измѣненій“, продолжаетъ Скабичевскій, путая въ одно писателя, поскольку онъ выражается въ своихъ произведеніяхъ, и внѣшній матеріалъ, дающій писателю поводъ высказаться. За персонажами Щедрина Скабичевскій не видитъ самого Щедрина до такой степени, что дѣлитъ его литературную дѣятельность на періоды не по фактамъ, служащимъ показателями развитія міросозерцанія автора, а по объектамъ изображенія. Первый періодъ—изображеніе дореформенной жизни, второй — отраженіе эпохи возрожденія, третій — изображеніе разоряющихся дворянъ, четвертый — опять-таки отраженіе духа времени и преклоннаго возраста автора. Точно Щедринъ—зеркало и ничего болѣе, и всѣ измѣненія его духовной физіономіи стояли въ зависимости отъ однихъ только физіологическихъ измѣненій возраста. Такъ можно расчленять только литературное наслѣдство простого хроникера или бытописателя.

Восхваляя Щедрина, преклоняясь передъ нимъ, Скабичевскій, однако, въ концѣ концовъ даетъ Щедрину такую же характеристику, какъ и одинъ изъ враждебныхъ ему критиковъ средины семидесятыхъ годовъ, писавшій въ газетѣ „Новости“: „У Щедрина талантъ къ сатирѣ, такъ сказать, скоропреходящей. Нарождается недолговѣчный типъ самодуровъ—г. Щедринъ бьетъ самодуровъ; нарождаются ташкентцы—г. Щедринъ бьетъ ташкентцевъ... Это типы минуты. Пройдетъ данный моментъ,—и сатира г. Щедрина теряетъ свою соль, становится достояніемъ археологіи“...

Между тѣмъ отъ взора Скабичевскаго не ускользнула одна черта умственной физіономіи Салтыкова, которая не могла не спасать произведеній сатирика отъ сдачи въ археологическій музей. Эта черта опредѣляется нашимъ критикомъ, какъ склон-

ность къ обобщеніямъ. Часто творческій процессъ начинался у Щедрина отъ одной личности, но никогда онъ на этой конкретной личности не останавливался, а непремѣнно приходилъ къ обобщеніямъ столь широкимъ, что порою они не въ силахъ были вмѣститься въ одинъ художественный образъ. „Сатирикъ начиналъ выставлять отвлеченныя, безплотныя категоріи, подводя подъ нихъ явленія самыя разнородныя“.

Что толчокъ къ творчеству могъ исходить изъ созерцанія отдѣльной личности или даже изъ наблюденія единичнаго факта,—это естественно. Право на фигурированіе въ разсказѣ „безплотныхъ категорій“ законно или, по крайней мѣрѣ, было узаконено въ свою пользу самимъ Щедринымъ, переплетавшимъ публицистику съ беллетристикой въ единое цѣлое. Вопросъ только въ томъ, что это за безплотныя категоріи? Можетъ быть, онѣ не что иное, какъ руководящія идеи авторскаго міросозерцанія? Или это выводы, подвергавшіеся контролю общихъ принциповъ? Такъ оно и должно быть, если только признать у Щедрина наличность опредѣленныхъ взглядовъ на вопросы общественнаго развитія.

До какой степени давитъ Скабичевскаго воспоминаніе о временныхъ интересахъ минуты, дававшихъ толчокъ творческой работѣ Салтыкова, до какой степени нашъ критикъ чуждъ даже попытки опредѣлить „безплотныя категоріи“ щедринскаго духа, видно изъ его замѣчаній по поводу „Господъ Головлевыхъ“. Существуетъ мнѣніе, что „Господа Головлевы“—одно изъ крупнѣйшихъ произведеній всемірной литературы, что типъ Іудушки долженъ быть поставленъ рядомъ съ типами Тартюфа, Гамлета, Донъ-Кихота. Скабичевскій замѣчаетъ: „На самомъ дѣлѣ „Господа Головлевы“ навѣяны тѣми же злобами дня; это—произведеніе, въ которомъ вы находите изображеніе старинной, дореформенной помѣщичьей семьи. Вотъ какую культуру васъ призываютъ охранять и насаждать,—сказалъ Салтыковъ этимъ своимъ лучшимъ сочиненіемъ.“ Неужели не сказалъ ничего больше?—приходится спросить нашего поклонника и цѣнителя. Какой же интересъ можетъ представлять это сочиненіе теперь, когда никто никого не зоветъ охранять и насаждать головлевскую культуру?

Скабичевскій не стоитъ одиноко въ своей оцѣнкѣ Щедрина. И противники, и не рѣже ихъ—поклонники Щедрина оказывались мало спосообными стать выше злобы дня и подмѣтить то существенное, что составляетъ душу писателя, то, чѣмъ крупный талантъ дорогъ послѣдующимъ поколѣніямъ. Манера оцѣнивать писателя по-скабичевски не изчезла и по сю пору. Возьмите недавно вышедшую вторымъ изданіемъ книгу К. К. Арсеньева „Салтыковъ-Щедринъ“. Посмотрите, съ какой мѣркой подходитъ къ Щедрину авторъ книги. Изложивъ содержаніе щедринскихъ разсказовъ, Арсеньевъ заключаетъ (стр. 82): „Одно заключеніе

вытекаетъ очевидно и несомнѣнно: въ сатирѣ Салтыкова отразилась тогдашняя жизнь въ главныхъ своихъ фазисахъ, съ своими типическими чертами. Споръ можетъ идти только (!) о свойствѣ и вѣрности отраженія".

Точно предстоитъ вести судебныя пренія о свойствѣ вещественныхъ доказательствъ и вѣрности полицейскаго протокола! Пусть Щедринъ самъ виноватъ въ томъ, что къ нему подходили съ такой мѣркой; пусть онъ слишкомъ горячо и ярко отзывался на злобу дня! Но по мѣрѣ того, какъ удаляются отъ насъ въ глубь прошлаго тѣ событія, которыя давали толчекъ щедринскому творчеству, должна все выше подниматься въ глазахъ читателя общеидейная сторона продуктовъ этого творчества. И я думаю, что достоинство критической оцѣнки въ настоящее время можетъ измѣряться именно тѣмъ, насколько критикъ сумѣлъ возвыситься отъ созерцанія калейдоскопа объектовъ щедринской сатиры до пониманія и опредѣленія ея руководящихъ началъ.

IV.

Не такъ давно вышло въ изданіи Панафидиной три тома собранія критическихъ статей о Щедринѣ. Уже говоря о Скабичевскомъ и Арсеньевѣ, я вышелъ изъ рамокъ того матеріала, который дается сборниками. Останавливаться на статьяхъ сборниковъ значило бы безъ конца повторять сказанное мною о Скабичевскомъ и Арсеньевѣ. Попытки глубже опредѣлить смыслъ щедринскаго творчества были настолько слабы и рѣдки при жизни писателя, что заслуживаютъ развѣ только краткаго упоминанія въ библіографическомъ обзорѣ. Дорожа мѣстомъ и вниманіемъ читателя, я перехожу прямо къ посмертнымъ оцѣнкамъ Щедрина, сдѣланнымъ Евгеніемъ Соловьевымъ и Николаемъ Михайловскимъ, какъ къ оцѣнкамъ наиболѣе крупнымъ.

Статья Евгенія Соловьева „Семидесятые годы" печаталась въ 1899 году въ полумарксистскомъ журналѣ „Жизнь".

Въ февралѣ Евг. Соловьевъ находилъ, что многое въ блестящей публицисткѣ Щедрина уже устарѣло; только вкрапленныя въ публицистику часто художественныя сцены спасаютъ этого писателя отъ забвенія, да историку русскихъ литературныхъ мнѣній приходится считаться со Щедринымъ, такъ какъ публицистика всегда сохраняетъ историческое значеніе. Сочиненія Щедрина—фельетоны; отсутствіе необходимыхъ комментаріевъ дѣлаетъ многое въ нихъ непонятнымъ, и характеристика его становится „очень и очень трудной". Въ той же статьѣ, но нѣсколькими страницами ниже, оказывается, что не художественныя сцены вкраплены въ публицистику, а наоборотъ—публицистика является лишь простымъ подспорьемъ художественнаго творчества.

Въ мартовской статьѣ фельетонистъ-Щедринъ оказывается уже великимъ русскимъ писателемъ, такимъ же, какъ Гоголь, Толстой, Некрасовъ. Не великъ тотъ писатель, который непонятенъ безъ историческихъ комментаріевъ! Слѣдовательно, Щедринъ начинаетъ пріобрѣтать въ глазахъ Соловьева не только историческое значеніе; его произведенія—не мимолетные фельетоны!

Въ сентябрѣ того же года Салтыковъ, наряду съ Л. Толстымъ, превратился въ *геніально*-проницательнаго человѣка.

Статья Соловьева написана, видимо, наскоро и изобилуетъ мелкими промахами, отмѣченными въ свое время печатью. Даже заглавія отдѣльныхъ сочиненій Щедрина Соловьевъ коверкалъ; онъ потомъ оправдывался именно спѣшностью журнальной работы. Это оправданіе даетъ поводъ предположить, что онъ началъ писать по памяти, и тогда Щедринъ казался ему устарѣлымъ фельетонистомъ. Ходъ работы привелъ Соловьева къ болѣе близкому знакомству съ разбираемымъ авторомъ, и фельетонистъ довольно поспѣшно превратился въ великаго писателя и геніально-проницательнаго человѣка. Отмѣчаю это быстрое превращеніе съ цѣлью лишній разъ показать, какъ ошибочны и односторонни могутъ быть сужденія современниковъ. Позднѣйшій читатель находитъ у Щедрина совсѣмъ не то, чѣмъ дорогъ былъ онъ читателямъ шестидесятыхъ или восьмидесятыхъ годовъ.

Въ чемъ же видѣлъ Соловьевъ существеннѣйшіе мотивы щедринскаго творчества?

Щедринъ, по словамъ Соловьева, былъ моралистомъ. Но проповѣдь личнаго совершенствованія смягчалась въ немъ признаніемъ основной идеи шестидесятыхъ годовъ, гласящей, что центръ тяжести человѣческой жизни лежитъ во внѣшнихъ обстоятельствахъ и условіяхъ. Осмѣивая служителей формальной правды, „Щедринъ, конечно, проповѣдывалъ: иначе зачѣмъ бы онъ сталъ писать? Вѣдь онъ хотѣлъ *не объясненія* (курсивъ Е. С.) жизни... а торжества извѣстныхъ идеаловъ. Здѣсь проповѣдь становится неизбѣжной, и здѣсь неизбѣжно раздѣленіе жизни на добро и зло, на черное и бѣлое“.

Отмѣтимъ странность противоположенія: объясненіе жизни съ одной стороны, борьба за опредѣленные идеалы—съ другой. Какъ будто нельзя бороться объясняя и объяснять борясь! Можно бы считать дѣломъ третьестепенной важности вопросъ о томъ, будетъ или не будетъ прилѣпленъ къ имени Щедрина ярлыкъ моралиста, если бы этотъ ярлыкъ не велъ въ данномъ случаѣ къ ошибочному пониманію того, къ чему онъ привѣшенъ.

Идемъ далѣе за Евг. Соловьевымъ.

Противорѣчіе между формальной и внутренней правдой прежде всего бросалось въ глаза Щедрину; оно составляетъ основу многихъ его произведеній. Нравственный критерій и нравственно-общественный идеалъ Щедрина исчерпываются словами:

человѣкъ, человѣческіе. „Будьте людьми, не давайте мелочамъ жизни заполнить духа своего, не давайте злодѣйству загрязнить его!“—вотъ завѣтъ Щедрина. И когда онъ видѣлъ человѣческое сердце загрязненнымъ и униженнымъ, онъ тосковалъ и мучился, и его воображеніе создавало трагическія картины грознаго суда совѣсти.

Слово „человѣкъ“ является однимъ изъ самыхъ привлекательныхъ и самыхъ неопредѣленныхъ изъ числа красивыхъ словъ сороковыхъ годовъ,—и Щедринъ прежде всего интересовался вопросомъ, насколько та или иная личность, то или иное явленіе человѣчны. Человѣческое было тѣмъ верховнымъ понятіемъ, которому онъ подчинялъ всѣ остальныя. Естественно, что сущность человѣческаго разъяснена имъ полностью,—впрочемъ, болѣе отрицательнымъ, чѣмъ положительнымъ путемъ, именно—указаніемъ на то, чего нельзя считать человѣческимъ.

Рабъ—не человѣкъ. Щедринъ постоянно возвращается къ анализу рабьяго духа, строитъ на немъ свои семейныя и психологическія драмы „и съ великой тоской идеалиста и мечтателя слѣдитъ, какъ онъ коверкаетъ и отравляетъ все человѣческое въ человѣкѣ, все человѣчное въ общественныхъ отношеніяхъ.“ Характерныя черты психологіи раба: скоропреходящая впечатлительность, склонность идти къ цѣли окольными путями (посредствомъ хитрости и уловокъ), подчиненіе всѣхъ чувствъ инстинкту самосохраненія, и какъ результатъ этого—трусость, лицемѣріе, злобная наклонность къ пакостничеству и негодяйству, безсознательная жестокость, доходящая до свирѣпости, трудъ безъ мысли о его цѣли, отсутствіе вдумчивости, погруженіе въ тину мелочей; наконецъ, самодовольство, какъ синонимъ нравственной и умственной отупѣлости.

Всѣ эти черты исковерканнаго человѣка, человѣка-раба, отравляютъ общественную жизнь. Но никакое коверканіе не можетъ убить въ человѣкѣ рѣшительно все человѣческое, такъ какъ нельзя задавить всемогущія нравственныя силы, лежащія въ основѣ нашей природы. Для торжества „человѣческаго“ нужно дать просторъ этимъ силамъ, не заслонять ихъ ни мелочами, ни ложью. Тогда онѣ будутъ проявляться не только въ исключительныхъ случаяхъ, не только какъ пробужденіе совѣсти, столь могущественное, что человѣку остается одно—перестать жить. Щедринъ строилъ свои драмы на этомъ именно моментѣ раскаянія, моментѣ пробужденія „человѣческаго“ въ человѣкѣ.

Если умственная и нравственная отупѣлость, въ связи съ самодовольствомъ,—существенный признакъ рабьяго духа, то самостоятельная мысль, умѣнье быть самимъ собою—первый и важнѣйшій признакъ „человѣка.“ Отсюда—враждебность Щедрина ко всякому догматизму мысли.

Инстинктивное стремленіе жить въ будущемъ, находящее

себѣ удовлетвореніе, на высшихъ ступеняхъ, въ борьбѣ за торжество идеала,—это второй признакъ человѣчности, тѣсно связанный съ первымъ. Идеалъ долженъ быть основанъ не на формальной, а на внутренней правдѣ,—слѣдовательно, только въ томъ случаѣ достоинъ своего имени, когда выработанъ самостоятельно и дѣйствительно опредѣляетъ собою поведеніе личности.

Что касается идеаловъ самого Щедрина, то они являются выпуклымъ отраженіемъ идейнаго броженія сороковыхъ годовъ, „вызваннаго (!) и нѣмецкимъ идеализмомъ, и романами Жоржъ-Зандъ... На всемъ движеніи сороковыхъ годовъ лежитъ печать чего-то отвлеченнаго, пожалуй, даже сентиментальнаго. Отвлеченные девизы сороковыхъ годовъ подъ именемъ забытыхъ словъ хотѣлъ впослѣдствіи воскресить Щедринъ для больного и усталаго поколѣнія... Настойчивость, съ какой его память возвращалась къ забытымъ словамъ, показываетъ, какъ сильно запали они въ его душу. Расширенные, просвѣтленные сознаніемъ и опытомъ, они на самомъ дѣлѣ являлись истинными руководителями всей его жизни... Отвлеченность несомнѣнно обусловливала и огромную требовательность отъ всего окружающаго, и жажду совершенства во всемъ, и вѣчную неудовлетворенность крохоборными усовершенствованіями“.

Отвлеченность идей сороковыхъ годовъ заключалась въ полномъ игнорированіи матеріальной стороны историческаго процесса. Начиная съ сороковыхъ годовъ, центральнымъ предметомъ обсужденія въ русской литературѣ является вопросъ о народѣ. Писатель, не выяснившій своего отношенія къ народу, не могъ уже съ этихъ поръ разсчитывать на продолжительное общественное вниманіе. Въ шестидесятые годы „мужикъ“ на время сошелъ съ литературной арены, но въ семидесятые вновь завладѣлъ ею еще съ большей силой, чѣмъ прежде. Идейное движеніе народничества, если отбросить его крайности, было полностью пережито Щедринымъ. Въ крестьянской жизни онъ видѣлъ прежде всего наиболѣе полное воплощеніе идеаловъ правды, добра, справедливости, даже красоты и истины. Онъ любилъ противопоставлять жизнь интеллигентскую, чиновничью, барскую жизни мужицкой, и читателю ни разу не приходится сомнѣваться, на чьей сторонѣ симпатіи художника. Но въ то же время у него есть и очевидные слѣды перелома правовѣрной народнической мысли. „Щедринъ никогда не доходилъ до идолопоклонства“.

Далѣе Евг. Соловьевъ ограничиваетъ, почти отрицаетъ только-что сказанное имъ самимъ. Оказывается, что, „раздѣляя народническое настроеніе, видя въ крестьянской жизни основу всего народа и всего государства... Щедринъ не раздѣлялъ народническихъ идеаловъ и не соглашался признать въ устояхъ крестьянскаго быта чего-то самодовлѣющаго и совершеннаго... Но въ то же время онъ не былъ бы человѣкомъ своего времени и даже вождемъ

его, если бы не видѣлъ въ крестьянствѣ и крестьянской жизни основы жизни всего народа и не требовалъ бы въ отношеніи къ ней наибольшаго вниманія, наибольшей любви и даже наибольшей самоотверженности".

Сознавая за собою, какъ за представителемъ привилегированнаго класса, историческій грѣхъ и нравственную отвѣтственность, Щедринъ возлагалъ на мужика огромныя надежды. Онъ любовно отмѣчалъ все доброе, что есть въ мужикѣ, онъ опоэтизировалъ его трудъ, его вѣру и даже суевѣріе, его добродушіе и находчивость, его многотерпѣніе и незлобіе,—словомъ, все, вплоть до бродячихъ инстинктовъ включительно; злобно и гнѣвно нападалъ онъ на постороннія вмѣшательства, нарушавшія стройность крестьянской жизни, но... онъ никогда не доходилъ до идолопоклонства.

Мужикъ ли, какъ объектъ „огромныхъ надеждъ", или что другое вліяло на настроеніе, но только у Щедрина была въ наличности вѣра въ будущее или „лучше сказать, страстное желаніе этой вѣры, сопровождаемое несомнѣнно сильными и мучительными сомнѣніями... что такъ ярко выражено въ геніальной элегіи Имярекъ". Сомнѣнія, если вѣрить Соловьеву, въ концѣ концовъ побѣдили. „Припомните Имярекъ и начало „Забытыхъ Словъ" Щедрина, въ которыхъ онъ съ полнымъ отрицаніемъ подводилъ итоги жизни... И это у чуткаго, отзывчиваго сердца, всегда откликавшагося на все, что обѣщало людямъ торжество свѣта и правды. Нѣтъ, это не личная грусть, не личное уныніе,—это грусть и уныніе умиравшей эпохи.

Міросозерцаніе умирало вслѣдствіе своего внутренняго противорѣчія. Съ одной стороны, необходимыми составными элементами его были любовь и ненависть, съ другой—признаніе принципа, что нѣтъ ни правыхъ, ни виноватыхъ, а есть только извѣстнымъ образомъ сложившіяся обстоятельства. Щедринъ въ качествѣ моралиста долженъ былъ судить. „Щедринъ не зналъ, простить ли ему Іудушку Головлева (даже Іудушку!) или осудить ему это порожденіе дьявола, этого лжеца и предателя".

Не замѣчая, что затрудненіе Щедрина мнимое и что именно самъ Соловьевъ сбивается на точку зрѣнія моралиста, нашъ критикъ продолжаетъ увѣрять, что Щедринъ никогда не отказывался отъ суда надъ людьми формальной правды. „Кого же онъ ненавидѣлъ? кого любилъ? Неужели извѣстнымъ образомъ сложившееся положеніе вещей?" Щедринъ чувствовалъ это противорѣчіе и, не нашедши выхода изъ него, впалъ въ тоску и безнадежное уныніе.

Положеніе трагическое, и трагизмомъ дышатъ многія произведенія Щедрина послѣдняго періода.

Я постарался выбрать изъ статьи Соловьева все существенное и по возможности систематизировать сказанное критикомъ: статья

его написана довольно безпорядочно, что можетъ быть отчасти объяснено отсутствіемъ твердо установившагося взгляда на значеніе и содержаніе произведеній „фельетониста-генія". Въ нѣкоторыхъ случаяхъ на Соловьева, очевидно, оказалъ слишкомъ большое давленіе Н. Михайловскій. Тѣмъ не менѣе статья представляетъ, по моему мнѣнію, значительный интересъ, какъ наиболѣе крупная попытка цѣльнаго анализа, не идущаго ни въ какое сравненіе съ поверхностными сужденіями критиковъ вродѣ Скабичевскаго. Я закончилъ изложеніе взглядовъ Евг. Соловьева его указаніемъ на трагическій элементъ, на тоску и уныніе, проникающія произведенія Щедрина послѣднихъ лѣтъ его жизни, и съ этого пункта начну свои замѣчанія.

Вѣрно ли опредѣлилъ Соловьевъ сущность данной трагедіи? Онъ указываетъ на тоску и безнадежное уныніе Щедрина. Но вѣра въ будущее представляетъ собою одно, ликованіе по поводу настоящаго—совсѣмъ другое. Въ восьмидесятые годы жизнь менѣе всего давала поводовъ не только къ ликованіямъ, но и вообще къ бодрости въ борьбѣ. Это былъ моментъ, когда въ великой, вѣковой борьбѣ между крѣпостничествомъ и свободой перевѣсъ временно склонился на сторону перваго. Пути для возобновленія борьбы еще не намѣтились. Это былъ моментъ, который, если брать понятія того времени, какъ бы предвидѣлъ авторъ „Историческихъ Писемъ", когда говорилъ о неизбѣжности для дѣятелей прогресса временами превращаться въ „хранителей прогресса". Но послѣдняя роль не удовлетворяла Салтыкова: лучше погибнуть, чѣмъ жаться въ сторонкѣ отъ жизни, въ званія бездѣятельнаго хранителя потенціальной энергіи,—не субъективно лучше, а лучше потому, что своею гибелью сдѣлаешь больше, чѣмъ „храненіемъ". Право бороться и погибать, — это право избавитъ людей идеала отъ душевной пустоты и наполнитъ ихъ сердца сознаніемъ выполненнаго долга,—долга не только передъ самимъ собой, но и передъ человѣчествомъ: „Не всѣ лучи свѣта погибнутъ въ перипетіяхъ борьбы, но часть ихъ прорѣжетъ мракъ и дастъ исходную точку для грядущаго обновленія" („Пошехонская Старина", гл. 6).

Это ли *безнадежное* уныніе? Это ли свидѣтельство о потерѣ вѣры въ будущее? Въ послѣдніе годы жизни, независимо отъ мучительнаго зрѣлища временнаго торжества крѣпостничества, независимо также отъ личной мучительной болѣзни, отзывавшейся на настроеніи, Щедринъ дѣйствительно мучился еще и сомнѣніями. Трагизмъ внутренней борьбы увеличивался тѣмъ обстоятельствомъ, что ее переживалъ умирающій старикъ, лишенный вѣры въ возможность *лично* принять участіе въ возобновившейся борьбѣ, очищенной отъ ошибокъ прошлаго. Соловьевъ ссылается на разсказъ „Имярекъ" въ подтвержденіе своей мысли о томъ, что вѣра Щедрина въ будущее уступила мѣсто сомнѣніямъ, даже

отрицанію. Между тѣмъ какъ разъ этотъ очеркъ дышетъ вѣрой въ будущее, въ возможность борьбы и побѣды. Имярекъ отрекается только отъ старыхъ способовъ и устарѣвшаго содержанія борьбы. Онъ говоритъ о себѣ:

„И вотъ теперь, скованный недугомъ, онъ видитъ передъ собой призраки прошлаго. Все, что наполняло его жизнь, представляется ему сновидѣніемъ. Что такое свобода—безъ участія въ благахъ жизни? Что такое развитіе—безъ ясно намѣченной конечной цѣли? Что такое справедливость, лишенная огня самоотверженности и любви? Слова, слова и слова...

Онъ чувствуетъ, что сердце его горитъ, и что онъ *пришелъ къ цѣли поисковъ всей жизни*, что только теперь его мысль установилась на стезѣ правды... Онъ простираетъ руки, ищетъ отклика, онъ жаждетъ идти, возглашать... И сознаетъ, что сзади у него повисъ ворохъ крохъ и мелочей, а впереди—ничего, кромѣ одиночества и отброшенности...“

Одиночество и отброшенность въ данномъ случаѣ—результатъ случайныхъ физіологическихъ причинъ. Найти цѣль поисковъ всей жизни, горѣть сердцемъ, желать идти и возглашать,—неужели это свидѣтельствуетъ о потерѣ вѣры въ будущее?

Евгеній Соловьевъ вѣрно подмѣтилъ у Щедрина наличность кризиса міросозерцанія. Только содержаніе его опредѣлено невѣрно. Начало кризиса относится къ значительно болѣе раннему періоду; искать его нужно не въ очеркѣ „Имярекъ“ и не въ отрывкѣ „Забытыя Слова“, а по меньшей мѣрѣ, въ лирическомъ монологѣ Крамольникова. Передъ Крамольниковымъ вдругъ всталъ вопросъ: „Отчего ты не шелъ прямо и не самоотвергался? Отчего то подчинялъ себя какой-то профессіи... а не спѣшилъ туда, откуда раздавались стоны?.. Ты протестовалъ, но не указалъ ни того, что нужно дѣлать, ни того, какъ люди шли въ глубь и погибали, а ты слалъ имъ вслѣдъ свое сочувствіе... Ты даже тѣхъ людей, которые сегодня такъ нагло отвернулись отъ тебя, ты и ихъ не сумѣлъ понять! Ты думалъ, что вчера они были иными, нежели сегодня!“

Трагедія Крамольника и Имярека—это вовсе не трагедія моралиста, запутавшагося во внутреннихъ противорѣчіяхъ, а трагедія неудачныхъ поисковъ просвѣтленнаго „простеца“, сильнаго своей массой, способнаго понять борцовъ за идеалъ и самоотверженно поддержать ихъ, освѣтивъ блескомъ идеала свои собственные массовые интересы. Это—трагедія переходнаго момента отъ утопическаго къ научному соціализму.

Соловьевъ видитъ главное противорѣчіе въ томъ, что Щедринъ, какъ моралистъ, съ одной стороны, занимался осужденіемъ людей формальной правды, съ другой—по своимъ основнымъ взглядамъ не могъ признавать ни правыхъ, ни виноватыхъ. Кого же нена-

видѣлъ и кого любилъ Щедринъ? Неужели извѣстнымъ образомъ сложившіяся обстоятельства?—спрашиваетъ Соловьевъ. Отвѣтъ на этотъ вопросъ успѣлъ намъ дать самъ Щедринъ. Приходится прежде всего жить, устранять зло настоящаго и расчищать дорогу для свѣтлаго будущаго. Для достиженія обѣихъ цѣлей нужно не судить, а вскрыть источникъ зла,—вскрыть этотъ источникъ передъ читателемъ-простецомъ и пріобрѣсти такимъ образомъ читателя-друга. Возражая на упреки въ обличеніи однихъ только мелкихъ чиновниковъ, Щедринъ еще въ шестидесятыхъ годахъ говорилъ: „Какъ будто я что-нибудь вывожу, какъ будто я кого-нибудь обличаю или обрываю, или упрекаю, или бью по щекамъ, а не просто описываю и изображаю!“ Позже Щедринъ обобщаетъ ту же мысль: „Рѣчь писателя,—говоритъ онъ,—имѣетъ значеніе скорѣе воспитательное, нежели непосредственно практическое. Онъ обращается къ обществу не затѣмъ, чтобы пристигнуть такое-то лицо или такое-то дѣйствіе, а съ цѣлью воздѣйствовать на общественную совѣсть, на общественное самосознаніе“.

Велика, но не безгранична была вѣра Щедрина въ силу правдиваго человѣческаго слова. Убѣждать теоретиковъ обузданія въ необходимости ревизіи этого принципа онъ считалъ напрасной тратой времени: большинство ихъ извлекаетъ личныя выгоды изъ торжества принципа обузданія, меньшинство искренне вѣритъ въ него, потому что на себѣ лично терпитъ лишь легчайшія формы обузданія, — вродѣ тѣхъ постниковъ, что пропагандируютъ умерщвленіе плоти, лично питаясь стерляжьей ухой. *Разъясненіе* (это слово употребляетъ Щедринъ) необходимо для тѣхъ простецовъ, которые несутъ на своихъ плечахъ всѣ практическія примѣненія этого принципа („Благонамѣренныя Рѣчи“). Простецъ, слѣдовательно, тотъ возможный читатель-другъ, на котораго, какъ на каменную гору, надѣялся опираться Щедринъ въ будущемъ; за него, какъ за соломинку, держался нашъ соціалистъ-утопистъ въ настоящемъ. Простецъ—это всякій униженный и оскорбленный, обреченный нищетѣ и безпросвѣтному, изнурительному труду. Соціалистъ-утопистъ—идеологъ всѣхъ трудящихся и эксплоатируемыхъ,—они еще не дифференцировались въ его сознаніи на классъ прошлаго и классъ будущаго. Конечно, непониманіе того, что мелкій производитель играетъ въ общественной эволюціи роль, весьма отличную отъ роли пролетарія крупнаго производства,—это непониманіе не является индивидуальной виной Щедрина или его современниковъ: оно—лишь идеологическое отраженіе недостаточнаго развитія противорѣчій капиталистическаго строя.

Къ несчастью для идеологовъ того времени, та же недостаточность развитія экономическихъ противорѣчій фатально обрекала соціалистовъ-утопистовъ на оторванность отъ жизни массы, на изолированность и безсиліе. Щедринъ сознавалъ это. „Во все продолженіе моей литературной дѣятельности,—говоритъ онъ,—

я представлялъ собою утопающаго, который хватается за соломинку. Покуда соломинки были, я кое-какъ держался; но какъ скоро нѣтъ и соломинокъ,—ясное дѣло, что приходится утонуть".

Это тонулъ не лично Щедринъ,—тонуло цѣлое поколѣніе идеологовъ трудящейся массы или „народа", какъ тогда выражались. Объективными условіями существованія они обречены были на то, чтобы тщетно искать союзника по борьбѣ за соціализмъ въ массѣ мелкихъ производителей, еще только вовлекавшихся въ водоворотъ капиталистическаго хозяйства, — производителей, идеалы которыхъ направлялись къ устроенію жизни на отжившихъ свой вѣкъ основахъ производственныхъ отношеній.

Итакъ, Щедринъ не морализировалъ, не судилъ, а выяснялъ себѣ и разъяснялъ предполагаемому „простецу" сущность классоваго строя и смыслъ идеологическихъ надстроекъ классоваго общества. По мѣрѣ развитія жизни онъ эволюціонировалъ въ своихъ взглядахъ.

Изъ эпохи сороковыхъ годовъ, наряду съ признаніемъ положительной стороны ея,—самой глубокой работы теоретической и философской мысли,—Щедринъ вынесъ страстное отрицаніе ея невольныхъ дефектовъ: кружковщины, замкнутости, оторванности отъ жизни. Ему мало было толковать о завѣтныхъ идеалахъ въ дружескомъ кругу,—онъ хотѣлъ идти въ міръ и послужить міру. Признавая неизбѣжность появленія утопій, правильно оцѣнивая ихъ серьезное образовательное и моральное значеніе, Щедринъ еще въ 40-хъ годахъ объявлялъ всякую утопію нелѣпостью въ томъ случаѣ, если она не можетъ указать, какимъ образомъ нужно вести человѣка къ его будущимъ судьбамъ (Брусинъ). Въ силу основныхъ принциповъ своего міросозерцанія, Щедринъ не могъ чувствовать тяготѣнія къ міру паразитствующему, къ господствующему классу. Оставался одинъ выборъ—возложить упованія на народную массу,—главнымъ образомъ на крестьянство, и автора „Губернскихъ Очерковъ" тянетъ въ толпу простонародья, онъ чувствуетъ родною себѣ эту толпу, единственно возможную, по его мнѣнію, носительницу его идеаловъ.

Наступаетъ эпоха „возрожденія". На короткое время авторъ „Невинныхъ разсказовъ" проникается вѣрой въ „великодушіе сильной воли" и въ возможность серьезнаго служенія народу подъ ея защитой. Раньше приходилось „практиковать либерализмъ въ самомъ капищѣ антилиберализма" путемъ системы „вожденія за носъ" начальниковъ; въ періодъ „Невинныхъ разсказовъ" могло казаться, что самыя капища превратились въ храмы либерализма,—и Шалимовъ могъ, казалось, игнорируя компактную массу клеветниковъ, идти своимъ путемъ.

Миражъ быстро разсѣялся. Авторъ „Сатиръ въ прозѣ" почувствовалъ себя одинокимъ, брошеннымъ на утлой ладьѣ во враждебное море. Онъ съ усиленной страстностью ищетъ своей

вѣковѣчной скалы,—народной массы, доросшей до сознанія своихъ коллективныхъ интересовъ. Увы! Иванушки оказались пропитанными отжившей реакціонной идеологіей натуральнаго хозяйства, а глуповцы-старшіе нападали все болѣе яростно. Съ этого момента начинается трагедія безплодныхъ поисковъ читателя-друга.

Глубоко демократическая основа міросозерцанія соціалиста-утописта продолжала толкать автора „Писемъ о провинціи“ къ народной массѣ раньше, чѣмъ мужикъ заполнилъ литературную арену семидесятыхъ годовъ: онъ анализируетъ духовный обликъ массы, указываетъ на зависимость сознательности отъ матеріальнаго уровня существованія (но не отъ формъ народнаго хозяйства); онъ приходитъ почти въ отчаяніе отъ неподатливости массы, ея невоспріимчивости къ новымъ идеаламъ; и все-таки онъ въ концѣ концовъ признаетъ, что ему внѣ единенія съ массой нѣтъ спасенія; не находя почвы подъ ногами, несмотря на всѣ поиски, онъ вынужденъ признать что-то фаталистическое въ томъ, что „мы всѣ завѣтныя, свѣтлыя думы наши посвящаемъ именно той забитой, малосмысленной и подчасъ жестокой толпѣ, что самый великій мыслитель, мысль котораго, повидимому, не можетъ имѣть ничего общаго съ мыслью толпы, именно ей отдаетъ лучшую часть своей дѣятельности“.

Вопреки утвержденію Евг. Соловьева, обращеніе Щедрина къ массѣ объясняется не сознаніемъ „за собою, какъ за представителемъ привилегированнаго класса, историческаго грѣха и нравственной отвѣтственности“, а убѣжденіемъ, что читатель-другъ не изъ массы всегда останется членомъ „команды слабосильныхъ“. Сильный же читатель-другъ былъ необходимъ Щедрину, какъ человѣку, идеалы котораго вышли изъ рамокъ идеологіи эксплоататорскихъ классовъ.

Трудовая масса, какъ принципъ, чтилась Щедринымъ; но историческій „народъ“—народъ натуральнаго хозяйства—съ его традиціоннымъ міросозерцаніемъ, съ его гражданской трусостью съ его неизмѣннымъ предательствомъ коллективныхъ интересовъ, съ его общественной безсознательностью не могъ возбудить непосредственной симпатіи Щедрина. Поэтому къ каждому утвержденію Соловьева объ отношеніи Щедрина къ народу приходится прибавлять весьма многозначительное „но“.

— Щедринъ опоэтизировалъ народный трудъ,—говоритъ Соловьевъ. Совершенно вѣрно. Не нужно только смѣшивать понятія: „трудъ“ и „трудящіеся“. Въ разсказѣ „Сонъ въ лѣтнюю ночь“ трудъ опоэтизированъ, но сцена заканчивается актомъ возмутительнѣйшаго предательства со стороны массы. Апоѳеозъ труда понятенъ подъ перомъ демократическаго писателя, но одинъ только трудъ еще не дѣлаетъ человѣка человѣкомъ. Чтобы апоѳеозъ труда не закончился рѣзкимъ диссонансомъ, Щедрину пришлось опоэтизировать Конягу, то есть создать символъ. Попы-

тайся Щедринъ опоэтизировать трудъ вмѣсто безсловеснаго Коняги въ лицѣ разумнаго человѣческаго существа—и лирическое пѣснопѣніе неизбѣжно заключилось бы скептическимъ замѣчаніемъ. Вѣдь, напримѣръ, супруги Черезовы въ „Мелочахъ Жизни"— тѣ же коняги. Но... „трудъ безъ содержанія, трудъ, направленный исключительно къ цѣлямъ самосохраненія, окончательно заглушилъ въ нихъ всякіе зачатки высшихъ стремленій. Они не сознавали даже, что этотъ трудъ, который доставляетъ имъ дневной коштъ, въ то же время мало-по-малу убиваетъ ихъ и навсегда лишаетъ возможности различать добро отъ зла".

— Щедринъ опоэтизировалъ вѣру. и даже суевѣріе народа,— продолжаетъ Соловьевъ. Но... цѣльная натура, у которой слово и дѣло, мысль и поведеніе идутъ рука объ руку—это одно, а данное историческое напластованіе суевѣрій и преданій—совсѣмъ другое. И Щедринъ не стѣснялся опредѣлять „вѣру и суевѣріе" безсознательной массы, какъ сплетеніе „лжи и фантасмагорій, накопленныхъ эмпиризмомъ", какъ „каракули" весьма опредѣленнаго свойства, написанныя на народной душѣ.

— Щедринъ опоэтизировалъ многотерпѣніе и незлобіе народа,—увѣряетъ Соловьевъ. Но... въ извѣстной сценѣ у парома многотерпѣливая и незлобивая толпа, по выраженію Щедрина, „развратно и подло хохотала", когда полиція избивала одного изъ ея членовъ.

— Гнѣвно нападалъ Щедринъ на постороннія вмѣшательства въ народную жизнь,—узнаемъ мы отъ Соловьева. Вникнулъ ли нашъ критикъ въ смыслъ и пріемы вмѣшательства, противъ котораго протестовалъ Щедринъ? Развѣ самъ Соловьевъ не протестовалъ бы гнѣвно противъ всякаго рода крѣпостническихъ вмѣшательствъ? Что же касается вмѣшательства иного рода, то мы уже видѣли выше, какъ относился къ нему Щедринъ. Вся эта забота о читателѣ-другѣ является заботой о возможности вмѣшательства. „Сказать человѣку толкомъ, что онъ человѣкъ,—на одномъ этомъ предпріятіи можетъ изойти кровью сердце. Дать человѣку возможность различать справедливое отъ несправедливаго,—для достиженія этого одного можно душу свою погубить. Задачи разъясненія громадны и почти неприступны, но зато какіе изумительные горизонты!" Это ли гнѣвный протестъ противъ всякаго посторонняго вмѣшательства?

Почему же Щедринъ, не только не протестовалъ противъ „вмѣшательства" извѣстнаго рода, но и признавалъ, что ради такого вмѣшательства можно душу свою погубить? Почему онъ провидѣлъ изумительные горизонты въ результатѣ „разъясненія?" Онъ работалъ въ то время, когда надъ массой еще тяготѣла идеологія, выработанная въ періодъ натуральнаго хозяйства съ его, на извѣстной стадіи развитія, неизмѣннымъ спутникомъ— крѣпостничествомъ. Массу сковывалъ по рукамъ и ногамъ этотъ

пережитокъ крѣпостническихъ отношеній, извѣстный комплексъ религіозныхъ, моральныхъ и иныхъ взглядовъ. Крѣпостное право пало, его идеологическія надстройки продолжали жить по инерціи, какъ традиція. Міросозерцаніе Щедрина, основанное на представленіи объ иныхъ общественныхъ отношеніяхъ, являлось антитезисомъ традиціонныхъ надстроекъ. Отсюда возникала для него непреодолимая потребность прежде всего заставить людей критически отнестись къ „мудрости вѣковъ“ и постараться быть мудрыми на иной образецъ. Поэтому безсознательность (точнѣе, идеологія, потерявшая жизненный смыслъ)—главный врагъ, съ которымъ предстояло бороться.

Рабство пало, безсознательность оставалась. И не идолопоклонствомъ передъ безсознательностью, такъ же, какъ и не бичеваньемъ избитыхъ рабовъ занимался Щедринъ, а раскрытіемъ всевозможныхъ гибельныхъ послѣдствій безсознательности (отжившей идеологіи) и характеристикой конкретныхъ видовъ пробужденія сознательности (идеологіи, отвѣчающей новымъ условіямъ жизни). Иногда это пробужденіе сопровождалось въ жизни трагедіями, которыя Соловьевъ (да и не онъ одинъ) разсматриваетъ, какъ моментъ пробужденія совѣсти. На эти случаи правильнѣе смотрѣть, какъ на случаи столкновенія традиціонно-безсознательныхъ инстинктовъ съ требованіями пробудившейся сознательности, какъ на столкновеніе въ душѣ одного человѣка старыхъ и новыхъ идеологическихъ надстроекъ.

Въ пореформенный періодъ былъ моментъ, когда на литературную сцену явились такъ называемые кающіеся дворяне. Въ то время, когда Соловьевъ писалъ свою статью, литература вспомнила о кающихся дворянахъ въ связи съ полемикой между народниками и марксистами. Приписывая, повидимому, a priori, Щедрину черты кающагося дворянина въ неизмѣримо большей мѣрѣ, чѣмъ это имѣло мѣсто на самомъ дѣлѣ (если только имѣло мѣсто), Соловьевъ изобразилъ Щедрина далеко не въ томъ видѣ, въ какомъ онъ является на самомъ дѣлѣ. Покаяніе—моментъ чисто моральнаго свойства, и Щедринъ подъ перомъ Евгенія Соловьева превращается въ моралиста, надѣленнаго въ избыткѣ свойствами кающагося дворянина, преклоняющагося передъ мужикомъ, каковъ онъ есть. Соловьевъ упустилъ изъ вида, что даже хронологическія рамки дѣятельности Щедрина выходятъ далеко за предѣлы періода существованія кающагося дворянина. Процесса развитія, который мучительно подчасъ переживалъ Щедринъ, мы не находимъ въ изслѣдованіи Евг. Соловьева. Еще меньше занимается онъ выясненіемъ щедринской идеологіи, какъ типическаго явленія для данной стадіи общественной и экономической эволюціи.

Однако, несмотря на всѣ свои недостатки, статья Евгенія Соловьева представляетъ значительный интересъ, какъ одна изъ

немногихъ и чуть ли не наиболѣе крупная попытка дать критическую оцѣнку самого Щедрина, а не оцѣнку тѣхъ преходящихъ явленій, которыя давали толчокъ щедринскому творчеству.

V.

Николай Михайловскій еще въ большей мѣрѣ, чѣмъ Соловьевъ, является современникомъ Щедрина. Подобно Скабичевскому, онъ былъ долгое время близкимъ товарищемъ Салтыкова по журналу. Эти обстоятельства не могли, конечно, не отразиться неблагопріятно на попыткѣ Михайловскаго дать суммарную посмертную оцѣнку литературной физіономіи близкаго человѣка: временное и частное должно было заслонять отъ глазъ Михайловскаго основное и общее.

Какъ онъ позже самъ разсказывалъ, Михайловскій началъ свою оцѣнку значенія и смысла литературной дѣятельности Щедрина съ частнаго вопроса объ его отношеніи къ литературѣ. Михайловскій объясняетъ: „Это было естественно. За тѣ почти сорокъ лѣтъ, что я вращаюсь въ литературной средѣ, я не встрѣтилъ человѣка, который былъ бы, такъ сказать, болѣе, чѣмъ Салтыковъ, литераторъ, въ лучшемъ, идеальнѣйшемъ смыслѣ этого слова. Это былъ какой-то монахъ отъ литературы, сознательно цѣликомъ ей отдавшійся, благоговѣйно относившійся къ ея общественной роли... Онъ могъ сказать вмѣстѣ съ своимъ Крамольниковымъ, что у него не было никакой иной привязанности, кромѣ читателя, никакой иной радости, кромѣ общенія съ читалемъ“. Такимъ образомъ содержаніе „Критическихъ опытовъ о Щедринѣ“ въ извѣстной мѣрѣ опредѣлилось впечатлѣніями Михайловскаго, вынесенными изъ знакомства съ личностью Салтыкова, а не съ его произведеніями. Это явленіе вполнѣ естественное, но для критики въ личныхъ впечатлѣніяхъ лежалъ источникъ особой опасности.

Публичная дѣятельность Щедрина, за время знакомства съ нимъ Михайловскаго, ограничивалась писательствомъ и редактированіемъ журнала. Въ то же время Щедринъ много разъ писалъ о высокомъ значеніи литературы. Отсюда естественнымъ казалось для Михайловскаго начать оцѣнку его произведеній съ оцѣнки отношенія къ литературѣ; но затѣмъ очень легко было смѣшать роль, которую играла литература въ жизни Щедрина, съ тѣмъ мѣстомъ, какое вопросы о литературѣ занимаютъ въ его произведеніяхъ: незамѣтно для себя критикъ могъ превратиться въ біографа, въ ущербъ своей прямой задачѣ.

Мнѣ кажется, что до нѣкоторой степени это именно и случилось съ Михайловскимъ.

Михайловскій сравниваетъ Щедрина съ Крамольниковымъ. Приключеніе съ Крамольниковымъ, по словамъ Михайловскаго,

изображаетъ нравственное состояніе самого Салтыкова послѣ закрытія „Отечественныхъ Записокъ". Я думаю, что правильнѣе было бы сказать не „изображаетъ" а „отражаетъ". Это не споръ о словахъ. Сказка-элегія „Приключеніе съ Крамольниковымъ" представляетъ собою прежде всего художественное произведеніе. Къ Крамольникову, какъ и ко всякому другому щедринскому персонажу, мы вправѣ примѣнить слова самого Щедрина о типахъ, созданныхъ литературой: эти типы всегда идутъ дальше дѣйствительности. Въ томъ и состоитъ важное значеніе литературныхъ типовъ, что подъ ихъ вліяніемъ человѣкъ получаетъ новыя привычки, ассимилируетъ новые взгляды, пріобрѣтаетъ новую складку,—однимъ словомъ, вырабатываетъ изъ себя новаго человѣка („Итоги", IV).

Склонность отожествлять типы Щедрина съ ихъ авторомъ заводитъ иногда Михайловскаго черезчуръ далеко. Такъ, напримѣръ, онъ утверждаетъ, будто Глумовъ—alter ego Щедрина,— и приводитъ слова Глумова, какъ несомнѣнное, въ силу этого, выраженіе мнѣній самого автора. Пусть Глумовъ, дѣйствительно, первоначально появляется въ „Недоконченныхъ Бесѣдахъ" только какъ подспорье для проведенія черезъ цензуру сомнительной мысли,—однако, явившись на сцену какъ бы случайно, Глумовъ тотчасъ облекается плотью и кровью. Онъ выливается въ опредѣленный типъ. Нужно брать Глумова цѣликомъ, какъ мы его знаемъ,—то есть и предвосхищающимъ совѣтъ Молчалина „погодить" въ „Современной Идилліи", и избѣгающимъ по трусости встрѣчи съ авторомъ разсказа въ „Пестрыхъ Письмахъ". Точно также нельзя отожествлять съ личностью автора того Николая Ивановича Щедрина (сначала чиновника, потомъ писателя), отъ лица котораго ведутся многіе разсказы Салтыкова. Чтобы опредѣлить, что хочетъ сказать намъ Салтыковъ тѣмъ или инымъ разсказомъ, нужно брать разсказъ въ цѣломъ, какъ цѣльное художественное произведеніе. Поступать иначе—значило бы впадать въ ту же ошибку, въ которую впадали когда-то читатели, отожествляя личность Евгенія Онѣгина съ личностью Пушкина или Печорина съ Лермонтовымъ.

Послѣ всего сказаннаго ясно, что и сказку-элегію „Приключеніе съ Крамольниковымъ" мы должны прежде всего разсматривать, какъ цѣльное художественное произведеніе. На какія мысли наводитъ оно?

Крамольниковъ горячо и страстно былъ преданъ родной странѣ. Онъ отлично зналъ ея прошедшее и настоящее. Это знаніе было живымъ источникомъ болей, которыя, наконецъ, сдѣлались главнымъ содержаніемъ его жизни. Всѣ силы ума и сердца онъ посвятилъ на то, чтобы возстановлять въ душахъ своихъ присныхъ представленіе о свѣтѣ и правдѣ и поддерживать въ ихъ сердцахъ вѣру, что свѣтъ придетъ и мракъ его не обниметъ.

Въ этомъ собственно заключалась задача всей его дѣятельности, то есть дѣятельности публичной.

Но публичность русская черезчуръ скудна. Вся она сосредоточивается въ печати („Пестрыя Письма", V). Для крамольниковъ смолоду такъ *односторонне* сложилась жизнь, что весь интересъ ея сосредоточился въ одной свѣтящей точкѣ. У Крамольникова не было иной привязанности, кромѣ читателя, никакой иной радости, кромѣ общенія съ читателемъ. Вдругъ у него отняли главное, что составляло основу и сущность его жизни: отняли ту лучистую силу, которая давала ему возможность огнемъ своего сердца зажигать сердца другихъ. Подъ впечатлѣніемъ этого удара и послѣдовавшей затѣмъ оргіи предательства передъ Крамольниковымъ встали вопросы: зачѣмъ онъ связывалъ себя съ какой-то профессіей? Почему не спѣшилъ туда, откуда раздавались стоны?

Такимъ образомъ, мы находимъ въ разсказѣ объясненіе односторонности Крамольникова и отрицательное отношеніе къ ней. И самъ Крамольниковъ цѣненъ не тѣмъ, что онъ былъ исключительно привязанъ къ одной профессіи, а тѣмъ, что литература служила ему лишь „освященнымъ средствомъ для небесныхъ цѣлей",—для возстановленія въ людяхъ представленія о свѣтѣ и правдѣ, для укрѣпленія вѣры въ торжество свѣта.

Для Крамольникова, въ виду односторонне сложившейся жизни, свѣтящей точкой являлось общеніе съ читателемъ въ узкомъ, буквальномъ значеніи этого слова. Для Щедрина, какимъ мы его знаемъ изъ его произведеній, и для Крамольникова, отрѣшившагося отъ своей односторонности, свѣтящіяся точки—нѣчто совсѣмъ иное. „Воспитывайте въ себѣ идеалы будущаго, не давайте окаменѣть сердцамъ вашимъ, вглядывайтесь часто и пристально въ свѣтящіяся точки, *которыя мерцаютъ въ перспективахъ будущаго*",—говорилъ Щедринъ.

Какъ извѣстно, у Крамольникова кризисъ начался только послѣ того, какъ онъ „лишился употребленія языка". Что касается самого Щедрина, то ему не было надобности ждать такого рѣзкаго удара судьбы, чтобы начать сомнѣваться въ плодотворности исключительно литературнаго воздѣйствія на среду. Еще за пять лѣтъ до закрытія „Отечественныхъ Записокъ" и „Приключенія съ Крамольниковымъ" онъ уже заявлялъ, что по временамъ его привязанность къ литературѣ подвергается очень рѣшительнымъ испытаніямъ („Круглый Годъ", XI).

Отъ глазъ Михайловскаго, по крайней мѣрѣ въ началѣ его изслѣдованія, свѣтящія точки Щедрина слишкомъ заслоняются свѣтящей точкой Крамольникова. Критикъ видитъ въ Щедринѣ только писателя и не видитъ борца за идеалы: только „контроль сознанія", „сознательно выработанная программа" „сдержи-

вала“ Салтыкова, спасала его отъ чего-то, можетъ быть, отъ превращенія въ писателя по смѣшной части.

Со словомъ „контроль“ связано представленіе о внѣшней силѣ, ограничивающей дѣятельность человѣка опредѣленными рамками. Наличность „контроля сознанія“ писателя надъ его собственными произведеніями или абсолютно ничего не говоритъ (только сумасшедшіе дѣйствуютъ безъ всякаго контроля сознанія), или свидѣтельствуетъ о томъ, что у писателя имѣются какія-то, — можетъ быть, инстинктивныя художественно-творческія,—склонности, которыя идутъ вразрѣзъ съ сознательными интересами и симпатіями. Указаніе на контроль сознанія много разъ повторяется у Михайловскаго. Выносится впечатлѣніе, будто Щедринъ страдалъ раздвоенностью. Контроль или „сознаніе огромнаго значенія литературы, а, слѣдовательно, и лежащей на ней отвѣтственности“ долженъ былъ постоянно урѣзывать, отсѣкать, ограничивать,—вообще стѣснять полетъ мысли писателя. Мнѣ кажется, что наличность у Щедрина подобной душевной раздвоенности ничѣмъ не доказана.

Если существуютъ на свѣтѣ библіоманы, то могутъ, пожалуй, существовать и литературоманы. Именно литературоманомъ изобразилъ Михайловскій Щедрина, но затѣмъ понялъ, что это характеристика не совсѣмъ лестная, и сталъ увѣрять, что его (Щедрина) муза лишь очень изрѣдка выбивалась изъ-подъ строжайшаго контроля сознанія, подъ которымъ онъ ее постоянно держалъ. Если эти утвержденія Михайловскаго—не простой перифразъ пошлыхъ упрековъ въ томъ, что Щедринъ „билъ по своимъ“, то источникъ ошибки критика очевиденъ: это — смѣшеніе личности Щедрина съ личностью Крамольникова, у котораго литературные интересы односторонне преобладаютъ надъ всѣми другими. Я уже показалъ, что именно элегія „Приключеніе съ Крамольниковымъ“ доказываетъ отсутствіе такой односторонности у самого Щедрина.

По словамъ Михайловскаго, въ союзѣ убѣжденнаго писателя съ читателемъ-другомъ Салтыковъ видѣлъ залогъ торжества литературы, а появленіе такого союза представляется Михайловскому лучшимъ памятникомъ, какой можетъ быть воздвигнутъ Щедрину. Къ сожалѣнію, нашъ критикъ слишкомъ буквально и узко понимаетъ „читателя“. Вѣдь онъ и самъ пришелъ въ концѣ концовъ къ характеристикѣ Щедрина, какъ борца за торжество идеалистическихъ началъ въ жизни! Нужно ли доказывать, что содержаніе идеалистическихъ стремленій у Щедрина не исчерпывается никакимъ, даже самымъ тѣснымъ и прочнымъ, союзомъ писателя и читателя, никакою, даже самой полной, свободой печатнаго слова?

Суживая размахъ и смыслъ щедринскаго творчества, Михайловскій останавливается на фразѣ изъ частнаго письма Сал-

тыкова къ Утину[1]). Въ письмѣ будто бы сказано, что Щедринъ признавалъ задачей своей литературной дѣятельности „спасти идеалъ свободнаго изслѣдованія, какъ неотъемлемаго права каждаго человѣка". Михайловскій въ концѣ концовъ вынужденъ признать, что это опредѣленіе не покрываетъ всего содержанія щедринскаго творчества. Совершенно вѣрно. Слѣдовало только отмѣтить, что и самъ Щедринъ въ цитируемомъ письмѣ не ограничиваетъ своихъ задачъ столь узкими рамками.

Въ письмѣ говорится только о трехъ произведеніяхъ: „Благонамѣренныя Рѣчи", „Господа Головлевы", „Круглый Годъ". Но и цѣль этихъ трехъ произведеній вовсе не ограничивается задачей спасти идеалъ свободнаго изслѣдованія. „Я обратился,—говоритъ Щедринъ,—къ семьѣ, къ собственности, къ государству и далъ понять, что въ наличности ничего этого уже нѣтъ. Что, стало быть, принципы, во имя которыхъ стѣсняется свобода, уже не суть принципы даже для тѣхъ, которые ими пользуются". Эти принципы были въ свое время идеалами; но *совершенство идеаловъ* зависитъ „отъ усвоенія человѣкомъ тайнъ природы и происходящаго отсюда *развитія прикладныхъ наукъ*".

Почему же возстаетъ Щедринъ противъ крѣпостническихъ формъ семьи, собственности и государства? Потому ли, что они мѣшаютъ свободному изслѣдованію? Или потому, что они уже не соотвѣтствуютъ уровню развитія прикладныхъ наукъ и потому являются тормазомъ общественнаго развитія? Отвѣтъ ясенъ самъ собою, и нужно было низвести Щедрина до Крамольникова, чтобы разсуждать такъ, какъ разсуждаетъ Михайловскій.

Подобно Соловьеву, Михайловскій въ самомъ ходѣ работы высвобождается изъ-подъ давленія побочныхъ впечатлѣній и начинаетъ глубже оцѣнивать произведенія Щедрина. Изъ литературомана, муза котораго, къ счастью, лишь изрѣдка выбивается изъ-подъ строжайшаго контроля, Щедринъ превращается въ писателя, до конца жизни звавшаго въ тотъ міръ идеала и вѣры въ будущее, который одинъ только можетъ спасти отъ губительной цѣпкости мелочей жизни. Умирая, онъ боялся одного, — что недалеко то время, когда всякое указаніе на идеалы будущаго станетъ возбуждать только смѣхъ. На краю могилы Щедринъ былъ столь же горячимъ защитникомъ руководящихъ идеаловъ, какъ и на зарѣ своей литературной дѣятельности.

Далѣе Михайловскій приходитъ къ выводу, что центръ тяжести всѣхъ произведеній Салтыкова заключается въ протестѣ противъ подневольныхъ и безсознательныхъ союзовъ, дающихъ просторъ злу и налагающихъ цѣпи на всякій порывъ къ добру. Оставляя въ сторонѣ мысль Салтыкова о зависимости идеаловъ

---

[1]) Это письмо приведено въ сборникѣ статей Утина—„Изъ литературы и жизни".

отъ прикладныхъ знаній,—а, слѣдовательно, и объ относительной цѣнности подневольныхъ и безсознательныхъ союзовъ,—Михайловскій говоритъ, что завѣтную мечту Щедрина составляетъ вольный и сознательный союзъ, помогающій всестороннему развитію личности и удовлетворенію всѣхъ ея потребностей. Слегка исказивъ, такимъ образомъ, мысль Щедрина примѣнительно къ своимъ собственнымъ взглядамъ, нашъ критикъ указываетъ далѣе, что, по свойству своего таланта, Щедринъ не отдавался прямому, положительному развитію своего идеала, а занимался „облеченной въ художественную форму критикой общественныхъ явленій съ точки зрѣнія идеальнаго союза". Михайловскій подчеркиваетъ послѣднюю фразу, такъ какъ, по его мнѣнію, ею резюмируется вся дѣятельность Щедрина.

Идеалъ Салтыкова, продолжаетъ критикъ, слишкомъ возвышенъ, чтобы можно было думать о немедленномъ и полномъ его осуществленіи. Но онъ долженъ и сейчасъ руководить нами, освѣщая нашъ трудъ, борьбу и жертвы. Это свѣтлая точка, маякъ, опредѣляющій направленіе нашей дѣятельности. Щедринская критика самымъ процессомъ своимъ дѣлала положительное, творческое дѣло, такъ какъ имѣла въ своемъ основаніи опредѣленные, положительные идеалы. Глубокимъ анализомъ формъ и содержанія разныхъ союзовъ Щедринъ будилъ сознаніе русскаго общества, а это сознаніе—первое условіе для приближенія къ идеалу. Благодаря Салтыкову мы хорошо изучили маскарадъ лицемѣрныхъ поборниковъ отжившихъ безсознательныхъ союзовъ.

Всякая сила, говоритъ Михайловскій, получала для Салтыкова значеніе по тому направленію, которое она принимала подъ вліяніемъ сознанія и воли. Общественный союзъ, составлявшій его идеалъ, отмѣченъ тою же печатью сознанія и воли. Сознаніе и воля, высшія способности человѣческаго духа, должны царить надъ всѣмъ міромъ; если же борьба противъ силъ природы и исторіи оказывается непосильной, и приходится терпѣть гнетъ, то нужно переносить свое положеніе, какъ носилъ цѣпи Прометей, то есть все-таки не подчиняясь.

Въ опредѣленіи Михайловскимъ отношенія Щедрина къ вопросу объ идеалахъ слѣдуетъ отмѣтить двѣ стороны. Во-первыхъ, онъ говоритъ о Щедринѣ, какъ о писателѣ, звавшемъ насъ вообще въ міръ идеала и боровшемся противъ безсознательности; при этомъ содержаніе идеаловъ не предрѣшается. Во-вторыхъ, Михайловскій говоритъ о Щедринѣ, какъ о человѣкѣ съ опредѣленными соціальными идеалами, которые и проводились писателемъ путемъ критики отжившихъ союзовъ. Съ какими же, въ самомъ дѣлѣ, положительными запросами долженъ подходить читатель къ сочиненіямъ Щедрина? Долженъ ли онъ искать опредѣленія формъ идеальнаго союза и указанія путей къ нему? Если да, то контингентъ возможныхъ читателей-друзей

опредѣлится не совсѣмъ тѣми границами, какими онъ опредѣлился бы, если бы за наиболѣе существенную сторону произведеній Щедрина былъ признанъ призывъ въ „страну идеала“ вообще. При томъ или иномъ рѣшеніи даннаго вопроса читатель-другъ различно будетъ пользоваться своимъ писателемъ-другомъ.

Изъ приведенной выше фразы, подчеркнутой самимъ Михайловскимъ, слѣдуетъ заключить, что нашъ критикъ склоненъ обращать главное вниманіе на содержаніе отрицательныхъ явленій. Критика общественныхъ явленій съ точки зрѣнія идеальнаго союза,—таково резюме Михайловскаго. Между тѣмъ отъ его глазъ не ускользнуло то обстоятельство, что Щедринъ приписываетъ важное значеніе самому факту пробужденія идеальныхъ стремленій. Михайловскій довольно близко подходитъ къ рѣшенію вопроса въ другую сторону, особенно когда говоритъ о вѣрѣ Щедрина въ будущее.

Салтыкову очень нравилась мысль о загробномъ продолженіи земной битвы...—Я не знаю писателя, котораго мысль о будущемъ, какъ о наслѣдникѣ и судьѣ настоящаго, посѣщала бы такъ часто, какъ Щедрина... У него вездѣ мысль о загробномъ судѣ, то есть о судѣ грядущихъ поколѣній,—сообщаетъ Михайловскій въ разныхъ мѣстахъ своей статьи.

Что такое это щедринское представленіе о загробномъ продолженіи земной битвы?

Потребность жить такъ или иначе, хотя бы мысленно, за предѣлами кратковременнаго физіологическаго существованія всегда была присуща человѣку. Она такъ же естественна, какъ естественъ инстинктъ боязни смерти. Въ разное время эта потребность удовлетворялась представленіями различной категоріи. Общество и классы, находящіеся въ процессѣ роста или завоеванія себѣ положенія, обращаютъ главное вниманіе на мысленное расширеніе рамокъ жизни земной. Индивидуумъ сливаетъ свои интересы съ интересами всей группы, борется за интересы группы, живетъ ими, жертвуетъ собою за ихъ торжество. Напротивъ, члены общества или классовъ, изжившихъ періодъ своего роста, безнадежно смотрятъ на будущее; лишенные утѣшенія продолжить свою жизнь въ жизни группы, они создаютъ себѣ фантомы существованія сверхъестественнаго. Въ новой исторіи, въ періодъ капиталистическаго развитія, классы первой категоріи проникаются горячей вѣрой въ земные идеалы, классы второй категоріи ищутъ утѣшенія въ воскрешеніи полуистлѣвшихъ наивныхъ вѣрованій или, въ лучшемъ случаѣ, въ идеалистической философіи.

Съ тѣхъ поръ, какъ стали выясняться противорѣчія капиталистическаго строя, все рѣзче и рѣзче бросается въ глаза тотъ фактъ, что единственнымъ искреннимъ носителемъ земныхъ

идеаловъ, единственнымъ борцомъ за нихъ можетъ быть только пролетаріатъ. Буржуазія не можетъ уже подвергать безтрепетному и безпощадному анализу сущность строя, дающаго ей господство и благоденствіе. Она закрываетъ поневолѣ глаза на тенденцію развитія производительныхъ силъ и на неизбѣжные результаты этого развитія. Для нея будущее мрачно и уныло. Еще меньше хорошаго сулитъ оно мелкому производителю, не желающему разстаться съ мечтой о возстановленіи гибнущаго хозяйства. Только пролетаріатъ съ горячимъ упованіемъ взираетъ на будущее, только онъ одинъ является классомъ-идеалистомъ, обходящимся и безъ средневѣковыхъ суевѣрій, и безъ идеалистической философіи.

Анализъ тенденціи общественнаго развитія мало того, что наполняетъ сердце пролетарія горячей вѣрой въ побѣду надъ этимъ проклятымъ міромъ насилія и эксплоатаціи,—онъ даетъ удовлетвореніе естественному стремленію отъ несовершеннаго къ совершенному, онъ обнадеживаетъ разрѣшеніемъ мучительныхъ противорѣчій общественной жизни. Стремленіе къ совершенному—такая же естественная потребность человѣческаго духа, какъ и стремленіе жить мыслью за предѣлами физіологическаго существованія. Разрѣшеніе противорѣчій общественнаго производства грозитъ гибелью эксплоататорскимъ классамъ,—они вынуждены искать совершенства за предѣлами земной жизни,—въ лучшемъ случаѣ опять-таки въ эмпиреяхъ идеалистической философіи.

Наконецъ, и въ предѣлахъ физіологическаго существованія человѣкъ чувствуетъ себя одинокимъ и безпомощнымъ, если не сольетъ задачъ своей жизни съ задачами большого цѣлаго. Но можно ли горячо и искренне сливать свою жизнь съ интересами умирающаго общественнаго организма? Вѣдь это значитъ чувствовать себя самого какъ бы находящимся постоянно въ періодѣ упадка, терпящимъ непрерывныя пораженія безъ надеждъ впереди! Вотъ почему судьба умирающаго класса—поставлять только образчики эгоизма, индифферентизма или предательства. Все живое бѣжитъ изъ этого класса, становится на точку зрѣнія класса, которому принадлежитъ будущее. Въ наше время такимъ классомъ является только пролетаріатъ,—и потому только въ пролетаріатѣ цѣнятся идеалистическія стремленія, борьба за земные идеалы. Представители другихъ классовъ вынуждены или связывать свою судьбу съ волею продуктовъ фантазіи, или искать забвенія въ трансцендентныхъ дебряхъ идеалистической философіи.

Характерно, что и у насъ въ Россіи, какъ вездѣ, идеологи буржуазіи изъ кожи лѣзутъ, чтобы затуманить головы идеалистической философіей. Перебѣжчики изъ соціалъ-демократіи, вродѣ Струве и Бердяева, начали именно съ того, что объявили войну борьбѣ за земные идеалы.

Борьба за идеалы въ наше время—удѣлъ единственно пролетаріата и его идеологовъ. Тѣмъ самымъ приходится признать и обратное: человѣкъ, ставящій въ своей жизни на первомъ планѣ борьбу за идеалы, является въ силу этого пролетарскимъ идеологомъ именно постольку, поскольку въ его жизни (или въ его произведеніяхъ, если это писатель) выдвигается на первое мѣсто требованіе борьбы за земные идеалы. Только при этой борьбѣ загробное продолженіе земной битвы происходитъ на той же землѣ.

Битва расширяется во времени, выростаетъ до размѣровъ интернаціональной солидарности борющихся всѣхъ націй. Нуженъ планъ кампаніи, нужно ясное представленіе о результатахъ конечной побѣды. Планъ кампаніи опредѣляется изученіемъ процесса развитія. Результаты конечной побѣды великой битвы намѣчаются лишь въ самыхъ общихъ положеніяхъ: деталей нельзя предвидѣть. Но общія положенія достаточно ясны, чтобы дать руководящую нить, чтобы блистать въ сознаніи яркимъ маякомъ далекой пристани. Только имѣя передъ глазами этотъ маякъ конечной цѣли, вы не превращаете движеніе въ безплодную сутолоку.

Люди того класса, который боится глядѣть въ будущее, назовутъ вашу цѣль утопіей,—не бойтесь словъ! Лишь бы ваша „утопія“ была плодомъ добросовѣстнаго и безпристрастнаго изученія тенденціи развитія производительныхъ силъ,—можете быть увѣрены, что въ концѣ концовъ безпочвенными утопистами окажутся именно ваши трезвые противники, лавирующіе, изворачивающіеся, то прячущіе голову въ песокъ, какъ страусъ, то пытающіеся взлетѣть въ трансцендентную высь на куриныхъ крыльяхъ буржуазной ограниченности!

Лѣтъ десять тому назадъ, когда русскій марксизмъ только-что появился изъ подполья, на марксистовъ обрушились упреки въ томъ, что они отказываются отъ идейнаго наслѣдства предыдущихъ поколѣній русскихъ борцовъ за идеалы. Марксистамъ пришлось отписываться, пришлось выяснять, „отъ какого наслѣдства мы отказываемся“ (Вл. Ильинъ) и „какое наслѣдство мы принимаемъ“ (Потресовъ). Обвиненія противъ марксистовъ оказались облыжными. И выясняя литературную физіономію Щедрина, приходится сказать, что огромную долю щедринскаго литературнаго наслѣдства съ удовольствіемъ принимаютъ нынѣшніе идеологи пролетаріата.

Щедринъ цѣненъ для насъ постольку, поскольку онъ звалъ къ борьбѣ за земные идеалы, а этотъ призывъ—основной мотивъ всѣхъ произведеній Щедрина. Пусть люди умирающихъ классовъ называютъ всякіе идеалы утопіями,—Щедринъ не боится страшныхъ словъ. Утопіи, такъ утопіи! Нужно только условиться относительно свойства пріемлемыхъ нами утопій. Щедринъ предъ-

являетъ къ утопіямъ два ограничительныхъ требованія. Всякая утопія—нелѣпость въ томъ случаѣ, если не можетъ указать, *какимъ образомъ* нужно вести человѣка къ его будущимъ судьбамъ. Это во-первыхъ. Выраженіе „нужно вести" для насъ, правда, непріемлемо; нужно только замѣтить, что и самъ Щедринъ не долго оставался на точкѣ зрѣнія „веденія". Позже, вводя второе ограничительное требованіе, Щедринъ говоритъ: „Ошибка утопистовъ состояла въ томъ, что они, такъ сказать, учитывали будущее, уснащая его мельчайшими подробностями. Стоя почти исключительно на почвѣ психологической, они думали, что человѣкъ самъ собой, независимо отъ внѣшней природы и ея тайнъ, при помощи одной доброй воли, можетъ создать свое благополучіе. Тѣмъ не менѣе идея освобожденія жизни отъ мелочей продолжаетъ волновать мыслящіе умы. Но къ ней прибавилась и еще безспорная истина, что жизнь не можетъ и не должна оставаться неподвижной" („Мелочи Жизни"). Нашъ читатель безъ труда замѣтитъ, насколько удаляется уже Щедринъ отъ царившей въ его время теоріи „критически-мыслящей личности", по своему произволу перестраивающей общественныя отношенія. Естественно, что современники Щедрина обвиняли его въ битьѣ по своимъ или защищали (защита эта не лучше обвиненія!), увѣряя, что муза Щедрина очень рѣдко (!) выбивалась изъ-подъ „контроля сознанія".

Принявъ приведенныя выше ограниченія, Щедринъ горячо и страстно отстаиваетъ законность „утопій". Какъ ни возставайте противъ утопій—безъ нихъ истинно-плодотворная работа мысли невозможна. „Утопизмъ" пугаетъ только улицу. Измѣняемость общественныхъ формъ предрекаетъ человѣческому творчеству обширное будущее. Какъ Крамольниковъ беззавѣтно вѣрилъ въ возстановленіе человѣческаго образа, просвѣтленнаго и очищеннаго, подобно этому и Щедринъ никогда не терялъ вѣры въ будущее. Въ самый мрачный періодъ восьмидесятыхъ годовъ громко раздавался его голосъ, его защита утопій и „бредней". Человѣческое никогда окончательно не погибало,—говорилъ въ это время Щедринъ,—и не погибнетъ! Чтобы оно восторжествовало, необходимо только одно: понять, что гіенство вовсе не обладаетъ волшебными чарами. Когда произойдетъ просвѣтлѣніе, не будетъ надобности въ прирученіи гіенства: зачѣмъ? Оно все равно не перестанетъ смердить, да и возни съ прирученіемъ много!..

И вотъ за необходимость этого-то просвѣтлѣнія, за сознательность въ сферѣ общественной всю жизнь ратуетъ Щедринъ. Истинная сознательность невозможна иначе, какъ въ видѣ представленія о конечномъ идеалѣ, къ выясненію и осуществленію котораго должны быть направлены всѣ усилія. Подводя въ „Пошехонской Старинѣ" итоги всей своей литературной дѣятельности, Щедринъ справедливо говоритъ: „Не погрязайте въ подробностяхъ

настоящаго—говорилъ и писалъ я,—но воспитывайте въ себѣ идеалы будущаго; ибо это своего рода солнечные лучи, безъ оживотворяющаго дѣйствія которыхъ земной міръ обратился бы въ камень. Не давайте окаменѣть и сердцамъ вашимъ! Вглядывайтесь часто и пристально въ свѣтящіяся точки, которыя мерцаютъ въ перспективахъ будущаго. Только недальнозоркимъ умамъ эти точки кажутся безпочвенными и оторванными отъ дѣйствительности... Что такое жизнь, лишенная идеаловъ? Это совокупность развращающихъ мелочей—и только!"

Это и есть та формулировка основного мотива произведеній Щедрина, которую приходится признать единственно правильной. Принявши ее за исходный пунктъ, мы легко найдемъ прямой путь къ цѣлостному освѣщенію литературной физіономіи сатирика,—всего, когда-либо написаннаго имъ. Чтобы развить въ читателяхъ идеальныя стремленія, Щедринъ прежде всего и больше всего анализируетъ пагубную роль безсознательности, затѣмъ ея разновидностей: самодовольной ограниченности, пошлости, обыденности и привычки.

Но полнымъ отсутствіемъ сознательности не ограничиваются помѣхи плодотворной сознательной дѣятельности. Пробудившееся сознаніе можетъ пойти по ложному практическому пути и остаться безплоднымъ. Поэтому Щедринъ безпощадно обрушивается на всякое увлеченіе подробностями и мелочами, на суженіе задачъ и уступки. Онъ не находитъ достаточно сильныхъ словъ, чтобы заклеймить глубочайшимъ презрѣніемъ людей компромисса,—оппортунистовъ всѣхъ сортовъ. Не менѣе сильно клеймитъ онъ практическую повадливость, трусость, воображаемое благоразуміе.

Посрединѣ между безсознательностью и искаженной сознательностью стоятъ безсознательное лицемѣріе и безсознательное лганье. Это спеціально щедринскія опредѣленія: въ обыденной жизни лганье всегда предполагается сознательнымъ,—иначе это просто ошибка или незнаніе.

Но Щедринъ вѣрно подмѣтилъ, что люди часто не хотятъ знать правды; они намѣренно уклоняются отъ истины и прячутся за старыми словами, потерявшими смыслъ. Безсознательные лгуны искренни, потому что вѣрятъ (или думаютъ, что вѣрятъ) въ то, что говорятъ; но въ то же время это—лгуны, потому что они боятся думать, имъ невыгодно идти въ выводахъ до конца.

Можно было бы привести множество ссылокъ на сочиненія Щедрина въ подтвержденіе вышесказаннаго,—вѣрнѣе, можно было бы привести всего Щедрина. Но это значило бы уже произвести изслѣдованіе о Щедринѣ, а не о его критикахъ.

Несомнѣнно, что человѣкъ, ставившій цѣлью своей жизни выяснить необходимость прямой и послѣдовательной борьбы за идеалы, не могъ самъ не обладать таковыми. Несомнѣнно, что

онъ не щадилъ тѣхъ формъ общественности, которыя считалъ уже отжившими. Но несомнѣнно также, что критика отжившихъ общественныхъ формъ имѣла у Щедрина въ основѣ своей не столько противопоставленіе старымъ формамъ новыхъ, сколько идею необходимости борьбы за новыя формы. Вотъ почему произведенія Щедрина гораздо глубже и долговѣчнѣе всякихъ произведеній, имѣющихъ цѣлью опредѣленную борьбу за конкретныя требованія. Самое существенное и самое цѣнное въ Щедринѣ—защита самаго принципа борьбы за идеалы, выясненіе необходимости такой борьбы. И пока борьба за идеалы не потеряетъ значенія въ жизни человѣка, до тѣхъ поръ не потеряютъ жизни сочиненія Щедрина. Все временное, мѣстное и случайное, что поглощало исключительное вниманіе современниковъ, будетъ получать все болѣе значеніе простыхъ аксессуаровъ,—и все выпуклѣе будетъ съ каждымъ новымъ поколѣніемъ вырисовываться основная идея.

Борьба за самые отдаленные, самые свѣтлые, самые совершенные идеалы!

Никакихъ уступокъ, никакихъ компромиссовъ! Безполезно убѣждать теоретиковъ обузданія! Никакой поблажки гіенству, никакой попытки приручить его! Своей опредѣленной дорогой идите въ страну идеала, изслѣдуя, взвѣшивая, но не уступая и не отступая! Никакихъ отклоненій отъ своего пути, ни ради „осязательныхъ результатовъ“, ни во имя достиженія частичныхъ цѣлей и мнимаго укрѣпленія позицій! Впередъ, впередъ и впередъ!

Если таковы принципы, красной нитью проходящіе черезъ всѣ произведенія Щедрина (а эти принципы именно таковы), то понятнымъ становится, какъ близокъ, какъ дорогъ и *современенъ* долженъ быть Щедринъ тѣмъ изъ насъ, кто живо и страстно проникнутъ идеалами пролетаріата,—единственно-возможнаго въ наше время борца за идеалы.

Правда, у насъ есть свои признанные учителя, которые даютъ болѣе конкретныя указанія на формы и способы принципіально-выдержанной борьбы за пролетарскіе идеалы. Марксъ, Энгельсъ, Каутскій и другіе учителя международнаго научнаго соціализма вскрыли конкретныя формы классовыхъ противорѣчій съ такой полностью и точностью, какія были недоступны русскому соціалисту-утописту. Кромѣ того, Щедринъ прежде всего художникъ. Не дѣло художника давать прямые совѣты и указанія. Его область—главнымъ образомъ область изслѣдованія тѣхъ психологическихъ надстроекъ, которыя не опредѣляютъ, правда, формъ классовой борьбы, но зато одухотворяютъ, облекаютъ плотью и кровью личность, черезъ которую императивы классовой борьбы получаютъ свое конкретное осуществленіе.

Психологическое изслѣдованіе, облеченное въ художественную форму, формулируетъ личность, опредѣляетъ характеръ ея дѣятель-

ности. Формированіе принципіально выдержанной, устойчивой личности неуклоннаго борца за идеалы предохранитъ тактику партіи рабочаго класса отъ тѣхъ уклоненій и искаженій, которыя легко возможны въ отдѣльные моменты подъ вліяніемъ сложности и запутанности общественныхъ отношеній.

Сочиненія Щедрина могутъ и должны сыграть не послѣднюю роль въ дѣлѣ такого формированія личности.

М. Ольминскій.

Къ исторіи русской журналистики и общественности.

„Русское слово“.

(1859—1865 гг.).

X.

Въ обществѣ между тѣмъ все накоплялась тревога и недовольство. Самъ Филаретъ писалъ: „Много земель остается невоздѣланныхъ. Торгующій классъ страждетъ. Дворяне понесли большія утраты. Сказываютъ, что изъ Петербурга не одно сто семействъ выселилось за-границу. Слухи все не обнадеживаютъ, а устрашаютъ“.

Попытки правительства воздѣйствовать „морально“,—распространенію вредныхъ идей противодѣйствовать идейнымъ же путемъ, — такія попытки, какъ созданіе оффиціальнаго органа „Сѣверный Почты“ [1]), разрѣшеніе полемики съ Герценомъ и т. п.— не приводили къ желаемымъ результатамъ. „Сѣверная Почта“ не имѣла никакого успѣха, такъ какъ взяла на себя неисполнимую задачу—совмѣстить несовмѣстимое... [2]) Полемика съ Герценомъ, превращенная Катковымъ—въ союзѣ съ другими реакціонными органами (при безмолвіи иныхъ органовъ) въ односторонній лай, мало содѣйствовала развѣнчанію Герцена и прекращенію смуты.

---

[1]) Сюда же слѣдуетъ отнести возникшій въ 1862 г. и субсидируемый реакціонный органъ „Наше Время“.

[2]) Инициаторы оффиціальнаго изданія мечтали, что „даже при редакторѣ съ посредственными только дарованіями органъ распространится по Россіи въ огромномъ числѣ экземпляровъ и... рѣшительно вытѣснитъ всѣ прочія политическія газеты изъ среднихъ и низшихъ классовъ публики“. А Никитенко—первый редакторъ „Сѣв. Почты“—свидѣтельствуетъ, что успѣхъ оф. органа, ставшаго „вмѣстилищемъ только циркуляровъ и указовъ“, былъ настолько великъ, что возникла мысль о принудительной выпискѣ „Сѣв. Почты“ во всѣ оффиц. учрежденія... Никитенко чрезъ ½ года отказался отъ редакторства.

Въ то же время многія обстоятельства и дѣйствія администраціи лишь сильнѣе наэлектризовывали общественную атмосферу.

Въ февралѣ 62 г. тринадцать тверскихъ мировыхъ посредниковъ письменно заявили мѣстному губернскому по крестьянскимъ дѣламъ присутствію, что „они впредь намѣрены руководствоваться въ своихъ дѣйствіяхъ воззрѣніями и убѣжденіями, несогласными съ положеніями 19-го февр. 61 г., и что всякій другой образъ дѣйствій они признаютъ враждебнымъ обществу“. За это заявленіе всѣ они были преданы суду сената и заключены въ Петропавловскую крѣпость [1]).

Въ мартѣ проф. Павловъ за свою публичную лекцію („Тысячелѣтіе Россіи“) поплатился ссылкой въ Ветлугу. Отдѣльныя фразы и слова его рѣчи, по существу безобидной [2]), были доложены въ искаженномъ и перетолкованномъ видѣ; въ результатѣ Павловъ оказался виновнымъ въ томъ, что „дозволилъ себѣ выраженія и возгласы, не находившіеся въ статьѣ, пропущенной цензурою, и клонящіеся къ возбужденію неудовольствія противъ правительства“ [3]).

Общество и молодежь были страшно возмущены ссылкой Павлова, пользовавшагося любовью и уваженіемъ.

Въ мартѣ же 106 офицеровъ разныхъ родовъ оружія печатно заявили свой протестъ противъ флигель-адъютанта, кн. Витгейнштейна, который въ своей статьѣ „Кавалерійскіе очерки“ защищалъ тѣлесныя наказанія, такъ какъ они, „по своей непродолжительности и удобству исполненія, представляютъ неисчислимыя выгоды; ихъ можно назначать и на бивуакахъ, и подъ самымъ непріятельскимъ огнемъ, избѣгая слишкомъ медленной процедуры и проволочекъ“.

Въ своемъ протестѣ офицера писали редактору „Военнаго Сборника“, помѣстившаго статью князя:

„...Намъ непріятно видѣть, что дикія сужденія иностранцевъ о томъ, что нужно и чего не нужно русскому офицеру и солдату, находятъ мѣсто въ журналѣ, котораго редакція ввѣрена вамъ, м. г., конечно, не для того, чтобы распространять въ нашемъ военномъ сословіи невѣжество и проводить взгляды, доказывающіе возмутительное непониманіе духа русскаго солдата и потребностей общества“...

---

[1]) Барсуковъ, т. 19, стр. 31—35. Никитенко, т. 2, стр. 96.

[2]) Основная мысль ея такая: какъ въ древней, такъ и въ новой Россіи были извѣстныя общественныя группы, пользовавшіяся тѣми или другими правами, только масса населенія всегда стояла внѣ правового порядка.

[3]) Никитенко, т. 2., стр. 73. Лемке. Эпоха..., стр. 124—127. Пантелѣевъ. Восп. Барсуковъ излагаетъ эту исторію съ обычнымъ „душкомъ“. См. т. 19, стр. 104—106.

Этотъ протестъ, являясь подвигомъ гражданскаго мужества, вскрывалъ вмѣстѣ съ тѣмъ происходившую и въ военной средѣ работу мысли и совѣсти. „Надо вспомнить офицерскую массу сорокъ лѣтъ тому назадъ, чтобы понять, насколько серьезенъ былъ такой открытый протестъ офицеровъ, не могшихъ, значитъ, сговориться безъ достаточно серьезнаго повода. Передовое общество съ необыкновеннымъ оживленіемъ встрѣтило этотъ почти героическій шагъ людей, не забывавшихъ за мундиромъ и саблей интересовъ общественныхъ, чувствъ общечеловѣческихъ. Всѣмъ было ясно, какая сила стояла за этимъ... протестомъ души, наболѣвшей отъ свиста палокъ и шпицрутеновъ“ [1]).

Частичнымъ показателемъ возбужденія и недовольства, накоплявшихся въ обществѣ, было продолжавшееся распространеніе прокламацій, возникавшія то здѣсь, то тамъ волненія въ учебныхъ заведеніяхъ и т. д.

Въ появившейся въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1862 г. прокламаціи „*Земская Дума*“ говорилось:

„Чтобы измѣнить существующій порядокъ управленія, основанный на насиліи, беззаконіи и произволѣ, разоряющій Россію, развращающій народъ, образовалась партія—земская дума. Цѣль ея:

„Полное освобожденіе крестьянъ со всею владѣемою ими землею и созваніе земской Думы изъ выборныхъ отъ всѣхъ сословій для возстановленія новаго „Уложенія“ и опредѣленія размѣровъ и способовъ вознагражденія помѣщиковъ средствами всего государства.

„На-дняхъ бывшее общее собраніе Думы изъ депутатовъ отъ всѣхъ областныхъ кружковъ дало намъ возможность счесть свои силы, опредѣлить программу дѣйствій и выступить, какъ организованная партія.

„Крайнимъ срокомъ мирной агитаціи для распространенія своихъ убѣжденій мы назначаемъ день „тысячелѣтія“ Россіи. Къ этому сроку мы надѣемся предъявить правительству,—въ совершенной неспособности котораго мы глубоко убѣждены,—свои требованія въ такой формѣ, предъ которой оно должно будетъ уступить.

„Чѣмъ меньше разумныхъ силъ останется къ этому времени на сторонѣ правительства, тѣмъ меньше будетъ оно въ состояніи противиться законнымъ требованіямъ народа, тѣмъ меньшихъ жертвъ будетъ стоить переходъ къ новому порядку. Поэтому, рѣшивъ во что бы то ни стало достигнуть предположенной цѣли, мы обращаемся ко всѣмъ честнымъ и благомыслящимъ людямъ съ просьбою и совѣтомъ идти заодно съ нами и не поддерживать

[1]) Лемке. Эпоха..., стр. 138—139.

существующаго порядка. Присоединяться къ намъ мы просимъ организованные кружки и лицъ, полагающихся на свои силы" [1]).

Затѣмъ появились прокламаціи „Къ офицерамъ", „Къ образованнымъ классамъ" и др.

Содержаніе прокламаціи *„Къ офицерамъ"* слѣдующее:

„Офицеры! Настало время каждому честному офицеру спросить у своей совѣсти: чего ему держаться въ виду совершающихся событій. Жизнь Россіи невозможна безъ коренныхъ реформъ. Правительство само это сознало"...

Изобразивъ далѣе положеніе различныхъ классовъ населенія и противоположность интересовъ двухъ главныхъ группъ государства—правящихъ слоевъ и народа,—воззваніе продолжало:

„Ваша задача—не искать, къ какому пристать сословію, а къ какому пристать убѣжденію!

„Обдумать это, провѣрить свои убѣжденія надобно теперь же. На каждомъ человѣкѣ прежде всего лежитъ служба истинѣ и отечеству. Каждый русскій знаетъ, что для блага его родины необходимо: освободить крестьянъ съ землею, освободить народъ отъ чиновниковъ, отъ плетей; дать всѣмъ сословіямъ одинаковыя права на развитіе своего благосостоянія, дать обществу свободу самому распоряжаться своими дѣлами и установлять налоги; не хватать безъ суда; необходимъ гласный судъ и право каждому высказывать свои мысли.

„Никто—и само правительство—не можетъ отвергнуть честности этихъ убѣжденій, а между тѣмъ васъ, офицеровъ, поведутъ противъ насъ. Васъ, русскихъ, заставятъ убивать русскихъ.

„Офицеры! Подумайте о времени, которое мы переживаемъ, подумайте о бѣдномъ, угнетенномъ народѣ, о нашей жалкой родинѣ" [2]).

О настроеніи „командующихъ" сферъ и лицъ, близко къ нимъ стоящихъ, а равно и о томъ, какъ мало они понимали (вѣрнѣе, совсѣмъ не понимали) сущность и основныя причины совершающихся событій и „смуты",—говорятъ слѣдующіе примѣры.

Директоръ департамента полиціи, гр. Д. Толстой, писалъ: „Дѣла внутренней политики... день ото дня хуже. Подъ вліяніемъ чиновничьей партіи возникла другая, уже крайне красная. Доселѣ Герценъ и Огаревъ были апостолами революціи и читались въ столицѣ почти публично; теперь доморощенные демагоги нашли ихъ устарѣвшими и начали издавать свои подпольные листки. Вскорѣ появились и прокламаціи, вполнѣ зажига-

---

[1]) Второе приложеніе къ „Историч. сборнику" Базилевскаго, стр. 67—68.

[2]) „Свободное Слово", 1862 г. „Колоколъ", № 133. Приведена также въ приложеніи къ „Историч. сборнику" Базилевскаго, стр. 68—69.

тельныя. Онѣ ходили по городу, ихъ разносили по домамъ, всовывали въ карманы проходящихъ, и полиція не открывала виновныхъ. Сколько нужно было увѣренности въ безнаказанности, чтобы рѣшиться предпринять, напримѣръ, изданіе журнала подпольнаго? Вѣдь нельзя же въ самомъ дѣлѣ вѣрить, что всѣ эти листы, тысячами разбросанные въ столицѣ и разосланные по губерніямъ, печатались ручными станками. Да если бы это было и такъ, такихъ станковъ потребовалось бы множество. Какъ же не знали о ихъ существованіи? Какъ, наконецъ, не знали, когда да и кому провезены они чрезъ таможню?“ [1]).

Такимъ образомъ, по мнѣнію старшаго полицейскаго, вся причина смуты въ томъ, что полиція плохо смотрѣла, а, слѣдовательно, чтобы уничтожить зло, нужно усилить бдительность полиціи и тщательно разыскивать „станки“...

Умѣренный и аккуратный Никитенко полагаетъ, что причина заключается въ необузданности требованій „красныхъ“ и стремительности прогресса, и, слѣдовательно, если прогрессъ дѣлать полегоньку да потихоньку, то все будетъ ладно.

„Страшную будущность готовятъ Россіи всѣ эти ультра-прогрессисты. И чего хотятъ они? Вмѣсто постепенныхъ, конечно, безотлагательныхъ реформъ, вмѣсто разумнаго движенія впередъ, они хотятъ крутого переворота, хотятъ революціи и пытаются произвести ее искусственнымъ образомъ. Безумные слѣпцы! Будто они не знаютъ, какая революція возможна въ Россіи! Имъ хочется порисоваться на сценѣ, хочется поиграть въ исторію: исторія ихъ первыхъ смелетъ, какъ мельничный жерновъ дряное жито или овесъ, и унесетъ въ своемъ водоворотѣ“ [2]).

„Настоящее поколѣніе,—пишетъ Никитенко въ другомъ мѣстѣ,—признаетъ одно начало—оппозицію противъ всякой руководящей власти, всякаго нравственнаго авторитета. Оно признаетъ за собою—и только за собою—*безусловную* свободу...

„...Если извѣстная партія одолѣетъ, тогда всѣмъ разумно-либеральнымъ, умѣреннымъ началамъ конецъ, и представители этихъ началъ будутъ смяты скачущею сломя голову и ломящею все толпою. А затѣмъ что: новый гнетъ, новый деспотизмъ?...“ [3]).

Въ доказательство того, что все это именно такъ и будетъ, Никитенко приводитъ слѣдующій свой—несомнѣнно апокрифическій—разговоръ съ „радикаломъ“.

— „Надо все разрушить: бей направо и налѣво.

— Для чего же?

— Разумѣется, чтобы истребить все накопившееся зло и достигнуть чего-нибудь лучшаго.

---

[1]) Барсуковъ, т. 19, стр. 118.

[2]) Дневникъ, т. 2, стр. 78.

[3]) Дневникъ, т. II, стр. 76, 78. Курсивъ Никитенки.

— Но кто же построитъ на мѣсто разрушеннаго это лучшее?

— Сама жизнь.

— Хорошо, но, во-первыхъ, кто же вамъ далъ право насильственно вести людей къ этому лучшему? Они не хотятъ имѣть васъ своими вождями: васъ никто къ тому не уполномочивалъ. Кто вы? Гдѣ ваши кредитивы? А во-вторыхъ, гдѣ гарантія, что это лучшее, ради котораго вы требуете столько жертвъ, будетъ дѣйствительно достигнуто?" [1]).

А священникъ Белюстинъ причину несчастья видитъ въ томъ, что петербургскіе попы плохо молятся и, въ виду ихъ бездѣятельности, предлагаетъ отдать всѣхъ „санкюлотовъ" на растерзаніе народу.

„Возмутительныя прокламаціи сыплются градомъ. Повсюдное раздраженіе противъ Адлербергов доходитъ до крайней степени, а они все на прежнемъ положеніи. Плакать готовъ я за добраго и благороднаго царя,—совсѣмъ осѣтили его, и никого и ничего не допускаютъ до него. Главные распространители прокламацій—голодная молодежь изъ чиновничьяго люда. Пролетаріатъ изъ этого люда—бездна многа. Все это будущіе санкюлоты. Въ Лондонѣ отпечатано пятьсотъ тысячъ экземпляровъ манифеста объ освобожденіи крестьянъ, съ прибавленіемъ: и съ землей, и отправлено въ Россію. А отвратительные попы петербургскіе и знать ничего не хотятъ; тамъ бы молиться и дѣйствовать до кроваваго поту, а они только и убиваются изъ-за своихъ тысячъ да изъ-за крестовъ".

Передавъ затѣмъ слухи объ обыскахъ, арестахъ и демонстраціяхъ въ Варшавѣ, іерей продолжаетъ: „А карманныя типографіи неутомимо работаютъ, вызывая народъ на всеобщую рѣзню, на уничтоженіе монастырей, церквей и пр. И тутъ правительство не видитъ, что эти самыя воззванія — наилучшее средство отпугнуть народъ отъ этихъ незваныхъ печальниковъ объ немъ! Дать бы имъ всю свободу, чтобъ они выставились повиднѣе, да и *указать бы народу: вотъ они, которые хотятъ наругаться надъ вашими храмами и сѣсть вамъ на шею; распорядись съ ними, какъ знаешь*. И головой — чего головой? — вѣчнымъ спасеніемъ я поручился бы, что народъ и на секунду не задумался бы разорвать ихъ по клочкамъ..." [2]).

Кровожадный іерей очень скоро имѣлъ случай утѣшиться и убѣдиться, что его проповѣдь не осталась безплодной. Въ 1862 г. жертвой возбужденія народной массы сдѣлался Обручевъ, осужденный (на 4 г. каторги) за распространеніе „Великоросса".

---

[1]) Дневникъ, т. II, стр. 85.
[2]) Барсуковъ, т. 19, стр. 121—122.

На площади, во время объявленія ему приговора, толпа требовала, чтобы ему тутъ же отрубили голову“ [1]).

Какъ видимъ, настроеніе призванныхъ и непризванныхъ блюстителей было весьма воинственнымъ, въ различныхъ бюрократически-полицейскихъ околоткахъ происходила мобилизація, выкатывались орудія...

Но одинъ маленькій печатный листокъ еще болѣе усилилъ это настроеніе и довелъ его прямо-таки до бѣлаго каленія.

Такимъ листкомъ оказалась появившаяся весной 1862 г. прокламація „*Молодая Россія*“.

Содержаніе „*Молодой Россіи*“ слѣдующее [2]):

„Россія вступаетъ въ революціонный періодъ своего существованія... Прослѣдите жизнь всѣхъ сословій—и вы увидите, что общество раздѣляется въ настоящее время на двѣ части, интересы которыхъ діаметрально противоположны и которыя, слѣдовательно, стоятъ враждебно одна къ другой.

„Снизу слышится глухой и затаенный ропотъ народа, народа угнетеннаго и ограбляемаго всѣми, у кого есть въ рукахъ хоть доля власти,—народа, который грабятъ помѣщики, продающіе ему его же собственную землю, и чиновники (отъ низшихъ до высшихъ), увеличивая болѣе и болѣе прямые и косвенные налоги и употребляя полученныя деньги не на пользу государства, а... ... (на расходы непроизводительные).“

Изобразивъ затѣмъ состояніе русскаго общества, раздѣленнаго на двѣ партіи—народъ, лишенный элементарныхъ правъ и небольшая привилегированная группа,—вслѣдствіе чего между ними постоянный антагонизмъ, а въ обществѣ и государствѣ—всевозрастающая безурядица, воззваніе продолжаетъ:

„Къ этой безурядицѣ, къ этому антагонизму партій, который не можетъ прекратиться, пока будетъ существовать современный экономическій порядокъ, при которомъ немногіе, владѣющіе капиталомъ, являются распорядителями участи остальныхъ,—присоединяется и невыносимый общественный гнетъ, убивающій лучшія способности современнаго человѣка.

„Въ современномъ общественномъ строѣ, въ которомъ все ложно (начиная съ религіи), ни одно изъ основаній его не выдерживаетъ критики...“

Выходъ изъ этого состоянія, по мнѣнію воззванія,—революція и коренное переустройство общества. Указавъ затѣмъ на признаки приближающейся, будто бы, революціи (волненія въ Польшѣ, крестьянскіе бунты, студенческіе безпорядки и пр.), воззваніе говоритъ, что многія изъ мѣропріятій правительства способствуютъ

[1]) Пантелѣевъ. „Изъ воспом. о 60-хъ гг.“ „На славномъ посту“. стр. 314.

[2]) Съ нѣкоторыми, вполнѣ неизбѣжными, пропусками.

ея распространенію, какъ, напр., принятое рѣшеніе крестьянскаго вопроса, увеличеніе налоговъ, все усиливающіяся репрессіи и т. д.

Затѣмъ указываются мотивы, по которымъ революціонная партія находитъ нужнымъ издавать свой журналъ: необходимость высказать свободное, независимое мнѣніе и указать обществу на истинное положеніе вещей. Подцензурная печать этого сдѣлать не можетъ, а Герценъ и его „Колоколъ“ уже пересталъ быть не только выразителемъ, но и отголоскомъ революціонныхъ мнѣній, и отъ блестящаго успѣха быстро пришелъ къ полному упадку [1]).

Далѣе излагается рядъ требованій, которыя, по мнѣнію „Молодой Россіи“, должны быть выставлены и осуществлены:

1) Федеративно-областное управленіе.

2) Выборное начало въ судѣ.

3) Правильное распредѣленіе налоговъ (прогрессивно-подоходный налогъ).

4) Превращеніе фабрикъ въ общественное достояніе.

5) Общественное воспитаніе дѣтей, стариковъ и неимущихъ.

6) Освобожденіе и равноправность женщинъ. Уничтоженіе брака, „какъ явленія безнравственнаго“.

7) Уничтоженіе монастырей.

8) Независимость Польши.

„Если спросятъ,—продолжаетъ воззваніе,—на кого же мы надѣемся?—Мы отвѣтимъ: на народъ,—онъ будетъ съ нами, особенно старообрядцы, а вѣдь ихъ нѣсколько милліоновъ. Но иниціатива будетъ принадлежать войску и интеллигенціи“...

Прокламація оканчивается воззваніемъ къ молодежи, чтобы она готовилась, собиралась, обсуждала волнующіе ее вопросы и объединялась.

„Въ нужную минуту,—заканчиваетъ воззваніе,—мы издадимъ крикъ: „Въ топоры!“—и тогда бей... Помните, что кто не съ нами, тотъ противъ насъ [2]).

„Молодая Россія“ произвела, можно сказать, ошеломляющее впечатлѣніе на общество и административныя сферы, вызвала массу толковъ и чисто легендарныхъ слуховъ о ея происхожденіи и содержаніи, сопровождалась, наконецъ, послѣдствіями и мѣропріятіями, вовсе не соотвѣтствующими дѣйствительной опасности и цѣнности этого воззванія.

По вполнѣ компетентному свидѣтельству Пантелѣева, „Молодая Россія“ отпечатана въ одномъ изъ имѣній Рязанской губерніи и вышла изъ очень небольшого московскаго кружка студентовъ Аргиропуло и Зайчневскаго.

Даже возникшее около этого времени изъ кружка Н. Серно-

---

[1]) Извѣстно мнѣніе самого Герцена объ этой прокламаціи. „Колоколъ“, № 139.

[2]) „Свободное Слово“, т. 1.

Соловьевича тайное общество „Земля и Воля“ ничего не знало о готовившейся прокламаціи.

„Послѣ долгихъ трудовъ „Молодая Россія“ была готова и одинъ изъ членовъ кружка былъ откомандированъ въ Петербургъ и явился къ Чернышевскому. Послѣдній отказался принять какое-либо участіе въ распространеніи прокламаціи и принялъ ее холодно“ [1]).

Вообще ни большого распространенія, ни вліянія „Молодая Россія“ не имѣла, а между тѣмъ страшно напугала, породила чудовищныя легенды и мѣропріятія.

Указанное впечатлѣніе отразилось въ многочисленныхъ свидѣтельствахъ современниковъ.

25-го мая 1862 г. митрополитъ Филаретъ писалъ Ахматову: „18-го дня сего мая въ Москвѣ одинъ діаконъ пришелъ ко мнѣ и сказалъ, что онъ близъ Кремлевскаго сада нашелъ страшную бумагу, которую долгомъ поставилъ представить начальству. Это печатный листъ подъ заглавіемъ „Молодая Россія“, въ которомъ проповѣдуется безбожіе, мятежъ и кровопролитіе.

„Не умолчу еще о свѣдѣніи, которое дошло до меня поздно и неопредѣленнымъ (?) путемъ, почему я не могъ употребить наблюденія и дознанія...

„Въ недѣлю Пасхи въ Кремль, около соборовъ, обыкновенно собирается народъ, и здѣсь прежде бывали споры о православіи; а въ нынѣшнемъ году являлись люди, въ простонародной одеждѣ, но примѣтно переодѣтые, которые говорили, что данная свобода неудовлетворительна, что народъ страдаетъ, между прочимъ, скудостію денегъ, что въ церквахъ и монастыряхъ безъ пользы много золота и серебра, что все это надобно обратить въ пользу народа, а нѣкоторымъ, къ которымъ обращались съ большою довѣренностью, говорили, что и въ церковь ходить ненужно и что надобно всячески уничтожить довѣріе къ духовенству...

„Молю Бога, чтобъ вѣрнымъ слугамъ царевымъ даровалъ проницательность, ревность и твердость, дабы открыть и заградить источникъ зла“ [2]).

Россети писалъ своей сестрѣ А. О. Смирновой: „...Другая новость тебя поразитъ нелѣпымъ ужасомъ: явилась печатанная прокламація. Представь, въ ней говорятъ, что Герценъ, написавшій гдѣ-то, что послѣ 48-го года онъ имѣетъ отвращеніе къ крови, никуда не годенъ, что надо за топоры и перерѣзать всю царскую фамилію, все дворянство и духовенство... *Сочинители оказались дамы: m-lle Александровская и m-me Bühler*; попался пле-

---

[1]) „На славномъ посту“. Пантелѣевъ. „Изъ воспомин. о 60-хъ гг.“ стр. 320—325.

[2]) Барсуковъ. Т. 19, стр. 125—126.

мянникъ Оболенскаго, молодой Евреиновъ. Говорятъ, что правительство хочетъ само ее напечатать" [1]).

Г-жа Нейгартъ писала къ арх. Саввѣ: „... Всюду возмутительныя прокламаціи, одна одной ужаснѣе!.. Послѣдняя прокламація провозглашаетъ, что нѣтъ Бога; что бракъ долженъ быть уничтоженъ, а также и храмы и монастыри, и священники и всѣ монахи. Кажется, желали бы перерѣзать и всѣхъ дворянъ, какъ защитниковъ престола. Вотъ, въ какое мы живемъ время! *Всѣ же прокламаціи эти были печатаны въ Кіево-печерской лаврѣ* (!). Это уже открыто... Ну, право, живемъ мы послѣднее время" [2]).

Филаретъ писалъ арх. Антонію: „...Разсказывали мнѣ, что *въ домѣ Пермскаго архіерея найдена типографія прокламацій и напечатанныя прокламаціи.* Подобный случай въ Кіевѣ вамъ извѣстенъ... Подземные люди вьютъ себѣ гнѣзда у духовенства, вѣроятно, и потому, что здѣсь менѣе могутъ подозрѣвать, и частію потому, чтобы, въ случаѣ открытія, очернить духовенство, разрушеніе котораго есть одна изъ цѣлей ихъ дѣйствованія".

Петербургскій полиціймейстеръ дѣлаетъ строгое внушеніе полиціи, что она „недостаточно обращаетъ вниманіе на разбрасываніе въ городѣ людьми неблагонамѣренными разныхъ воззваній, которыя хотя и не имѣютъ никакого значенія, но, однако, могутъ напрасно тревожить жителей, а чрезъ это возбуждать ропотъ всѣхъ людей благомыслящихъ и нареканіе на полицію, что она... недовольно заботится о спокойствіи обывателей" [3]).

На бѣду въ концѣ мая же 1862 г. начались извѣстные петербургскіе пожары, которые и были поставлены въ связь съ прокламаціями и въ частности съ „Молодой Россіей". Тотчасъ же появились „достовѣрные" слухи, что Петербургъ поджигаютъ „студенты"...

Никитенко подъ 24-ое мая пишетъ:

„Вчера въ Петербургѣ было разомъ четыре пожара въ разныхъ частяхъ города. Толкуютъ о поджогахъ". 28-го мая: „День, полный тревогъ и страха для цѣлаго Петербурга. Послѣдніе четыре или пять дней подрядъ въ городѣ были пожары, а иногда и по нѣскольку разомъ. Носились слухи, что поджигаютъ" [4]).

Потомъ это „говорятъ" у Никитенки принимаетъ все болѣе

---

[1]) Барсуковъ, т. 19, стр. 127.

[2]) Ibid., стр. 131.

[3]) Ibid.

[4]) „Меня даже увѣряли,—прибавляетъ Никитенко,—что поймано нѣсколько разбойниковъ-поджигателей...

„Швейцаръ разсказалъ мнѣ, что вчера на углу Владимірской и Стремянной поймали кого-то съ горючими и зажигательными снарядами въ карманахъ. Онъ самъ видѣлъ всю суматоху этой ловли"... Дневникъ, т. 2, стр. 83.

рѣшительный и достовѣрный характеръ. „Общее мнѣніе,—пишетъ онъ,—что поджигаютъ".

„Въ поджигательствѣ никто не сомнѣвается", пишетъ онъ чрезъ два дня.

„Несомнѣнно,—пишетъ уже Никитенко 31-го мая,—что пожары въ связи съ послѣдними прокламаціями. Если бы поджоги производились простыми мошенниками, то были бы покушенія къ грабежу: ихъ нигдѣ не оказалось".

3-го іюня: „Пойманы и признались двое поджигателей: мужикъ и баба, которымъ *кто-то* далъ по 25 рублей за это ужасное. Но этого *кто-то* не могутъ отыскать".

„Народъ все думаетъ, что поджигаютъ студенты. Головнинъ просилъ Валуева сдѣлать объявленіе въ томъ смыслѣ, что напрасно обвиняютъ студентовъ. Валуевъ отказалъ".

4-го іюня Никитенко, давая волю разыгравшейся фантазіи, пишетъ: „Народъ толкуетъ, что поджигаютъ студенты, офицеры и помѣщики" [1]).

Изъ такихъ источниковъ и основаній развилась и ширилась легенда о поджигателяхъ, принимая болѣе и болѣе чудовищныя формы.

Такъ, арх. Порфирій пишетъ:

„... Теперь у насъ три политическія партіи: первая, Герценская—умѣренная, домогается конституціи; вторая, великорусская, мечтаетъ о славянской федеративной республикѣ, а третья, красная, жаждетъ безначалія и крови, уничтоженія монастырей, общенія женщинъ и имуществъ и разгульнаго житья... Пойманы поджигатели Петербурга — студенты здѣшняго университета. Открытъ заговоръ. Заговорщиковъ восемьсотъ. Въ числѣ ихъ есть литераторы. О Господи! Спаси Царя и услыши ны въ онь же день призоветъ тя. А Петербургъ горитъ. Знать, ему нужно огненное очищеніе отъ множества грѣховъ его. Этотъ пожаръ предвидѣла во снѣ (вотъ не угодно ли!) великая княгиня Елена Павловна и предувѣдомила о немъ Государя, что сама она высказывала мнѣ" [2]).

Такому, созданному напуганнымъ воображеніемъ, представленію о положеніи вещей соотвѣтствовали и проекты разныхъ „спасителей отечества", направленные къ охраненію государства отъ грозящей якобы страшной опасности и къ извлеченію корней заразы. Напр., сладкозвучный эстетъ и метафизикъ Тютчевъ писалъ:

„Что за горестныя извѣстія! Я только-что прочиталъ въ газетахъ о томъ рядѣ петербургскихъ пожаровъ, который недавно

---

[1]) Дневникъ, т. 2, стр. 84.
[2]) Барсуковъ, т. 19, стр. 129.

увѣнчался пожаромъ 30-го мая. Теперь ясно, что горсть негодяевъ, ободряемыхъ безнаказанностью, порѣшила перейти отъ слова къ дѣлу. Мнѣ хочется вѣрить, что правительство послѣдуетъ ихъ примѣру, и что справедливая и скорая кара постигнетъ этихъ чужеумныхъ извергавъ, при надобности — даже при помощи свинца. Мнѣ кажется невозможнымъ, чтобы все происшедшее не вызвало серьезной реакціи въ умахъ. Въ глубинѣ я все еще отказываюсь вѣрить въ дѣйствительность опасности, но чувствую, что въ удаленіи эта увѣренность продержится недолго. Во всякомъ случаѣ, въ ожиданіи жгучихъ тревогъ чувствую себя во власти смертельнаго унынія".

Директоръ департамента полиціи писалъ: „...Возвратившись изъ отпуска, я нашелъ въ развалинахъ домъ нашего министерства и большое число улицъ города вмѣстѣ съ двумя главными его рынками: Щукинымъ и Апраксинымъ. Это было слѣдствіемъ поджоговъ... Дѣло было ясно. Подпольные дѣятели, несмотря на всю безнаказанность своихъ преступныхъ изданій, несмотря на то, что прокламаціи ихъ являлись все болѣе и болѣе дерзкими, не произвели, въ сущности, никакого серьезнаго впечатлѣнія на народъ. Одно только правительство дѣйствовало нерѣшительно и, такъ сказать, исподтишка, употребляя по большей части для сего III-е отдѣленіе, или въ нѣкоторыхъ случаяхъ предавая заподозрѣнныхъ суду. Такой образъ дѣйствій, съ одной стороны, придавалъ болѣе дерзости, а съ другой — должно признаться — распространялъ и въ здравой части общества убѣжденіе, котораго не скрывали, что правительство не только слабо, но и недальновидно. Такое убѣжденіе, разумѣется, было, какъ нельзя болѣе, съ руки злоумышленникамъ. Не успѣвъ ничего сдѣлать своими прокламаціями, они рѣшились на поджоги, чтобы доказать всю неспособность правительства, которое не умѣетъ охранять жителей даже отъ матеріальной опасности.

„Я сообщалъ это воззрѣніе министру Валуеву, присовокупивъ, что массы уважаютъ только силу, что если сочувствіе государя къ несчастнымъ вполнѣ высоко и свято, то этого еще недостаточно для успокоенія столицы; нужно, чтобы жители видѣли, что имъ не только сострадаютъ, но заботятся о нихъ и охраняютъ, и притомъ имѣютъ для того и средства, и силу. Я предложилъ учредить по улицамъ разъѣзды вооруженной силы, чтобы одновременно импонировать и злоумышленникамъ, и народу, ободряя послѣдній и устрашая первыхъ.

„Мнѣ пріятно вспомнить, какъ ясно смотрѣлъ на это дѣло Валуевъ. Онъ не только согласился со мною, но сознаъ, что правительство должно воспользоваться этимъ обстоятельствомъ, чтобы возстановить свой авторитетъ, столь сильно поколебленный въ послѣднее время. Онъ угадалъ то противоположное видамъ злоумышленниковъ впечатлѣніе, которое пожары должны были

произвести на общественное мнѣніе. Валуевъ воспользовался этимъ событіемъ, чтобы усилить полицію столицы людьми гвардейскаго корпуса и исходатайствовалъ себѣ открытіе кредита въ триста тысячъ рублей для этой цѣли. Въ то же время онъ принялъ дѣятельное участіе какъ въ преслѣдованіи злоумышленниковъ, такъ и въ пресѣченіи имъ способовъ къ ихъ преступной дѣятельности. Если мѣры, принятыя для сего, были неуспѣшны, въ этомъ виноватъ не министръ внутреннихъ дѣлъ, который не былъ главнымъ распорядителемъ въ этомъ дѣлѣ" [1]).

Кто же и гдѣ же были эти страшные враги, которыхъ нужно было сокрушить? Гдѣ корень зла, который предлагалось вырвать? Виновными, какъ это постоянно мы видимъ въ исторіи нашего общественнаго развитія, оказались школа, учащаяся молодежь и журналистика.

Напр., въ дневникѣ Никитенки мы читаемъ слѣдующія строки:

„Въ восемь часовъ вечера (2-го іюня) получилъ отъ товарища министра статью для завтрашняго номера [2]) объ открытіи въ Сампсоніевскомъ и Введенскомъ училищахъ злоумышленническаго преподаванія о томъ, что надо Петербургъ жечь и проч. Это проповѣдывалось въ воскресныхъ школахъ, заведенныхъ для рабочаго класса. Наряжена комиссія для изслѣдованія" [3]).

Академикъ Куникъ писалъ Погодину: „...*Настоящіе совратители молодежи, отъ которыхъ идетъ поджигательство, это— журналисты:* ихъ рѣзкій тонъ возбудилъ молодыя души, какъ мнѣ удалось это наблюдать. Глупцы тѣ, которые думаютъ, что будетъ лучше, если они сотни тысячъ убьютъ и все сожгутъ. Главное зло лежитъ въ плохомъ домашнемъ воспитаніи всѣхъ сословій, и въ особенности въ томъ, что мужикъ выростаетъ дикимъ" [4]).

Вторая половина „благословенной четы" Вельтмановъ писала (изъ Москвы) товарищу министра внутреннихъ дѣлъ Тройницкому: „...Съ нашего необитаемаго острова мы смотримъ на свѣтъ Божій, на ломку, которая происходитъ на всѣхъ концахъ, слышимъ трескъ, видимъ пыль и прахъ и ждемъ, надѣясь на милость

[1]) „Почтенный" академикъ Куникъ, настаивая на необходимости жестокихъ репрессій, отличается отъ оберъ-полиціймейстера и шефа жандармовъ только тѣмъ, что непремѣнно хочетъ быть „во пророцѣхъ". „...Я смотрѣлъ на пожаръ, — пишетъ онъ Погодину, — какъ на благодѣтельное кровопусканіе. Но этимъ я вовсе не хочу одобрить снисходительное отношеніе правительства къ этимъ новымъ татарамъ... Впрочемъ, я уже болѣе года тому назадъ предсказалъ, что въ Россіи будетъ революція — рѣзня и пожары. Этимъ я обуздывалъ всѣхъ тѣхъ, которые находили, что правительство недостаточно быстро идетъ впередъ"... Барсуковъ, т. 19, стр. 132—134.

[2]) Оффиціальной газеты „Сѣверная Почта", которая стала выходить съ 1862 г. и редакторомъ которой въ это время былъ Никитенко.

[3]) Дневникъ, т. 2, стр. 85.

[4]) Барсуковъ, т. 19, стр. 129—130. Курсивъ мой.

Господню, зная, что все въ Его рукѣ. Съ необитаемаго острова *необычайный видъ представляла намъ наша журналистика, въ которой давно уже виднѣлось зарево петербургскаго пожара*" [1])...

Милютинъ писалъ кн. Барятинскому:

„Съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе раскрывается зло, запустившее уже, къ крайнему прискорбію, глубокіе корни. Не знаю, удастся ли теперь разыскать, гдѣ именно настоящій корень, и остановить развитіе яда. Ядомъ этимъ уже заражено большинство нашего молодого поколѣнія во всѣхъ слояхъ, не исключая и военнаго"...

Кн. Урусовъ, разыскивая все тотъ же „настоящій" корень и усматривая его также въ школѣ и прессѣ, говоритъ, между прочимъ:

„...Когда цѣлая партія кричитъ молодежи: *вы загнаны, вы истерзаны, вы забиты деспотизмомъ*, — удивительно ли, что молодежь волнуется, увлекается и вступаетъ въ борьбу не съ личностями, а съ коренными принципами? И молодежь — не только учащаяся, но и учащая, — наставники, разбросанные по всѣмъ концамъ Россіи и подготовляющіе будущихъ учителей" [2])...

„Нельзя не признать, — продолжаетъ кн. Урусовъ, — что *постоянныя журнальныя разсужденія о недостаткахъ существующаго порядка вещей, желчныя осужденія всѣхъ безъ изъятія предметовъ народнаго уваженія, нападки на всѣ явленія, исходящія отъ какой бы то ни было законной власти увлекли нашу молодежь*,—неопытную, впечатлительную,—и сдѣлали ее недовольною, несчастною и нетерпѣливо переносящею всякую дисциплину и всѣ требованія порядка. Будемъ надѣяться, что грустныя послѣдствія такой разнузданности будутъ дѣйствительнымъ урокомъ и для руководителей, и для руководимыхъ" [3]).

---

[1]) Барсуковъ, т. 19, стр. 139.

[2]) Ibid., стр. 144—145. Самъ г. Барсуковъ, обобщая имѣющіяся у него свидѣтельства свѣтскихъ и духовныхъ лицъ (князей, министровъ и архиреевъ), говоритъ: „*Ядомъ* этимъ были *заражены* и *школы духовныя*, и *школы гражданскія*, и *школы военныя* и, наконецъ, *школы воскресныя*". Ibid. Курсивъ здѣсь и въ текстѣ Барсукова.

[3]) Ibid., стр. 134. Катковъ, съ своей стороны, подливалъ масла и подбавлялъ ядовитой копоти. Заявивъ въ одной изъ статей („Совр. Лѣт.", № 23): „...Мы не хотимъ вѣрить... ожесточенной народной молвѣ о виновникахъ теперешнихъ поджоговъ... какъ допустить, чтобы въ людяхъ... способныхъ подаваться на какіе-нибудь умственныя увлеченія, хотя бы самаго безобразнаго свойства, могло быть столько животнаго безсмыслія"...—Катковъ непосредственно за этимъ прибавлялъ: „...Но развѣ то, что дѣлаютъ русскіе агитаторы, проживающіе комфортабельно за морями, не тѣ же поджоги? Или они такъ невинны, что не понимаютъ, къ чему клонятся ихъ манифесты? Или они думаютъ, что возбуждать стихійныя страсти... не значитъ поджигать?.. Развѣ это не одно и то же? Развѣ это еще не хуже? Развѣ нельзя ожидать всего отъ людей, которые дѣйствуютъ такимъ образомъ? Люди, потерявшіе живое чувство и смыслъ дѣйствительности, способны на все"...

Результаты изложенныхъ событій, послѣдовавшей затѣмъ административной паники, добровольческаго сыска и злобнаго прожектерства не замедлили обнаружиться.

Для разслѣдованія „поджоговъ“ и всей вообще „смуты“ была образована слѣдственная комиссія подъ предсѣдательствомъ кн. Голицына, ознаменовавшая свою дѣятельность цѣлымъ рядомъ репрессій, безъ всякихъ фактическихъ основаній. Вскорѣ послѣ своего образованія комиссія Голицына распубликовала слѣдующее воззваніе:

„Долгъ каждаго обывателя доводить до свѣдѣнія правительства обо всемъ, что касается какъ общественнаго блага, такъ и вреда. Поэтому комиссія проситъ всѣхъ и каждаго сообщать обо всемъ, что можетъ служить на пользу“ [1]).

Можно себѣ представить, какой градъ добровольческихъ доносовъ посыпался въ комитетъ. При всемъ томъ комиссія, однако, ничего и никого не открыла, а виновные, между тѣмъ, оказались.

„Высочайше утвержденной слѣдственной комиссіи не удалось открыть поджигателей, непосредственныхъ виновниковъ пожаровъ, но дознаніемъ обнаружено вредное направленіе ученія, прямо даваемаго литераторами и студентами мастеровымъ и фабричнымъ въ воскресныхъ школахъ [2])... Выяснены также сношенія съ лондонскими эмигрантами многихъ сотрудниковъ нѣкоторыхъ изъ петербургскихъ журналовъ, а потому высочайше повелѣно: всѣ воскресныя школы закрыть впредь до пересмотра положенія о нихъ, а изданіе журналовъ „Современникъ“ и „Русское Слово“ пріостановить на 8 мѣсяцевъ. Тогда же учреждена при III отд. соб. Е. И. В. канцеляріи особая комиссія для разысканія виновныхъ въ составленіи подметныхъ листовъ и другихъ революціонныхъ изданій. По распоряженію ея арестовано нѣсколько лицъ, которыя и преданы суду сената“ [3]).

Кромѣ того, высочайшимъ повелѣніемъ 14-го іюня закрыто было образованное при „литературномъ фондѣ“ отдѣленіе для учащейся молодежи, состоящее подъ предсѣдательствомъ Ковалевскаго, такъ какъ оно было сочтено за тайное общество.

---

[1]) Пантелѣевъ. „Изъ воспомин. о 60-хъ г.“ Сб. „На славномъ посту“, стр. 326.

[2]) Однако, вотъ что писалъ тогдашній попечитель кіевскаго учебнаго округа, Пироговъ: „Несмотря ни на разнохарактерность учащихъ и учащихся, ни на полную открытость ихъ и надзоръ со стороны учебнаго и гражданскаго (секретный) вѣдомствъ, — во время моего попечительства не было ни однажды открыто въ кіевскихъ воскресныхъ школахъ ничего такого, что могло бы хотя издалека намекнуть о существованіи въ нихъ политической пропаганды, преступной или вредной для государства“... Вахтеровъ. „Внѣшкольное образованіе“, стр. 162—163.

[3]) Татищевъ. „Имп. Александръ II“, т. 1, стр. 400.

закрытъ былъ даже шахматный клубъ (гдѣ собирались литераторы) за то, что въ немъ происходили и изъ него распространялись „неосновательныя сужденія“ [1]).

Даже Никитенко писалъ по поводу всѣхъ этихъ мѣропріятій: „Мысли грозитъ опять застой и угнетеніе, а мыслящимъ людямъ, писателямъ, ученымъ—непріязненныя нападки невѣждъ и ретроградовъ... Въ массѣ надолго подорвано уваженіе къ именамъ ученаго, литератора, студента“ [2]).

А Герценъ называлъ всѣ эти дѣйствія администраціи „терроромъ оторопѣлой трусости“, „революціей вверхъ ногами“...

„Встаетъ николаевщина,—писалъ онъ,—изъ-подъ сырой земли, въ форменномъ саванѣ, застегнутомъ на всѣ пуговицы“ [3])...

XI.

Такъ какъ главной виновницей всѣхъ бѣдъ оказывалась журналистика, то для ея обузданія и для полной свободы дѣйствія въ этомъ направленіи Головнинъ въ маѣ 62 г. издаетъ (съ высочайшаго утвержденія) чисто драконовскія „временныя правила“. Эти временныя правила, вошедшія, однако, цѣликомъ, и въ дѣйствующій теперь уставъ о цензурѣ [4]), были опубликованы 14-го іюня 1862 г. и содержатъ въ себѣ слѣдующіе пункты:

1. „Во всѣхъ вообще произведеніяхъ печати не допускать нарушенія должнаго уваженія къ ученію и обрядамъ христіанскихъ исповѣданій, охранять неприкосновенность верховной власти и ея аттрибутовъ, уваженіе къ особамъ царствующаго дома, непоколебимость основныхъ законовъ, народную нравственность, честь и домашнюю жизнь каждаго.

2. „Не допускать къ печати сочиненій и статей, излагающихъ вредныя ученія соціализма и коммунизма, клонящіяся къ потрясенію или ниспроверженію существующаго порядка и къ водворенію анархіи.

3. „При разсмотрѣніи сочиненій и статей о несовершенствѣ существующихъ у насъ постановленій дозволять къ печати только спеціальныя ученыя разсужденія, написанныя тономъ, приличнымъ предмету и притомъ касающіяся такихъ постановленій, недостатки которыхъ обнаружились уже на опытѣ.

4. „Въ разсужденіяхъ о недостаткахъ и злоупотребленіяхъ администраціи не допускать печатанія именъ лицъ и собственнаго названія мѣстъ и учрежденій.

---

[1]) Никитенко, т. 2, стр. 87. Лемке, стр. 178, 188. Пантелѣевъ. „Изъ воспомин. о 60-хъ гг.“, стр. 325—326.

[2]) Никитенко, т. 2, стр. 88. Лемке, стр. 188.

[3]) „Колоколъ“, № 139.

[4]) Не отмѣненный и закономъ 1905 г. о „свободѣ“ печати...

5. „Разсужденія, указанныя въ предыдущихъ двухъ пунктахъ, дозволять только въ книгахъ, заключающихъ не менѣе десяти печатныхъ листовъ и въ тѣхъ періодическихъ изданіяхъ, на которыя подписная цѣна съ пересылкою не менѣе семи рублей въ годъ.

6. „Министрамъ внутр. дѣлъ и народн. просвѣщенія предоставляется, по взаимному ихъ соглашенію, въ случаѣ вреднаго направленія какого-либо періодическаго изданія, причислять оное къ разряду тѣхъ, коимъ не дозволяется печатать разсужденія, показанныя въ пунктахъ 3 и 4, и прекращать каждое періодическое изданіе, на срокъ не болѣе восьми мѣсяцевъ.

7. „Не допускать къ печати статьи: а) въ которыхъ возбуждается непріязнь и ненависть одного сословія къ другому, и б) въ которыхъ заключаются оскорбительныя насмѣшки надъ цѣлыми сословіями или должностями государственной и общественной службы.

8. „Не дозволять распубликованія по однимъ слухамъ предполагаемыхъ будто бы правительствомъ мѣръ, пока онѣ не объявлены законнымъ образомъ.

9. „Статьи за подписью правительственныхъ лицъ дозволять къ печатанію не иначе, какъ по положительномъ удостовѣреніи въ дѣйствительной присылкѣ ихъ отъ этихъ лицъ.

10. „Въ отношеніи къ статьямъ и извѣстіямъ политическимъ наблюдать общее правило объ охраненіи чести и домашней жизни царствующихъ иностранныхъ государей и членовъ ихъ семействъ отъ оскорбленія печатнымъ словомъ, и о соблюденіи приличія при изложеніи дѣйствій иностранныхъ правительствъ.

11. „Редакція каждаго періодическаго изданія, представившая въ цензуру какую-либо статью, обязана знать, кто именно авторъ оной, для сообщенія по востребованію судебныхъ мѣстъ и министерствъ внутреннихъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія.

12. „Независимо изложенныхъ здѣсь правилъ, цензоры обязаны руководствоваться нижеслѣдующими особыми наставленіями при цензированіи статей, касающихся военной части, судебной, финансовой и предметовъ вѣдомства министр. внутрен. дѣлъ.

13. „За симъ считать отмѣненными состоявшіяся съ 1828 г. по 1-е янв. 1862 г. постановленія и распоряженія по цензурѣ, исключая поименованныхъ въ прилагаемомъ при семъ спискѣ".

Сами по себѣ эти правила достаточно злы, но самая-то злая собака была зарыта въ тѣхъ приложеніяхъ, о которыхъ говорится въ п. 12 и 13.

Первымъ приложеніемъ было „Особое наставленіе", касающееся цензированія статей по частямъ: военно-сухопутной, судебной, финансовой и министерства внутреннихъ дѣлъ. Напр., по военно-сухопутной части запрещались: 1) „статьи, оскорбительныя для чести русскаго войска, 2) статьи, могущія поколебать поня-

тіе о дисциплинѣ и уваженіе къ ней; мнѣнія, подрывающія уваженіе подчиненныхъ къ лицамъ начальствующимъ и ослабляющія довѣріе къ правительству". „Въ статьяхъ, относящихся до арміи и военной администраціи, вообще *не допускать ничего* противнаго тому значенію, которое наша армія имѣетъ по законамъ въ государствѣ; ничего, могущаго ослабить уваженіе публики къ нашему военному сословію, и никакихъ предосудительныхъ сравненій съ иностранными порядками, несогласными съ установленною формою нашего правленія".

При такой общности и неуловимости предписанія любая статья могла быть признана „оскорбительной", и цензорамъ не оставалось ничего другого, какъ руководствоваться подчеркнутой мною фразой—ничего не допускать.

Министерство внутреннихъ дѣлъ, въ лицѣ Валуева, оградило себя еще тщательнѣе. Особое прибавленіе запрещало печатаніе частныхъ корреспонденцій о дворянскихъ и городскихъ собраніяхъ безъ разрѣшенія губернаторовъ (а въ Петербургѣ—самого министра). Не допускались вовсе статьи, „касающіяся будто бы правъ дворянства на обсужденіе въ дворянскихъ собраніяхъ общихъ государственныхъ дѣлъ и вопросовъ". Вмѣстѣ съ тѣмъ не разрѣшались статьи, „оскорбительныя для дворянскаго сословія" или высказывающія мнѣнія „о необходимости уничтоженія дворянства, какъ государственнаго учрежденія"...

Кромѣ того, предписывалось „наблюдать за тѣмъ, чтобы во всѣхъ статьяхъ по предметамъ земскихъ повинностей, особенно съ точки зрѣнія сословной, арестантскихъ дѣлъ, тюремъ, полиціи, не была постоянно проводима мысль объ ухудшеніи и ниспроверженіи всего, что нынѣ по этимъ частямъ существуетъ. Указаніе недостатковъ, конечно, полезно; въ подкрѣпленіе указаній могутъ быть приводимы примѣры; но въ самой формѣ изложенія этихъ указаній и ссылокъ на примѣры не должно быть терпимо нынѣшняго односторонняго и постояннаго стремленія изыскивать только все дурное, на немъ останавливаться и умалчивать о всемъ улучшающемся и о всемъ хорошемъ"...

По крестьянскому вопросу цензора „наставлялись" и обязывались „не допускать никакого порицанія... высочайше утвержденныхъ положеній 19-го февраля 1861 года и вообще ничего противнаго основнымъ началамъ этихъ положеній. Не дозволять къ печатанію статей, которыхъ содержаніе, перенося разрѣшеніе крестьянскаго вопроса съ сельско-хозяйственной на политическую арену, могло бы возбуждать неосновательныя и неумѣстныя толкованія по этому вопросу.

„Въ періодическихъ изданіяхъ, а равно въ отдѣльныхъ книжкахъ, брошюрахъ, предназначенныхъ для народнаго чтенія, не допускать ни подъ какимъ видомъ статей, въ которыхъ излагаются мнѣнія о принадлежащемъ будто бы крестьянамъ правѣ собствен-

ности на землю, предоставленную имъ только въ пользованіе на установленныхъ въ законѣ условіяхъ... Не допускать никакихъ рѣзкихъ и язвительныхъ отзывовъ о настоящихъ отношеніяхъ между помѣщиками и ихъ служителями или бывшими крестьянами и вообще не разрѣшать къ печати никакихъ статей и разсужденій, которыя могли бы возбуждать неудовольствіе и раздраженіе одного сословія противъ другого".

Затѣмъ шелъ цѣлый рядъ ограниченій, касающихся статей о евреяхъ, о западныхъ губерніяхъ и т. д.

Второе приложеніе оставляло въ силѣ (вопреки 13 пункту правилъ) двадцать два постановленія и распоряженія съ 1828 года...

Если ко всему этому прибавить внушеніе, разосланное Головнинымъ (одновременно съ этими правилами), что *„отнынѣ должно прекратиться* то *слабое цензированіе*, которое имѣло слѣдствіемъ, что наши періодическія изданія наполнялись статьями, въ которыхъ систематически постоянно осуждалось все, что дѣлаетъ правительство, и тѣмъ возбуждалось недовольство въ обществѣ противъ правительства" [1]), то станетъ яснымъ, въ какихъ клещахъ оказались періодическія изданія и какъ легко было, пользуясь временными правилами, обратить въ небытіе любой журналъ.

Это очень скоро подтвердилось и въ дѣйствительности.

Въ іюнѣ 1862 г., послѣ пятой книжки, „Русское Слово" было пріостановлено на восемь мѣсяцевъ. Главнымъ поводомъ къ этой суровой карѣ послужила статья Писарева „Бѣдная русская мысль", помѣщенная въ 4 и 5 №№ за 1862 годъ.

Въ виду этого, а также и въ виду того, что статья эта не вошла ни въ одно изъ собраній сочиненій Писарева [2]), нелишне изложить въ общихъ чертахъ ея содержаніе.

Статья „Бѣдная русская мысль" написана по поводу изслѣдованія Пекарскаго „Наука и литература при Петрѣ Великомъ".

Сдѣлавъ нѣсколько замѣчаній относительно чрезмѣрной „учености" этого изслѣдованія, его сухости и безплодности, отмѣтивъ, что въ книгѣ очень много фактовъ и очень мало выводовъ, посмѣявшись надъ тѣмъ, что самые факты мелочны, не характерны и нагромождены зря (напр., Пекарскій подробно и съ большими выписками перечисляетъ всѣ буквари и учебники этого времени, но не даетъ характеристики эпохи, хотя бы по части образованія), Писаревъ продолжаетъ: ...„Большая часть нашихъ ученыхъ вовсе не задаетъ себѣ вопроса о конечной цѣли своихъ трудовъ. Одинъ пишетъ о какой-нибудь черниговской гривнѣ, другой о томъ, какъ писалась буква *юсъ* въ руко-

---

[1]) Лемке. Стр. 166—173.

[2]) Попытка Павленкова включить эту статью въ собраніе сочиненій Писарева закончилась судебнымъ процессомъ.

писяхъ XIII в., третій о значеніи слова *изгой* [1]) или еще что-нибудь въ такомъ же нравоучительномъ родѣ.

„Если бъ вы спросили у этихъ добровольныхъ мучениковъ, къ чему они стремятся, изъ-за чего они бьются, чѣмъ оправдываютъ и объясняютъ свою многострадальческую и пребезполезную дѣятельность, то... самые задорные отвѣтили бы вамъ, что вы профанъ и невѣжа... другіе, болѣе скромные на видъ, отвѣтятъ, что они работаютъ для грядущихъ поколѣній".

Эти послѣдніе, по остроумному сравненію Писарева, не понимаютъ, что подготовлять такъ и такой „матеріалъ"—все равно, что на мѣсто предполагаемой постройки свозить безъ разбору всякій хламъ (битое стекло, гнилой картофель и пр.) въ наивной увѣренности, что онъ пригодится для будущаго зданія. Подобно тому, какъ домостроителю придется сначала нанять нѣсколько подводъ, чтобы вывести всю набросанную рухлядь, такъ и будущему зодчему науки придется предварительно вывезти мусоръ дряхлой оффиціальной науки, чтобы „окинуть орлинымъ взоромъ всю вереницу прошедшихъ событій, увидать между ними дѣйствительную связь и набросать широкими штрихами великую картину, полную живого смысла, блещущую яркими красками исторической правды..."

Затѣмъ Писаревъ переходитъ къ главному предмету своей статьи: характеристикѣ Петра, его реформъ и ихъ значенія для русской жизни и мысли. Указавъ на то, что вмѣсто прежнихъ отвлеченныхъ формулъ и ярлыковъ („самобытность", „цѣльность русскаго духа" и т. п.) теперь выдвигаются на первый планъ настоятельныя практическія потребности живой дѣйствительности, Писаревъ продолжаетъ: „Вѣра въ непогрѣшимость чистой логики и въ разумность исторіи оказывается подорванною; эту вѣру задавили настоятельныя потребности жизни; мы увидали, что жизнь наша устроена очень плохо, такъ плохо, что если бы нарочно выдумывать, то нельзя было бы изобрѣсти чего-нибудь болѣе неудобнаго; между тѣмъ, мы видѣли и знали, что рѣшительно ни одинъ человѣкъ, имѣвшій вліяніе на устройство нашего быта, не дѣлалъ намъ умышленнаго зла; всякій хотѣлъ сдѣлать лучше, всякій мудрилъ надъ жизнью, всякій вертѣлъ посвоему ея огромный калейдоскопъ..."

Всякій „мудритель" надъ жизнью, какъ болѣе или менѣе крупный Петръ Ивановичъ Бобчинскій, хотѣлъ заявить о себѣ почтеннѣйшей публикѣ какой-нибудь оригинальной штукой... Въ этомъ и заключается темное пятно ихъ жизни и дѣятельности: личная логика этихъ дѣятелей расходилась съ потребностями людей и времени.

Отсюда слѣдствія: „Владѣя извѣстною матеріальною силою,

[1]) Курсивъ Писарева.

задавшись извѣстною идеею, дѣятель вступаетъ въ борьбу съ тою или другою стороною современной ему жизни. Эта борьба вызываетъ гоненія. Гоненія порождаютъ мучениковъ; мученичество вызываетъ сочувствіе; сочувствіе, закравшееся въ сердца цѣлыхъ тысячъ людей, выражается въ болѣе или менѣе сильномъ протестѣ противъ гонителей".

Такимъ образомъ, личная воля и логика реформаторовъ, вступивъ въ борьбу съ народною волею, хотя и измѣняетъ событія и условія жизни, но измѣняетъ ихъ обыкновенно не настолько и не такъ, какъ того желаетъ самъ дѣятель... (примѣры: Карлъ I, Іаковъ II, Карлъ X и Людовикъ-Филиппъ).

Такъ что въ концѣ концовъ крупная личность вовсе не управляетъ ходомъ событій; она сама, какъ ингредіентъ, входитъ въ процессъ исторической жизни... Въ этомъ отношеніи огромную роль играетъ, по словамъ Писарева, протестъ „мужающаго человѣчества" противъ опеки разныхъ геніевъ, мудрецовъ и великихъ людей. „Безъ этого протеста обыкновеннымъ людямъ нельзя было бы жить на свѣтѣ; ихъ постоянно бы охраняли и предостерегали отъ увлеченій разные мудрецы; ихъ постоянно просвѣщали бы противъ ихъ воли... насильно благодѣтельствовали и т. д.

„Самое драгоцѣнное достояніе человѣка—его личная независимость, его свобода постоянно приносилась бы въ жертву разнымъ обширнымъ и возвышеннымъ цѣлямъ, созрѣвающимъ въ великихъ и высокихъ головахъ; намъ, простымъ смертнымъ, пришлось бы отказаться отъ всякой самодѣятельности; за насъ думали, чувствовали бы и жили разные герои и мудрецы... Къ счастью или къ несчастью (смотря по вкусамъ), стремленіе къ личной независимости съ каждымъ десятилѣтіемъ глубже и глубже проникаетъ въ сознаніе людей... Пользоваться полною личною свободою и въ то же время не вредить другому и не нарушать его личной свободы—вотъ то положеніе, къ которому стремятся законодательства и общественныя учрежденія..."

Разсматривая съ точки зрѣнія этихъ основныхъ положеній дѣятельность Петра, Писаревъ отмѣчаетъ прежде всего односторонность и коренную ошибку какъ славянофиловъ, такъ и западниковъ (въ ихъ сужденіяхъ о реформахъ Петра), хотя нѣкоторые пункты ученія тѣхъ и другихъ онъ раздѣляетъ.

Сходясь съ западниками въ необходимости для насъ европейской науки и жизни, а съ славянофилами въ ихъ отвращеніи къ насильственному способу насажденія науки и формъ жизни, Писаревъ находитъ и у тѣхъ, и у другихъ одну и ту же основную ошибку: и славянофилы, и западники чрезмѣрно и несправедливо преувеличиваютъ роль самого Петра и вліяніе его реформъ на русскую жизнь. И тѣ, и другіе, сводя все къ волѣ и личности Петра, утверждали, что его реформы измѣнили основы

жизни, только, по мнѣнію однихъ, эти измѣненія имѣли благодѣтельныя послѣдствія, а по мнѣнію другихъ, были вредны и нанесли къ намъ лишь „цѣлыя груды иноземной лжи". Славянофилы видятъ въ Петрѣ исказителя народной жизни, западники—какого-то Самсона, разрушившаго стѣну, отдѣлявшую Россію отъ Европы.

Съ точки зрѣнія же Писарева „дѣятельность Петра вовсе не такъ плодотворна историческими послѣдствіями... Жизнь тѣхъ семидесяти милліоновъ, которые называются общимъ именемъ русскаго народа, вовсе не измѣнилась бы въ своихъ отправленіяхъ, если бы, напримѣръ, Шалковитому удалось убить молодого Петра...

„Цивилизаторскія попытки Петра прошли мимо русскаго народа, потому что ни одна изъ нихъ не была вызвана живою потребностью самого народа". Народъ находился въ состояніи вынужденной апатіи и сна, „шумъ", произведенный Петромъ, его не разбудилъ. Стряхнуть апатію могли только коренныя измѣненія самыхъ основъ гражданскаго и экономическаго быта народа, напр., уничтоженіе рабовладѣльческаго порядка вещей.

Произвести же такую реформу Петръ былъ не въ состояніи, такъ какъ былъ сынъ своего времени и, какъ всякій человѣкъ, хотя бы и геніальный, зависѣлъ отъ окружающихъ обстоятельствъ, „отъ количества и качества идей, находящихся въ обращеніи между современниками и выработанныхъ его предками".

Поэтому всѣ реформы Петра, отдѣльныя его мѣропріятія, имѣли характеръ экспериментовъ надъ былиннымъ спящимъ богатыремъ (даже ближайшіе исполнители его воли въ большинствѣ не понимали его намѣреній). Всѣ великіе люди, говоритъ Писаревъ, и умные и безтолковые, имѣютъ одинъ родовой недостатокъ—„всѣ они насиловали природу человѣка, всѣ они вели связанныхъ людей къ какой-нибудь мечтательной цѣли, они всѣ играли людьми, какъ пѣшками..."[1]).

Точно также „все, что сдѣлалъ Петръ, было плодомъ его личныхъ соображеній, все это вводилось и учреждалось помимо воли тѣхъ людей, для которыхъ это все, повидимому, предназначалось".

Приведя цѣлый рядъ примѣровъ изъ дѣятельности Петра, подтверждающихъ это положеніе (выписка заграничныхъ ученыхъ, отношеніе къ нимъ Петра, отправка русскихъ молодыхъ людей за-границу, мѣры и способы Петра къ насажденію науки, отношеніе его къ царевичу Алексѣю и пр.), Писаревъ заканчиваетъ такъ: „Дѣятельность нашего преобразователя имѣла характеръ размашистой произвольности; ему легко было помыкать си-

[1]) „Всѣ поголовно,—прибавляетъ Писаревъ,—поэтому могутъ быть названы врагами человѣчества".

лами, способностями, убѣжденіями и наклонностями своихъ подданныхъ, такъ какъ въ русскомъ обществѣ не было еще сознательнаго и критическаго отношенія къ явленіямъ европейской и русской жизни... Бѣдная русская мысль спала очень крѣпко, и ея отдѣльныя, разрозненныя проявленія, растрачиваясь въ неравной, но не безплодной борьбѣ, глохли и замирали, какъ слабый стонъ, вырывающійся изъ наболѣвшей груди"[1]).

Въ маѣ закончилась статья, въ іюнѣ послѣдовала кара.

Въ 132 № „Сѣверной почты" за 1862 г. было опубликовано слѣдующее распоряженіе: „На основаніи § 6 высочайше утвержденныхъ временныхъ правилъ о цензурѣ, министръ внутреннихъ дѣлъ и г. управляющій министерствомъ народн. просвѣщенія, по взаимному соглашенію, признали нужнымъ прекратить на *восемь* мѣсяцевъ изданіе журнала „Русское Слово" (и „Современникъ"), о чемъ сообщить предсѣдателю с.-петербургскаго цензурнаго комитета".

Пріостановка „Русскаго Слова", „Современника" и Аксаковскаго „Дня" произвела въ различныхъ кругахъ различное, но во всякомъ случаѣ сильное впечатлѣніе.

Никитенко пишетъ по этому поводу:

„Вотъ она и реакція, какъ и слѣдуетъ быть послѣ такихъ безсмысленныхъ и гадкихъ дѣлъ, какія надѣлали наши красные... Главное неудобство всякой реакціи, а особенно нашей, будетъ въ томъ, что тутъ правое потерпитъ наравнѣ съ виноватымъ. Мысли грозитъ опять застой и угнетеніе"... [2])

Одинъ изъ корреспондентовъ Погодина, свящ. Белюстинъ, пишетъ ему:

„Современникъ" и „Русское Слово" запрещены на восемь мѣсяцевъ. Вотъ когда хватились за разумъ, какъ всю молодежь успѣли отравить злѣйшей отравой! Нѣсколько лѣтъ тому назадъ можно было, навѣрное, предсказать о совершающихся теперь событіяхъ"... [3]).

Одновременная—съ „Русскимъ Словомъ" и „Современникомъ"—пріостановка „Дня" вызвала въ погодинско-славянофильскомъ кружкѣ совершенно специфическое недовольство: не столько за самую пріостановку, сколько за то, что нахлобучка была дана въ „такой" компаніи...

Напр., Кохановская писала Аксакову: „Вы можете судить, какъ оскорбительно и тяжело, что запрещеніе или прекращеніе „Дня" совпадаетъ съ запрещеніями „Русскаго Слова" и „Современника" [4]).

---

[1]) „Русское Слово", 1862 г., № 4, стр. 23—44 и № 5, стр. 45—79.
[2]) Дневникъ, т. 2, стр. 87—88.
[3]) Барсуковъ, т. 19, стр. 387.
[4]) Барсуковъ, т. 19, стр. 412.

Вдобавокъ въ „Колоколѣ“, послѣ того, какъ до Герцена дошло извѣстіе о пріостановкѣ этихъ изданій, было помѣщено слѣдующее объявленіе „отъ издателей“:

„Мы предлагаемъ издателямъ „Дня“, „Современника“, „Русскаго Слова“ и другихъ журналовъ, которые будутъ запрещены вслѣдствіе политическаго террора въ Россіи, продолжать ихъ изданія въ Лондонѣ. На первый случай мы готовы печатать, если это будетъ нужно, на свой счетъ безъ всякаго вознагражденія“ [1]).

По поводу этого предложенія Тургеневъ писалъ Герцену:

„...Какъ это вы напечатали предложеніе издателямъ „Современника“, „Русскаго Слова“ и „Дня“ издаваться на вашъ счетъ въ Лондонѣ?! Вѣдь это все равно, что кирпичомъ ихъ по головѣ, да и вѣроятно ли, что Некрасовъ, графъ Кушелевъ или даже Аксаковъ (или его продолжатель Елагинъ) захотятъ сжечь свои корабли? Это было очень необдуманно съ вашей стороны: Некрасовъ, пожалуй, увидитъ въ этомъ желаніе отомстить ему“ [2]).

А Погодинъ, послѣ этихъ пріостановокъ, разразился сердитымъ письмомъ на имя министра нар. просвѣщенія Головнина.

„Начну съ запрещенія газеты „День“,—пишетъ Погодинъ.—Запрещеніе—въ высшей степени не политическое, не говоря о прочихъ вредныхъ сторонахъ этой мѣры. На „День“ всѣ славянскія племена смотрѣли, какъ на своего вѣрнаго друга, помощника и ходатая... Во-вторыхъ, „День“ открылъ войну съ большимъ успѣхомъ противъ притязаній Польши... Въ-третьихъ, редакторъ „Дня“ извѣстенъ чистотою своихъ намѣреній, своей любовью къ отечеству, что у насъ становится чуть не преступленіемъ“...

Доказывая административную безтолковость Головнина и произволъ, который только препятствуетъ „разумной свободѣ“ печати, но и „литературныхъ оргій“ не прекращаетъ, Погодинъ пишетъ:

„Вы назначаете цензоровъ... однако же, въ Петербургѣ выходили „Современникъ“, „Русское Слово“, нынѣ запрещаемые... Да, вы подвергаете цензурѣ только то, что не нравится въ эту минуту тому или другому сильному лицу, что противно вашимъ желаніямъ или можетъ навлечь негодованіе какой-нибудь фрейлины или дамы....

„Изъ... вашихъ мѣръ ясно, что вы не понимаете высшей государственной цензуры и далеко съ своею—мелочною—не уйдете... ...Годитесь ли же вы въ министры?

„Вы остановили „Современникъ“ и „Русское Слово“—помилуйте! Вы настолько незнакомы съ русскою журналистикою, что сочли эти журналы опасными.

---

1) „Колоколъ“, № 139 (отъ 15-го іюля).

2) Батуринскій. „Герценъ“, стр. 91—92.

„Ихъ остановить или поучить надо было тому назадъ два-три года, когда вы пожимали имъ руку и разсыпались въ любезностяхъ, заготовляя себѣ партію, какъ въ Россіи, такъ и за-границей; а теперь они доврались до того, что сдѣлались притчею во языцѣхъ. Публика начинала видѣть ихъ нелѣпости, а своя братія явно возстала: слѣдовало выставить на нихъ нѣсколько новыхъ баттарей, дать нѣсколько ударовъ, и они принуждены были бы сойти со стыдомъ со сцены; а вы сочиняете имъ блистательный финалъ, и въ случаѣ возобновленія доставляете по двѣ тысячи новыхъ подписчиковъ, возвышаете цѣну остальныхъ экземпляровъ. Ну, разумно ли это, цѣлесообразно ли?

„...Нѣтъ, нѣтъ, вы не понимаете своего положенія и совершенно не годитесь быть министромъ просвѣщенія“ [1]).

Даже ловкачъ-либералъ Краевскій ополчился на Головнина за пріостановку „Русскаго Слова“.

Въ 11-ой кн. „Отеч. Записокъ“ говорилось по этому поводу:

„...Вотъ уже около полугода, какъ мы замѣчаемъ, что литературное направленіе, извѣстное въ послѣднее время подъ общимъ названіемъ *нигилизма*, устранено вовсе изъ печати, и, если вѣрить слухамъ, подвергается систематическому и безусловному преслѣдованію... Но мы глубоко убѣждены, что преслѣдованіе его въ высшей степени вредно, какъ для литературы и успѣховъ истины, такъ и для цѣлей правительства“.

Какъ и Погодинъ, „Отеч. Записки“ думаютъ, что нигилизмъ, имѣя полную свободу высказаться, очень скоро обнаружилъ бы свою несостоятельность и потерялъ бы вліяніе и распространенность въ обществѣ.

„Но не такія послѣдствія будутъ, если сказанное направленіе подвергнется систематическому гоненію. Во-первыхъ, самое направленіе, исчезнувъ изъ печати, не исчезнетъ въ дѣйствительности... Если правительство не встрѣтитъ его въ печати, то... раньше или позже встрѣтится съ нимъ въ другой формѣ... Самое скромное убѣжденіе въ состояніи перейти въ злобу и ненависть, если ему систематически будутъ зажимать ротъ, и самое невинное увлеченіе легко разрастается до фанатизма, если будетъ подавлено не разумомъ, а насиліемъ...

„Для нынѣшняго правительства, разумѣется, пріятно устранить на время то, что ему кажется особенно непріятнымъ, но при этомъ не слѣдовало бы забывать, какая жатва приготовляется для его преемниковъ..

„Такимъ образомъ, сама собою представляется слѣдующая дилемма: преслѣдовать мысль до корня, до ея окончательнаго уничтоженія невозможно; преслѣдовать ее понемножку безполезно и даже вредно. Это повело бы только къ раздраженію, къ про-

[1]) Барсуковъ, т. 19, стр. 417—422.

грессивному увеличенію недовольныхъ, не принося никакой существенной пользы правительству... Опираться на одну необразованную массу никакое образованное правительство же можетъ; безъ сочувствія просвѣщенныхъ людей обойтись ему никакъ нельзя...

Мы не можемъ вѣрить,—заканчивали „Отеч. Записки“, „чтобы правительство рѣшилось продлить то положеніе вещей, при которомъ въ одно и то же время заботятся объ улучшеніи крестьянскаго быта и запрещаютъ частнымъ людямъ защищать крестьянъ; даруютъ народу правильный судъ и защиту отъ административнаго произвола и преслѣдуютъ административнымъ порядкомъ лицъ, почему-либо не нравящихся начальству; хлопочутъ объ уничтоженіи произвольной цензуры и насильно выкидываютъ изъ литературы цѣлое направленіе... Мы не хотимъ вѣрить, чтобы правительство умышленно уничтожало одной рукой примѣненіе на дѣлѣ всѣхъ тѣхъ благъ, которыя другою рукою такъ щедро раздаетъ на бумагѣ. Тутъ, вѣроятно, всему причиною старые предразсудки, рутина, недовѣріе къ общественнымъ силамъ или просто излишнее усердіе отдѣльныхъ агентовъ преслѣдовательной власти. Какъ бы то ни было, но мы надѣемся, что цензура не воспрепятствуетъ этимъ откровеннымъ и доброжелательнымъ строкамъ нашимъ дойти по назначенію. Она пойметъ, вѣроятно, что скрывать отъ правительства опасенія, раздѣляемыя большинствомъ общества, было бы самою плохою услугою съ ея стороны. Лучше же ей имѣть теперь дѣло съ нашими скромно выраженными мыслями, чѣмъ остаться потомъ вовсе безъ дѣла, когда русская литература переселится за предѣлы Европейской и Азіатской Россіи“ [1]).

Если такъ поговаривали Погодинъ, Краевскій и т. п., то можно себѣ представить, какое негодованіе въ прогрессивной части общества вызвала пріостановка „Русскаго Слова“ и „Современника“.

Не даромъ же въ оффиціальномъ обозрѣніи періодическихъ изданій за 1862 г., какъ на фактъ „неудовлетворительнаго свойства“, указывалось „на нѣкоторое раздраженіе и безпокойство въ прессѣ вслѣдствіе пріостановки двухъ изданій („Рус. Слова“ и „Соврем.“), такъ что и самая цензура не всегда имѣла возможность отклонять все, что писалось объ этомъ предметѣ, для всѣхъ столь извѣстномъ“ [2]).

---

1) „Отеч. Зап.“, 1862 г., кн. 11. „Совр. хроника Россіи“, стр. 28—34.
2) Скабичевскій. „Очерки“, стр. 493. Лемке, стр. 230—232.

XII.

Арестъ и судьба Н. В. Шелгунова.

На Шелгунова, еще во время слѣдствія надъ Михайловымъ, было обращено „благосклонное“ вниманіе. Когда Шелгуновъ явился къ Потапову (начальнику III отдѣленія) съ ходатайствомъ насчетъ Михайлова, Потаповъ взглянулъ на него „въ бокъ“ и сказалъ: „Вы, кажется, жили съ Михайловымъ въ одномъ домѣ?“ „Я поклонился,—разсказываетъ Шелгуновъ,—но ничего не отвѣтилъ (я жилъ съ Михайловымъ въ одной квартирѣ)“.

Послѣ ареста Михайлова Шелгунова уже не оставляли въ покоѣ. По словамъ Шелгуновой, въ министерствѣ рѣшено было какимъ бы то ни было образомъ выпроводить Николая Васильевича изъ Петербурга. Министръ Зеленый „упрашивалъ“ Шелгунова переѣхать въ Астрахань. Какъ человѣкъ добрый, онъ уговаривалъ Шелгунова не выходить въ отставку, такъ какъ „съ неслужащимъ церемониться не будутъ“. Но Шелгуновъ ѣхать въ Астрахань отказался и подалъ въ отставку.

Весною 1862 г. Шелгуновы (мужъ и жена) отправились въ Сибирь навѣстить Михайлова. Поѣздка эта продолжалась два мѣсяца и описана Шелгуновымъ въ статьѣ „Сибирь по большой дорогѣ“ [1]).

Но вскорѣ по пріѣздѣ Шелгуновыхъ на Казаковскій пріискъ (гдѣ Михайловъ попрежнему жилъ у своего брата) пришло высочайшее повелѣніе арестовать Шелгунова. Вслѣдствіе болѣзни Шелгуновыхъ временно отправили въ Ундинскую слободу (за 15 верстъ отъ Казаковскаго пріиска) и оставили подъ присмотромъ казацкаго майора Рика и жандарма. „Рикъ,—говоритъ Шелгунова,—былъ благодушный человѣкъ, а жандармъ понималъ, что рубли—деньги, и потому мы сравнительно были свободны, и Михайловъ почти жилъ у насъ“.

Въ началѣ 1863 г. Шелгуновы были переведены въ Иркутскъ и оставлены подъ надзоромъ и домашнимъ арестомъ. Вскорѣ затѣмъ пришло приказаніе привезти Шелгунова въ Петербургъ. Такъ какъ въ приказѣ о его женѣ ничего не говорилось, то ей запретили ѣхать вмѣстѣ съ мужемъ, и оставили въ Иркутскѣ подъ прежнимъ надзоромъ. Шелгуновъ же былъ привезенъ въ Петербургъ и предсталъ предъ тамошнимъ синедріономъ.

„Дѣло“ о Шелгуновѣ тянулось до ноября 1864 г.; въ продолженіе этого времени Шелгуновъ сидѣлъ въ Петропавловской крѣпости. И въ дѣлѣ Шелгунова Всеволодъ Костомаровъ игралъ ту же роль злого рока, попросту—провокатора. Во время процесса Михайлова, привлекшаго къ себѣ общее вниманіе, Костомаровъ

---

[1]) „Рус. Слово“, 1863 г., №№ 1—3.

сидѣлъ въ заключенiи, забытый всѣми. Но онъ не забылъ своихъ прежнихъ прiятелей и знакомыхъ и строилъ планы, чтобъ новымъ предательствомъ купить себѣ свободу. Такъ прошло года полтора. Костомаровъ былъ разжалованъ въ солдаты и отправленъ на Кавказъ въ сопровожденiи жандармскаго офицера.

„Въ Тулѣ Костомаровъ заболѣлъ,—разсказываетъ Шелгуновъ,— и, вѣроятно, настолько серьезно, что почувствовалъ потребность написать откровенное и задушевное письмо къ близкому ему человѣку. Этимъ близкимъ лицомъ оказались не мать, не кто-нибудь изъ родныхъ его, а совершенно посторонній человѣкъ, нѣкто Николай Ивановичъ Соловьевъ“. Вдобавокъ осталось совершенно невыясненнымъ, кто такой Николай Ив. Соловьевъ. По показанiю Костомарова, вскорѣ возвращеннаго въ Петербургъ, это былъ „почтенный старикъ, у котораго онъ бралъ уроки греческаго и санскритскаго языковъ“, и съ которымъ у него была дружеская связь. Но когда для выясненiя личности Николая Ивановича Соловьева были наведены справки, то „въ Петербургѣ оказались три Николая Ивановича, и всѣ они Соловьевы, и всѣ они надворные совѣтники (какъ и тотъ, къ которому писалъ Костомаровъ)“. Ихъ всѣхъ показали Костомарову, а Костомарова имъ, но ни Костомаровъ не призналъ ихъ знакомыми, ни они Костомарова.

Такъ искомаго Соловьева и не нашлось въ Петербургѣ. Письмо, конечно, вскрыли. Оказалось, что Костомаровъ излагаетъ неизвѣстному и таинственному другу свой „взглядъ на внутреннее состоянiе Россiи и на ея общественное движенiе послѣдняго времени“. Въ тогдашнемъ состоянiи Россiи и ея порядкахъ Костомаровъ не находилъ ничего такого, что могло бы вызывать неудовольствiя, а тѣмъ болѣе протесты. „Главную причину, порождавшую смуту въ умахъ и приводившую къ безпорядкамъ, Костомаровъ усматривалъ въ поведенiи отдѣльныхъ лицъ. И между ними онъ считалъ особенно виновными Чернышевскаго, которому приписывалъ прокламацiю къ народу, Михайлова, которому приписывалъ прокламацiю „Къ молодому поколѣнiю“ и Шелгунова (слѣдовало тоже обвиненiе въ прокламацiи)“ [1]).

Н. В. Шелгуновъ, по свойственному ему великодушiю и деликатности, не рѣшается высказать прямого обвиненiя противъ Костомарова, и хочетъ видѣть въ его дѣйствiяхъ не сознательное предательство и не обдуманную ложь, а результатъ его болѣзненнаго состоянiя и злобной раздражительности.

„Очень можетъ быть,—пишетъ онъ,—что тотъ Соловьевъ, которому писалъ Костомаровъ, не былъ лицомъ миѳическимъ... Да и для чего бы Костомарову изобрѣтать миѳическаго корреспондента, когда то, что онъ писалъ, онъ могъ бы написать и ма-

---

[1]) „Изъ прошлаго и настоящаго“, ibid, стр. 223—224.

тери, и брату... Вѣдь сущность заключалась не въ лицѣ, которому писалось, а въ самомъ письмѣ"... Костомаровъ представляется Шелгунову человѣкомъ, у котораго не все „въ порядкѣ", во всякомъ случаѣ больнымъ и несчастнымъ.

„Откуда его озлобленіе, мрачное, подавленное, сосредоточенное состояніе и выдумки, похожія на бредъ человѣка, страдающаго галлюцинаціями? Онъ просто сочинялъ обвиненія и выдумывалъ частыя несообразности, которыя всѣмъ и сразу были очевидны. И все это онъ дѣлалъ съ какою-то упрямою, злою настойчивостью, по своему обыкновенію опустивъ глаза внизъ, точно онъ въ этомъ зломъ упрямствѣ черпалъ мужество обвиненія, и боялся, что оно исчезнетъ, если онъ взглянетъ въ глаза. И странное дѣло: этотъ обвинитель возбуждалъ состраданіе, въ немъ чувствовалось что-то ноющее, какая-то внутренняя болѣющая точка".

Опредѣляя основныя черты характера Костомарова, благодаря которымъ онъ оказался способнымъ на такую жалкую и постыдную роль, Шелгуновъ говоритъ, что главною составною частью характера Костомарова были трусость и хвастливость. Хвастливость довела его до либеральныхъ стишковъ и до ихъ печатанія. Солдатства же и заключенія онъ не могъ вынести безъ „протеста", но протеста въ формѣ жалобы и обвиненія другихъ. „Слабый и не умный, Костомаровъ въ несчастіи потерялъ душевное равновѣсіе... и озлобился".

Указавъ затѣмъ, въ какихъ формахъ и фактахъ проявилась эта злоба въ частности къ нему, Шелгуновъ заканчиваетъ такъ: „Лично у меня съ Костомаровымъ почти не было никакихъ отношеній и не знаю, сказалъ ли съ нимъ во все наше знакомство больше десяти словъ. А, между тѣмъ, именно я сталъ главнымъ „объектомъ" его фантазій и озлобленія. Такъ этотъ вопросъ и остался для меня темнымъ" [1]).

Послѣ того, какъ благодаря опубликованнымъ въ послѣднее время даннымъ объ участіи Костомарова въ дѣлѣ Чернышевскаго пролитъ нѣкоторый свѣтъ на это „темное" дѣло; послѣ того, какъ стало очевиднымъ, какую подлую роль игралъ Костомаровъ въ рукахъ администраціи, желавшей во что бы то ни стало „убрать" Чернышевскаго,—не можетъ быть сомнѣнія, что и въ дѣлѣ Шелгунова Костомаровъ игралъ ту же роль, тѣмъ болѣе, что его „разоблаченія" были направлены одновременно на того и другого.

Вотъ нѣкоторые примѣры, характеризующіе тактику Костомарова. Когда Костомарова везли къ мѣсту ссылки, то съ дороги онъ послалъ прошеніе, въ которомъ ходатайствовалъ о возвращеніи въ Петербургъ, такъ какъ онъ „можетъ доказать преступленіе Чернышевскаго". Костомарова воротили въ Петербургъ и

1) „Изъ прошлаго и настоящаго", стр. 224—225.

водворили въ III отдѣленіи. Здѣсь онъ потребовалъ себѣ „Современникъ“ и сталъ дѣлать изъ него выписки съ соотвѣтствующими комментаріями...

Извѣстенъ далѣе такой фактъ:

Къ сидѣвшимъ въ тюрьмѣ Ященко и Гольцъ-Миллеру явился совершенно неизвѣстный имъ человѣкъ, отрекомендовался мѣщаниномъ Яковлевымъ, арестованнымъ будто бы по нолитическому дѣлу, и попросилъ у нихъ совѣта. У Яковлева былъ знакомый офицеръ Костомаровъ. Не задолго предъ этимъ Яковлевъ получилъ отъ Костомарова записку, приглашавшую его прибыть въ гостиницу „Венеція“. Придя туда, онъ нашелъ Костомарова, но уже въ солдатской формѣ, и при немъ находился жандармскій офицеръ. Костомаровъ просилъ Яковлева отправиться въ Петербургъ и отдать письмо его матери, которая объяснитъ, что ему, Яковлеву, нужно сдѣлать... Кромѣ того, просилъ Яковлева цать въ III отдѣленіи показаніе, будто слышалъ, какъ Чернышевскій сказалъ ему: „Помѣщичьимъ крестьянамъ отъ ихъ друзей поклонъ“.

За эти услуги Яковлеву было обѣщано хорошее вознагражденіе... Яковлевъ просилъ посовѣтовать, какъ ему поступить, и освободятъ ли его, если отъ исполнитъ просимое. Ему, конечно, дѣлать этого не посовѣтовали; исполнилъ ли онъ совѣтъ или, какъ и Костомаровъ, продалъ себя, неизвѣстно [1]).

Въ крѣпости, послѣ того какъ немного улеглись первыя тягостныя впечатлѣнія, Шелгуновъ попрежнему интересуется литературой, въ частности „Рус. Словомъ“, подготовляетъ для него статьи. Нѣкоторое время препятствіемъ служило то обстоятельство, что не позволяли печатать его статей.

Только 7-го октября 1863 г. Шелгуновъ съ радостью сообщаетъ своей женѣ: „Статьи мои разрѣшено печатать“. Поэтому проситъ ее сходить къ коменданту, получить отъ него статьи, а затѣмъ отправить нхъ въ „Рус. Слово“.

„Всѣхъ статей,—пишетъ Шелгуновъ,—три: 1. „Литература и образованные люди“. 2. „Старый свѣтъ и новый свѣтъ“. 3. „Начала общественнаго быта“. Попроси Благосвѣтлова увѣдомить тебя, когда онѣ будутъ напечатаны, и статьи отдай въ собственныя руки редактора. Все боюсь, чтобы какъ-нибудь не затерялись“.

19-го февраля 1864 г. Шелгуновъ пишетъ: „Наконецъ, я полу-

---

[1]) „Рус. Стар.“ 1905 г., № 2, стр. 455—465.

Узнавъ потомъ, что Яковлевъ все-таки былъ отправленъ въ Петербургъ и опасаясь, какъ бы Костомаровъ не воспользовался имъ въ качествѣ „свидѣтеля“, Ященко и Гольцъ-Миллеръ отправили письмо Некрасову, прося его довести до свѣдѣнія высшаго начальства объ этихъ фактахъ. Некрасовъ отправилъ это письмо Потапову (начальнику III отд.), но какія послѣдствія имѣло оно—тоже неизвѣстно. Ibid.

Нѣкоторыя подробности объ этомъ см. въ брошюрѣ Өедорова „Чернышевскій“, стр. 38—40.

чилъ „Рус. Слово". Съ моей статьей поступили жестоко. Во 2-й гл.—„Нравственныя вліянія" зачеркнули сплошь весь конецъ, больше печатнаго листа, такъ что теперь не оказывается никакого нравственнаго вліянія. Положимъ, что цензура можетъ даже и совсѣмъ не пропустить статьи, но зачѣмъ же зачеркивать то, что уже напечатано въ другихъ сочиненіяхъ. Это неудобно въ томъ отношеніи, что сбиваетъ съ толку. Впрочемъ,—идеализируетъ Шелгуновъ,—живя на свободѣ, можно было бы примѣниться къ требованіямъ нынѣшней цензуры".

Въ послѣдующихъ письмахъ Шелгуновъ неоднократно останавливается на тѣхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, въ которыхъ находится его литературная работа, главныя изъ нихъ—неволя и цензура (въ частности—невозможность „примѣниться" къ ней). Высказывая, напр., недовольство своей статьей „Новый Свѣтъ" и излагая причины, по которымъ она вышла, по его мнѣнію, неудачна, Шелгуновъ пишетъ: „...Я не на своей квартирѣ и рѣшительно не знаю теперешней цензуры".

Въ другомъ письмѣ Шелгуновъ говоритъ: „...Я боюсь, что не напечатается, пожалуй, и моя послѣдняя статья—„Цивилизація прошедшаго и будущаго", а ты сама знаешь, что въ моемъ положеніи особеннаго богатства матеріаловъ, даровитости, или, вѣрнѣе, плодовитости ожидать отъ меня нельзя. Я удивляюсь еще, что у меня достало силъ на то, что я написалъ до сихъ поръ, и боюсь, что скоро не достанетъ ни матеріала, ни способности писать" [1]).

Всякая, хотя бы и незначительная, удача въ литературныхъ занятіяхъ и предпріятіяхъ, полученіе книжки „Русскаго Слова" со статьею, не очень искалѣченной цензурою,—было для Шелгунова настоящимъ праздникомъ. 14-го іюня 1864 г. Шелгуновъ пишетъ:

„Дружокъ Люля! И въ моей жизни есть и радости, и сюрпризы. Такъ, въ послѣдней (майской) книжкѣ „Русскаго Слова" помѣщены двѣ мои статьи: 1. „Прошедшее и будущее европейской цивилизаціи" и 2. „Современное значеніе уголовнаго права въ Западной Европѣ". Случилось это такъ. Мою статью подъ заглавіемъ „Уголовное правосудіе въ Западной Европѣ", назначавшуюся еще въ мартовскую книжку, цензура запретила, что очень огорчило меня тогда. Но, видно, нашли потомъ, что запрещеніе можно снять, и вотъ статья является въ печати, хотя съ нѣсколько видоизмѣненнымъ заглавіемъ" [2]).

Но такія „радости" выпадали не часто, обычны же были сюрпризы иного рода. „Въ „Русскомъ словѣ" опять новый цензоръ,—пишетъ Шелгуновъ 23-го іюля,—которымъ еще менѣе до-

---

[1]) „Изъ далекаго прошлаго", стр. 142.

[2]) Ibid., стр. 143.

вольны, чѣмъ прежнимъ; къ октябрю, говорятъ, будетъ опять новый... „Эти перемѣны и переходы вообще тяжелы для пишущихъ, ибо у каждаго цензора свой царь въ головѣ и каждый черкаетъ по своему усмотрѣнію. Одинъ, напр., особенно крутъ со статьями политическаго характера, но смотритъ легко на экономическія; другой снисходителенъ къ политикѣ, но зато сердитъ на экономистовъ, гдѣ могутъ прокрасться идеи соціалистическія и т. д., такъ что одинъ пропускаетъ то, что другой зачеркиваетъ. Вотъ тутъ и пиши, какъ знаешь".

Когда, дѣйствительно, въ октябрѣ былъ назначенъ новый цензоръ для „Русскаго Слова" Еленевъ (тотъ, что былъ въ „Современникѣ" въ 1861—62 гг.), Шелгуновъ такъ о немъ отзывается:

„Это господинъ съ очень мягкими, цивилизованными манерами, съ дипломатическою рѣчью, но вмѣстѣ съ тѣмъ съ перомъ несокрушимымъ,—римской твердости, когда онъ вооруженъ имъ при чтеніи корректуры. Печальныя послѣдствія этой твердости я испыталъ на нѣсколькихъ статьяхъ, и потому все странное и внезапные переходы къ новой матеріи или неясности и недостатокъ связи не станови въ вину мнѣ".

Пятаго ноября Шелгуновъ пишетъ: „Рус. Слово" до сихъ поръ еще не вышло и даже неизвѣстно, когда выйдетъ. Не выпускаетъ цензура, а за какой статьей остановка—неизвѣстно" [1]).

Такимъ образомъ, и въ крѣпости Н. В. Шелгуновъ былъ душою въ „Русскомъ Словѣ", скорбѣлъ его скорбями, радовался его радостями и не прерывалъ своей журнальной дѣятельности, несмотря на всѣ ужасы одиночнаго заключенія, въ которомъ онъ находился во все время производства слѣдствія—съ весны 1862 г. по ноябрь 1864 г.

Весьма интересный матеріалъ для знакомства съ положеніемъ юридическимъ, матеріальнымъ и нравственнымъ одиночныхъ заключенныхъ даетъ статья самого Шелгунова „Одиночное заключеніе и смертная казнь".

„Чтобъ имѣть точное понятіе объ одиночномъ заключеніи, нужно посидѣть самому года два въ тюрьмѣ, познакомиться лично съ удовольствіемъ смотрѣть на свѣтъ Божій чрезъ матовыя стекла, познакомиться... съ монотонностью, молчаніемъ и таинственностью, которыя, по мнѣнію филантроповъ, обладаютъ чудодѣйственной силой расплавлять гранитныя сердца и творить изъ грѣшниковъ ангеловъ".

Послѣ теоретическаго доказательства безсмысленности и утонченной жестокости одиночнаго заключенія Шелгуновъ передаетъ нѣсколько своихъ личныхъ впечатлѣній.

„Вообразите, читатель, что среди крѣпкаго, спокойнаго сна,

---

1) „Изъ далекаго прошлаго", стр. 152—153.

въ глухую ночную пору васъ будитъ внезапно рѣзкій звонокъ... Если вы холостой и отворить у васъ некому, вы отворяете сами... входятъ нѣсколько таинственныхъ незнакомцевъ, и вы сразу понимаете, съ кѣмъ имѣете дѣло.

„Если вы человѣкъ женатый, имѣете дѣтей, то ваша жена, увидѣвъ таинственныхъ незнакомцевъ, и безъ того уже испуганная внезапнымъ звономъ, приходитъ въ окончательное смущеніе... Таинственные посѣтители... произносятъ нѣсколько успокоительныхъ фразъ, затѣмъ слѣдуютъ нѣкоторыя операціи... и незнакомцы попросятъ васъ одѣться и ѣхать съ ними. Послѣ сборовъ васъ просятъ проститься съ женой и дѣтьми, чемоданъ вашъ несутъ впередъ, сзади слѣдуютъ за вами таинственные незнакомцы, и вы, походя со стороны на богатаго путешествующаго англичанина, отправляющагося на желѣзную дорогу, садитесь въ карету и уѣзжаете... Вотъ экипажъ вашъ остановился, васъ выводятъ, и вы вступаете въ пріемную комнату тюрьмы. Съ этого момента вы теряете свое человѣческое имя и превращаетесь въ извѣстный номеръ; съ васъ снимаютъ ваше платье, обстригаютъ ваши волосы, надѣваютъ на васъ казенное бѣлье, халатъ и туфли и отводятъ васъ въ келью. Теперь начинается для васъ новая жизнь.

„Вступивъ въ комнату и услышавъ двойное щелканье замка затворенной двери, вы чувствуете, что у васъ на душѣ стало легче!.. Слава Богу, думаете вы, по крайней мѣрѣ кончились всѣ мытарства и несносная таинственность: теперь я у себя. Но порывъ радости очень коротокъ; да и чему радоваться, очутившись въ кельѣ? Развѣ тому, что могло бы быть хуже (на колѣ или въ помойной ямѣ)? Поэтому радость смѣняется немедленно тоскливымъ чувствомъ, и человѣкъ начинаэтъ чувствовать свое одиночество. Чувство одиночества—одно изъ самыхъ тяжелыхъ. Можно скрывать свое страданіе съ гордымъ величіемъ человѣка, считающаго оскорбленіемъ всякое постороннее участіе и соболѣзнованіе людей, съ которыми не имѣешь ничего общаго; можно смѣяться въ тотъ моментъ, когда бы хотѣлось плакать или послать къ чорту остроумныхъ изобрѣтателей тюремной пытки и все тупоумное человѣчество, заправляющее общественными дѣлами; но не чувствовать тоски нельзя. Кто можетъ злиться или плакать, тому легче; но хуже всего тупая боль, потому что она ведетъ къ упадку нравственныхъ силъ. Если вы семейный человѣкъ, то въ припадкѣ одиночества въ васъ пробуждается самая горячая любовь къ женѣ, къ дѣтямъ, къ домашнимъ. Кажется, отдалъ бы душу, чтобъ провести минуту съ близкими людьми... Тоскливое чувство одиночества и потребность быть съ людьми составляетъ самую тяжелую сторону пытки келейнаго заключенія. Потребность общительности... проявляется обыкновенно въ стремленіи заговаривать съ тюремными сторожами, на что тѣ отвѣ-

чаютъ самымъ упорнымъ и мрачнымъ молчаніемъ; въ стремленіи устроить какое-нибудь сношеніе съ сосѣдями, наконецъ, въ томъ тепломъ чувствѣ, съ которымъ заключенный относится къ нечаянно залетѣвшей мухѣ, къ неизвѣстно откуда явившемуся пауку или таракану, даже къ мокрицѣ, выползшей изъ половой щели. Но эта тонкая чувствительность составляетъ крайній предѣлъ, до котораго доводитъ заключеннаго нервное разстройство и бываетъ въ томъ случаѣ, когда арестантъ подвергнутъ самому строгому одиночному заключенію, соединенному съ молчаніемъ; когда стража, какъ истуканы, исполняя молча свою службу, не отвѣчаютъ вамъ ни слова... даже посѣщающее васъ тюремное начальство говоритъ съ вами только о томъ, что относится непосредственно къ вашей тюремной жизни. Положимъ, что вы слышите внезапно пушечную пальбу или музыку, то и другое дѣйствуетъ на васъ живительно и вмѣстѣ тоскливо, напоминая вамъ и о внѣшнемъ мірѣ и о томъ, что онъ не для васъ. Желая знать, что бы это значило, вы обращаетесь съ вопросомъ къ смотрителю и къ немалому изумленію узнаете, что онъ ничего не слышалъ или что ничего никогда не было. Вы, разумѣется, догадываетесь, что эта глухота человѣка—больше ничего, какъ служебная обязанность и обиженные его отвѣтомъ горько каетесь въ сдѣланной вами неосторожности...

„Рядомъ съ этой мучительной таинственностью стоитъ соглядатайство. Чтобы арестантъ былъ всегда подъ глазомъ, въ дверяхъ кельи дѣлается небольшое стекляное окно, завѣшенное изъ корридора. По нѣскольку разъ въ день вы слышите шорохъ у своихъ дверей и затѣмъ видите неизвѣстно кому принадлежащій глазъ, устремленный изъ-за чуть-чуть приподнятой занавѣски. Этотъ внезапно устремленный глазъ коробитъ васъ до бѣшенства и не даетъ вамъ покою цѣлый день; можно относиться, наконецъ, равнодушно ко всей таинственности и молчанію стражи, можно привыкнуть ко всему, пожалуй, даже къ одиночеству, но глазъ, выглядывающій одиноко изъ-занавѣски,—такая мучительная вещь, къ которой привыкнуть рѣшительно нельзя; даже нельзя угадать часовъ, когда онъ будетъ устремленъ на васъ, такъ что если вы... легко поддаетесь сердечнымъ порывамъ, то боязнь быть подсмотрѣннымъ таинственнымъ глазомъ заставляетъ васъ быть постоянно на сторожѣ и тянетъ изъ васъ жилы.

„Нельзя выдумать ничего болѣе жестокаго, какъ систематическое преслѣдованіе заключеннаго соглядатайствомъ, таинственностью и полнымъ отрѣшеніемъ отъ всего внѣшняго міра, простирающимся до такой степени отеческой заботливости, что даже колеса тюремныхъ экипажей обертываются кожей, корридоры выстилаются матами, и стражѣ надѣваютъ мягкія кенги. Прислуга въ одиночныхъ тюрьмахъ не ходитъ, а скользитъ, какъ

тѣни, и ни малѣйшій шорохъ не доходитъ до заключенныхъ, точно они погребены заживо...

„Этотъ мучительный механизмъ тюремной жизни въ людяхъ слабонервныхъ создаетъ состояніе, близкое къ сумасшествію (а то и прямо сумасшествіе).

„Но, однако, это нравственное убійство человѣка не совершается легко и дается только довольно продолжительной и сильной борьбой. Если, съ одной стороны, таинственность, неизвѣстность, полная изолированность отъ внѣшняго міра и соглядатайство, разбивая нервную систему, обезсиливаютъ человѣка, то въ то же время онѣ возбуждаютъ въ немъ и силу, выражающуюся въ злобѣ, въ ненависти ко всему тому, что причиняетъ ему страданіе...

„Система, заключающая въ себѣ такое ненужное оскорбленіе человѣческаго достоинства, только озлобляетъ развитого человѣка и выдѣлываетъ изъ него самаго сильнаго врага той общественной системы и тѣхъ убѣжденій, которыя создаютъ это безчеловѣчное и хладнокровное истязаніе.

„Исправляетъ“ она только тѣхъ, кого лишаетъ всякой силы— и на хорошее, и на дурное—полнымъ разстройствомъ ихъ нервной системы. Но вѣдь не этого же ищутъ филантропы и моралисты—въ такомъ случаѣ была бы гуманнѣе сама гильотина“ [1]).

Въ ноябрѣ 1864 г. дѣло Шелгунова окончилось, онъ былъ сосланъ административнымъ порядкомъ (безъ суда) въ Вологодскую губернію, и съ этихъ поръ начинаются его невольныя и долгія скитанія по разнымъ захолустьямъ матушки-Россіи.

Шелгуновъ былъ обвиненъ въ томъ, что, во 1-хъ, „имѣлъ сношенія съ государственнымъ преступникомъ Михайловымъ“ (въ Сибири); во 2-хъ, „велъ переписку съ разжалованнымъ рядовымъ Вс. Костомаровымъ“; въ 3-хъ, „имѣетъ вредный образъ мыслей, доказывающійся непропущенными цензурою статьями“... На эти обвинительные пункты Шелгуновъ дѣлаетъ слѣдующія вполнѣ основательныя замѣчанія: „Я велъ сношенія съ Михайловымъ, т. е. яснѣе—видѣлся съ нимъ и въ Петербургѣ съ разрѣшенія кн. Суворова; въ Сибири тоже видѣлся съ разрѣшенія начальства. Отчего же дозволенное въ Петербургѣ не дозволено въ Сибири?“

По поводу обвиненія въ перепискѣ съ рядовымъ Костомаровымъ Шелгуновъ говоритъ: „Во-первыхъ, переписку съ рядовымъ у насъ не запрещено вести; а во-вторыхъ, я *никогда* не велъ переписки *съ рядовымъ* Костомаровымъ, я писалъ къ нему всего одно письмо, когда Костомаровъ былъ еще офицеромъ“.

Относительно третьяго пункта Шелгуновъ замѣчаетъ: „...Самъ по себѣ образъ мыслей, не проявляющійся никакимъ внѣшнимъ

---

[1]) „Рус. Слово“, 1866 г., № 1, стр. 179—207.

актомъ, не можетъ составлять вины; а если обвинять за статьи, не одобренныя цензурой, то есть ли хоть одинъ литераторъ, статьи котораго не запрещались бы иногда цензурою"... [1]).

Первымъ мѣстомъ ссылки для Шелгунова былъ назначенъ городъ Тотьма, Вологодской губ. Здѣсь Шелгуновъ оказался совершенно одинокимъ, какъ „пень среди долины". Онъ испытываетъ тоску, нервное разстройство отъ продолжительнаго заключенія, плачетъ... „Но все-таки,—прибавляетъ Шелгуновъ,—здѣсь пишется легче, чѣмъ въ равелинѣ".

Въ январѣ 1865 г. Шелгуновъ снова жалуется на одиночество, тоску и гнетъ. Между прочимъ, изображая внѣшнія условія своего существованія, разсказываетъ, какъ при полученіи посылки (фуфайки и теплыхъ носковъ) почмейстеръ не только вскрывалъ посылку въ присутствіи исправника, но еще и вытряхивалъ фуфайку, „вѣрно, думая найти бомбы или ракеты". „Странное дѣло,—замѣчаетъ Шелгуновъ,—у насъ всякій хочетъ быть полицейскимъ"-

Общія условія—климатическія, географическія и матеріальныя—жизни въ Тотьмѣ, нѣкоторыя этнографическія и экономическія особенности этого края описаны Шелгуновымъ въ „Домашней лѣтописи „Русскаго Слова" за 1865 г."

Въ апрѣлѣ 1865 г. Шелгуновъ былъ переведенъ въ Устюгъ; отсюда онъ пишетъ женѣ: „Если бъ ты знала, какъ тяжела лямка поднадзорнаго! И особенно въ такомъ городѣ, какъ Устюгъ. Если бъ ты знала, что тамъ за люди изъ тѣхъ, кто имѣетъ голосъ и вліяніе... Можно съ отчаянія застрѣлиться, чтобъ только не видѣть ихъ"...

Всецѣло отдаваясь журнальной работѣ и литературнымъ интересамъ, Шелгуновъ сообщаетъ, между прочимъ, своей женѣ (въ письмѣ отъ 18-го апр.): „Новости. Въ государственномъ совѣтѣ утверждена отмѣна предварительной цензуры. Благосвѣтловъ пишетъ мнѣ, что цензура стала теперь легче (это было или „недоразумѣніе", или случайность. *А. Е.*) А впрочемъ,—прибавляетъ Шелгуновъ, во второй моей статьѣ о Тотьмѣ цензоръ вычеркнулъ „Овенъ",—только одну фамилію и больше ничего. Не знаю, почему ему не понравилось имя Овенъ".

При всѣхъ невзгодахъ выпадали на долю Шелгунова передряги и мѣстно-обывательской „цензуры". Такъ, въ одной изъ статей Шелгунова обыватели Устюга узнали себя. И Шелгуновъ пишетъ по этому поводу: „...А устюжане нашли въ статьѣ свои, будто-бы, портреты. Попалъ, значитъ, въ жилу. Изъ этого ты видишь, что быть литераторомъ въ провинціи не безопасно, и теперь мнѣ остается только ожидать, что кто-нибудь, обидѣвшись какой-нибудь моей статьей, найметъ какихъ-нибудь незнакомцевъ

---

[1]) „Рус. Слово", 1866 г., № 1, стр. 196.

съ дубьемъ, поставитъ ихъ у моихъ воротъ и... ты понимаешь, что дальше"...

Желая найти себѣ болѣе человѣческихъ условій существованія, Шелгуновъ хлопоталъ о заграничной поѣздкѣ или о переводѣ въ другую губернію. Но на это ходатайство Шелгунова пришелъ слѣдующій отвѣтъ:

„Министръ внутр. дѣлъ, въ виду обстоятельствъ, по которымъ полковникъ Шелгуновъ посланъ въ Вологодскую губернію, не можетъ разрѣшить ему выѣхать за границу, а также и переѣхать въ другую губернію".

„Значитъ, еще лѣтъ на десять,—замѣчаетъ Шелгуновъ.—Какую я сыгралъ роль? Я знаю,—наивно-довѣрчиво прибавляетъ онъ,—меня не винятъ. Но здѣсь ничего невозможно добиться".

Вмѣсто заграницы, Шелгуновъ въ началѣ 1866 г. былъ переведенъ въ Никольскъ (худшія условія). Вотъ какъ объясняетъ Шелгуновъ этотъ переводъ: „...Я далъ пощечину (двѣ) одному судебному слѣдователю, человѣку въ высшей степени дерзкому, грубому и глупому. Онъ погрозилъ мнѣ пальцемъ, а я, воспылавъ, какъ пироксилинъ, отвѣтилъ грубіяну языкомъ, ему единственно понятнымъ" [1]).

Такъ, въ постоянныхъ скитаніяхъ и въ то же время непрерывномъ, несмотря на всѣ неблагопріятныя условія, литературномъ трудѣ протекли долгіе, лучшіе годы Ник Вас. Шелгунова [2]).

---

[1]) „Рус. Слово", 1866 г., № 1, стр. 168, 170, 177, 185, 189,

[2]) Вотъ перечень всего, помѣщеннаго Шелгуновымъ въ „Рус. Словѣ" во время ссылки:

1863 г. №№ 1—3—„Сибирь по большой дорогѣ"; № 4—„Убыточность незнанія"; № 5—„Условія прогресса" и „Отживающія слова"; № 8—„Земля и органическая жизнь"; №№ 9—11—„Гражданскій элементъ Иркутскаго края"; № 10—„Литература и образованные люди"; № 11—„Начала общественнаго быта", „Старый свѣтъ и новый свѣтъ" (по поводу исторіи Шлоссера).

Кромѣ того, *съ 1863 г.* и вплоть *до прекращенія* „Рус, Слова" Шелгуновъ велъ въ немъ особый отдѣлъ подъ названіемъ *„Домашняя лѣтопись"*.

1864 г. №№ 1—2—„Россія до Петра I"; № 2—„Причины бѣдности" (*за подписью—Т. З.*); № 3—„Очерки изъ исторіи Соединенныхъ Штатовъ"; № 4—„Ученая односторонность" (объ исторіи Соловьева); № 5—„Прошедшее и будущее европейской цивилизаціи" и „Современное значеніе уголовнаго права въ Западной Европѣ" (*послѣдняя за подписью—Т. З.*); № 7—„Экономическое значеніе нашихъ городовъ"; № 8—„Статистика смертности и рожденія"; №№ 9—10—„Болѣзни чувствующаго организма"; №№ 11—12—„Историч. очерки".

1865 г. № 1—„Главные моменты въ исторіи Европы" и „Френологическая оцѣнка человѣческихъ поступковъ" (*послѣдняя за подписью—Т. З.*); № 2—„Рабочія ассоціаціи"; № 3—„Развитіе человѣческаго типа въ геологическомъ отношеніи"; № 5—„Женское бездѣлье" (ст. продолж. въ №№ 6 и 7); №№ 8—10—„Цивилизація Китая"; № 11—„Рабочія ассоціаціи" (оконч.) и „Развитіе органическаго міра во время образованія земной

XIII.

Арестъ и судьба Писарева и Н. Серно-Соловьевича.

Въ томъ же 1862 г. былъ арестованъ и Писаревъ. Арестованъ онъ былъ по слѣдующему, въ сущности, ничтожному поводу. Въ апрѣлѣ 1862 г. вышла нашумѣвшая въ свое время брошюра барона Шедо-Феротти, разбиравшая письмо Герцена къ русскому посланнику въ Лондонѣ. Писаревъ написалъ—для помѣщенія въ „Русскомъ Словѣ"—весьма рѣзкій и ядовитый разборъ этой брошюры, но цензоръ нашелъ его совершенно невозможнымъ для печати. Такъ статья и осталась валяться у Писарева на письменномъ столѣ.

Однажды къ Писареву зашелъ знакомый студентъ Баллодъ [1] и, увидавъ помянутую рецензію, предложилъ напечатать ее на „домашнемъ" станкѣ. Писаревъ отвѣтилъ, что „это" не стоитъ; тѣмъ дѣло пока и кончилось. Но послѣ пріостановки „Русскаго Слова" Баллодъ возобновилъ свою просьбу. Тогда Писаревъ передѣлалъ заново свою статью и, не приспособляясь уже къ цензурнымъ требованіямъ, не жалѣлъ „соли"... За эту-то именно статью Писаревъ и поплатился почти пятью годами одиночнаго заключенія въ крѣпости, такъ какъ чрезъ нѣсколько дней Баллодъ былъ арестованъ, а затѣмъ по найденнымъ слѣдамъ былъ арестованъ (3-го іюля) и Писаревъ.

Содержаніе „преступной" рецензіи, погубившей Писарева, слѣдующее:

„Русское правительство подъ покровительствомъ Шедо-Ферроти".

„Въ дѣйствіяхъ нашего правительства, подавляющаго всякое проявленіе жизни, замѣчается новая черта—трусливая подлость іезуита. Не переставая ссылать, засѣкать, пытать, разстрѣливать, оно употребляетъ скрытыя, подлыя, но вполнѣ достойныя его мѣры тамъ, гдѣ нельзя ничего сдѣлать грубымъ насиліемъ. На-дняхъ оно пустило въ продажу брошюру, написанную какимъ-то Шедо-Ферроти и направленную противъ Герцена (Искандера).

„Первоначально она была напечатана въ количествѣ 400 экземпляровъ, въ видѣ пробы; въ скоромъ же времени выйдетъ еще въ значительномъ количествѣ. Брошюра эта написана чрезвычайно хитро, и на людей, мало читавшихъ изданія Герцена, можетъ произвести дѣйствіе, ожидаемое правительствомъ. Авторъ ея, стараясь подорвать довѣріе общества къ Герцену, выставляетъ

коры" (*послѣдняя за подписью—Личинкинъ*); № 12—„Воспитаніе характера" и „Честные мошенники".

1866 г. № 1—„Одиночное заключеніе и смертная казнь".

[1]) Знакомство ихъ произошло случайно (они жили въ однихъ номерахъ) и имѣло чисто-внѣшній характеръ.

его человѣкомъ, стремящимся захватить власть въ свои руки, при будущемъ переворотѣ въ Россіи; въ видѣ подлой насмѣшки ставитъ его на одну доску съ коронованными особами и упрекаетъ его въ перемѣнѣ своихъ убѣжденій.

„Оставляя подобное мнѣніе о Герценѣ при Шедо-Ферроти и нашемъ правительствѣ, мы спросимъ васъ, гнилые столбы деспотизма: неужели вы думаете подобными мѣрами ослабить огромное вліяніе, производимое изданіями Герцена на общество? Нѣтъ, вамъ остается одно—убить Герцена. Не предавайте смѣху подобную гнусную мысль—она ваша. И, несмотря на ловкую діалектику Шедо-Ферроти, ему не вполнѣ удалось замаскировать и предать осмѣянію подобную мысль.

„Трудности, которыя пришлось намъ одолѣвать, прежде чѣмъ нашъ голосъ могъ раздаться въ печати, были такъ велики, и силы наши пока еще такъ мало организованы, что мы теперь не можемъ входить въ подробный разборъ этой брошюры, но, вѣроятно, Герценъ не приминетъ дать пощечину въ своемъ „Колоколѣ“ какъ Шедо-Ферроти, такъ и нашему правительству. Интересно бы знать, во сколько обходится это правительству“ [1]).

Эти нѣсколько строкъ и погубили Писарева.

Вся почти послѣдующая, очень недолгая жизнь Писарева прошла въ казематѣ Петропавловской крѣпости. Арестованный 3-го іюля 1862 года, онъ пробылъ въ крѣпости $4^1/_2$ года, въ томъ числѣ два года предварительнаго заключенія; затѣмъ, выпущенный на свободу 18-го ноября 1866 г., Писаревъ 4-го іюля 1868 года утонулъ, купаясь въ морѣ (въ Дуббельнѣ). „Какая удивительная судьба,—говорилъ Шелгуновъ.—Въ 1860—61 гг. (будучи 20 лѣтъ) Писаревъ, едва выступившій въ журналистику, сразу обращаетъ на себя вниманіе; слѣдующіе затѣмъ 4 года онъ проводитъ въ заключеніи и создаетъ себѣ громкую извѣстность и широкое вліяніе; обезсиленный излишне-напряженной нервной жизнью, Писаревъ выходитъ на свободу съ надорванными силами, а чрезъ $1^1/_2$ года друзья и почитатели уже плачутъ надъ его могилой“ („Воспомин.“, стр. 740).

Такимъ образомъ, въ стѣнахъ каземата, въ условіяхъ одиночнаго заключенія протекла большая часть его литературной дѣятельности. При томъ въ этотъ именно періодъ появились произведенія, въ которыхъ наиболѣе полно, рельефно и блестяще были выражены взгляды Писарева [2]).

---

1) Второе прилож. къ „Историч. Сборнику“, стр. 71.

2) Здѣсь, кстати, я считаю не лишнимъ дать перечень всего, напечатаннаго Писаревымъ въ „Русскомъ Словѣ“. На свободѣ были помѣщены Писаревымъ въ „Рус. Словѣ“ слѣдующія статьи:

1860 г. № 12—„Атта Троль“ (перев. изъ Гейне)—первая ст. Пис. въ „Рус. Сл.“ „Рецензія на книгу Костомарова и Берга“. „Сборникъ стих. иностранныхъ поэтовъ“.

Поразительный фактъ: заключенный заживо въ могилу, куда не проникали никакія впечатлѣнія жизни, не раздавался голосъ человѣческій, и даже шаги часовыхъ заглушались толстымъ половикомъ, разостланнымъ въ корридорѣ,—Писаревъ создаетъ произведенія, проникнутыя свѣтлой бодростью, полныя живой мощи и художественной яркости, произведенія, чуждыя хотя бы тѣни унынія и пессимизма. Въ нихъ онъ призываетъ общество „къ живой работѣ и живому наслажденію", къ борьбѣ за разумныя и справедливыя формы жизни.

Той же бодростью и сердечной теплотой проникнуты и его письма къ роднымъ,—не онъ проситъ поддержки и утѣшенія, а самъ ихъ утѣшаетъ, увѣряя постоянно, что ему хорошо, „очень даже хорошо".

„На счетъ моего здоровья,—пишетъ Писаревъ матери спустя двѣ недѣли послѣ своего заключенія,—вы съ Вѣрочкою можете

1861 г. № 2—Рецензія на книгу Голицинскаго „Уличные типы". № 4—„Идеализмъ Платона". „Схоластика XXI в." (№№ 5 и 9). „Аполлоній Тіанскій" (№№ 6, 7, 8). „Физіологическіе эскизы Молешотта" (№ 7). „Отжившій міръ" (подъ псевдонимомъ—*Радогинъ*) (№ 9). „Стоячая вода", „Осенняя сказка" (Г. Гейне)—№ 10. „Меттернихъ" (№№ 11 и 12). „Рус. литература о ром. Писемскаго, Тургенева, Гончарова" (№ 11). „Посмертныя стих. Гейне—№ 11). „Женскіе типы въ произведеніяхъ Писемскаго, Тургенева, Гончарова" (№ 12).

1862 г. „Московскіе мыслители" (№№ 1 и 3). „Физіологическія картины" (№ 2). „Базаровъ" (№ 3). „Очерки изъ исторіи печати во Франціи" (№№ 3, 4 и 5). „Русскій Донъ-кихотъ"—о сочин. Кирѣевскаго (№ 3). „Бѣдная русская мысль" (№№ 4 и 5) „Рецензія на книгу Костомарова и Берга" „Поэты всѣхъ временъ и народовъ" (№ 5).

Въ крѣпости:

1863 г. „Наша университетская наука" (№№ 7 и 8). „Очерки изъ исторіи труда" (№№ 9 и 11)—въ собр. сочиненій помѣщено подъ заглавіемъ „Зарожденіе культуры".

1864 г. „Историческіе эскизы" (№№ 1 и 2). „Цвѣты невиннаго юмора" (№ 2). „Мотивы русской драмы" (№ 3). „Прогрессъ въ мірѣ животныхъ и растеній" (№№ 4—9). „Кукольная трагедія съ букетомъ гражданской скорби" (№ 8). „Нерѣшенный вопросъ" („Реалисты") (№№ 9—11). „Историч. развитіе европейской мысли" (№№ 11 и 12). „Промахи незрѣлой мысли" (№12).

1865 г. „Переломъ въ умствен. жизни среднев. Европы" №№ 1 и 2). „Мыслящій пролетаріатъ"—повѣсти и разск. Помяловскаго; въ собран. сочиненій подъ заглавіемъ—„Романъ кисейной дѣвушки" (№ 1). „Сердитое безсилье" (№ 2). „Прогулка по садамъ россійской словесности" (№ 3). „Мысли Вирхова о воспитаніи женщинъ" (№ 4). „Пушкинъ и Бѣлинскій" (№№ 4—6). „Педагогич. софизмы" (№ 5). „Разрушеніе эстетики" (№ 5). „Подвиги европ. авторитетовъ" (№ 6). „Школа и жизнь" (№№ 7—8). „Посмотримъ" (№ 9). „Историч. идеи О. Конта" (№№ 9—11). „Новый типъ" (№ 10)—о ром. Чернышевскаго. Въ первомъ изд. собр. соч. Писарева эта статья помѣщена подъ заглавіемъ „Мыслящій пролетаріатъ", а во второмъ изданіи этой статьи совсѣмъ нѣтъ. „Сельскія картины" подъ псевдонимомъ *Радогинъ*. Въ собр. сочиненій эта статья помѣщена подъ заглавіемъ „Подрастающая гуманность" (№ 12).

1866 г. „Времена метафизической аргументаціи (№ 1).

быть совершенно спокойны. Я чувствую себя хорошо. Сегодня ровно двѣ недѣли съ тѣхъ поръ, какъ я въ крѣпости, а между тѣмъ меланхолія, которой ты такъ боялась, не показывается".

Черезъ годъ (въ сентябрѣ 1863 г.) Писаревъ слѣдующими чертами рисуетъ матери свое состояніе и настроеніе:

„Жизнь моя, которую такъ разнообразили... свиданія съ вами, опять покатилась своимъ ровнымъ теченіемъ, опять я ничего не ожидаю, живу себѣ съ минуты на минуту, и опять замѣчаю, что время идетъ особенно скоро, и опять радуюсь, потому что дни опять такъ скоро уходятъ за днями. Къ уединенію и къ моему правильному образу жизни я такъ привыкъ, что мнѣ и въ голову не приходитъ, чтобъ этими вещами можно было тяготиться. Я не думаю, чтобы я, подобно Шильонскому узнику, вздохнулъ когда-нибудь о моей тюрьмѣ, но я совершенно увѣренъ въ томъ, что всегда буду вспоминать о времени моего заключенія съ самою добродушною улыбкой. Мнѣ даже иногда становится смѣшно смотрѣть на себя: какой я кроткій агнецъ, и какъ я со всѣмъ примиряюсь, и какъ я всѣмъ остаюсь доволенъ! Со стороны смотрѣть, должно быть, еще смѣшнѣе, но мнѣ, отъ кротости моей, очень хорошо; эта кротость похожа на пуховикъ, который предохраняетъ меня отъ боли при каждомъ паденіи" [1])...

Писаревъ старается даже увѣрить себя и другихъ, что пребываніе въ крѣпости ничего, кромѣ пользы, ему не приноситъ и принести не можетъ. „Оглядываясь назадъ на прошедшій годъ, двадцать третій годъ моей жизни, я вижу, что онъ проведенъ гораздо благопріятнѣе, чѣмъ, напр., двадцать второй. Правда, что въ моемъ положеніи мудрено дѣлать какія-бы то ни было глупости, но такъ или иначе, по той или другой причинѣ, а все-таки этотъ годъ прошелъ безъ глупостей, чего никакъ нельзя сказать о его предшественникѣ. Если бы я былъ на свободѣ, то могу себѣ представить, сколько бы я надѣлалъ карточныхъ долговъ, сколько бы я тратилъ силъ на безпорядочныя удовольствія. Теперь всѣ силы... оказываются сбереженными, а это увеличиваетъ тотъ капиталъ, съ котораго придется брать проценты въ теченіе остальной жизни. ... Поэтому-то я и радъ, что обстоятельства взялись пріучать меня къ правильному образу жизни и сберегутъ для меня на будущее тѣ силы, которыя я, живя на всей своей волѣ, непремѣнно разбросалъ бы по сторонамъ, и жалѣлъ бы, и плакалъ бы, а все-таки бросалъ. Буду ли я поступать благоразумнѣе впослѣдствіи? Мнѣ кажется—да! У меня во многихъ отношеніяхъ расширились и прояснились понятія, а это не можетъ оставаться безъ вліянія на весь образъ дѣйствій. Во-первыхъ, я самъ по себѣ возмужалъ, а во-вторыхъ, долговременное уединеніе подѣйствовало на меня очень хорошо. Уединеніемъ лечатъ

[1]) Е. Соловьевъ. Біографія Писарева, стр. 88.

нѣкоторые виды сумасшествія, въ томъ числѣ и меланхолію, но уединеніе бываетъ полезно не для однихъ сумасшедшихъ; отъ него выигрываютъ часто люди совершенно здравомыслящіе. Становишься спокойнѣе, выучиваешься сосредоточивать свои мысли и вслѣдствіе этого начинаешь думать успѣшнѣе прежняго"...

Относительно своего ближайшаго будущаго Писаревъ говоритъ слѣдующимъ образомъ: „Къ начинающемуся 24 году моей жизни я подхожу съ особеннымъ любопытствомъ,—гдѣ и какимъ образомъ придется провести его. Вопросъ этотъ не лишенъ занимательности, но могу сказать, положа руку на сердце, что задаю его себѣ безъ малѣйшаго волненія. Къ живому любопытству не примѣшиваются ни мечтательныя надежды, ни мрачныя опасенія, нѣтъ и такого равнодушія, которое было бы похоже на апатію. Просто любопытно слѣдить за событіями собственной жизни"...

Въ заключеніи обычный для всѣхъ писемъ припѣвъ: „Я здоровъ и счастливъ... Все это время я чувствовалъ себя хорошо, что продолжается и теперь, такъ что даже осень, которую я терпѣть не могу, не раздражаетъ меня" [1]).

Конечно, трудно повѣрить, чтобы крѣпость не душила, не калѣчила, а даже благотворно дѣйствовала во всѣхъ отношеніяхъ, какъ это старается представить Писаревъ въ своихъ письмахъ къ матери. Правильнѣе во всякомъ случаѣ сказать: сила характера и нравственное мужество Писарева были такъ велики, что и крѣпость ихъ не сломила окончательно. Только благодаря усиліямъ воли онъ сохраняетъ извѣстную бодрость и даже „благодушіе". Здѣсь, вѣроятно, играла роль та же „психологическая реакція", вліяніе которой мы видимъ во взглядахъ Писарева на чувство, на эстетику. Натура, несомнѣнно, вполнѣ эстетическая и глубоко чувствующая, способная безраздѣльно отдаваться наплыву чувствъ, Писаревъ отрицалъ и чувство, и эстетику. „Жизнь, — говорилъ онъ, — можетъ обновиться не порывами чувствъ, а только работою мысли".

По справедливому замѣчанію проф. Овсянико-Куликовскаго, въ этихъ строкахъ „сквозитъ родъ психологической реакціи, свойственной натурамъ, которыя очень и очень доступны порывамъ чувствъ". „Къ такой реакціи приводитъ людей несознанное, непроизвольное стремленіе къ психическому самосохраненію. Человѣкъ инстинктивно обороняется отъ наплыва чувствъ вообще или опредѣленнаго чувства въ частности, потому что какой-то внутренній голосъ говоритъ ему, что—дай онъ волю имъ—его душевный миръ нарушится, а, пожалуй, и весь строй души будетъ потрясенъ. Писаревъ на личномъ опытѣ убѣдился, что для него порывы чувствъ опасны (вспомнимъ его трагическую любовь къ кузинѣ, приведшую его къ психозу). Онъ зналъ, какъ чувства

---

[1]) Соловьевъ. Біографія Писарева, стр. 89—90.

порабощаютъ и разъѣдаютъ душу, и ополчился противъ нихъ, все равно, каковы бы они ни были—любовныя или гражданскія" [1]).

Прирожденный эстетъ, всей своей личностью являвшій видъ „джентльмэна" и эстета, Писаревъ „разрушаетъ" эстетику. „Протестъ противъ эстетики и пресловутое „развѣнчаніе" Пушкина были, такъ сказать, возстаніемъ противъ себя самого, родомъ самоотреченія" [2]).

Той же психологической реакціей, стремленіемъ къ психическому самосохраненію объясняется его видимое благодушіе, его непонятное на первый взглядъ довольство тюрьмой и даже беззаботность. Писаревъ опять-таки чувствовалъ, что — поддайся онъ наплыву „меланхоліи"—и его душевный миръ будетъ потрясенъ.

Къ сожалѣнію, имѣется очень мало непосредственныхъ свидѣтельствъ очевидцевъ, наблюдавшихъ тогдашнее душевное состояніе Писарева.

Въ воспоминаніяхъ Борисова, служившаго въ томъ самомъ Алексѣевскомъ равелинѣ, гдѣ содержались Чернышевскій, Шелгуновъ, Писаревъ, есть нѣкоторыя указанія о жизни этихъ и другихъ заключенныхъ, но преимущественно внѣшняго свойства— о помѣщеніи, одеждѣ, пищѣ, режимѣ и пр. „На службѣ въ равелинѣ,—говоритъ, между прочимъ г. Борисовъ,—мнѣ нерѣдко приходилось встрѣчаться съ заключенными. Въ особенности я хорошо помню Чернышевскаго, Шелгунова и Писарева".

Но, къ сожалѣнію, свои воспоминанія о Писаревѣ ограничиваетъ слѣдующею единственною фразою: „Писарева, тогда еще совсѣмъ молодого человѣка, съ едва пробивавшимися свѣтлорыжеватыми усами и бородой, видѣлъ я *во время* привода его въ комендантскій домъ для *свиданія съ матерью*... Внѣшній скромный въ общемъ *добродушный* видъ Писарева вовсе не напоминалъ того горячаго безпощаднаго отрицателя, какимъ являлся онъ въ своихъ статьяхъ" [3]).

Однако же, имѣются нѣкоторыя свидѣтельства, которыя говорятъ, что жизнь и душевное состояніе Писарева далеко не были той идилліей, какую рисуетъ онъ въ приведенныхъ выше письмахъ къ матери; что онъ былъ далеко не такъ благодушенъ, какъ это казалось постороннимъ и случайнымъ наблюдателямъ, вродѣ Борисова.

Напр., Шелгуновъ, сидѣвшій въ Алексѣевскомъ равелинѣ одновременно съ Писаревымъ, говоритъ: „Въ 1863 г., когда я находился въ Алексѣевскомъ равелинѣ, я узналъ отъ Палисадова

---

1) „Итоги русской худож. литературы XIX в." „Вѣстникъ воспитанія", 1905 г., № 4., стр. 15—16.

2) Ibid., стр. 19.

3) „Руск. Старина", 1901 г., кн. 12, стр. 573—577. Курсивъ мой.

(бывшаго тогда протоіереемъ Петропавловскаго собора), что Писаревъ находится тоже въ заключеніи.

„И къ Писареву, и ко мнѣ отецъ Палисадовъ проявлялъ большое вниманіе и часто къ намъ заходилъ. Писаревъ не довѣрялъ Палисадову и приписывалъ его посѣщенія причинамъ, которыхъ нельзя было бы оправдать, если бы Писаревъ не ошибался. Палисадовъ былъ въ этомъ отношеніи внѣ всякихъ подозрѣній и держалъ себя умно, съ тактомъ и осторожно. По крайней мѣрѣ такимъ я его помню. Отъ Палисадова я зналъ, что *Писаревъ находился постоянно въ сильно возбужденномъ состояніи.* Былъ даже такой случай. Раздражившись на Палисадова, Писаревъ выгналъ его изъ своей камеры и бросилъ за нимъ по корридору книгой. Палисадовъ отзывался о Писаревѣ съ глубокимъ уваженіемъ и сочувствіемъ и, видимо, старался облегчить ему его одиночество“ [1]).

Въ письмахъ самого Писарева проскальзываютъ нотки унынія и недовольства, хотя онъ, по словамъ его біографа, лишь вскользь и какъ-то неохотно упоминаетъ о нихъ.

„Я—человѣкъ, полный жизни,—говоритъ, напр., Писаревъ въ одномъ изъ писемъ,—мнѣ необходимо, чтобы жизнь затрагивала меня съ разныхъ сторонъ, а между тѣмъ жизнь моя полтора года тому назадъ остановилась и замерла въ одномъ положеніи. Сначала самая остановка эта, самый застой жизни былъ для меня новымъ и очень сильнымъ впечатлѣніемъ, но теперь я уже извлекъ изъ этого новаго положенія все, что можно было извлечь. Я развился и окрѣпъ въ моемъ уединеніи, и теперь я чувствую, что мнѣ было бы очень полезно и пріятно перейти въ какую-нибудь новую сферу жизни.

„Я залежался на одномъ мѣстѣ и потому буду чрезвычайно радъ, когда меня куда-нибудь сдвинутъ. Куда—я объ этомъ не спрашиваю. Я ко всему сумѣю привыкнуть и всегда найду возможность быть спокойнымъ и довольнымъ“ [2]).

Но надежда Писарева, что его куда-нибудь сдвинутъ, не осуществилась: его оставили въ томъ же „полезномъ“ учрежденіи и въ томъ же положеніи.

10-го ноября 1862 г. въ „Сенатскихъ Вѣдомостяхъ“ (№ 90) было напечатано слѣдующее высочайше утвержденное мнѣніе государственнаго совѣта: „Государственный совѣтъ... по разсмотрѣніи опредѣленія правительствующаго сената о бывшихъ студентахъ с.-петербургскаго университета Петрѣ Баллодѣ (24 лѣтъ) и Петрѣ Ткачевѣ (20 лѣтъ), б. студ. московскаго университета Леонидѣ Ольшевскомъ (23 лѣтъ), почетномъ гражданинѣ, бывшемъ вольнослушателѣ того же университета Евгеніи Печаткинѣ (25 лѣтъ), кандидатѣ с.-петербургскаго университета *Дмитріи*

---

[1]) Воспоминанія Шелгунова. Біогр. Писарева, стр. 94—95.

[2]) Ibid.

Писаревъ (24 лѣтъ) и губернскомъ секретарѣ Николаѣ Жуковскомъ, призналъ ихъ, по собственному сознанію, уликамъ и другимъ обстоятельствамъ дѣла, виновными:

1) Баллода въ принятіи участія въ заговорѣ противъ правительства, въ заведеніи тайной типографіи для печатанія возмутительныхъ противъ правительства воззваній и, наконецъ, въ печатаніи и распространеніи такихъ воззваній посредствомъ подкидыванія;

2) *Писарева въ составленіи возмутительной статьи, наполненной дерзкими и оскорбительными выраженіями какъ противъ правительства, такъ и противъ Священной Особы Государя Императора*;

3) Ольшевскаго въ сочиненіи возмутительныхъ воззваній;

4) Печаткина и 5) Ткачева въ храненіи у себя возмутительныхъ сочиненій и 6) Жуковскаго въ ослушаніи противъ правительства, состоящемъ въ невозвращеніи изъ-за границы, несмотря на сдѣланный ему вызовъ.

Вслѣдствіе сего государственный совѣтъ, согласно съ заключеніемъ правительствующаго сената и на основаніи приведенныхъ въ томъ заключеніи узаконеній, мнѣніе положилъ:

1) бывшаго студента петербургскаго университета Петра Баллода, по лишеніи всѣхъ правъ состоянія, сослать въ каторжную работу въ рудникахъ на пятнадцать лѣтъ, а затѣмъ поселить въ Сибири навсегда;

2) кандидата с.-петербургскаго университета *Дмитрія Писарева, лишивъ нѣкоторыхъ* по ст. 54 улож. о наказ., *правъ и преимуществъ, заключить въ крѣпость на два года и восемь мѣсяцевъ;* по предмету же покушенія распространить составленное имъ возмутительное сочиненіе—оставить въ сильномъ подозрѣніи;

3) бывшаго студента московскаго университета Леонида Ольшевскаго заключить въ крѣпость на одинъ годъ и потомъ выслать на мѣсто родины съ отдачею тамъ подъ надзоръ полиціи на одинъ же годъ;

4) почетнаго гражданина Евгенія Печаткина выдержать подъ арестомъ три мѣсяца и потомъ отдать подъ надзоръ полиціи на три года;

5) бывшаго студента с.-петерб. университета Петра Ткачева заключить въ крѣпость на три мѣсяца и

6) губернскаго секретаря Николая Жуковскаго, лишивъ всѣхъ правъ состоянія, считать изгнаннымъ навсегда изъ предѣловъ государства.

Подписалъ: предсѣдательствующій въ государственномъ совѣтѣ князь Павелъ Гагаринъ.

На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества

рукою написано: „Быть по сему, но съ тѣмъ, чтобы Баллоду срокъ каторжной работы ограничить 7-ю годами“ [1]).

Итакъ, Писаревъ остался въ томъ же Алексѣевскомъ равелинѣ, какъ бы заживо погребенный, лишенный всѣхъ живыхъ впечатлѣній жизни. Несмотря на это, пропаганда его становилась все блестящѣе и содержательнѣе, талантъ его развивался, взглядъ его на обязанности журналистики дѣлался возвышеннѣе и серьезнѣе.

„Для меня,—пишетъ онъ,—журналистъ есть высшій идеалъ человѣка и благороднѣйшее существо... Журналистика—мое призваніе. Это я твердо знаю. Написать въ мѣсяцъ отъ 4 до 5 печатныхъ листовъ я могу незамѣтно и нисколько не утруждая себя; форма выраженія дается мнѣ теперь еще легче, чѣмъ прежде, но только я становлюсь строже и требовательнѣе къ себѣ въ отношеніи мысли, больше обдумываю.

„Мой взглядъ на вещи и тотъ планъ, по которому я намѣренъ современемъ построить мою жизнь и дѣятельность, выясняются для меня съ каждымъ днемъ явственнѣе и отчетливѣе. Если мнѣ удастся выйти опять на ровную дорогу, т. е. жить въ Петербургѣ и писать въ журналѣ, то я, навѣрное, буду самымъ послѣдовательнымъ изъ русскихъ писателей и доведу свою идею до такихъ ясныхъ и осязательныхъ результатовъ, до какихъ еще никто не доводилъ раньше меня.

„Всѣ наши хорошіе писатели имѣли значительную слабость къ общимъ разсужденіямъ и высшимъ взглядамъ, и у меня есть эта слабость, хоть я еще и не считаю себя хорошимъ писателемъ; но я понимаю, несмотря на эту слабость, что общія разсужденія и высшіе взгляды составляютъ совершенно безполезную роскошь и мертвый капиталъ для такого общества, которому недостаетъ самыхъ простыхъ и элементарныхъ знаній. Поэтому *обществу надо давать эти необходимыя знанія*, т. е. знакомить публику съ лучшими представителями европейской науки. Мнѣ эта задача во всѣхъ отношеніяхъ по душѣ и по силамъ. Во-первыхъ, я пишу чрезвычайно быстро; во-вторыхъ, я пишу весело и занимательно; въ-третьихъ, я усваиваю себѣ очень легко чужія мысли; и, наконецъ, въ-четвертыхъ, я одержимъ страстною охотою читать. Всѣ эти свойства до сихъ поръ все еще растутъ и развиваются во мнѣ, такъ что каждая новая статья моя выходитъ живѣе и пишется легче, чѣмъ предыдущая.

„Припомни,—говоритъ онъ матери,—сколько пользы принесъ Бѣлинскій, и сообрази, что Бѣлинскій ограничивался почти исключительно областью литературной критики; кромѣ того, Бѣлинскій былъ человѣкъ больной и раздражительный, что непремѣнно мѣшало ясности и послѣдовательности работы. Принявши все это

---

[1]) „Сенатскія Вѣдомости“, 1862 г., № 90. „Историч. Сборникъ“, изд. подъ ред. Базилевскаго.

въ разсчетъ, ты поймешь, сколько настоящей пользы могу принести я при моемъ порядочномъ здоровьѣ, при моей способности писать, не раздражаясь, при моей ненависти къ фразамъ и при моемъ постоянномъ стремленіи доказывать и объяснять, придерживаясь метода опытныхъ наукъ"...

Такимъ образомъ у Писарева все прочнѣе и послѣдовательнѣе развивался „умственный" демократизмъ, находя себѣ живую основу въ любви къ ближнему.

„Теперь къ моему характеру,—пишетъ онъ въ 1865 г.,—присоединилась еще одна черта, которой прежде не существовало. *Я началъ любить людей вообще*, а прежде, и даже очень недавно, мнѣ до нихъ не было никакого дѣла. Прежде я писалъ отчасти ради денегъ, отчасти для того, чтобы доставить себѣ удовольствіе; мнѣ пріятно было излагать мои мысли, и больше я ни о чемъ не думалъ и не хотѣлъ думать. *А теперь мнѣ представляется часто, что мою статью читаетъ гдѣ-нибудь въ глуши очень молодой человѣкъ, который еще меньше моего жилъ на свѣтѣ и очень мало знаетъ, а между тѣмъ желалъ бы что-нибудь узнать*. И вотъ, когда мнѣ представляется такой читатель, то *мною овладѣваетъ самое горячее желаніе сдѣлать ему какъ можно больше пользы*, наговорить ему какъ можно больше хорошихъ вещей, надавать ему всякихъ основательныхъ знаній и главное—возбудить въ немъ охоту къ дѣльнымъ занятіямъ.

„Это, навѣрное, отражается и въ изложеніи моихъ статей, и въ выборѣ ихъ сюжетовъ, и это придаетъ процессу работы особенную прелесть для меня самого. Работа перестаетъ быть дѣломъ одной мысли и начинаетъ удовлетворять потребности чувства"... [1])

Такъ „во мракѣ заточенья", среди могильнаго ужаса и безмолвія зрѣли благородныя, истинно-писательскія чувства и стремленія критика-узника; къ работѣ надъ собой и къ дѣятельности для другихъ были направлены всѣ его помыслы. О себѣ же, своемъ положеніи Писаревъ въ письмахъ къ матери обыкновенно кратко замѣчалъ: „Что мнѣ дѣлается! По обыкновенію здоровъ и счастливъ"...

Почти одновременно съ Писаревымъ былъ арестованъ и Николай Серно-Соловьевичъ [2]), принимавшій нѣкоторое участіе въ „Русскомъ Словѣ" и очень дѣятельное—въ общественномъ движеніи. Подхваченный волной освободительнаго движенія, Серно-Соловьевичъ бросаетъ военную службу, блестящую карьеру и, со всей присущей ему кипучей страстью и энергіей, отдается идейно-общественной дѣятельности. Шелгуновъ называетъ его

[1]) Біографія Писарева, стр. 91—92.

[2]) Писаревъ былъ арестованъ 3-го іюля, а Серно-Соловьевичъ—7-го іюля, вмѣстѣ съ Чернышевскимъ.

человѣкомъ „почина", какихъ немного было и въ то время, богатое людьми энергическими. Вотъ нѣкоторые факты, характеризующіе его дѣятельность и свойства, точки приложенія его иниціативы.

Серно-Соловьевичъ заводитъ—по чисто идейнымъ, а не торговымъ соображеніямъ—книжный магазинъ, является однимъ изъ піонеровъ и ревностныхъ дѣятелей воскресныхъ школъ, кладетъ основаніе обществу „Земля и Воля", принимаетъ участіе въ „прокламаторской" дѣятельности и, между прочимъ, въ изданіи „Великорусса" и т. д.

О „торговой" дѣятельности Серно-Соловьевича въ воспоминаніяхъ Шелгунова сохранилась слѣдующая любопытная сценка.

Серно-Соловьевичу пришлось быть у Суворова (тогдашняго петербургскаго генералъ-губернатора) по дѣламъ магазина. Обходя просителей, Суворовъ подходитъ къ Серно-Соловьевичу.

— Кто вы?—спрашиваетъ Суворовъ.

— Купецъ 1-й гильдіи Серно-Соловьевичъ.

Суворовъ любилъ заговаривать на иностранныхъ языкахъ. Увидѣвъ пристойнаго и благовиднаго купца, Суворовъ заговорилъ съ нимъ по-французски. Серно-Соловьевичъ отвѣтилъ. Суворовъ заговорилъ по-нѣмецки. Серно-Соловьевичъ отвѣтилъ.

— Кто же вы такой?! — повторилъ свой вопросъ немного изумленный Суворовъ.

— Купецъ 1-й гильдіи Серно-Соловьевичъ.

Суворовъ началъ по-англійски. Серно-Соловьевичъ отвѣтилъ. Суворовъ дѣлаетъ ему вопросъ по-итальянски и получаетъ отвѣтъ итальянскій.

— Фу ты!—говоритъ озадаченный Суворовъ.—Да кто же вы такой?

— Купецъ 1-й гильдіи Серно-Соловьевичъ.

— Гдѣ же вы учились?

— Въ лицеѣ.

— Служили вы гдѣ-нибудь?

— Служилъ.

— Гдѣ?

— Въ государственномъ совѣтѣ.

„Суворовъ совсѣмъ вышелъ изъ себя отъ изумленія: ничего подобнаго онъ не могъ себѣ представить. И Серно-Соловьевичъ,—замѣчаетъ Шелгуновъ,— былъ не одинъ. Каждый способный и энергичный человѣкъ становился тогда на новую дорогу..." [1]).

Въ воспоминаніяхъ Пантелѣева читатель найдетъ нѣкоторыя подробности о дѣятельности Серно-Соловьевича, и, между прочимъ, по части организаціи „Земли и Воли". Дѣлая общую характеристику Серно-Соловьевича, Пантелѣевъ говоритъ:

---

[1]) „Рус. Мысль", 1886 г., кн. 3, стр. 196.

„Въ Петербургѣ очень многіе (и помимо литературныхъ кружковъ) знали Н. Серно-Соловьевича и, несмотря на горячность его темперамента, любили и высоко уважали его за благородство характера и прогрессивный образъ мыслей“ [1]).

Тучкова-Огарева, также имѣвшая возможность близко наблюдать Серно-Соловьевича [2]), слѣдующими чертами рисуетъ его нравственный обликъ:

„...То былъ человѣкъ... занятый исключительно общими интересами, необыкновенно прямого характера; въ немъ было рѣдкое благородство, настойчивость, самоотверженность, что-то рыцарское, почему Герценъ съ перваго свиданія прозвалъ его: „Маркизъ Поза“. На открытомъ, благородномъ лицѣ его читалось роковое предназначеніе: можно ли было уцѣлѣть такому прямому существу, упрямо, беззавѣтно преданному своимъ убѣжденіямъ, особенно въ то трудное время...“ [3]).

И онъ, дѣйствительно, не уцѣлѣлъ. Какая была ближайшая причина его гибели—точно нельзя сказать [4]). Вообще трудно разсуждать о причинѣ, какъ о чемъ-то, по крайней мѣрѣ, хоть съ внѣшней стороны, закономѣрномъ, по отношенію къ тогдашнимъ „дѣламъ“, когда судились и карались не фактически доказанныя „преступленія“, а извѣстныя лица. Лица эти напередъ были намѣчены, а затѣмъ уже имъ вчинялись „злоумышленія“, нерѣдко провокаторски-сочиненныя. Такъ было съ Чернышевскимъ, Шелгуновымъ и др.

Вчитайтесь внимательно въ оффиціально-опубликованный приговоръ о Серно-Соловьевичѣ, и вы наглядно убѣдитесь, какъ создавались жесточайшія обвиненія.

Приговоръ высшаго судебнаго трибунала гласилъ:

„Правительствующій сенатъ, разсмотрѣвъ дѣло о разныхъ лицахъ, обвиняемыхъ въ противозаконныхъ сношеніяхъ съ лондонскими изгнанниками, между прочимъ, опредѣлилъ: отставного надворнаго совѣтника Николая Серно-Соловьевича, 29 лѣтъ, за участіе въ злоумышленіи съ лондонскими пропагандистами противъ русскаго правительства, за распространеніе заграничныхъ сочиненій ихъ преступнаго содержанія, за дачу у себя убѣжища неосужденному государственному преступнику Кельсіеву, съ знаніемъ преступныхъ его замысловъ, и за дерзкое порицаніе дѣйствій правительства и самаго образа правленія на основаніи 283, 284, 285 и 286 ст., кн. I, т. XV Св. Зак. Угол., лишить всѣхъ

---

1) „Изъ воспоминаній прошлаго“, стр. 330.

2) Серно-Соловьевичъ бывалъ неоднократно въ Лондонѣ.

3) Воспоминанія Тучковой-Огаревой, стр. 159.

4) Существуетъ „преданіе“, что Серно-Соловьевичу повредилъ Герценъ, который отправилъ ему со своимъ знакомымъ письмо. Письмо было найдено у этого господина при обыскѣ, а по нему были арестованы Чернышевскій и Серно-Соловьевичъ.

правъ состоянія и сослать въ каторжную работу въ крѣпостяхъ на двѣнадцать лѣтъ, а затѣмъ поселить въ Сибири навсегда“.

Затѣмъ шли приговоры о другихъ лицахъ, обвиненныхъ по тому же дѣлу,—Ветошкинѣ, Владиміровѣ, Петровскомъ, Шебаевѣ, Алекс. Серно-Соловьевичѣ, Артурѣ Бени и др. [1]).

Государственный совѣтъ, соглашаясь вообще съ заключеніемъ сената по этому дѣлу, „призналъ, однако же, возможнымъ во вниманіе къ просьбѣ матери Серно-Соловьевича и особымъ обстоятельствамъ этого дѣла, всеподданнѣйше ходатайствовать о смягченіи участи этого подсудимаго“.

„Вслѣдствіе сего государственный совѣтъ мнѣніемъ положилъ: участь Николая Серно-Соловьевича и Ветошкина повергнуть монаршему милосердію, съ представленіемъ, не благоугодно ли будетъ Его Императорскому Величеству Высочайше повелѣть: подсудимыхъ сихъ, по лишеніи всѣхъ правъ состоянія, не ссылая въ каторжную работу, поселить въ Сибири навсегда“.

Относительно другихъ обвиняемыхъ государственный совѣтъ утвердилъ заключеніе сената. На этомъ мнѣніи государственнаго совѣта послѣдовала Высочайшая резолюція: „Быть по сему“ [2]).

На основаніи этого приговора Н. Серно-Соловьевичъ былъ сосланъ въ Сибирь и въ 1865 году умеръ въ Иркутскѣ [3]).

Герценъ писалъ въ „Колоколѣ“ по поводу его смерти:

„Укоряющая тѣнь Серно-Соловьевича прошла мимо насъ печальнымъ протестомъ... Послѣдній маркизъ Поза, онъ вѣрилъ своимъ юнымъ дѣвственнымъ сердцемъ, что *ихъ* можно вразумить, онъ человѣческимъ языкомъ говорилъ съ государемъ и... умеръ въ Иркутскѣ, изможденный истязаніями трехлѣтнихъ казематовъ... Враги, заклятѣйшіе консерваторы по положенію, члены государственнаго совѣта, были поражены доблестью, простотой, геройствомъ Серно-Соловьевича. Человѣкъ этотъ былъ до того чистъ, что „Московскія Вѣдомости“ не обругали его, не донесли на него во время слѣдствія, не сдѣлали намека, что онъ поджигатель или воръ... Это былъ одинъ изъ лучшихъ *весеннихъ* провозвѣстниковъ новаго времени въ Россіи... И онъ убитъ...“ [4]).

И о такой-то свѣтлой личности, справедливо замѣчаетъ составитель „Историческаго Сборника“, о самомъ его процессѣ мы

---

[1]) О Касаткинѣ, Алекс. Серно-Соловьевичѣ и Кельсіевѣ было постановлено: „... Какъ не явившихся въ Россію, несмотря на сдѣланные вызовы, лишить всѣхъ правъ состоянія и считать изгнанными изъ предѣловъ государства“.

[2]) „Сенатскія Вѣдомости“, № 44. „Историч. Сборникъ“, изд. подъ ред. Вазилевскаго.

[3]) Братъ его, А. Серно-Соловьевичъ, кончилъ жизнь самоубійствомъ за-границей. Кельсіевъ кончилъ жизнь... ренегатствомъ.

[4]) „Колоколъ“, № 219.

знаемъ только тѣ нѣсколько строкъ, которыя были напечатаны въ оффиціальныхъ „Сенатскихъ Вѣдомостяхъ". Не стыдъ ли это предъ потомствомъ, предъ исторіей?..

Расшвырявъ по крѣпостямъ и ссылкамъ лучшихъ русскихъ людей, разгромивъ журналистику, принудивъ одну ея часть—лучшую, самостоятельную — къ молчанію, а другую — худшую, продажную—къ раболѣпству, администрація съ самодовольствомъ отмѣчала наступившую „благонамѣренность", ложно представляя и ея причины, и ея дѣйствительную стоимость. Дѣлая какъ бы смотръ журналистикѣ за истекшій 1862 г., Головнинъ докладывалъ, между прочимъ [1]):

„...Въ 1862 г. въ нашихъ журналахъ совершенно прекратились: 1) статьи, проповѣдующія матеріализмъ, безвѣріе и вообще всякія нападки на православіе и христіанскую вѣру; 2) статьи, въ которыхъ колебалось бы монархическое начало и самодержавіе; 3) раздражительная полемика по крестьянскому вопросу, оскорбительная для помѣщиковъ и безполезная для крестьянъ; 4) статьи, проповѣдующія коммунизмъ... и 5) всѣ тѣ статьи, въ которыхъ, безъ всякой пользы для дѣла и вопреки видамъ правительства, разсуждалось объ утратившемся значеніи дворянства и объ уничтоженіи сего сословія".

„Въ половинѣ же 1862 г., — говорится въ другомъ мѣстѣ того же отчета,—журналистика, какъ вѣрная истолковательница настроенія всего общества, представляетъ весьма большое количество отзывовъ и нападокъ на такъ называемую „подпольную и заграничную русскую литературу". Не трудно убѣдиться даже при самомъ поверхностномъ взглядѣ, что характеръ почти всѣхъ статей этого рода [2]) свидѣтельствуетъ какъ о прочности нравственныхъ убѣжденій большинства журналовъ и газетъ, такъ и благопріятномъ для правительства вліяніи журналистики нашей въ 1862 г. на общественное мнѣніе" [3]).

Сдѣлавъ такую аттестацію обществу и прессѣ, Головнинъ, притворяясь, что не замѣчаетъ противорѣчія, расписываетъ бдительность цензуры и ея старанія направить журналистику „къ цѣлямъ, соотвѣтствующимъ требованіямъ правительства", а затѣмъ меланхолически прибавляетъ:

„...Если убѣжденіе въ томъ, что масса произведеній здравой и полезной литературы въ 1862 г. весьма значительно преобла-

---

[1]) Въ отчетѣ, составленномъ по порученію Головнина Капнистомъ, подъ заглавіемъ „Краткое обозрѣніе направленія періодич. изд.... за 1862 г.", и представленномъ государю.

[2]) Имѣется въ виду разрѣшенная и даже поощряемая „полемика" съ Герценомъ.

[3]) Краткое обозрѣніе... Стр. 5—6, 10—11. Скабичевскій. Очерки..., стр. 494; Лемке. Эпоха..., стр. 441—442.

даетъ надъ количествомъ предосудительныхъ литературныхъ явленій, не всѣми еще раздѣляется, то это почти исключительно происходитъ отъ того, что, къ сожалѣнію, даже самая образованная часть нашей публики гораздо болѣе обращаетъ вниманіе на статьи предосудительныя, тогда какъ статьи серьезныя, благонамѣренныя и консервативныя остаются незамѣченными. Первыя немедленно замѣчаются, о нихъ говорятъ, какъ бы ни были незначительны, а на статьи весьма благонадежныя, дѣльныя, не обращается вниманія“ [1]).

Такъ непрочна благонамѣренность, насаждаемая изъ участка, по отзывамъ самихъ квартальныхъ...

А. Ершовъ *).

По недостатку мѣста, намъ приходится, къ сожалѣнію, оборвать на этомъ мѣстѣ ст. г. Ершова и окончаніе ея перенести на будущій годъ.

Ред.

---

1) Ibid.

*) Въ № 11а на стр. 179 по недосмотру корректора не указано, что стр. 179 представляютъ дополненіе къ VIII главѣ, напечатанной въ № 11.

ДЯДЯ.

Этюдъ П. Булыгина.

I.

Пока ребенокъ хворалъ, пока была еще хоть тѣнь надежды, Устимовъ чувствовалъ себя человѣкомъ, живымъ существомъ. Но какъ только присутствіе смерти въ душной, пропитанной запахомъ лекарствъ, комнатѣ стало осязательнымъ, несомнѣннымъ,—отчаяніе, безконечная тоска сразу овладѣли Устимовымъ, придавили его, лишили способности обдумывать свое положеніе. Наступила какая-то умственная дремота; Устимовъ почти не сознавалъ, что съ нимъ случилось, гдѣ онъ...

Когда на третій день вернулись съ кладбища, онъ впервые съ неумолимой ясностью сознаъ, что случилось нѣчто ужасное, что теперь онъ одинъ, совершенно одинъ во всемъ свѣтѣ и никому не нуженъ, никому не дорогъ. Ни души родныхъ, ни жены, ни ребенка. А еще такъ недавно былъ свой уютный уголъ, была семья, которой онъ отдавалъ всю свою душу...

Молодая учительница мѣстной гимназіи Надежда Андреевна Радеева шепнула ему послѣ похоронъ:

— Пойдемте, пожалуйста, къ намъ...

А онъ съ минуту взглядывался въ ея миловидное, нѣжное лицо со вздернутымъ носикомъ и все припоминалъ себѣ: „Кто эта свѣжая, такая симпатичная дѣвушка?“ Потомъ припомнилъ, догадался, что дома ему будетъ невыносимо теперь, и молча пошелъ за Радеевой. Потомъ случилось какъ-то такъ, что домой на квартиру онъ уже не вернулся. Вещи его оказались перевезенными въ гостиницу, и онъ сталъ жить тамъ. Это было устроено Иванинымъ, тоже учителемъ гимназіи и пріятелемъ Устимова. И послѣдній былъ благодаренъ за эту заботливость...

Съ переѣздомъ въ гостиницу началась та новая жизнь

совершенно одинокаго человѣка, тоскливой тяжести которой онъ не могъ оцѣнить раньше. Неуютный, неопрятный номеръ съ казенной обстановкой, пропитанной всевозможными запахами, угнетали его, какъ тюрьма. А въ сердцѣ все попрежнему гнѣздилась тоска полнаго одиночества...

Дни бѣжали за днями. Первая острая скорбь улеглась, и Устимовъ жадно ухватился за работу, за службу.

„Не великъ ты баринъ,—подбадривалъ онъ себя,—тебѣ бы все только киснуть... Нѣтъ, ты вотъ иди да поработай"... И онъ работалъ самозабвенно, упорно. Но служебные часы кончались, близился вечеръ, и тоска опять начинала одолѣвать его. Тогда онъ шелъ къ Радеевымъ. Маленькая, сухая и чистенькая старушка, Катерина Ивановна, и ея серьезная, всегда немного задумчивая дочь привлекали его все болѣе и болѣе. Въ ихъ небольшомъ стареньком домикѣ было такъ опрятно, уютно, такимъ миромъ вѣяло на душу, что онъ отдыхалъ тамъ сердцемъ. На дворѣ выла зимняя вьюга, снѣгъ билъ въ маленькія заплетенныя причудливыми узорами мороза окна, а въ комнатахъ было тепло, и казалось, что сюда не могутъ дойти никакія житейскія невзгоды...

Зимній день смѣнялся сѣрыми сумерками, потомъ долгимъ и унылымъ вечеромъ. Въ гостиной зажигали каминъ, Устимовъ садился противъ него и по цѣлымъ часамъ неподвижнымъ взоромъ глядѣлъ, какъ красное пламя лизало дрова. Въ сосѣдней комнатѣ Надежда Андреевна поправляла тетрадки учеництъ, а у окна сухонькая Катерина Ивановна, неизмѣнно одѣтая въ сѣренькій суконный капотъ съ отложнымъ воротникомъ, быстро перебирала спицами, довязывая чулокъ, и этотъ монотонный, однообразный звукъ вносилъ въ душу тишину забвенія...

Устимовъ давно зналъ Радеевыхъ, любилъ ихъ и зналъ, что и они любятъ его, хотя и бранятъ его порой и называютъ медвѣдемъ. Онъ и былъ въ своемъ родѣ медвѣдь. Въ этой неотесанности и грубоватости онъ видѣлъ главную причину того, что жена бросила его ради какого-то актера, и вотъ уже скоро четыре года, какъ отвѣчаетъ на его письма черезъ третье лицо.

Онъ часто, бывало, поглядывалъ на себя въ зеркало и всегда негодовалъ, изучая эту крупную, нескладную фигуру и изрытое оспой, заросшее густымъ чернымъ волосомъ лицо съ нависшими бровями, которыя придавали ему свирѣпое выраженіе.

„Цыганъ,—съ горечью думалъ онъ,—такъ, мерзавецъ какой-то и больше ничего"...

И теперь, сидя передъ топящимся каминомъ, онъ въ

тысячный разъ припоминалъ исторію своей женитьбы и недолгое супружеское счастье. Онъ страстно полюбилъ красивую, избалованную дѣвушку и, когда женился, то думалъ, что счастью его не будетъ конца. Правда, Катерина Ивановна предостерегала его.

— Эхъ, батюшка,—говаривала она, покачивая маленькой, сѣдой головкой.—Эхъ, не ошибись...

А шестнадцатилѣтняя гимназистка Надя какъ-то испуганно поглядывала на него серьезными глазами и недоумѣвала, неужели этотъ неуклюжій, но милый Федоръ Федоровичъ женится на несимпатичной Евдокіи Николаевнѣ. Но все это не дѣйствовало на Устимова. Онъ шелъ впередъ, закрывъ глаза, а когда раскрылъ ихъ, было уже поздно. Бѣда началась съ того, что жена возненавидѣла его послѣ рожденія ребенка. Она не могла простить ему тѣхъ страданій, которыя испытала во время родовъ. Потомъ она увлеклась однимъ офицеромъ, потомъ Устимовъ съ ужасомъ сталъ догадываться, что она совершенно извращенная натура. Кончилось все это тѣмъ, что она покинула его и ребенка и уѣхала въ Петербургъ...

Обо всемъ этомъ тяжело было думать, и Устимовъ гналъ прочь воспоминанія позднѣйшаго времени. Но тогда мысли его упорно возвращались къ ребенку. Устимовъ припоминалъ каждый день жизни этого маленькаго существа, перебиралъ въ мысляхъ, когда именно начали прорѣзываться у него зубки, когда онъ началъ ходить, выговорилъ первое слово. И при этихъ воспоминаніяхъ слегка сѣдѣющая, всклокоченная, по обыкновенію, голова этого сорокалѣтняго, сильнаго на видъ, грубаго человѣка, опускалась на грудь, а изъ глазъ капали слезы...

II.

Онъ думалъ и о томъ, что въ первые два счастливые годы его супружеской жизни все время стояла весна, и голубое небо ласкало его душу, и вишневые сады все время были въ бѣломъ цвѣту. Но затѣмъ сразу наступила осень, и все лили дожди, и небо было хмурое, неласковое. А онъ все держалъ на колѣняхъ ребенка и слушалъ его лепетъ...

Каминъ потухалъ, догоралъ и погружалъ комнату въ мракъ. Спицы въ рукахъ Катерины Ивановны умолкали. И грусть съ новою силой охватывала сердце Устимова. Что дѣлать? Куда уйти отъ тоски? Нехватало силы; желаніе жить исчезало...

Въ маленькой столовой слышался звонъ посуды. Надежда

Андреевна приготовляла вечерній чай. Тогда старушка приподнималась съ кресла и со вздохомъ говорила гостю:

— Ну, горюнъ, ужъ полно тебѣ... Пойдемъ чайку попить...

Онъ покорно шелъ въ уютную, свѣтлую столовую, гдѣ пыхтѣлъ и сердился маленькій самоваръ. Съ удовольствіемъ принималъ Устимовъ стаканъ чаю изъ рукъ миловидной Надежды Андреевны и думалъ о томъ, что чай, налитый ея ручками, кажется ему особенно вкуснымъ. „Хорошая она дѣвушка,—соображалъ онъ,—серьезная такая. Невесела и монотонна и ея жизнь, и не даромъ она все молчитъ, никогда не улыбнется"...

— Вотъ что, батюшка,—сказала разъ Катерина Ивановна,—нехорошо тебѣ все съ своими мыслями сидѣть... Возьми-ка отпускъ, да и махни куда-нибудь подальше...

Устимовъ, по обыкновенію, заворчалъ.

— Это почему?.. Никуда я не хочу... не поѣду... Мнѣ здѣсь лучше...

Надежда Андреевна попыталась было поддержать мать, но на лицѣ Устимова выразилось такое страданіе, что обѣ женщины замолчали. Никуда онъ не поѣдетъ; онъ не въ силахъ сдѣлать это; его лучшая отрада—проводить вечера въ уютномъ домѣ Радеевыхъ. Здѣсь онъ чувствуетъ, что на душу его вѣетъ тепломъ, что холодъ отчаянія понемногу оставляетъ его...

И онъ все чаще и чаще приходилъ къ Радеевымъ и, сидя передъ топящимся каминомъ, вновь и вновь переживалъ давно минувшіе дни. Онъ не слушалъ, что говорила ему Катерина Ивановна и позабывалъ о присутствіи ея. Онъ жилъ теперь въ мірѣ грезъ. Передъ нимъ была та чистая, прекрасная женщина, которая называлась нѣкогда его женой. Онъ не хотѣлъ вспоминать о той развратной женщинѣ, въ которую она превратилась впослѣдствіи. Той нѣтъ и не было; онъ позабылъ о ней. Онъ помнитъ лишь чистую и прекрасную женщину, съ восторгомъ глядитъ на ея обнаженныя руки, цѣлуетъ атласныя плечи. Онъ поклоняется ей, какъ существу высшему, чѣмъ онъ самъ. А сердце болитъ, страдаетъ... Хоть бы на минуту, на одинъ краткій мигъ вернуться къ тому давно минувшему, что свѣтлымъ, майскимъ днемъ блеснуло въ его жизни... Но прошлаго не вернуть,—непроходимой бездной легло между нимъ и счастьемъ что-то невѣроятно ужасное, гнусное, преступное.

А что, если забыть и объ этомъ, если вернуть жену къ прежней чистой жизни? Пренебречь ошибками молодого сердца, больныхъ нервовъ? Но сейчасъ же все его существо возставало противъ этого, и глухой гнѣвъ подымался

въ сердцѣ. Жена уже перестала быть для него женщиной; онъ никогда и ни за что не вернется къ прежнему чувству...

Къ концу зимы онъ немного встряхнулся, сталъ приходить къ равновѣсію. Ему было непріятно сознавать свою слабость.

— Вы точно братъ Ваня,—сказала однажды Надежда Андреевна.—Я думала вы сильнѣй...

Онъ нахмурилъ лобъ и сталъ ерошить огромную жесткую бороду.

— Это почему?

— Ужъ очень киснете... Ну, есть причина горевать, а все-таки... Это Ваня все ноетъ, пищитъ: нервы, нервы... А вѣдь вы крѣпче его... Пойдемте сегодня въ клубъ, тамъ танцы и винтъ...

Онъ задумался, выслушавъ ея упрекъ. Въ самомъ дѣлѣ, не надо распускать себя. И не такія скорби переживали люди. Да и какіе люди! достойные, умные, прекрасные; не то, что онъ, грубое, невоспитанное созданіе, медвѣдь, который, бывало, боится жену обнять, чтобы не поломать ей невзначай костей... Но каковъ онъ ни на есть, а все же и ему хочется счастья и любви, и у него сердце рвется къ теплу и къ нѣгѣ, когда кругомъ такъ холодно и такъ пустынно...

Вечеромъ онъ стоялъ въ дверяхъ большой, освѣщенной люстрами залы собранія. На хорахъ гремѣлъ оркестръ, а внизу по лоснящемуся паркету скользили пары. И всѣ женщины казались Устимову такими прекрасными, и такимъ счастьемъ вѣяло отъ нихъ, что сердце его опять заболѣло и онъ горько думалъ, что одинъ онъ лишенъ права на счастье, не смѣетъ думать о женской любви.

Въ толпѣ танцующихъ то и дѣло мелькала тоненькая, стройная фигура Надежды Андреевны. Лицо дѣвушки разгорѣлось, оживилось. Устимовъ не узнавалъ въ этой нарядной и радостной, торжествующей дѣвушкѣ той скромной, задумчивой и молчаливой учительницы, которую онъ привыкъ видѣть ежедневно за исправленіемъ ученическихъ тетрадокъ. Надежда Андреевна, казалось ему, похорошѣла и была моложе своихъ двадцати четырехъ лѣтъ. И онъ думалъ о томъ, что она, полная счастья, раскроетъ для кого-нибудь свое сердце и прольетъ избытокъ этого счастья на избранника, и этотъ послѣдній будетъ такъ же жить полной жизнью, какъ нѣкогда онъ, Устимовъ, когда еще вѣрилъ, что жена любитъ его. И для всей этой веселящейся молодежи готовилось впереди счастье раздѣленной любви, а онъ, Устимовъ, ничего не могъ ждать отъ жизни. Онъ—обойденный, обездоленный...

Музыка гремѣла то бравурными звуками, то страстными,

раздражающими сердце. И въ послѣднемъ случаѣ казалось Устимову, какая-то тѣнь проскальзывала въ нарядную толпу, будто напоминая, что за радостями приходятъ и печали. И былъ моментъ, когда точно туманъ застилалъ его глаза; на одинъ мигъ онъ пересталъ видѣть блескъ люстры, цвѣты, женщинъ,—всю эту прелесть молодости, здоровья, веселья. Передъ нимъ промелькнули мертвенно-блѣдныя лица съ потухшими глазами; почуялся запахъ тлѣнія. Онъ вздрогнулъ и оглянулся. Зала горѣла огнями, оркестръ гремѣлъ, а кругомъ слышался смѣхъ и мелькали молодыя, цвѣтущія лица...

III.

— Все на свѣтѣ ерунда,—думалъ Устимовъ, подбадривая себя,—надо принимать жизнь, какъ она есть... Нечего въ самомъ дѣлѣ киснуть...

И онъ еще глубже окунулся въ работу, а въ свободные часы шелъ къ Иванину или къ Радеевымъ и старался позабыться въ разговорахъ, въ спорахъ. Особенно оживлялся онъ, бесѣдуя съ Иванинымъ. Послѣдній, человѣкъ лѣтъ тридцати, спокойный, уравновѣшенный, всегда одѣтый корректно, производилъ на Устимова впечатлѣніе чего-то правильнаго, законнаго. Въ присутствіи Иванина Устимовъ чувствовалъ себя неопытнымъ, неразумнымъ, несовершеннолѣтнимъ и хотя въ спорахъ горячился, возражая и протестуя, но всегда кончалъ тѣмъ, что признавалъ себя побѣжденнымъ.

Иванинъ имѣлъ особенность не столько говорить, сколько подавать реплики. При этомъ онъ самодовольно потиралъ свои бѣлыя, выхоленныя руки и глядѣлъ на собесѣдника съ затаенной усмѣшкой въ свѣтлыхъ, холодныхъ глазахъ. Устимову всегда казалось, что Иванинъ, снисходя до разговора съ нимъ, видитъ въ немъ гимназиста старшихъ классовъ. Послѣднее предположеніе волновало и сердило его, и онъ пытался усиленной грубоватостью уменьшить разстояніе, отдѣлявшее его отъ корректнаго Иванина.

— Вы тамъ себѣ воображаете, что не вѣсть какое дѣло дѣлаете,—сердился онъ.—Удивительное дѣло—мучить ребятъ юсами большими да малыми!.. А по мнѣ все это вздоръ и больше ничего... Такъ, плюнуть да растереть...

Иванинъ глядѣлъ на него, не сморгнувъ, насмѣшливыми, холодными глазами и поигрывалъ цѣпочкой часовъ.

— Не признаете наукъ?

— Да, не признаю и все такое... Ну, на кой чортъ мнѣ знать, какъ тамъ ваша Ярославна кукушкой куковала?.. Ну, и кукуй себѣ на здоровье... Окончательно вздоръ—и

больше ничего... Только жизнь отравляете дѣтямъ... Дрожать, небось, какъ вы войдете въ классъ съ вашей Ярославной да съ юсами... Повѣсить бы васъ всѣхъ...

— Надежда Андреевна, слышите, какъ онъ насъ съ вами?..

Устимовъ конфузился, краснѣлъ пятнами и, путаясь въ словахъ, старался поправиться. Женщина всегда сумѣетъ внести въ преподаваніе душу, искру Божію. Онъ, Устимовъ, хочетъ сказать, что педагоги часто ударяются въ букву, въ форму, но, конечно, онъ говоритъ все это вообще, безъ отношенія къ кому-либо...

— Отступаете съ позиціи?—невозмутимо добивалъ его Иванинъ и самодовольно поглаживалъ рыжеватые усы.

— Это почему?—опять начиналъ волноваться Устимовъ и чувствовалъ, что онъ въ эту минуту готовъ ненавидѣть Иванина. Каждый жестъ послѣдняго, поза, интонація голоса, выраженіе насмѣшливыхъ холодныхъ глазъ,—все, казалось ему, говорило, что Иванинъ любуется собой и глядитъ на всѣхъ людей сверху внизъ. И это раздражало Устимова.

Обѣ Радеевы молча слушали ихъ споры, проворно перебирая спицами или вязальными крючками и молча думали каждая свою думу. Онѣ не вмѣшивались въ разговоръ и только изрѣдка, будто изъ сожалѣнія, слегка заступались за Устимова, когда послѣднему приходилось плохо.

— Читать надо побольше, Федоръ Федоровичъ,—ронялъ свысока Иванинъ,—мало вы, я вижу, читаете.

— Это почему?—волновался Устимовъ.—Ну, да, мало!.. И наплевать... Все это вздоръ...

— Сильно сказано.

— Очень мнѣ нужно жить чужимъ умомъ!.. У меня и свой хорошъ.

— Чувствуете себя выше авторитетовъ?

— Ну, и выше... и наплевать... Окончательно вздоръ—и больше ничего...

— Да не вѣрьте ему,—вмѣшивалась Наталья Андреевна,—онъ читаетъ и все серьезныя книги.

— Ну, да,—поправлялся Устимовъ,—отчего не почитать? Только не эти ваши романы да поэмы... Этотъ влюбился въ ту, а та въ того... Перессорились, перепутались, вѣнчались, разводились, кусались, цѣловались... Окончательная ерунда!

— Значитъ, не желаете изучать жизнь съ чужихъ словъ?

— А что мнѣ ее изучать? Я и такъ ее вижу.

— Ну, напримѣръ... чтобы легче отличить добро отъ зла, хорошаго человѣка отъ дурного...

— Это почему? Какихъ дурныхъ людей? Нѣтъ дурныхъ, вездѣ одни только хорошіе. Откуда вы взяли дурныхъ? Всѣхъ Богъ создалъ, всѣ хороши...

— И вонъ этотъ хорошъ, что вчера судился за пятнадцатую кражу?

— И этотъ... Мало ли что? Онъ самъ себѣ врагъ. Больше всего себѣ врагъ... И не понимаетъ этого. А коли ему хорошенько втолковать...

— Вы бы попробовали.

— Это почему? Пробуйте вы. Вы умный и учитель, а я что?.. И вотъ еще: зло. Откуда зло? Нѣтъ его. Все добро. Настроитъ себя человѣкъ, ну, и начнетъ придумывать зло, а кабы поменьше о себѣ заботился, такъ и не было бы зла...

— И инфлюэнца не зло?

— И инфлюэнца добро... Все добро, все нужно... Это только человѣкъ придумываетъ, какъ бы устроить зло... Окончательный вздоръ у него въ башкѣ... И больше ничего...

— Значитъ, человѣкъ самъ зло?

— Это почему? Вздоръ. Окончательно вздоръ... Человѣкъ хорошъ, только глупъ. Непроходимо, идіотски глупъ... Надо только вдолбить ему въ башку...

Онъ путался подъ насмѣшливыми взглядами Иванина, краснѣлъ и умолкалъ, смущенно поглядывая на женщинъ. Катеринѣ Ивановнѣ становилось жалко его.

— А ты, батюшка, не связывайся съ нимъ,—говорила она Устимову ласково-ворчливымъ голосомъ.—Они, учителя-то, больно умны. А мы съ тобой будемъ жить себѣ потихоньку да полегоньку...

IV.

Съ первыми признаками весны тревога въ душѣ Устимова усилилась. Когда онъ выходилъ изъ дому и вдыхалъ наполненный какимъ-то смутнымъ призывомъ воздухъ, когда глядѣлъ въ прозрачную даль, на небо, ставшее ярче и глубже,—ему хотѣлось плакать, бѣжать отсюда опять въ мракъ зимнихъ вечеровъ, прочь отъ этихъ неясныхъ призывовъ къ радостямъ жизни. Онъ пытался заглушить эту тревогу усиленной работой, но теперь и работа не помогала. Дни становились длиннѣе. Вечернія зори горѣли за рѣкой такъ ясно, такъ властно поднимали въ душѣ смутныя грезы. А воздухъ становился все живительнѣе, все слаще...

Потомъ снѣга начали быстро исчезать; показалась земля, точно дышащая страстью, готовящаяся къ оплодотворенію. А за рѣкой въ лѣсу уже слышался вечерами любовный

крикъ совы и начинали токовать тетерева. Пробѣжала еще недѣля, и въ выси неба подъ яркими лучами солнца зазвенѣлъ серебряной трелью жаворонокъ...

Въ Великую субботу вечеромъ Устимову было особенно тяжело на сердцѣ. Онъ медленно бродилъ по городу, гдѣ затихалъ послѣднiй шумъ людской суеты, и могъ видѣть, какъ всюду въ домахъ зажигались лампады и готовились пасхальные столы. Шли послѣднiя приготовленiя для встрѣчи праздника жизни.

И Устимовъ думалъ о томъ, что, бывало, и онъ встрѣчалъ этотъ праздникъ въ семейномъ, родномъ кругу. И такъ всегда бывало сладко, и грустно, и торжественно на душѣ. А теперь нѣтъ ни семьи, ни дома. Приходилось возвращаться въ скучный номеръ гостиницы, быть чужимъ всѣмъ въ эти дни возрожденiя любви. Онъ не рѣшался пойти къ Радеевымъ. Обѣ женщины, навѣрное, устали, хотятъ отдохнуть передъ заутреней, побыть наединѣ другъ съ другомъ. Въ этотъ день хочется быть въ тѣсномъ семейномъ кругу, а онъ, Устимовъ—чужой...

Онъ прошелъ въ городской садъ, сѣлъ на скамью и печально глядѣлъ въ темнѣющую даль зарѣчныхъ луговъ. Ночь спускалась, теплая и тихая. Кое-гдѣ показывались звѣзды. Заря потухала и будто забвенiе наплывало на окрестность...

Тоска въ душѣ Устимова все возрастала, все обострялась. Такъ дальше жить нельзя—сердце не выдержитъ. Надо, чтобы человѣкъ могъ къ кому-нибудь прилѣпиться. Надо, чтобы онъ зналъ, что есть гдѣ-то другое сердце, которое бьется для него, что чья-то мысль идетъ къ нему, чья-то душа болитъ за него. И вновь, и вновь онъ вспоминалъ о той женщинѣ, которая, хотя недолго, но думала о немъ, какъ о близкомъ себѣ любимомъ человѣкѣ и которая внесла въ его жизнь минуты счастья и любви... А такъ жить нельзя...

Онъ нѣсколько разъ съ силой вобралъ въ себя воздухъ и сталъ растирать широкую грудь рукой. Ему было душно, не хватало воздуха. Онъ безпомощно оглянулся кругомъ, будто отыскивая выходъ изъ того мiра безысходной тоски, въ которомъ былъ въ эти минуты, и вдругъ опустилъ голову на спинку скамьи и тяжело заплакалъ. Одинъ, одинъ на всемъ свѣтѣ, нѣтъ никого, кто бы пожалѣлъ его, утѣшилъ, далъ силы жить. Гдѣ же онъ, его ребенокъ, ради котораго онъ еще хотѣлъ жить? И отчего не призываетъ его къ себѣ Тотъ, Кто знаетъ, что человѣку нельзя жить безъ широкой чистой любви, что человѣкъ умираетъ ду-

хомъ въ такомъ страшномъ одиночествѣ, что каждый день такой жизни это—страшная, мучительная агонія души?..

А ночь шла все впередъ, тихая, молчаливая, полная тайны, смиряющая душу, успокаивающая мысль. И Устимовъ понемногу поддавался ея чарамъ. Глазами, еще полными слезъ, онъ глядѣлъ въ темнѣющее небо и молился безъ словъ однимъ порывомъ тоскующаго сердца. На душѣ становилось легче, боль замирала; наступала та умственная дремота, которая смѣняетъ острый припадокъ скорби.

Въ сторонѣ послышались шаги, и кто-то грузный опустился на сосѣднюю скамью. Потомъ послышались два женскіе голоса. Одинъ, уже старческій, съ хриплыми нотами, другой болѣе свѣжій.

— Ужели жъ въ Кіевѣ нѣту такихъ?—спросилъ молодой голосъ.

Старшая изъ собесѣдницъ закашлялась сиплымъ, удушливымъ кашлемъ.

— Какъ не быть, пріятная, какъ не быть... А я про то, изумрудная, что и здѣшній игуменъ святъ человѣкъ. Какъ есть угодникъ. Поѣзжай-ка къ нему да послѣ обѣдни къ ручкѣ приложись, такъ тебя, пріятная, смирной лаванской и шибанетъ... Праведный старецъ, изумрудная. Я его, красавица моя, коли еще знавала!.. Какъ молодымъ монашкомъ онъ былъ. Красота была неописуемая. И ежели хочешь, брилліантовая, вкладъ сдѣлать, прямо скажу: не ищи куда, а такъ къ нему и неси...

— Угодникъ говоришь?

— Святый старецъ, пріятная, истинно святый...

— Это вы про кого? — прибавилъ вдругъ Устимовъ въ темнотѣ.

Обѣ женщины слабо крикнули и разомъ умолкли отъ испуга. Потомъ, оправившись немного, старшая заговорила:

— А вы кто такіе будете?

— Я здѣшній. Извините, напугалъ васъ...

— Да ужъ такъ-то ли напугалъ... Я думала, изъ пушки кто пальнулъ...

— Ну, извините... и все такое... Такъ это вы про кого?

— А про кого, пріятный, про того, про кого надо... Такъ промежъ себя говорили?.

— Нѣтъ, вы скажите... Ну, что вамъ стоитъ?

— А хоть бы про отца Кирилла.

— Это что игуменомъ въ Знаменскомъ?

— Извѣстно дѣло, въ Знаменской обители, брилліантовый...

— Да онъ, небось, хапуга?

— Ахъ, грѣхъ какой! Ахъ, какъ нехорошо, пріятный, такія словеса изрыгать!.. Ахъ, нехорошо!..

— Ну, наплевать, извините... Я не про то... Я и самъ...

Онъ замолчалъ, занявшись налетѣвшей на него вдругъ думой и не слыхалъ, какъ обѣ женщины, пошептавшись немного, потихоньку встали и ушли. Его голова работала теперь усиленно, и онъ хмурилъ лобъ и теръ его рукой, будто помогая мыслямъ. А что если этотъ игуменъ и въ самомъ дѣлѣ святой человѣкъ? Хорошо бы жить около него, чувствовать, что всегда можешь найти нравственную поддержку, успокоеніе тревоги у этого сильнаго духомъ, прямо смотрящаго впередъ ясными глазами человѣка...

Устимовъ видѣлъ отца Кирилла и бывалъ въ Знаменскомъ монастырѣ, который находился верстахъ въ пяти отъ города, въ зарѣчныхъ лѣсахъ. Правда, не легко уйти отъ жизни, запереться въ кельѣ, но трудно это тому, кого манитъ жизнь, для кого жизнь еще имѣетъ цѣнность. Онъ, Устимовъ, сумѣетъ обуздать свое сильное тѣло, если это надо для кого-нибудь. Онъ понимаетъ, какъ сладко забыть о себѣ во имя чего-нибудь высокаго, святого...

Эта еще не вполнѣ опредѣлившаяся мысль стала сразу успокаивать его; тоска исчезла, грудь дышала свободнѣй и, точно свѣтлый огонекъ впереди, показалась во мракѣ его печали смутная надежда на лучшую жизнь...

А полночь все подходила. Ночь темнѣла все больше и больше. И вотъ съ соборной колокольни сорвался и поплылъ первый ударъ колокола...

V.

Съ Ѳоминой недѣли Устимовъ увлекся охотой. Погода стояла мягкая, ровная, и вечера были тихіе съ румяными зорями, съ особенною прозрачностью неподвижнаго воздуха. За рѣкой, куда Устимовъ уходилъ каждый вечеръ, жужжали бекасы, съ болотъ доносилось кряканье утокъ, въ лѣсу токовали тетерева. А позднѣе, когда умолкала иволга, до слуха охотника долетала унылая пѣсня совы, и ухала гдѣ-то таинственнымъ звукомъ выпь.

Устимовъ закидывалъ за плечи ружье и, тяжело ступая своими неуклюжими ногами, шелъ въ лѣсъ. Но добычи онъ приносилъ мало. Случалось, онъ даже забывалъ снять ружье съ плечъ.

Затаивъ дыханіе, онъ все слушалъ, что дѣлалось кругомъ. Природа затихала на короткую весеннюю ночь; умолкали голоса лѣса, вѣтеръ засыпалъ, и только зори догорали, стыдливо и кротко, блѣднѣющимъ румянцемъ. Съ низинъ

поднимался бѣлый холодный туманъ, сонъ окутывалъ тишиной и молчаніемъ жадно рвущуюся къ жизни и любви природу.

Чуть слышно журчалъ гдѣ-то ручей; лѣсъ дышалъ паромъ, а въ небѣ медленно одна за другой зажигались робкія звѣзды. Устимовъ вздрагивалъ отъ сырости и задумчиво шелъ домой...

Мысль, родившаяся у него въ субботу передъ праздникомъ, не покидала его. Онъ только еще не могъ принудить себя хорошенько уяснить ее, проникнуться тѣмъ настроеніемъ, которое тогда такъ ярко вспыхнуло въ его душѣ и затѣмъ погасло. Будто умственная лѣнь овладѣла имъ, а онъ не хотѣлъ скинуть ее.

Но однажды, бродя передъ вечеромъ за рѣкой, онъ, неожиданно для самого себя, очутился передъ оградой Знаменскаго монастыря, который стоялъ среди лѣса на ровной небольшой полянѣ. Это была небогатая обитель съ обваливающейся оградой, съ двумя небольшими церквами и одиноко возвышавшейся среди двора колокольней.

Устимовъ отворилъ калитку и вошелъ во дворъ, а потомъ присѣлъ на паперти. Его душу охватила та тишина, которая такъ свойственна монастырямъ и кладбищамъ. На душѣ становилось ясно и мирно; проносилось сознаніе, что все на свѣтѣ минетъ, что нѣтъ вѣчной скорби, вѣчной тоски. Хотѣлось всегда сидѣть вотъ въ этой тишинѣ и къ чему-то прислушиваться, таинственному и торжественному, что совершалось гдѣ-то, въ самой глубинѣ духа...

Прошло съ полчаса. Мимо Устимова медленно, волоча ноги, прошелъ монахъ въ старенькомъ, лоснящемся подрясникѣ и смятой черной шапочкѣ, изъ-подъ которой падали на плечи совершенно прямые, будто изъ нитокъ волосы. Монахъ отперъ двери и вошелъ въ церковь. Тогда и Устимовъ поднялся со ступеней и направился за нимъ.

Въ старомъ полутемномъ храмѣ вѣяло холоднымъ, пропитаннымъ запахомъ ладона и воска воздухомъ. Устимовъ сталъ у дверей, прислонился къ стѣнѣ и сразу забылъ, гдѣ онъ и что съ нимъ. Онъ чувствовалъ только, что душа его полна любовью и умиленіемъ. И это связано было съ представленіемъ о томъ дорогомъ ему ребенкѣ, который когда-то обнималъ его крѣпкую шею мягкой ручкой и что-то говорилъ ему своимъ дѣтскимъ языкомъ. Теперь этотъ ребенокъ, казалось ему, былъ около него, но Устимовъ уже не различалъ, гдѣ въ сердцѣ его кончается ребенокъ, гдѣ начинается та чистая и прекрасная дѣвушка, которая была когда-то его невѣстой, потомъ женой...

Ему сладко было это умиленное, молитвенное настроеніе,

но онъ жаждалъ еще большаго самозабвенія, полнаго сліянія съ небесами. Ему хотѣлось, чтобы вся душа его раскрылась, была бы тамъ, въ выси этого стариннаго храма, откуда въ полутьмѣ надвигающагося вечера благословлялъ его Старецъ Саваоѳъ...

Монахъ, погремѣвъ ключами около свѣчного ящика, пошелъ той же лѣнивой, вялой походкой къ алтарю, громко высморкался около клироса, потеръ ногой по полу и затѣмъ понюхалъ табаку. Онъ былъ здѣсь свой человѣкъ, давно привыкшій къ святынѣ, переставшій около нея чувствовать благоговѣніе.

Когда онъ опять вышелъ изъ алтаря, Устимовъ приглядѣлся къ нему и узналъ его. Это былъ отецъ Агапитъ, котораго онъ не разъ встрѣчалъ въ городѣ совершающимъ закупки. Лицо монаха, точно приплюснутое спереди, обращало на себя его вниманіе холоднымъ, угрюмымъ выраженіемъ безжизненныхъ глазъ. Нижняя губа Агапита выдалась впередъ, а углы рта брезгливо опустились внизъ.

—Здравствуйте, батюшка,—сказалъ вполголоса Устимовъ, подходя къ нему. Монахъ поднялъ на него холодный взглядъ.

— Что надо?—равнодушно спросилъ онъ.

— Мы съ вами, кажется, знакомы. Въ лавкѣ у Савелкиныхъ, помните...

Отецъ Агапитъ угрюмо помолчалъ и понюхалъ табаку.

— Всѣхъ не упомнишь.

Устимовъ даже сконфузился.

— Служба будетъ сегодня?

— А вамъ какой службы требуется?

— Какъ какой? Обыкновенной.

Монахъ опять помолчалъ, и Устимову казалось, что самая мысль отца Агапита ворочается тяжело.

—Необнакновенныхъ у насъ и не бываетъ... Всенощное бдѣніе каждый день полагается по уставу. А ежели вамъ панафиду, аль молебенъ...

— Нѣтъ, нѣтъ, я про всенощную...

Тогда монахъ, какъ будто уже и не стоило говорить съ такимъ богомольцемъ, молча повернулся и, подойдя къ окну, сѣлъ на скамью около желѣзной печки.

Но Устимовъ чувствовалъ, что не въ силахъ таить внезапно назрѣвшей у него мысли. Ему необходимо было тотчасъ, немедля дальше, раскрыть передъ кѣмъ-нибудь свою взволнованную душу, подѣлиться сложившимся въ сердцѣ рѣшеніемъ. Онъ подошелъ къ монаху и робко присѣлъ около него.

— Позвольте попросить у васъ совѣта, — слегка дрогнувшимъ голосомъ началъ онъ.

Отецъ Агапитъ сбоку глянулъ на него тяжелымъ, тусклымъ взглядомъ.

— Мм...—неопредѣленно промычалъ онъ.

— Приметъ меня обитель въ число иноковъ?

Но и этотъ рѣшительный вопросъ не произвелъ на монаха никакого дѣйствія. На его приплюснутомъ лицѣ съ морщинами брюзгливости не отразилось ничего.

— Глупости, чай, все,—вяло проговорилъ онъ.

— Помилуйте, за что же такъ?.. Я не глупости говорю... У меня серьезное намѣреніе—и больше ничего...

Монахъ помолчалъ и понюхалъ табаку.

— Отпишите угодья, аль капиталы внесете, ну... посмотримъ...

Устимовъ и самъ думалъ о томъ, что надо будетъ продать имѣніе и сдѣлать вкладъ, но этотъ торгъ монаха возмутилъ его и породилъ въ сердцѣ упорство.

— Это почему? Развѣ одни богатые только могутъ спасаться?—ворчливо сказалъ онъ.

— А что намъ въ васъ безъ взноса? Глупости вы все говорите.

— А вы-то сколько внесли?

— Мое дѣло иное... Я и не помню, когда поступилъ сюда... Мальчонкомъ еще... Мы изъ мѣщанъ, народъ рабочій... А отъ васъ, бѣлоручекъ, какая корысть... Глупости вы все говорите...

Ему точно досадно было, что его принуждаютъ къ разговору. Онъ рѣзко отвернулся отъ собесѣдника и уставилъ свой тусклый взглядъ куда-то въ пространство.

— Я, можетъ, еще и внесу капиталъ,—попытался наладить разговоръ Устимовъ.

— А внесете, тогда и разговаривать будете.

— Только мнѣ странно...

— Ну, что еще?

— Какое это у васъ здѣсь отношеніе къ людямъ...

— Чего жъ вамъ?

— Я вѣдь вамъ братъ... и тому подобное... Прихожу, прошу совѣта, указанія...

— Глупости вы все говорите...

— Да нѣтъ же, это почему? Я вѣдь къ тому же стремлюсь, къ чему и вы... Я хочу удалиться отъ міра, посвятить себя...

— И все глупости... Извините, мнѣ недосугъ... Да и что вы все ко мнѣ?.. Вотъ идите завтра послѣ обѣдни къ отцу строителю да и говорите съ нимъ...

Онъ тяжело поднялся съ мѣста и пошелъ, волоча ноги въ пудовыхъ сапогахъ, по направленію къ алтарю.

VI.

На другой день Устимовъ пилъ послѣ обѣдни чай у строителя. Еще не старый, благообразный, съ елейнымъ голосомъ, съ глазами добродушно-насмѣшливыми и глядящими, не сморгнувъ, прямо въ глаза человѣку, отецъ Кириллъ внимательно слушалъ несвязное поясненіе гостя о причинахъ, по которымъ послѣдній желаетъ поступить въ монастырь.

— Вѣдь я, отецъ игуменъ, раскачался какъ-то... и больше ничего... Этакъ, понимаете... не знаю, на чемъ стою... расшатало меня.

Отецъ Кириллъ ласково улыбался и потихоньку кивалъ головой въ знакъ согласія, а самъ пилъ чай съ блюдечка и громко причмокивалъ языкомъ.

— Связать бы меня этакъ... Понимаете, нравственно связать... и больше ничего... Я бы этакъ... и успокоился...

— Справедливо, справедливо... Да вы бы медку, господинъ...

— А я бы ужъ подчинился... Ужъ я бы... весь... И больше ничего... То есть, я бы... всю душу... Сердце-то, отецъ игуменъ... сердце плачетъ... тоскуетъ... Тяжело... одинъ... всегда одинъ... ни души... пустыня... Зачѣмъ жить?.. А я бы Богу... всю душу... Я сумѣю отдать...

Онъ едва справлялся съ душившимъ его волненіемъ и готовъ былъ заплакать. А отецъ Кириллъ все такъ же ласково-насмѣшливо глядѣлъ на него и потихоньку кивалъ головой.

— Справедливо, весьма справедливо.

— Вы меня... извините... взволнованъ... Горе у меня... Но я перенесу... Я смирюсь, позабуду о себѣ...

— Угодное Богу дѣло... Справедливо...

— Потому мнѣ тяжело тамъ... среди людей... Чужой я... лишній... никому не нуженъ... А я бы Богу... отдалъ бы... свое сердце...

— Справедливо... Человѣкъ, яко быліе, вѣтромъ колеблемое... И не вѣсть ни дня, ни часа, въ онь же предстанетъ предъ Судіею...

— Нѣтъ, я ничего... Я смерти не боюсь... Я скажу Богу: „Господи, грѣшный я человѣкъ... Всю жизнь былъ слѣпой... и больше ничего... И ничего никогда не зналъ... Я только и умѣлъ, что любить... А кого любилъ... всѣ... всѣ... ушли...“

— Справедливо... Оно, конечно, гордынѣ и самообожанію поддаваться не слѣдуетъ... одначе...

— Такъ я, отецъ игуменъ, могу надѣяться?

— Всеконечно... Обитель за честь почтетъ... Такой образованный господинъ...

А Устимовъ уже сразу унесся душой въ будущее, уже видѣлъ себя въ такой же уютной, полной свѣта солнца и особенно пріятнаго запаха, кельѣ. Весна радостно глядѣла сквозь небольшія, заставленныя дешевыми цвѣтами, окна и золотыя полосы солнечныхъ лучей висѣли въ воздухѣ. Самоваръ допѣваетъ свою пѣсню, а тишина точно баюкала душу, успокаивала волненія крови.

— Ежели будетъ вамъ благоугодно,—продолжалъ отецъ Кириллъ,—мы вамъ новую келійку срубимъ. Вонъ тамъ за баней. Годковъ десять назадъ у насъ жилъ тамъ одинъ образованный господинъ. Лѣску намъ прирѣзалъ да капиталу внесъ... Хорошій былъ господинъ... Сами изволите знать, безъ взносу невозможно. Монастырь оскудѣлъ, прилежаніе въ міру ко святымъ обителямъ ослабѣло; князь міра сего паки и паки воздымаетъ главу...

Радостное чувство успокоенія стало быстро падать въ душѣ Устимова.

— Это вы все...—началъ онъ и не договорилъ.

А отецъ Кириллъ продолжалъ журчать ручейкомъ:

— И въ тихой обители тоже не мало нуждъ человѣческихъ. Надо и инокамъ успокоить свои немощи... Принимаемъ по нуждѣ и безъ взносу, но только, сами изволите понимать, людей простыхъ, рабочихъ... А ежели такой образованный господинъ, то какъ мы его пошлемъ на работу? Его надо почтить...

— Это почему?.. Эхъ, батюшка, не то вы все говорите... Не понимаете вы меня—и больше ничего.. Я что же? Я не отказываюсь, впрочемъ... я и самъ хотѣлъ продать имѣніе и сдѣлать вкладъ... На что оно мнѣ?..

— Справедливо, истинно справедливо. Все прахъ и тлѣнъ... Едино на потребу человѣкомъ... Да вы бы еще чайку; дозвольте, налью свѣженькаго... За честь почтемъ принять васъ... А имѣніе что? Имѣніе это иго. Продать, мой вамъ совѣтъ отеческій—продать... А въ тихомъ пристанищѣ успокоится мятущійся духъ...

— Прощайте, отецъ игуменъ...

— До пріятнѣйшаго, господинъ, до пріятнѣйшаго. Будемъ ожидать святого вашего рѣшенія. И да пошлетъ Господь уразумѣніе на главу вашу... Много треволненій въ морѣ житейскомъ, охъ, много! А у насъ, въ тихомъ пристанищѣ, столь отрадно сердцу!..

Когда Устимовъ проходилъ послѣ этого по монастырскому двору, на душу его опять слетѣла тишина и желаніе навѣки успокоиться въ этомъ, казалось ему, мирномъ уголкѣ. Кругомъ въ зелени распускающихся березъ гремѣли миріады

голосовъ,—все жило, дышало, любило. Но въ сердцѣ Устимова было одно лишь желаніе — тишины природы, которое такъ странно гармонировало съ жизнью любви, разлитой кругомъ. И душа его наполнялась миромъ, успокоеніемъ, становилась, какъ онъ думалъ, чуждой мятежнымъ страстямъ...

За оградой у воротъ сидѣлъ на скамьѣ отецъ Агапитъ и вялымъ взоромъ глядѣлъ куда-то вдаль. Устимовъ подсѣлъ къ нему.—Хорошо у васъ здѣсь, — проговорилъ онъ. Монахъ даже не повернулъ головы на его слова.

— Вотъ поѣду,—продолжалъ Устимовъ,—продамъ землицу и къ вамъ сюда опредѣлюсь... Наплевать на міръ... Игуменъ согласенъ...

— Ваше дѣло,—угрюмо проговорилъ монахъ.

— Лучшаго я и придумать не могу... Одной мыслью жить буду: въ мирѣ и тишинѣ дожить какъ-нибудь свою жизнь... И больше ничего.

— Все вы глупости говорите.

— Это почему? И чего вы такой сердитый? Вѣдь я же къ вамъ иду, на вашу жизнь...

— Слушать тошно. Все глупости.

— Это почему?

— Вздумаетъ тоже! Мало у васъ утѣхъ въ міру? Набилъ оскомину на разносолахъ,—давай монастырскихъ щей...

— Эхъ, батя, не знаете вы, что бываетъ иной разъ у человѣка, какая тягота...

— Глупости все.

— Нѣтъ, не глупости... Не дай вамъ Богъ испытать, что это за штука такая тягота...

— А я вотъ никакой бы тяготы не побоялся... Гдѣ скорби, тамъ и радости... Чай, всего бывало... А мы здѣсь что? Я вонъ сюды по тринадцатому году попалъ... Извѣстно, сирота, никому не нуженъ... Выросъ, переросъ, старость пришла, такъ ничего и не видалъ... Я бы и скорбей хотѣлъ, только бы жизнь извѣдать... А вы говорите... Все-то глупости у васъ—и больше ничего...

Онъ порывисто раскрылъ тавлинку и немного взволнованно понюхалъ табаку приплюснутымъ носомъ.

— Въ мірѣ вонъ, говорятъ, страсти одолѣваютъ,—продолжалъ онъ ворчливо и будто самъ съ собой.—Ну, и пущай... На то я и тварь созданная... Согрѣшилъ ежели, такъ покаюсь, время придетъ... А здѣсь что? Ничего нѣтъ... Не жисть, а вродѣ будто мельканія...

— А это какъ? — проговорилъ было Устимовъ, но монахъ не слушалъ его и продолжалъ говорить самъ съ собой:

— И то сказать: сюды-то нѣшто страсти не заходятъ? Хуже, чѣмъ мірскихъ борютъ... Только безъ радости, одно паскудство. Блазнятъ человѣка, мучаютъ... Тамъ, въ міру-то, я и согрѣшу, такъ на радость себѣ, а здѣсь на горе... Все вы глупости говорите...

VII.

Въ теченіе нѣсколькихъ дней Устимовъ былъ занятъ мыслями о предположенной перемѣнѣ жизни. Онъ рисовалъ себѣ картины иноческаго мирнаго житія, но порой въ душѣ поднимались сомнѣнія и тревоги. Чѣмъ-то тяжелымъ вѣяло на него отъ бесѣдъ съ отцомъ Кирилломъ.

Къ Радеевымъ онъ пересталъ ходить. Почти все свободное время онъ проводилъ за городомъ въ просыхающихъ и покрывающихся зеленью и цвѣтами лугахъ.

Въ воскресенье утромъ онъ еще до обѣдни пошелъ за рѣку. День родился ясный, тихій, по лѣтнему теплый. Чистый, живительный воздухъ съ настойчивой лаской просился въ грудь. Въ небѣ звенѣли жаворонки, а изъ лѣса доносился восторженный птичій гамъ. Гдѣ-то вдали куковала кукушка, гдѣ-то томно подсвистывала иволга; а здѣсь, въ лугахъ, гудѣли пчелы и пестрыя бабочки, какъ живые цвѣты, порхали въ воздухѣ. Устимовъ прошелъ немного по дорогѣ, потомъ присѣлъ у креста на лавкѣ, устроенной для богомольцевъ, направляющихся къ Знаменской пустынѣ, и слушалъ, и глядѣлъ. Опредѣленныхъ мыслей въ головѣ его не было,—просто хотѣлось дышать, сознавать въ себѣ жизнь. Это было слаще всего.

— Мечтаете?—послышался позади него обычно насмѣшливый и вмѣстѣ снисходительный голосъ Иванина.

Устимовъ обернулся на подходящаго къ нему учителя и улыбнулся своей широкой, всегда красившей его некрасивое лицо улыбкой.

— Наконецъ-то и вы выползли,—сказалъ онъ, давая ему мѣсто на скамьѣ.

— Для моціону. Устаешь за зиму съ ребятами...

Устимовъ поглядѣлъ на городъ, который раскинулся на горѣ, весь въ зелени садовъ, на глубокое лазурное небо, откуда лилось золото солнца и серебряныя пѣсни жаворонка, на окружающій просторъ и блаженно улыбнулся. — Прекрасно все... Вся природа славитъ Бога...

— Ну, опять вы за облака несетесь...

— Это почему? Я чувствую восторгъ вмѣстѣ со всѣмъ, что живетъ въ этотъ день, и потребность быть благодарнымъ ко-

му-то, кто создалъ во мнѣ это чувство жизни, вложилъ въ меня эту радость... И больше ничего...

— Аллилуiю пѣть?

— Ну, да, и ничего въ этомъ нѣтъ дурного...

— Напротивъ, похвально.

— И похвально. И вы тоже самое чувствуете.

— А не хотите ли пойти ко мнѣ чаю попить? Послѣ свѣжаго воздуха и умиленія это бываетъ хорошо...

Но Устиновъ отказался. Ему стало грустно, какъ будто Иванинъ обидѣлъ его.

— Не хочу я вашего чаю,—проговорилъ онъ хмуро.

— Напрасно... Ну, а скажите, отчего васъ давно не видать у Радеевыхъ? Надя соскучилась по васъ.

Устимову стало еще болѣе грустно на душѣ.

— Зачѣмъ я ей?—печально сказалъ онъ.—Она весна, а я уже осень и больше ничего...

Но когда Иванинъ ушелъ, онъ откинулъ прочь налетѣвшую печаль и опять слушалъ, глядѣлъ и дышалъ. И ему опять стало легко на душѣ.

А солнце поднималось все выше и выше и все глубже казался сводъ голубого неба и все слаще звенѣлъ въ вышинѣ жаворонокъ.

Устимовъ перешелъ мыслями въ монастырь. Ему хотѣлось скорѣй, сейчасъ пристать къ этому тихому пристанищу и думалось, что именно вотъ тамъ онъ выложитъ изъ сердца ту благодарность за жизнь, за это радостное весеннее утро, которая переполняла его сердце и просилась наружу. Становилось не подъ силу таить въ себѣ запасы любви и восторга, которые хранились и все накоплялись въ душѣ. Хотѣлось упасть передъ кѣмъ-то и плакать, благодарить, любить...

Съ соборной колокольни сорвался и понесся по воздуху могучій ударъ колокола. И будто наполнилъ всю окрестность серебромъ и сталъ замирать гдѣ-то въ безконечной дали. За первымъ ударомъ понеслись другіе; потомъ колокола отозвались во всѣхъ церквахъ, и воздухъ колебался, дрожалъ звуковыми волнами. Съ неба все обильнѣй лилось золота солнца, а сердце трепетало все сильнѣй, все умиленнѣй...

И вдругъ въ самой глубинѣ этого сердца поднялась какая-то сладкая боль, стала расти, вызвала неясныя, быстро смѣнявшія одна другую картины и наполнила всю грудь, заставила задвигаться. Промелькнули, какъ въ туманѣ, отголоски дѣтства, какіе-то обрывки воспоминаній, явился въ памяти какой-то тоже весенній день, садъ съ мотыльками и ароматомъ сирени, нѣжная рука матери, ласкав-

шая мягкіе волосы ребенка, потомъ тихій вечеръ, лампада предъ иконой и опять милое лицо матери у постели ребенка. И воспоминанія эти были такъ сладки, и такая боль поднималась въ сердцѣ по тѣмъ давно минувшимъ днямъ, что душа рвалась къ нимъ, трепетала, молила о невозможномъ, о возвратѣ къ нимъ, хотя бы на одинъ безконечно краткій мигъ...

Но картины мѣнялись. Проплылъ будто въ голубомъ туманѣ чарующій женскій образъ. Это была опять та чистая дѣвушка, которая подарила Устимову призракъ счастья. И опять онъ рвался сердцемъ къ этому видѣнію и чувствовалъ, что жаждетъ любить, погибаетъ отъ недостатка любви. Потомъ весь дрогнулъ и прислушался къ тому, что совершалось въ немъ. Сердце билось захватывающею радостью, восторгомъ, туманящимъ голову. Въ груди нехватало дыханія, но Устимовъ не замѣчалъ этого. Безсознательно сорвалъ онъ съ головы шляпу, схватился рукой за виски, а самъ глядѣлъ куда-то вдаль восторженными глазами, обезумѣвшій отъ восторга. Передъ нимъ было видѣніе любви. Онъ вдругъ сознаъ, что любитъ, что вся прежняя тоска его исчезла навсегда, что жить опять можно, потому что есть для кого и для чего жить. Онъ видѣлъ передъ собой молодое, свѣжее существо, съ серьезными глазами, съ красивымъ, стройнымъ станомъ.—Надя,—прошепталъ онъ и густо покраснѣлъ отъ звука собственнаго голоса. Онъ теперь думалъ о томъ, что съ самой зимы любитъ Надежду Андреевну, но что все время обманывалъ самого себя, тая эту любовь отъ собственнаго сознанія. И теперь вмѣстѣ съ восторгомъ, наполнившимъ его душу, онъ почувствовалъ жгучій стыдъ. Съ какими глазами покажется онъ на глаза Надеждѣ Андреевнѣ, какъ осмѣлится говорить съ ней? Вѣдь она сразу прочтетъ на его лицѣ его тайну, догадается обо всемъ, обидится, разсердится, прогонитъ изъ своего дома. А тогда все для него будетъ кончено, потому что жить и не видать Надежды Андреевны, не слыхать ея голоса, не дышать однимъ съ ней воздухомъ—для него невозможно...

Онъ сорвался съ мѣста и побѣжалъ по дорогѣ прямо въ лѣсъ, отъ восторга и, вмѣстѣ съ тѣмъ, страдающій. Эта дѣвушка сразу поднялась для него на недосягаемую высоту; онъ чувствовалъ, что не осмѣлится поднять на нее глаза, не раскроетъ рта въ ея присутствіи.

Мысли о монастырѣ сразу отошли на задній планъ. Онъ позабылъ о немъ, какъ и о всемъ на свѣтѣ. Передъ нимъ все носился образъ молодой дѣвушки, чарующій, прекрасный, сулящій радость сердцу и умиротвореніе душѣ.

Кругомъ въ лѣсу все пѣло и ликовало, все говорило о

жизни и любви. И въ сердцѣ Устимова было тоже ликованіе. Онъ не смѣлъ и думать о взаимности; ему было достаточно того, что онъ чувствовалъ, какъ жизнь вернулась въ его сердце...

VIII.

Цѣлую недѣлю онъ не показывался въ домѣ Радеевыхъ и не скоро бы рѣшился идти къ нимъ, если бы Надежда Андреевна сама не прислала за нимъ. Онъ пошелъ на призывъ, упоенный восторгомъ, но страшно волнуясь, съ краской стыда на щекахъ, съ бьющимся сердцемъ. Онъ задыхался при мысли, что опять увидитъ эту дѣвушку, услышитъ ея голосъ. Ему казалось, что никогда еще на свѣтѣ не было такого милаго лица, ничей голосъ не звучалъ такъ прекрасно.

На половинѣ пути присутствіе духа стало покидать его. Какъ войти въ этотъ маленькій, давно знакомый домикъ, какъ взглянуть на дѣвушку? А когда она протянетъ свою нѣжную, милую руку, какъ дотронуться до этой руки? Вѣдь сейчасъ и Надежда Андреевна, и ея мать обо всемъ догадаются и сочтутъ его за презрѣннѣйшаго человѣка и выгонятъ вонъ. И онъ въ отчаяніи свернулъ въ городской садъ и въ изнеможеніи присѣлъ на лавку. На одинъ мигъ предъ нимъ пронесся другой женскій образъ, его жены, но Устимовъ съ удивленіемъ замѣтилъ, что этотъ образъ будто туманомъ покрытъ, что онъ, Устимовъ, не можетъ даже представить себѣ лица этой женщины и тѣхъ восторговъ, которые поднимались въ немъ при ея приближеніи. Образъ Надежды Андреевны властно заслонилъ всѣ другіе...

Потомъ онъ вдругъ вспомнилъ, что дѣвушка велѣла ему придти и ждетъ его и что съ его стороны невѣжливо заставлять дожидаться себя. Тогда онъ вскочилъ и почти бѣгомъ направился къ Радеевымъ. И ему казалось, что тѣ двѣ улицы, которыя оставалось пройти, безконечно велики и что онъ никогда не пройдетъ. Теперь ему жаль было каждой потерянной минуты. За жизнь онъ будетъ считать только то время, которое проведетъ вблизи Надежды Андреевны...

Передъ дверьми дома онъ опять оробѣлъ, но все же не медлилъ дольше и вошелъ въ домъ. Онъ безпокойно оглядывалъ, ища глазами дѣвушку, но дома была одна лишь Катерина Ивановна. Она ласково пожурила гостя за то, что онъ давно не бывалъ у нихъ и послала его въ садъ.

— Надя тамъ сидитъ, читаетъ... И она сердита на васъ... Намъ безъ васъ скучно...

Онъ плохо помнилъ потомъ, какъ очутился въ саду. Онъ помнилъ только, что увидалъ Надю на скамьѣ подъ

кустами сирени. Дѣвушка сидѣла въ легкой батистовой кофточкѣ, окруженная свѣжей зеленью кустовъ, облитая золотомъ весенняго солнца. Она не выразила ни радости, ни удивленія при видѣ гостя; молча подала ему руку, указала жестомъ мѣсто около себя и опять принялась за чтеніе. Но, дойдя до слѣдующей главы, съ тихимъ вздохомъ закрыла книгу и задумалась, глядя куда-то въ даль.

— Зимой и почитать не приходится,—проговорила она,—только теперь и книгу видишь... Да, хорошо пишутъ о любви, о чувствахъ, а я не вѣрю ничему этому... Это гдѣ-то тамъ, далеко, любятъ, дѣлаются счастливыми, а мы здѣсь... не знаемъ этого... Мы только тетрадки поправляемъ...

Потомъ лѣниво потянулась всѣмъ тѣломъ и опять вздохнула.

— Хорошо, что пришли каникулы... Вы не повѣрите, какъ устаешь за учебный годъ и какъ надоѣдаетъ гимназія... Все одно и то же, одно и то же... И такъ всю жизнь,—задумчиво, будто про себя добавила она.

Онъ молчалъ, боясь выдать свое волненіе. Онъ только украдкой взглядывалъ сбоку на сосѣдку и видѣлъ въ вырѣзѣ ея кофточки нѣжную шею, дѣвически еще тонкую и часть худенькаго плеча. И его умиляла эта дѣтская худоба и эта нѣжность. А Надежда Андреевна продолжала, будто про себя:

— А окончился учебный годъ и будто пусто на душѣ. Не знаешь, чѣмъ наполнить день... Скучно жить. Года идутъ, жизнь проходитъ такая пустая, безцвѣтная... одинокая... А я еще мечтала когда-то поскорѣй стать взрослой...

Глаза у ней потухли; на лицѣ лежалъ отпечатокъ тоски. Устимову стало жаль ея...

— Полноте, не горюйте... и больше ничего...—проговорилъ онъ.—У васъ вся жизнь впереди... Придетъ и любовь...

Она попрежнему задумчиво глядѣла куда-то вдаль и рвала на мелкіе кусочки свѣжій зеленый листъ сирени.

— Любовь? Откуда придти любви? Кто замѣтитъ меня, такую незамѣтную, некрасивую?..

Тогда онъ весь вспыхнулъ отъ негодованія.

— Это какъ?! Некрасивую?.. Да вы послѣ этого ничего не понимаете... За величайшее счастье надо почитать...

Онъ не договорилъ, сконфузился и безпомощно сидѣлъ, сгорбившись и боясь поднять глаза. А Надежда Андреевна искоса поглядѣла на него, немного нахмурила лобъ, потомъ сорвала новый листокъ и стала надкусывать его бѣлыми зубами.

Кругомъ зацвѣтали деревья; вишни уже обливались молочно-бѣлыми лепестками. Весенній воздухъ томилъ нѣгой

рождающейся страсти, опьянялъ ароматомъ. И Устимовъ самъ не зналъ, какъ случилось, что онъ рѣшился протянуть дѣвушкѣ свою огромную руку и какъ могло случиться, что Надежда Андреевна положила на его ладонь свою маленькую руку. Тогда туманъ сталъ быстро окутывать его сознаніе. Устимовъ жадно прильнулъ губами къ рукѣ дѣвушки. А Надежда Андреевна чуть замѣтно придвинулась къ нему и положила ему на плечо свою хорошенькую головку.

Вишни цвѣли въ нѣгѣ и истомѣ, и воздухъ былъ полонъ призыва къ любви. Туманъ охватывалъ голову все сильнѣй и сильнѣй. Теряя способность думать о чемъ-либо, Устимовъ тихонько обнялъ дѣвушку за плечи, нагнулся къ ея лицу и искалъ губами ея губъ. И она не противилась, подняла голову и приняла поцѣлуй. Тогда туманъ совсѣмъ овладѣлъ сознаніемъ Устимова.

Но дѣвушка тихонько освободилась изъ крѣпкихъ объятій гостя.

— Не говорите мамѣ,—прошептала она, слегка краснѣя и дѣлаясь отъ этого еще привлекательнѣе.

— Надежда Андреевна,—могъ только отвѣтить Устимовъ,—я безумно люблю васъ...

И добавилъ по привычкѣ:

— И больше ничего...

Онъ жадно глядѣлъ въ миловидное, все еще задумчивое лицо дѣвушки. Мысли его кружились въ какомъ-то вихрѣ, сердце стучало усиленно и сладко.

— Подайте мнѣ надежду,—зашепталъ онъ,—я поѣду въ Питеръ, начну хлопоты о разводѣ... Конечно, удастся, и больше ничего... Но вы... согласитесь подождать меня... Ахъ, я бы хотѣлъ упасть на землю, цѣловать ваши ножки, а потомъ... умереть и больше ничего...

Она слушала его молча, внимательно и какъ-то грустно-загадочно. Потомъ съ серьезнымъ, почти печальнымъ выраженіемъ глазъ оглянулась кругомъ, гибкимъ движеніемъ сѣла къ нему на колѣни и обняла тонкой дѣвичьей рукой его шею. А онъ, опьяненный восторгомъ и страстью, сжималъ въ объятіяхъ ея хрупкое тѣло и безъ счету цѣловалъ это милое ему лицо. А самъ не вѣрилъ, что все это происходитъ на яву, а не во снѣ.

— Дорогая, безцѣнная, — шепталъ онъ между поцѣлуями,—люблю... Будешь моей женой, будешь?..

Она задумчиво и печально глядѣла вдаль, прижавши нѣжную щеку къ его лохматой щекѣ.

— Да,—тихо проговорила она.

— Я сегодня же ѣду... Нѣтъ... завтра... и больше ничего... Хорошо?

— Хорошо.

— Боже мой!.. За что мнѣ такое счастье?

Она опять тѣмъ же гибкимъ движеніемъ соскользнула съ его колѣнъ, наскоро поправила прическу и оправила платье.

— Мамѣ ни слова,—сказала она и медленно, глядя на носки своихъ ногъ, пошла къ дому, все такъ же странно задумчивая и грустная.

Въ теченіе нѣсколькихъ дней онъ ходилъ, какъ во снѣ, и все чувствовалъ на губахъ ощущеніе поцѣлуевъ. Но испытать еще разъ эти упоительныя мгновенія ему не пришлось. Когда онъ оставался съ дѣвушкой наединѣ, онъ осмѣливался только цѣловать ея руки. А Надежда Андреевна все время была такая грустная и молчаливая.

— Такъ я ужъ поѣду,—робко сказалъ онъ, надѣясь въ душѣ, что она попроситъ его подождать.

Но она только вздохнула, складывая вязанье и протягивая руку къ книгѣ.

— Что жъ, поѣзжайте.

— И если дѣло удастся, вы... согласитесь... за меня...

Она слегка покраснѣла.

— Да,—отвѣтила она, и этотъ отвѣтъ опять наполнилъ счастьемъ его сердце.

— Если же не удастся,—горячо воскликнулъ онъ,—такъ дай вамъ Богъ встрѣтить другого, кто такъ бы любилъ васъ, какъ я... Ахъ, дай Богъ!.. И больше ничего...

Она взглянула на него ласковымъ, теплымъ взглядомъ и протянула ему руку.

— Я васъ знаю слишкомъ хорошо... Такихъ, какъ вы, мало на свѣтѣ...

И онъ уѣхалъ счастливый отъ ея словъ.

IX.

Онъ вернулся только осенью и сейчасъ же поспѣшилъ къ Радеевымъ. Его встрѣтила Надежда Андреевна, немного взволнованная, оживленная и похорошѣвшая. Вмѣсто прежней задумчивой грусти, въ глазахъ ея горѣлъ какой-то внутренній огонь. Она нѣсколько растерянно усадила его около себя на диванъ и, пока онъ жадно цѣловалъ ея руки, внимательно разглядывала его сѣдѣющую и, по обыкновенію, лохматую голову.

— Я все лѣто не имѣла отъ васъ извѣстій, — проговорила она.

— Не люблю писать... Не умѣю... Да и зачѣмъ?.. Вотъ самъ пріѣхалъ—и больше никакихъ... Соскучился...

— И намъ здѣсь скучно безъ васъ...

— Милый вы человѣкъ... Ну, что же не спросите о нашемъ дѣлѣ?.. И хорошо, и нѣтъ... Надежда есть, только не скоро все это будетъ... Что дѣлать... Главное въ томъ, чтобы любить другъ друга.

Она покраснѣла еще болѣе и безпокойно окинула глазами комнату.

— Федоръ Федоровичъ,—начала она глухимъ голосомъ,—знаете, давайте забудемъ, что было... весной...

Онъ весь дрогнулъ и въ ужасѣ отшатнулся отъ нея.

— Это почему?

Она еще растеряннѣе забѣгала глазами.

— Не осуждайте меня... Года идутъ... Мнѣ ужъ двадцать шестой пошелъ... Я тоже хочу жизни и любви... Мнѣ ужъ надоѣло быть вѣчной учительницей... Не осуждайте меня, Федоръ Федоровичъ...

Онъ схватился руками за голову.

— Договаривайте,—глухо прошепталъ онъ.

— Милый, Федоръ Федоровичъ, я успѣю состарѣться, завянуть, пока дождусь васъ... Развѣ вы этого не понимаете? Не сердитесь на меня, я выхожу за Иванина...

Онъ вскочилъ съ дивана и забѣгалъ по комнатѣ, какъ раненый звѣрь.

— Милый Федоръ Федоровичъ, простите меня...

Тогда при звукѣ этого плачущаго голоса онъ опять весь дрогнулъ, бросился къ ней и схватилъ ея руки.

— Да развѣ я,—шепталъ онъ горько и страстно,—развѣ я не хочу... вашего счастья?.. Да я... и жизнь... Ну, тяжело... ну, наплевать... И больше ничего... Ну, и будьте... а я... ну, наплевать...

Онъ пошелъ было къ дверямъ, но Надежда Андреевна опять вернула его. Въ глазахъ ея виднѣлось радостное оживленіе, а поблѣднѣвшее было лицо опять зарумянилось.

— Спасибо вамъ, Федоръ Федоровичъ,—начала она,—только ужъ вы... никогда не проговаривайтесь... о томъ, что было...

Онъ только рукой махнулъ.

— Ну, что это вы говорите!..

И выбѣжалъ изъ дому...

Онъ плохо помнилъ, какъ вернулся домой и какъ провелъ этотъ день и ночь. Это былъ новый тяжелый ударъ судьбы, и Устимовъ на этотъ разъ погнулся подъ ударомъ. Когда на другое утро онъ взглянулъ на себя въ зеркало, то увидѣлъ, что голова его стала наполовину сѣдой, щеки ввалились, станъ сгорбился. Онъ глядѣлъ старикомъ...

Онъ наскоро собралъ вещи и выѣхалъ на югъ. Гдѣ бы

ни доживать свою ненужную жизнь, только бы не здѣсь, гдѣ еще такъ недавно судьба опять поманила счастьемъ и опять насмѣялась надъ нимъ...

Онъ поселился въ одномъ изъ южныхъ городовъ на берегу моря и велъ жизнь скучную, одинокую и угрюмую, читалъ, пытался, но неудачно, писать и все припоминалъ себѣ ту весну, когда среди цвѣтущихъ вишенъ любимая имъ дѣвушка дарила ему поцѣлуи и онъ былъ такъ счастливъ, такъ вѣрилъ въ свѣтлое будущее. И при этихъ воспоминаніяхъ сердце закипало горечью и тоска охватывала его...

Внизу подъ нимъ шумѣло море и все звало его куда-то, манило, сулило счастье за тѣми краями, гдѣ небо сошлось съ землей. Но онъ не вѣрилъ этимъ обѣщаніямъ. Его мысль упорно бѣжала назадъ, въ маленькій домикъ, гдѣ онъ, бывало, просиживалъ долгіе зимніе вечера передъ топящимся каминомъ, тоскуя о разбитомъ счастьѣ, но, безсознательно уже подготовляя себѣ выходъ изъ мрака тоски къ свѣту любви...

Теперь онъ уже не думалъ о выходѣ изъ мрака, примирившись съ судьбой, которая упорно хотѣла, чтобы онъ жилъ безъ радостей и безъ надеждъ...

И море, слышалось ему, говорило внизу, у ногъ его о тоскѣ, и онъ слушалъ этотъ говоръ и склонялъ на грудь сѣдую голову, примирившійся, покорный...

И чѣмъ дольше шло время, тѣмъ все рѣже и рѣже вспоминалъ онъ объ упоительныхъ поцѣлуяхъ среди цвѣтущихъ вишенъ. Его мысль бѣжала глубже, къ годамъ его молодости и все чаще и чаще передъ нимъ былъ образъ его жены, тотъ чистый и прекрасный образъ, который онъ лелѣялъ въ душѣ...

Дни бѣжали. Прошло уже полтора года, какъ онъ прибылъ сюда; началась вторая зима. Но время мало приносило ему облегченія. Онъ скучалъ по родинѣ, по знакомымъ мѣстамъ. Онъ все переносился мыслями въ ту комнату, гдѣ въ долгіе зимніе вечера топился каминъ и стучали спицы чулка въ проворныхъ рукахъ Катерины Ивановны и гдѣ онъ столько передумалъ и перечувствовалъ, глядя, какъ красное пламя лизало шипящія дрова. И понемногу ему стало отрадно вспоминать про тѣ унылые вечера, и тогдашняя тоска его стала дорога ему. Онъ хотѣлъ бы опять переживать всѣ тѣ думы, всѣ тѣ ощущенія...

А настоящее казалось невыносимымъ, безнадежно-тягостнымъ...

И вотъ въ февралѣ мѣсяцѣ тихонько раскрылась дверь маленькаго домика Радеевой, затѣмъ въ залѣ послышались

чьи-то тяжелые шаги и въ освѣщенную уютную столовую, гдѣ супруги Иванины сидѣли за самоваромъ, робко вошелъ своей неуклюжей походкой Устимовъ. Онъ вошелъ и молча остановился, взволнованный, виноватый.

Первая опомнилась Надежда Андреевна. Она вскрикнула, плотнѣе запахнула широкій, неряшливо надѣтый капотъ, въ которомъ сидѣла, тронула руками разбившіеся волосы и сдѣлала нѣсколько шаговъ по направленію къ гостю.

— Вотъ неожиданность! Какъ снѣгъ на голову...

Иванинъ тоже всталъ и крѣпко жалъ руку Устимову, попрежнему глядя на него насмѣшливо и покровительственно.

— Любитель вы, я вижу, сюрпризовъ... Ну, здравствуйте... Очень радъ васъ видѣть...

Устимовъ сѣлъ и тяжело дышалъ, оглядываясь и точно отыскивая кого-то.

— Не могъ я дольше,—проговорилъ онъ, наконецъ.— Соскучился, стосковался и больше ничего... Позвольте приходить къ вамъ изрѣдка... Здѣсь мнѣ теплѣе... А тамъ... холодно тамъ, знаете...

Иванинъ протянулъ руку и съ улыбкой пожалъ его за локоть.

— Ну, что тамъ... Заходите, не стѣсняйтесь...

А Надежда Андреевна, которая успѣла сбѣгать въ спальню и поправить прическу, добавила:

— Вы нашъ старый другъ... Заходите чаще...

Устимовъ молча поблагодарилъ ихъ и продолжалъ безпокойно оглядываться.

— А что, какъ Катерина Ивановна?—робко спросилъ онъ.

Надежда Андреевна грустно вздохнула.

— Мама скончалась въ началѣ прошлаго лѣта. И Леночки не дождалась...

И Устимовъ глубоко вздохнулъ. Еще однимъ близкимъ ему человѣкомъ меньше стало. Потомъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на Иванину и не сразу понялъ, о какой Леночкѣ идетъ рѣчь. Такъ эта Надя, когда-то обнимавшая его милой дѣвичьей рукой, прижимавшая къ его щекѣ свою нѣжную щеку, уже мать!.. Эта простая мысль почему-то больно ударила его въ сердце.

Потомъ онъ сталъ разглядывать Надежду Андреевну и будто не узнавалъ въ ней прежней Нади. Лицо несомнѣнно то же, но вмѣстѣ съ тѣмъ будто и другое. Вмѣсто прежней худенькой, задумчивой дѣвушки передъ нимъ была сильно развившаяся, округлившаяся женщина съ оживленнымъ лицомъ, съ суетливостью хорошей хозяйки, съ озабоченностью жены и матери. Ея полныя руки, развитая фигура, небреж-

ный, даже слегка неряшливый костюмъ,—все говорило Устимову, что прежней грустной, такой воздушной и привлекательной Нади нѣтъ и въ поминѣ. И ему было опять тяжело на душѣ.

X.

Онъ сталъ частымъ гостемъ у Иваниныхъ. Потомъ упросилъ, чтобы его взяли на хлѣба, аккуратно вносилъ впередъ мѣсячную плату за столъ и, какъ прежде, молча просиживалъ цѣлыми часами передъ топящимся каминомъ, молча обѣдалъ, пилъ вечерній чай и любовался на хорошенькую Леночку, которая прыгала и дурачилась на колѣняхъ у матери. Дни бѣжали одинъ за другимъ, однообразные, скучные, но Устимовъ былъ радъ, что онъ опять въ старыхъ, уже привычныхъ условіяхъ, опять въ кругу близкихъ ему людей. Его печаль смѣнилась хронической тихой грустью. Онъ ничего не ждалъ отъ будущаго для себя, примирившись съ своимъ положеніемъ одинокаго человѣка.

— Занялись бы чѣмъ-нибудь, — совѣтовалъ ему Иванинъ,—знаете, человѣкъ безъ дѣла пропасть можетъ...

— Да, да,—соглашался Устимовъ,—это вы вѣрно... Надо будетъ поискать дѣла... Не умѣю я какъ-то себя оборудовать... Такъ, никуда не пригодный человѣкъ и больше ничего...

Онъ не хотѣлъ сознаться, что поддался апатіи, ослабѣлъ духомъ. Взяться за дѣло—это значило опять повѣрить въ жизнь и въ самого себя. А у него не было этой вѣры.

— Федоръ Федоровичъ,—сказала ему однажды Надежда Андреевна,—у меня къ вамъ маленькая просьба...

И пояснила, что ей хочется пойти сегодня съ мужемъ въ концертъ, но что она боится за ребенка. Нянька такая глупая; положиться на нее никакъ нельзя. Не будетъ ли Федоръ Федоровичъ такъ милъ приглядѣть за Леночкой? Дѣвочка теперь спитъ у нихъ въ спальнѣ, а когда проснется, ее надо вынуть изъ кроватки, напоить молочкомъ изъ бутылочки съ соской, поиграть съ ней.

— Вы такой добрый, Федоръ Федоровичъ, — добавила Иванина,—я знаю, вы любите дѣтей...

Иванины ушли, а Устимовъ сѣлъ въ столовой за газетой въ рукахъ и терпѣливо ждалъ, когда послышится изъ спальни голосъ ребенка. Войти въ спальню и посмотрѣть самому, не проснулась ли Леночка, не хватало духу. Что-то удерживало его отъ этого; это, казалось ему, будетъ и стыдно, и больно. Но черезъ нѣсколько времени ребенокъ сначала завозился въ кроваткѣ, потомъ пискнулъ разъ и

другой. Устимовъ безпокойно заглянулъ въ сосѣднія комнаты, отыскивая няньку, но послѣдняя не находилась. А ребенокъ продолжалъ подавать голосъ и, наконецъ, громко заплакалъ. Тогда Устимовъ, уже не колеблясь дольше, побѣжалъ въ спальню, нагнулся надъ нарядной кроваткой и началъ, какъ умѣлъ, утѣшать Лену. Дѣвочка сразу утихла, серьезно и внимательно разглядывая большими голубыми глазами всклокоченную голову Устимова и проговорила убѣдительнымъ шепотомъ:

— Дя-дя.

Это коротенькое словечко, произнесенное пунцовымъ, такъ манящимъ къ поцѣлую ротикомъ, сразу перевернуло все сердце Устимова. Онъ нагнулся еще ниже къ постелькѣ, цѣловалъ розовыя ножки Лены, щекоталъ ее густой бородой и заставлялъ смѣяться до икоты. Потомъ онъ держалъ дѣвочку у себя на колѣняхъ и, приговаривая все самое нелѣпое, что только приходило ему въ голову, обувалъ ея ножки, поилъ ее молокомъ и всячески убѣждалъ, что она самая лучшая дѣвочка на свѣтѣ и совсѣмъ заполонила его, Устимова. И Лена, будто понимая его и соглашаясь съ нимъ, то подпрыгивала на его колѣнахъ, то прижималась къ нему и подставляла ему для поцѣлуя свой ротикъ. Потомъ они забавлялись куклой, паяцомъ, сѣрой кошкой, которая, томно мурлыкая, явилась откуда-то къ нимъ, и вообще проводили этотъ вечеръ пріятно и дружески. Устимовъ и не замѣтилъ, какъ подошла полночь и какъ вернулись Иванины.

— Ай-ай-ай! — озабоченно упрекнула Надежда Андреевна.—Мой котикъ до сихъ поръ не спитъ!.. Нехорошая у тебя нянька, никуда не годится...

Дѣвочка, точно понимая, что мать недовольна Устимовымъ, крѣпко прижималась къ нему, обхвативъ его шею ручками и поглядывая на мать смѣющимися, хитрыми глазками.

— Я и не подумалъ объ этомъ, — виновато сказалъ Устимовъ,—признаться, не поглядѣлъ на часы...

— Она встала въ восемь,—наставительно пояснила Надежда Андреевна, — значитъ, въ двѣнадцать надо ее укладывать... Помните это всегда... Пойдемъ, цыпочка...

Всю ночь Устимову снилась Леночка, а проснувшись утромъ, онъ прежде всего вспомнилъ о ней и радостно, умиленно улыбнулся. Онъ едва могъ дождаться урочнаго часа, чтобы идти къ Иванинымъ, а придя въ маленькій домикъ, позабылъ даже поздороваться съ хозяевами и прежде всего сталъ искать Леночку. Послѣдняя, увидавъ его, вся

затрепетала отъ радости и потянулась къ нему съ покоряющимъ его словомъ:

— Дя-дя...

Безъ уговору, безъ колебаній онъ сталъ нянькой Леночки. Ея матери почти не приходилось дѣлать ему замѣчаній. Онъ быстро постигъ искусство ухаживать за годовалымъ ребенкомъ, и Леночка ни у кого не засыпала такъ скоро и мирно, какъ у него. Своими огромными, неуклюжими руками онъ умѣлъ нѣжно и бережно вынуть дѣвочку изъ постельки, одѣть и обуть ее, причесать ея волосы.

— Вамъ бы женщиной родиться,—шутилъ Иванинъ, съ усмѣшкой поглядывая, какъ гость возился съ ребенкомъ.

— Я теперь только и годенъ на то, чтобы чужихъ дѣтей няньчить,—отвѣчалъ Устимовъ. — Судьба меня ушибла, въ инвалиды зачислила...

А Надежда Андреевна, суетясь между кухней и гладильной доской, на которой лежали леночкины рубашонки, мимоходомъ ворчала, растрепанная, неряшливая:

— Федоръ Федоровичъ, такъ нельзя... Надо было давно позаботиться о кашкѣ для Леночки... Идите, поторопите Авдотью...

Потомъ вышло какъ-то такъ, что Устимовъ совсѣмъ перебрался къ Иванинымъ, снявъ у нихъ заднюю комнату, въ которой жила прежде Катерина Ивановна. Теперь онъ могъ съ утра заниматься съ Леночкой и не уставалъ няньчиться съ ней, привязываясь къ ребенку все болѣе и болѣе...

Однажды ночью онъ проснулся, сѣлъ въ постели и тяжело дышалъ, оглядываясь по сторонамъ и не понимая, въ чемъ дѣло. Но потомъ мысль его побѣжала къ Леночкѣ. Ему казалось, что она непремѣнно раскрылась, зябнетъ и плачетъ. А мать съ отцомъ спятъ и ничего не слышатъ. А если и не плачетъ дѣвочка, то все же зябнетъ и, чего добраго, простудится.

Онъ попробовалъ было убѣдить себя, что все это ему только чудится и легъ опять; но сердце его было неспокойно и ему казалось, что онъ слышитъ жалобный плачъ ребенка. Тогда онъ наскоро накинулъ на себя одежду и потихоньку прошелъ въ столовую, откуда былъ ходъ въ спальню. Въ спальни все было тихо и покойно, но Устимовъ уже не сомнѣвался, что Леночка раскрыта и зябнетъ. Его сердце болѣло за ребенка и онъ, не колеблясь, подошелъ къ закрытой двери спальной. На одно мгновеніе чувство горя при мысли о томъ, что „его Надя“ мирно спитъ около Иванина, проснулось въ его сердцѣ, но онъ подавилъ это чувство и осторожно постучался въ дверь.

— Кто тамъ?—послышался недовольный, заспанный голосъ Надежды Андреевны.

— Это, я, — виновато отозвался Устимовъ,—поглядите, не раскрылась ли Леночка.

Было слышно, какъ чиркнули спичкой и сейчасъ же Иванинъ сердито заворчалъ:

— Идите спать. Какія вамъ все глупости лѣзутъ въ голову...

И Устимовъ съ виноватымъ выраженіемъ въ лицѣ поспѣшилъ въ свою комнату...

XI.

— У Леночки жаръ, — сказала однажды Надежда Андреевна.

Устимовъ перемѣнился въ лицѣ.

— Это почему?

— Я сейчасъ ставила градусникъ. Слишкомъ 38.

— Ну, такъ я пойду за докторомъ.

Но Иванинъ, поправлявшій за чаемъ ученическія тетрадки, раздраженно прикрикнулъ:

— Оставьте, пожалуйста!.. Что за манера сейчасъ же и за докторомъ?.. Не велика важность, если и есть жарокъ...

Но къ вечеру жаръ усилился и Иванинъ уже не препятствовалъ пригласить врача. Когда послѣдній осмотрѣлъ ребенка и написалъ рецептъ, Устимовъ спросилъ его, весь трепеща отъ страха:

— Скажите... опасно?

— Ничего нельзя предсказать. Посмотримъ, что будетъ завтра...

Эта ночь и цѣлый рядъ слѣдовавшихъ за ней были ужасны для Устимова. Леночка расхварывалась все болѣе и болѣе. На другой день Надежда Андреевна съ утра послала за врачомъ, и даже Иванинъ сталъ тревожиться. Ночью хозяину дома постель приготовили въ кабинетѣ.

— Мнѣ нельзя не высыпаться, — пояснилъ Иванинъ, — я человѣкъ служащій...

Около полуночи Устимовъ, который, не раздѣваясь, сидѣлъ въ своей комнатѣ, сталъ безпокоиться. Воображеніе разыгрывалось, нахлынули мрачныя мысли. Онъ прошелъ въ столовую и услышалъ, что Леночка жалобно плачетъ вперемежку съ хриплымъ кашлемъ.

— Надежда Андреевна, — робко и просительно позвалъ онъ,—ради Бога, что случилось?

— Ничего,—отвѣтила Иванина.—Войдите.

И онъ вошелъ, оробѣвшій и смущенный. Первое, что бросилось ему въ глаза, это раскрытая и смятая постель Надежды Андреевны и сама Иванина въ небрежно накинутомъ капотѣ, усталая, раскраснѣвшаяся отъ сна. Она сидѣла около кроватки Леночки и успокаивала ее.

— Все бредитъ и вздрагиваетъ во снѣ. Попробуйте рукой, какой жаръ.

Онъ подошелъ и положилъ руку на головку ребенка. Его рука дотрагивалась до руки Надежды Андреевны; онъ чувствовалъ, казалось ему, тепло ея тѣла, разогрѣтаго сномъ, и все это временами начинало опьянять его. Но потомъ онъ вспоминалъ о больномъ ребенкѣ и тогда винилъ себя въ преступныхъ чувствахъ и думалъ, что болѣзнь Лены послана ему въ наказаніе за то, что онъ осмѣливается думать объ Иваниной, какъ о женщинѣ...

Болѣзнь держалась упорно, и Надежда Андреевна стала уставать отъ безсонныхъ ночей. Тогда на третью ночь кроватку Леночки перенесли въ гостиную, и Устимовъ провелъ эту ночь въ креслахъ около больной, готовый каждую минуту встать напоить ребенка, успокоить его. Нѣсколько разъ въ теченіе ночи Надежда Андреевна входила въ комнату, небрежно одѣтая, въ туфляхъ на босую ногу, садилась около Леночки, провѣряла температуру ея тѣла. Она перекидывалась нѣсколькими словами съ Устимовымъ, встрѣчалась рукой съ его рукой на головкѣ ребенка, красивая, привлекательная, но Устимовъ дѣлалъ надъ собой страшное усиліе и добивался того, что не замѣчалъ раздражающей близости молодой женщины. Страхъ за Леночку поглощалъ его мысли и чувства, и Надежда Андреевна перестала для него существовать.

Прошло и еще нѣсколько такихъ же ночей и, наконецъ, болѣзнь оставила ребенка.

— Теперь молодцомъ, — сказалъ однажды врачъ,—температура нормальная; дня черезъ два бѣгать будетъ..

Надежда Андреевна благодарно взглянула на него и прижалась губами къ головкѣ ребенка. Но дѣвочка поглядѣла вдругъ серьезными, такими большими теперь глазами на Устимова и протянула къ нему обѣ руки тѣмъ рѣшительнымъ жестомъ, который свойственъ только маленькимъ дѣтямъ.

— Дя-дя, — прошептала она, и это означало, что въ данную минуту только Устимовъ имѣлъ привилегію держать ее на рукахъ.

И онъ бережно, умѣло взялъ ее и безъ счета цѣловалъ ея ручки, а самъ чувствовалъ, что внутри его что-то трепещетъ, какой-то восторгъ наполняетъ его грудь и что эта

минута счастья при видѣ выздоровленія Леночки вознаграждаетъ его за многое.

— Не понимаю, какъ можно любить такъ чужого ребенка, — сказалъ Иванинъ, пожимая плечами со смѣшаннымъ чувствомъ симпатіи и легкаго презрѣнія къ Устимову.

А Надежда Андреевна поглядѣла на обоихъ мужчинъ и улыбнулась нѣсколько торжествующей улыбкой...

XII.

— Пойдемте посидимъ въ саду, — сказала Надежда Андреевна Устимову.—Я давно не бесѣдовала съ вами.

Это было весной, въ теплый день, полный ароматнаго пара, запаха земли и пѣсенъ птицъ. Послѣ недѣльной стужи, которая не задумалась даже снѣгомъ угрожать уже покрывающейся молодой травой землѣ, сразу повѣяло съ юга тепломъ, разошлись тяжелыя, холодныя тучи и въ безоблачной синевѣ неба ласково и побѣдно горѣло яркое солнце. Въ такой день хотѣлось жить, и любить, и грезить о какомъ-то невѣдомомъ, безконечномъ счастьѣ.

Устимовъ молча пошелъ за Иваниной, задумчивый и озабоченный. На его душѣ скоплялось неясное, тоскливое чувство, будто безпокойство о чемъ-то...

Они сѣли на скамью, вокругъ которой густо разрослась сирень, и съ минуту молча глядѣли въ даль зарѣчныхъ луговъ, которые заканчивались зубцами лѣса, еще мглистаго, только что проснувшагося послѣ зимняго сна. Вокругъ нихъ трепетали на тепломъ воздухѣ цвѣтныя бабочки, надъ лужайкой „толклись“ первые некровожадные комары, а въ кустахъ и на вѣтвяхъ деревьевъ заливались, щебетали, свистали на всевозможные лады птицы въ упоеніи восторга отъ чувства жизни. Воздухъ опьянялъ, будилъ мечты...

Надежда Андреевна сѣла на скамью и откинулась немного назадъ. На ней была лѣтняя цвѣтная кофточка съ низкимъ вырѣзомъ, и Устимовъ могъ видѣть бѣлое тѣло, такое нѣжное, привлекательное. Это тѣло было роскошнѣе, привлекательнѣе, чѣмъ два года тому назадъ, но Устимовъ не смѣлъ глядѣть на него и стыдливо отвелъ глаза въ сторону.

— А помните, — проговорила Надежда Андреевна, — помните, какъ мы сидѣли здѣсь... тогда?.. Или забыли уже?

Ея голосъ былъ глухъ, а глаза странно горѣли темнымъ блескомъ. Она сдѣлала движеніе и слегка придвинулась къ сосѣду. И Устимову казалось, что на него вѣетъ отъ нея жаромъ и ароматомъ молодого роскошнаго тѣла.

— Я ничего не забылъ,—прошепталъ онъ, смущаясь и горько упрекая себя за то сладкое безпокойство сердца, которое поднималось въ немъ.

Надежда Андреевна вздохнула.

— Правда ли, что ваша жена умерла?

— Правда.

— Вы никогда не говорили мнѣ о ней... И давно?

— Осенью будетъ два года.

— Это значитъ вскорѣ послѣ моей свадьбы?

— Да.

Она опять взглянула и еще придвинулась къ нему.

— Она отъ чего умерла?

— Въ сумасшедшемъ домѣ... Этого надо было ожидать...

— А я такая была...

— Что же?..

— Нетерпѣливая, недогадливая...

Тогда онъ схватился за виски. Кровь въ головѣ начинала стучать; духъ захватывало.

— Ну... не надо вспоминать...

Но она уже прислонилась плечомъ къ его плечу и стала говорить еще тише, еще вкрадчивѣе:

— Такой вы хорошій, такой... чистый... И Лена могла бы быть... нашей съ вами дочкой...

Его всего передернуло. Въ глазахъ стало темно, а сердце такъ и стучало въ груди.

— Зачѣмъ же такъ... мучить? — прошепталъ онъ сдавленнымъ голосомъ.

Да, зачѣмъ мучить? Зачѣмъ растравлять еще свѣжую рану сердца? Вѣдь онъ же не каменный, онъ можетъ какъ-нибудь нехорошо понять эти рѣчи, принять не просто за дружескій, задушевный разговоръ. Онъ можетъ опять почувствовать въ груди огонь любви, страсти, а это нехорошо, нечестно съ его стороны. И какъ это женщины бываютъ иногда недогадливы, не чутки...

— Глупые мы были,—продолжала Надежда Андреевна,— глупая я была, глупая...

Онъ сбоку глянулъ на нее. Ея грудь порывисто поднималась, глаза горѣли страннымъ блескомъ. Отъ красиваго ея тѣла вѣяло зноемъ.

— Я не цѣнила васъ, я мало, слишкомъ мало цѣнила васъ...

Мучительно сладкое чувство все сильнѣй охватывало Устимова. Кровь закипала, сердце рвалось страстью. А въ душѣ его чей-то голосъ шепталъ:

— „Нечестно, подло...“

— Вы простили меня? да? — продолжала Надежда Андреевна и тихонько положила свою горячую руку на его руку.

Потомъ она тихонько пожала его руку, а сама совсѣмъ прислонилась плечомъ къ его плечу. Горячая струя страсти переливалась отъ нея къ нему, а жаръ ея тѣла готовъ былъ охватить его тѣло. Но онъ уже позабылъ въ это мгновеніе и о ней, и о всемъ на свѣтѣ. Онъ весь насторожился, затаилъ дыханіе и, выпрямившись, вслушивался во что-то, повернувъ голову къ дому.

— Вы что? — спросила Надежда Андреевна. — Ну, какой же вы!..

— Слышите? Леночка, кажется, плачетъ.

Она еще крѣпче сжала его руку.

— Она съ няней... Ничего не случилось... Сидите здѣсь со мной... со мной...

— Плачетъ... или нѣтъ?.. будто смѣется?.. Разбойникъ дѣвчонка... Умѣетъ нарочно напугать...

— Оставьте... Давайте вспоминать тѣ, помните, тѣ дни... незабвенные дни... Тогда тоже свѣтило солнце и тотъ же былъ воздухъ...

Онъ вскочилъ на ноги, не слушая ея.

— Это она ушиблась... По крику слышу... Ну, и задамъ я этой дурѣ нянькѣ... Остолопъ баба и больше ничего...

Онъ пустился бѣгомъ къ дому и земля, казалось, стонала подъ его пудовыми сапогами. Черезъ минуту онъ вернулся съ Леночкой на рукахъ. Лицо ребенка носило слѣды недавнихъ слезъ, но уже улыбалось застѣнчиво и нѣжно. А онъ безъ счету цѣловалъ розовыя щечки дѣвочки и приговаривалъ ласкательныя слова, которымъ успѣлъ научиться за послѣднее время.

— Ну, вотъ, давай сядемъ около мамы, а то мама соскучилась по своей дочкѣ...

Но мама была не въ духѣ. Ея лицо горѣло румянцемъ, а глаза глядѣли сердито.

— Зачѣмъ вы ее притащили?..—проговорила она хмуро.— Отнесите... и вернитесь сюда...

Онъ ничего не понялъ и только неумѣло запротестовалъ:

— Ну, вотъ еще! Мы желаемъ бесѣдовать съ дядей, съ нашимъ старымъ, глупымъ дядей... И больше ничего... Посмотрѣли бы вы, какъ она бросилась ко мнѣ со своимъ горемъ... Бѣдняжка упала, а нянька и не видитъ... Создастъ же Господь Богъ такую дубину... Ну, Ленка, пойдемъ гулять по бѣлу-свѣту...

Онъ совершенно позабылъ теперь про то, что волно-

вался около Надежды Андреевны и про то, что послѣдняя какъ будто вызывала въ немъ прежнюю любовь къ ней. Счастливый, радостный, онъ посадилъ къ себѣ на плечо ребенка и, дѣлая видъ, что скачетъ, побѣжалъ по дорожкамъ медвѣжьей рысью...

XIII.

Пробѣжали еще мѣсяцы... Жизнь у Иваниныхъ шла правильно, какъ хорошо налаженная машина. Парадныя комнаты блестѣли и лоснились, но въ заднихъ прибавилось безпорядка. Къ началу новой весны тамъ появился еще ребенокъ, и Леночка совсѣмъ перешла въ вѣдѣніе Устимова. Надежда Андреевна послѣ родовъ еще болѣе похорошѣла и пополнѣла. Она была теперь въ расцвѣтѣ своей красоты, гордая материнствомъ, сознающая свое значеніе въ жизни и чувствующая, что она знаетъ жизнь. Наружно она во всемъ подчинялась указаніямъ мужа, но все болѣе и болѣе забирала въ руки весь домъ и не ошибалась, думая, что домъ этотъ слушается ее и что въ семьѣ все дѣлается такъ, какъ она хочетъ.

И Иванинъ чувствовалъ себя удовлетвореннымъ этой жизнью. Ровно въ три являлся онъ со службы, ровно въ половинѣ четвертаго садился за обѣдъ и, потирая бѣлыя, холеныя руки надъ дымящейся тарелкой, говорилъ съ благосклонной улыбкой, обращаясь къ Устимову:

— Я больше всего цѣню порядокъ въ жизни... А вы, коллега, раздѣляете мое мнѣніе? А?..

Но Устимову было не до него. Онъ озабоченно приглядывался къ сидящей около него Леночкѣ и слѣдилъ, кушаетъ ли она супъ. По глубокому убѣжденію Устимова, самое первое въ жизни ребенка—это исправно кушать бульонъ, а такъ какъ Леночка терпѣть не могла этого кушанья, то онъ приходилъ въ отчаяніе.

— Ну, еще ложечку, ну, золотая, скушай...

Надежда Андреевна часто въ разговорѣ съ знакомыми поминала его имя.

— Это, знаете, просто наша нравственная обязанность пріютить бѣднаго Федора Федоровича.. Подумайте, вѣдь у него никого въ свѣтѣ родныхъ... Ну, конечно, и онъ не безъ недостатковъ, но я гляжу такъ: намъ посланъ крестъ, и мы должны нести его...

— Да, — соглашалась гостья, — не всякая поступила бы такъ, какъ вы...

Но въ разговорахъ съ мужемъ Надежда Андреевна, вспоминая объ Устимовѣ, раздражалась.

— Знаешь, онъ часто несносенъ... Я какъ-то заглянула въ его хозяйство, такъ просто ахнула. Безпорядокъ, хаосъ... Если бы не Василиса, онъ забывалъ бы бѣлье мѣнять... И подумай,—это въ іюнѣ-то мѣсяцѣ...

— Философъ. Довольствуется малымъ.

— Ну, этотъ философъ ѣсть не забываетъ... Ахъ, онъ ужасно много ѣстъ... Знаешь, это намъ становится просто въ убытокъ... Я хочу ему сказать, чтобы онъ прибавилъ за столъ...

— Неловко...

— Ну, пожалуйста; для меня нѣтъ неловкаго, когда дѣло идетъ о семьѣ... Вотъ этотъ мѣсяцъ пройдетъ, а съ августа—не угодно ли платить, что слѣдуетъ, а не гроши.

— Ну, да, но только...

— Нечего, нечего... Семья наша растетъ, сентиментальничать намъ нельзя...

— Но, знаешь, Надя, вѣдь онъ, знаешь, сдѣлалъ завѣщаніе въ пользу Леночки...

— Ну, еще бы!.. Этого еще не хватало, чтобы онъ все оставилъ какой-нибудь своей шлюхѣ... И гадость какая, я этого просто переварить не могу: завелъ себѣ какую-то въ слободѣ... Нѣтъ, онъ ужасно опустился этотъ твой хваленый Устимовъ...

Но даже и тотъ фактъ, что Устимовъ сдѣлалъ завѣщаніе въ пользу Леночки, порою раздражалъ Надежду Андреевну. Почему именно въ пользу Лены? Почему обойденъ Саня и тотъ неизвѣстный, движеніе котораго въ себѣ Надежда Андреевна почувствовала къ концу лѣта? Иванина начинала ревновать къ остальнымъ дѣтямъ и иногда въ глубинѣ сердца ощущала какое-то глухое раздраженіе даже противъ Леночки. Устимовъ, получившій когда-то отъ нея поцѣлуи, тотъ Устимовъ, къ которому она уже замужней женщиной почувствовала вспышку нѣжности, становился ей порою ненавистенъ. Она не могла его видѣть; его голосъ, движенія, улыбка казались ей отвратительными и частицу этой непріязни она, боясь самой себѣ признаться въ томъ, переносила на Леночку.

Но эти острые припадки раздраженія проходили, и она умиленно говорила:

— Что жъ, я не каюсь, что мы пріютили этого бѣднаго Федора Федоровича. Конечно, намъ не легко, но, я вѣрю, Богъ намъ воздастъ за него...

А Устимовъ ничего не замѣчалъ—ни раздраженія Надежды Андреевны, ни ея ненависти къ себѣ, ни того, что Иванины, благодаря ему, чувствовали себя кредиторами Бога. Попрежнему лучшими минутами для Устимова были тоскли-

вые зимнія сумерки, когда за стѣнами дома крѣпчалъ морозъ и когда въ залѣ топился ласковый каминъ. Устимовъ сидѣлъ передъ нимъ, опустивъ на руку сѣдую голову, и задумчиво глядѣлъ, какъ красное пламя лизало дрова. Какъ въ туманѣ, проносились передъ нимъ картины давно минувшихъ дней, слышались рѣчи любви, обращенныя къ нему, рука будто еще чувствовала пожатіе нѣжной женской руки. Но онъ уже не тосковалъ и не рвался къ этому оставшемуся далеко позади счастью женской ласки. Только тихая грусть сильнѣе осѣдала на сердцѣ, и сердцу казалось, что оно еще не вылило всѣхъ запасовъ любви, которые хранились въ немъ.

А маленькая Леночка, умѣвшая наблюдать за старѣющимъ дядей, подходила къ нему, трогала его маленькой ручкой и говорила серьезно и озабоченно:

— Дядя, улыбнись...

Врачебное сословіе и соціализмъ.

> Если бы интеллигенты обладали сознаніемъ своихъ собственныхъ классовыхъ интересовъ, они бы толпами переходили въ ряды соціалистовъ и не изъ жеманства или фатовства, но для того, чтобы спасти самихъ себя, обезпечить существованіе своихъ женъ и дѣтей и выполнить свой классовый долгъ.
>
> *П. Лафаргъ* (*Соціализмъ и интеллигенція*).

Отличительной чертой переживаемаго нами историческаго момента является преобладаніе политическихъ задачъ надъ всѣми другими задачами общественной жизни. Вопросы профессіональные, экономическіе, культурные, научные — все стушевалось передъ неотложнымъ и великимъ вопросомъ о политическомъ освобожденіи Россіи.

Всѣ слои населенія, призванныя революціей къ активной политической дѣятельности, напрягли свои силы на политическую борьбу, оставивъ на время въ тѣни защиту своихъ экономическихъ, культурныхъ, національныхъ и профессіональныхъ интересовъ.

Несмотря, однако, на такое исключительное преобладаніе политическаго момента въ общественной жизни Россіи, — основной процессъ соціальной дифференціаціи идетъ своимъ чередомъ. И даже больше. Чѣмъ далѣе длится политическая борьба, чѣмъ шире разливается ея могучій потокъ, чѣмъ больше слоевъ населенія захватываетъ она своими волнами, чѣмъ больше, наконецъ, жертвъ и усилій требуетъ она, — тѣмъ все чаще и чаще приходится участвующимъ въ борьбѣ аппеллировать къ своимъ экономическимъ и соціальнымъ интересамъ, чтобы находить тамъ опору для своихъ политическихъ стремленій.

И вотъ мы видимъ, что борьба съ самодержавіемъ не только не мѣшаетъ, но, напротивъ, въ значительной степени способ-

ствуетъ выясненію соціальнаго положенія отдѣльныхъ группъ и классовъ русскаго общества. Общій политическій лозунгъ, объединившій сверху до низу русскій народъ, далеко не повелъ къ полному сліянію различныхъ соціальныхъ слоевъ, имѣющихъ въ будущемъ различныя цѣли и различные пути. Группировка отдѣльныхъ классовъ, борьба которыхъ составитъ содержаніе нашей политической жизни послѣ окончательной ликвидаціи самодержавія,—эта группировка все болѣе и болѣе опредѣляется и выясняется въ настоящій моментъ.

Самоопредѣленіе различныхъ общественныхъ группъ, развитіе въ нихъ классоваго самосознанія есть явленіе въ высшей степени желательное съ точки зрѣнія нашихъ идеаловъ. Чѣмъ яснѣе сознаютъ свои интересы борющіеся элементы общества, тѣмъ болѣе упрощается классовая борьба и тѣмъ скорѣе приближается моментъ окончательнаго торжества соціалистическихъ идеаловъ. Въ особенности цѣннымъ является самоопредѣленіе различныхъ промежуточныхъ общественныхъ слоевъ, загромождающихъ арену борьбы и затемняющихъ основной антагонизмъ, раскалывающій современное общество на двѣ враждебныя арміи. Чтобы поле битвы очистилось отъ всѣхъ ненадежныхъ союзниковъ и скрытыхъ враговъ, нужно стремиться, чтобы всѣ эти промежуточныя группы сознали свои интересы и ясно и открыто передвинулись въ ту или другую сторону.

Врачебное сословіе, какъ часть интеллигенціи, принадлежитъ къ числу этихъ промежуточныхъ группъ. Въ современной политической борьбѣ оно принимаетъ крупное участіе; на алтарь свободной Россіи оно принесло уже много кровавыхъ жертвъ. Но отъ соціальнаго самоопредѣленія оно еще очень далеко. Свою роль въ будущемъ сословіе, какъ цѣлое, не знаетъ. Да и отдѣльные—даже наиболѣе передовые врачи—мало задумываются объ этой будущей роли своего сословія, предполагая, что эта роль ничѣмъ не отличается отъ роли всѣхъ промежуточныхъ общественныхъ группъ.

Мы думаемъ, что врачебное сословіе сыграетъ въ будущей соціальной борьбѣ нѣсколько иную роль, чѣмъ ему обыкновенно предсказываютъ. Въ нижеслѣдующемъ изложеніи мы попытаемся выяснить и обосновать свою точку зрѣнія на соціальное положеніе и общественную роль врачебнаго сословія.

1.

Мы начнемъ съ изложенія тѣхъ взглядовъ на врачебное сословіе, которые въ настоящее время являются наиболѣе распространенными.

Господствующее воззрѣніе причисляетъ врачей и по ихъ происхожденію, и по соціальному положенію, и по общественному міросозерцанію къ классу мелкой буржуазіи.

Врачебное образованіе слишкомъ дорого, чтобы дѣти пролетаріевъ могли его достигнуть; съ другой стороны, положеніе врача недостаточно привлекательно, чтобы крупная буржуазія видѣла въ немъ достойную карьеру для своихъ дѣтей. Такимъ образомъ, главная масса врачей выходитъ изъ рядовъ промежуточнаго слоя современнаго общества — изъ рядовъ мелкой буржуазіи. Только мелкая буржуазія имѣетъ достаточно матеріальныхъ средствъ, чтобы — хотя бы и съ большими усиліями и съ громадными жертвами — довести своихъ дѣтей до врачебнаго диплома. И только для мелкой буржуазіи съ ея собственнымъ необезпеченнымъ положеніемъ является заманчивымъ такъ называемый „легкій" заработокъ врача.

Ведя свое происхожденіе отъ промежуточнаго общественнаго слоя, врачебное сословіе, какъ цѣлое, занимаетъ также промежуточное соціальное положеніе. Только отдѣльные, болѣе счастливые представители его могутъ подняться до рядовъ крупной буржуазіи и сдѣлаться обладателями капитала. Зато на противоположномъ концѣ его происходитъ постоянное отщепленіе отдѣльныхъ единицъ, падающихъ въ бездну нищеты, спускающихся до уровня простыхъ пролетаріевъ.

Далѣе вся дѣятельность врачей—en masse—протекаетъ въ средѣ мелкой буржуазіи. За исключеніемъ немногихъ избранниковъ, призванныхъ оберегать здоровье представителей капитала, главная масса врачей живетъ частной практикой среди среднихъ слоевъ общества. Такимъ образомъ, между врачебнымъ сословіемъ и мелкой буржуазіей устанавливается крѣпкая связь, состоящая изъ множества матеріальныхъ и моральныхъ нитей.

Всѣми этими условіями опредѣляется и идеологія врачебнаго сословія. Будучи плотью отъ плоти мелкой буржуазіи, стоя по серединѣ между представителями труда и капитала, проводя всю свою жизнь и всю свою дѣятельность въ атмосферѣ мелкобуржуазныхъ интересовъ,—врачебное сословіе само проникается интересами и взглядами мелкой буржуазіи. Тамъ, гдѣ мелкая буржуазія по условіямъ времени и мѣста стоитъ во главѣ либеральныхъ политическихъ теченій, — тамъ врачи являются горячими адептами либерализма. Тамъ, гдѣ другія условія создаютъ изъ мелкой буржуазіи оплотъ антисемитизма, узкаго націонализма и проч.,—тамъ и врачи въ массѣ исповѣдуютъ эти взгляды. Но вездѣ врачи проникнуты мелкобуржуазнымъ недовѣріемъ къ пролетаріату и къ его идеологіи. Соціализмъ такъ же мало популяренъ среди врачей, какъ и среди мелкой буржуазіи вообще.

Практическій выводъ изъ такого взгляда на соціальное положеніе врачебнаго сословія тотъ, что тѣ врачи, которые переросли мелкобуржуазную идеологію и хотятъ жить и работать во имя соціализма, должны совершенно порвать со своимъ сословіемъ, такъ какъ въ предѣлахъ этого сословія они не могутъ

найти общаго сочувствія своимъ взглядамъ и стремленіямъ. Въ лучшемъ случаѣ врачебное сословіе можетъ доставить только отдѣльныхъ лицъ — перебѣжчиковъ въ ряды пролетаріата, какъ доставляютъ ихъ и другіе буржуазные слои современнаго общества.

2.

Такой мало отрадный взглядъ на врачебное сословіе находитъ себѣ извѣстное подтвержденіе въ фактахъ западно-европейской дѣйствительности. Если мы вглядимся пристальнѣе въ физіономію западно-европейскаго врача, то мы увидимъ въ немъ мелкаго буржуа съ головы до ногъ. Это человѣкъ, выросшій и погрязшій въ болотѣ частной практики, до тошнотворности пропитанный мѣщанскими взглядами, считающій высшей добродѣтелью хорошее знаніе своей спеціальности и высшимъ счастіемъ хорошую практику среди зажиточныхъ слоевъ населенія. Широкіе общественные идеалы, широкіе взгляды на свое собственное врачебное призваніе совершенно чужды ему. Къ общественнымъ явленіямъ онъ относится либо индиферентно, либо оцѣниваетъ ихъ съ точки зрѣнія вліянія ихъ на размѣры его дохода. Въ политикѣ онъ примыкаетъ къ умѣреннымъ либеральнымъ теченіямъ, къ предержащей власти относится съ искреннимъ и глубокимъ почтеніемъ и высоко чтитъ всякую побрякушку, всякое отличіе, которое получаетъ иногда отъ этой власти.

Передъ нами лежитъ символъ вѣры такого врача-мѣщанина. Этотъ символъ вѣры называется „Aerztliche Taktik", и составленъ онъ старымъ врачомъ въ формѣ товарищескихъ совѣтовъ начинающему коллегѣ [1]). Что же такое врачебная тактика, которую долженъ усвоить врачъ, вступающій въ жизнь? Это наборъ безвкусныхъ мѣщанскихъ предписаній, вродѣ того, что не надо входить съ больными въ частныя пріятельскія отношенія, ибо это уменьшаетъ довѣріе къ врачу, не надо дѣлать слишкомъ много визитовъ, чтобы не вызвать подозрѣніе въ навязчивости, но не надо ихъ дѣлать и слишкомъ мало, чтобы не быть обвиненнымъ въ невнимательности; не надо брать слишкомъ дорого съ паціента, но не надо спускать гонораръ и низко; не надо слишкомъ волноваться, если больные бросаютъ врача и приглашаютъ другого; но зато, если они раскаиваются и приходятъ снова, то надо соглашаться на леченіе осмотрительно, снисходя только къ тѣмъ, кто искренне раскаялся, и т. д. все въ томъ же духѣ. Мысль автора ни на минуту не выходитъ за предѣлы

1) „Aerztliche Taktik". Briefe an einen jungen Arzt. Von Dr. Fritz Schleringer, Arzt in Berlin. Berlin. 1906.

частной практики. Что существуютъ какія-либо отношенія врача къ обществу, къ народу, что есть широкія общественныя задачи, близко затрагивающія интересы врачей, — все это автору неизвѣстно. А между тѣмъ, несомнѣнно, можно было бы написать такую врачебную тактику, гдѣ широкимъ взмахомъ были бы затронуты самые животрепещущіе вопросы современности и гдѣ врачамъ отводилось бы одно изъ почетнѣйшихъ мѣстъ при разрѣшеніи этихъ вопросовъ. Но такіе взгляды чужды среднему западно-европейскому врачу.

Мелкобуржуазное положеніе западно-европейскаго врача и соотвѣтствующая этому положенію узко-мѣщанская мораль его даетъ себя чувствовать чуть не во всѣхъ вопросахъ, соприкасающихся такъ или иначе съ врачебнымъ міромъ. Этому можно было бы привести много примѣровъ. Вспомнимъ хотя бы борьбу, которую долго вели нѣмецкіе врачи противъ страхового законодательства. Только въ послѣднее время передъ лицомъ неопровержимыхъ фактовъ они усвоили, что законы о страхованіи рабочихъ являются благомъ и для врачебнаго сословія. Между тѣмъ раньше они во многихъ мѣстахъ оказывали упорное противодѣйствіе распространенію страхованія отъ болѣзни. Исторія страхованія въ Германіи богата многими страницами, поистинѣ позорными для нѣмецкихъ врачей [1]). Такъ, напр., врачи въ нѣкоторыхъ мѣстахъ противились распространенію безплатной лечебной помощи на больныхъ венерическими болѣзнями! Увы, простые рабочіе, сидѣвшіе въ управленіяхъ кассъ, обладали болѣе просвѣщенными взглядами на половыя болѣзни, чѣмъ призванные жрецы науки, не стыдившіеся утверждать, что эти болѣзни возникаютъ по собственной винѣ заболѣвшаго и потому не должны поощряться безплатнымъ леченіемъ.

Но особенно чувствуется отсталость и узость, господствующія среди западно-европейскихъ врачей, — въ тѣхъ случаяхъ, когда новыя условія жизни вызываютъ въ одной части врачей новыя теченія, которыя приходятъ въ столкновеніе съ взглядами и настроеніемъ большинства. Съ какой осторожностью приходится дѣйствовать при этомъ передовому меньшинству! Вотъ открываются амбулаторія и попечительство для туберкулезныхъ больныхъ, ставящія себѣ цѣлью возможно ранѣе захватывать случаи туберкулеза и всячески предупреждать распространеніе заразы въ семьѣ. Но такая амбулаторія поневолѣ ограничиваетъ свою дѣятельность только профилактикой и гигіеной. Леченіе тщательно избѣгается. Почему? Чтобы не входить въ коллизію съ практикующими врачами, — такъ открыто мотивируется отказъ въ безплатной лечебной помощи. Аналогичныя учрежденія суще-

[1]) См., напр., „Aerzte und Krankenkassen". Von Eduard Gräf. Frankf. a/м. 1905.

ствуютъ въ Германіи для борьбы съ дѣтской смертностью. И здѣсь точно также сознательно исключается всякая лечебная помощь опять-таки съ той же открыто заявляемой мотивировкой. Даже дѣятельность нѣкоторой части врачей на почвѣ общественной гигіены и санитаріи встрѣчаетъ недовѣрчивое и недружелюбное отношеніе со стороны многихъ коллегъ, стоящихъ на той точкѣ зрѣнія, что предупреждать болѣзни—не задача врача, ибо это будто бы означаетъ подрубать сукъ, на которомъ сидишь. Чтобы не быть голословнымъ, укажемъ на „Мюнхенскую комиссію для изученія рабочей гигіены и статистики", которая долгое время возбуждала глухое недовольство въ средѣ мюнхенскихъ коллегъ.

3.

Если мы отъ только-что намѣченной характеристики средняго западно-европейскаго врача перейдемъ къ характеристикѣ русскаго врача, то мы увидимъ, что духовный обликъ русскаго врача далеко не укладывается въ тѣ тѣсныя рамки, въ которыя заключена мораль и мысль его заграничнаго товарища по профессіи. Не нужно быть вовсе приверженцемъ русской самобытности, не нужно вовсе вѣрить въ особые пути русской жизни, чтобы признать фактъ громаднаго превосходства русскаго врача надъ западно-европейскимъ въ отношеніи широты міросозерцанія и высоты моральнаго уровня. Фактъ этотъ давно и единодушно констатированъ всѣми безпристрастными наблюдателями.

Уже по самому происхожденію своему, русское врачебное сословіе значительно отличается отъ западно-европейскаго. Основное ядро русской врачебной семьи возникло въ 60-е годы,—въ моментъ необычайнаго подъема нашей общественной жизни. Это была эпоха, когда въ средѣ „кающагося дворянства", а затѣмъ и разночинцевъ съ особой яркостью горѣла мысль о „великомъ долгѣ передъ народомъ", и когда все живое, все лучшее устремилось въ народъ, чтобы такъ или иначе уплатить этотъ долгъ. Эта полоса идеализма захватила и первыхъ русскихъ врачей. Молодые люди изучали медицину меньше всего для того, чтобы найти въ ней источникъ сытаго матеріальнаго благополучія. Врачебный дипломъ былъ для большинства или, по крайней мѣрѣ, для очень многихъ лишь средствомъ попасть въ деревню и работать тамъ на благо меньшого брата. Такимъ образомъ уже въ самой колыбели своей русское врачебное сословіе было обвѣяно духомъ идеализма.

Рука объ руку съ идеалистическими порывами развивались въ русскихъ врачахъ и широкіе общественные взгляды. Великое преимущество, которое даровала имъ исторія, заключалось

въ томъ, что они остались на долгое время въ сторонѣ отъ частной практики и отъ ея деморализующаго вліянія. Въ то время, какъ въ Зап. Европѣ вся масса врачей долгое время поглощалась частной практикой въ городахъ, въ Россіи, наоборотъ, первые кадры врачей ушли въ земство, въ ряды общественно-медицинскихъ работниковъ на пользу деревни. Всѣ тѣ отрицательныя черты, которыя воспитались у нашихъ заграничныхъ товарищей въ душной атмосферѣ частной практики, остались, по счастливому стеченію историческихъ обстоятельствъ, чуждыми русскимъ врачамъ. Въ нихъ не развился этотъ отвратительный духъ стяжанія и стремленія къ наживѣ, они остались свободными отъ растлѣвающаго вліянія взаимной конкурренціи, они имѣли возможность свободно и безпристрастно смотрѣть на совершающіяся вокругъ нихъ общественныя явленія. Идеи общественной организаціи медицины, такъ трудно усваиваемыя западно-европейскими врачами, всосались въ плоть и кровь русскихъ врачей. Жизнь и дѣятельность въ средѣ самаго бѣднаго и самаго обездоленнаго класса Россіи развили въ нихъ сочувствіе къ нуждамъ трудящагося населенія и пониманіе небходимости широкихъ соціальныхъ реформъ.

Дальнѣйшая исторія Россіи только углубляла и развивала тѣ прогрессивные задатки, которые были усвоены русскимъ врачебнымъ сословіемъ уже въ самомъ раннемъ періодѣ его жизни. Мрачная реакція, давившая русскую жизнь въ продолженіе нѣсколькихъ десятилѣтій, поддерживала пламя ненависти во всей русской интеллигенціи, а въ томъ числѣ, конечно, и во врачахъ. Эта ненависть не давала возможности уйти ни въ свои личныя дѣла, ни въ свои узко-профессіональные интересы. Не будемъ, однако, долго останавливаться на этой достаточно уже разработанной темѣ. Кто не знаетъ, какъ самодержавіе старалось опутать сѣтями всякое малѣйшее проявленіе самостоятельной мысли, какъ оно ставило всякія препятствія каждому ничтожному движенію впередъ, какъ оно благодаря этому всюду вызывало протестъ, всюду воспитывало любовь къ свободѣ и какъ оно многихъ этимъ путемъ научило самоотверженно бороться за свои идеи. Къ числу этихъ многихъ принадлежали въ значительной степени и русскіе врачи.

Совокупность всѣхъ этихъ историческихъ условій и создала тотъ духовный обликъ русскаго врача, который всѣмъ извѣстенъ и который справедливо противопоставляется духовному облику врача зап.-европейскаго. Въ противоположность идеализму русскихъ врачей, мы встрѣчаемъ на Западѣ самый грубый матеріализмъ, самый откровенный культъ наживы. Въ противоположность господствующимъ у насъ идеаламъ общественной медицины, мы видимъ у нашихъ заграничныхъ товарищей безграничное увлеченіе частной практикой и недовѣріе къ общественной организаціи вра-

чебнаго дѣла. Зап.-европейскій врачъ вращается и работаетъ въ средѣ городской мелкой буржуазіи, проникнутъ ея интересами, ея взглядами, ея вкусами. Русскій врачъ, напротивъ, имѣетъ больше всего нитей въ средѣ крестьянства и городского пролетаріата; благодаря этому въ немъ мало мѣщанской ограниченности и мѣщанскаго самодовольства. Онъ—сторонникъ соціальныхъ реформъ и въ значительной степени сочувствуетъ соціалистическимъ идеаламъ, между тѣмъ какъ его зарубежный товарищъ очень недовѣрчивъ къ соціальному реформаторству и крайне враждебно настроенъ по отношенію къ соціализму.

Если все это такъ, то спрашивается, неужели и къ русскому врачебному сословію примѣнимъ тотъ пессимистическій взглядъ, который мы изложили въ началѣ нашей статьи? Неужели и русскому врачебному сословію, какъ цѣлому, суждено въ будущемъ погрязнуть въ тинѣ мелкобуржуазныхъ интересовъ и взглядовъ, и никогда не выбраться на тотъ широкій путь, по которому идетъ международный пролетаріатъ? Неужели лучшіе и передовые русскіе врачи должны безнадежно махнуть на свое сословіе и уйти отъ него поскорѣе, чтобы не отвлекать себя отъ прямой работы вредными иллюзіями? Выходитъ, слѣдовательно, что то исключительно благопріятное воспитаніе, которое дала русскимъ врачамъ исторія, безслѣдно сотрется подъ вліяніемъ новыхъ условій жизни и что русскіе врачи въ дальнѣйшемъ не только не пойдутъ впередъ, но будутъ постепенно отставать, теряя одно за другимъ тѣ духовныя преимущества, которыя пріобрѣли послѣдніе полвѣка. Такъ ли это, однако?

4.

Прежде чѣмъ разобраться въ этомъ вопросѣ, перенесемся снова въ среду западно-европейскихъ врачей и посмотримъ, насколько универсальна та характеристика „средняго“ западноевропейскаго врача, которую мы набросали выше; не допускаетъ ли она исключеній и не являются ли эти исключенія признакомъ какихъ-либо новыхъ теченій въ врачебномъ мірѣ? На этотъ вопросъ нужно отвѣтить безусловно положительнымъ образомъ. Упомянутая характеристика вѣрна лишь до тѣхъ поръ, пока мы изучаемъ статику явленія; какъ только мы переходимъ къ динамикѣ, какъ только мы хотимъ изучить измѣненія, происходящія въ западно-европейскомъ врачебномъ сословіи по мѣрѣ развитія общественной жизни, мы сразу наталкиваемся на многочисленныя теченія, пока еще, можетъ быть, недостаточно замѣтныя въ общемъ потокѣ жизни, но имѣющія громадное симптоматическое значеніе для будущаго.

Рѣзче всего эти новыя теченія врачебной жизни замѣтны въ

Германіи, гдѣ подъ вліяніемъ института государственнаго страхованія они получили особенно сильное развитіе.

Выше мы уже упомянули вскользь о томъ противодѣйствіи, какое оказывали нѣмецкіе врачи распространенію государственнаго страхованія. Они долгое время возставали противъ этого института, предполагая, что онъ подорветъ ихъ матеріальное благосостояніе. Съ точки зрѣнія интересовъ частной практики, на которой воспиталась масса нѣмецкихъ врачей, такія опасенія были нѣкоторымъ образомъ обоснованы. „Вольную" частную практику государственное страхованіе дѣйствительно сократило въ извѣстной степени. Но зато само это страхованіе создало новый источникъ дохода, который для всего врачебнаго сословія въ цѣломъ явился поистинѣ благодѣтельнымъ. Уже въ 1885 г.— черезъ 2 года послѣ введенія страхованія на случай болѣзни— врачи получили отъ кассъ 9 милліоновъ марокъ; къ 1902 г. цифра эта болѣе чѣмъ учетверилась—достигла $37^1/_2$ милліоновъ. Чтобы понять значеніе этихъ цифръ для матеріальнаго благосостоянія нѣмецкихъ врачей, достаточно только раздѣлить ихъ на число врачей въ Германіи [1]). Введеніе въ ближайшіе годы страхованія отъ несчастныхъ случаевъ и отъ инвалидности еще болѣе увеличило тѣ матеріальныя выгоды, которыя доставилъ новый институтъ нѣмецкому врачебному сословію. Эти выгоды, конечно, очень скоро стали сознаваться нѣмецкими врачами. Недовѣріе къ государственному страхованію стало разсѣиваться; число сторонниковъ этого института среди врачей стало быстро увеличиваться. Прежнее противодѣйствіе всякому движенію впередъ въ области страхового законодательства и страховой практики смѣнилось усиленной агитаціей со стороны врачей въ пользу всевозможныхъ улучшеній въ области государственнаго страхованія—въ пользу распространенія его на болѣе широкіе круги населенія и возможно большаго расширенія круга его задачъ.

Такимъ образомъ государственное страхованіе вызвало значительную часть нѣмецкихъ врачей изъ сферы частной практики и вовлекло ихъ въ кругъ общественно-медицинскихъ интересовъ. Это очень быстро сказалось, конечно, и на психикѣ, и на міросозерцаніи нѣмецкихъ врачей. Среди нихъ появилось ядро передовыхъ врачей—преимущественно кассовыхъ врачей, которые стали усиленно разрабатывать вопросы общественной медицины. Эти вопросы стали привлекать къ себѣ все большее вниманіе. Въ литературѣ, въ медицинскихъ обществахъ, на конгрессахъ имъ стало удѣляться все болѣе и болѣе мѣста. „Соціальная" медицина сдѣлалась постояннымъ отдѣломъ врачебныхъ журналовъ. Появились общества, посвященныя исключительно вопросамъ

---

[1]) Врачей, занимавшихся практикой, было въ 1902 г. въ Германіи около 25 тысячъ.

„соціальной“ медицины. Въ крупныхъ городахъ читаются систематическіе курсы по этимъ вопросамъ. Въ послѣднее время среди врачей ведется агитація въ пользу учрежденія при университетахъ особой кафедры соціальной медицины. Однимъ словомъ въ настоящее время уже невозможно сказать огульно про все нѣмецкое врачебное сословіе, что оно погрязло въ интересахъ частной практики и чуждо широкимъ общественно-медицинскимъ вопросамъ. Даже революціонная мысль о „соціализаціи“ всей медицины имѣетъ уже не мало сторонниковъ среди нѣмецкихъ врачей.

Этотъ процессъ вовлеченія нѣмецкихъ врачей въ русло общественной медицины сопровождался значительной ломкой всего ихъ міросозерцанія. Уже одинъ тотъ фактъ, что врачи были поставлены лицомъ къ лицу съ массой бѣднаго трудящагося населенія, что они вошли въ живое, непосредственное прикосновеніе съ ужасной изнанкой современнаго строя,—уже это одно должно было существеннымъ образомъ поколебать цѣлость ихъ мѣщанскаго міросозерцанія. Мало-по-малу стали распространяться среди нихъ болѣе широкіе взгляды на причины болѣзней и на средства ихъ устраненія. Вниманіе врачей сосредоточилось на той соціальной почвѣ, на которой возникаютъ болѣзни, и на тѣхъ соціальныхъ реформахъ, которыя являются надежнѣйшимъ профилактическимъ средствомъ противъ ихъ возникновенія. Особенной разработкѣ подверглись народныя болѣзни, которыя являются соціальными по преимуществу, какъ туберкулезъ, алкоголизмъ, сифилисъ. Одинъ только туберкулезъ далъ громадный толчокъ нѣмецкой врачебной мысли въ сторону широкихъ прогрессивныхъ идеаловъ. Увлеченіе санаторіями уступило мѣсто реакціи, вызванной не столько разочарованіемъ въ дѣйствительности самыхъ санаторій, сколько расширеніемъ взглядовъ врачей, увеличеніемъ требованій, предъявляемыхъ ко всякому лечебному методу, и перенесеніемъ центра тяжести врачебной помощи съ леченія на профилактику.

Результаты леченія въ санаторіяхъ перестали уже удовлетворять нѣмецкихъ врачей; они идутъ дальше, сосредоточиваютъ вниманіе на семейномъ призрѣніи больныхъ, на устройствѣ попечительствъ, а отсюда—одинъ шагъ до постановки въ самомъ широкомъ масштабѣ жилищнаго вопроса и вопросовъ профессіональной гигіены [1]). Точно также и борьба съ дѣтской смертностью, ведущаяся энергично нѣмецкими врачами, постоянно ставитъ ихъ лицомъ къ лицу съ основными соціальными задачами нашей эпохи. Короче—и въ вопросахъ этіологіи, и въ вопросахъ профилактики болѣзней нѣмецкіе врачи уже значительно поднялись

---

[1]) См., напр., *De la Camp.* Lungenheilstättenerfolg und Familienfürsorge. Zeitschritt für Tuberculose. 1906. Band VIII, Heft 2, а также *Р. Роммъ.* Общественная борьба съ туберкулезомъ. СПБ. 1905 г.

надъ уровнемъ тѣхъ узкихъ мелкобуржуазныхъ взглядовъ, которыхъ они придерживались еще лѣтъ 10—20 тому назадъ.

Наконецъ, и та прочная связь, которая связывала врачей съ мелкобуржуазными слоями населенія, значительно ослабѣла за послѣднее время. Громадная часть врачей получила новое поприще для своей дѣятельности—въ средѣ пролетаріата. Конечно, это не могло остаться безъ вліянія на весь духовный складъ нѣмецкаго врача. Вращаться всю жизнь среди рабочихъ, проникаться ихъ интересами, входить въ ихъ нужды, знакомиться съ ихъ взглядами,—это значитъ приближаться постепенно къ ихъ міросозерцанію и ихъ настроенію. Недаромъ мы слышимъ изъ устъ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ врачей такія истинно-демократическія рѣчи. „Что такое собственно врачебное сословіе, и чѣмъ оно должно быть?", спрашиваетъ одинъ врачъ на страницахъ „Frankfurter Volksstimme"—и отвѣчаетъ: „Это сословіе образованныхъ людей, которые должны сохранять народу его здоровье и возобновлять его, когда оно почему-либо страдаетъ. Итакъ, *для нашего народа мы учились, для нашего народа мы должны работать; благо народа—вотъ къ чему мы должны постоянно стремиться*! [1])

Нѣтъ никакихъ основаній предполагать, что этотъ процессъ перерожденія нѣмецкихъ врачей есть явленіе случайное. Напротивъ, все заставляетъ думать, что этотъ процессъ представляетъ изъ себя могучее историческое теченіе, которому суждено въ будущемъ только разрастаться и вширь, и вглубь. Точно также нѣтъ основаній думать, что моральное перерожденіе врачебнаго сословія ограничится одной Германіей, а вся масса врачей другихъ національностей останется въ сторонѣ отъ этого благодѣтельнаго теченія. Слишкомъ тѣсно живутъ между собой цивилизованныя страны, слишкомъ аналогичны въ нихъ условія жизни и развитія, чтобы можно было допустить такое предположеніе. Если въ нѣмецкое врачебное сословіе струя новой жизни была внесена институтомъ государственнаго страхованія, то вѣдь въ той или иной формѣ такое страхованіе стоитъ на очереди во всѣхъ европейскихъ странахъ. Однимъ словомъ, мы приходимъ къ выводу, что съ теченіемъ времени русскіе врачи съ ихъ идеализмомъ, широкими общественными взглядами, съ ихъ демократическими стремленіями перестаютъ быть явленіемъ исключительнымъ, почти не объяснимымъ,—какъ это было до сихъ поръ,—что западно-европейскіе врачи, имѣвшіе до сихъ поръ такую плохую репутацію, постепенно перерождаются и все болѣе приближаются къ типу русскаго врача. Мы вправѣ думать, что въ будущемъ врачъ вообще—къ какой бы національности онъ ни принадлежалъ—бу-

---

[1]) См. упомянутую выше брошюру—„Aerzte und Krankenkassen". Стр. 79.

детъ высоко нести знамя общечеловѣческихъ идеаловъ и будетъ идти въ передовыхъ рядахъ вмѣстѣ съ лучшими борцами за соціальное равенство.

5.

Какъ согласовать, однако, эти свѣтлыя перспективы съ той мрачной теоріей, которую мы изложили выше, и которая пророчитъ врачебному сословію безконечно долгое прозябаніе въ лонѣ мелкобуржуазной тупости и мѣщанской ограниченности? Остается спросить, да вѣрна ли самая эта теорія? Вѣрно ли оцѣниваетъ она соціальное положеніе врачебнаго сословія и не упускаетъ ли она изъ вида нѣкоторыхъ факторовъ, существенно мѣняющихъ позицію врачей въ современномъ капиталистическомъ обществѣ?

Вопросъ о роли врачебнаго сословія въ современномъ капиталистическомъ обществѣ есть часть болѣе общаго вопроса—о роли и положеніи интеллигенціи вообще. Разработку этого вопроса мы находимъ у К. Каутскаго. Еще въ „Эрфуртской Программѣ“ онъ посвятилъ ему нѣсколько страницъ, а затѣмъ нѣсколько лѣтъ спустя снова вернулся къ нему въ специальной статьѣ „Интеллигенція и соціалъ-демократія“. Въ „Эрфуртской Программѣ“ Каутскій подробно рисуетъ тотъ процессъ, который превращаетъ „аристократію духа“ въ „интеллигентный пролетаріатъ“. Онъ показываетъ, какъ постепенно переполняются всѣ виды интеллигентнаго труда, какъ увеличивается, поэтому, предложеніе этого труда и падаетъ оцѣнка его, какъ появляется среди интеллигентныхъ тружениковъ безработица со всѣми ея тяжелыми послѣдствіями, какъ выростаетъ интеллигентная резервная армія,—однимъ словомъ, какъ интеллигенція все болѣе и болѣе приближается къ уровню и условіямъ жизни пролетаріевъ физическаго труда. Слѣдовало бы ожидать, что этотъ процессъ приведетъ интеллигенцію также и къ усвоенію взглядовъ наемнаго пролетаріата, сдѣлаетъ ее адептомъ соціализма. Но сдѣлать это предсказаніе Каутскій не рѣшается. Онъ говоритъ: „Приведетъ ли этотъ процессъ развитія къ тому, что интеллигенція встанетъ на сторону борющагося пролетаріата всей своей массой, а не въ лицѣ отдѣльныхъ ея представителей, какъ было до сихъ поръ,—это еще вопросъ открытый“.

Болѣе положительный отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ Каутскій въ статьѣ „Интеллигенція и соц.-демократія“. Здѣсь онъ уже не разсматриваетъ интеллигенцію, какъ нѣчто цѣлое. Вся интеллигенція во всей своей совокупности не имѣетъ общихъ интересовъ. Нужно разсматривать интересы отдѣльныхъ интеллигентныхъ *профессій*. Каутскій классифицируетъ интеллигентныя профессіи на двѣ группы. Одна часть профессій составляетъ интеллигентный пролетаріатъ въ тѣсномъ смыслѣ слова. Сюда относятся представители низшихъ разрядовъ умственнаго труда—

музыканты, чертежники, техники, чиновники, писцы и т. д. Рынокъ все болѣе и болѣе переполняется представителями этихъ видовъ труда, и трудъ этотъ все болѣе и болѣе приближается по оцѣнкѣ и условіямъ къ физическому. Интеллигентный пролетаріатъ въ тѣсномъ смыслѣ слова ничѣмъ не отличается отъ обыкновеннаго пролетаріата, и окончательное сліяніе обоихъ въ стремленіи къ соціализму есть лишь вопросъ времени.

Но, кромѣ пролетаріата, въ интеллигенціи есть и аристократія. Сюда относятся представители высшихъ формъ умственнаго труда — *врачи*, инженеры, юристы, служители искусства и т. д. Вся эта группа, если и имѣетъ какой-либо объединяющій интересъ, то это есть стремленіе сохранить свое привилегированное положеніе. Въ остальномъ это—разрозненная, разношерстная масса съ различными интересами и стремленіями.

Не только двѣ смежныя профессіи не имѣютъ между собой общихъ интересовъ, но даже въ предѣлахъ одной и той же профессіи замѣчается дробленіе на рядъ враждебныхъ группъ. „Какой интересъ,—спрашиваетъ Каутскій,—имѣетъ какая-либо театральная звѣзда въ томъ, чтобы ея неизвѣстные коллеги получали хорошее вознагражденіе за свой трудъ? Какая общность интерересовъ существуетъ между редакторомъ какой-либо міровой газеты и какимъ-нибудь репортеромъ? Что общаго между положеніемъ сельскаго врача и положеніемъ профессора медицинскаго факультета, который пользуется всемірной извѣстностью и получаетъ княжеское содержаніе?“ Разъ въ предѣлахъ привилегированныхъ интеллигентныхъ профессій не существуетъ общихъ интересовъ, то не можетъ возникнуть и общихъ взглядовъ, и стремленія къ объединенію, и групповаго самосознанія. Слѣдовательно, не можетъ быть и рѣчи о томъ, чтобы эта часть интеллигенціи присоединилась, какъ цѣлое, къ пролетаріату. Если вспомнить еще, что ея привилегированное положеніе настраиваетъ ее враждебно къ пролетаріату, открыто отрицающему всѣ виды привилегій,—то станетъ яснымъ, по мнѣнію Каутскаго, что соціализмъ никогда не пріобрѣтетъ въ интеллигентной аристократіи широкаго распространенія. Только отдѣльные представители интеллигенціи будутъ переходить на сторону пролетаріата, но къ этому будутъ толкать ихъ не ихъ интересы, а только ихъ идейность.

Таковы взгляды К. Каутскаго на положеніе интеллигенціи въ современномъ обществѣ и на роль ея въ будущемъ. Намѣченная имъ схема не можетъ быть, однако, безъ дальнѣйшихъ разсужденій прилагаема ко всякому частному случаю, ко всякой интеллигентной профессіи въ отдѣльности. Наоборотъ, мы погрѣшили бы какъ разъ противъ того научнаго направленія, котораго придерживается Каутскій, если бы стали преклоняться передъ шаблонами и избѣгать детальнаго анализа каждаго отдѣльнаго явле-

нія. Теоретическія положенія, прочно установленныя въ наукѣ, не только не избавляютъ насъ отъ дальнѣйшаго труда, но наоборотъ, заставляютъ неусыпно наблюдать и неутомимо работать надъ вопросами быстро мѣняющейся жизни. „Все течетъ,—говоритъ Каутскій,—всѣ отношенія безпрерывно мѣняются, всякая истина только относительна, только дѣйствительна при опредѣленныхъ условіяхъ".

И ставя себѣ задачей выяснить соціальное положеніе одной части интеллигенціи—именно врачебной, мы не можемъ, конечно, ограничиться общими положеніями Каутскаго. Мы должны подвергнуть детальному анализу современное положеніе врачебнаго сословія, изучить особенности этого положенія и выяснить тѣ измѣненія, какія происходятъ въ немъ съ теченіемъ времени. Только такимъ путемъ можемъ мы намѣтить будущій ходъ развитія врачебнаго сословія. Можетъ быть, оно пойдетъ и не совсѣмъ по той дорогѣ, которая полагается ему согласно общимъ теоретическимъ построеніямъ.

6.

Если мы обратимся къ современному экономическому положенію врачебнаго сословія, то мы прежде всего должны будемъ констатировать фактъ крайне быстрой пролетаризаціи этого сословія. Фактъ этотъ, можно сказать, общеизвѣстенъ. О нуждѣ среди врачей, о „перепроизводствѣ" врачей, о врачебномъ „кризисѣ" вы услышите и прочитаете далеко за предѣлами чисто-врачебныхъ сферъ. Повидимому, пролетаризація врачебнаго сословія идетъ гораздо быстрѣе или же гораздо рѣзче бросается въ глаза, чѣмъ пролетаризація другихъ свободныхъ профессій. По крайней мѣрѣ мы гораздо меньше слышимъ о перепроизводствѣ адвокатовъ, о кризисѣ среди литераторовъ, о бѣдности и нуждѣ инженеровъ. Общеизвѣстность факта избавляетъ насъ отъ необходимости доказывать его какими-либо данными. Если бы мы перерыли нѣсколько статистическихъ отчетовъ объ экономическомъ положеніи врачей, въ особенности въ Зап. Европѣ, то мы нашли бы достаточно доказательствъ упомянутаго явленія.

Мы бы могли привести рядъ цифръ, характеризующихъ очень низкій средній заработокъ врачей, мы бы могли нарисовать нѣсколько яркихъ картинъ врачебной нужды и безработицы, изобразить тѣ тяжелыя условія, въ которыхъ живетъ и работаетъ добрая доля врачей, мы бы могли, наконецъ, привести не мало примѣровъ, когда врачи принуждены прямо переходить въ ряды обыкновенныхъ пролетаріевъ, мѣняя свою профессію на физическій трудъ. Но мы не станемъ приводить всѣхъ этихъ доказательствъ, ибо въ этомъ пунктѣ мы не предвидимъ возраженій.

Какія же причины вызываютъ все большее ухудшеніе матеріальнаго положенія врачей?

Врачебная нужда поддерживается съ двухъ противоположныхъ сторонъ. Съ одной стороны, врачебная профессія наряду съ другими интеллигентными профессіями представляетъ изъ себя поприще, на которое особенно охотно устремляются дѣти мелкой и средней буржуазіи. Для промежуточныхъ слоевъ современнаго общества, гибнущихъ въ непосильной борьбѣ съ крупнымъ капиталомъ, образованіе является единственнымъ способомъ удержаться на болѣе высокихъ ступеняхъ общественной лѣстницы. Пусть представители интеллигентныхъ профессій уже не могутъ разсчитывать въ настоящее время на то блестящее матеріальное положеніе, какимъ они пользовались въ доброе старое время, — все-таки интеллигентный трудъ до сихъ поръ окруженъ еще особымъ ореоломъ, дающимъ хотя бы субъективное ощущеніе превосходства. И въ погонѣ за этой соціальной иллюзіей мелкая буржуазія выбивается изъ послѣднихъ силъ, чтобы дать своимъ дѣтямъ высшее образованіе, чтобы дать имъ въ руки интеллигентную профессію. Кромѣ того, и дѣти самой интеллигенціи за весьма немногими исключеніями наполняютъ также ряды представителей интеллигентнаго труда. Такимъ образомъ, съ одной стороны, мы имѣемъ рядъ причинъ, увеличивающихъ предложеніе интеллигентнаго, а въ томъ числѣ, конечно, и врачебнаго труда.

А съ другой стороны, уменьшается спросъ на врачебный трудъ. Тотъ же самый процессъ, который вызываетъ приливъ все новыхъ и новыхъ работниковъ, уменьшаетъ количество предназначенной для нихъ работы. Ибо самымъ главнымъ источникомъ заработка для врачей была до сихъ поръ частная практика среди мелкой и средней буржуазіи. Чѣмъ болѣе ухудшается экономическое положеніе этихъ слоевъ буржуазіи, тѣмъ меньше становится ихъ платежная способность, тѣмъ меньше со стороны ихъ спросъ на врачебный трудъ и тѣмъ хуже они его оплачиваютъ. Въ этомъ лежитъ причина такъ называемаго перепроизводства врачебнаго труда.

Но однимъ только обѣднѣніемъ не исчерпывается еще вся суть пролетаризаціи врачебной профессіи. Не въ одномъ только количественномъ уменьшеніи заработка здѣсь дѣло. Самый характеръ примѣненія врачебнаго труда измѣняется и измѣняется такимъ образомъ, что еще болѣе приближаетъ врачей къ рядамъ обыкновеннаго пролетаріата. Врачебный трудъ становится все болѣе *наемнымъ* трудомъ, а врачи изъ представителей *свободной* профессіи превращаются въ наемниковъ.

Прошло то доброе старое время, когда каждый врачъ—на подобіе средневѣковаго ремесленника—владѣлъ всѣми орудіями, необходимыми для работы. Стетоскопъ, карманный хирургическій наборъ и еще два-три мелкихъ инструмента — и молодой врачъ

находился уже во всеоружіи и могъ приступать къ практикѣ. Не то теперь. Далеко зашедшая специализація врачебнаго труда, наряду съ прогрессомъ научнаго знанія, ввели въ медицину массу техническихъ приспособленій для діогностическихъ и терапевтическихъ цѣлей. Вся совокупность приспособленій, необходимыхъ для какой-либо отрасли медицины, представляетъ уже крупную стоимость,—составляетъ капиталъ, необходимый врачу прежде, чѣмъ онъ начнетъ работать. Но это еще не все. Даже вооруженный всѣми новѣйшими техническими инструментами и аппаратами, онъ не можетъ еще немедленно начать работать, ибо спросъ на его трудъ развивается лишь очень медленно, параллельно съ пріобрѣтаемымъ имъ довѣріемъ или знакомствами. Отсюда—опять таки необходимость имѣть денежный запасъ, позволяющій долгое время—иногда цѣлые годы—ждать „развитія" практики. Однимъ словомъ безъ основного капитала врачъ въ большинствѣ случаевъ не можетъ начать „самостоятельнаго производства".

Совершенно аналогично другимъ областямъ общественнаго труда, и здѣсь на помощь „свободному" владѣтелю рабочей силы приходитъ капиталистъ, который предоставляетъ ему всѣ необходимыя условія для работы, превращая его, однако, одновременно въ наемника. Этотъ капиталъ—въ лицѣ ли болѣе богатыхъ товарищей-врачей или нерѣдко въ лицѣ предпринимателей, совершенно не причастныхъ къ медицинѣ—открываетъ лечебницы, больницы, санаторіи, курорты, всякаго рода діагностическіе и терапевтическіе институты. И во всѣхъ этихъ учрежденіяхъ врачи находятъ приложеніе своему труду за опредѣленное вознагражденіе, создавая для предпринимателей прибавочную стоимость, совершенно такъ же, какъ всякій представитель физическаго труда.

Само собой разумѣется, что суть дѣла не мѣняется отъ того, является ли хозяиномъ врача частный капиталистъ-предприниматель, или этимъ хозяиномъ является государство, городъ, община, рабочій союзъ и т. д. Все равно и на службѣ у общественныхъ учрежденій или группъ врачъ далеко уже не является „аристократомъ духа", гордо несущимъ знамя свой свободной профессіи,—это уже зависимый служащій, наемникъ, человѣкъ, выносящій на рынокъ свою рабочую силу и не всегда имѣющій возможность ее выгодно продать.

Эти два фактора—постепенное ухудшеніе матеріальнаго положенія врачей и распространеніе среди нихъ наемнаго труда — имѣютъ громадное значеніе для рѣшенія занимающаго насъ вопроса о соціальной роли врачебнаго сословія. Ухудшеніе матеріальныхъ условій жизни врачей ведетъ къ тому, что среди нихъ все болѣе распространяется недовольство современнымъ капиталистическимъ строемъ и растетъ воспріимчивость къ критикѣ этого строя. Но опредѣленную окраску эта критика получаетъ только подъ вліяніемъ условій наемнаго труда. Только пролета-

рій придаетъ своему недовольству настоящимъ опредѣленную форму, только онъ выливаетъ его въ стремленіе къ соціалистическому строю. И разъ врачи въ значительной части своей все болѣе и болѣе втягиваются въ сферу наемнаго труда, то нѣтъ основаній предполагать, что они не подвергнутся той же психологической эволюціи, какой подвергается весь остальной наемный пролетаріатъ.

Та рознь, то взаимное недовѣріе, которое мы наблюдаемъ въ средѣ многихъ западно-европейскихъ врачей и которое Каутскій считаетъ характернымъ для всѣхъ высшихъ интеллигентныхъ профессій,—эта рознь и недовѣріе должны постепенно уступить мѣсто чувству единенія, сознанію солидарности интересовъ и стремленій. Если между врачами, извлекающими свой доходъ изъ частной практики, есть дѣйствительно почва для конкурренціи, для розни, то что будетъ разъединять массу врачей, продающихъ свой трудъ общественнымъ учрежденіямъ и частнымъ предпринимателямъ? Пусть какому-нибудь знаменитому профессору и нѣтъ дѣла до простого врача-чернорабочаго, пусть между ними и нѣтъ общихъ интересовъ, но между собою вся масса простыхъ работниковъ врачебнаго дѣла имѣетъ много общихъ и притомъ насущныхъ интересовъ. Почему же мы должны думать, что они не сознаютъ этой общности интересовъ?

Передъ нами остается еще одно положеніе Каутскаго, омрачающее наши предсказанія. Интеллигенція, говоритъ онъ, находится въ привилегированномъ положеніи и потому она настроена враждебно къ пролетаріату, стремящемуся уничтожить всякія привилегіи. На это мы могли бы возразить, что и въ средѣ самого пролетаріата имѣются слои, болѣе привилегированные и менѣе привилегированные. Какое разстояніе отдѣляетъ, напр., рабочаго рогожной фабрики отъ рабочаго механическаго завода? Не больше ли это разстояніе, чѣмъ между привилегированнымъ рабочимъ и какимъ-нибудь врачомъ, служащимъ на фармацевтической фабрикѣ? Но мы не будемъ въ этомъ пунктѣ возражать Каутскому. Въ противовѣсъ привилегированности врачебнаго сословія мы имѣемъ другіе факторы, которые должны оказать противоположное дѣйствіе на психику и поведеніе врачебнаго сословія. Эти спеціальные факторы составляютъ счастливую особенность врачебной профессіи и на нихъ мы можемъ основать самыя оптимистическія предположенія.

7.

По мѣрѣ того, какъ идетъ впередъ развитіе современнаго капиталистическаго общества, все болѣе и болѣе обнаруживаются въ разныхъ сторонахъ жизни недостатки индивидуалистической организаціи хозяйства. Но едва ли въ какой-либо другой области

эти недостатки начинаютъ ощущаться такъ рано и проявляются такъ рѣзко, какъ въ области врачебнаго дѣла.

Уже по самому существу своему медицинская помощь никакъ не укладывается въ рамки манчестерскаго принципа „laissez faire, laisser passez“. Болѣзнь надвигается на человѣка внезапно, такъ же внезапно возникаетъ и потребность въ медицинской помощи. Эта потребность, слѣдовательно, не является для каждаго отдѣльнаго человѣка потребностью нормальной, постоянной,—такой, примѣнительно къ которой онъ могъ бы регулировать свой бюджетъ. Потребность эта притомъ возникаетъ какъ разъ въ такой моментъ, когда падаетъ платежная способность заболѣвшаго, ибо вмѣстѣ съ болѣзнью уменьшается или прекращается и работоспособность. И чѣмъ дольше длится болѣзнь, тѣмъ больше возрастаетъ потребность въ медицинской помощи, но тѣмъ меньше дѣлается возможность получить ее. Можно сказать, что при индивидуалистической организаціи врачебнаго дѣла потребность въ медицинской помощи и возможность ее удовлетворить измѣняются въ обратныхъ отношеніяхъ.

Это коренное противорѣчіе даетъ себя чувствовать еще въ той стадіи общественнаго развитія, когда благами медицины пользуются только зажиточные слои населенія, когда масса пролетаріата прозябаетъ еще въ невѣжествѣ и не ощущаетъ потребности въ раціональной медицинской помощи. Но по мѣрѣ того, какъ бѣднѣютъ средніе слои общества, а съ другой стороны, возрастаетъ культурность и сознательность рабочаго класса, все рѣзче и рѣзче начинаетъ чувствоваться негодность индивидуалистической организаціи медицинской помощи. Пролетаріатъ, а также и крестьянство вообще не могутъ пользоваться медицинской помощью, разъ она не организована на общественныхъ началахъ. Отсюда вырастаетъ требованіе общественной организаціи медицинскаго дѣла. Въ дальнѣйшемъ развитіи это требованіе приводитъ къ лозунгу—„полное обобществленіе медицины“. Врачебную помощь должны оплачивать не больные, а здоровые, и не неимущіе, а имущіе. Въ разныхъ странахъ, въ зависимости отъ различныхъ условій, это обобществленіе медицины выливается въ разныя формы, то болѣе, то менѣе совершенныя. У насъ въ Россіи пышнымъ цвѣтомъ расцвѣла земская медицина, обезпечившая все сельское населеніе медицинской помощью въ такихъ размѣрахъ, какъ это далеко не вездѣ достигнуто на Западѣ. Зато нашъ городской пролетаріатъ долженъ довольствоваться весьма несовершенными формами медицинской организаціи—фабричной и городской медициной. Новѣйшей формой общественной организаціи медицины—едва ли не самой совершенной въ рамкахъ буржуазнаго общества—является обязательное страхованіе на случай болѣзни, увѣчья и инвалидности. Такое страхованіе функціонируетъ въ Германіи и отчасти въ Австріи.

Другой факторъ, усиливающій стремленіе къ обобществленію медицины, заключается въ томъ, что лечебная медицина все болѣе и болѣе вытѣсняется медициной профилактической, т. е. гигіеной и санитаріей. Если лечебная медицина хотя бы и съ грѣхомъ пополамъ все-таки можетъ извѣстное время существовать въ рамкахъ индивидуалистической организаціи, то гигіена и санитарія съ самаго начала требуютъ организаціи общественной. Надзоръ за санитарнымъ состояніемъ населенныхъ мѣстъ, устройство водоснабженія, канализаціи, борьба съ эпидеміями, школьный надзоръ, фабричный надзоръ, устройство гигіеническихъ жилищъ и т. д.—все это не можетъ быть иначе осуществлено, какъ только черезъ посредство какой-либо общественной организаціи—общины, города, государства. А между тѣмъ, какъ мы увидимъ далѣе, современная научная медицина переноситъ все болѣе и болѣе центръ тяжести на профилактику болѣзней и, слѣдовательно, все болѣе и болѣе побуждаетъ общество къ расширенію санитарныхъ и гигіеническихъ мѣропріятій. Первенствующее значеніе этихъ мѣропріятій для народнаго здравія сдѣлалось теперь яснымъ и понятнымъ не только всякому интеллигенту, но и всякому сознательному рабочему. Требованіе широкихъ общегосударственныхъ мѣръ для предупрежденія болѣзней попало въ надежныя руки борющагося пролетаріата, и это даетъ увѣренность, что въ дальнѣйшемъ развитіи санитаріи пойдетъ неудержимо впередъ. А это означаетъ все большее и большее обобществленіе медицины.

Такимъ образомъ мы видимъ, что та сфера дѣятельности, въ которой призваны жить и работать врачи, благодаря самому ходу вещей, все болѣе и болѣе обобществляется. Этотъ процессъ обобществленія медицины оказываетъ, конечно, громадное вліяніе на психику и міросозерцаніе врачебнаго сословія. Этотъ процессъ все болѣе и болѣе вытравляетъ изъ врачей духъ индивидуализма и дѣлаетъ ихъ воспріимчивыми къ тѣмъ направленіямъ, которыя видятъ единственный исходъ изъ современныхъ неустройствъ въ соціалистической организаціи общественнаго хозяйства. Тѣ врачи, которые продолжаютъ держаться индивидуалистическихъ взглядовъ, все больше отстаютъ отъ своихъ товарищей, превращаются въ кучку закоренѣлыхъ ретроградовъ, презираемыхъ остальными представителями врачебнаго сословія. Молодые, энергичные, прогрессивные элементы пріобрѣтаютъ все большій вѣсъ въ своемъ сословіи и подготовляютъ полное моральное перерожденіе его.

Сознательное стремленіе впередъ,—къ новымъ формамъ медицинской организаціи,—вполнѣ совпадаетъ съ матеріальными интересами врачей. Только въ общественной организаціи врачебнаго дѣла лежитъ выходъ изъ того экономическаго кризиса, какой переживаетъ врачебное сословіе почти во всѣхъ странахъ. Общественная организація медицины въ громадныхъ размѣрахъ повышаетъ спросъ на врачебный трудъ. Она привлекаетъ къ бла-

гамъ научной медицинской помощи массы неимущаго люда, которыя при другихъ условіяхъ были бы совершенно лишены возможности лечиться. Вспомнимъ, какую массу врачебнаго труда поглощаетъ наша земская медицина. Много ли земскихъ врачей могло бы существовать въ деревенской Россіи, если бы имъ пришлось жить частной практикой? Вспомнимъ далѣе тѣ милліоны, которые получили нѣмецкіе врачи благодаря институту страхованія. Только близорукіе, невѣжественные врачи, погрязшіе по макушку въ трясинѣ частной практики, могутъ утверждать, что общественная организація медицины подрываетъ врачебное благосостояніе. Въ Россіи, впрочемъ, такихъ голосовъ не слышно, да и на Западѣ они постепенно смолкаютъ подъ напоромъ новыхъ вѣяній.

Процессъ обобществленія медицины сближаетъ врачей съ пролетаріатомъ—сближаетъ и въ смыслѣ идеаловъ, и въ сферѣ практической дѣятельности. Соціалистическіе идеалы пролетаріата становятся все болѣе и болѣе доступными врачамъ, благодаря указаннымъ нами измѣненіямъ въ психикѣ и міросозерцаніи врачей. На практикѣ врачамъ приходится идти рука объ руку съ пролетаріатомъ. Чѣмъ шире распространяются различныя формы организаціи медицины, тѣмъ ближе сталкиваются врачи съ неимущими классами населенія, и тѣмъ больше научаются они ихъ понимать. Съ другой стороны, стремленія врачебнаго сословія въ области медицинскаго дѣла совпадаютъ съ стремленіями пролетаріата. На знамени рабочихъ партій стоитъ требованіе обезпеченія всего населенія безплатной медицинской помощью. Подъ этимъ требованіемъ не могутъ не подписаться врачи. Рабочіе требуютъ широкихъ санитарныхъ мѣропріятій со стороны государства и мѣстныхъ самоуправленій. Врачи требуютъ того же самаго. И, въ частности, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, благо рабочаго не идетъ вразрѣзъ съ интересами врачей, а, наоборотъ, вполнѣ съ ними совпадаетъ. Чѣмъ культурнѣе, обезпеченнѣе и свободнѣе живетъ рабочій, тѣмъ лучшимъ защитникомъ онъ является для всѣхъ прогрессивныхъ стремленій врачей.

Необходимость обобществленія медицины, возникающая уже въ предѣлахъ современнаго капиталистическаго строя, есть счастливая особенность врачебной профессіи. Благодаря этой особенности, врачебное сословіе должно занять иное соціальное положеніе, чѣмъ другія интеллигентныя профессіи. Эту особенность можно смѣло бросить на чашку вѣсовъ, и она, навѣрное, перетянетъ ту сомнительную привилегированность, которой пользуются врачи, и которая, согласно теоріи, должна отталкивать ихъ отъ пролетаріата.

Но врачебная профессія имѣетъ еще одно преимущество сравнительно съ другими интеллигентными профессіями,—и это преимущество лежитъ въ характерѣ той науки, адептами которой являются врачи.

8.

Изъ всѣхъ прикладныхъ наукъ медицина тѣснѣе всего примыкаетъ къ обществовѣдѣнію. Истина эта была впервые рѣзко и открыто формулирована въ серединѣ прошлаго столѣтія, когда Вирховъ сказалъ свою знаменитую фразу: „Значительная часть соціальнаго вопроса входитъ въ юрисдикцію врачей". Въ то время эта мысль была смѣлымъ новаторствомъ, одинаково непонятнымъ какъ массѣ врачей, такъ и большинству общественныхъ дѣятелей. Но съ тѣхъ поръ совершился громадный прогрессъ медицины, который далъ идеѣ Вирхова многочисленныя и неоспоримыя подтвержденія и сдѣлалъ ее одной изъ повседневныхъ, обиходныхъ истинъ.

Родство между медициной и обществовѣдѣніемъ должно было сказаться сейчасъ же, какъ только началось научное изученіе сущности болѣзней и вызывающихъ эти болѣзни причинъ. Когда понятія врачей о болѣзненныхъ процессахъ были туманны и неопредѣленны, когда причины болѣзней были или вовсе неизвѣстны, или же предполагались въ таинственныхъ міазмахъ, въ неправильномъ „смѣшеніи" крови и въ прочихъ мало опредѣленныхъ факторахъ,—тогда не могло и возникнуть мысли о связи болѣзненности и смертности населенія съ общественными условіями. Да и общественныя науки находились еще тогда въ младенческомъ состояніи. Не было научной статистики, не было обширныхъ наблюденій надъ различными сторонами общественной жизни, да и самая связь между различными соціальными факторами была еще недостаточно выяснена.

Теперь, когда, съ одной стороны, имѣются колоссальные статистическіе матеріалы, обнимающіе всѣ проявленія общественной жизни за длинные періоды времени, когда детально изучено взаимодѣйствіе между различными факторами общественнаго развитія, когда, съ другой стороны, прогрессъ медицины сорвалъ завѣсу со многихъ таинственныхъ процессовъ, совершающихся въ человѣческомъ организмѣ, раскрылъ передъ нами сущность многихъ болѣзней и указалъ намъ истинные корни ихъ,—теперь установилась прочная и неразрывная связь между соціологіей и медициной, и возникла даже новая отрасль знанія, стоящая на границѣ между обѣими науками, возникла *соціальная медицина*.

Мы далеки отъ мысли обрисовать сколько-нибудь исчерпывающимъ образомъ ту связь, которая существуетъ между медициной и обществовѣдѣніемъ и которая постоянно толкаетъ мысль врача въ сторону общественныхъ вопросовъ. Это могло бы составить совершенно самостоятельную задачу, притомъ далеко выходящую за предѣлы журнальной статьи. Мы ограничимся только рядомъ наиболѣе яркихъ примѣровъ.

Больше всего расширяетъ кругозоръ врача изученіе этіологіи болѣзней, т. е. тѣхъ причинъ и условій, которыя вызываютъ болѣзнь. Здѣсь научный прогрессъ ведетъ къ тому, что причины болѣзней все болѣе и болѣе отодвигаются отъ самой болѣзни; онѣ уходятъ въ глубину сперва индивидуальной, а затѣмъ общественной жизни, пока, наконецъ, не останавливаются на коренномъ факторѣ, опредѣляющемъ соціальную жизнь,—на формѣ общественнаго строя. До этого послѣдняго пункта долженъ додуматься всякій добросовѣстный и внимательный врачъ. Каждая страница медицинскаго учебника, каждый больной, проходящій передъ его глазами, направляютъ его мысль на эту основную причину большинства соціальныхъ и индивидуальныхъ страданій.

Наиболѣе обширную и наиболѣе губительную категорію болѣзней составляютъ инфекціонныя, т. е. заразныя болѣзни. Научная мысль положила массу труда, чтобы найти непосредственную причину этихъ болѣзней. Причина эта была найдена бактеріологіей. Мы знаемъ теперь возбудителей большинства заразныхъ болѣзней. Это тѣ или иныя бактеріи. Но знаніе бактерій, вызывающихъ заразныя болѣзни, очень мало удовлетворяетъ насъ. Передъ нами возникаетъ рядъ новыхъ вопросовъ, отвлекающихъ насъ все дальше и дальше отъ непосредственной причины эпидемическихъ болѣзней. Всегда ли бактеріи губительны для организма, при какихъ именно условіяхъ организмъ погибаетъ отъ нихъ, какимъ путемъ попадаютъ бактеріи въ тѣло человѣка, гдѣ онѣ развиваются внѣ человѣка, что способствуетъ ихъ развитію и т. д., и т. д? Отвѣчая на этотъ рядъ послѣдовательныхъ вопросовъ, мы постепенно и незамѣтно переходимъ изъ области медицины въ область соціологіи. Бактеріи не всегда губительны для человѣка, ибо многіе люди носятъ въ себѣ вредныя бактеріи, оставаясь здоровыми. Погибаютъ отъ бактерій главнымъ образомъ ослабленные, истощенные организмы. Способствуютъ проникновенію бактерій въ человѣка грязь, нечистота, некультурность, скученность жилищъ. Эти же условія вызываютъ усиленное размноженіе бактерій и, слѣдовательно, взрывы эпидемическихъ заболѣваній. Значитъ, корень заразныхъ болѣзней не въ бактеріяхъ, а въ ослабленіи здоровья населенія, а ослабленіе здоровья вызывается дурной и недостаточной пищей, скверными жилищами, черезмѣрнымъ трудомъ. А все это имѣетъ въ корнѣ соціальное положеніе массъ. Вотъ гдѣ, слѣдовательно, лежатъ истинныя причины заразныхъ болѣзней.

Ту же самую цѣпь причинъ мы найдемъ и при изученіи другихъ, не заразныхъ болѣзней. Почти съ каждой болѣзнью—за очень немногими исключеніями—повторяется, по мѣрѣ прогресса медицины, то же самое, что произошло съ инфекціонными болѣзнями. Какъ только мы узнаемъ сущность болѣзни и ея непосредственную причину,—какъ сейчасъ же передъ нами откры-

вается рядъ дальнѣйшихъ причинъ, все болѣе и болѣе выводящихъ насъ изъ сферы медицины. Чтобы не пускаться въ слишкомъ спеціальныя подробности, ограничимся однимъ примѣромъ. Происхожденіе язвы желудка—болѣзни тяжелой и опасной—до сихъ поръ не вполнѣ выяснено. Однако, установлено, что преимущественно эта болѣзнь вызывается двумя условіями—малокровіемъ и согнутымъ положеніемъ туловища (какъ, напр, у швей, у сапожниковъ). Но откуда берется малокровіе? Что заставляетъ человѣка сидѣть всю свою жизнь, не разгибая туловища? Это уже вопросы не медицины, а соціологіи.

Если ученіе объ этіологіи болѣзней ставитъ врача постоянно лицомъ къ лицу съ общественными вопросами, то то же самое дѣлаетъ и другая отрасль медицины—терапія. Терапія изучаетъ средства для устраненія болѣзней. Устраненіе болѣзней возможно двумя путями: можно лечить уже возникшую болѣзнь и можно предупреждать самое возникновеніе болѣзни. Раньше—приблизительно до 60—70 годовъ прошлаго вѣка—центръ тяжести терапіи лежалъ въ леченіи болѣзней, теперь онъ все болѣе и болѣе перемѣщается въ сторону профилактики. И это не только потому, что для насъ вообще выгоднѣе вовсе не болѣть, чѣмъ болѣть и потомъ излечиваться отъ болѣзни,—но еще по цѣлому ряду другихъ существенныхъ причинъ.

Прогрессъ медицинской науки не идетъ равномѣрно. Однѣ отрасли дѣлаютъ крупные успѣхи, въ то время какъ другія топчутся на мѣстѣ или подвигаются еле замѣтно впередъ. Наибольшій прогрессъ достигнутъ въ патологіи, т. е. въ изученіи сущности болѣзней и вызывающихъ ихъ причинъ. Не такъ далеко ушло впередъ ученіе о распознаваніи болѣзней—діагностика. Многія болѣзни, извѣстныя намъ на основаніи вскрытій, мы не умѣемъ распознавать при жизни. Другія распознаются съ трудомъ. Но самая отсталая отрасль медицины это та, которая больше всего интересуетъ больного, т. е. терапія. Многія болѣзни вовсе не поддаются леченію, большинство не излечивается радикально, нѣкоторыя требуютъ очень продолжительнаго леченія, и только очень немногія излечиваются быстро и вѣрно. Какъ бы быстро ни шелъ прогрессъ терапіи, нельзя, однако, ожидать, чтобы мы даже въ далекомъ будущемъ были въ состояніи излечивать скоро и радикально всѣ болѣзни. Нѣкоторыя болѣзни уже въ самомъ началѣ—даже раньше, чѣмъ онѣ дѣлаются доступными распознаванію—причиняютъ неизгладимыя и непоправимыя разстройства. Несомнѣнно, что легче будетъ устранить вовсе многія болѣзни путемъ разумной профилактики, чѣмъ найти противъ нихъ вѣрное средство.

Но даже въ тѣхъ сравнительно немногихъ случаяхъ, гдѣ въ нашемъ распоряженіи имѣются надежныя, такъ называемыя специфическія, средства противъ болѣзней, мы не можемъ успокоиться и

отказаться отъ профилактическихъ мѣропріятій. Что можетъ быть надежнѣе хинина, какъ средства противъ болотной лихорадки? Однако, хининъ не въ состояніи былъ оздоровить ни одну лихорадочную мѣстность. Онъ, конечно, довелъ до minimum'а смертность отъ лихорадки, но заболѣваемость этой болѣзнью осталась вездѣ, гдѣ для этого были подходящія условія. Только тогда, когда найденъ былъ истинный способъ зараженія лихорадочными паразитами (черезъ укусы комаровъ), удалось путемъ ряда предохранительныхъ мѣръ оздоровить многія лихорадочныя мѣстности. Мы имѣемъ специфическое средство противъ сифилиса, но какое благо было бы для человѣчества, если бы удалось найти вѣрныя профилактическія мѣры противъ этой болѣзни! И то же самое можно сказать и про всѣ другія болѣзни, противъ которыхъ мы уже въ настоящее время обладаемъ надежными способами леченія.

Чѣмъ меньше насъ удовлетворяетъ терапія, тѣмъ все больше и больше вниманія удѣляемъ мы профилактикѣ. Ближе всего къ терапіи стоитъ личная профилактика или гигіена. Она вырабатываетъ правила, которыхъ долженъ держаться каждый отдѣльный человѣкъ, чтобы по возможности уменьшить шансы на заболѣваніе той или иной болѣзнью. Но личная профилактика сейчасъ же наталкивается на соціальныя условія. Смѣшно совѣтовать нищему ѣсть доброкачественную пищу илу пить кипяченую воду. Расширяясь и углубляясь, профилактика переходитъ съ отдѣльнаго лица, на группы,—на общину, городъ, государство. Гигіена превращается въ санитарію. Санитарія указываетъ мѣропріятія, при помощи которыхъ общественныя группы могутъ уменьшить заболѣваемость и смертность среди своего населенія. Задачи санитаріи съ каждымъ днемъ становятся все шире и шире. Раньше всѣ санитарныя мѣропріятія сводились только къ надзору за главнѣйшими продуктами питанія и то только въ большихъ городахъ. Теперь сюда относятся вопросы о водоснабженіи, объ удаленіи отбросовъ, о санитарномъ состояніи фабрикъ, заводовъ, жилищъ рабочихъ; фабричная гигіена, школьная гигіена, военная гигіена—все это части санитаріи въ широкомъ смыслѣ слова. Наконецъ, цѣлый рядъ медицинскихъ вопросовъ перерастаетъ уже рамки санитаріи и вплотную примыкаетъ къ различнымъ отраслямъ общественныхъ наукъ—преимущественно къ соціальной политикѣ. Таковы вопросы о дешевыхъ жилищахъ, о страхованіи рабочихъ, о продолжительности рабочаго дня и т. д., и т. д.

Такимъ образомъ мы видимъ, что врачъ—изучаетъ ли онъ причины болѣзней или отыскиваетъ средства для ихъ излеченія и устраненія—одинаково приходитъ къ выводу о неразрывной, органической связи между здоровьемъ населенія и строемъ общественной жизни. Какъ бы низко мы ни оцѣнивали вліяніе идейныхъ факторовъ на поведеніе тѣхъ или иныхъ общественныхъ группъ, мы все-таки не можемъ не видѣть въ особенностяхъ

медицинской науки, открывающихъ передъ врачами широкія соціальныя перспективы,—лишній стимулъ для сближенія врачей съ тѣмъ классомъ, который является носителемъ передовыхъ соціальныхъ стремленій. И слѣдовательно еще разъ мы можемъ сказать: мы не вѣримъ, чтобы врачебное сословіе въ массѣ осталось враждебнымъ пролетаріату и не примкнуло къ его борьбѣ.

Намъ остается резюмировать все вышеизложенное.

Быстро идущая впередъ пролетаризація врачебнаго сословія порождаетъ въ членахъ этого сословія возрастающее недовольство современнымъ общественнымъ устройствомъ Вытѣсненіе прежнихъ свободныхъ и самостоятельныхъ формъ врачебной дѣятельности формами наемнаго труда способствуетъ укрѣпленію солидарности между врачами и проникновенію въ ихъ среду соціалистическихъ взглядовъ и стремленій. Это соціалистическое теченіе во врачебномъ сословіи находитъ себѣ реальную опору въ прогрессирующемъ обобществленіи медицинскаго дѣла,—обобществленіи, неизбѣжномъ и осуществимомъ уже въ рамкахъ буржуазнаго строя. Врачебная наука, уже издревле начертавшая на своемъ знамени: tolle causam, идетъ также навстрѣчу соціализму и усиливаетъ воспріимчивость врачей къ соціалистическимъ ученіямъ. Однимъ словомъ, условія, въ которыхъ живетъ и развивается врачебное сословіе, обѣщаютъ привлечь его на сторону пролетаріата гораздо раньше, чѣмъ будутъ привлечены другіе представители интеллигентныхъ профессій.

Интересы врачебнаго пролетаріата вполнѣ совпадаютъ съ интересами всего пролетаріата. И на аренѣ исторической борьбы врачебное сословіе должно стать рядомъ съ передовыми борцами за будущій строй. Есть всѣ основанія предполагать, что врачи поймутъ свои истинные интересы и займутъ свое надлежащее мѣсто.

Н. Вигдорчикъ.

Осеннія мелодіи.

Твои слова, мой другъ, хорошія слова,
Волнуютъ душу мнѣ и счастьемъ, и печалью—
Такъ чуть колышется осенняя листва,
Когда горячій лучъ, блеснувъ за тусклой далью,
Ей улыбается едва...
И расцвѣтаютъ вновь пугливые цвѣты—
Надежды робкія, весны воспоминанья...
И на холодные поникшіе кресты
Бросаетъ радуга задумчивой мечты
Свое лазурное сіянье...

Г. Галина.

Въ борьбѣ съ жизнью.

Романъ Т. Швабе, пер. съ нѣмецкаго В. Исполатовой.

(Окончаніе).

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

I.

Для другихъ людей есть родина.
Для меня только грусть сердечная,
Только радость и одиночество.
Для другихъ людей есть родина.

Для другихъ есть любимая женщина,
Есть пріютъ и семья,
Есть домъ и покой.
Только вѣтеръ одинъ для меня.

Для другихъ существуетъ счастіе!
Мнѣ же воздухъ наполненъ весь розами,
Путь весь занятъ безумными плясками,
Не найти ужъ дороги обратной мнѣ!

Для другихъ людей есть родина,
Для меня только,—ночью что создано,
На зарѣ оно умерло утренней...
Для другихъ людей есть родина...

Можетъ быть, эта странная незнакомая пѣсня имѣла еще продолженіе... а, можетъ быть, она на этомъ кончалась.

Пѣвшій ее шелъ по большой дорогѣ, и голосъ его былъ ясно слышенъ Эльгѣ до самаго поворота, гдѣ всякій звукъ поглощался разросшимися въ этомъ мѣстѣ кустами ольхи.

Эльга сидѣла на стѣнѣ, окружавшей садъ, и смотрѣла на бѣлую улицу, по которой отъ времени до времени проходилъ человѣкъ или проѣзжала одна изъ тѣхъ крытыхъ парусиной старинныхъ фуръ, которыя, собственно говоря, давно уже почти исчезли.

Въ прежнее время, когда онѣ были обычнымъ экипажемъ, и на этой улицѣ, гдѣ онѣ и теперь еще встрѣчались, какъ

анахронизмъ, ихъ везла всегда пара лошадей, надъ шеями которыхъ сбруя возвышалась подобно остроконечной крышѣ. Рядомъ съ ними шелъ кучеръ въ синей курткѣ, со сгорбленной спиной и мускулистыми ногами.

— Юоо!—кричалъ онъ, и фура, скрипя, съ грохотомъ катилась по дорогѣ и исчезала вдали между черными деревьями лѣсной опушки... или на другой сторонѣ, въ ольховыхъ кустахъ.

Три раза въ день проѣзжала почта, и почтальонъ наигрывалъ на рогѣ старинныя пѣсни о странствованiяхъ и разлукѣ. А долина подхватывала каждый звукъ чистымъ и необычайно милымъ эхо.

Какъ все это было хорошо знакомо Эльгѣ! У подножiя стѣны цвѣли теперь густыя, полныя кисти сирени, но Эльга приходила сюда уже и въ то время, когда весеннее солнце освѣщало еще только первые бутоны фiалокъ.

Запущенный садъ за сѣрою стѣной и долина, поросшая темными деревьями, въ которыхъ замиралъ каждый звукъ,— все это было знакомо Эльгѣ уже съ тѣхъ поръ, какъ мама заболѣла, и онѣ неожиданно должны были покинуть Остзейскую деревеньку.

— Эльга! Эльга!

Эльга соскочила со стѣны и побѣжала къ маленькому домику.

Мама эти дни опять лежала. Несмотря на мягкiй климатъ, она не могла еще оправиться отъ того воспаленiя легкихъ.

— Что тебѣ, мама?

— Эльга, на комодѣ здѣсь все криво. Поставь подсвѣчникъ ближе къ серединѣ. Вотъ такъ. Моя аккуратность этого не выноситъ.

— Тебѣ еще что-нибудь нужно?

— Нѣтъ. Въ данный моментъ нѣтъ. Впрочемъ... останься теперь у меня.

Эльга сѣла возлѣ кровати.

Она думала о томъ, какъ на улицѣ солнце освѣщаетъ каменную стѣну и вызываетъ легкiй ароматъ камней, она думала о тепломъ нѣжномъ запахѣ сирени, который тамъ носится въ воздухѣ.

И она осталась въ комнатѣ больной, чувствуя, какъ въ ней смѣшиваются нелюбовь къ сидѣнiю взаперти и отвращенiе къ тѣмъ мучительнымъ разговорамъ, которые обыкновенно велись въ этой комнатѣ.

Иногда ее охватывало безумное желанiе радости... какой бы то ни было радости... и ненависть ко всему, что отдаляло отъ нея эту радость, такъ что ее даже мучила совѣсть по отношенiю къ мамѣ.

Теперь она сидѣла у маминой постели и смотрѣла въ озаренный солнцемъ манящій садъ.

— Не было сегодня съ почты писемъ?

— Тебѣ нѣтъ, мама.

— Значитъ, тебѣ?

— Да.

Эльга знала, что мама будетъ спрашивать и дальше... тѣмъ не менѣе она заставляла вытягивать изъ себя каждое слово.

Такъ и случилось.—Отъ кого же, Эльга?

— Отъ Олафа.

Цѣлый потокъ обвиненій и жалобъ полился на Эльгу.

Эта злосчастная переписка! Что могла Эльга ждать отъ этого человѣка! Не думаетъ ли она выйти за него замужъ? Это было счастье... тутъ дѣйствительно вмѣшалось Провидѣніе, когда...

Мама какъ-то вдругъ какъ будто бы увѣровала въ Провидѣніе..

Да, дѣйствительно, состояніе маминаго здоровья было тогда причиной разлуки.

Что же можетъ выйти изъ этого?

Онъ еле можетъ заработать на собственное пропитаніе этотъ... этотъ...

Эльга ждала очень злого слова, но раздалось только: этотъ поэтъ!

Это опредѣленіе казалось мамѣ достаточно дурнымъ.

Это не значило, чтобы мама мало уважала Гете, Шиллера, Диккенса и Павла Гейзе... нѣтъ, говоря объ этихъ знаменитыхъ личностяхъ, она произносила слово „поэтъ“ совсѣмъ иначе...

Но когда хочешь указать на чье-нибудь положеніе и его заработныя способности и не находишь другого слова, кромѣ „поэтъ“... да, тогда мама чувствовала себя вправѣ произнести это слово съ извѣстной высоты.

— Мама, не будемъ уже снова говорить объ этомъ Ты вѣдь знаешь, что всякое волненіе вредно для тебя.

— Волненіе? Я нисколько не взволнована! Какъ ты можешь говорить, что я взволнована? Я спрашиваю тебя совершенно просто и спокойно: на что ты надѣешься, собираясь выходить замужъ за этого человѣка?

Эльга въ пятнадцатый или двадцать пятый разъ начала объяснять, что какъ только мамѣ станетъ лучше, она хочетъ поѣхать въ Мюнхенъ, чтобы учиться тамъ живописи.

О, теперь она не боялась! Спокойно, почти механически выражала она это желаніе. Возможность его исполненія отошла теперь уже слишкомъ далеко, не было смысла настаивать на немъ съ прежней страстностью. Она только тихо и

крѣпко держалась за это свое желаніе, готовое при всякомъ удобномъ случаѣ вспыхнуть прежнимъ жгучимъ стремленіемъ.

Нѣтъ... тутъ ужъ для нея ничего не предвидѣлось... ничего..

Тѣмъ не менѣе она продолжала разсказывать.

— Мнѣ хотѣлось бы туда, гдѣ Олафъ, и гдѣ я могла бы учиться. Ты вѣдь давно все знаешь, мама.

— А кто дастъ тебѣ средства жить тамъ?—возразила мама.

Эльга покраснѣла. Она всегда еще краснѣла, когда разговоръ принималъ этотъ оборотъ.

— Олафъ пишетъ мнѣ сегодня, что онъ хлопочетъ о назначеніи его редакторомъ при одномъ извѣстномъ книгоиздательствѣ. Тогда возможно, что мы повѣнчаемся.

— Такъ,—сказала мама. И въ этомъ „такъ" выразилось, что Эльга глубоко и несправедливо обидѣла ее. Эльга, очевидно, стремилась стать независимой отъ нея, отъ мамы.

Эльга не реагировала на это. Она устала, безумно устала. То, что она теперь говорила, были лишь механически произнесенныя слова въ отвѣтъ на сто разъ уже слышанныя возраженія.

Мысли ея шли иными путями. И внезапно одна съ особенной силой овладѣла ею. Отчего я не у него, котораго я люблю? Если бы случилось, какъ въ старинныхъ сказкахъ, гдѣ люди попадаютъ другъ къ другу сквозь огонь и воду!

Зачѣмъ же она сидитъ здѣсь, какъ связанная... а время и жизнь напрасно теряются?..

Она сидѣла возлѣ маминой постели и слушала вѣчно старыя рѣчи.

Бѣшеная гнѣвная жажда быть свободною, имѣть право жить внезапно охватила ее. И символомъ того, къ чему она стремилась, былъ садъ въ своей ликующей, озаренной солнцемъ красотѣ.

Тамъ былъ знойно роскошный, озаренный солнцемъ садъ...

По краямъ дорожекъ отцвѣтали нарциссы. Жасминъ склонялся подъ тяжестью своихъ звѣздъ. Высокими торжествующими дугами разростались по развалившимся камнямъ розы...

Были дни Троицы. По бѣлымъ улицамъ катились телѣги, украшенныя молодыми березками. Подъ молодыми березками парни и дѣвушки весело шутили и поддразнивали другъ друга.

Молодыя березки...

И какъ только показался мѣсяцъ, они запѣли свои пѣсни.

Тяжело и протяжно, какъ вздохъ жизни, звучали эти пѣсни по долинѣ...

Они особенно любили одну пѣсню. Торжественно, съ юношескимъ жаромъ пѣли они ее среди тихаго вѣянія голубого вечера...

— Прекрасна молодость, она не вернется вновь... пѣли они.

За молодыми березками развѣвались ленты . . . . .

За молодыми березками замирала пѣсня...

За молодыми березками...

II.

Эльгѣ не спалось въ эти жаркія удушливыя ночи.

Она тихонько отворила дверь, выходившую изъ ея спальни прямо въ садъ.

Домъ стоялъ на нѣкоторой высотѣ, и садъ террасами спускался къ улицѣ.

Цѣлыя поля цвѣтовъ раскинулись по этимъ обширнымъ площадкамъ. Таинственная роскошь цвѣтущихъ растеній терялась въ темныхъ кустахъ; это пробивающееся цвѣтеніе было подобно молчанію передъ дикимъ, ликующимъ крикомъ восторга...

Эльга шла сквозь ночной сумракъ. Высокіе, прямые голубоватые цвѣты ирисовъ тянулись къ свѣтлому, прозрачному небу. При каждомъ порывѣ вѣтра одинъ цвѣтокъ, шурша, касался другого, какъ ласковая рука дотрагивается до шелестящей роскоши старыхъ шелковыхъ одеждъ.

Кустъ за кустомъ наполнялся и покрывался розами. Это были тѣ розы, которыхъ народный языкъ прозвалъ дѣвичьимъ румянцемъ. Медленно раскрывались ихъ чашечки, словно тысяча устъ для поцѣлуевъ.

Дрожащая и цѣломудренная стояла въ трепетномъ ожиданіи аквилегія.

А тамъ, на самой широкой террассѣ, гдѣ разстилался травяной коверъ, стоялъ кустъ. Отъ его красноватыхъ круглыхъ листьевъ шелъ рѣзкій, почти зловѣщій запахъ, а вѣтки его какими-то особыми прихотливыми завитками тянулись надъ самой землей. Онѣ спускались въ траву, въ цвѣтущую траву, спѣлую и высокую, какъ колосья.

Никто не приходилъ косить ее, хотя она стояла высокая и спѣлая, какъ колосья...

Мѣсяцъ, рѣдкостно бѣлый, какъ бываетъ только глубокой ночью, тихо плылъ надъ дикой тайною сада.

Эльга шла по поросшимъ мхомъ дорожкамъ, гдѣ надъ нею, какъ руки, протягивались вѣтви кустовъ.

Она вышла изъ нихъ на поляну, озаренную свѣтомъ ночи.

Она вошла въ колышащуюся траву и бросилась въ нее среди упоенія наполнявшихъ ее цвѣтовъ.

Ей хотѣлось ощущать землю и все, что въ дикой, ликующей прелести поднялось изъ ея нѣдръ...

Что-то странное и чудное вызывалъ въ ней лѣтней ночью садъ..

Тоска покоится на груди моей...
Я вижу ее сквозь сумракъ ночи,
Ея поцѣлуи меня пробудили...
Тоска покоится на груди моей.
Я плачу у ея устъ.
Ея кожа подобно нарциссу.
Ея дыханье ароматно, какъ вѣтеръ южныхъ странъ,
Бѣгущій по цвѣтущей травѣ,
Ея кожа подобна нарциссу...
Мои уста горятъ у ея устъ...
Тоска покоится на груди моей.
Я чувствую ея трепещущее тѣло,
Алое стремленіе волнуетъ кровь мою.
Тоска покоится на груди моей...
Я умираю у ея устъ.

III.

Пишу тебѣ ночью... Ночь совсѣмъ бѣлая, такъ что я почти могла бы обойтись безъ стоящей возлѣ меня свѣчи.

Хочу писать тебѣ и въ тоже время не нахожу сказать тебѣ ничего иного, какъ только, что я тоскую о тебѣ. Я такъ безпомощна, мой возлюбленный, такъ чужда самой себѣ. Мнѣ кажется иногда, что эта вѣчная тоска сдѣлала меня совсѣмъ маленькой и слабой, какъ ребенка, и если бы я очутилась у тебя, то кромѣ слезъ я уже не могла бы дать ничего.

Я все снова и снова стараюсь работать, но какъ-то не выходитъ. Я все должна думать о тебѣ, а это дѣлаетъ меня безпокойной и неспособной на все остальное.

И что мнѣ за польза отъ того, что я для себя немного рисую и пишу красками? Врядъ ли я иду впередъ, такъ какъ нѣтъ никого, кто могъ бы сказать мнѣ, хороши ли мои опыты, или мнѣ, судя по нимъ, нечего ждать.

Такимъ образомъ дни мои пусты и утомительны... и я живу лишь въ ожиданіи той минуты, которая принесетъ мнѣ письмо отъ тебя... и я люблю сонъ, такъ какъ мнѣ иногда снится о тебѣ.

Моя, собственная моя Сердечная Грусть! Ты грустна, а я мучаюсь, изобрѣтая различные, но все неудачные способы, чтобы мы могли быть вмѣстѣ. И опять я долженъ сказать тебѣ: я еще ничего не нашелъ. Самъ я кое-какъ пробиваюсь... на тебѣ-же не хватитъ, такъ какъ я не хочу, чтобы ты у меня голодала.

Но иногда я не въ силахъ больше переносить это.

Тогда я думаю: это должно совершиться теперь... теперь. Что мнѣ мысль о будущихъ часахъ? Я хочу тебя теперь, такъ какъ теперь я тоскую по тебѣ такъ сильно, какъ было бы сильно соединенное въ одно мгновеніе стремленіе цѣлой жизни.

Оба глаза свои отдалъ бы я за мѣшокъ золота, если бы чортъ еще заключалъ теперь подобные договоры.

Но чорта больше нѣтъ... а, можетъ быть, въ послѣднюю минуту я все-таки и пожалѣлъ бы о своихъ глазахъ, такъ какъ они тогда никогда больше не увидѣли бы красоту Сердечной Грусти.

Итакъ, я долженъ ждать... и грустить за себя и за свою любимую.

Бѣдный другъ! Ты не долженъ грустить за двоихъ. Нѣтъ, это уже слишкомъ много.

Разскажу тебѣ что-нибудь веселое.

Вчера я снова сидѣла у дороги и рисовала, а за моей спиной проходили люди, такъ какъ это было воскресенье,— въ этотъ день послѣ обѣда всѣ обитатели сосѣдняго города стекаются въ нашу тихую долину.

Какая-то дама въ мантильѣ и господинъ въ коричневомъ клѣтчатомъ костюмѣ, напоминавшемъ вафли, остановились около меня.—Барышня срисовываетъ наши мѣста,—сказалъ господинъ тономъ знатока.

— Это небо,—поспѣшно добавила женщина. Мужъ:—А это позади ель.

На мгновеніе они были очень довольны, что могли сказать мнѣ, что я срисовывала. Но вскорѣ они начали критиковать.—Ель должна быть болѣе зеленой!—замѣтила женщина. Но мужчина началъ оспаривать это мнѣніе.—Вовсе дерево не должно быть зеленѣе, это же башня, которая тамъ, за барышней!

Тутъ ужъ женщина пришла въ полный восторгъ.—О, барышня можетъ срисовывать, что находится сзади нея!— воскликнула она съ благоговѣніемъ.

Я же, бѣдная, погубила себя въ глазахъ моихъ критиковъ, сказавъ имъ, что я рисую обыкновенный кленъ, который даже стоитъ не сзади меня. И такъ какъ нарисовать то, что имѣешь передъ глазами, вовсе не фокусъ, то господинъ въ одеждѣ вафлями и дама въ мантильѣ начали презирать меня и, запахнувшись поплотнѣе, пошли дальше.

Нѣтъ, Сердечная Грусть, нѣтъ! Не пиши мнѣ больше писемъ о мантильяхъ и костюмахъ вафлями! Это ужасно, когда ты разсказываешь объ этомъ, и я не хочу этого выносить.

Мнѣ хочется знать только о тебѣ... объ одной тебѣ. Нѣтъ человѣка ненасытнѣе, чѣмъ тотъ, кто любитъ: ему все хочется того, кого онъ любитъ, онъ никогда не удовлетворенъ. Онъ готовъ цѣликомъ поглотить того, кого любитъ... поглотить его всѣми пятью чувствами.

Ты же не говоришь мнѣ, что у тебя алыя губы, а самъ я ихъ видѣть не могу.

Ни одного добраго слова не скажешь ты мнѣ твоимъ голосомъ, любимымъ мною голосомъ, котораго я не могу услышать. Ты не знаешь, что я умираю отъ жажды ощущать ароматъ твоей юности, чувствовать въ своихъ рукахъ твои волосы и пить любовь твою.

О, нѣтъ. Всего этого ты не знаешь. Ты разсказываешь мнѣ о мантильяхъ и вафельныхъ костюмахъ... а я только твой бѣдный возлюбленный...

Случилось нѣчто! Случилось нѣчто, мой возлюбленный, ты сейчасъ узнаешь о моемъ счастьи!

Мнѣ можно будетъ учиться... учиться по-настоящему! Извѣстно ли тебѣ имя Детлевъ Ледебуръ? Онъ живетъ здѣсь, и мнѣ можно будетъ учиться у него. Я не знала, что онъ живетъ здѣсь, а теперь все хорошо.

Онъ видѣлъ меня рисующей. Я должна была показать ему все, и я принесла все... старые и новые эскизы, маленькихъ сказочныхъ животныхъ, которыя тебѣ такъ нравились и надъ которыми ты смѣялся. Онъ видѣлъ все, и я ему разсказала о моихъ желаніяхъ... и какъ все было... и что у меня нѣтъ никого, кто могъ бы дальше помогать мнѣ.

Ахъ, это, конечно, было ужасно навязчиво... но я не думала ни о чемъ подобномъ. Я только говорила, все говорила... и я была такъ счастлива, когда онъ сказалъ, что хочетъ помочь мнѣ.

Я была готова цѣловать его руки, эти грубыя, короткія, очень некрасивыя руки. Руки каменщика или кого-нибудь такого. Одна голова хорошо сложена.

Но имѣй онъ лицо Силена или Гарпагона, мнѣ было бы все равно,—онъ тотъ, который будетъ помогать мнѣ.

Подумай только! учиться! я буду теперь учиться!

Я не могу писать, потому что все время плачу...

Онъ живетъ въ домѣ у горы одинъ со своею женой. И я никогда не знала объ этомъ!

Я счастлива, мой возлюбленный... счастлива, какъ не была ни въ одинъ изъ часовъ, проведенныхъ безъ тебя.

Завтра я пойду къ нему.

IV.

Эльга была удивлена, какъ мало мама размышляла, прежде чѣмъ согласиться на это ея намѣреніе. Но она не долго думала объ этомъ. Она находилась весь день въ томъ счастливомъ волненіи, когда руки трясутся, и сердце бьется такъ, что слышишь шумъ собственной крови...

Послѣ обѣда она отправилась въ домъ у горы.

У воротъ ограды она увидѣла женщину въ бѣломъ платьѣ. Она стояла тамъ, высокая и стройная, какъ тонкая колонна; Эльгѣ невольно пришло въ голову сравненіе: она бѣлое пламя.

И когда она подошла къ ней еще ближе, то подумала: нѣтъ слова, болѣе для нея подходящаго. Во всемъ ея обликѣ повторялась та же свѣтлая пылающая красота.

— Какъ она хороша,—подумала пораженная Эльга —О, какъ она хороша!

Та, которая была подобна бѣлому пламени, протянула Эльгѣ руку и сказала: — Я уже знаю, кто вы... онъ разсказывалъ мнѣ о васъ и говорилъ, что вы очень торопитесь сдѣлаться великимъ художникомъ.

Она говорила, улыбаясь, и улыбка ея была красива и увлекательна.

Эльга не могла оторвать отъ нея глазъ.

Женщина взяла Эльгу за руку... и Эльга благоговѣйно дала ее, такъ благоговѣйно, какъ маленькія дѣвочки въ сказкахъ, когда ихъ ведетъ ангелъ.

Женщина, которая была подобна бѣлому пламени, повела голодное дитя въ свой красивый, богатый домъ.

Тамъ былъ Детлевъ Ледебуръ.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ.

I.

Гдѣ ты, любимая моя Сердечная Грусть? Твои письма доходятъ до меня, но ты въ нихъ не та, что прежде.

Сердечная Грусть. Мнѣ кажется, что я ревную тебя къ твоей работѣ. Это ужасно, но мнѣ кажется, что это дѣйствительно такъ.

Уже годъ, какъ ты учишься у чужого мужчины, уже годъ, какъ я утратилъ часть тебя... Мнѣ же хочется имѣть тебя всю. Мнѣ хочется имѣть тебя только для себя одного... какъ собственность, какъ листъ, который я срываю съ дерева и который я могу сжать въ своей рукѣ... могу растереть и уничтожить.

Но это вовсе не то, чего я хочу...

Нѣтъ, слушай: нѣжно хочу я дотронуться до этого листка и бережно положить его на свое сердце. Онъ долженъ будетъ только лежать тамъ... лежать сохранно... всю тяжелую ночь, весь слѣдующій солнечный день и всю долгую, долгую вѣчность...

Вотъ какъ я хотѣлъ бы, чтобы это было.

Но ты предпочитаешь работать.

Какое бы счастье ты мнѣ ни давала, ничто не даетъ мнѣ права соглашаться или не соглашаться на твои поступки... это я хорошо знаю.

Если ты мнѣ напишешь когда-нибудь: теперь я только хочу работать, твоя любовь и ты, вы не нужны мнѣ больше, то и тогда я буду лишь вправѣ благодарить тебя, благодарить за каждый часъ твоей любви.

Но если бы это такъ случилось, моя Сердечная Грусть, если бы ты ушла отъ меня... то въ одинъ прекрасный день я все-таки пришелъ бы и сдѣлалъ то, на что я не имѣю права! Я взялъ бы тебя на руки и унесъ тебя! Я унесъ бы тебя далеко отъ твоей работы и отъ всего того, что отнимаетъ отъ меня твою любовь... я понесъ бы тебя черезъ родные лѣса до золотисто-желтаго поля, поросшаго дрокомъ, и въ золотисто-желтомъ полѣ я снова добылъ бы себѣ твою любовь, которую ты отняла у меня для работы или чего-либо другого!

Слышишь? Я это сдѣлаю...

Сердечно любимый, моя любовь принадлежитъ тебѣ, но съ моей работой ты долженъ примириться. Я такъ мало знаю, вотъ почему мнѣ и приходится такъ отдаваться ей. Въ любви я понимаю больше... и потому... я не меньше отдаюсь и ей.

Погоди немножко, и я приду къ тебѣ на твое золотисто-желтое поле!

И тогда я останусь на твоемъ сердцѣ... на весь солнечный день, на всю тяжелую ночь, и на всю долгую, долгую вѣчность.

Эльга запечатала и послала письмо.

Затѣмъ она пошла къ Детлеву Ледебуръ.

II.

— Ты все можешь, Арнакъ, ты умѣешь все...—говорила Эльга той, которая была подобна бѣлому пламени.—Вотъ арфа, на которой ты играешь твои собственныя пѣсни; ты

выражаешь самое себя и въ живописи. Но лучше всего твои стихотворенія.—Какъ это возможно, чтобы одинъ человѣкъ все понималъ и все зналъ?

Арнакъ улыбнулась усталой и жаждущей улыбкой, улыбкой, полной глубокой прелести тайныхъ страданій.

— Ты сама говорила, что я знаю и то, и другое... зато ничего вполнѣ. Но кто желаетъ только одного, тотъ можетъ создать нѣчто чудесное, такъ какъ весь отдается этому. Это дѣлаешь ты, маленькая Эльга. Въ тебѣ есть еще молодость, отдающая себя въ жертву единому великому. Молодость, сама вскрывающая свои кровеносные сосуды и добровольно истекающая кровью.

Позже все совершается такъ удивительно иначе.

Когда-то было такъ, что я хотѣла умереть... но внезапно для меня не осталось на свѣтѣ ничего цѣннаго, кромѣ творчества.

Невысказанныя, неоформленныя мысли еще наполняли меня тогда. Онѣ были тяжелы и заманчивы, какъ судьба, требующая быть пережитой. Все это хотѣло вылиться въ художественное твореніе. Ради этого я и должна была жить...

Тогда я была еще молода, какъ ты...

Позже все совершается такъ удивительно иначе.

— Развѣ ты не думаешь, Арнакъ, что мы можемъ остаться молодыми? Развѣ ты не думаешь... что наша душа... можетъ остаться молодой? — со страхомъ спросила Эльга.

— Что наша душа можетъ остаться молодой?..

— Да, Арнакъ... такъ, чтобы она не переставала бы... какъ ты это сказала?.. не переставала бы жертвовать собою ради единаго величайшаго?

— Вскрывать свои жилы, Эльга, и добровольно истекать кровью!

— И это, Арнакъ, если это окажется необходимымъ, — спокойно и тихо сказала Эльга.

Та, которая была подобна бѣлому пламени, низко наклонилась къ Эльгѣ.

— Я скажу тебѣ нѣчто, маленькая Эльга... не то прекращается... мы не перестаемъ истекать кровью ради единаго... Но это единое уже не есть лежащая внѣ насъ холодная, высокая цѣль... Это единое, то, что съ силою влечетъ къ себѣ всѣ наши творческія силы... то, въ чемъ мы надѣемся найти послѣднее завершеніе...

Она замолчала. А Эльга смотрѣла на нее, смотрѣла на ея бѣлую свѣтящуюся красоту, подобную вспыхнувшему пламени.

Внезапно Эльга поняла это „единое“.

— Ты говоришь о любви, Арнакъ...

— Я говорю о любви.

— Развѣ ты хочешь сказать, что рядомъ съ нею всякая другая цѣль теряетъ цѣну?

— Больше этого! Въ одинъ прекрасный день мы понимаемъ, что, кромѣ любви, нѣтъ ничего другого, что могло бы дать намъ когда-нибудь ощущеніе полноты и законченности нашей судьбы... И когда переиспытаешь всѣ горести, которыя она съ собою приноситъ, тогда не находишь для любви иного имени, какъ только: „счастье!“ Ты узнаешь вдругъ, что нѣтъ ничего, кромѣ любви. Въ одной только любви заключается вся глубина жизни.

Она была красива, торжествующе красива, какъ пылающее пламя.

— Все остальное потонетъ, лишь только мы познаемъ любовь. Что тебѣ тогда вѣчность? Вся вѣчность заключается въ одномъ днѣ или часѣ...

Что тебѣ до того, кто тотъ, кого ты любишь...

Ты увлекаешь его въ свое опьянѣніе, и онъ слѣдуетъ за тобою, какъ опьяненный богъ. Сначала ты думаешь, что любишь человѣка, но вдругъ узнаешь, что любишь лишь опьянѣніе.

Ты обнаруживаешь это, какъ ядъ... или откровеніе: все остальное въ жизни—лишь картина или завѣса... или обманъ... въ жизни есть только опьянѣніе.

До тѣхъ поръ ты собирала, чтобы стать богатой, но въ тотъ день, когда ты узнаешь жизнь, ты окончена, и всякая цѣль уходитъ отъ тебя.

Ибо это будетъ днемъ твоей жатвы.

— Арнакъ, Арнакъ... Зачѣмъ ты называешь любовь лишь опьянѣніемъ? — почти беззвучно спросила Эльга.

Арнакъ взглянула на нее красивыми злыми глазами и сказала:

— Другой любви нѣтъ.

Еще ни разу она такъ не походила на бѣлое пылающее пламя.

III.

Милый Михаилъ!

Въ прошломъ году я убѣдительно просила Васъ не пріѣзжать, ибо Эльга находилась еще подъ сильнымъ вліяніемъ этого демоническаго человѣка, такъ что я даже сомнѣвалась въ томъ, одержитъ ли надъ этимъ верхъ ея настоящая склонность, любовь къ Вамъ, Михаилъ.

Теперь, милый Михаилъ, я Васъ болѣе не удерживаю. Наоборотъ, я думаю даже, что настало Ваше время. То, на

что я надѣялась и о чемъ я Вамъ тогда писала, случилось: съ чувствомъ большого облегченія я замѣтила, что этотъ Олафъ Нильсенъ отошелъ у Эльги на заднiй планъ, и „работа“, какъ она называетъ рисованіе, занимаетъ теперь первое мѣсто.

Вы вѣдь знаете, милый Михаилъ, что Ваше сердечное желаніе есть одновременно и мое. Я горячо желаю, чтобы Ваша вѣрность моей дочери нашла себѣ наконецъ должное вознагражденіе.

Вашъ пріѣздъ будетъ мнѣ пріятенъ во всякое время.

Съ теплой симпатіей остаюсь

Ваша Элина Оллендорфъ, урожд. Лызлова.

IV.

Передъ Эльгой стоялъ человѣкъ, сильно обросшій бородой...

Боже... это Михаилъ Вронскій?

Да. Но отчего у этого человѣка такая ужасно густая борода, висящая, какъ страшная маска, вокругъ дѣтско-наивныхъ розовыхъ щекъ?

Эльга... Эльга... ты когда-то... любила этого человѣка!

Всѣ сидѣли вмѣстѣ и разговаривали. Михаилъ сдѣлался внезапно знатокомъ литературы. Онъ обожалъ Ибсена, Гауптмана, даже Гофмансталя.

Нѣтъ, онъ теперь вовсе не тотъ, который такъ отрицательно отзывался когда-то о Геддѣ Габлеръ! Сохрани, Боже! Человѣкъ, который сидѣлъ тутъ передъ Эльгой, былъ настроенъ очень прогрессивно. Онъ даже старался восторгаться характеромъ Электры и усиленно прислушивался къ тому, что говорила Эльга, чтобы услышать, что скажетъ она при видѣ совершившейся въ немъ перемѣны къ лучшему.

— И этого я любила... этого я любила!—думала Эльга.— Что бы сдѣлать, чтобы этотъ человѣкъ снова уѣхалъ?

Но онъ остался.

Онъ каждый день отправлялся вверхъ по бѣлой улицѣ изъ маленькой гостиницы, въ которой поселился.

Онъ приходилъ каждое утро съ неподражаемымъ букетомъ розъ въ рукахъ, садился противъ мамы и Эльги, шелъ слѣдомъ за Эльгой, лишь только она намѣревалась потихоньку уйти отъ нихъ, и говорилъ о долгѣ, о добродѣтели, разумѣ и литературѣ.

— Какъ бы мнѣ покончить со всѣмъ этимъ? — думала Эльга. Она поняла, что онъ не уѣдетъ до тѣхъ поръ, пока она не дастъ ему высказаться. Онъ дѣлалъ видъ, что не слышитъ намековъ.

Тогда она рѣшилась пойти гулять съ нимъ.

По дорогѣ онъ заговорилъ о живописи и коснулся ея работъ.

— Вы очень любите это искусство, Эльга?

— Какъ жизнь, — отвѣтила Эльга.

— Я не сталъ бы запрещать своей невѣстѣ заниматься искусствомъ, я прекрасно знаю, что большинство мужчинъ думаетъ иначе... но я не филистеръ.

Эльга слушала его съ удивленіемъ.

— Развѣ у васъ есть невѣста, которой вы можете запрещать что-либо? — спросила она.

— Эльга! не шутите же со мною такъ жестоко!

Онъ посмотрѣлъ на нее глазами, въ которыхъ выражались вѣрность и страданіе. Ей стало жаль его.—Да вѣдь онъ, несомнѣнно, просто ужасно глупъ!—подумала она.

Это рѣшеніе удовлетворило и въ то же время удивило ее. Какъ это она раньше этого не сообразила?

— Что же вы собственно хотите отъ меня, Михаилъ? — совсѣмъ мягко спросила она.

— Что я хочу отъ васъ? Ахъ, Эльга, вы вѣдь сами знаете, что я отъ васъ хочу! Вы стали такой красивой... я люблю васъ еще гораздо больше прежняго... Хотя мнѣ и тогда было очень тяжело сдерживать себя. Да, вы можете вѣрить мнѣ, было такъ.

Эльга смотрѣла впередъ передъ собою.

Взоръ ея былъ мысленно устремленъ въ прошлое... въ то время, когда она такъ жаждала его любви..

И вотъ онъ идетъ рядомъ съ нею и не знаетъ, что его время уже такъ давно прошло... Можетъ быть, онъ и не зналъ, что когда-то была его пора...

Бѣдный мальчикъ!

Какъ туманно далеко все это...

У нея было теперь искусство, и она любила Олафа...

У нея было искусство, къ которому проложилъ ей дорогу Детлевъ Ледебуръ...

Она даже забыла отвѣтить Михаилу.

— Эльга, скажите же... вѣдь я имѣю теперь право говорить... Развѣ вы ие хотите вознаградить мою вѣрность? Развѣ мнѣ не принадлежитъ, какъ прежде, ваша любовь?

— Нѣтъ, Михаилъ,—совсѣмъ тихо отвѣтила она и смолкла.

Они сидѣли рядомъ во мху, а серебристо-зеленыя ползучія вѣтки растенія плаунъ странными фигурами тянулись по землѣ.

Она смотрѣла внизъ на густые черные волосы Михаила...

Если бы украсить его голову этими ползучими вѣтками,

то онъ имѣлъ бы видъ молодого императора... сильный, красивый, съ безсодержательно-достойнымъ видомъ.

Онъ мужественно боролся со слезами.

Ей было жаль его. Она видѣла, какъ дрожали его алыя гордыя губы, эти губы, отъ которыхъ ей когда-то такъ хотѣлось поцѣлуя...

Невѣроятно легкомысленное соображеніе пришло ей въ голову: а что, если бы она сдѣлала это теперь?..

Она этого не сдѣлала. Какъ же она могла сдѣлать это?

— Михаилъ, мнѣ хотѣлось бы, чтобы вы этимъ больше не огорчались.—Вамъ отъ меня было бы мало радости... мы слишкомъ чужды другъ другу. И даже если бы этого не было, то осталось бы другое: я люблю другого человѣка. Я люблю его такъ, что не могла бы допустить по отношенію къ нему ни самой малѣйшей измѣны. Я люблю его больше всего... больше всего на свѣтѣ... больше... не знаю, что и сказать... Я люблю его, какъ свое дѣло... люблю его, какъ то, чего я надѣюсь достичь.

Онъ удивленно поднялъ глаза. — Эльга! Женщина, которая говоритъ о своей работѣ, какъ о любви, та любитъ еще не вполнѣ...

То удивительное, что ему сейчасъ пришлось услышать, совсѣмъ отвлекло его отъ собственнаго переживанія...

— Ну, тогда я люблю его больше своей женской чести! — воскликнула она горячо...

Ея поведеніе произвело на него очень скверное впечатлѣніе.

— Тогда, конечно, — холодно сказалъ онъ.

Да, очень скверное впечатлѣніе произвело на него ея поведеніе.

На другой день онъ уѣхалъ.

V.

Возлюбленный мой, знаешь, когда я пишу это слово, то мнѣ всегда кажется, что я стою рядомъ съ тобою въ красномъ лѣсу. Это слово — твое, оно принадлежитъ тебѣ, какъ твое имя. Послушай самъ, какъ оно своимъ звукомъ напоминаетъ тебя: возлюбленный . . . .

Ну, разскажу тебѣ, что мама все еще страдаетъ отъ того, что ея надежды не исполнились... и, насколько я понимаю, это заставляетъ ее причинять страданія и мнѣ. За Михаила я очень рада, что онъ увезъ съ собою такое разочарованіе во мнѣ. То, что онъ можетъ смотрѣть на меня, причинившую ему горе, съ такой высоты, поможетъ ему пережить это горе. Онъ будетъ повторять про себя: она не достойна

ни одной тоскующей по ней мысли,—и это удержитъ его отъ тоски ко мнѣ... Какое великолѣпное предохранительное средство противъ всѣхъ страданій въ жизни эта мораль!

Мое предохранительное средство—работа! Тѣмъ не менѣе я ее недавно чуть было не потеряла!

Между художникомъ и мною разыгралось происшествіе, начавшееся весьма комично, но окончившееся самымъ сердечнымъ образомъ; въ промежуткѣ же я должна была обходиться безъ его помощи. Теперь я снова пріобрѣла его и работу, и я снова чувствую, какъ она отдаляетъ отъ меня все могущее произойти дурное. Отдаляетъ такъ, какъ необходимо для господства въ какомъ бы то ни было смыслѣ.

О, милый, какъ хорошо имѣть наконецъ возможность работать по-настоящему! Какую дѣтски-трепетную радость испытываешь каждый разъ, при каждомъ новопріобрѣтенномъ шагѣ знанія.

Ты все это уже знаешь, любимый, знаешь это уже гораздо дольше, чѣмъ я.

И въ этой хорошей, содержательной жизни твои письма, мой возлюбленный, являются прекрасными снами.

Сердечная Грусть моя возлюбленная, я сердитъ на время, на судьбу и на все, что держитъ меня вдали отъ тебя.

Я, конечно, понимаю, какимъ хорошимъ убѣжищемъ отъ окружающей жизни можетъ тебѣ служить работа... я менѣе всѣхъ желалъ бы отнять ее отъ тебя. Но иногда на меня находитъ страхъ, странно давящій меня, страхъ, что это убѣжище можетъ обойтись тебѣ слишкомъ дорого, и я желалъ бы быть у тебя, чтобы своей любовью удержать тебя! Вмѣсто того, все окружающее тебя таково, что гонитъ тебя туда все болѣе и болѣе. Ты знаешь, какъ много я пожертвовалъ для того, чтобы имѣть возможность жить для своей цѣли, и я говорю тебѣ: не потеряй самое себя, смѣшивая понятія: творчество и жизнь!

Не забывай, о, не забывай, что тотъ, кто только даетъ, безъ конца даетъ и не думаетъ о томъ, что много дающій долженъ также и собирать жизнь ради собственнаго обновленія, тотъ самъ себя разрушаетъ.

Не ошибайся: никто не создаетъ себя въ своей работѣ... недаромъ всѣ великіе художники, забывшіе себя ради своихъ твореній, говорили о томъ, что истекаютъ кровью.

Сердечная Грусть, ради тебя и ради себя самого прошу: не допусти мою любовь стать для тебя лишь „прекраснымъ сновидѣніемъ", а жизнью—одну только работу. Пусть наша любовь будетъ жизнью для тебя, какъ она для меня жизнь... для меня во всякій часъ.

Другъ сердца моего, когда я буду у тебя, то ты увидишь, какъ жизненно сильны прекрасныя сновидѣнья. Нѣтъ, какъ могъ ты думать, что я забуду въ работѣ нашу любовь? Наоборотъ, эти двѣ вещи такъ срослись другъ съ другомъ, что тотъ, кто захотѣлъ бы разъединить ихъ, былъ бы принужденъ разбить мое сердце на двѣ части.

Подумай, милый мой, о лежащемъ за мною долгомъ времени напраснаго хотѣнія... Подумай о томъ времени, задолго до нашего знакомства, когда все во мнѣ тоскливо стремилось къ этой работѣ. А это было горячее, но тщетное стремленіе. Подобное, вѣрь мнѣ, невозможно вычеркнуть изъ жизни. И что тебѣ въ томъ, мой другъ и возлюбленный, если бы все это могло перемѣниться во мнѣ! Если бы мнѣ пришлось перемѣниться хотя бы въ одномъ, то я уже не была бы той, которую ты любилъ. А ты зналъ меня раньше, чѣмъ полюбилъ... ты былъ моимъ другомъ, прежде чѣмъ я въ душѣ назвала тебя своимъ возлюбленнымъ. Не забывай этого... и дай мнѣ остаться тою, которой ты далъ свою любовь.

Ты всегда должна остаться той, которой я отдалъ свою любовь. Ибо та, которой я далъ свою любовь, была прекрасная Сердечная Грусть, жившая въ глубокомъ уединеніи краснаго лѣса. Это была дѣвушка съ сильнымъ и горячимъ сердцемъ, избравшая своею судьбою—любовь!

И эта любовь должна остаться моей судьбою, возлюбленный мой.

Но оставь мнѣ только сознаніе моей силы и моихъ успѣховъ. Оставь мнѣ также благодарность тому, кто осуществилъ хотѣніе, — ты не любишь, когда я говорю стремленіе, — моего дѣтства и моей юности. Что дала бы я тебѣ ложью? А это была бы ложь, если бы я тебѣ въ угоду сказала, что любовь потушила во мнѣ это хотѣніе или сколько-нибудь уменьшила его.

Боже! Сказать тебѣ развѣ, какъ я тоскую по тебѣ и по твоей любви? Говорить ли тебѣ объ этихъ тяжелыхъ, долгихъ ночахъ поздней осени, когда я лежу и все думаю о тебѣ?..

Мои руки не хотятъ дольше оставаться пустыми, и я не хочу больше цѣловать подушки! Я хочу тебя... а когда дѣлается совсѣмъ темно, то мнѣ кажется, что зовъ моего сердца становится громкимъ и звучитъ во тьмѣ. И я встаю и иду къ окну... и настаетъ утро, иней покрываетъ окрестности... а горы красныя... красныя!.. Такъ же, какъ лѣсъ, гдѣ мы любили другъ друга!

Такъ думаю я о тебѣ.

Такъ думаю я о тебѣ... каждую ночь. Будешь ли ты думать теперь, что я отнимаю что-нибудь отъ тебя, если дни мои принадлежатъ работѣ?

Моя чудная, я не хочу думать ни о чемъ, кромѣ того, что ты говорила мнѣ о твоей любви. Ничто не можетъ существовать рядомъ съ этимъ. Я цѣловалъ бы твои руки, если бы онѣ только были у моихъ устъ! Я наполнилъ бы ихъ своей любовью.

Мнѣ не вынести, что моя Сердечная Грусть говоритъ о пустыхъ рукахъ своихъ.

Дѣлай и оставь себѣ все, что хочешь, сердце мое. Все, что ты хочешь,—хорошо.

Я очень надѣюсь, что пройдетъ еще лишь немного времени до тѣхъ поръ, пока намъ можно будетъ быть вмѣстѣ. Мнѣ поручили редакторство маленькаго еженедѣльнаго журнала „Праздничный Залъ", при этомъ у меня еще достаточно времени, чтобы писать мой романъ. Вначалѣ тутъ, конечно, заработаешь немного, но издатель обѣщалъ мнѣ, кромѣ опредѣленнаго, очень небольшого, содержанія, еще часть прибыли; такимъ образомъ это предпріятіе, если только оно пойдетъ хорошо, можетъ дать мнѣ скоро желанное, обезпеченное положеніе (Боже! какимъ денежнымъ человѣкомъ дѣлаешься изъ-за любви!).

Эльга! Эльга! Сердечная Грусть моя! Придешь ты тогда ко мнѣ, совсѣмъ ко мнѣ?

О, тогда я сдѣлаю такъ, что ты забудешь Детлева Ледебура и его уроки... такъ какъ я снова поведу тебя глубоко въ красный волшебный лѣсъ!

Возможно ли это? Неужели настанетъ наконецъ наша жизнь... наша жизнь, мой любимый?

Да, сведи меня въ твой волшебный лѣсъ, я хочу жить внутри его, и я не боюсь его чаръ.

То, что я пріобрѣла съ Детлевомъ Ледебуромъ, я уже потерять не могу. Даже любовь не можетъ отнять этого у меня. Я не хочу и не должна забыть... ни работу, ни того, кто далъ мнѣ ее. Такъ какъ, видишь ли, дорогой другъ, тотъ, кто помогъ мнѣ двинуться впередъ по пути къ моему искусству, тотъ—какъ бы мой второй создатель. Не будь его у меня, я была бы еще лишь половиной своего я, половиной, полной тоски и лишеній, стремящейся къ собственному окончанію. Нѣтъ, я никогда не забуду того, кто научилъ меня творить изъ самой себя и помогъ мнѣ освободиться...

Не забуду, несмотря на то, что я со всей своей любовью принадлежу тебѣ.

Я люблю тебя. А художникъ былъ твоимъ учителемъ. Онъ былъ для тебя хорошимъ учителемъ... но многіе другіе могли бы дать тебѣ то же самое. То, что именно онъ далъ тебѣ, это — только случай. Развѣ ты и впредь будешь ставить этотъ случай наряду съ нашей любовью?

Что Детлевъ Ледебуръ былъ тѣмъ, кто далъ мнѣ необходимое,—это случай, хорошо. Но это не мѣняетъ того, что онъ былъ тѣмъ, отъ кого я брала. Это не мѣняетъ того, что онъ тотъ, кому я должна быть благодарной. А благодарность моя такъ велика, какъ велика для меня цѣна того, что онъ мнѣ далъ.

Эльга, мнѣ необходимо поговорить съ тобою, скажи мнѣ, гдѣ и когда я могу тебя увидѣть.

Днемъ съ тобой встрѣтиться я не могу, а только ночью. И лучше въ сосѣднемъ городѣ, а не здѣсь. Я уѣхала бы вечеромъ, а утромъ вернулась бы, прежде чѣмъ мама успѣетъ замѣтить мое отсутствіе.

Люблю тебя!

VI.

Они стояли другъ противъ друга. Все горе забылось въ это мгновеніе...

Сердцамъ ихъ было легко... дѣтская радость наполняла ихъ.

Слова произносились ими лишь для того, чтобы могъ раздаться ликующій звукъ ихъ голосовъ.

Они знали только, что встрѣтились, чтобы пожить своимъ счастьемъ. Да, легкое чувство счастья совсѣмъ охватило ихъ.

Эльга видѣла все, какъ во снѣ. Не она разглядывала окружавшіе ее предметы... они сами открывались ей, какъ это бываетъ только въ сновидѣніяхъ.

Они находились въ гостиницѣ, называвшейся какимъ-то „дворомъ“, что должно было означать, что она считала себя самой важной въ данной мѣстности.

Навѣрное, на окнахъ висѣли желтыя занавѣски? Кромѣ того, былъ небольшой балконъ съ кустами герани.

Да, на маленькомъ балконѣ дѣйствительно стояли кусты герани! Такъ какъ они оба выходили и срывали съ нихъ цвѣты... кроваво-красные цвѣта и прикалывали ихъ Эльгѣ на грудь.

Потомъ любовь ихъ была окружена запахомъ герани.

И благодаря запаху герани, любовь вызывала въ Эльгѣ трепетныя и чудесныя воспоминанія ея дѣтства.

Все казалось какъ бы внезапно перенесеннымъ въ неизмѣримо болѣе сильную, болѣе тонкую и свободную жизнь, наполненную одною ея любовью. Все остальное было дальше, чѣмъ забыто.

— Люблю тебя!—внезапно смѣло сказала она, какъ будто впервые открывъ это старое слово...

— Ты у меня, моя любимая... Мнѣ кажется, я чувствую вѣчность... такъ великъ и тихъ этотъ остановившійся часъ...

— Я у тебя...—сказала она только, какъ усталое дитя.

Уста ихъ такъ скоро нашли другъ друга, хотя такъ долго были лишены одинъ другого.

Балконная дверь осталась пріоткрытой. Ночь была теплая, и въ комнату вѣялъ нѣжный запахъ дождя.

Вдали на башняхъ пробили часы. Ночь надвигалась.

Съ ихъ поцѣлуями смѣшивался кроваво-красный запахъ герани.

Все было молодо, хорошо и полно любви.

И ночь проходила... и уносила слова ихъ любви...

Иногда они тихо сидѣли, обнявшись, и говорили разумныя вещи.

Олафъ говорилъ о многообѣщающей будущности „Праздничнаго Зала"...

— Еще немного, Сердечная Грусть... еще совсѣмъ немного, и мы будемъ навсегда вмѣстѣ.

Она не отвѣчала и только слегка проводила рукою по его лбу. И тутъ они впервые вспомнили послѣднія письма, благодаря которымъ они сошлись здѣсь.

Онъ вдругъ удержалъ ея руку, которая такъ ласково сгоняла съ его чела мысли, и сказалъ:—Въ чемъ дѣло... скажи мнѣ, что тамъ такое... Любишь ты этого человѣка?

Онъ спрашивалъ со страхомъ, и она слышала по его голосу, что эта мысль уже заставляла его страдать.

Тѣмъ не менѣе она засмѣялась. Засмѣялась звонко и беззаботно.

— Ахъ ты! и ты можешь говорить такія глупости? Я къ тебѣ пришла! Я пришла къ тебѣ „сквозь огонь и воду"... и я люблю другого?!

О... онъ, конечно, сознавалъ, что былъ неразуменъ! Онъ съ удовольствіемъ убѣждался въ этомъ.

— Но я все-таки долженъ иногда удостовѣриться въ томъ, что ты принадлежишь лишь мнѣ одному... мнѣ всегда снова хочется услышать это, моя чудная... иначе я не смѣю больше вѣрить въ это...

О... онъ долженъ былъ вѣрить!..

И онъ вѣрилъ ея улыбкѣ, вѣрилъ ея поцѣлуямъ...

Она чувствовала, что онъ принимаетъ ея любовь, какъ святыню.

И возможность давать и принимать переполняла ее тяжелымъ, сладкимъ блаженствомъ.

Любовь—все... она—день зрѣлости и жатвы всякаго стремленія...

Уста ихъ уже не могли разъединиться.

И кроваво-красный запахъ герани сливался съ ихъ поцѣлуями.

Имъ казалось, что сердца ихъ готовы разбиться отъ любви.

— О... ты... когда ты будешь совсѣмъ принадлежать мнѣ...

— Еще немного времени, милый... еще немного...

— Только немного,—повторялъ онъ за нею.

Она тихонько освободилась изъ его объятій.

На глазахъ ея тяготѣлъ ароматъ любви и ночи.

Онъ взялъ ее вдругъ на руки, высоко поднялъ ее и не зналъ, куда идти съ нею... онъ испытывалъ только желаніе носить ее... носить...

Куда?

Можетъ быть, это была жажда совершенной полноты любви?

Онъ сознавалъ только, что долженъ нести ее. Онъ открылъ балконную дверь... и вынесъ ее въ теплую голубую ночь поздняго лѣта.

Внизу, окутанныя серебристымъ утреннимъ туманомъ, виднѣлись башни крѣпости.

Все въ этомъ туманѣ казалось необычайно легкимъ... легкимъ, нѣжнымъ, несущественнымъ, какъ образы фантазіи.

— Ужъ приближается день,—сказалъ онъ.

— Приближается день,—тихо повторила она и подумала:—Я ли это? Я ли та, что смотритъ теперь на чужія сказочныя башни, я ли та, которая отдала эту ночь глубокому стремленію?..

И насталъ день.

VII.

Олафъ, я не знаю больше, что мнѣ дѣлать! Онъ узналъ объ этомъ, какъ, — не знаю. Онъ узналъ о томъ, что я была у тебя, Олафъ. Онъ называетъ меня невѣрной.

Онъ покидаетъ меня! онъ покидаетъ меня, Олафъ!

Какъ будто Богъ оставилъ меня.

Единственная! Любимая! Что съ тобою? Ты бредишь? Что означаетъ твое письмо?

Твое письмо звучитъ, какъ крикъ ребенка, видящаго страшный сонъ...

Какъ будто я долженъ разбудить тебя.

Эльга, Эльга, немного дней тому назадъ я держалъ тебя въ своихъ объятіяхъ. Что за безуміе заставляетъ тебя раскаиваться въ нашей любви?!

Сдѣлалъ тебѣ что-нибудь этотъ человѣкъ? Если это такъ, то позови меня и я приду тотчасъ же и помогу тебѣ, дорогое дитя моего сердца, мое единственное!

VIII.

Эльга держала въ рукахъ письмо Олафа.

Она читала его... перечитывала... лицо ея оставалось недвижимымъ.

Это письмо... было... отъ единственнаго человѣка, котораго она любила. Именно отъ него, который немного дней тому назадъ держалъ ее въ своихъ объятіяхъ. Отъ того, о которомъ она иначе не могла думать, какъ о соединенномъ съ нею навѣки.

Это письмо было отъ единственнаго человѣка, котораго она любила...

Голова ея упала на столъ. Она ударилась вискомъ объ его уголъ и не почувствовала боли...

Ей было все равно.

Все стало для нея безразличнымъ... на свѣтѣ больше не существовало страданій.

IX.

Она шла по чужому городу, разыскивая его квартиру. Передъ нею тянулись все новыя и новыя улицы, конецъ которыхъ былъ затуманенъ этимъ тихимъ дождемъ.

Наконецъ она очутилась у его двери.

Въ послѣдній моментъ ей вдругъ пришло въ голову, что онъ могъ не быть дома.

Тогда она подождетъ.

У нея много времени ждать... много времени.

Вѣдь длинная отвратительная жизнь лежитъ у нея впереди.

Но онъ былъ дома.

Она постучала въ дверь. Отвѣтилъ его голосъ. Родной, родной голосъ его отвѣтилъ.

Какъ бы тамъ ни было, но она стояла передъ нимъ.

На его лицѣ она прочла только счастье... одно счастье...

— Ты пришла ко мнѣ, Сердечная Грусть?

Эльга подняла руки и пошла къ нему на встрѣчу. Затѣмъ она остановилась по самой серединѣ комнаты.

Онъ же бросился къ ней, схватилъ ее за обѣ руки и притянулъ ее къ своей груди.

— Нѣтъ,—сказала она, но ея голосъ не былъ слышенъ, только губы ея шевельнулись. И она снова повторила это слово такъ, чтобы онъ могъ ее разслышать.

— Нѣтъ!

. . . .

— Что случилось, Эльга?

— Я отдалась чужому человѣку... вотъ это случилось,— сказала она мрачнымъ голосомъ, который онъ прежде зналъ у нея въ минуты нѣжности.

— Что... что ты говоришь? Сердечная Грусть, Сердечная Грусть... зачѣмъ ты клевещешь на себя?

Какая-то смутная, ищущая улыбка проскользнула по его чертамъ.

— Это правда... я сдѣлала это,—сказала она еще разъ.

Онъ отвернулся отъ нея и сдѣлалъ по направленію къ окну два, три... четыре шага.

Въ комнатѣ было полутемно.

Гдѣ-то на стѣнѣ блестѣла бѣлая маска Бетховена.

Слышенъ былъ тихій и медленный стукъ какихъ-то часовъ.

Потомъ онъ вернулся отъ окна и близко подошелъ къ Эльгѣ.

Онъ положилъ ей на плечи свои руки и посадилъ ее рядомъ съ собою на диванъ. Онъ не могъ причинить ей худшей боли, какъ говоря въ эту минуту мягкимъ голосомъ.

— Сердечная Грусть, дитя мое, любимая моя, что ты сдѣлала?—сказалъ онъ мягкимъ голосомъ.—Ты отдала твои уста, твои прекрасныя, принадлежащія мнѣ уста? Ты выбросила то, чѣмъ ты меня удостоила?...

Нѣтъ... молчи... ты этого не сдѣлала! Ты не сдѣлала этого...

Ты называла меня своимъ другомъ... теперь твой другъ... хочетъ понять тебя...

Ты не выбросила себя... не выбросила... ты... такъ любила, что не могла не отдаться?

Голосъ ея зазвучалъ, какъ издалека.

— Я отдалась чужому человѣку... чужому человѣку... я никогда его не любила.

Они сидѣли рядомъ. На улицѣ шелъ дождь.

Дождевыя капли били въ окно...

Онѣ падали все рѣже...

Наконецъ дождь пересталъ, дулъ только ночной вѣтеръ.

На потолкѣ былъ виденъ слабый отблескъ уличныхъ огней.

Въ комнатѣ слышенъ былъ какой-то негромкій звукъ: топилась печь... или трещала мебель.

Затѣмъ снова тихо задребезжали дождевыя капли.

— Ты безъ любви отдалась чужому человѣку,—сказалъ онъ.

Она тихо встала и вышла въ ночь.

Онъ отпустилъ ее...

Онъ отпустилъ ее...

X.

Утренняя роса лежала уже на лугахъ, а на деревьяхъ кое-гдѣ висѣли еще темныя тѣни сумерекъ. Отъ станціи Эльга пошла пѣшкомъ. Почта отправлялась позже, а ей хотѣлось вернуться къ мамѣ какъ можно скорѣе, такъ какъ, когда она уѣзжала, мама чувствовала себя хуже.

Несмотря на это, она не помѣшала Эльгѣ уѣхать.

— Мнѣ надо уѣхать сегодня послѣ обѣда,—сказала Эльга мамѣ.—Завтра рано утромъ, когда ты проснешься, я буду снова у тебя.

Мама разсѣянно смотрѣла передъ собою:—Тебѣ надо уѣхать?—спросила она.

— Да, — сказала Эльга. — Между мною и Олафомъ все кончено.

— Иди, иди, — сказала мама. — Ты все равно всегда дѣлаешь по-своему. Я теперь совсѣмъ лишняя.

. . . .

Эльга шла маленькимъ лѣсомъ.

Острая, ѣдкая свѣжесть ранняго утра еще сохранялась въ немъ.

Внезапно, совсѣмъ вверху, въ бѣлыхъ листьяхъ серебрянаго клена что-то засвѣтилось...

Взошло солнце...

— Все кончено,—подумала Эльга.

Она вышла изъ-за деревьевъ. Невыносимо-свѣтлый лугъ разстилался передъ нею.

— Кончено!—кричало внутри нея.

Это неслось со всѣхъ сторонъ... какъ будто приносимое разрастающимся свѣтомъ...

Все кончено...

. . . .

Мимо нея промчалась почта и человѣкъ въ желтой шляпѣ наигрывалъ пѣснь о товарищѣ: лучшаго тебѣ не найти [1]).

[1]) Ich hat' einen Kameraden, einen bessren findst du nicht.

Какъ же это?

Эльга не шла дальше.

Она сидѣла на краю дороги, опустивъ голову на поднятыя колѣни... Какъ будто окружавшій ее свѣтъ пугалъ ее.

Боже мой... она должна была... она не могла не...

Что такое?

Да, она должна была идти къ мамѣ.

Она только немного забыла дорогу... Такъ какъ случилось нѣчто...

Она пошла дальше.

Вдругъ она остановилась.

Рядъ мыслей ясно и законченно промелькнулъ въ ея головѣ.

— Я переживаю невозможное,—подумала она.—Не можетъ быть, чтобы этотъ ужасный сонъ одного часа... это фанатическое, почти безсознательное подчиненіе мужчинѣ, котораго я не люблю, было моей судьбой!

Моя судьба—это любовь моя къ Олафу... любовь, которую я изо дня въ день носила въ своемъ сердцѣ... изъ которой каждая ласка выростала, какъ цвѣтъ изъ крѣпкаго дерева...

Любовь, которую не въ состояніи выразить никакая ласка... любовь, представляюща я собою невыразимое сродство!..

Какъ же это?

Развѣ всѣ мы глупцы, грубо насмѣхающіеся надъ самой глубокой жизнью... что допускаемъ, чтобы нѣчто второстепенное, краткое рѣшало человѣческую судьбу?

Какъ будто между двумя людьми, любящими другъ друга, нѣтъ чего-то въ тысячу разъ сильнѣйшаго, болѣе властнаго и болѣе прекраснаго?

И зачѣмъ... зачѣмъ только она сама добровольно покорилась лжи этихъ глупцовъ?

. . . .

Герань цвѣла...

Ея цвѣтущій красный ароматъ смѣшивался съ ихъ поцѣлуями...

И росло тоскливое стремленіе къ послѣдней совершенной полнотѣ любви...

Она знала, что съ Олафомъ тотъ часъ былъ бы ея судьбою...

Съ нимъ то послѣднее было бы высшей драгоцѣнностью любви...

Его ребенка, ребенка, несущаго на себѣ наслѣдіе ихъ любви, она приняла бы съ блаженствомъ.

И она сама лишила себя этого часа...

А впереди лежала жизнь.

XI.

Мама проснулась какъ разъ, когда Эльга тихонько отворяла дверь. Она позвала ее.

Эльга нашла, что мама выглядитъ очень блѣдною.

— У тебя болитъ что-нибудь, мама?

— Ахъ, нѣтъ,—вполголоса отвѣтила мама.

— Сдѣлать тебѣ чаю?

— Да.

Эльга сняла съ себя шляпу и пальто, немного почистилась отъ желѣзнодорожной пыли, и затѣмъ сдѣлала, что было нужно мамѣ.

Послѣ этого она хотѣла выйти.

— Останься,—сказала мама.—Поди сюда, сядь ко мнѣ и разскажи.

— Нечего разсказывать, мама... все кончено.

— Развѣ это было необходимо, дитя мое?

— Это было необходимо. Я... я слишкомъ обидѣла его.

— Любовь прощаетъ все.

— Нѣтъ,—сказала Эльга.—Нѣтъ! Все не можетъ простить даже любовь.

— Твое дѣло, Эльга... тебѣ лучше знать. Я тебѣ болѣе не нужна,—это я хорошо знаю!..

Мама не выглядѣла сердитой, какъ это бывало обыкновенно, когда она говорила подобныя слова.

Эльга замѣтила вдругъ, что мама измѣнилась. И это замѣчаніе нагнало на нее неопредѣленный страхъ.

— Тебѣ, правда, не худо, мама?—спросила она озабоченно.

— Только немного крови... эту ночь...—равнодушно сказала мама.

Эльга внезапно пришла въ себя.

Въ эту минуту ей показалось почти роскошью имѣть личную судьбу.

Она прежде всего начала дѣлать все, что могло доставить мамѣ нѣкоторое облегченіе.

XII.

Мамѣ было хуже, чѣмъ когда-либо прежде. Припадокъ былъ совсѣмъ легкій, но послѣ него она уже не могла оправиться.

Эльгѣ приходила иногда на умъ глупая, но мучительная мысль: мама не хотѣла поправиться. Она стала какъ-то удивительно равнодушной къ жизни.

Застѣнчивый человѣкъ небольшого роста, одѣтый въ

бархатный сюртукъ, приходилъ ежедневно и прописывалъ то одно, то другое лекарство.

Эльга какъ-то говорила съ нимъ наединѣ.—Можетъ быть, у васъ есть родственники, барышня?—говорилъ человѣкъ въ бархатномъ сюртукѣ,—или родина, гдѣ вамъ было бы легче, или гдѣ ваша матушка желала бы?...

Эльга поняла.

— Нѣтъ, у насъ нѣтъ родины,—сказала она беззвучно.

XIII.

Эльга сидѣла возлѣ маминой постели. Она нерѣдко проводила на этомъ мѣстѣ всю ночь, такъ какъ сознаніе ея личной судьбы охватывало ее до невозможности лишь тогда, когда она оставалась одна и ложилась спать.

У мамы она всегда могла быть спокойной, для нея было какимъ-то страннымъ облегченіемъ исполнять въ точности всѣ малѣйшія обязанности ухода за больными.

Гораздо важнѣе, чтобы мама получила во-время извѣстное число капель, чѣмъ то, что Эльга внесла смерть въ собственную свою жизнь.

Мама была мягка и спокойна. Она часто обращалась мыслями къ очень отдаленнымъ временамъ.

Она вдругъ начала говорить о томъ, какъ она впервые пріѣхала къ папѣ въ домъ, и какъ Габріэль и Елена были еще почти дѣтьми.

Онѣ были очень послушными, хозяйственными дѣвочками... никогда не противорѣчили. Габріэль такъ хорошо играла на фортепіано... Елена же прилежно вышивала.

Мама вспоминала о нихъ все большее и большее количество симпатичныхъ мелочей.

Она разсказывала все это слабымъ шопотомъ, такъ что Эльга могла понимать ее только по привычкѣ, внимательно вслушиваясь.

Все послѣдующее, все отчужденіе между нею и папиными дочерьми, собственно говоря, ужасно ненормально, говорила мама и тутъ же выразила желаніе:—Эльга, напиши твоимъ сестрамъ, что я хочу еще разъ видѣть ихъ.

Эльга написала этимъ чужимъ людямъ, такъ какъ этого хотѣла мама.

Спустя нѣкоторое время пришелъ отвѣтъ отъ Габріэль.

Милая Эльга!

Судя по содержанію твоего письма, приходится опасаться самаго худшаго; тебѣ, бѣдное дитя, предстоитъ тяжелое время. Я охотно пріѣхала бы, чтобы быть съ тобою, но у меня слишкомъ мягкое сердце; я не въ состояніи

присутствовать при катастрофѣ. Не сердись на меня тоже и за то, что я не пріѣду и послѣ ея наступленія. Я, право, недостаточно сильна для такихъ волненій.

Передай мамѣ нашъ привѣтъ. Мы простили ей все, въ чемъ она согрѣшила по отношенію къ намъ.

Тебѣ же шлетъ привѣтъ.

Вѣрная сестра твоя Габріэль.

Ты знаешь вѣдь, что отъ папы остались еще въ вашемъ хозяйствѣ серебряныя ложки? Пожалуйста, присмотри за тѣмъ, чтобы онѣ не пропали.

Кислосладкая написала:

Милая Эльга!

Мы не родныя дѣти твоей мамѣ, и она въ свое время и относилась къ намъ соотвѣтствующимъ образомъ. Ты же, въ качествѣ маминой родной дочери, обязана не покидать ее не только тогда, когда она можетъ доставлять тебѣ всевозможныя удовольствія, но также теперь, когда жизнь съ нею является тяжелой задачей. Я очень надѣюсь, что ты не такая эгоистка, чтобы отказаться исполнить свою обязанность.

Если бы катастрофа наступила, то я, къ сожалѣнію, не въ состояніи пріѣхать на похороны. Вообще я не имѣю обыкновенія избѣгать въ жизни моихъ обязанностей, но въ послѣднее время я много болѣла и должна сохранить себя для моего мужа.

Въ теченіе лѣта я все же заѣду къ тебѣ за серебряными ложками, которыя остались въ вашемъ хозяйствѣ еще отъ папы и которыя поровну принадлежатъ всѣмъ сестрамъ. Также кровати, которыя сейчасъ у васъ въ употребленіи, принадлежатъ къ тѣмъ вещамъ, которыя остались послѣ папы, и мы съ Габріэль и съ моимъ милымъ мужемъ пришли къ соглашенію, что ихъ надо продать съ аукціона. Вырученныя деньги должны быть раздѣлены всѣмъ намъ поровну.

Шлю тебѣ привѣтъ.

Вѣрная сестра твоя Елена.

— Все еще нѣтъ писемъ отъ сестеръ?—спросила мама.

— Нѣтъ. Все еще нѣтъ.

— Можетъ быть, твои письма не дошли къ сестрамъ, Эльга?

— Да, это возможно.

И мама снова разсказывала, какими послушными и хозяйственными дѣвочками были сестры. У одной была чуд-

ная длинная коса... да, у нея были необычайные волосы. А у другой было такое мягкое сердце.

XIV.

Эльга получила письмо, извѣщавшее ее о томъ, что картина, отправленная ею уже нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ для одной выставки, принята.

Она сидѣла у мамы и разсказывала ей объ этомъ. Несмотря на то, что во время отправки картины мама выказала очень мало интереса и назвала даже эльгино предпріятіе безумнымъ и напраснымъ, теперь она, благодаря успѣху, совсѣмъ преобразилась: это дѣло разгорячило и вдохновило ее.

Эльга должна была напомнить мамѣ всѣ подробности изображеннаго на картинѣ. Она должна была разсказывать объ этомъ все послѣобѣденное время. Мама была очень довольна, и ей казалось, что Эльга мало радуется.

— Ты достигла теперь того, что тебѣ всегда такъ хотѣлось, Эльга! Теперь ты на пути къ славѣ!—сказала она.

Эльга удивленно взглянула на маму.—Вѣдь это не то, чего я хотѣла...

— Ну, значитъ то, что я думала, опять невѣрно,—сказала мама.—Я все снова и снова убѣждаюсь въ томъ, какъ безполезно было все то, что я когда-либо хотѣла для тебя... и какъ я все равно всегда только ошибаюсь, когда хочу тебя понять...

Эльга не могла вынести этого. Она постаралась выказать радость.

— Но ты вѣдь не ошибаешься, мама... я же радуюсь! Конечно, я рада, если дѣйствительно нахожусь на пути къ славѣ. Только... видишь ли... важнѣе всего для меня всегда была самая возможность работать... и научаться понемногу выражать то, что хочется... Мощное стремленіе меня толкало впередъ къ неопредѣленнымъ цѣлямъ... я должна была слѣдовать ему... И теперь уже я это могла.

И она подумала: какой цѣной купила я эту возможность!.. о, если бы ты знала, какую ужасную цѣну я заплатила за это!

И внезапно ей пришло въ голову, что та, которая безпомощно лежитъ передъ нею, что это она своей злосчастной скупостью на то, къ чему, умирая отъ жажды, стремилось ея дитя, она была виною того, что цѣна исполненія подня лась до головокружительной высоты...

Ей хотѣлось крикнуть:—Ты сдѣлала мнѣ это! Ты причинила мнѣ это ужасное! Ты! ты! ты одна заставила меня заблудиться и совершить эту ошибку.

Въ ней не осталось въ это мгновеніе ни слѣда милосердія...

— Мнѣ хотѣлось бы еще разъ сказать тебѣ одну вещь, Эльга!.. Никто во всей твоей жизни не любилъ тебя такъ, какъ я тебя люблю, Эльга...

И Эльга поняла всю злосчастную истину этихъ словъ...

Она вышла изъ комнаты и заплакала.

XV.

Эльга сидѣла возлѣ маминой постели.

Она такъ поставила лампу, что отъ нея доходилъ лишь отдаленный слабый свѣтъ... какъ разъ такой свѣтъ, при которомъ мамѣ пріятно было спать.

На улицѣ была буря. Пустыя виноградныя лозы ударяли иногда въ стекла оконъ. Отъ времени до времени наступала безмолвная тишина. Можетъ быть, падалъ снѣгъ...

Мама спала. Кроткая, тихая лежала она. Что-то изъ тѣхъ давнихъ временъ, когда она еще напѣвала маленькой Эльгѣ пѣсни забытой любви... отраженіе прекрасной мягкой доброты молодости выражалось на ея лицѣ...

Помнишь ли ты, какъ ты меня любилъ?
Давно, давно это было...
Давно это было...

— А потомъ спой пѣсню о твоей бѣлой рукѣ, мама,— просила маленькая Эльга.

И мама пѣла:

Она подала мнѣ бѣлую руку
И сказала: теперь можешь идти.

А маленькая Эльга тихо плакала подъ эту пѣсню, такъ какъ она представляла себѣ всегда, что въ ней говорится о мамѣ, которая когда-нибудь протянетъ ей свою бѣлую руку и скажетъ ей слова этой пѣсни.

Она плакала и въ то же время ощущала какую-то волнующую сладость, чувство, возбуждаемое представленіемъ великихъ и грустныхъ происшествій, задолго еще до того, когда они сдѣлаются переживаніями, и ихъ горечь разобьетъ намъ сердце.

И мама пѣла маленькой Эльгѣ всѣ эти старыя пѣсни. Она пѣла ихъ усталымъ, мягкимъ голосомъ, казавшимся Эльгѣ милѣе всего на свѣтѣ.

Молодая, добрая была она тогда... молодая и добрая.

Какъ Эльга любила это воспоминаніе!

Она посмотрѣла на мамино тихое лицо, съ лежавшимъ на немъ далекимъ, далекимъ отраженіемъ той молодости...

Отчего ты не могла остаться такой... молодой, доброй...

Развѣ существуетъ непоколебимый законъ, по которому жизнь должна убивать въ насъ молодость и доброту?

Она продолжала думать...

Глубже и глубже шли ея мысли...

Какъ удивительно, что она такъ хорошо еще помнитъ всѣ малѣйшія событія изъ самаго ранняго дѣтства. Одинъ звукъ, одно слово безъ труда переносили ихъ изъ прошлаго въ настоящее.

Вотъ она, маленькая Эльга, сидитъ на порогѣ двери, ведущей на балконъ. Она была такъ мала, что могла сидѣть на этомъ незначительномъ порогѣ, какъ на скамейкѣ. Она смотрѣла то на залитой солнцемъ балконъ, гдѣ царилъ красный цвѣтъ герани, то въ голубую комнату, въ которой воздухъ двигался какъ бы тонкими водяными струями.

Въ голубой комнатѣ какъ-то вдругъ показалась мама.

Выходя на солнце, она близко прошла возлѣ Эльги, Эльга почувствовала, какъ рядомъ съ нею прошуршало голубое шелковое платье... выше висѣла мамина рука... а совсѣмъ наверху было мамино лицо, которое удыбалось, когда мама проходила возлѣ маленькой Эльги. Какъ хорошо помнила Эльга эту молодую, добрую улыбку!

Но въ то время, когда мама улыбалась, она не всегда выглядѣла веселою. Иногда она останавливалась у балконныхъ перилъ и, сомкнувъ немного вѣки, неподвижно смотрѣла передъ собою... какъ будто разсматривала что-то вдали.

— Куда ты смотришь, мама?—спрашивала Эльга.

Мама опять замѣчала маленькую Эльгу на порогѣ, улыбалась опять, но совсѣмъ иначе... не такъ красиво и грустно, какъ передъ тѣмъ... и отвѣчала:

— Я смотрѣла только въ поле жаворонковъ [1]).

— Что это такое?

И Эльга представляла себѣ что-то незнакомое, таинственное, что-то, что было такъ чуждо, прекрасно и таинственно, какъ мамина улыбка, въ то время, когда она разсматривала это.

— Мама, а гдѣ это поле жаворонковъ?

— Его нѣтъ на самомъ дѣлѣ. Только такъ говорятъ.

— Но ты же смотрѣла туда?

— Да, маленькая Эльга,—отвѣчала мама, и веселая и привлекательная уходила отъ маленькой Эльги.

Какъ маленькой Эльгѣ хотѣлось увидѣть когда-нибудь тоже это поле жаворонковъ.

Но какъ бы она ни старалась закрывать глаза, они не видѣли поля жаворонковъ.

---

[1]) Ins Lerchenfeld.

Другой разъ какъ-то она была въ саду... Было воскресенье, послѣобѣденный часъ. Солнце свѣтило какъ-то удивительно празднично.

Изъ ресторана въ лѣсу доносились немного заглушенные разстояніемъ веселые, громкіе звуки духовой музыки.

Маленькая Эльга медленно шла между кустами смородины, увѣшанными полными прозрачными красными кистями. Солнце выгоняло изъ нихъ клейкій теплый сокъ, пахнувшій виномъ и немного острый на вкусъ.

Всѣ эти предметы, такъ тихо стоявшіе на солнцѣ и испускавшіе свой крѣпкій ароматъ, утомляли и усыпляли.

Было пріятно и ощущалось утомленіе.

Казалось, что стоило только сѣсть, и можно было пустить корни, какъ смородина, и носить на себѣ красныя ягоды, пахнущія виномъ.

Что это... что это было?

Мама звала... а Эльга, очевидно, заснула.

Мама казалась проснувшейся уже давно.

— Эльга... Поди сюда! Я хочу сказать тебѣ еще кое-что... Послушай, Эльга, когда меня уже не будетъ, у тебя останется Михаилъ. Ты его очень обидѣла... тѣмъ не менѣе онъ всегда готовъ все сдѣлать для тебя. Ты можешь держаться за него... тогда я спокойнѣе могу оставить тебя.

Эльга не могла отвѣчать.

Мама заговорила громче... Эльга видѣла, какъ она начала волноваться. А волненія необходимо было избѣгнуть во что бы то ни стало.

— Развѣ ты меня не слышишь, Эльга?

— Да, мама, да, у меня когда-нибудь останется Михаилъ...

— Обѣщаешь ли ты, что больше не оттолкнешь его отъ себя? Я знаю, что онъ придетъ, когда я...

— Да, мама, да... я его не оттолкну,—лгала Эльга въ отчаяніи.

Съ ужасомъ замѣтила Эльга странную перемѣну въ маминомъ лицѣ.

— Ты... мое доброе дитя,—сказала мама.

Затѣмъ вновь наступило хорошо знакомое хрипѣніе...

Показалось немного крови.

И вдругъ все стихло.

Кровь еле успѣла смочить губы.

Тѣло вытянулось...

— Боже мой... не можетъ же быть?.. Вѣдь рука еще теплая?

. . . .

Тѣмъ не менѣе это была смерть...

XVI.

Дулъ дождевой вѣтеръ... теплый дождевой вѣтеръ носился въ голубой ночи.

Эльга была одна. Она шла по саду, въ которомъ таялъ снѣгъ, и чувствовался ароматъ преждевременной весны. Она была одна.

Не было уже ничего, что могло удерживать ее...

Ночь была голубая, манящая.

Дождевая сырость, какъ добрая рука, касалась ея лба. А сквозь ночь доносились до нея слова.... доносилось дружеское утѣшеніе.

Все проходитъ...

Все успокаивается, утихаетъ, дѣлается добрымъ.

Наступаетъ великое прекращеніе...

Жизнь—это маленькое излишество...

Смерть же приходитъ отнимать...

Только смерть беретъ на себя твои тяготы...

Смерть—твое утѣшеніе.

. . . .

Дулъ дождевой вѣтеръ... теплый дождевой вѣтеръ носился въ голубой ночи.

— Я могла работать,—думала Эльга.—Я шла тѣмъ путемъ, какимъ должна была идти. Я не была лишена мужества и я была готова пожертвовать собою ради единаго великаго.

Но не легокъ былъ этотъ путь.

Болѣе сильный сумѣлъ бы спокойно пройти къ концу своей цѣли...

Я пошла ложными путями...

Я одинока.

Я любила жизнь и находила ее прекрасной и хорошей, такъ какъ мнѣ хотѣлось достичь еще многаго.

Теперь же я знаю, что она не хороша и не прекрасна, что она не что иное, какъ вода, несущая лишь того, кто умѣетъ плавать; или темная башня, дающая видъ лишь тому, кто поднялся по всѣмъ ея ступенямъ и достигъ ея вершины. Земля, вода и лѣсъ въ красивомъ порядкѣ разстилаются тогда передъ его взоромъ.

Я же не умѣла плавать. А когда я хотѣла подняться на башню, я оступилась во мракѣ.

Нѣтъ, жизнь не хороша и не прекрасна.

Хороша и добра, и молода... да молода и готова взять на себя наши тяготы только смерть.

Дулъ дождливый вѣтеръ... теплый дождливый вѣтеръ носился въ голубой ночи.

Удивительно прекрасна и заманчива была ночь.

Прекрасна и заманчива, какъ смерть...

Такъ заманчива была смерть...

А все таки... было что-то, что ее удерживало... что старалось удержать ее въ жизни...

— Что значитъ эта жажда смерти?—думала она.

Развѣ это не усталое, трусливое стремленіе? Ты хочешь, чтобы все прошло... только потому, что ты не хочешь больше испытывать страданія?

Даже тогда, когда ты совершила самую худшую ошибку, ты лучше, нежели сегодня, знала, въ чемъ состоитъ цѣль твоей судьбы!

Ты должна творить... творить! Что значитъ счастье или горе передъ твоимъ твореніемъ?

Твоя ошибка окажется лишь грубой ложью, если ты не оправдаешь ее—творя!..

Но руки ея дрожали...

Въ ея рукахъ дрожало горькое питье... ей не хотѣлось, не хотѣлось пить изъ запятнанной жизненной чаши...

Чаша смерти была чиста...

— Я одинока,—думала она.—Ни у кого нѣтъ больше права на меня... мои руки дрожатъ передъ запятнанной жизненной чашей...

Приди же, юная смерть!..

Что это... что это было?

Эльга ясно... ясно почувствовала этотъ незначительный судорожный толчокъ...

Этотъ незначительный толчекъ... въ которомъ ни одна женщина не ошибется...

Она несла въ себѣ жизнь... жизнь, стремившуюся къ собственной судьбѣ!

Она обѣими руками схватилась за дерево и прижалась головою къ его стволу.

Это дерево было молодая береза...

Она плакала... плакала...

Такъ какъ она прощалась со смертью.

Пусть мнѣ не будетъ утѣшенія, я понесу жизнь, какова бы она ни была. Я хочу творить... и не перестану отдавать себя величайшему... я хочу истечь кровью ради своего творенія...

Руки ея крѣпко держались за молодую березу, и она думала...

Будь вѣчно молода, моя душа!.. Будь вѣчно молода!.. для моей работы... и для моего ребенка...

Политическое значеніе государственнаго кредита

Государственный долгъ — президентъ всѣхъ президентовъ, посолъ всѣхъ пословъ, онъ—монархъ, который держитъ всю Европу въ повиновеніи.

Hamilton.

Среди многочисленныхъ и интересныхъ вопросовъ, которыми такъ богата наука о финансахъ, вопросъ о государственномъ кредитѣ безспорно занимаетъ одно изъ выдающихся мѣстъ. Современное государственное хозяйство мыслимо безъ прямыхъ налоговъ, такъ, напр., въ Россіи прямое обложеніе даетъ незначительную часть государственныхъ доходовъ, мыслимо безъ косвенныхъ налоговъ, въ Англіи косвенное обложеніе, въ общемъ, очень незначительно, но оно совершенно немыслимо безъ государственнаго долга, безъ систематическаго обращенія къ государственному кредиту. Государственный долгъ обременяетъ государства всѣхъ ранговъ, всѣхъ типовъ: міровыя державы, съ ихъ милліардными бюджетами, и скромныя государства, играющія незавидную роль придатковъ къ гирямъ на вѣсахъ политической исторіи: республики и деспотіи; монархіи и народоправства; государства, жители которыхъ обладаютъ несмѣтными богатствами, и государства, гдѣ обитатели влачатъ полуголодное существованіе; государства съ тысячелѣтней исторіей и государства, выкроенныя всего только въ срединѣ XIX вѣка,—всѣ они имѣютъ одинъ общій знаменатель—государственный долгъ. Міровая задолженность государствъ въ 1901 году опредѣлялись въ 31,201,749,274 долл. Съ тѣхъ поръ эта цифра сильно, конечно, возросла: одна Россія съ того времени успѣла занять свыше милліарда долларовъ...

Громадная задолженность современныхъ государствъ запечатлѣна на страницахъ государственныхъ бюджетовъ колоссальными цифрами расходовъ по системѣ государственнаго кредита. Платежи процентовъ—въ среднемъ по четыре %—составляютъ приблизительно для всѣхъ государствъ міра около трехъ милліар-

довъ рублей въ годъ. Россія за послѣднія 25 лѣтъ выплатила процентовъ и погашенія по своимъ займамъ около шести съ половиной милліардовъ рублей (1882—1906 гг.).

Почва, на которой выросла чрезмѣрная государственная задолженность, это тѣ особыя соціально-экономическія и политическія условія, которыя такъ характерны для новѣйшаго періода человѣческой исторіи. Государственный долгъ—родное и законное дѣтище современнаго капиталистическаго хозяйства, въ условіяхъ котораго функціонируетъ государственное хозяйство. Государственный долгъ, какъ и другія категоріи финансоваго хозяйства современныхъ государствъ,—внѣшній показатель внутреннихъ отношеній между общественными классами. Этотъ фактъ настолько очевиденъ, что онъ находитъ себѣ полное признаніе даже у представителя такой школы, которая вообще не склонна подчеркивать значеніе классовой структуры современнаго общества. Лоренцъ фонъ-Штейнъ, анализируя элементъ финансовой исторіи, заявляетъ, между прочимъ, что „весь общественный строй и все общественное движеніе всѣхъ временъ покоится на двухъ началахъ, на двухъ элементахъ, которые съ начала до конца опредѣляютъ характеръ финансовыхъ отношеній. Первымъ изъ этихъ элементовъ во всемъ свѣтѣ является *господство* болѣе сильныхъ общественныхъ классовъ надъ менѣе сильными; это господство основано на системѣ раздѣленія имуществъ и находитъ свое выраженіе въ принципѣ неравенства классовъ; это неравенство охраняется и развивается въ жизни и правѣ государства“ (*L. v. Stein.* Lehrbuch der Finanzwissenschaft. I. Th., 5 Aufl. Leipzig. 1885. Стр. 104).

Основныя черты современныхъ государственныхъ финансовыхъ системъ ярче, чѣмъ гдѣ-либо, проглядываютъ въ области государственнаго обложенія, въ особенности косвеннаго. Здѣсь яснѣе, чѣмъ гдѣ-либо, можно наблюдать развитіе и „охраненіе“ того „элемента“, о которомъ такъ опредѣленно говоритъ Лоренцъ фонъ-Штейнъ. Косвенное обложеніе съ этой точки зрѣнія, во-первыхъ, близнецъ государственнаго долга, а во-вторыхъ, такое же законное и родное дѣтище современнаго строя общественно-экономическихъ отношеній. Въ государственномъ кредитѣ многое, слишкомъ многое, такъ затушевано, что даже спеціалисты называли его „diese geheime Kraft“, „dieses inbegreiflische Etwas“, „тайная сила“, „нѣчто непонятное“ (*Karl Dietzel).* Das System der Staatsanleihen im Zusammenhang der Volkswirthschaft betrachtet. Heidelberg. 1855. Стр. 1).

Изъ литературы по вопросу о государственномъ кредитѣ, накопившейся къ нашему времени, можно составить порядочную библіотеку, но несмотря на это книжное обиліе, существо „тайной силы“ кредита до сихъ поръ не можетъ считаться раскрытымъ въ достаточной степени. Мало того, государственный кредитъ до

сихъ поръ не вездѣ еще имѣетъ свою родословную и свою исторію. Русскій государственный долгъ получилъ ее не болѣе трехъ лѣтъ тому назадъ въ видѣ трудовъ проф. Мигулина. Депутатъ прусскаго парламента д-ръ Заттлеръ въ предисловіи къ своей исторіи прусскаго государственнаго долга заявляетъ, что вынужденъ написать ее вслѣдствіе бѣдности литературы по данному вопросу. (*C. Sattler*. Das Schuldenwesen des Preussischen Staates und des Deutschen Reiches. Stuttgart. 1893. Стр. III—IV).

Если мы обратимся къ содержанію указанной литературы, то замѣтимъ, что главная масса ея или не содѣйствуетъ раскрытію „тайной силы“ государственнаго кредита, или прямо-таки еще болѣе сгущаетъ покровы этой „тайны“. Долгое время литература безплодно занималась безплоднымъ вопросомъ: полезенъ или вреденъ государственный кредитъ? Часть писателей объявляла государственный кредитъ величайшимъ изобрѣтеніемъ человѣческаго генія. Беккеръ утверждалъ, что государственные займы могутъ замѣнить налоги. Гамильтонъ радовался, что теперь, съ изобрѣтеніемъ государственнаго кредита, фабрики никогда не могутъ оставаться безъ дѣла. Беркли утверждалъ, что государственные займы—настоящіе золотые рудники. Вольтеръ сдѣлалъ странное открытіе, что „Etat qui ne ne doit qu'à lui même ne s'appauvrit pas“ (Цит. у *Нитти*. Основныя начала финансовой науки. Перев. Москва. 1904. Стр. 516). Такіе основательные ученые, какъ Лоренцъ фонъ-Штейнъ, несмотря на то, что теоретически вѣрно подмѣчали нѣкоторые элементы человѣческой исторіи вообще и финансовой въ частности, въ вопросѣ о государственномъ кредитѣ держались слишкомъ категорическихъ взглядовъ. Штейнъ утверждалъ, что „государство, которое не имѣетъ долговъ, или очень мало заботится о своемъ будущемъ, или слишкомъ многаго требуетъ отъ настоящаго“. Еще раньше Штейна, Карлъ Дицель заявилъ, что только то государство богато, значительная часть расходовъ котораго идетъ на платежъ процентовъ по государственнымъ займамъ...

Юмъ можетъ считаться самымъ яркимъ выразителемъ другого теченія финансово-политической мысли. Юмъ заявилъ, что въ концѣ концовъ или народъ уничтожитъ кредитъ, или наоборотъ, кредитъ уничтожитъ народъ. Небеніусъ—первый авторъ, давшій систематическое изслѣдованіе государственнаго кредита, пришелъ къ тому общему выводу, что „государственные займы уничтожаютъ капиталы, собираемые прилежаніемъ и бережливостью, отнимаютъ одну изъ самыхъ значительныхъ причинъ прогресса производства и улучшенія положенія народа; они способствуютъ возрастанію неравенства въ распредѣленіи богатства и умножаютъ непроизводительныхъ членовъ общества“. Эту теоретическую мысль на практикѣ осуществлялъ знаменитый государственный дѣятель Кольберъ, видѣвшій въ государственномъ кредитѣ опасное

средство безграничнаго возвышенія расходовъ и отнятія капиталовъ отъ полезнаго дѣла. Кольберъ говорилъ: „multiplier les rentiers — multiplier les oisifs“ (умножать рентьеровъ значитъ размножать бездѣльниковъ). По словамъ одного современника, Кольберъ издалъ эдиктъ, которымъ назначалась смертная казнь всякому лицу, предлагающему государству заемъ (Цит. у *Алексѣенки.* Государственный кредитъ. Очеркъ наростанія государственнаго долга въ Англіи и Франціи. Харьковъ. 1872. Стр. 320, прим. 2).

Зетберъ, Нассе утверждали, что государственный кредитъ налагаетъ непосильное бремя на низшіе классы населенія, освобождая отъ налоговъ богатыхъ. Гильдемейстеръ считаетъ государственный долгъ большимъ зломъ, къ которому можно прибѣгать въ самые критическіе моменты государственной жизни, но и при этомъ не нужно забывать, что этотъ путь ведетъ по наклонной плоскости къ пропасти..

Несмотря на эту крайнюю противоположность воззрѣній на существо государственнаго кредита, все-таки у писателей обоихъ направленій есть общія мысли, которыя устанавливаютъ два очень важныхъ положенія. Во-первыхъ, государственный кредитъ признается продуктомъ новаго времени, появленіе его дѣлаетъ эпоху въ развитіи государственнаго хозяйства. Во-вторыхъ, государственный кредитъ считается несокрушимымъ факторомъ развитія современнаго государственнаго хозяйства. Небеніусъ замѣчалъ въ началѣ XIX вѣка, что „высота, до которой доросли въ нѣкоторыхъ государствахъ долги, и скорость этого наростанія представляютъ явленіе, свойственное новѣйшему времени“ (*Nebenius.* Ueber die Natur und die Ursachen des öffentlichen credits. 1829. Стр. 657). Французскій писатель той же эпохи замѣчаетъ, что „государственный кредитъ—позднее дитя государственной мысли“ (Dufèsne St. Leon. Etude du credit public et des dettes publiques. Paris. 1824. Стр. 4). Въ такомъ же смыслѣ высказывался и русскій финансовый писатель, министръ финансовъ Канкринъ, заявлявшій, что „появленіе государственнаго кредита потрясло всѣ раннѣйшія понятія о прогрессѣ народовъ. Государственный кредитъ создалъ новые принципы, онъ принесъ съ собою на европейскіе денежные рынки неизмѣримыя богатства, которыя оставили далеко позади себя сказочныя сокровища королей и добычу неисчерпаемыхъ рудниковъ Америки“ (Ueber Staatscredit von einem russischen Staatsman. Стр. XI).

Юмъ подмѣтилъ другое положеніе, связанное съ теоріей государственнаго кредита. Юмъ наблюдалъ, что многія государства настолько неразумно обременяли себя долговыми обязательствами, что вынуждены были объявить себя банкротами. И, однако, вскорѣ послѣ такой радикальной операціи, они снова пользовались государственнымъ кредитомъ. Наблюдая это явленіе, Юмъ и замѣтилъ,

что государственный кредитъ—вовсе не такая деликатная вещь, которая разсыпается при неосторожномъ прикосновеніи, напротивъ, въ дѣйствительности кредитъ упругъ настолько, что его трудно разрушить (*Nume.* History of Englands. Стр. 71).

Современныя государства въ отношеніи къ пользованію государственнымъ кредитомъ похожи на купцовъ, о которыхъ американецъ Джонсонъ замѣтилъ въ своемъ недавнемъ изслѣдованіи денегъ и денежнаго обращенія, что „гдѣ бы купцы ни собирались, тамъ появляется кредитъ“ (J. F. Johnson. Money and currency in relation to industry, prices, and the rate of interest. Boston. 1905. Стр. 4). Такъ и государства: въ современныхъ условіяхъ они не могутъ развивать свою дѣятельность, или даже предаваться бездѣятельности, не обращаясь постоянно къ государственному кредиту...

Дѣлая общую оцѣнку литературы государственнаго кредита, мы должны сказать, что она почти вся цѣликомъ въ настоящее время отражаетъ на себѣ или интересъ правительствъ, вынужденныхъ обращаться къ займамъ, или интересы тѣхъ классовъ, которымъ такая кредитная политика особенно выгодна. Между прочимъ, въ 1855 году въ Лейпцигѣ появилась небольшая книга гейдельбергскаго приватъ-доцента Дицеля: „Система государственныхъ займовъ, разсматриваемая въ связи съ народнымъ хозяйствомъ“ (Privat-Dozent *Carl Dietzel.* Das System der Staatsanleihen in Zusammenhang des Volkswirthschaft betrachtet). Эта книжка окончательно формулировала то воззрѣніе на государственный кредитъ, которое отвѣчаетъ интересамъ господствующихъ классовъ. Книжка Дицеля въ этомъ отношеніи настолько была удачна, что сдѣлала цѣлую эпоху въ развитіи теоріи государственнаго кредита и до сихъ поръ, почти по всеобщему признанію, во всемірной литературѣ остается единственной представительницей полно и ярко выраженной теоріи. Дицель останавливается въ восхищеніи передъ тѣми „величественными явленіями, которыя характеризуютъ современную эпоху развитія человѣчества и производятъ такое мощное вліяніе на всеобщее благосостояніе народовъ“. Среди этихъ явленій Дицель выдѣляетъ одно, которое, по его словамъ, загадочно и поражаетъ мысль наблюдателя способомъ своего возникновенія и безмѣрностью своего вліянія. „Эти явленія—необозримая величина матеріальныхъ вспомогательныхъ средствъ, при наличности которыхъ современныя націи оказываются въ состояніи достигать своихъ цѣлей, и неисчерпаемость тѣхъ источниковъ, изъ которыхъ текутъ эти средства“. Большая, если не самая большая, часть славы и блеска современнаго развитія европейскихъ народовъ принадлежитъ этой способности накапливать колоссальные капиталы, этой „тайной силѣ“, которая, въ концѣ концовъ, оказывается у Дицеля государственнымъ кредитомъ. Кредитъ, по Дицелю, въ одно и то же время—

причина и слѣдствіе современнаго государственнаго развитія; пользованіе кредитомъ отличаетъ нашу эпоху отъ всѣхъ предшествующихъ; кредитъ — не случайное явленіе, а необходимый членъ въ развитіи человѣчества, которое естественнымъ образомъ должно достигнуть самыхъ высокихъ степеней въ своемъ непрестанномъ прогрессѣ, если вообще,—сомнѣвается Дицель,—возможно дальнѣйшее усовершенствованіе современнаго общества. Величайшіе перевороты XVIII вѣка, величайшія потрясенія, которыми закончился этотъ вѣкъ, породили условія развитія государственнаго кредита, плодами котораго,—говоритъ авторъ,—пользуемся „мы". Англія—родина капиталистическаго хозяйства, та же Англія „ist das Vaterland des eigentlichen Staatscredits" (Dietzel. Op. cit. Стр. 1—2).

Современныя условія развитія народнаго и государственнаго хозяйства, съ точки зрѣнія Дицеля, пожалуй, болѣе „величественны", чѣмъ тѣ, которыя онъ наблюдалъ въ пятидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка. Собственно говоря, тѣ явленія, которыя дали истекшему вѣку названіе „вѣка чудесъ", развились какъ разъ во вторую половину прошлаго столѣтія, послѣ появленія книги Дицеля. Укажемъ, наприм., на быстрый ростъ государственныхъ бюджетовъ. Государства крупнаго ранга въ настоящее время располагаютъ колоссальнѣйшими бюджетами, выросшими въ какія-нибудь сто лѣтъ. Этотъ ростъ совершается безостановочно, никто не скажетъ, гдѣ онъ остановится и до какихъ предѣловъ дорастутъ цифры государственныхъ бюджетовъ. Въ 1828 году парижскій парламентъ впервые вотировалъ бюджетъ, перевалившій за 1 милліардъ франковъ. Тогда думали, что это—рѣдкое и исключительное явленіе. Депутатъ Виллель успокаивалъ своихъ сотоварищей классической фразой: „Messieurs, saluez ce chiffre: vous ne le verrez plus!" (Господа, привѣтствуйте эту цифру: вы ея больше не увидите!). Дѣйствительно, Виллель оказался пророкомъ, но только въ обратномъ смыслѣ: депутаты уже никогда не видѣли бюджета меньше, чѣмъ въ милліардъ франковъ, въ настоящее же время бюджетъ Франціи добирается уже до четырехъ милліардовъ. (Цит. у *Нитти.* Основы... Стр. 47). Русскій государственный бюджетъ въ пятидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка составлялъ около четверти милліарда. Въ 1890 году онъ превысилъ милліардъ, а въ настоящее время онъ уже перешагнулъ за два милліарда... Господа, привѣтствуйте эту цифру: вы ея никогда больше не увидите!..

Бюджеты современныхъ частныхъ промышленныхъ предпріятій точно также поражаютъ своею величиною и своимъ ростомъ. Укажемъ одинъ только примѣръ: крупнѣйшій американскій стальной трестъ („United States Steel Corporation") исчислялъ стоимость всѣхъ своихъ цѣнностей въ 1.413.000.000 долл., т. е. свыше трехъ милліардовъ рублей, тогда какъ всѣ средства казначейства Соединен-

ныхъ Штатовъ, включая золотой резервъ, фонды на покрытіе сертификатовъ и т. д. опредѣлялись только въ 1.413.000.000 долл. Всего количества находившихся въ Соединенныхъ Штатахъ денежныхъ цѣнностей не хватило бы только для покупки цѣнностей одного стального треста. Доходы за годъ стального треста опредѣлялись въ 536 милл. долл., а доходы Соединенныхъ Штатовъ—въ 560 милл. долл. Расходы треста опредѣлялись въ 409 милл. долл., а расходы Соединенныхъ Штатовъ—въ 477 милл. долл. („Neue Zürcher Zeitung", 1904. IV—16. Цит. „Вѣстн. Фин." 1906, № 34).

Способность европейскихъ народовъ къ накапливанію свободныхъ капиталовъ, такъ поразившая Дицеля, за послѣднее время опять таки приняла никогда не виданные размѣры. „Moniteur des intérêts matériels" по этому поводу приводитъ интересную таблицу, изъ которой видно, что главнѣйшія страны міра за 30 лѣтъ (1871—1901 гг.) выпустили различныхъ цѣнностей болѣе, чѣмъ на 315 милліардовъ франковъ!!. Въ настоящее время существуетъ экспортъ капиталовъ, о которомъ раньше и не помышляли. Въ европейскихъ парламентахъ есть группы, интересы которыхъ опредѣляются этимъ экспортомъ капиталовъ...

Современныя государства встали во главѣ крупнѣйшихъ промышленныхъ предпріятій, монополій; нѣкоторыя изъ нихъ, какъ, напр., Пруссія ведутъ такую промышленную политику, которая ничѣмъ не отличается отъ трестовъ. Государства располагаютъ такими громадными капиталами, что имѣютъ возможность вести страшно дорогія войны, стоющія нѣсколько милліардовъ рублей...

Такихъ примѣровъ можно привести quantum satis и среди нихъ на первое мѣсто все-таки нужно поставить государственный кредитъ. Это явленіе привлекаетъ вниманіе какъ по количественнымъ своимъ размѣрамъ, такъ и по качественнымъ свойствамъ, потому что съ государственнымъ долгомъ обыкновенно связаны многочисленные и самые сложные интересы. Обратимъ вниманіе хотя бы на одно слѣдующее обстоятельство: милліарды, которые ежегодно выплачиваются различными государствами въ видѣ процентовъ за долгъ, собираются при помощи налоговъ со всего народа и распредѣляются между тѣми, кто получаетъ, благодаря своему положенію государственнаго кредитора, возможность жить, не трудясь... Не нужно тратить словъ для того, чтобы понять всю глубину этого соціальнаго явленія... Рубль, взысканный въ видѣ налоговъ въ какой-нибудь захудалой деревушкѣ русской губерніи, тратится рантьеромъ, проводящимъ безпечную жизнь въ Парижѣ или Лондонѣ...

„Тайная сила", которая, по словамъ Дицеля, заключается въ государственномъ кредитѣ, къ нашему времени приняла такіе громадные размѣры, что невольно побуждаетъ заняться попыткой сдѣлать ее явной...

Государственный кредитъ слишкомъ многостороненъ для того, чтобы уложить его въ какую-нибудь одну опредѣленную формулу. Его значеніе слишкомъ многосторонне, содержаніе его слишкомъ глубоко и интересы, съ нимъ связанные, слишкомъ многочисленны и разнообразны для того, чтобы можно было сразу обрисовать ихъ въ немногихъ словахъ. Поэтому мы остановимся въ самыхъ краткихъ и общихъ чертахъ на одномъ только вопросѣ, связанномъ съ государственнымъ кредитомъ. Это будетъ похоже на „каплю, въ море опущенну", но тѣмъ не менѣе покажетъ намъ одну изъ самыхъ интересныхъ сторонъ „тайной силы", присутствіе которой чувствуется при каждомъ почти движеніи государственной власти, вліяніе которой пронизываетъ всю народную общественную и экономическую жизнь...

Государственный долгъ, какъ и всякая кредитная сдѣлка, представляетъ изъ себя двустороннее отношеніе. Съ одной стороны, онъ заключаетъ въ себѣ интересы задолженнаго государства и его представителя—правительства, а съ другой—интересы многочисленныхъ государственныхъ кредиторовъ. Въ этомъ узлѣ перекрещенныхъ интересовъ и лежитъ, между прочимъ, крупное политическое значеніе всякаго государственнаго долга. Государственные кредиторы, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда они въ то же время являются подданными задолженнаго государства, превосходно знаютъ, что у нихъ въ рукахъ имѣется очень небольшой арсеналъ принудительныхъ средствъ на случай, если государство—должникъ не захочетъ выполнить свои обязательства. Слѣдовательно, охраняя свои законные интересы, государственные кредиторы должны волей-неволей употреблять не мало усилій для того, чтобы всячески обезопасить „довѣріе", оказанное ими государству предоставленіемъ ему всего или части своего денежнаго капитала. Эта цѣль достигается путемъ политическаго вліянія кредиторовъ на государственную власть, на государственный строй. Иностранные кредиторы имѣютъ болѣе основательныя причины опасаться за свои интересы, а потому они еще внимательнѣе наблюдаютъ за дѣятельностью государства—должника, причемъ это вниманіе и наблюденіе то и дѣло превращаются въ прямое политическое вліяніе и активное воздѣйствіе. Слѣдовательно, въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ двойнымъ политическимъ вліяніемъ: одно идетъ изнутри государства, другое—со стороны его сосѣдей. Мало того, что вліяніе, которое идетъ со стороны сосѣдей, со стороны иностраннымъ кредиторовъ, часто по необходимости превращается въ свою очередь въ двоякое вліяніе: иностранные кредиторы, въ цѣляхъ охраненія своихъ интересовъ, прежде всего должны позаботиться о томъ, чтобы государственная власть ихъ собственныхъ государствъ всегда была къ ихъ услугамъ, всегда была на стражѣ ихъ интересовъ по отношенію къ другому задолженному государству. Такимъ

образомъ, государственный долгъ окутываетъ своимъ вліяніемъ не только государство—должника, но и то государство, въ которомъ живутъ государственные кредиторы. Такъ какъ въ настоящее время нѣтъ государства, которое не имѣло бы долговъ, и такъ какъ государственные кредиторы одного и того же государства разбросаны по всему лицу земли, то легко себѣ представить, какъ сложно, какъ резнообразно и какъ, наконецъ, важно это вліяніе государственнаго долга...

На почвѣ этихъ важныхъ и перекрещенныхъ интересовъ съ давняго времени государственные кредиторы пытались, далеко не безъ успѣха, примѣнять принципъ организованнаго сотрудничества въ трудномъ и сложномъ дѣлѣ охраны своихъ претензій и правъ. Раньше, когда государственный кредитъ вообще былъ очень непроченъ, сами государства предлагали своимъ кредиторамъ учреждать такія организаціи, которыя были бы способны охранять права кредиторовъ. Укажемъ на одинъ историческій примѣръ: въ Англіи, въ 1694 году, кредитъ правительства Вильгельма III былъ такъ плохъ, а потребность въ деньгахъ такъ велика, что пришлось, по обычаю того времени, объявить особую приманку для новаго займа. Занималось 1.200.000 ф. ст. по 8%, что для того времени, по словамъ Маколея, было нормальнымъ процентомъ. Чтобы побудить публику подписаться на этотъ заемъ, кредиторамъ было предоставлено право соединиться въ компанію подъ названіемъ „Управляющій и Компанія Англійскаго Банка" („Governer and Company of tke Bank of England"). Компанія составилась, получила чрезвычайно важныя привилегіи, а правительство получило солидный капиталъ. (*Вальтеръ Бэджготъ*. Ломбардстритъ. Перев. П. Б. 1902. Стр. 37. Ср. *Алексѣенко*. Государственный кредитъ. Стр. 105—106).

Изъ только-что названной компаніи постепенно, опять-таки на почвѣ государственнаго кредита, развился знаменитый Англійскій Банкъ, который, помимо своего неизмѣримаго экономическаго вліянія, оказывалъ крупное вліяніе на политическую жизнь Англіи, да и не одной только Англіи. Бэджготъ, между прочимъ, сообщаетъ, что „безъ помощи Англійскаго Банка не могли бы состояться наши государственные займы, а безъ этихъ займовъ мы были бы покорены Франціей и вынуждены взять обратно Якова II. Кромѣ того, благодаря существованію этого національнаго долга, промышленные классы въ теченіе многихъ лѣтъ упорно не соглашались на возвратъ претендента и на низверженіе правительственнаго строя, установленнаго революціей. „Держатели фондовъ" принадлежали тогда къ оппозиціи „законнаго государя". Они опасались, что этотъ государь не признаетъ долга, сдѣланнаго лицами, лишившими его трона и израсходованнаго для сопротивленія ему и его союзникамъ. Долгое время Англійскій Банкъ былъ центромъ лондонскаго либерализма и въ этомъ качествѣ

оказывалъ, за соотвѣтствующія привилегіи, громадныя услуги государству“ (*Бэджготъ*, тамъ же, стр. 87—88).

Въ русской исторіи мы можемъ найти аналогію только-что разсказанному факту. Историкъ Соловьевъ объясняетъ вліяніемъ долга то обстоятельство, что Смоленскъ съ такимъ упорствомъ сопротивлялся полякамъ и сопротивлялся, главнымъ образомъ, въ лицѣ богатыхъ купцовъ, стоявшихъ за Шуйскаго. Эти купцы дали Шуйскому изрядныя суммы въ долгъ, и, сдайся они полякамъ, долгъ за Шуйскимъ пропалъ бы навсегда. („Война и государственные финансы“, ст. *Боголѣпова* въ „Русской Мысли“, 1904, іюнь, стр. 52—53).

Наблюдая такія историческія явленія, невольно вспоминаешь слова Лоренца фонъ-Штейна, что государственный долгъ превращаетъ любовь къ отечеству въ эгоистическій матеріальный интересъ („Jede Staatsschuld macht aus der Liebe zum Vaterlande ein berechenbares Interesse an seiner Erhaltung und seinem Wohlsein“. *L. v. Stein.* Finanzwissenschaft. II. Th. III. Abth. Стр. 226).

Въ настоящее время, когда государственный кредитъ давно уже пересталъ быть экстраординарнымъ доходомъ государственныхъ казначействъ, союзы и ассоціаціи держателей правительственныхъ фондовъ стали обычнымъ явленіемъ. Типическимъ образцомъ такихъ ассоціацій можетъ служить знаменитая „Корпорація иностранныхъ держателей фондовъ“ въ Лондонѣ („The Corporation offoreign bondholders“). Эта вліятельная корпорація была учреждена въ 1869 году. Предсѣдатель учредительнаго собранія извѣстный Годенъ такъ изложилъ обязанности и задачи корпораціи: задача корпораціи употреблять „моральную“ силу принужденія къ иностраннымъ государствамъ, заключающимъ займы, а также къ нашему собственному правительству, побуждая его дѣлать то, чего оно не хочетъ сдѣлать по доброй волѣ („Fenn on the funds“. Sixteenth edition, by Van Oss. London. 1898. Стр. 69—70). Такія же ассоціаціи имѣются въ Антверпенѣ („Association pour la Défense des détenteurs des fonds publics“), въ Парижѣ („Association des porteurs français de valeurs étrangères“). Кромѣ того, въ отдѣльныхъ государствахъ и странахъ имѣются особые „Schutzkomitees“, организуемые по особымъ поводамъ. Эти національные комитеты иногда соединяются въ одинъ союзъ для общихъ, международныхъ дѣйствій. Постоянно или временно комитеты иногда вступаютъ въ сношенія съ государствомъ, находящимся въ стадіи банкротства. Они дѣйствуютъ отъ имени государственныхъ кредиторовъ. Если государство приступаетъ къ сокращенію своихъ долговыхъ обязательствъ безъ согласія кредиторовъ, то послѣдніе выпускаютъ особый сертификатъ на сумму невыполненныхъ обязательствъ, гдѣ заявляютъ, что они отъ своихъ претензій не отказываются. Позднѣе они на-

ходятъ средства заставить государство выполнить его обязательства, формулированныя въ сертификатѣ. На первое время средства воздѣйствія въ рукахъ кредиторовъ—косвенныя: путемъ воздѣйствія на денежный рынокъ они въ состояніи затруднить новые выпуски займовъ государства, плохо выполняющаго свои долговыя обязательства. Португалія близко познакомилась въ 1902 году съ такимъ вліяніемъ комитетовъ (*Leon Zeitlin*. Der Staat, als Schuldner. Tübingen. 1906. Стр. 89—91)

Укажемъ еще на одинъ самый свѣжій примѣръ вмѣшательства комитетовъ въ дѣла задолженнаго государства. Китай въ 1896 и 1898 году заключилъ займы на условіи подчиненія своего таможеннаго управленія иностранному контролю. Въ маѣ текущаго года представитель этого контроля сэръ Робертъ Гартъ былъ, вопреки договору, подчиненъ надзору двухъ высшихъ китайскихъ чиновниковъ. Противъ этого со стороны заинтересованныхъ англичанъ былъ заявленъ протестъ. Подъ давленіемъ Англіи Китай пошелъ на уступки. Въ собраніи торговой палаты въ Бристолѣ было прочитано соображеніе англійскаго министерства иностранныхъ дѣлъ, въ которомъ говорилось, что китайское правительство распорядилось о томъ, чтобы Гартъ управлялъ китайскими таможнями на прежнихъ основаніяхъ. „Китайская Ассоціація“—„The China Association“,—одинъ изъ тѣхъ комитетовъ, о которыхъ мы только-что говорили, вмѣшался въ это дѣло и требуетъ, чтобы китайское правительство возстановило Роберта Гарта въ его правахъ не словеснымъ распоряженіемъ, а императорскимъ декретомъ. Въ данное время у насъ нѣтъ еще свѣдѣній о судьбѣ этого формальнаго требованія. Но вліятельный биржевой органъ Англіи „The Economist“, откуда мы беремъ эти свѣдѣнія (№ отъ 15 сент. 1906 г. Статья: „Progress in China“), очень настаиваетъ на томъ, что съ Китаемъ церемониться нечего. Журналъ говоритъ, что въ дѣлахъ съ Китаемъ нужна твердая рука „a firn hand“,—что китайское правительство не можетъ управлять таможнями и финансами Китая въ интересахъ народа, что въ данномъ случаѣ интересы китайскаго народа, интересы торговой Англіи и интересы всего человѣчества совпадаютъ, и что во имя этихъ интересовъ Англія должна взять въ свои руки таможенныя дѣла китайской имперіи...

Есть много шансовъ за то, что „твердая рука“ Англіи и на этотъ разъ сумѣетъ охранить интересы, связанные съ займами 1896 и 1898 гг...

Мы разсмотрѣли случаи, когда государственные кредиторы заключаютъ союзы, вступаютъ въ ассоціаціи на свой собственный страхъ и рискъ и по своей собственной инціативѣ. Но имѣется рядъ такихъ кредиторскихъ организацій, которыя получаютъ полномочія отъ государственной власти и въ своей дѣятельности осуществляютъ права, фактически ничѣмъ не отличающіяся

отъ правъ и прерогативъ государственной власти. Въ этихъ случаяхъ политическое вліяніе государственнаго долга выражено уже въ наиболѣе чистой и ничѣмъ неприкрашенной формѣ.

Когда задолженное государство встаетъ уже на границѣ краха, когда государственные кредиторы почувствуютъ серьезную опасность для своихъ интересовъ, связанныхъ съ государственнымъ долгомъ, то принимаются уже экстраординарныя мѣры. По просьбѣ иностранныхъ кредиторовъ, государства, подданными которыхъ и состоятъ эти кредиторы, объявляютъ иностранное черезъ-чуръ обремененное долгами государство какъ бы состоящимъ подъ конкурснымъ управленіемъ. Въ составъ такихъ управленій входятъ представители иностранныхъ кредиторовъ, получающихъ право наблюденія надъ финансами задолженной страны, право самаго подробнаго контроля государственныхъ доходовъ и расходовъ. По своему положенію, эти контролеры иногда играютъ въ задолженномъ государствѣ роль болѣе важную, чѣмъ туземные министры. Въ такомъ незавидномъ положеніи находится, напр., Египетъ, отчасти Турція, Греція и т. д. Для характеристики этихъ отношеній остановимся на минуту на самомъ послѣднемъ этапѣ турецкой финансовой политики.

Иностранные кредиторы Турціи представляютъ изъ себя особую организацію, у которой есть исполнительный и наблюдательный органъ—совѣтъ („Council of Administration“). Турецкіе государственные доходы находятся подъ контролемъ этого совѣта администраціи иностранныхъ держателей турецкихъ фондовъ. Государственные доходы прежде всего покрываютъ денежные счеты по государственному долгу, а уже только послѣ этого доходы поступаютъ въ распоряженіе турецкаго правительства. Въ 1903 году турецкій государственный долгъ былъ конвертированъ, такъ что расходы по оплатѣ долга процентами значительно сократились. Излишекъ этихъ расходовъ послѣ конверсіи дѣлился между турецкимъ правительствомъ и иностранными кредиторами: послѣдніе получали 25% излишка, а турецкое правительство—остальные 75%. Иностранные кредиторы, соглашаясь на конверсію турецкаго долга, дѣйствовали въ томъ разсчетѣ, что такая мѣра будетъ полезна государственному и народному хозяйству Турціи. Эти соображенія были продиктованы кредиторамъ, конечно, не изъ чувства человѣколюбія, а изъ простого разсчета: чѣмъ лучше будутъ турецкіе финансы, тѣмъ скорѣе они получатъ обратно свои деньги. Но турецкое правительство полученные излишки употребило не такъ, какъ предполагали иностранные кредиторы: оно подъ эти излишки заключило новые займы, слѣд., еще болѣе ухудшило положеніе всего государственнаго долга. По этому поводу членъ администраціи турецкаго государственнаго долга, г. Блокъ, представитель британскихъ и голландскихъ кредиторовъ, къ обычному ежегодному отчету администраціи присое-

динилъ свое особое мнѣніе, которое очень ярко характеризуетъ позицію подобныхъ контрольныхъ аппаратовъ. „Услуги, оказанныя иностранной администраціей турецкаго долга турецкому правительству, очевидцы,—пишетъ Блокъ.—Мнѣ не приходится распространяться на эту тему. Но облегчать правительству новые займы безъ всякаго разбора—значитъ оказывать противоположное добрымъ услугамъ. *Мы, такъ сказать, опекуны, поручители правительства въ исполненіи принятыхъ имъ на себя обязательствъ, и это поручительство связано съ болѣе высокою отвѣтственностью, чѣмъ отвѣтственность агентствъ по простому собиранію долга.* Смѣю думать, что администрація долга должна подальше держаться отъ такихъ сдѣлокъ и предпріятій, которыя не приносятъ существенныхъ выгодъ странѣ“ (Это заявленіе приложено къ „Report of administration“, цит. изъ „The Economist“ November, 18. 1906. № 3247).

Вслѣдствіе долговыхъ отношеній Египта и англійскихъ банкировъ Англія сдѣлалась настоящимъ диктаторомъ надъ Египтомъ. Въ Египтѣ интересы иностранныхъ кредиторовъ представлены особой комиссіей, состоящей изъ египтянина, англичанина и француза. Ихъ права заключаются въ томъ, чтобы „управлять государственными имуществами Египта, собирать тамъ государственные доходы, отсылать чистый доходъ кредиторамъ“. Полномочія этихъ комиссаровъ, назначаемыхъ правительствами Англіи и Франціи, очень велики („Fenn on the Funds“, стр. 429—431).

Отмѣтимъ еще одну подробность. Когда на сценѣ не фигурируютъ ни особые комитеты иностранныхъ держателей фондовъ, ни особые контролирующіе органы, когда, казалось бы, нѣтъ почвы для заподазриванія особыхъ пружинъ государственной дѣятельности въ жизни независимыхъ государствъ, то это все-таки далеко не значитъ, что интересы, связанные съ государственнымъ долгомъ, молчатъ или находятся въ состояніи бездѣйствія. Внимательный анализъ событій, связанныхъ съ финансовыми отношеніями того или иного государства, всегда обнаружитъ нити, изобличающія видное участіе въ подобныхъ событіяхъ представителей ссуднаго капитала. Въ этомъ отношеніи характерны слова проф. Риссера, автора видной книги по банковому вопросу. „Политическія схватки,—говоритъ Риссеръ,—всегда совершаются на финансовой почвѣ“ (*Riesser*. Zur Entwicklungsgeschichte der deutschen Grossbanken... Jena. 1906. Стр. 130).

Въ текущемъ году, какъ извѣстно, разыгрался очень острый сербско-австрійскій конфликтъ, кончившійся упорной таможенной войной. Содержаніе этого конфликта извѣстно изъ газетъ, поэтому мы только напомнимъ, что Сербія и Болгарія хотѣли заключить между собою торговый договоръ о безпошлинномъ взаимномъ обмѣнѣ товарами. Этотъ шагъ Сербіи очень не понравился Австріи, которая не замедлила раздуть небольшой инцидентъ въ опасный конфликтъ и потребовала отъ Сербіи такихъ уступокъ, которыя

находятся въ нѣкоторомъ противорѣчiи съ суверенными правами сербскаго королевства. Прошло немного времени и во всей этой исторiи начали обрисовываться истинные мотивы поведенiя сербскихъ и австрiйскихъ политическихъ дѣятелей. Сербiя нуждалась въ большомъ заказѣ пушекъ. Для этого заказа она была намѣрена заключить при помощи консорцiума австро-венгерскихъ банковъ заемъ въ 70 миллiоновъ франковъ. Сербiя намѣревалась заказать пушки не въ Австрiи, а во Францiи, такъ какъ, передаютъ газеты, чекъ въ 1.700.000 франковъ завоевалъ симпатiи одного виднаго дѣятеля Сербiи въ пользу французскихъ пушекъ... Австро-Венгрiя требовала „внимательнаго“ отношенiя къ своей промышленности. Въ Австрiи и въ Сербiи были лица, которымъ заемъ въ 70 мил. былъ не по душѣ и для того, чтобы провалить этотъ заемъ, было свергнуто сербское министерство на почвѣ таможеннаго скандала. У власти очутился Пашичъ, который не сразу пошелъ на заказъ крупповскихъ пушекъ. Австро-венгерское министерство иностранныхъ дѣлъ содѣйствовало конфликту и сверженiю сербскаго министерства, не зная, что оно дѣйствуетъ противъ выгоднаго сербскаго займа въ Австрiи [1]) и противъ возможныхъ сербскихъ заказовъ. Германское министерство иностранныхъ дѣлъ усиленно поддерживало Австрiю, а въ это время германская торговля и промышленность, пользуясь таможенной войной, спѣшили захватить тѣ рынки балканскихъ государствъ, которые до сихъ поръ находились подъ влiянiемъ Австрiи. Изъ этого примѣра мы видимъ, какую роль иногда играютъ государственные займы въ жизни народовъ: таможенная война, прикрывающая финансовыя махинацiи около государственнаго займа, наноситъ, конечно, сильный вредъ какъ сербскому, такъ австрiйскому сельскому хозяйству...

Крупное влiянiе задолженности сказывается не только въ жизни второстепенныхъ государствъ, но и такихъ мощныхъ мiровыхъ державъ, какъ, напр., Соединенные Штаты. Финансовые писатели въ Америкѣ жалуются на то, что на почвѣ задолженности Америки въ Европѣ развилось странное влiянiе иностраннаго капитала на всѣ отношенiя американской республики. „Иностранный капиталъ,—говоритъ одинъ изъ авторовъ,—имѣетъ своихъ банкировъ здѣсь въ Нью-Iоркѣ, эти банкиры управляютъ американскими имуществами и дѣлами“... („Moodyns Magazine“. August. 1906. *Alen*. „Cause of our financial stringency“).

Государственные кредиторы, которые являются подданными задолженнаго государства, не имѣютъ въ своихъ рукахъ такихъ средствъ охраны своихъ интересовъ, которыми располагаютъ иностранные кредиторы. Они должны идти къ тѣмъ же цѣлямъ

---

[1]) Послѣдующiя телеграммы увѣдомляли, что заемъ и заказъ пушекъ рѣшено сдѣлать во Францiи.

совершенно другимъ путемъ, именно упрочивая тотъ государственный строй, который наиболѣе выгоденъ для нихъ, какъ государственныхъ кредиторовъ, и который гарантируетъ имъ правильное полученіе процентовъ. Въ этомъ отношеніи кредиторамъ подданнымъ сочувствуютъ, конечно, по весьма понятнымъ причинамъ, и иностранные кредиторы. Мы подошли къ вопросу о вліяніи государственнаго кредита на формы государственнаго правленія.

Еще въ 1841 году проф. Горловъ, авторъ перваго курса финансовой науки на русскомъ языкѣ, замѣчалъ въ своей книгѣ, что, „дѣлая долги, правительство соединяетъ съ собой множество интересовъ. Цѣлый классъ людей, кредиторовъ правительства, повѣривъ ему части, иногда даже все состояніе, соединяетъ свое существованіе съ его судьбами. Это выгодно для правительства, особенно во время волненій“. Горловъ иллюстрируетъ свое положеніе на примѣрахъ англійской исторіи. (*Горловъ*. „Теорія финансовъ“. Казань 1841. Стр. 264).

Впослѣдствіи бѣглыя замѣчанія и наблюденія относительно вліянія государственнаго долга на формы правленія развились въ цѣлую теорію. Еще извѣстный изслѣдователь долговъ Гокъ объяснялъ бо̀льшую кредитоспособность конституціонныхъ монархій сравнительно съ монархіями неограниченными. Это обстоятельство Гокъ объяснялъ тѣмъ, что устройство финансовъ и здравыя начала финансовой политики чаще можно встрѣтить въ конституціонныхъ государствахъ, чѣмъ въ государствахъ съ неограниченнымъ образомъ правленія. (*Hock*. Die offentlichen Abgaben und Schlulden. 1863. Стр. 296—297).

Постепенно эта теорія получала болѣе глубокое и мотивированное содержаніе. Оригинальную постановку данный вопросъ находитъ у Лоренца фонъ-Штейна. Замѣтивъ, что государственный долгъ размѣниваетъ любовь къ отечеству на звонкую монету. Штейнъ говоритъ о прямомъ и непосредственномъ отношеніи между государственнымъ строемъ и интересами государственныхъ кредиторовъ. При дальнѣйшемъ ходѣ мыслей Л. ф.-Штейна не нужно забывать, что онъ все время говоритъ о такомъ государствѣ, въ которомъ уже упрочены конституціонныя начала. Каждое потрясеніе государственнаго строя неизбѣжно колеблетъ интересы государственныхъ кредиторовъ. Съ другой стороны, государственные кредиторы заинтересованы въ томъ, чтобы суммы, получаемыя государствомъ въ кредитъ, растрачивались производительнымъ способомъ, чтобы онѣ шли на повышеніе народнаго дохода и, слѣдовательно, на повышеніе народной платежеспособности. Иначе базисъ государственнаго кредита будетъ слишкомъ непроченъ. Поэтому государственный долгъ дѣлаетъ кредиторовъ *консервативными* по отношенію ко всякому насильственному разрушенію государственнаго строя и напротивъ—*либеральными*

по отношенію къ реакціоннымъ тенденціямъ правительства. Отсюда вытекаетъ оппортунистическая политика государственныхъ кредиторовъ: они будутъ всегда перебѣжчиками изъ лагеря въ лагерь. То ихъ симпатіи будутъ склоняться на сторону консервативныхъ элементовъ, представителей не трудового дохода; то на сторону всегда почти оппозиціоннаго и подвижного элемента—невладѣющаго труда. Поэтому группа рантье никогда не въ состояніи составить крупной политической партіи. Интересы, связанные съ государственнымъ кредитомъ, прежде всего лишены иниціативы въ политическихъ дѣлахъ, но въ политическихъ спорахъ они всегда могутъ дать перевѣсъ той или иной сторонѣ: они дѣйствуютъ не рѣчами, не эффектами, а своимъ собственнымъ вѣсомъ, тяжестью представляемыхъ ими интересовъ. Штейнъ замѣчаетъ въ категорической и безусловной формѣ, что интересы государственныхъ кредиторовъ всегда будутъ на сторонѣ тѣхъ, кто требуетъ конституціи, потому что только конституціонный строй даетъ имъ гарантію прочности положенія ихъ специфическихъ интересовъ. Для государственныхъ кредиторовъ безразличны второстепенные вопросы политической жизни конституціоннаго государства,—для нихъ важенъ только одинъ пунктъ во всемъ устройствѣ государства и этотъ пунктъ—министръ финансовъ. Они требуютъ, чтобы министръ финансовъ былъ представителемъ ихъ интересовъ. Поэтому понятны тѣ неожиданныя симпатіи, которыя загорѣлись въ редакціи „Times" къ министру финансовъ г. Коковцову, послѣ такого же неожиданнаго опубликованія его секретнаго письма къ г. Столыпину. Англійскій вліятельный органъ находитъ, что г. Коковцовъ охраняетъ интересы государственныхъ кредиторовъ... Лоренцъ фонъ-Штейнъ замѣчаетъ, что между министромъ финансовъ и государственнымъ кредитомъ по необходимости должна быть самая тѣсная связь: имъ другъ безъ друга не обойтись: съ одной стороны, здѣсь выступаетъ потребность въ будущихъ капиталахъ, а съ другой — готовность ихъ предложить. Министръ финансовъ, который не знаетъ и не понимаетъ государственнаго кредита, а потому не представительствуетъ во имя интересовъ, связанныхъ съ государственнымъ долгомъ, по замѣчанію Штейна, возможенъ только въ абсолютной монархіи или въ абсолютной революціи... (*L. v. Stein.* Finanzwissenschaft. II. Th. III. Abth. Стр. 225 и слѣд.).

Интересная теорія Лоренца фонъ-Штейна подкрѣпляется и получаетъ много разъясняющихъ мотивовъ въ почтенномъ трудѣ мичиганскаго профессора Адамса (*Henry Carter Adams.* Public debts. New-York. 1887). Адамсъ пытается найти вѣрное объясненіе тому довѣрію, съ какимъ капиталисты ссужаютъ деньги современнымъ правительствамъ. По мнѣнію Адамса, это довѣріе основано на развитіи конституціонализма въ теченіе двухъ послѣднихъ столѣтій. Адамсъ опредѣляетъ конституціонализмъ не

какъ право народа на самоуправленіе, а какъ фактическій захватъ контроля надъ государственными дѣлами владѣющими классами. Думаемъ, что историческая дѣйствительность не противорѣчитъ утвержденію проф. Адамса, который очень далекъ отъ соціалистическихъ теорій, обнаруживая въ своихъ очень цѣнныхъ работахъ симпатію къ движимому капиталу... Разъ конституціонализмъ устанавливаетъ такой государственный строй, при которомъ владѣющіе классы являются господами положенія, то создается слѣдующій порядокъ отношеній: капиталисты даютъ деньги правительству, такой корпораціи, которая находится подъ ихъ контролемъ. Довѣріе капиталистовъ къ государству всего меньше базируется на какомъ-нибудь чувствѣ, напр., на чувствѣ любви къ отечеству, это довѣріе вытекаетъ изъ того факта, что денежные классы держатъ правительство въ плѣну. Современное государство Адамсъ опредѣляетъ, какъ коммерческій конституціонализмъ, откуда и возникаетъ довѣріе, что занятыя деньги будутъ оплачены и выплачены. Если это такъ, то легко понять, что пользованіе кредитомъ могло возникнуть не ранѣе прошлаго вѣка, за исключеніемъ Англіи, гдѣ конституція восходитъ къ началу среднихъ вѣковъ. 1848-й годъ для Западной Европы былъ началомъ особенно интенсивнаго роста государственнаго долга, съ этихъ поръ европейскій капиталъ на развалинахъ абсолютныхъ государствъ водворилъ коммерческія конституціи... (*Adams*. Op. cit. Стр. 8 и слѣд.).

Мы только мелькомъ отмѣтили основной взглядъ Адамса, не входя въ разсмотрѣніе его подробной и основательно мотивированной теоріи. Замѣтимъ, что подобная теорія встрѣчаетъ иногда въ научной литературѣ и отрицательное отношеніе. Проф. Исаевъ возражаетъ Гоку и говоритъ, что выводы Гока уже потому не возбуждаютъ довѣрія, что основываются на сопоставленіи разнородныхъ величинъ—благоустроенной конституціонной монархіи и дурной монархіи абсолютной. Если же сравнивать величины, болѣе сходныя, то окажется труднымъ рѣшить вопросъ о большей степени кредитоспособности конституціонныхъ государствъ. „Наше отечество,—говоритъ проф. Исаевъ,—въ силу проникающаго его финансовую политику стремленія исполнять свои обязательства, пользуется обширнымъ кредитомъ, и если кредитоспособность западно-европейскихъ государствъ болѣе велика, то это нужно приписать болѣе высокому уровню благосостоянія ихъ населенія“. (*Исаевъ*. „Государственный кредитъ“. Ярославль, 1886 г. Стр. 24 и 26).

Проф. Исаевъ очень кстати замѣтилъ о необходимости сравнивать однородныя величины. Если мы возьмемъ такъ называемыя первоклассныя державы и разсмотримъ ихъ кредитъ, то окажется, что кредитъ такой первоклассной державы, какъ Россія, съ кредитомъ другихъ великихъ государствъ имѣетъ только одно общее—

быстрый ростъ. Если же мы вспомнимъ, что финансы, какъ говоритъ Вильсонъ,—не простая ариѳметика, то замѣтимъ, что условія кредита Россіи рѣзко отличаются отъ условій кредита многихъ иностранныхъ государствъ. Многіе наши займы заключены на условіяхъ, обидныхъ для чести и достоинства великой державы. Въ составъ процента, который выплачиваетъ по своимъ займамъ Россія, неизмѣнно и всегда входитъ значительная рисковая премія. Объясняя это явленіе, проф. Мигулинъ не находитъ другой причины такого положенія вещей, какъ дурные порядки русскаго внутренняго управленія. (*Мигулинъ*. „Русскій государственный кредитъ". II т. Стр. 18 и 233). Вся исторія русскаго государственнаго кредита, въ особенности же конецъ этой исторіи, является лучшимъ доказательствомъ несостоятельности возраженій проф. Исаева. Наше постоянное „охорашиваніе" предъ заграницей, стремленіе въ показныхъ формахъ представить финансовое управленіе въ цивилизованномъ видѣ, наши попытки поиграть въ конституціонализмъ,—все это вмѣстѣ взятое говоритъ за то, что интересы, связанные съ государственнымъ долгомъ, сыгравшимъ такую важную роль въ финансовой исторіи Россіи, требуютъ радикальнаго измѣненія старыхъ порядковъ, приведшихъ Россію къ полному уничтоженію государственнаго кредита.

„Что всѣхъ касается, должно быть установлено всѣми", сказалъ англійскій король Эдуардъ Первый. Развитіе этого политическаго принципа въ финансовой исторіи всего міра слишкомъ очевидно для того, чтобы можно было отрицать ту продолжительную борьбу, которая велась изъ-за этого лозунга. „Тайная сила" государственнаго кредита сыграла въ этой борьбѣ выдающуюся роль. Она содѣйствовала прочному внѣдренію въ обиходъ европейскихъ народовъ конституціонализма, который такъ удачно названъ проф. Адамсомъ „коммерческимъ". Если же мы наблюдаемъ и такіе случаи, гдѣ кредитъ оказывается странамъ, лишеннымъ конституціоннаго устройства, то не должны забывать, что политика, охраняющая интересы, связанные съ государственнымъ кредитомъ, прежде всего оппортунистична: она добивается того, что ей выгодно въ данномъ случаѣ и при данномъ положеніи вещей. Если указаннымъ интересамъ выгодно лишить государство нѣкоторыхъ суверенныхъ правъ или поставить какую-нибудь державу подъ опеку, то мы знаемъ, что политика денежныхъ классовъ не останавливается передъ такими суровыми мѣрами. Если нужно навязать конституцію деспотіи, о которой послѣдняя не помышляла, то мы видимъ, что, какъ въ сказкѣ, и въ деспотіяхъ созывается парламентъ. На нашихъ глазахъ англичане дали Персіи конституцію, той самой Персіи, изъ-за обладанія которой Англія вела и ведетъ упорную борьбу съ Россіей. Россія финансировала персидское правительство, Англія поддерживала персидскій народъ; будущее очень скоро покажетъ, что англій-

скому капиталу удобнѣе раскидывать свои сѣти подъ защитой персидскаго парламента, чѣмъ подъ охраной правительства, получающаго помощь отъ соперницы—Россіи...

Биржевой органъ Англіи, „The Economist", не далѣе, какъ въ іюлѣ текущаго года, сообщалъ, что послѣдній русскій заемъ былъ устроенъ послѣ опредѣленныхъ обѣщаній по адресу банкировъ, что финансы Россіи будутъ подчинены народному правительству. Дальнѣйшіе займы, говоритъ журналъ банкировъ и капиталистовъ, будутъ немыслимы впредь до полнаго осуществленія этихъ обѣщаній... („The Economist". July, 28, № 3283. „The collapse in russian securities").

Здѣсь лишній разъ исторія повторяетъ свои доказательства...

Прив.-доц. **М. Боголѣповъ**.

«...Я къ мудрымъ подходилъ»...

Я къ мудрымъ подходилъ и спрашивалъ тревожно.
И мудрые сказали мнѣ въ отвѣтъ,
Что въ мірѣ все обманчиво и ложно,
Что счастья нѣтъ нигдѣ, что счастье невозможно,
Что на землѣ счастливыхъ нѣтъ.

Я въ книги уходилъ настойчивою думой,
Я задавалъ вопросъ предутренней звѣздѣ,
Я спрашивалъ цвѣты, я слушалъ боръ угрюмый,
Но въ шелестѣ страницъ, въ рѣчахъ лѣсного шума
Я уловилъ отвѣтъ, что счастья нѣтъ нигдѣ.

И мракъ меня одѣлъ. И не было исхода.
И я ушелъ отъ мудрыхъ навсегда.
Я отвратилъ лицо отъ матери - природы
И изъ-подъ синяго безбережнаго свода
Ушелъ подъ тѣнь громадъ въ большіе города.

Я видѣлъ жизнь, въ которой нѣтъ просвѣта,
Я видѣлъ жизнь, гніющую въ нуждѣ,
Я видѣлъ трудъ отъ ночи до разсвѣта—
Я дождался желаннаго отвѣта
Отъ тѣхъ, кто вѣкъ влачитъ въ трудѣ.

Я къ нимъ ушелъ. Невѣдомой мнѣ властью
Изъ думы и тоски я души имъ соткалъ,
Горѣлъ и жилъ одною съ ними страстью,
Отъ нихъ узналъ дорогу къ счастью—
Я счастье съ ними зналъ.

Евг. Тарасовъ.

За идеаломъ.

Романъ **Густава Френзена.**

Переводъ съ нѣмецкаго **А. Д—ской** и **З. В—ой.**

(Окончаніе).

* * *

Въ это время Пе-Онтьесъ Лау пришелъ какъ-то къ женѣ и сказалъ ей:—Послушай-ка, мнѣ думается, что я обязанъ принять участіе въ новой постройкѣ Дузеншена. Это превосходное, блестящее дѣло.

Она съ испугомъ посмотрѣла на него:

— Пе-Онтьесъ,—сказала она,—не дѣлай этого! Я со всѣмъ согласна, что ты предпринимаешь лично, и если бы мнѣ предпріятіе казалось безумно рискованнымъ, но съ этимъ человѣкомъ не имѣй дѣла.

— Но вѣдь наши дѣла соприкасаются,—сказалъ Пе-Онтьесъ, недовольный ея упорствомъ.—Наши покупатели одни и тѣ же люди: сперва они идутъ ко мнѣ, потомъ къ нему. Если будетъ развиваться его дѣло, то розовьется и мое.—Она съ упрямствомъ и мрачно покачала головой:—Если ты это сдѣлаешь, то все кончено.

— Что ты хочешь этимъ сказать?—спросилъ онъ.—Хлѣба, что ли, не будетъ у насъ?

— Да, и хлѣба,—отвѣчала она,—и...

— Ну... и?—сказалъ онъ.

Она сжала губы и глаза ея потемнѣли отъ мрачныхъ мыслей:—Тогда пришелъ конецъ и моему довѣрію къ тебѣ. Дузеншенъ скверный человѣкъ.

— Ты единственная въ Илигенлеѣ, которая это говоритъ.

— Это неправда. Добрый Томсъ Янсъ не довѣряетъ ему, маляръ Торъ Стротенъ и плотникъ Клаусенъ. Да и еще нѣкоторые разумные люди. А если я и единственная, то пусть буду единственной. Я... я не побѣгу за толпой.

— У васъ всѣхъ изъ рода Бойе порокъ сердца,—сказалъ онъ.—Вы страдаете простудой сердца.

Она всплеснула руками и сказала съ тоской:—Пе-Онтьесъ! Я холодна! Да, къ чужимъ... но къ тебѣ, къ моему ребенку? Я холодна!—И она привлекла къ себѣ своего ребенка и покрыла его грудь горячими поцѣлуями и заплакала.

Тогда онъ пошелъ въ свою рабочую комнату. Черезъ нѣкоторое время она вышла къ нему и сказала сдержаннымъ голосомъ:

— Ты, Пе-Онтьесъ, левъ, те не можешь идти по одной дорогѣ со мной. Это старая истина.

Онъ совсѣмъ разсердился.

— Чѣмъ я рискую? Я и онъ—мы во всякое время можемъ разойтись.

Тогда въ ней опять закипѣла злоба:

— Я не хочу, чтобы ты шелъ на помочахъ у Дузеншена, а ты поддаешься. Ты уже поддался.

Онъ улыбнулся насмѣшливо.

— Если у меня такой большой мужъ, то я хочу, чтобы онъ былъ сильнымъ и самостоятельнымъ, а то мнѣ стыдно. Мнѣ уже давно стыдно, а я не хочу стыдиться.—Она топнула ногой и заплакала.—Я не хочу стыдиться. Я не могу жить, если мнѣ приходится стыдиться.

— Ну, такъ иди,—сказалъ онъ сухо,—и стыдись.

Она поблѣднѣла и сказала:—О, и это Илигенлей!—Она направилась къ двери, но на порогѣ обернулась и сказала съ жуткой, дикой сдержанностью:—Въ тотъ день, когда ты войдешь въ товарищество съ Дузеншеномъ, я уйду съ ребенкомъ къ матери и сяду за вязальный станокъ. Я люблю тебя такъ, что разсудокъ теряю, и я требую за то, чтобы ты уважалъ меня.—Съ этими словами она ушла.

Наступили три тяжелыя недѣли. Они ни слова не говорили другъ съ другомъ. Она возилась въ спальнѣ, часами сидѣла на краю кровати передъ дѣтской колясочкой и мучилась. Онъ день проводилъ или въ рабочей комнатѣ, или въ амбарѣ, а ночью лежалъ въ своей узкой кровати и не могъ заснуть отъ угрызеній совѣсти. Онъ думалъ о томъ, что она въ своемъ сужденіи о Дузеншенѣ могла оказаться правой, но что онъ теперь уже не можетъ отступать, чтобы передъ ней не осрамиться. Иногда вздыхалъ онъ отъ страха, что пошелъ по опасному, ложному пути; иногда страстно желалъ ея близости. И сталъ онъ жестокъ и подозрителенъ къ людямъ, и великая спокойная душа его была недовольна и больна.

Недѣлю спустя Тьяркъ Дузеншенъ поѣхалъ въ Берлинъ, захвативъ съ собой бургомистра и толстаго ратмана Зуль-

сена съ цѣлью показать имъ свою фабрику толя. Черезъ нѣсколько дней бургомистръ и Зульсенъ вернулись съ красными отъ вина лицами и разсказывали въ клубѣ о значительныхъ постройкахъ и солидномъ дѣлѣ, которое видѣли. Тьяркъ Дузеншенъ остался на нѣсколько дней въ Берлинѣ, гдѣ была въ это время выставка пищевыхъ продуктовъ, и кормилъ тамъ цѣлую роту солдатъ своими произведеніями: ветчиной и гороховой колбасой.

Въ пятницу Гейне Вулькъ сообщалъ въ газетѣ: „Нашъ уважаемый согражданинъ господинъ Дузеншенъ получилъ, какъ мы только что узнали изъ доставленной намъ депеши, лавровый вѣнокъ въ знакъ поощренія за превосходныя издѣлія его фабрики. Несомнѣнно, что послѣ такого успѣха господинъ Дузеншенъ предприметъ предполагавшееся имъ расширеніе дѣятельности здѣсь на мѣстѣ; городъ же не замедлитъ пойти ему навстрѣчу въ этомъ дѣлѣ. Мы находимся въ счастливомъ положеніи сообщить нашимъ читателямъ, что господинъ Дузеншенъ вернется въ Илигенлей въ субботу съ вечернимъ поѣздомъ“. Въ субботу на самомъ дѣлѣ прибылъ Тьяркъ Дузеншенъ. Бургомистръ, ратманъ Зульсенъ и нѣкоторые члены клуба собрались на вокзалѣ. Гейне Вулькъ и Янъ Фрихъ Буманъ съ чувствомъ благоговѣнія смотрѣли на Дузеншена, который на самомъ дѣлѣ держалъ въ рукахъ лавровый вѣкокъ. Когда онъ сходилъ по ступенямъ, то часть мѣстнаго пѣвческаго общества ремесленниковъ, на спѣхъ собранная Барибаумомъ, встрѣтила его хораломъ. Нѣсколько сотъ человѣкъ, стоявшихъ въ тѣни деревьевъ, крикнули довольно слабо „ура!“ Илигенлейцы еще не привыкли къ общественнымъ торжествамъ.

Угрюмое настроеніе, въ которомъ находился Пе-Онтьесъ, направилось и противъ Тьярка Дузеншена. Онъ находилъ лавровый вѣнокъ во всякомъ случаѣ смѣшнымъ, въ особенности же въ качествѣ знака поощренія фабриканту колбасъ.

Въ воскресенье утромъ стоялъ онъ въ такомъ настроеніи у дверей своего дома. Въ это время случайно проходилъ мимо старый Зульсенъ, онъ остановился и сталъ пространно и горделиво разсказывать о путешествіи Дузеншена. Пе-Онтьесъ спросилъ его, желая кончить разговоръ:—Гейне Вулькъ пишетъ, что городъ долженъ идти на встрѣчу Дузеншену. Что это значитъ?

Тогда старый, поглупѣвшій отъ пива Зульсенъ приблизился къ нему и началъ разсказывать:—Господинъ Дузеншенъ несомнѣнно обладаетъ достаточнымъ капиталомъ, чтобы оплатить новую постройку и машины, но онъ можетъ свой капиталъ освободить лишь черезъ годъ, два.

Такъ вотъ магистратъ рѣшилъ сдѣлать предложеніе городской сберегательной кассѣ, чтобы она выдала ему двѣсти тысячъ марокъ взаимообразно. Этотъ заемъ будетъ гарантированъ акціями толевой фабрики Дузеншена. Мы, т. е. бургомистръ и я, досконально познакомились съ его фабрикой. Это грандіозное, двухъэтажное зданіе съ огромной трубой и тремя домами для рабочихъ. Все дѣло въ превосходномъ состояніи и въ полномъ ходу.

Акціи хотя и не котируются на биржѣ, но цѣнность ихъ обезпечена отличнымъ состояніемъ фабрики, а кромѣ того за нихъ гарантируетъ одинъ извѣстный берлинскій дѣлецъ. Я же полагаю, что личность Дузеншена, его энергія и геній покрываютъ любую сумму.

Это изреченіе изобрѣлъ бургомистръ; уже три мѣсяца носились съ нимъ члены клуба и тыкали его въ носъ каждому встрѣчному. Пе-Онтьесъ, благодаря своему мрачному настроенію, не могъ постигнуть блеска летучаго слова.—Это противъ устава сберегательной кассы,—сказалъ онъ.

— Да, если держаться буквы закона! сказалъ Зульсенъ.—Но предположимъ, господинъ Лау, что мы воспротивимся. Что тогда? Вы знаете, что за Дузеншеномъ стоитъ правительство; и намъ извѣстно, что одинъ изъ сосѣднихъ городковъ сдѣлалъ ему очень выгодное предложеніе.

Старикъ ушелъ, а Пе-Онтьесъ пошелъ въ свою контору, сѣлъ у края письменнаго стола и впалъ въ глубокое раздумье.

— Вчера лавровый вѣнокъ, а теперь двѣсти тысячъ марокъ...—Странное чувство овладѣло имъ, какъ будто услышалъ онъ въ чужомъ краю внезапно звукъ роднoго знакомаго голоса.

Въ то время, какъ Пе-Онтьесъ такъ сидѣлъ, подавленный тяжелыми думами, погруженный всѣми своими помыслами въ воспоминанія дѣтства, отворилась дверь и на порогѣ появился Тьяркъ Дузеншенъ.

Пе-Онтьесъ взглянулъ на него, взглянулъ совсѣмъ такими глазами, какъ смотрѣлъ на него бывало въ дѣтствѣ.

Дузеншенъ замѣтилъ этотъ взглядъ и сразу понялъ, какъ обстоитъ дѣло, и глаза его забѣгали:

— Ну... такъ какъ же?

— Изъ нашего товарищества ничего не выйдетъ!—сказалъ Пе-Онтьесъ, и его ладонь тяжело опустилась на столъ.

Тогда Дузеншенъ, обмѣнявшись нѣсколькими незначащими словами, вышелъ,

Штурманъ Лау тяжело опустился на стулъ и опять началъ

раздумывать. Пропало и исчезло время дѣтства. Онъ сидѣлъ и слушалъ. Ему чудилось, что теперь должно появиться что-то другое, а именно: ясный звукъ мягкаго женскаго голоса. Но онъ не раздавался.

Дверь открылась и она своей мягкой поступью прошла въ сѣни, напѣвая. Онъ кивнулъ головой:—Ага... замѣтила, что Дузеншенъ получилъ отказъ и уже поетъ побѣдную пѣснь, и думаетъ себѣ, что она гораздо умнѣе мужа, и гораздо энергичнѣе, и Богъ вѣсть что. И нужно быть гораздо выше Анны Бойе, а то нельзя существовать рядомъ съ ней!—И когда онъ это думалъ и видѣлъ ее въ душѣ во всей ея красѣ, любовь въ немъ всколыхнулась такъ, что онъ застоналъ.

И онъ вскочилъ и глубоко задумался о томъ, настоящій ли онъ мужчина: мужчина самобытнаго мнѣнія, самобытнаго сужденія, самобытныхъ поступковъ. И онъ началъ, тяжело мысля и роясь въ душѣ, отдѣлять себя отъ Илигенлея и ото всего, что связано съ нимъ, отъ бургомистра и отъ клуба и отъ всего городского сословія, и вотъ онъ стоитъ совершенно одинъ на плотинѣ и видитъ старый городъ, и королемъ его Тьярка Дузеншена, и старѣйшинами его тѣхъ заспанныхъ и ничтожныхъ людей... Въ первый разъ въ жизни онъ почувствовалъ какъ бы любовь къ нимъ и боялся за нихъ.

— Илигенлей,—произнесъ онъ мысленно и тихо...—Если Дузеншенъ обманщикъ и осрамитъ Илигенлей передъ всей страной?.. Я долженъ разобрать это дѣло съ Дузеншеномъ... Сегодня же я хочу все узнать...

Въ то время, какъ онъ еще пытался освоиться съ той ясностью, которая возникала въ немъ и около него, проходилъ мимо старый Томъ Янсъ въ своемъ рабочемъ костюмѣ, забрызганный глиной, съ лопатой на плечѣ и жестянымъ кофейникомъ въ рукѣ, и смотрѣлъ исподлобья въ окно. Пе-Онтьесъ открылъ окно и старикъ разсказалъ ему, что онъ получилъ отъ Кая письмо, которое ему не понравилось.—Вотъ я въ умѣ и прикинулъ... денегъ бы я набралъ, пожалуй... я бы рискнулъ съѣздить въ Берлинъ. Онъ меня уже давно приглашалъ къ себѣ. Скажи-ка мнѣ: не знаешь ли ты, какъ мнѣ попасть туда?

— Теперь шесть часовъ,—сказалъ Пе-Онтьесъ.—Ровно въ восемь будь въ твоей праздничной одеждѣ, я отвезу тебя въ Берлинъ... Если тебя будутъ спрашивать, говори, что я съ тобой ѣду только до Гамбурга.

— Въ умѣ ли ты?—сказалъ старикъ обиженно.—Что ты думаешь, что я въ два часа могу рѣшиться на такое дѣло и

собраться? Завтра въ полдень еще можно, а раньше и думать нечего.

— Ровно въ восемь часовъ ты будешь на вокзалѣ. Ну, проваливай!

Старикъ поплелся, покачивая на ходу головой.

Отойдя немного, онъ прибавилъ ходу.

Пе-Онтьесъ пошелъ въ амбаръ, привелъ въ порядокъ дѣла въ конторѣ; потомъ пошелъ въ верхнюю комнату, одѣлъ свое матросское платье и прошелъ въ жилую комнату.

Тамъ сидѣли Анна и Гейнке, а ребенокъ стоялъ у ихъ ногъ. Анна взглянула на мужа быстро и съ любопытствомъ, какъ бы ожидая чего-нибудь. Онъ сдѣлалъ видъ, что ничего не замѣчаетъ.—Я сегодня вечеромъ ѣду въ Берлинъ,—сказалъ онъ.

— О!—воскликнула Гейнке и вскочила съ мѣста.—Въ Берлинъ? Сходи къ Каю! Онъ мнѣ написалъ такое грустное письмо. Нужда, которую онъ тамъ видитъ, изгложетъ сердце его.

— Что тебѣ въ Берлинѣ надо?—спросила Анна.—Изъ-за Дузеншена?

— Если будутъ спрашивать, говорите, что я поѣхалъ въ Гамбургъ... Ну, берегите домъ...—и онъ вышелъ.

Тогда Анна вскочила и побѣжала вслѣдъ за нимъ и когда онъ намѣревался запереть за собою дверь, она вплотную подошла къ нему и глаза ея горѣли.

— У тебя нѣтъ слова для меня?

— Нѣтъ,—сказалъ онъ и посмотрѣлъ на нее холодно и пристально.—Ни единаго слова.

Тогда она отошла отъ него и молча направилась въ комнату.

На слѣдующій день къ двѣнадцати часамъ оба прибыли благополучно въ Берлинъ. Старикъ, сморщенный отъ старости, глубоко напялилъ шапку; подъ козырькомъ сверкали глаза. Онъ поблагодарилъ сперва кондуктора за благополучную доставку и мелкой, дробной рысью, усиленно куря, послѣдовалъ за Пе-Онтьесомъ.

Отдохнувъ немного въ гостиницѣ, они отправились въ Фридрихштрассе.

Оттуда Пе-Онтьесъ хотѣлъ послать старика въ Брунненштрассе, но тотъ, озабоченно посматривая на людей, экипажи и огромные дома, заявилъ:

— Я не рискую, останусь лучше съ тобой.

Тогда они вмѣстѣ пошли по Фридрихштрассе.—Послушай,—сказалъ старикъ,—здѣсь немного оживленнѣе, чѣмъ во время оно было на сигнальномъ кораблѣ въ бухтѣ

Илигенлея. Но моя жена, очевидно, имѣла совсѣмъ превратное представленіе о Берлинѣ,—она думала, что повсюда здѣсь шелкъ да бархатъ, я же вижу и штаны, и сапоги, и говорю тебѣ: такихъ поношенныхъ въ Илигенлеѣ ни одна душа не носитъ.

На потсдамскомъ вокзалѣ они сѣли въ поѣздъ, который увезъ ихъ отъ шумной толпы людей и изъ моря высокихъ домовъ въ открытое, худосочное поле.

Послѣ не полнаго часа ѣзды они вышли около маленькой деревушки и обратились тутъ же къ начальнику станціи съ вопросомъ о толевой фабрикѣ.

— Толевая фабрика?—промолвилъ онъ.—Не знаю. Я тутъ недавно.—И онъ позвалъ сторожа.

— Ага...—сказалъ тотъ.—Знаю! Тамъ... За лѣскомъ...—и прибавилъ еще что-то, но они его не поняли, потому что онъ былъ изъ Восточной Пруссіи.

Они зашагали въ указанномъ направленіи и шли все время по глубокому бѣлому песку. Пе-Онтьесъ все время вытягивалъ шею и напряженно искалъ глазами дымовую трубу и ряды оконъ.

Онъ шелъ бодро. Они достигли возвышеннаго мѣста, но ничего здѣсь не нашли, кромѣ молодого сухого лѣса изъ елокъ и сосенъ.—Я присяду здѣсь,—сказалъ старикъ и удобно сѣлъ на нѣчто вродѣ насыпи, шедшей вдоль дороги, вынулъ спички и началъ раскуривать трубку. Пе-Онтьесъ взошелъ на насыпь, озираясь кругомъ.

— Что? видишь что-нибудь?—спросилъ старикъ.

— Не подожги насыпь!—съ сердцемъ возразилъ Пе-Онтьесъ.

Старикъ сидѣлъ и курилъ и дымилъ, какъ сельская пекарня. И черезъ нѣкоторое время спросилъ опять:—Что? видишь что-нибудь?

Тѣмъ временемъ Пе-Онтьесъ, который все еще стоялъ на насыпи, сдѣлалъ сильное движеніе, такъ что насыпь расползлась, и онъ скатился внизъ. Съ удивленіемъ посмотрѣлъ онъ себѣ подъ ноги и увидѣлъ, что мнимая насыпь не что иное, какъ старая вывѣтрившаяся стѣна.—Что же это такое?—сказалъ онъ.

— Посмотри-ка!—отвѣчалъ старикъ и показалъ своей трубкой по направленію насыпи. — Смотри-ка! Насыпь-то идетъ, какъ правильный четырехугольникъ... Ну, теперь я знаю, въ чемъ дѣло...

— Ахъ!—сказалъ презрительно Пе-Онтьесъ.

Старикъ молчалъ и продолжалъ курить:—Знаешь что,—сказалъ онъ немного спустя,—знаешь... Если въ Илигенлеѣ честный рабочій, прожившій такъ сорокъ лѣтъ, захочетъ

ссудиться стами марками на воспитаніе сына или для другого какого-нибудь хорошаго дѣла, то онъ можетъ изрыскать весь городъ и ничего не получитъ, а вотъ появись первый попавшійся мазурикъ и вертопрахъ и сочини, что у него тамъ гдѣ-то, за Берлиномъ, въ пескѣ полъ-милліона, то вы ему дарите весь Илигенлей, да и честь въ придачу.

Пе-Онтьесъ стоялъ и посвистывалъ, а въ умѣ обращался съ рѣчами къ разнымъ особамъ: къ Тьярку Дузеншену, къ бургомистру, къ Аннѣ Бойе, а также и къ Пе-Онтьесу Лау.

— Что же, мы долго будемъ сидѣть здѣсь?—сказалъ старикъ.

Пе-Онтьесъ увидѣлъ человѣка, идущаго лѣсомъ, и крикнулъ ему:—Скажите-ка, была здѣсь раньше толевая фабрика? А?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ тотъ, но, кажется, намѣревалась быть.

— Скажите-ка,—продолжалъ Пе-Онтьесъ,—знаете вы Тьярка Дузеншена? Онъ тѣломъ и ростомъ гвардеецъ, а голова—какъ очищенная рѣпа и вкусомъ походитъ.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ незнакомецъ,—ничего подобнаго въ жизни не видѣлъ.

Тогда они пошли на станцію и тамъ три битыхъ часа на солнцѣ и на вѣтру сидѣли на насыпи; это была настоящая насыпь. Старикъ курилъ и приводилъ разныя обидныя сравненія: о великомъ Голіаѳѣ, который былъ немного тяжкодумъ, и о старомъ бургомистрѣ Эли, и о длинномъ Авесаломѣ, который повисъ на своихъ волосахъ. Пе-Онтьесъ слушалъ. Иногда онъ даже смѣялся.

Онъ думалъ о томъ мирѣ, который онъ заключитъ съ Анной Бойе.

Уже было позднее послѣобѣденное время, когда они очутились опять въ сердцѣ города. Пе-Онтьесъ остановился передъ огромнымъ зданіемъ.

— Подожди здѣсь немного,—сказалъ онъ старику.—Это министерство общественныхъ работъ. Я спрошу, что можно сдѣлать съ гаванью и съ Илигенлеемъ.

Его ввели въ комнату, гдѣ онъ къ своему удивленію засталъ любезнаго сѣдого земляка, который его толкомъ повыспросилъ и потомъ отпустилъ, неодобрительно покачивая головой,

Онъ вышелъ, старикъ неподвижно стоялъ все на томъ же мѣстѣ, прислонясь къ стѣнѣ, держа крѣпко въ рукѣ потухшую трубку, какъ будто она была единственной знакомой среди всѣхъ этихъ чуждыхъ явленій.

Когда они свернули съ Фридрихштрассе и попали въ мрачныя, прямыя улицы сѣверо-восточной части города,

душу ихъ защемило. Они повернули въ улицу, гдѣ жилъ Кай-Янсъ.

Здѣсь на тротуарахъ и у воротъ домовъ стояли кучками люди и оживленно разговаривали. Болѣе молодые, подростки направлялись, шумно о чемъ-то толкуя, въ трактиры, находящіеся въ концѣ улицы; женщины смотрѣли здѣсь и тамъ изъ оконъ; блѣдныя дѣти, сидя на ступеняхъ крыльца, съ серьезными, умными не по лѣтамъ глазами смотрѣли на взрослыхъ. Каски городовыхъ блестѣли вдали.

Старикъ остановилъ молодого рабочаго, который, уставя взоръ въ землю, шелъ своей дорогой, и спросилъ его, что это значитъ, что всѣ эти люди не на работѣ. Тотъ не понялъ нижне-нѣмецкаго нарѣчія и посмотрѣлъ на Пе-Онтьеса. Этотъ повторилъ вопросъ. Тогда рабочій разсказалъ, что всѣ эти люди и онъ самъ принадлежатъ къ числу рабочихъ одной большой чугунно-литейной мастерской и теперь бастуютъ.

— Почему же вы бастуете?

— Коротко говоря: хозяинъ хочетъ запретить намъ имѣть свою вѣру, онъ не хочетъ, чтобы мы открыто заявляли о нашей принадлежности къ рабочей партіи.

— Такъ!—сказалъ старикъ и подмигнулъ глазами.—Онъ думаетъ значитъ, что онъ своимъ маленькимъ словомъ въ состояніи остановить великое время, стремящееся все впередъ.—И онъ, поднявъ палецъ, снова подмигнулъ.

— Ну,—сказалъ Пе-Онтьесъ,—идемъ дальше.

Они нашли номеръ дома и взошли по темной, узкой, грязной лѣстницѣ въ третій этажъ.

— Еще выше?—спросилъ старикъ.—Слышишь? Что это за шумъ?

— Тамъ что-то не въ порядкѣ,—сказалъ Пе-Онтьесъ, подымаясь медленно еще выше.

Наверху квартирныя двери налѣво и направо стояли настежь. Изъ квартиры слѣва доносились стенаніе и женскій говоръ. Передъ другой дверью стоялъ рабочій среднихъ лѣтъ; онъ держалъ жену свою за рукавъ и говорилъ:—Къ чему смотрѣть на это горе? Ты опять три ночи сряду не будешь спать.

— Что случилось?—спросилъ Пе-Онтьесъ.

— Здѣсь живетъ старая бабушка,—отвѣчалъ рабочій, сынъ которой былъ сквернымъ человѣкомъ и умеръ въ острогѣ. Она воспитала его сыновей, своихъ внучатъ, лѣтъ пятнадцати такъ. Ну, вотъ старуха, честная и порядочная женщина, замѣтила, что дѣти непремѣнно хотятъ идти по той же дорогѣ, какъ ихъ отецъ. Они были въ ученьѣ въ нашей кузницѣ. На этихъ дняхъ, когда у нихъ работы не было, они напились, обезчестили дѣвушку и хвастались этимъ пе-

редъ старухой. Она этого не въ состояніи была перенести. Она—порядочная, честная женщина и родомъ изъ деревни, гдѣ такихъ обычаевъ нѣтъ. Она лѣтъ восемь, десять тому назадъ пріѣхала изъ деревни. Однимъ словомъ, когда мальчишки сегодня послѣ обѣда, проспавши хмѣль, встали и попросили кофе, старуха всыпала въ него изрядную порцію крысиной отравы. Теперь оба лежатъ мертвые. Должно быть скоро придетъ полиція.

Онъ вошелъ въ дверь напротивъ и сказалъ женщинамъ, толпившимся въ узкомъ, темномъ проходѣ: — Дайте мѣсто.

Они посмотрѣли въ комнату.

Въ бѣдной, полутемной горницѣ на полу около стола лежали оба мальчика въ истрепанной одеждѣ, со сведенными отъ боли членами, съ изсиня-блѣдными лицами и пѣной у рта, а у окна сидѣла старая, сухопарая, сутулая отъ долгой полевой работы бабушка въ чистомъ платьѣ, разглаживая своими худыми руками передникъ, и говорила замѣчательно спокойнымъ, монотоннымъ голосомъ, вродѣ того, какъ судебный писарь въ десятый разъ читаетъ одинъ и тотъ же протоколъ:—Отецъ ихъ дожилъ до сорока лѣтъ, изъ которыхъ пятнадцать просидѣлъ за желѣзной рѣшеткой. Онъ своими худыми поступками сдѣлалъ семьдесятъ человѣкъ несчастными, а худыми словами—семь тысячъ. Того же желали и эти два... Идетъ полиція? Я старая набожная женщина и должна знать, что я дѣлаю.

Она подняла голову и посмотрѣла на людей, толпившихся у входа; потомъ сказала какъ бы про себя:—Я не боюсь никого... только Кая-Янса.

Пе-Онтьесъ обернулся и спросилъ рабочаго:

— Какое отношеніе имѣетъ Кай-Янсъ къ этому?

Человѣкъ направился съ ними къ своей двери и разсказывалъ:—Нѣкій Кай-Янсъ раньше цѣлыхъ два года жилъ у насъ и теперь опять живетъ уже свыше года. Онъ, знаете ли, такой человѣкъ... въ немъ какъ будто всегда сочельникъ, а люди и вещи всегда ему портятъ этотъ сочельникъ. Онъ думаетъ, что на свѣтѣ должно быть гораздо больше счастья и что міръ не въ порядкѣ. И вотъ теперь онъ здѣсь ищетъ настоящаго смысла жизни. Но онъ не можетъ его найти. Когда онъ жилъ у насъ въ первый разъ, студентомъ еще, то онъ сидѣлъ, бывало, у насъ по вечерамъ, помогалъ дѣтямъ моимъ готовить уроки, спорилъ съ нами о политикѣ и религіи, и былъ свѣжъ и уютенъ. Теперь же во второй свой пріѣздъ онъ совсѣмъ другой: говоритъ мало, сидитъ, все выспрашиваетъ да задумывается. Онъ разспрашиваетъ нашихъ ребятъ, о чемъ они думаютъ; насъ, взрослыхъ, разспрашиваетъ о политикѣ и о нашей вѣрѣ;

стариковъ, которые большей частью изъ деревни, спрашиваетъ о томъ, какъ къ нимъ помѣщики относились, во что они тогда вѣровали, что они думаютъ о церкви и какъ они себя чувствуютъ теперь. Я никогда еще не видывалъ человѣка, который, какъ онъ, нѣсколькими словами заставляетъ говорить каждаго. Обыкновенно онъ грустенъ и задумчивъ. Только когда онъ съ дѣтьми говоритъ, онъ становится подчасъ веселѣе, но это настроеніе скоро и внезапно уступаетъ мѣсто печали.

— Скажите, вы съ нимъ знакомы?

—О!—воскликнулъ вдругъ рабочій.—Я узналъ!.. Посмотрика, мать, вѣдь это отецъ Кая-Янса!.. Идите сюда въ его комнату!..

По дорогѣ онъ сказалъ:

— Видите ли, онъ зналъ тѣхъ двоихъ юношей, уже шесть лѣтъ и все твердилъ старухѣ:—Бабушка! Не теряй надежды — изъ нихъ еще выйдетъ что-нибудь хорошее, а она потеряла мужество и, я думаю, вполнѣ справедливо. Будетъ большое горе, когда онъ придетъ... Вотъ и его комната.

Онъ провелъ обоихъ мимо плачущей жены и ребятъ, которыя испуганно жались около кухонной двери въ комнату Кая-Янса. Нѣсколько минутъ простояли они молча и оглядывали чистенькое небольшое помѣщеніе, окнами выходившее на мрачный, глубокій дворъ, и, усталыя, только что хотѣли присѣсть, какъ вдругъ услышали топотъ ногъ по лѣстницѣ.

Раздались сильные, испуганные крики.

Пе-Онтьесъ бросился къ двери.

— Кай-Янсъ!—крикнулъ онъ.—Сюда.—Но тотъ не слышалъ. Когда они пришли туда, онъ стоялъ уже у дверей и кричалъ:

— Бабушка, что ты сдѣлала? Старая, добрая бабушка!.. Теперь ты убійца!

Старуха сидѣла все въ томъ же спокойствіи на стулѣ у окна и разглаживала передникъ. Она и теперь вполнѣ спокойно сказала:

— Теперь кончено, Кай-Янсъ! Это гораздо вѣрнѣе, чѣмъ твои вѣчныя повторенія:—Бабушка подожди, все еще повернется къ лучшему...—Они теперь попали бы въ тюрьму, потомъ вышли бы, и такъ далѣе, и я не могла бы болѣе препятствовать. Это былъ ихъ послѣдній день.—Онъ лежалъ на колѣняхъ передъ мальчиками и гладилъ ихъ:

— Люди виноваты, они не хотѣли дать вашему дѣдушкѣ и отцу земли; тогда бы вы стали хорошими крестьянами. Они не даютъ вамъ даже мѣста, гдѣ бы вы могли

встать; они вась возносятъ отъ земли въ третій, четвертый этажъ, тамъ они васъ терпятъ. Человѣкъ, который оторванъ отъ почвы, человѣкъ безъ земли—былинка.—Онъ заплакалъ.

— У насъ ничего нѣтъ... ничего... ни единенія, ни довѣрія, ни родины, ни вѣры, ни любви, ни надежды. Насъ трясутъ, какъ жито въ рѣшетѣ... Что сталось съ міромъ? Я не вижу выхода,..

Тяжелая рука опустилась на его плечо:

— Ты...—сказалъ Пе-Онтьесъ.—Ты долженъ идти съ нами!—

Кай-Янсъ вскочилъ, какъ будто на зовъ ангела Господня и протянулъ правую руку, которая съ той ночи на мысѣ Горна осталась скрюченной.

— Пе-Онтьесъ,—воскликнулъ онъ.—Милый Пе-Онтьесъ... О, и ты, отецъ! Посмотрите... вотъ... вотъ, какъ я живу.

Они увлекли его за собой въ проходъ.

Въ проходѣ къ нему подошелъ человѣкъ, не высокаго роста, узкогрудый брюнетъ, и отвелъ его въ сторону.

— Разрѣшите,—сказалъ онъ любезно,—я родственникъ вашего друга...

— Да, я знаю васъ,—сказалъ Кай-Янсъ, приходя въ себя и собравшись съ силами.—Мы встрѣчались у моего друга. Мы говорили о религіи.

— Да!

— Вы католикъ.

— Это такъ!—отвѣтилъ тотъ.—Я долженъ васъ уговорить, чтобы вы поѣхали съ нимъ на нѣсколько лѣтъ. Онъ осенью собирается въ южную Африку... — И онъ ему въ нѣсколькихъ словахъ разсказалъ о цѣли и продолжительности путешествія.

Потомъ онъ немного смутился.—Я вижу,—сказалъ онъ,— что вы очень удручены: можно мнѣ вамъ сказать еще нѣсколько словъ? Я полагаю, что вы знаете отъ нашего общаго друга о моемъ происхожденіи изъ правовѣрнаго въ церковномъ отношеніи дома. Моя мать происходитъ изъ ортодоксально-протестантской дворянской семьи, отецъ мой былъ правовѣрнымъ католикомъ, какъ и я самъ.

— Да,—сказалъ Кай-Янсъ,—что же вы этимъ хотите сказать?

— Такъ вотъ мой двоюродный братъ, вашъ другъ, часто мнѣ разсказывалъ о вашемъ мудрствованіи, а вчера мнѣ показывалъ ваши послѣднія письма. И такъ какъ я вижу васъ въ такомъ состояніи, то я испытываю желаніе, страстное желаніе, сказать вамъ: не задумывайтесь! Оставьте это! Мы такимъ путемъ не придемъ къ цѣли!

Кай-Янсъ вспыхнулъ.

— Прошу васъ!—продолжалъ незнакомецъ, боязливо и любезно взявъ Кай-Янса за руки.—Я, когда былъ молодымъ—мнѣ теперь скоро пятьдесятъ,—тоже переживалъ пору сомнѣній и раздумья, но я отказался отъ этого. Это безполезно. Я сказалъ своей душѣ: я не хочу мудрствовать! Я не хочу познавать! Я хочу вѣрить въ то, чему учитъ и во что вѣритъ святая церковь. И видите ли,—его голосъ звучалъ мягко и слегка дрожалъ,—съ тѣхъ поръ, какъ я рѣшился, я сталъ человѣкомъ, который во всякое время изъ суровой, холодной, грѣховной жизни входитъ въ тихій, прекрасный, святой соборъ благости Господней и Святыхъ.

— И что же?—спросилъ Кай Янсъ.

— Я прошу васъ отъ всего сердца,—продолжалъ незнакомецъ,—не думайте, что я стремлюсь сдѣлать изъ васъ католика. Моя мать, протестантка, была счастлива въ своей вѣрѣ. Я васъ хочу только просить объ одномъ: какъ цыпленокъ подъ насѣдку, спрячьтесь такъ вы подъ кровъ святой вѣры вашей церкви. Вѣрьте въ искупленіе его кровью. Мягче и отраднѣе, конечно, лоно моей церкви.

Кай Янсъ покачалъ головой и сказалъ сдавленнымъ голосомъ: — Вы совершенно правы: католическое или протестантское церковное ученіе,—все одно и то же: куча устарѣлыхъ человѣческихъ мнѣній. Кто имъ подчиняется, можетъ и станетъ счастливымъ, но онъ счастливъ, какъ король, отдавшій свою корону и чувствующій себя довольнымъ въ ночномъ колпакѣ. Я... я для себя лично такого счастья не желаю. Я хочу смотрѣть въ глаза вѣчнымъ силамъ и всему ужасному, даже если бы отъ этого помутился мой умъ. Безполезно продолжать намъ съ вами разговоръ.

Незнакомецъ ушелъ, грустный и тихій.

Тогда вошелъ въ комнату тотъ рабочій, который разсказывалъ имъ на улицѣ о стачкѣ, схватилъ Кая-Янса за грудь и сказалъ:—Теперь ты видѣлъ все наше горе до дна. Отмсти за мертвыхъ! А дѣти, которыя сидятъ на темныхъ дворахъ и не играютъ! Что это за ханжа былъ здѣсь? Кай-Янсъ, переходи къ намъ.

Кай-Янсъ съ отчаяніемъ покачалъ головой:—Ахъ, какъ бы охотно!—сказалъ онъ.—Если бы я могъ! Я вѣдь не могу! У васъ столько же узости и несправедливости, какъ у всѣхъ другихъ партій. Человѣкъ съ широкой, свободной душой не можетъ быть партійнымъ человѣкомъ.

Молодой рабочій сердито посмотрѣлъ на него:—Безъ партіи ты ничего не можешь достигнуть. Ты это знаешь.

— Это неправда,—сказалъ Кай-Янсъ съ жаромъ.—Кто

глубже всѣхъ вліялъ, тотъ всегда стоялъ внѣ партій; чувство справедливости принуждало ихъ къ тому.

— Приходи къ намъ, тогда у тебя будетъ почва подъ ногами и широкое поле для работы и твой старый отецъ порадовался бы.

— Нѣтъ, нѣтъ. Такимъ образомъ я не хочу отвоевывать себѣ ни почвы, ни поля для дѣятельности; это не священная страна. Я не могу примкнутъ къ правовѣрности—ни къ религіозной, ни къ политической... Я не могу... Не сердись на меня.

— Ну, кончай,—сказалъ Пе-Онтьесъ гордо и натянуто,— идемъ съ нами.

— Ну, такъ иди,—сказалъ рабочій добродушно, подавая ему руку.—Чего не хочетъ сердце, того не надо дѣлать. Но не забывай насъ.—И онъ ушелъ.

Тогда Кай-Янсъ уложилъ все, что хотѣлъ взять съ собой, отдалъ хозяевамъ деньги и ушелъ съ Пе-Онтьесомъ и отцомъ. Хозяева, удрученные, стояли около двери.

Полчаса спустя они уже ѣхали въ Гамбургъ. Старикъ сидѣлъ въ углу, какъ будто его туда кто-то втиснулъ, и курилъ, но скоро рука, держащая трубку, опустилась на колѣно, а усталая голова склонилась на грудь. Пе-Онтьесъ растянулся на скамейкѣ и во снѣ спорилъ съ Тьяркомъ Дузеншеномъ и представителями города Илигенлея и совершенно не обращалъ вниманія въ своемъ гнѣвѣ на то, что Анна Бойе, смѣясь, тормошила его. Кай-Янсъ сидѣлъ, глаза его устремились въ пространство, онъ мучился событіями послѣднихъ недѣль, такъ сильно потрясшихъ его.

* * *

Когда они вечеромъ втроемъ—луна только-что всходила— прибыли на вокзалъ въ Илигенлеѣ, то подрядчикъ Клаусенъ и маляръ Торъ Стратенъ и еще нѣкоторые люди, свѣжіе и стоящіе вдали отъ старичковъ и отъ всѣхъ клубныхъ исторій, подошедши къ Пе-Онтьесу, спросили его, откуда онъ пріѣхалъ. Они до сихъ поръ, какъ и самъ Пе-Онтьесъ, очень мало интересовались городомъ и дѣлами управленія, а всецѣло уходили въ дѣла свои и семьи, но со вчерашняго дня и въ нихъ пробудилась подозрительность. Пе-Онтьесъ разсказалъ имъ все.

— Вотъ-те на!—сказали они.—А онъ предполагалъ, очевидно, что ты выслѣживаешь его и успѣлъ сегодня уже заполучить свои двѣсти тысячъ.

— Гдѣ онъ?—спросилъ Пе-Онтьесъ.

— Онъ сидитъ въ клубѣ, если уже не за горами.

— Я иду въ клубъ,—сказалъ Пе-Онтьесъ,—ищите вы его въ другихъ мѣстахъ.

Онъ оглянулся. —Намъ нуженъ еще народъ, чтобы искать его. Гдѣ же всѣ?

Нѣсколько человѣкъ, женщинъ и дѣтей, пробѣжали мимо, по направленію къ гавани.

— Что съ ними?—спросилъ Кай-Янсъ.

— Да,—сказали другіе,—что случилось? Мы уже раньше замѣтили, какъ нѣкоторые, какъ угорѣлые, неслись къ гавани.

Тѣмъ временемъ мимо пробѣжалъ слесарь Нагель, и они крикнули ему:—Сюда, мастеръ! Куда, мастеръ?

Онъ обернулся на бѣгу и крикнулъ:

— Развѣ вы еще не знаете?—И сказалъ что-то о Дузеншенѣ, чего они не поняли, и понесся дальше. Сейчасъ же послѣ него появился малый. Онъ побѣжалъ наноскахъ, держа въ рукахъ туфли. Пе-Онтьесъ схватилъ его за шиворотъ:

— Что случилось?—Однимъ взмахомъ малышъ вывернулся и отвѣчалъ:

— Дузеншенъ откопалъ золотой корабль... въ датскихъ пескахъ... Милліонъ уже нашли.

— Слышите?—сказалъ Пе-Онтьесъ.—Ахъ ты, Господи!

Изъ корчмы толстаго Бютта слышались возгласы и крики. Слышны были имена бургомистра и Дузеншена. Громко провозглашалось ихъ здоровье. Изъ маленькихъ остроконечныхъ домиковъ туда и сюда шныряли люди, хлопали дверями, женщины кричали и бѣгали слѣдомъ. Старуха Тиденъ, дѣти которой всѣ погибли, вышла изъ дома и на ходу повязывала свой большой, съ синими крапинками, передникъ.

— О, если бы дѣти мои были здѣсь! Вотъ-то теперь мы всѣ разбогатѣемъ!

Когда они дошли до конца Гаванской улицы, они увидѣли Стіену Дузеншенъ подъ окномъ Рике Томсенъ. Она вертѣлась и виляла, жеманничала и улыбалась.

— Вы уже слышали?—крикнула она высокимъ, пѣвучимъ голоскомъ.

— Бѣдная мать!—сказалъ Кай-Янсъ.

Рике Томсенъ высунула свою большую, толстую голову изъ окна и, узнавъ обоихъ, сказала съ насмѣшкой:

— Ну, Пе-Онтьесъ? Кай-Янсъ? Вѣрите вы теперь, что Тьяркъ Дузеншенъ найдетъ священную землю? Я вѣдь всегда говорила.

— Да, ты всегда была права!—сказалъ Пе-Онтьесъ.— Гдѣ Тьяркъ Дузеншенъ? У насъ для него припасенъ еще одинъ лавровый вѣнокъ.

— Еще и смѣется надъ нами!—воскликнулъ онъ въ гнѣвѣ.—Изъ васъ двоихъ никогда ничего не выйдетъ! Ничего! Ровно ничего!

— Идемъ,—сказалъ Пе-Онтьесъ.

— Ахъ,—отвѣчалъ Кай-Янсъ,—отпусти меня домой. Я не хочу идти съ тобой въ клубъ. Я съ самаго дѣтства смотрѣлъ на этихъ людей съ благоговѣніемъ. Некрасиво видѣть королей въ грязи.

— Пивныхъ и карточныхъ королей,—сказалъ Пе-Онтьесъ.—Тебѣ это не вредно, идемъ.

Когда они приближались къ клубу, они уже издали слышали громкій ревъ. Они вошли, открыли дверь и увидѣли сквозь табачный дымъ пятнадцать или двадцать членовъ, сидящихъ за столомъ; передъ ними стояли огромные, полные стаканы.

На столѣ и на полкахъ кругомъ стояли различныя наивныя подношенія: бокалы, копилки, чучела птицъ, дешевыя раскрашенныя статуэтки, распредѣленныя безъ смысла и вкуса, производившія отталкивающее и сумбурное впечатлѣніе. Посреди стола стояла большая деревянная свинья съ колбасой вокругъ шеи. Въ закрытомъ чрезвычайномъ собраніи основалъ клубъ въ честь свою и Тьярка Дузеншена эту бездѣлушку. Надъ стуломъ Тьярка Дузеншена висѣлъ лавровый вѣнокъ, привезенный изъ Берлина. Его самого уже не было. Даніилъ Петерсъ стоялъ на стулѣ. Его рѣчь только-что прервали, и онъ не могъ овладѣть шумомъ.

Докторъ Винзингъ покрывалъ все своимъ могучимъ пивнымъ басомъ:

— Скажи-ка, бургомистръ: вы вѣдь теперь можете признаться: ты и Зульсенъ, на самомъ дѣлѣ, доѣхали до Берлина?

— Скажи-ка, Зульсенъ, сколько этажей въ фабрикѣ-то?

Всѣ смѣялись и кричали на перерывъ:

— Зульсенъ говоритъ, что два этажа, а бургомистръ утверждаетъ—три.

— Васъ въ четвергъ вечеромъ видѣли въ Гамбургѣ у Пфордте... Когда же вы были въ Берлинѣ?

— Гдѣ же Дузеншенъ?

Даніилъ Петерсъ поглаживалъ свои длинные, красивые усы:

— Милостивые государи...

— Дальше!

— Мы вѣдь знали, какого мнѣнія держаться о господинѣ Дузеншенѣ, вслѣдствіе чего поѣздка въ Берлинъ была, собственно говоря, совершенно лишней. Но я и нашъ

уважаемый ротманъ тѣмъ не менѣе ѣздили въ Берлинъ, вѣрные исполненію долга, и все осмотрѣли въ точности.

Онъ опять задумчиво разгладилъ усы и сказалъ очень серьезно:

— Господа... Я отлично знаю, что это мѣсто—не оффиціальное средоточіе города Илигенлея, и что не здѣсь воздаются оффиціальныя почести... Милостивые государи, ихъ раздаютъ въ залѣ засѣданій нашей почтенной городской думы; но — этимъ я выражаю всѣмъ извѣстную истину—это мѣсто собираетъ часто, въ данномъ случаѣ, напримѣръ, всѣ интеллигентныя силы стараго города Илигенлея.

— Отлично... дальше!

— Я вамъ, высокочтимые государи и друзья, долженъ сообщить, что соборный клубъ, основанный 30 марта 1848 г., предсѣдателемъ котораго въ настоящее время имѣю честь быть я, избралъ господина Дузеншена, владѣльца колбасной фабрики—по секрету: въ будущемъ году самой большой въ Германіи,—единогласно—я долженъ это повторить, чтобы подчеркнуть общее настроеніе собранія,—въ почетные члены.

Раздалось восторженное ликованіе.

— Я нахожу это просто великолѣпнымъ.

— Это дѣлаетъ клубу опять большую честь.

— Настоящій Илигенлей. Ни одного недовольнаго.

Съ серьезно-веселыми лицами потрясали они другъ другу руки.

Торговецъ Лау появился на самомъ дѣлѣ въ самый неудачный моментъ. Онъ вынырнулъ изъ облаковъ дыма и сказалъ:

— Гдѣ Дузеншенъ съ деньгами? Гдѣ онъ съ деньгами? Я былъ въ Берлинѣ... все обманъ.

Они не понимали его. Первый судья, который напивался каждый вечеръ и растрачивалъ свою высокую должность, крѣпко схватилъ обѣими руками свою огромную кружку, всталъ и сказалъ важнымъ тономъ, смотря на Пе-Онтьеса тупыми, осоловѣлыми глазами:

— Господинъ Лау... нашъ уставъ запрещаетъ людямъ безъ введенія...

— Что такое? Чего онъ хочетъ?

— Я былъ въ Берлинѣ,—сказалъ обозленный Пе-Онтьесъ.—Все обманъ. Понимаете вы это слово или нѣтъ? Никакой толевой фабрики не существуетъ. Все обманъ и надувательство. Понимаете вы это?

Старикъ Зульсенъ всталъ и устремился испуганными глазами на Пе-Онтьеса и тотчасъ же опустился на стулъ, а голова его упала на столъ.

Красное лицо бургомистра поблѣднѣло.

— Бургомистръ... ты...

Всѣ они кричали вперемежку.

— Что же это такое?... Зульсенъ!.. Бургомистръ... Вѣдь вы были тамъ.

— Чортъ возьми.. да говори же, наконецъ! Видѣлъ ты фабрику или нѣтъ? Былъ ты въ Берлинѣ или нѣтъ?.

— Только въ Гамбургѣ,—сказалъ Даніилъ Петерсъ.—До Пфордте...—и онъ повернулся, и стоялъ въ нерѣшимости около своего стула, опустивъ глаза.

Тѣ молодые граждане, которые встрѣтили Пе-Онтьеса на вокзалѣ и нѣкоторые другіе, протискались въ залъ; хозяинъ и слуги тѣснили ихъ сзади. Одинъ изъ нихъ подскочилъ къ бургомистру, толкнулъ его въ грудь и крикнулъ:

— Гдѣ мошенникъ? Осрамлены мы передъ всей страной.

Докторъ Винзингъ, который со временъ своего экзамена ни разу не заглядывалъ въ литературу по своей спеціальности, бездарный, глупый человѣкъ, но съ развязнымъ языкомъ, крикнулъ:

— Мы запрещаемъ такія выраженія по отношенію къ члену нашего клуба, пока дѣло не выяснено.

— Запрещаете?—сказалъ Пе-Онтьесъ.—Кто же вы такой? Мы взирали къ вамъ. Къ магистрату и ученымъ и одинъ изъ господъ пасторовъ тоже тутъ. Но кто же вы?..

Онъ не зналъ, какъ высказать свою мысль. Кай-Янсъ сказалъ:

— Весь городъ смотритъ на васъ, мужья, жены, дѣти, потому, что вы занимаете должности и почести, всѣ думаютъ, что внутри васъ что-то есть. А вы получаете содержаніе и исполняете ваши обязанности неудовлетворительно и не проникаясь ими. Вы должны быть гордыми стражами, свѣтомъ и благомъ города. Святую, чистую страну должны вы созидать. Вотъ вашъ долгъ!

Стараго Зульсена вынесли. Изрѣдка подходилъ то-одинъ, то другой изъ ремесленниковъ къ бургомистру и бранилъ его. Наконецъ, хозяинъ отвелъ его въ сосѣднюю комнату и заперъ за нимъ дверь.

Пе-Онтьесъ и Кай-Янсъ пошли искать Дузеншена. Въ крѣпостномъ саду Кай-Янсъ хотѣлъ уйти.

— Пусти меня домой,—сказалъ онъ,—вчера и сегодня я достаточно насмотрѣлся нужды.

— Ты пойдешь со мной,—сказалъ Пе-Онтьесъ съ сердцемъ.—Мы доберемся до Тьярка Дузеншена.

— Я ничего не хочу больше видѣть,—отвѣчалъ Кай-Янсъ,—я видѣлъ все то, что грустно и страшно на землѣ. Что же мнѣ еще смотрѣть на лицо Дузеншена?

— Пойдемъ, тебѣ это хорошо послѣ всѣхъ твоихъ думъ.

Когда они хотѣли завернуть въ Канатную улицу, имъ на встрѣчу попался небольшой, старомодный возокъ. При свѣтѣ луны они увидѣли, что возница повернулъ свое исхудалое лицо въ ихъ сторону и пристально посмотрѣлъ на нихъ. Послѣ того, какъ они уже отошли довольно далеко по улицѣ, Пе-Онтьесъ вдругъ сказалъ:—Кай, крестьянинъ мнѣ показался подозрительнымъ... Слушай... Куда онъ ѣдетъ?—Они остановились, прислушиваясь, и услышали, что коляска поѣхала по Гаванской улицѣ.—Слышишь? Онъ ѣдетъ на фабрику. Пойдемъ, посмотримъ, гдѣ онъ остановится.

Они поспѣшили къ фабрикѣ и увидѣли, что она освѣщена по обыкновенію, видно было, что работаютъ и слышалось хрюканье свиней. Они въ удивленіи озирались кругомъ. Гдѣ-нибудь да остановился же возокъ. Наконецъ, Кай-Янсъ открылъ его. Онъ остановился на дамбѣ. Темный массивъ дамбы подымался за нимъ и скрывалъ его отъ глазъ.

Они подошли къ возку и Пе-Онтьесъ, посмотрѣвъ пристально на козлы, сказалъ:—Боне Фоссъ изъ Краутзиля? Кого ты ждешь?

— Это никого не касается,—отвѣтилъ Боне Фоссъ и непринужденно засмѣялся.

— Ты здѣсь останешься и ни звука,—сказалъ Пе-Онтьесъ тихо,—не то я тебѣ заткну глотку. Ты, Кай, сходи-ка на фабрику и посмотри, не тамъ ли онъ. Можетъ быть, ты натравишь его прямо на меня.

Кай-Янсъ направился къ навѣсу и тамъ въ темнотѣ долго и тщетно искалъ контору. Тогда онъ пошелъ по направленію, откуда раздавалось хрюканье, и попалъ въ длинный проходъ, шедшій около хлѣва. Тамъ онъ при свѣтѣ луны увидѣлъ неимовѣрно длиннаго человѣка, который, сгорбившись, шумя и спотыкаясь, гонялся за свиньей. Онъ узналъ Яна Фриха Бумана.—Что ты здѣсь сдѣлаешь?—сказалъ онъ.

— Ахъ!—отвѣчалъ Янъ Фрихъ, утирая потный лобъ.—Это ты, Кай!

— Что это все обозначаетъ? Скажи же мнѣ. Гдѣ Тьяркъ Дузеншенъ?

— Ахъ,—сказалъ онъ жалостно и задыхаясь.—Кай! Я не знаю, что мнѣ дѣлать. Я вотъ уже бѣгаю здѣсь три дня и трачу на это свои легкія. Жена моя думаетъ, что я сижу въ Краутзандѣ и ловлю угрей. А у него нѣтъ больше ни свиней, ни денегъ, какъ мнѣ кажется, и вотъ онъ, бѣдный

человѣкъ, перерываетъ со своими людьми датскіе пески и ищетъ тамъ денегъ.

— Послушай,—сказалъ Кай-Янсъ,—вѣдь все неправда. Все обманъ.

Янъ Фрихъ сѣлъ.—Такъ,—сказалъ онъ,—все надувательство? Все надувательство... Гдѣ же онъ?

— Мы не знаемъ. Должно быть, бѣжалъ.

— Ты, Кай... Онъ все-таки великій человѣкъ. Великій человѣкъ! Онъ куда выше тебя и Пе-Онтьеса... Такъ!.. Такъ, значитъ, все обманъ!.. Честь и уваженіе, Кай!

— Скажи, гдѣ онъ?

— Часъ тому назадъ онъ былъ еще въ конторѣ. Гдѣ онъ теперь, я не знаю. Мимо проходили люди, кричавшіе что-то о датскихъ пескахъ и объ убійствѣ. Вотъ онъ, должно быть, гдѣ-нибудь и спрятался... Я всегда его очень высоко ставилъ. Я долженъ признаться, что изъ всѣхъ людей онъ мнѣ всегда доставлялъ самое большое удовольствіе.

— Пойдемъ къ Пе-Онтьесу.

Пе-Онтьесъ стоялъ у возка въ напрасныхъ ожиданіяхъ. Мимо проходила группа людей. Узнавъ голосъ Пе-Онтьеса, ему крикнули:—Мы его изловили! Свели въ ратушу и деньги отобрали! Онѣ уже въ кассѣ! Самого его отпустили!

— Каково же было у него настроеніе?—поинтересовался Пе-Онтьесъ.

— Онъ сердился, что очень естественно, а въ общемъ нахаленъ. Онъ боялся только, что его побьютъ, и теперь, вѣроятно, отправился пѣшкомъ на ближайшую станцію.

Тогда Пе-Онтьесъ пошелъ съ Каемъ-Янсомъ и Яномъ Фрихомъ въ длинный домъ.—Мнѣ жаль,—сказалъ Пе-Онтьесъ,—что мнѣ не удалось его повидать.

Онъ подошелъ къ длинному дому и нашелъ дверь къ квартирѣ Стіены Дузеншенъ открытой, вошелъ туда, но тотчасъ же вернулся: въ квартирѣ никого нѣтъ. Они пошли опять по улицѣ и разсуждали о томъ, гдѣ бы онъ могъ находиться. Вдругъ взглядъ Яна Фриха случайно остановился на кузницѣ. Онъ увидѣлъ, что дверь осторожно и тихо притворили. — Ахъ, Господи, — сказалъ онъ шопотомъ,—я знаю, гдѣ онъ!—И онъ направился къ двери.

Тамъ сидѣли залитые луннымъ свѣтомъ, пробивавшимся сквозь западныя окна, на старомъ, развалившемся остовѣ коляски Ниссена, который они во время оно разыгрывали, Тьяркъ Дузеншенъ, а рядомъ съ нимъ его бабушка, старая Стіена. А Даніилъ Петерсъ сидѣлъ напротивъ на опрокинутой тачкѣ. И Тьяркъ Дузеншенъ ораторствовалъ, глядя на нихъ своими ясными, вѣрными глазами.

Кай-Янсъ съ жаромъ набросился на него:—Что же теперь съ тобой будетъ? Скажи мнѣ... о чемъ ты думаешь? Опять такимъ жалкимъ ты вступаешь въ жизнь.

— Жалкимъ?—отозвался Дузеншенъ удивленно и засунулъ руки въ свои большiе, почтенные карманы съ клапанами.—Ахъ, братъ... Ты слишкомъ глупъ.

— Дай ему разъ по физiономiи!—крикнулъ Пе-Онтьесъ.

— Это совсѣмъ напрасно, Пе-Онтьесъ,—сказалъ Янъ-Фрихъ, садясь на наковальню.—Онъ тутъ ни причемъ. Все его несчастье заключается въ томъ, что онъ путаетъ активъ съ пассивомъ. Это у него съ дѣтства.

— Не забывайте,—сказалъ Дузеншенъ равнодушно и спокойно.—Что я членъ соборнаго клуба.

— Что тебѣ отъ такой жизни?—спросилъ Кай-Янсъ съ надрывомъ.—О чемъ ты думаешь? Для чего ты существуешь?

— О чемъ ты думаешь?—спросилъ Дузеншенъ.—Не обижайся, Кай-Янсъ, ты дуракъ... Деньги нужно брать, если ихъ даютъ—вѣдь это же ясно.

Пе-Онтьесъ испугался, что этотъ человѣкъ окажетъ опять свое влiянiе на него и сказалъ:—Идемъ, Кай.

— Но ты-то кто?—крикнулъ Кай-Янсъ съ страшной настойчивостью.—Кто тебя подталкиваетъ и чего ты хочешь на свѣтѣ? Тьяркъ! Скажи же мнѣ!... Вѣдь ты серьезный человѣкъ.

Дузеншенъ смотрѣлъ на него съ кроткой улыбкой, слегка покачивая головой:

— Несчастный ты человѣкъ!—сказалъ онъ.—Ты буквально страдаешь за меня. Но что я знаю о себѣ? Мнѣ такъ нравится.—Онъ прислушался къ тому, что происходило снаружи.

— Кажется, тихо... Я теперь пойду. Я не хотѣлъ попасться въ руки этому сброду.

Когда они вышли на улицу, Кай-Янсъ, усталый и удрученный, сказалъ:

— Теперь оставь меня, Пе-Онтьесъ! Будетъ съ меня всего несчастья!.

— Нѣтъ,—сказалъ упорный Пе-Онтьесъ,—идемъ со мной. Посмотримъ, что въ городѣ. Мы должны пробиться до конца, Кай. До правды, до дѣйствительности; ближе къ ней, если бъ даже обликъ ея смахивалъ на ликъ чортовой бабушки.

Когда они достигли крѣпостного сада, то по Западной улицѣ толпами возвращался народъ съ датскихъ песковъ. Они узнали, что все обманъ, шумѣли, кричали и смѣялись наперерывъ.

Со всѣхъ сторонъ улицъ, изо всѣхъ домовъ раздава-

лись звонки, безпорядочные клики и выбѣгали люди. Большой Пе-Онтьесъ смѣялся.

— Не смѣйся,—сказалъ Кай-Янсъ.—Какъ ты можешь смѣяться, когда вся родина твоя въ такомъ униженіи?

— Что мнѣ до Илигенлея?—сказалъ Пе-Онтьесъ дико.—Жена, дѣти! Все остальное для меня безразлично.

— Не говори такъ!—сказалъ Кай-Янсъ.—Не говори такъ! Это наши братья и сестры. Если мы не будемъ этого помнить, то мы будемъ свирѣпы другъ къ другу, какъ дикіе звѣри. Да, братья и сестры.

Тогда они увидѣли человѣка, выходящаго изъ каштановой аллеи и при лунномъ свѣтѣ узнали въ немъ Піета Бойе.

Онъ пріѣхалъ изъ Гамбурга на полдня къ своей матери. Онъ шелъ на вокзалъ, чтобы съ ночнымъ поѣздомъ ѣхать въ Гамбургъ. Онъ зналъ обо всемъ, что случилось, и сказалъ:—Теперь ужъ нельзя больше говорить, что ты родомъ изъ Илигенлея.—И молча, погруженный въ мысли, шелъ рядомъ съ ними по направленію къ станціи.

— Если бы это было такъ!—сказалъ Кай-Янсъ.

— Но послушай и посмотри на всѣхъ этихъ людей!

Толпа человѣкъ въ двѣсти тѣснилась по направленію къ вокзальной улицѣ.

Слышенъ былъ топотъ ногъ, въ воздухѣ висѣла брань; здѣсь и тамъ раздавался грубый пьяный смѣхъ.

— Послушай, какъ они смѣются!—сказалъ Кай-Янсъ.—Они не подозрѣваютъ, что они безумные!

Піетъ Бойе пожалъ плечами и сказалъ равнодушно, холодно:—Вѣдь мы всѣ такіе же, Кай. Должны ли мы быть вообще иными?

— Ты всегда былъ счастливымъ, увѣреннымъ и яснымъ человѣкомъ, — сказалъ Кай-Янсъ. Піетъ Бойе засмѣялся. — Ахъ,—сказалъ онъ.—Молодъ я былъ и бодръ. Я наслаждался, взбираясь вверхъ. Но съ тѣхъ поръ, какъ я на верху... Эта жизнь на нашей верфи изо дня въ день; сегодня вводишь одно улучшеніе, завтра упраздняешь другое, достигать большаго, чѣмъ всѣ остальныя верфи, всѣ остальные народы; къ этому прибавь недовольныхъ рабочихъ, разныхъ проныръ и домогателей! И такъ изо дня въ день! Вѣдь это все безцѣльно.

Они приблизились къ вокзалу.

— Знаешь,—сказалъ Піетъ Бойе,—есть счастливые люди!

— Гдѣ?—поспѣшно спросилъ Кай-Янсъ и оглянулся.

— Люди съ бредовыми идеями. Ты долженъ стать человѣкомъ съ бредовой идеей, и тогда ты будешь счастливъ. Люди съ счастливыми бредовыми идеями. Въ домахъ умалишенныхъ—вотъ кто счастливъ! И тѣ тоже, которые при-

надлежать къ какой-нибудь сектѣ! Я это наблюдалъ и въ нашихъ мастерскихъ, и въ Лондонѣ. Люди, принадлежащіе къ арміи спасенія, напримѣръ,—они счастливы. Такъ видишь ли: обзаведись бредовой идеей, и ты станешь счастливцемъ.

— Да,—сказалъ Кай-Янсъ и въ глазахъ его свѣтилось жгучее горе.—Ты правъ... Мы и на самомъ дѣлѣ не далеки отъ тѣхъ временъ, когда люди были тупы, какъ звѣри. Такъ и теперь мы живемъ не познаніемъ, а представленіями и бредовыми идеями. Я... Піетъ!.. Я бы хотѣлъ имѣть такую бредовую идею, бредовую идею для всѣхъ людей, великую, прекрасную, широкую... такую, которая приблизила бы насъ къ свѣту, къ познанію.

— Покойной ночи,—сказалъ Піетъ Бойе, громко засмѣявшись, пожалъ имъ руки и ушелъ.

— Посмотри-ка,—сказалъ Пе-Онтьесъ,—посмотри.

Большая толпа пьяныхъ несла на палкѣ деревянную свинью изъ клуба и орала. Среди толпы виднѣлись сѣдыя головы, было нѣсколько членовъ соборнаго клуба.

— Посмотри,—сказалъ Пе-Онтьесъ, указавъ рукой на толпу:—Вотъ твоя священная земля!.. Вотъ весь народъ, все человѣчество. Вотъ они!

— Ты,—сказалъ Кай-Янсъ чуждымъ голосомъ и схватилъ его руку, какъ бы ища опоры.—Ты милый Пе-Онтьесъ! Ты простой человѣкъ, но ты съ дѣтства такъ твердо, такъ прочно стоишь въ жизни!

— Другъ,—сказалъ Лау смущенно.—Я... прочно... Анну Бойе и меня треплютъ любовь и гнѣвъ... Намъ недостаетъ, какъ и всѣмъ людямъ,—компаса и руля.

Тогда Кай-Янсъ отпустилъ его руку и сказалъ безнадежно, и видно было, какъ ужасъ леденилъ его душу:

— Никто изъ людей ничего не знаетъ! Нѣтъ священной земли! Нѣтъ бога! Все смутно! Смутно!

* * *

На слѣдующее утро Пе-Онтьесъ сбѣгалъ къ Гейнке и разсказалъ ей, что пріѣхалъ Кай-Янсъ.—Ты умная и красивая дѣвушка,—сказалъ онъ,—и дружна съ нимъ. Я не достаточно уменъ для него, а Анна становится сейчасъ несправедливой. Пойди и утѣшь его.

Тогда она подумала:—Обстоятельства слагаются благопріятно, у того другого—цѣлыхъ четыре недѣли каникулъ и онъ за горами: слѣдовательно, я могу заняться этимъ милымъ, несчастнымъ человѣкомъ. Мнѣ легко утѣшать, потому что я счастлива. О, милый Петерлейнъ.

И она пошла въ длинный домъ. Онъ сидѣлъ за круглымъ

столомъ, за которымъ крестили всѣхъ дѣтей изъ рода Янсовъ, за которымъ ѣли они и готовили свои уроки, и смотрѣлъ въ молчаливомъ раздумьѣ на море.—Пойдемъ на плотину,—сказала она.

Онъ всталъ и пожалъ ей руку.—Я не подходящій провожатый для тебя, дитя.

— Молчи,—сказала она,—Пе-Онтьесъ мнѣ все разсказалъ. Идемъ.

На срединѣ длинной плотины, выходящей прямо въ море, она мило, довѣрчиво взяла его подъ руку и такъ пошла съ нимъ. Западный вѣтеръ вѣялъ имъ навстрѣчу. Онъ поддувалъ ея платье.

Солнце свѣтило слабо.

— Послушай... Когда ты былъ въ старшемъ классѣ, ты мнѣ разсказывалъ какъ-то, что твои предки происходятъ изъ рода Маркманновъ, что жили они тамъ наверху, на горахъ вѣтра, оттуда спустились въ нашу долину и зажили крестьянами.

— Наконецъ, они стали рабочими въ Илигенлеѣ,—сказалъ онъ,—а послѣдній ихъ рода сталъ мечтателемъ и бездѣльникомъ и нѣтъ у него на родинѣ ни земли, ни права, ни очага.

Она опустила его руку, съ блестящими глазами распахнула свою кофточку и сказала:—У тебя нѣтъ мѣста на родинѣ? Развѣ твоя родина имѣетъ что-либо болѣе прекрасное, чѣмъ красивая дѣвушка? Здѣсь у тебя мѣсто! Ты полагаешь, что легко того добиться, чтобы кто-нибудь жилъ здѣсь и былъ здѣсь роднымъ? Или для тебя дороже, если бы тебѣ кланялись десять старыхъ мужиковъ, да старая церковная башня Илигенлея въ придачу?

Онъ удивленно посмотрѣлъ на нее:—Какъ ты измѣнилась! Ты такъ добра и нѣжна.

— Да...—подумала она.—Петерлейнъ...

Солнце сіяло и вѣтеръ дулъ. Они шли все дальше къ блестящему сѣрому морю и она въ добротѣ своей прижимала руку его къ своей груди.

— Лучшее изъ моихъ платьевъ я одѣла. Ты уже замѣтилъ? И обратилъ ли ты вниманіе на цвѣтокъ? Все это я сдѣлала, чтобы развеселить тебя.

Онъ опять посмотрѣлъ на нее:—Твой ротъ былъ раньше маленькимъ,—сказалъ онъ,—теперь онъ развился и сталъ шире, а твои глаза стали темнѣе и нѣжнѣе. Твои глаза были прежде, какъ двѣ десятилѣтнія веселыя дѣвочки, которыя на вѣтру въ мячъ играютъ... теперь въ нихъ сидитъ молодая мать и играетъ съ своимъ ребенкомъ...

— Это Петерлейнъ сдѣлалъ,—подумала она,—и его лю-

бовь!.. Успокойся, душа!.. Что ты говоришь?—сказала она.—Мнѣ уже двадцать два года, вотъ въ чемъ дѣло.

— Знаешь что,—сказалъ онъ и горько усмѣхнулся надъ самимъ собой.—Когда я былъ молодымъ студентомъ, а ты была еще ребенкомъ, тогда я носилъ нѣкоторое время въ себѣ тайную мысль сдѣлать тебя своей женой. Слава Богу, что я потомъ отказался отъ этого плана и остался при дружбѣ. Сколько бы тебѣ пришлось ждать! И какой тяжелый женихъ! И въ концѣ концовъ онъ бы сказалъ: — Сожалѣю очень, Гейнке Бойе, но у меня нѣтъ ни хлѣба, ни мыслей для тебя!

— Не будь грустнымъ,—сказала она.

— Уже болѣе тридцати лѣтъ мнѣ,—сказалъ онъ,—и все еще я не знаю, существуетъ ли такое мѣсто, гдѣ бы я могъ быть полезнымъ... Другихъ Господь беретъ за руку и ведетъ ихъ на какое-нибудь поле, будь оно хоть совсѣмъ крошечнымъ и говоритъ:—Построй себѣ здѣсь жилище и сажай капусту. Меня же онъ дурачитъ. Для меня у него нѣтъ поля, онъ хочетъ, чтобы я былъ охотникомъ, чтобы я былъ охотникомъ, чтобы я, смутный охотникъ, въ чащѣ и болотѣ искалъ благороднаго, сказочнаго звѣря.

Тогда она потеряла надежду, замолчала и повернула обратно, думая:

— Сегодня я проиграла.

Около шлюза она пожала ему руку и сказала:—Ты мнѣ дороже матери и братьевъ. Если ты недоволенъ, то и я не могу быть счастливой. Я приду завтра и буду ходить каждый день, пока не заставлю тебя смѣяться.

Слезы показались въ ея глазахъ; она повернулась и быстро ушла.

На слѣдующее утро она опять пришла, въ томъ же синемъ платьѣ, съ красной гвоздикой за кушакомъ и пошла опять съ нимъ на плотину къ морю.

— Посмотри-ка,—сказала она, озираясь вокругъ себя,—какъ красива твоя родина! Развѣ тебя не настраиваетъ радостно чувство, что ты—дитя этой страны, гдѣ въ теченіе тысячелѣтій совершено столько отважныхъ дѣлъ человѣкомъ? И ты молодъ, уменъ и здоровъ. Твоя родина и твоя молодость должны тебѣ проповѣдывать мужество для созданія чего-нибудь хорошаго.

— Года два тому назадъ,—сказалъ онъ въ раздумьѣ,—я разсказывалъ тебѣ, что у меня начата работа. Я хотѣлъ показать въ этой книгѣ, какъ въ наши дни во всѣхъ народныхъ дѣлахъ подулъ другой вѣтеръ, свѣжій утренній вѣтеръ. Повсюду—стремленіе впередъ, перемѣны, отважныя улучшенія, желанія стать мудрыми, исканія справедливости.

Я хотѣлъ потомъ разслѣдовать, откуда вѣетъ этотъ вѣтеръ и какіе паруса намъ, стражамъ земли, надо поставить и куда направить руль. Я хотѣлъ пѣть пѣснь о нѣмецкомъ возрожденіи. Я прилежно взялся за работу, испытывалъ большое удовольствіе и надѣялся на душевный миръ. Но тутъ подоспѣла стачка. Мнѣ пришлось много бѣгать, говорить, помогать. Всѣ эти недоразумѣнія, вся ненависть людская, всѣ ихъ сумасбродныя мысли окружали меня, какъ темныя, безпорядочныя силы, и угнетали меня. Потомъ ужасная смерть этихъ двухъ мальчиковъ, а вчера моя родина — домъ умалишенныхъ. Гейнке... я теперь знаю. Всѣ наши частичныя измѣненія, улучшенія и стремленіе впередъ, все это безпорядочно, мелочно, ничто и такъ ничѣмъ и останется, потому что основа нашей жизни не вѣрна, потому что у насъ нѣтъ настоящаго чувства міра, нѣтъ настоящей религіи. Намъ недостаетъ доброй, чистой вѣры, Гейнке, такой вѣры, которая шла бы передъ нами, какъ свѣтлая звѣзда, такой вѣры, къ которой примкнули бы всѣ умные и храбрые люди. Видишь, если бы у насъ была такая вѣра, то все остальное происходило бы само собой. Съ этого, съ основы всякой человѣческой жизни, съ вѣры должно начаться наше возрожденіе. Но гдѣ найти эту новую вѣру? Никто не можетъ сказать, гдѣ она. И Вѣчная Сила намъ не откроетъ ее. Вѣдь ужасно, если просишь Бога: укажи мнѣ ее, подари мнѣ ее! Мнѣ и народу моему нужна она—не то сердце разрывается, а онъ смотритъ на тебя своими спокойными, молчаливыми глазами... Я объ этомъ могу говорить только съ тобой, потому что ты для меня символъ всего чистаго и милаго въ мірѣ.

Она посмотрѣла на него глазами, полными слезъ.—Ахъ,— подумала она,—какъ бы охотно я поцѣловала ему руки и глаза.

— Не плачь,—сказалъ онъ,—будь рада, что твоя жизнь не связана съ моей.

Она повернула и могча шла рядомъ съ нимъ. Она не знала, что отвѣчать ему. Когда она возвращалась съ нимъ, она сказала:—Помнишь ли ты, какъ ты привезъ мнѣ изъ южныхъ морей фрукты? Это самое важное событіе моего дѣтства. А какъ ты мнѣ помогалъ въ моихъ сочиненіяхъ? Всегда ты былъ добръ ко мнѣ. Оттого ты и стоишь ближе ко мнѣ, чѣмъ мать, братья и сестры, и я не успокоюсь прежде, чѣмъ ты опять будешь радостнымъ.

Въ эту ночь думала она и горячо молилась до полуночи о помощи.

И то была властная молитва, потому что изъ рода Бойе молятся рѣдко, но сильно.

На слѣдующее утро она опять пошла къ нему. Онъ ее встрѣтилъ въ дверяхъ и пошелъ съ ней. Вѣтеръ дулъ порывисто и сильно. Утреннее солнце стояло надъ далекой опушкой лѣса. Они молча шли рядомъ. Пара ласточекъ пролетѣла около ея колѣнъ. Она потянулась къ нимъ и слегка вскрикнула и сказала однимъ духомъ, какъ бы выталкивая слова:—Ты вчера сказалъ, что не хватаетъ нашему народу и нашему времени святой земли, на которой можно было бы стоять, а вслѣдствіе того нѣтъ внутренней, увѣренной радости жизни и воли. Скажи мнѣ: существовалъ ли когда нибудь на землѣ такой человѣкъ, который стоялъ на такой святой землѣ и былъ радостенъ и пожиналъ прекрасное?

Онъ остановился и удивленно посмотрѣлъ на нее:—Да.—сказалъ онъ,—я думаю, что Спаситель стоялъ на ней.

— Да,—сказала она,—но мнѣ кажется, что онъ стоялъ на ней не какъ простой человѣкъ, а въ божественной силѣ?

— Да, дитя, — сказалъ онъ, — но кто это знаетъ? Настоящій обликъ его вскорѣ послѣ смерти стали перекрашивать, золотить все больше и больше. Конечно, вотъ уже цѣлыхъ сто лѣтъ прилежные ученые работаютъ надъ освобожденіемъ его истиннаго облика отъ наслоившейся позолоты. Они достигли хорошихъ результатовъ, въ особенности за послѣднія двадцать лѣтъ. Я знаю большую часть этихъ изслѣдованій. Но ясности, насколько я понимаю, они еще не достигли.

Онъ посмотрѣлъ передъ собой и сказалъ потомъ медленно и задумчиво:—Когда я былъ пасторомъ, я радовался его мудрости и добротѣ и проповѣдывалъ объ этотъ; и думалъ, что безразлично, вѣчное ли это тайное существо, или простой человѣкъ. Вѣдь это же и безразлично... нѣтъ... это не безразлично... нѣтъ.

Пара ласточекъ пролетѣла съ короткимъ, нѣжнымъ щебетаньемъ у колѣнъ Гейнке Бойе. Она потянулась къ нимъ, крикнула и, поднявъ ясную голову, сказала быстро:

— И это безразлично? Это? Нѣтъ ничего болѣе необходимаго на свѣтѣ, какъ ясность въ этомъ дѣлѣ. Пока здѣсь нѣтъ ясности, священная земля, невѣрное, — шаткое достояніе, умы людей мятутся безпокойно отъ одного мнѣнія къ другому, и всякія церковныя вѣры и воля священниковъ держатъ въ неправедной власти человѣка. Нѣтъ болѣе необходимаго на свѣтѣ, какъ ясность въ вопросѣ о существѣ Спасителя.

Онъ безпокойно слушалъ ее и сказалъ тихо и неувѣренно, какъ бы подыскивая слова:—Да... пожалуй, ты права! Если бъ было возможно,—сказалъ онъ медленно,—найти подъ позолотой его истинную жизнь, и оказалось бы, и можно

было бы доказать, что онъ былъ человѣкомъ, простымъ человѣкомъ, и можно было бы показать самые тайники его души, ту святую землю, на которой онъ стоялъ и пожиналъ свои прекрасные всходы... да... и тогда можно было бы сказать: пріидите, всѣ люди: смотрите, здѣсь стоялъ человѣкъ, человѣкъ, какъ мы всѣ, на святой землѣ и былъ счастливъ и доволенъ, пріидите сюда, пріидите сюда, всѣ люди: встанемъ на эту священную землю и будемъ работать надъ возрожденіемъ нашего народа!.. Но видишь ли... изъ этого ничего не выйдетъ... Источники слишкомъ скудны. Я не думаю, чтобы можно было найти его душу и жизнь. Нѣтъ, я не думаю... И всегда будутъ господствовать церкви, всегда... а вмѣстѣ съ ними заблужденіе...

Опять пролетѣли ласточки съ звонкимъ щебетомъ около колѣнъ ея. Она нагнулась къ нимъ, пытаясь схватить ихъ, вскрикнула, и ласточки пугливо пронеслись надъ ея рукой, а она начала говорить отрывисто:

— Ты говоришь, что многіе уже работали надъ этимъ вопросомъ и что уже добыты важные результаты? Кай-Янсъ, попытайся, твоими дѣтскими глазами и твоимъ горячимъ, дикимъ сердцемъ проникни въ глубь изслѣдованій! Напиши образъ Спасителя!

Онъ съ ужасомъ ударилъ себя въ грудь:—Я?—сказалъ онъ,—я, бѣдный, неученый человѣкъ?

— Такой, какъ ты, долженъ это сдѣлать,—сказала она,— бѣдный, неученый человѣкъ. Ты... развѣ ты не видѣлъ съ самаго ранняго, бѣднаго, суроваго твоего дѣтства собственными глазами много человѣческаго горя? Тебя Богъ подарилъ особыми глазами; съ самаго дѣтства говорятъ о тебѣ, что ты видишь людей и вещи нагими. Или ты боишься того, что скажутъ люди?—Онъ покачалъ головой:—Я уже давно отучился считаться съ человѣческимъ мнѣніемъ. Но я тебѣ говорю, что это ужасная и трудная работа. Попробуй-ка оживить отдаленное, чуждое, чудесное бытіе! Упаси меня, Боже,—какъ я съ этимъ справлюсь?

Она взяла его за руку и посмотрѣла на него своими красивыми, строгими глазами прямо въ лицо:—Попытайся! Начни завтра! Пусть удастся, пусть нѣтъ! Будь одинъ изъ тѣхъ, которые готовы помочь человѣчеству, пока не возьметъ въ руки рычагъ болѣе могущественный. Начни завтра, Кай! Ищи святую землю!—Она его остановила и потрясла его за руки.—Помоги, Кай-Янсъ! Сдѣлай что-нибудь для возрожденія твоего народа и не бойся.

— Если ты хочешь,—сказалъ онъ, тяжело дыша,—я попробую. Ты имѣешь странную власть надо мной, какъ будто ангелъ Божій покоряетъ меня.

Тогда она отпустила его руки, кликнула ласточекъ и отправилась съ ними въ Илигенлей.—Посмотри,—сказала она,—видишь ты бѣлое облако надъ горой Водана? Какъ странно оно сползаетъ! Какъ будто оно живетъ.

Онъ обернулся и увидѣлъ далекій, широкій міръ и посмотрѣлъ на нее. Она шла спокойно и увѣренно и смотрѣла спокойными, красивыми глазами своими черезъ холмы.—Ты госпожа надъ этимъ,—сказалъ онъ.

— Конечно!—сказала она.—Море и вѣтеръ, и спепь, и холмы не въ силахъ были сдѣлать того, что я сейчасъ сдѣлала. Она обернулась:—Гдѣ же мои ласточки?

— Онѣ тебѣ усердно помогали,—сказалъ онъ.—Теперь онѣ улетѣли...

— Иди домой и будь прилеженъ,—сказала она и кивнула ему.—Я тоже должна идти на работу.

* * *

И вотъ Кай-Янсъ началъ искать, сидя въ выбѣленной комнаткѣ длиннаго дома, въ евангеліяхъ святую страну. Каждый день послѣ обѣда она приходила къ нему въ своемъ короткомъ синемъ платьѣ и стучала въ окно. Тогда онъ, смущенный, отрывался отъ книгъ съ видомъ, какъ будто невѣдомое существо выползло изъ моря и смотритъ въ окно. Тогда онъ шелъ съ ней и всегда былъ молчаливъ. Даже когда онъ шелъ рядомъ съ ней, онъ былъ погруженъ въ свою работу.

Когда она его спрашивала, какъ идетъ работа, онъ качалъ головой и говорилъ:—Мой другъ прислалъ мнѣ всѣ главныя сочиненія, вышедшія въ послѣднее десятилѣтіе по этому вопросу; всѣ книжки, написанныя нѣмецкими профессорами. Большую часть я уже знаю... Это тяжелое и очень запутанное предпріятіе; я не думаю, чтобы вышло что-нибудь опредѣленное. Но я тебѣ все-таки благодаренъ, что ты навела меня на эту работу. Если я и не могу заставить биться вновь священный царскій источникъ со свѣжей силой—онъ слишкомъ засыпанъ и изсякъ,—то уже большое удовольствіе доставляетъ работа въ священной рощѣ, выросшей вокругъ него въ теченіе вѣковъ.

— Видишь ли?—сказала она.—Да, Гейнке Бойе!—И она брала его подъ руку и разсказывала ему о своемъ дѣтствѣ, какъ она хотѣла принести цвѣтовъ и боялась.—А теперь вотъ принесла тебѣ пышный цвѣтокъ. И она разсказывала ему о своемъ житьѣ-бытьѣ.

Но она ни слова не говорила о томъ, что она цѣлое лѣто всѣ вечера просиживала на колѣняхъ мужчины, и что

она черезъ утро, по обычаю всѣхъ изъ рода Бойе, сидѣла на краю своей кровати, читала съ горящими щеками и блестящими глазами письма этого человѣка. Объ этомъ она ничего не говорила. Такъ прошли три недѣли.

Когда она въ началѣ четвертой недѣли въ одинъ прекрасный сентябрьскій день шла по плотинѣ съ намѣреніемъ постучать въ окно, она его застала не за книгами, какъ обыкновенно, а стоящимъ и смотрящимъ спокойнымъ взоромъ на морскую даль. Онъ тотчасъ же вышелъ и сказалъ, немного волнуясь, схвативъ ее за руку:

— Послушай... все выясняется. Нѣтъ больше сомнѣнія. Я тебѣ не могу выразить, какъ у меня странно на душѣ. Становится все яснѣе: это замѣчательно глубокая, чистая, храбрая человѣческая жизнь. Она трогательна съ начала до конца: въ проявленіяхъ вѣры и доброты, въ гордомъ желаніи побѣды и немощи побѣдить, въ заблужденіяхъ и гибели. Я думаю, что онъ ни въ одномъ отношеніи не превышаетъ обычной человѣческой мѣрки. Это драма, а ангелы не переживаютъ драмъ. Пойдемъ къ морю. Ты должна меня спрашивать, если тебѣ что-нибудь покажется страннымъ: тогда все мнѣ болѣе выясняется. Гейнке Бойе! Вѣдь у меня нѣтъ человѣка, съ которымъ я могъ бы поговорить объ этомъ.

Тогда онъ началъ разсказывать, а она внимательно слушала. Часто онъ останавливался и замѣчалъ, что тутъ пробѣлъ. Часто ея простые, естественные вопросы ставили его въ тупикъ и показывали ему, что онъ увлекся слишкомъ быстрымъ сужденіемъ.

Такъ они занимались цѣлыми днями. Ей было ново и странно все то, что онъ разсказывалъ, и она удивлялась и была радостна.

— Я еще ничего не хочу писать,—говорилъ онъ,—я хочу все это еще и еще разъ вполнѣ спокойно продумать. Въ вопросахъ религіи надо больше чѣмъ гдѣ-либо заботиться о трезвости сужденій. Я хочу его изобразить совершенно просто и исторически вѣрно на основаніи документовъ, и тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ, я хочу осторожно установить только самую необходимую и краткую связь. Не должно быть тутъ ни одного слова, о которомъ бы я трижды не размышлялъ.

Въ началѣ сентября онъ попытался приступить къ письменному изложенію, но повсюду приходилось бороться съ трудностями. Онъ принужденъ былъ опять цѣлыми днями рыться въ источникахъ и въ книгахъ новѣйшихъ изслѣдователей. Такъ опять протекло нѣсколько недѣль. Онъ еще ничего не написалъ.

Погода стала дождливой, и онъ ходилъ по плотинѣ одинъ. Она приходила къ нему по вечерамъ и заставала его спокойнымъ и сосредоточеннымъ. Пока она сидѣла у него, приходилъ его отецъ съ работы, ужиналъ, по своему обыкновенію, въ кухнѣ, сидя на очагѣ, а потомъ приходилъ въ комнату, закуривалъ свою трубку и сидѣлъ съ ними.

Тогда Кай-Янсъ сидѣлъ, погрузившись въ мысли и только въ полъ-уха слушалъ, что разсказывалъ отецъ о людяхъ и людской долѣ, и смотрѣлъ на красивое строгое лицо дѣвушки. Молодая женщина смотрѣла на него и думала:—Какимъ онъ сталъ милымъ, серьезнымъ, спокойнымъ человѣкомъ! Онъ мнѣ становится все дороже. Если бы я не любила такъ другого, я была бы въ большомъ горѣ, что этотъ не желаетъ меня. Чрезмѣрно хорошо, должно быть, быть имъ любимой. Теперь же все устроилось такъ, что онъ мой другъ, и я счастлива.

Онъ же чѣмъ глубже вникалъ въ эту замѣчательную человѣческую жизнь, тѣмъ тяжелѣ становилось у него на душѣ, и тѣмъ труднѣе было ему придти къ какимъ-нибудь рѣшеніямъ. На дворѣ къ тому же стояла мрачная, дождливая погода. Его мучили тяжелыя заботы: что, если онъ своей работой обидитъ многихъ хорошихъ людей, и если нѣкоторые отъ природы грубые люди, которые до сихъ поръ таили въ сердцахъ своихъ страхъ передъ вѣчнымъ сыномъ бога, теперь безъ страха погрязнутъ совершенно въ злѣ? Иногда, особенно ночью, когда онъ просыпался отъ тяжелой работы и заботъ, гнетущихъ его... вѣтеръ рвалъ ставни и дождь тяжело барабанилъ въ окно... его схватывали ужасное недовѣріе къ себѣ и жгучій страхъ:—Ты ошибаешься, ты ошибаешься! Онъ все-таки былъ вѣчнымъ небеснымъ чудеснымъ существомъ. Горе тебѣ, ты виновенъ въ вѣчномъ грѣхѣ.

И вдругъ среди ночи его звалъ кто-то:—Иди, встань! Два великихъ человѣка твоего народа стоятъ передъ дверью твоей и хотятъ съ тобой говорить... Посмотри, какое сердитое лицо у отца Лютера:—Ты переступаешь съ твоимъ символомъ вѣры черезъ меня, какъ черезъ ступеньку?..—Да, я это дѣлаю!..—Смотри, кто стоитъ за Мартиномъ Лютеромъ? Это—Веймарскій старецъ! Онъ смѣется надъ тобой:—Не старайся! Ты не сольешь во-едино, что не подходитъ другъ къ другу: христіанство и германскій духъ.—Я это сдѣлаю!

Потомъ, когда наступало сѣрое утро безъ солнца, онъ боялся своей работы, бросалъ перо и выходилъ на плотину и тамъ говорилъ съ Богомъ:—Ты знаешь, что я тебя искалъ и святую землю съ дѣтства, и что ты мнѣ этимъ доставилъ

безмѣрное горе. Гдѣ радость юности осталась? Ты знаешь, какъ меня мучило, что церковь поноситъ вотъ уже двѣсти лѣтъ героевъ, поэтовъ и ученыхъ моего народа: будто они не вѣровали въ Спасителя, не христіане и отвергнуты тобой. Долженъ я это выносить? Ты знаешь, какъ меня мучило все это время, что всѣ стремящіеся впередъ въ моемъ народѣ: рабочіе, моряки, купцы, ученые, художники,—все, что не чуждо дуновенію жизни, что свѣжо и сильно, отпали отъ церковной вѣры, и безъ вѣры совсѣмъ, то-есть безъ почвы, въ тяжелой жизненной борьбѣ. Долженъ я это выносить? Ты знаешь, что я тебя такъ же люблю, какъ тѣ, въ которыхъ еще жива старая вѣра, и что я не хочу разрушать, и не испытываю въ этомъ никакой радости, что радость моя—созидать; и я хочу строить, насколько я могу, строить на старой, священной почвѣ, новый домъ вѣры, и хотя бы онъ въ началѣ своемъ былъ простой хижиной, чтобы простые, серьезные, наивные люди моего народа жили въ немъ и были радостными. Оттого-то я отважился, на что отважился. И если ты будешь возражать противъ этого, я не послушаюсь.

Когда онъ возвращался послѣ этого домой, онъ опять былъ объятъ мужествомъ и вновь принимался за писаніе, осторожно, шагъ за шагомъ слѣдя за жизнью святого героя.

И, наконецъ, настало ясное, солнечное сентябрьское утро, пятница, день, въ который кругомъ на поляхъ засверкали серпы и связывали въ пучки пшеницу: онъ въ этотъ день закончилъ свои наброски, онъ увидѣлъ путь, ясный и высокій въ будущность человѣчества. Теперь онъ началъ излагать цѣлое, какъ нѣчто живое. Тогда онъ глубоко вздохнулъ.

А когда она пришла, онъ вытянулся, засмѣялся и сказалъ:

— Какъ мнѣ легко и какъ я радъ! Всѣ духи исчезли.

Она посмотрѣла на него счастливыми глазами:

— Ты выглядишь, какъ молодой крестьянинъ, который въ это время, рано утромъ выйдя на крыльцо, смотритъ на поле, которое хочетъ сжать.

— А ты?—сказалъ онъ и его глаза сверкнули.—Что съ тобой сталось? Развѣ ты думаешь, что мои глаза не замѣчаютъ красоты? Да, теперь... теперь у меня опять открылись глаза, какъ во времена моего студенчества въ Берлинѣ.

Тогда она испугалась и замолчала.

— Пойдемъ,—сказалъ онъ,—совершимъ длинную, длинную прогулку. Совсѣмъ одни... Чего ты пугаешься, дитя? Тебя не должно удивлять, что я такъ смотрю на тебя... Пойми: жизнь моя прояснилась.

— Ты не долженъ такъ смотрѣть на меня,—сказала она дрожащимъ голосомъ.

Онъ взялъ ее за руку и пошелъ съ ней рядомъ и весело смѣялся.

— Почему не долженъ? Ты за этотъ годъ стала настоящей женщиной. И еще какой!

Она закрыла лицо обѣими руками и просила его съ сдержаннымъ страхомъ:

— Милый, добрый Кай... прошу тебя, не говори такъ со мной.

Но онъ не видѣлъ ея страха. Онъ только видѣлъ любовь въ ея глазахъ, и цѣловалъ ея руки, и безпечно смѣялся, и разсматривалъ руку, и опять цѣловалъ ее и говорилъ отъ полнаго радостью сердца:—Я семь лѣтъ сидѣлъ въ замкѣ заботъ и думалъ, но вотъ пришла прекраснѣйшая дѣвушка этой страны и звонкимъ голосомъ кликнула въ замокъ. Тогда я воспрянулъ и увидѣлъ міръ, и солнце, и царство Божіе.—Онъ взялъ ее за плечи и сказалъ:—Смотри на меня... Смотри на меня... Какъ ты красива!

Она воскликнула въ страхѣ:

— Кай, милый мальчикъ!.. Не говори такъ!.. Я не могу тебѣ сказать!..

Но душа его была полна радостнаго восторга и онъ не слышалъ страха, звучащаго въ ея голосѣ.

— Пойдемъ, мы по укромнымъ полевымъ дорожкамъ взберемся на холмы. А завтра я начну пѣть мой гимнъ о Спасителѣ, какого никто еще не пѣвалъ.

— Милый, милый Кай... вернемся... я хочу тебѣ кое-что разсказать.

— Ты до сихъ поръ все время разсказывала, а я молчалъ... Нѣмымъ, скучнымъ любовникомъ былъ я. Ты ничего отъ меня не имѣла, бѣдная. Говорилъ я тебѣ о томъ, какъ красива твоя походка? Ты ходишь, какъ королева, которую благословилъ Господь. Говорилъ ли я тебѣ, какъ красивы твои плечи? Какъ будто на каждомъ плечѣ сидитъ голубь. Говорилъ ли я тебѣ когда-нибудь, какъ прекрасны твои волосы? Я никогда не видѣлъ ихъ распущенными. Удивительно красиво должно быть, когда они падаютъ на твои бѣлыя плечи. Ты... ты будешь имѣть любовника, который будетъ тобой радоваться и перестанетъ быть мечтателемъ.

Вся суровость и замкнутость исчезли съ его лица, а вмѣстѣ съ ними и горе.

— Ты совсѣмъ другой,—пробормотала она, потрясенная.—Не говори такъ со мной, Кай! Я прошу тебя! Не такъ!

— Я тотъ же самый, Гейнке, какимъ былъ всегда,—сказалъ онъ мягкимъ голосомъ и гладилъ ея руки.—Я только

долго хворалъ и былъ удрученъ, и ты должна была страдать со мной. Но теперь я выздоровѣлъ. Не пугайся, милая, если это прорывается во мнѣ такъ бурно.

— Ахъ, ты милый,—сказала она,—милый мой мальчикъ! И она закрыла лицо обѣими руками и горевала въ душѣ своей:—Я не могу ему сказать этого... я не могу! Это вѣдь первый счастливый день въ его жизни!

— Смѣйся мнѣ въ лицо, ты! Развѣ это не сказка? Я, маленькій, бѣдный рабочій сынъ, иду по плотинѣ и самая красивая дѣвушка страны идетъ рядомъ со мной. Куда? Куда? Смотри, мы идемъ по зеленѣющей дорожкѣ и скоро будемъ на холмахъ. Людей здѣсь нѣтъ. Мы будемъ долго, долго другъ съ другомъ. Я отыщу мѣсто на опушкѣ лѣса, стану передъ тобой на колѣни и буду смотрѣть на тебя, больше ничего, только смотрѣть часами. Нѣтъ большей радости.

Она хотѣла просить его: — Кай! Я не могу... я не могу! Я невѣста другого. Я люблю другого.—Но она не сказала этого. Не могла сказать. Его глаза сіяли и голосъ дрожалъ.— Такъ пусть же онъ будетъ счастливъ этотъ день... бѣдный, милый Кай! Какъ онъ прекрасенъ въ своей радости и какъ горячъ въ своей любви! Пусть онъ возьметъ мои руки... обѣ руки... не больше... другое я уберегу отъ него.— Такъ шла она съ испуганнымъ и безпокойнымъ сердцемъ около него по зеленѣющимъ тропинкамъ черезъ плодородную, широкую, одинокую степь.

Солнце свѣтило ярко и больно пекло.

Онъ былъ счастливъ, какъ мальчикъ...

Часъ спустя они были въ уединеніи лѣса. Она сидѣла на краю стараго, развалившагося вала, а онъ стоялъ передъ ней на колѣняхъ, обнялъ ее и смотрѣлъ на нее, полный счастья и просилъ:—Поцѣлуй меня.—И она наклонялась къ нему и цѣловала его, а онъ говорилъ, какъ безумный. Надъ лѣсомъ съ востока надвинулись тучи. Первыя капли тяжело и слышно упали сквозь душный воздухъ на листву деревьевъ.

— Я не могу досыта насмотрѣться на тебя. Я не встану. Я такъ спокоенъ и счастливъ; въ первый разъ въ жизни я полонъ счастья и мира... Какъ ты умѣешь цѣловать! Это прирождено тебѣ, я долженъ у тебя учиться.

— Довольно, Кай, довольно! Довольно на сегодня, мивый! Завтра... Ахъ, завтра!

— Сегодня и завтра и во всѣ дни! Я самый счастлиный человѣкъ въ странѣ. Я часто думалъ о томъ, почему всѣ другіе такъ довольны, спокойны и безмятежны, а я одинъ въ постоянномъ горѣ: денежныя заботы, семейныя

заботы, умственныя заботы. Но хорошо, что это такъ было: теперь тѣмъ счастливѣе, тѣмъ благодарнѣе я въ моемъ счастьѣ... Я всегда былъ набожнымъ, ты можешь этому повѣрить, съ дѣтства. Я всегда съ смиреніемъ почиталъ силу, тайно властвующую надъ судьбами міра, но я никогда не былъ такъ набоженъ, какъ сегодня, когда я узналъ тайно властвующаго въ самомъ прекрасномъ проявленіи его существа... Смотри: теперь я могу разсказать жизнь Спасителя! Изъ земли онъ выросъ! И сталъ красивѣйшимъ изъ смертныхъ. Красивѣе тебя.

Она сидѣла и держала обѣ руки его, которыя лежали у нея на колѣняхъ, и смотрѣла на него. Какъ надъ разбитымъ, накренившимся судномъ проходитъ волна за волной, пока не разрушитъ и не затопитъ его,—такъ нахлынула его сильная любовь въ душу ея.

— У него старыя права. Онъ мой другъ съ дѣтства. Я думала, что онъ мечтатель и не любитъ меня. Я не знала, какъ я его любила, не вѣдая сама про то. Никогда онъ не показывалъ мнѣ этого новаго прекраснаго существа. Какъ красиво его строгое лицо и какъ красивы его умные глаза! Горе мнѣ... что я дѣлаю? Кай,—сказала она,—не цѣлуй меня больше! Кай, начался дождь... Намъ надо идти домой.

— Пусть идетъ дождь, Гейнке! Сущее благословеніе на твои милые золотистые волосы.

Тогда она въ страстномъ движеніи наклонилась къ нему и цѣловала его, цѣловала и мучила свое сердце.

— О, если бы тотъ другой узналъ, увидѣлъ весь этотъ ужасъ. Всю свою милую, чистую юность отдалъ онъ мнѣ, а я сижу такъ съ другимъ... О, я несчастный человѣкъ... Я должна оставить того и уйти къ этому... Я не знала, что такъ люблю его. Нѣтъ! Нѣтъ, я не могу оставить того, онъ меня будетъ презирать и ненавидѣть, и тогда я погибну. Я—несчастный человѣкъ... Какіе славные у него глаза! Они виноваты во всемъ. Я не хочу больше смотрѣть на нихъ.—Она закрыла руками глаза свои и застонала:—Не цѣлуй меня... Идетъ дождь. Идемъ... милый Кай, я не смѣю дольше.

Онъ вскочилъ и сѣлъ рядомъ съ ней и крѣпко обнялъ ее.—Пусть идетъ дождь, цѣлуй меня! Почему ротъ твой такой красный и цѣлуетъ такъ горячо? Прекрасенъ твой ротъ и несказанно милы твои глаза. Но почему не горятъ твои щеки?

— Цѣлуй ихъ, Кай, и онѣ загорятся. Иди ко мнѣ, милый, дорогой!—И она, повернувшись къ нему, цѣловала его непрерывно и въ щеки, и въ уста; и она распустила свои волосы совсѣмъ и ласкала его мягкими прядями, на которыя падали тяжелыя дождевыя капли. Ея дыханіе было тяжело

и тѣло ея дрожало.—Я должна сдѣлать то, что я дѣлаю,—думала она.—Да проститъ мнѣ Богъ! Завтра я ему все скажу. Пусть этотъ день будетъ днемъ смѣха и слезъ, поцѣлуевъ и скрежета зубовнаго... Иди ко мнѣ, Кай,—сказала она... сегодня ты упьешься поцѣлуями... Цѣлуй меня. Какъ милы и чисты твои поцѣлуи!

Тяжелый лѣтній дождь палъ съ неба и промочилъ ея легкое платье, такъ что оно облегло ея плечи, грудь и все тѣло. Такъ сидѣли они подъ молодыми буками на опушкѣ лѣса. Онъ—счастливый человѣкъ, она съ измученной совѣстью, до сумерекъ. Тогда они встали и пошли внизъ по тропинкѣ въ долину. Онъ говорилъ о завтрашнемъ днѣ, какой онъ будетъ счастливый, она молчала о завтрашнемъ днѣ, зная, какой онъ будетъ мрачный.

Она пришла домой въ свою комнатку, быстро переодѣлась и бросилась на кровать и смотрѣла во тьму.

Вошла ея мать и сказала, что она идетъ къ Аннѣ и останется тамъ весь вечеръ.

Она не отвѣчала. Она нѣсколько разъ громко повторяла:—Что мнѣ дѣлать?—и не сознавала этого. Одно время ей показалось все яснымъ: у Кая-Янса права старше. Но тогда въ ея мысляхъ представалъ тотъ другой, одинокій и грустный, съ постояннымъ горькимъ чувствомъ въ душѣ: то, что было для тебя самымъ святымъ, обмануло тебя... Она не находила отвѣта и бродила изъ угла въ уголъ, какъ бы ища такого мѣста, чтобы горе оказалось за порогомъ, и попала, наконецъ, не сознавая сама какъ, въ мезонинъ. Здѣсь, какъ бы скошенная невидимой силой, она упала вдругъ на колѣни у стола, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ они обыкновенно сиживали вдвоемъ, сперва за картинками, потомъ она у него на колѣняхъ. И здѣсь она, наконецъ, заплакала. Она громко плакала и говорила по себя:—Ты мой милый, дорогой, услышь меня... Я не могу жить, если я знаю, что ты одинокъ и печаленъ. Ты, милый мальчикъ, такъ быстро и такъ крѣпко захватилъ меня. Сколько въ тебѣ было довѣрчивости! Сколько прекрасной доброты! Всю твою чистую молодость ты положилъ къ ногамъ моимъ... О, приди же... я хочу показать тебѣ, какъ я люблю тебя.—Такъ она плакала и успокаивалась понемногу. Наконецъ, слезы стихли и внутри ея прояснилось; тогда она зажгла свѣчу, пошла къ письменному столу и написала Каю-Янсу короткую записку. Она разсказала ему, какъ она обручилась и какъ не могла разсказать ему объ этомъ. Теперь же она должна сказать и должна сказать, что она не можетъ оставить своего возлюбленнаго; онъ погибъ бы отъ разочарованія, она—отъ угрызеніе совѣсти. „Я не могу

Кай!.. я одна дома... я прошу тебя, приди ко мнѣ, чтобы я тебя утѣшила. Будь силенъ! Я не могу видѣть твоего отчаянія".

Полчаса спустя онъ пришелъ.

— Кай!—сказала она и умоляя протянула къ нему руку.— Я не могла иной быть, чѣмъ была... сегодня. Ты былъ такъ счастливъ и страстенъ, твоя любовь нахлынула такъ внезапно и была такъ сладка. Прости меня, Кай! О, крѣпись... я не могу его покинуть.

Онъ былъ блѣденъ, какъ смерть, и не могъ вымолвить ни слова. Тогда она опустилась на стулъ и, облокотившись на столъ руками, горько заплакала.—Бѣдный милый мальчикъ... Я не могу, не могу. Не смотри на меня съ такимъ отчаяніемъ... Какое горе!

Онъ сѣлъ напротивъ нея и началъ ее уныло разспрашивать: какъ она съ нимъ познакомилась, какъ долго они другъ съ другомъ сходились, и тому подобное. Съ вытянутыми, сложенными руками, глазами, полными слезъ, уставившись на него, она отвѣчала коротко, какъ на судѣ, на всѣ его вопросы. Наконецъ, она сказала, обливаясь слезами:—Я не могу его оставить, я его толкну на мрачный путь и сама стану несчастной оттого. Все его сердце во мнѣ, а мое въ немъ. Я тебя тоже очень люблю, очень... ужасно люблю... я не знала... что такъ... я должна это подавить.

— Тогда, значитъ, все кончено,—сказалъ онъ. —Очевидно, такова моя судьба. Противъ этого бороться нельзя. Теперь весь вопросъ въ томъ, что мнѣ съ собой дѣлать?

Тогда она вскрикнула, ужаснувшись его отчанія. Она опустилась около стула и протянула къ нему руки.

— Я молю тебя: будь крѣпокъ. Я тебя такъ люблю. Будь моимъ другомъ, Кай! Можетъ быть, наступитъ тяжелая нужда для меня и для моихъ дѣтей... Кто мнѣ тогда поможетъ? Ты милый... ты не отвернешься отъ меня въ гнѣвѣ... я не могу снести этого.

Онъ наклонился къ ней и погладилъ ея волосы:—Я не сержусь на тебя, совсѣмъ не сержусь. Мы не провинились— ни я, ни ты. Это была судьба. Не бойся. Я мужчина. Я постараюсь держать голову высоко, вѣдь у меня еще есть отецъ и останется твоя дружба... Такъ... такъ... не плачь же... а теперь я пойду.

Она держала его руки и плакала:

— Я всю ночь буду думать о томъ, что я могу тебѣ сдѣлать хорошаго. Всю мою жизнь я буду думать о томъ, какъ доставить тебѣ радость. Я бы такъ охотно стала твоей женой. Онъ знаетъ, какъ ты добръ и милъ; я ему много о тебѣ разсказывала; я и дѣтямъ своимъ буду раз-

сказывать... Имѣй состраданіе ко мнѣ, Кай, и будь силенъ, и не погуби моей и его жизни.

Онъ посмотрѣлъ на нее и погладилъ молча ея красивые, свѣтлые волосы, съ такимъ выраженіемъ въ глазахъ, какъ бы хотѣлъ сказать:—Какъ это все странно и свято!

Потомъ онъ ушелъ. Онъ пошелъ домой съ свою маленькую выбѣленную каморку, въ которой онъ съ дѣтства спалъ, и легъ на кровать и долго лежалъ безъ движенія и сознанія. Онъ очнулся изъ забытья, когда чей-то добрый, строгій голосъ громко и отчетливо, какъ бы недоумѣвая, сказалъ:—Развѣ ты думалъ, что ты сможешь, смѣясь и ликуя, разсказать жизнь Искупителя?

Тогда онъ закрылъ лицо руками и заплакалъ.

На слѣдующій день онъ просилъ ее кроткимъ письмомъ, чтобы она пока не приходила къ нему, такъ какъ онъ не можетъ вынести это. Онъ закончитъ работу, а потомъ уѣдетъ. Старый другъ писалъ ему, что онъ въ концѣ будущаго мѣсяца поѣдетъ въ Капштадтъ. По всей вѣроятности, онъ примкнетъ къ нему. Съ ея обрученнымъ онъ радъ будетъ познакомиться.

Недѣлю спустя возвратился съ родины Петръ Фольквардсенъ, узналъ обо всемъ отъ Гейнке и, въ сумерки направившись къ Каю-Янсу, обо всемъ поговорилъ съ нимъ.

Онъ разсказалъ ему, какъ, оберегаемый добрыми и умными родителями, проводилъ тихое, мирное дѣтство; какъ онъ потомъ познакомился съ тонкимъ и вѣрнымъ человѣкомъ и какъ тогда уже искусство съ его прекраснымъ, чистымъ обликомъ вошло въ его жизнь; какъ онъ пользовался всегда нужнымъ совѣтомъ и упорядоченными условіями жизни.

Безъ тяжкихъ сомнѣній и нужды, такъ шелъ онъ по прекрасному, но строгому саду. И однажды встрѣтилъ онъ на этомъ пути самое драгоцѣнное, больше чѣмъ все искусство: Гейнке Бойе. Такъ онъ разсказывалъ съ блестящими глазами и въ спокойныхъ словахъ свою жизнь. Наконецъ, онъ сказалъ:

— Я знаю, что ваша жизнь была иная.

Такъ началъ Кай-Янсъ разсказывать о своей жизни: о матери и о Гейне Вулькъ, о скитаніяхъ по морю на „Кларѣ“, о латинской школѣ и о своемъ студенчествѣ, потомъ о порѣ раздумья.

Какъ тяжелыя тучи ложатся на землю, такъ легло раздумье на душу его. Наступилъ тяжелый и страшный мракъ и долго не появлялся свѣтъ. Наконецъ, когда темень стала ужасной, появился свѣтъ... Да... а когда появился свѣтъ, то онъ увидѣлъ и красоту, и вѣрность, которыя шли ря-

домъ съ нимъ. Онъ зналъ ее съ дѣтства. Онъ имѣлъ права на нее: онъ много добра сдѣлалъ для ея души и характера. Онъ думалъ, что она принадлежитъ ему... Какъ она мила и красива...

Такъ сначала говорилъ каждый о себѣ. Потомъ они говорили о великихъ серьезныхъ вещахъ, и обнаружилось, что при всей разницѣ ихъ дарованія и жизненнаго пути все-таки между ними много общаго. И они разошлись съ чувствомъ, что могутъ стать друзьями.

Дней восемь спустя Гейнке Бойе все-таки пришла къ нему. Застѣнчиво, несказанно милымъ жестомъ она попросила его пройтись съ ней немного.

Онъ ей разсказалъ, что началъ писать исторію жизни Спасителя, и что работа подвигается медленно; въ пять недѣль онъ думаетъ ее окончить.

Но онъ скоро побудилъ ее вернуться.

Она замѣтила, что онъ говоритъ съ трудомъ, что онъ блѣденъ и все смотритъ въ упоръ передъ собой. Тогда она спросила его тихимъ, дрожащимъ голосомъ:

— Тебѣ не хочется со мной идти?

— Я не могу! - сказалъ онъ, тяжело вздыхая.—Это превышаетъ мои силы. Я не могу смотрѣть тебѣ въ лицо. Это слишкомъ тяжело.

Тогда она загрустилъ: — Я бѣдный, несчастный человѣкъ. Съ годами все перемѣнится,—сказалъ онъ,—теперь же я прошу тебя, не приходи ко мнѣ. Я зайду разъ къ тебѣ передъ отъѣздомъ.

Она горько заплакала:—Я такъ страстно желала, чтобы ты любилъ меня до тѣхъ поръ, пока мы станемъ оба старше и спокойнѣе. Если бы я тогда могла сидѣть съ тобой рука объ руку! Я не могу перенести мысли, что ты мнѣ чуждъ и сердишься на меня.

— Зачѣмъ мнѣ сердиться на тебя?—сказалъ онъ.—Развѣ ты провинилась предо мной? Ты—сама любовь и вѣрность. У меня нѣтъ большаго сокровища, чѣмъ твоя дружба, ты можешь быть увѣрена, что я крѣпко держусь ея. Но теперь я долженъ уйти и долженъ быть вдали отъ тебя, пока окрѣпну. Иди теперь! И не бойся за меня.—Онъ пожалъ ей руку и она плача ушла.

Шесть недѣль подрядъ работалъ онъ изо дня въ день, и ничего не слыхалъ о ней. Но каждый день, когда онъ въ четыре часа шелъ по плотинѣ, то онъ видѣлъ всякій разъ надъ городомъ справа, въ бокъ отъ Фолькмерской возвышенности одинокую фигуру. Тогда онъ останавливался и они смотрѣли другъ на друга. Но они не отваживались поднять руки для привѣтствія.

Въ срединѣ октября, въ одинъ прекрасный вечеръ, когда вѣялъ свѣжій осенній вѣтерокъ и золотистые лучи вечерняго солнца погружали послѣдніе листья каштановыхъ деревьевъ въ зной красокъ, Гейнке Бойе возвращалась изъ Фолькмерсдорфа и не видѣла его. Она вошла въ свою комнатку и увидѣла на постели письмо, въ которомъ онъ въ краткихъ, милыхъ словахъ прощался съ ней. Рядомъ лежала начисто переписанная рукопись, на которой его мужественнымъ и красивымъ почеркомъ, который она такъ любила, значилось:

„Жизнь Спасителя, разсказанная по нѣмецкимъ изслѣдованіямъ, основа нѣмецкаго возрожденія".

* * *

Четверть года спустя пришло первое подробное письмо отъ Кая-Янса. Оно было изъ Капштадта.

Гейнке вскочила и побѣжала на верхъ въ спальню и внимательно и долго читала его. Это было письмо человѣка, который провелъ въ жизни отреченіе и храбро и сосредоточенно идетъ по одинокому пути. Только въ одномъ мѣстѣ чуть замѣтно прозвучала нотка страстной тоски о потерянномъ; но тотчасъ же была заглушена шутливой ироніей. Она была чрезмѣрно счастлива. Она боялась, что онъ, разочарованный, отвернется отъ нея и будетъ писать холодно, какъ чужой, или будетъ жаловаться на свое несчастье. Но вотъ онъ писалъ такъ задушевно и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ храбро. Она сквозь слезы прочла письмо нѣсколько разъ, и тотчасъ же сѣла и написала ему длинный отвѣтъ, полный радости и горячей дружбы. Съ тѣхъ поръ переписка у нихъ не прекращалась. И вотъ она сообщила ему въ одномъ письмѣ, что она живетъ со своимъ другомъ, а потомъ, что родился у нея сынъ. Съ глубокой радостью, съ затаенной гордостью видѣла она изъ его писемъ, какъ глубоко потрясали его эти извѣстія. Она вѣдь хотѣла и страстно желала, чтобы онъ продолжалъ ее любить всегда, всегда.

Такъ прошли три съ половиной года. Въ то время газеты принесли первыя извѣстія о возстаніи въ нашей колоніи. Тогда пришло письмо. Писалъ его другъ изъ Виндгука: „Во время нашего марша черезъ страну Великая Нама нашъ другъ очень истощился. Вы вѣдь знаете, что со временъ его плаванія на „Кларѣ" сердце и легкія его не совсѣмъ были въ порядкѣ. Его сильная фантазія мѣшала ему спать во время нашего бѣгства, даже тогда, когда другіе дежурили. Кромѣ того, онъ всегда былъ готовъ нести ребенка, толстаго мальчугана, который былъ съ нами

и плакалъ все время. Однимъ словомъ, когда мы прибыли въ Регоборъ, онъ схватилъ жестокое воспаленіе легкихъ. Эта болѣзнь, которая протекала очень бурно и быстро, теперь сдала; но врачъ не знаетъ, чѣмъ все кончится, потому что сердце его очень слабо. Я воспользовался случаемъ попасть съ нимъ сюда въ Виндгукъ и отвезу его отсюда въ Германію, если только разрѣшитъ врачъ, чтобы тамъ вы, родина и ея цѣлебные источники вылечили его. Теперь же я осмѣливаюсь сообщить вамъ слѣдующее: я съ самаго начала нашего пути зналъ, что у друга моего какое-то тяжелое горе, хотя онъ ни слова не говорилъ мнѣ о немъ. Но поведеніе его показывало то, въ чемъ онъ не хотѣлъ признаться словами. Обыкновенно онъ являлся такимъ, какимъ и вы его знаете: человѣкомъ искренняго и яснаго ума, интересовавшимся чужой страной и условіями мѣстной жизни, постоянно любезнымъ, готовымъ помочь, другомъ людей. Но когда онъ оставался одинъ и считалъ себя внѣ наблюденій, я часто заставалъ его въ странномъ состояніи, иногда разбитымъ, съ выраженіемъ глубокой, тихой скорби въ лицѣ, какъ человѣкъ, всѣ надежды котораго рухнули, иногда съ блестящими, устремленными въ даль, счастливыми глазами, какъ человѣкъ, который видитъ духовнымъ окомъ далеко, далеко возлюбленную свою, играющую и смѣющуюся въ довольствѣ и счастіи. Я не зналъ, что могло бы его повергать въ такія разнородныя настроенія, но давно думалъ, что оба настроенія, какъ отчаянное, такъ и счастливое, связаны съ вами, ибо когда у насъ заходила рѣчь о родинѣ и дѣтствѣ, онъ въ концѣ концовъ всегда говорилъ о васъ. Въ первый же день нашего пребыванія въ Регоборѣ, когда онъ замѣтилъ, что надвигается на него тяжелая болѣзнь и онъ второпяхъ хотѣлъ написать вамъ письмо, приступъ отчаянной лихорадки заставилъ его бросить перо: тогда онъ сказалъ тономъ безпокойнаго унынія, что онъ въ жизни много трудностей поборолъ, даже съ исконными и мощными силами духа храбро боролся, но одного онъ никакъ не могъ побороть: того, что онъ потерялъ васъ, и по собственной своей глупости. Я нашелъ въ его дневникѣ, который онъ передалъ мнѣ, нѣсколько замѣтокъ, которыя я помѣщаю въ этомъ письмѣ. Сперва нѣсколько примѣчаній къ жизни Спасителя; другія же замѣтки касаются исключительно его отношеній къ вамъ. Я ихъ привожу здѣсь: „Потому, что Богъ хотѣлъ уберечь ее и меня отъ сильнаго горя, онъ не далъ мнѣ ее, ибо я скоро умру... Я одинъ страдаю, они живутъ вслѣдствіе моего отреченія въ чистомъ согласіи... Я долженъ жить и быть храбрымъ, чтобы былъ у

нихъ помощникъ, если они попадутъ въ нужду... Если бы она была моей женой, то я при каждомъ ударѣ сердца и при всякой боли въ плечѣ боялся бы долгой болѣзни и смерти; теперь же я человѣкъ, который всегда съ готовностью ожидаетъ рѣшенія высшей власти,—пусть она даруетъ мнѣ здоровье, или болѣзнь, или смерть..."

„Я пишу вамъ обо всемъ этомъ, чтобы вы могли ему написать, если вы сочтете это нужнымъ, и чтобы вы были освѣдомлены обо всемъ его состояніи, если я сообщу вамъ черезъ нѣсколько дней депешой, что везу его на родину".

Таково было письмо друга.

Три недѣли спустя пришла депеша: „Янсъ. 21 мая. Гамбургъ".

Тогда два человѣка, которые съ дѣтства были самыми близкими къ нему: Гейнке Фольквардсенъ и Пе-Онтьесъ Лау поѣхали утромъ 21 мая въ Гамбургъ.

Когда Пе-Онтьесъ тотчасъ же послѣ прибытія въ гостиницу отправился въ гавань, чтобы навести справки, онъ увидѣлъ, какъ пароходъ шелъ вверхъ по Эльбѣ. Онъ поспѣшно поѣхалъ на Африканскую набережную и прибылъ туда какъ разъ, когда пароходъ причаливалъ къ пристани. Онъ попросилъ позвать врача и справился о томъ, здѣсь ли Кай-Янсъ и какъ его здоровье. Молодой врачъ сообщилъ ему, что морской воздухъ благотворно повліялъ на легкія, но сердце все еще слабо. Оно можетъ окрѣпнуть, даже совсѣмъ поправиться при удачномъ леченіи, но пока каждый день можетъ принести какое-нибудь осложненіе. Онъ изъявилъ готовность сообщить ему о гостѣ, надѣясь, что онъ готовитъ ему только пріятное.

Лау вошелъ къ нему и они остались одни. Онъ лежалъ на постели, и былъ такъ худъ, что Лау испугался. Но онъ скрылъ это, сѣлъ на стулъ около кровати и взялъ его руку.

— Какъ у мыса Горна,—сказалъ Кай-Янсъ, и глаза его просіяли.

— Да, похоже,—сказалъ Лау.—У меня есть поклоны для тебя отъ всѣхъ. Первымъ долгомъ отъ отца.

— Что подѣлываетъ старикъ?—спросилъ Кай-Янсъ.

— Да ничего себѣ,—отвѣчалъ Лау.—Онъ получаетъ маленькое пособіе изъ Гиндорфской кассы, изрѣдка работаетъ, въ общемъ это составляетъ по маркѣ на день.

Онъ сталъ еще меньше и еще похудѣлъ, но я долженъ сказать: когда онъ нахлобучитъ шапку и глаза у него искрятся изъ-подъ козырька и трубка дымитъ,—нѣтъ въ Илигенлеѣ ничего, болѣе величественнаго. До сихъ поръ онъ

читаетъ рабочую газету и сочувствуетъ партіи, но онъ не совсѣмъ выдержанъ въ этомъ направленіи.

— Какъ поживаетъ Анна съ дѣтьми?

Пе-Онтьесъ улыбнулся.

— Видишь ли,—сказалъ онъ,—мы, т. е. я и дѣти, теперь хорошо знаемъ ея нравъ и понемногу ладимъ съ ней. Конечно, она страдаетъ, что мужъ ея ни самый богатый, ни именитый и ученый человѣкъ Илигенлея и что дѣти ея идутъ не первыми въ школѣ. Мы много заботъ имѣемъ съ ней, Кай, и всегда ихъ будемъ имѣть, и вотъ тутъ-то ты намъ помогъ. Когда она четыре года тому назадъ прочла твою „Жизнь Спасителя", она на время стала мягче, справедливѣе и спокойнѣе.

Кай-Янсъ улыбнулся:

— Но вѣдь вы счастливы?

— Конечно,—отвѣчалъ Пе-Онтьесъ,—все наше и ея несчастье въ томъ и заключается, что она насъ слишкомъ горячо любитъ.

— А Піетъ?

— Піетъ?.. Піетъ живетъ все прежними интересами: наживать, наживать... Онъ и не счастливъ... но какъ будто въ его душѣ ничему другому мѣста нѣтъ. Онъ женился на нѣмецкой американкѣ, которая похожа на него и чужда намъ.

Кай-Янсъ полежалъ нѣкоторое время молча. Потомъ онъ спросилъ о Тьяркѣ Дузеншенѣ.

— Онъ здѣсь въ Гамбургѣ и занимаетъ какую-то должность въ какомъ-то частномъ предпріятіи. О немъ не заботься—такіе люди не пропадаютъ.—Кай-Янсъ опять замолкъ и Пе-Онтьесъ сидѣлъ рядомъ съ нимъ. Но потомъ, какъ бы очнувшись, Кай спросилъ:

— Есть у тебя еще поклонъ для меня?

— Гейнке здѣсь, Кай.

— Развѣ она придетъ сюда?—сказалъ онъ тихо. И вдругъ... онъ хотѣлъ сдержаться, но не могъ, онъ горько заплакалъ и сказалъ сквозь слезы:

— Милый, Пе-Онтьесъ... Я не нѣженка, но я еще слабъ отъ болѣзни...

— Знаю, знаю, мальчикъ!—отвѣчалъ Лау.—Не стыдись... Скучная это исторія.

— Самое тяжелое, что можетъ переживать человѣкъ,— сказалъ Кай,—если онъ долженъ избѣгать того, кого онъ больше всѣхъ любитъ.

— Я понимаю тебя, Кай.

— Я боролся противъ этого: повѣрь мнѣ. Но часто, когда я бывалъ совсѣмъ одинъ, совсѣмъ одинъ и думалъ

про себя: какъ она мила, и слышался мнѣ ея голосъ, и видѣлъ я ея умные, милые глаза, тогда горе брало верхъ надо мной. Пе-Онтьесъ! Какъ бѣденъ тотъ человѣкъ, который долженъ бѣжать отъ того, что больше всего любитъ!

— Я думаю, что теперь все пойдетъ къ лучшему, Кай,— сказалъ Пе-Онтьесъ.—Ты привыкнешь видѣться съ ней и успокоишься.

Онъ немного притихъ.

— Да,—сказалъ онъ,—разъ ужъ это такъ случилось, я долженъ быть благодаренъ, что она и мужъ ея такъ любезны со мной.—Онъ закрылъ глаза рукой.—Можетъ быть,— продолжалъ онъ,—и не долго проживу, тогда наступитъ конецъ всему горю.

— Не говори объ этомъ,—сказалъ Пе-Онтьесъ,—ты съѣздишь въ Висбаденъ или Наугеймъ и станешь опять свѣжимъ, сильнымъ человѣкомъ и будешь опять работать...

— Да,—сказалъ онъ,—я посмотрю... мнѣ бы еще многое хотѣлось сдѣлать... Но... ужъ больно глубоко меня это задѣло, Пе-Онтьесъ; я ее вѣдь такъ долго, долго зналъ... съ дѣтства. Она на моихъ глазахъ выросла и стала такой умной, красивой, милой и самъ Господь какъ бы говорилъ:—смотри, какъ она цвѣтетъ и растетъ, смотри—она сдѣлаетъ изъ тебя спокойнаго, сильнаго, глубокаго человѣка. А теперь, видишь ли... нѣтъ, это очень тяжело.

На палубѣ послышались шаги и женскій голосъ.

— Я сказалъ ей, чтобы она шла слѣдомъ за мной, если я не возвращусь. Кажется, это она... Будь храбръ! Я подожду наверху...

И онъ удалился, а она вошла. Она приблизилась къ его кровати и стала гладить его и, хотя заранѣе твердо рѣшила оставаться спокойной, все-таки заплакала и сказала:

— Милый, милый мальчикъ... видишь... вотъ и Гейнке пришла... скажи, что она должна для тебя сдѣлать? Скажи же?

Онъ поглядѣлъ на нее сіяющими глазами:

— Быть такой милой...—отвѣтилъ онъ.—Я такъ счастливъ, что ты такъ со мной обходишься... Что они хорошо къ тебѣ относятся?

— Кто, Кай? Петръ Фольквардсенъ? Тотъ остался все тѣмъ же, Кай... милымъ, умнымъ.

— Тогда все хорошо,—сказалъ онъ,—тогда все случилось не зря.

— Нѣтъ,—сказала она,—не зря. Ты спасъ одну душу отъ мрака и зла, а другую отъ угрызеній совѣсти. Нѣтъ, не зря! Но ты долженъ быть храбрымъ. Какая польза отъ того, если ты не будешь храбрымъ и радостнымъ?

Она наклонилась надъ его рукой и прижала ее къ своему лицу и сказала, горько плача:—Если ты не перенесешь этого и погибнешь отъ любви ко мнѣ, я этого не въ состояніи буду пережить. Тогда наступитъ конецъ моему счастію.

Онъ кивнулъ ей:

— Я всегда былъ храбрымъ,—сказалъ онъ.—Развѣ тебѣ не писалъ хорошихъ писемъ? Я поборю все, ты увидишь!

Она пригладила своей мягкой рукой его волосы на вискахъ и на лбу и сказала:

— А лѣтомъ, когда ты будешь въ Висбаденѣ, и, если намъ удастся скопить столько денегъ, мы навѣстимъ тебя. А осенью ты пріѣдешь въ Илигенлей. Ты будешь жить у Анны. Знаешь ты это?

— Потомъ я хотѣлъ бы поселиться въ Гамбургѣ,—сказалъ онъ.—Я тамъ хочу поработать .. а потомъ...

— А потомъ ты будешь навѣщать насъ въ Илигенлеѣ и всѣ мы будемъ рады! Ты увидишь, мы всѣ будемъ радоваться!

— А потомъ подрастутъ твои дѣти,—сказалъ онъ съ счастливымъ видомъ,—и ты пріѣдешь съ ними ко мнѣ въ Гамбургъ и я все вамъ буду показывать. А потомъ, когда я постарѣю, я буду сиживать у тебя и смотрѣть, какъ ты хозяйничаешь, и говорить о старыхъ временахъ.

— А потомъ, когда мы будемъ совсѣмъ стариками,—сказала она шутливо,—ты будешь приходить къ намъ каждый день и мы будемъ говорить о состояніи нашего здоровья.

Онъ счастливыми глазами посмотрѣлъ на нее:

— Какъ ты мила,—сказалъ.—Ты со всѣми такъ, какъ со мной?

— Нѣтъ,—сказала она.—Ты знаешь—это не въ правахъ семейства Бойе. Только съ моими да съ тобой я такая.

— Какіе вы милые,—сказалъ онъ.—Разскажи мнѣ о немъ и какъ ты живешь?

Она начала разсказывать и онъ слушалъ ее нѣкоторое время. Но понемногу вѣки его тяжелѣли.

Вошелъ врачъ. Онъ подошелъ къ постели и сказалъ:

— Я думалъ васъ сегодня послѣ обѣда перевести въ больницу. Такъ какъ вы сегодня уже испытали много волненія, а переѣздка вамъ еще предстоитъ, то я предлагаю вамъ повидаться съ вашими друзьями завтра утромъ уже въ больницѣ.

Кай кивнулъ головой въ знакъ согласія и врачъ направился къ выходу.

Тогда Гейнке Бойе быстро украдкой нагнулась къ Каю и тихо сказала:

— Милый, милый человѣкъ,—и ушла.

Такъ они видѣлись въ послѣдній разъ.

Подъ вечеръ его перевезли въ Портовую больницу. Вечеромъ пришелъ къ нему молодой гамбургскій пасторъ, который въ теченіе долгихъ лѣтъ былъ привязанъ къ нему и теперь случайно узналъ о томъ, что онъ пріѣхалъ. Онъ такъ же, какъ и многіе другіе, читалъ его рукопись о Спасителѣ, и спросилъ его, не хочетъ ли онъ ее напечатать. Онъ отвѣтилъ ему, что хотѣлъ бы подождать еще годъ,—онъ долженъ ее еще просмотрѣть. Тогда другъ его спросилъ, не боится ли онъ общественнаго мнѣнія?

— Нѣтъ, — сказалъ онъ, — чего мнѣ бояться? Пусть боится церковь. Я знаю, что мой Спаситель и мое евангеліе правильнѣе, чѣмъ всѣ церковныя ученія. И если бы я стоялъ совсѣмъ одинокимъ, я бы не боялся. Кто одинокъ съ правдой, тотъ не одинокъ...—Немного спустя онъ сказалъ:— Я пробился сквозь весь этотъ мракъ, я не извивался туда и сюда, какъ угорь въ сѣти. Потому я теперь доволенъ и свободенъ и готовъ жить и умереть, какъ Богу угодно.

И въ то время, какъ его пріятель перелистывалъ Новый Завѣтъ, лежащій на столѣ около больного, Кай-Янсъ сказалъ какъ бы про себя:

— Такъ и лучше.

— Что лучше?—спросилъ его другъ.

Но онъ ничего не отвѣтилъ. Тихимъ, усталымъ голосомъ попросилъ онъ его:

— Прочти мнѣ немного... о немъ.

Тогда тотъ прочелъ нѣсколько словъ изъ нагорной проповѣди.

Нѣсколько погодя, какъ бы проснувшись отъ сна, онъ сказалъ:

— Наставники во всей странѣ должны быть добры ко всѣмъ дѣтямъ. Къ дѣтямъ нужно относиться хорошо—они не могутъ защитить себя. И, можетъ быть,—кто знаетъ—у ихъ ногъ сидитъ мальчикъ, который принесетъ намъ послѣднее откровеніе, или дѣвочка, которая станетъ его матерью, и ихъ мучаютъ тяжелыя, смутныя мысли, какъ сны.

Другъ сказалъ:

— Цѣлый рядъ нѣмецкихъ профессоровъ трудится надъ тѣмъ, чтобы разсказать народу новое. Они просто пишутъ.

Кай-Янсъ улыбнулся:

— Тяжелое это дѣло...—сказалъ онъ.—Да благословитъ Богъ нѣмецкую науку... Я раньше мало цѣнилъ ее... Мы ей многимъ обязаны.

— Когда выйдетъ твоя книга о Христѣ,—сказалъ другъ,— то многіе, многіе люди, которые теперь отпали отъ церковной вѣры и потеряли всякую вѣру, почувствуютъ себя опять христіанами.

Онъ какъ бы не слышалъ и только черезъ нѣкоторое время сказалъ:

— Если бы намъ только освободиться отъ всѣхъ этихъ тяжелыхъ запутанныхъ вещей: отъ папы, и отъ заступничества кровью, и отъ всѣхъ другихъ мрачныхъ заблужденій и имѣть простое, прекрасное евангеліе, тогда станетъ легко и свѣтло. Иго его благо и бремя его легко.—Потомъ онъ съ трудомъ сложилъ руки и лежалъ нѣкоторое время спокойно. Потомъ онъ громко сказалъ:—Я разъ видѣлъ священную землю во снѣ—это было несказанно прекрасно.

Потомъ онъ какъ бы заснулъ и другъ его, посидѣвъ еще нѣкоторое время около его постели, тихо ушелъ.

На слѣдующее утро нашли Кая-Янса мертвымъ. Онъ умеръ, какъ показало изслѣдованіе трупа, около полуночи отъ разрыва сердца; какъ кажется, безъ тяжелой борьбы.

Когда Пе-Онтьесъ утромъ въ девять часовъ прибылъ въ больницу, онъ узналъ о смерти и, удрученный, пошелъ къ Гейнке.

Она еще не выходила изъ комнаты.

Когда онъ ей разсказалъ объ этомъ, она какъ будто окаменѣла. Потомъ, когда она поняла все и передъ глазами ея предстала та горькая истина, что онъ ушелъ, и нѣтъ его больше въ ея жизни, она зарыдала. И опять сидѣла одна изъ рода Бойе на краю своей кровати въ безутѣшномъ горѣ.

Пе-Онтьесъ утѣшалъ ее, насколько могъ:

— Развѣ ты его такъ любила?—говорилъ онъ.—И твоего мужа ты также любишь?—И съ справедливымъ изумленіемъ онъ сказалъ:—Странный вы народъ, всѣ Бойе!.. Перестань плакать. Пойдемъ. Намъ надо послать депешу и распорядиться о похоронахъ...

— Только не въ Гамбургѣ,—сказала она.

— Глупости,—отвѣчалъ онъ,—конечно, въ Гикдорфѣ. Онъ оттуда родомъ. Тамъ отецъ его провелъ молодость.

— Да,—отвѣтила она и, вставъ, вымыла глаза и поправила платокъ и, вновь зарыдавъ, сказала:—Я такъ не могу идти, мнѣ надо черное платье.

Несмотря на всю печаль свою, онъ улыбнулся.

— Мы купимъ платье, Гейнке,—сказалъ онъ, погладивъ ее по головѣ.—Ну, идемъ.

Они взяли коляску и поѣхали въ больницу. По дорогѣ онъ уговорилъ ее не ходить къ покойнику.

— Я его видѣлъ,—сказалъ онъ,—и я увѣряю тебя, онъ лежитъ съ такимъ мирнымъ, спокойнымъ лицомъ.

Когда они выходили изъ больницы черезъ площадь, имъ на встрѣчу шелъ никто иной, какъ Тьяркъ Дузеншенъ.

Онъ былъ въ черномъ сюртукѣ, съ блестящимъ цилиндромъ и зонтикомъ въ рукѣ.

— Я слышалъ, что Кай-Янсъ умеръ,—онъ боролся со слезами,—тѣло будетъ отправлено въ Илигенлей?

— Въ Гиндорфъ.

— Я управляющій похороннаго товарищества Св. Троицы, которое основалъ. Если бы ты мнѣ поручилъ это печальное дѣло, то я бы все устроилъ... У насъ три разряда,—и онъ вытащилъ изъ кармана прейсъ-курантъ.

— По второму,—коротко и быстро отвѣтилъ Пе-Онтьесъ.

— Гробъ и украшеніе...

— Я буду присутствовать и самъ посмотрю,—сказалъ Пе-Онтьесъ.

— ...и переводъ до станціи „Илигенлей" двѣсти шестьдесятъ марокъ.

— Хорошо, — сказалъ Пе-Онтьесъ,—мы можемъ идти, Гейнке.

На третій день Кай-Янсъ лежалъ въ покойницкой больницы, неизмѣнившійся, въ бѣломъ облаченіи, снаряженный Дузеншеномъ. Пе-Онтьесъ все время присутствовалъ и за всѣмъ наблюдалъ. Вошли носильщики. Тогда Тьяркъ Дузеншенъ подошелъ въ своемъ красивомъ, двухбортномъ сюртукѣ, съ блестящимъ цилиндромъ въ рукѣ къ изголовью покойника и прочелъ своимъ звучнымъ голосомъ, согласно уставу похороннаго товарищества Св. Троицы, Отче нашъ. Потомъ заколотили гробъ и вынесли.

Когда Пе-Онтьесъ собирался сѣсть въ коляску, гдѣ сидѣла Гейнке, къ нему подошелъ Тьяркъ Дузеншенъ и серьезно, соболѣзнуя, промолвилъ:

— Какъ жаль, что ничего изъ него не вышло... у него были такія хорошія способности. Но у него... знаешь ли... не было совсѣмъ сознанія собственнаго достоинства. Вотъ въ чемъ дѣло... Онъ всегда оставался простымъ сыномъ рабочаго, деревенскимъ мальчикомъ. Онъ не возвысился... Это была его основная ошибка.

Пе-Онтьесъ ничего не отвѣтилъ. Онъ спѣшилъ выбраться изъ города.

Когда они прибыли на вокзалъ Илигенлея и увидѣли тамъ двадцать-тридцать скорбныхъ знакомыхъ лицъ и когда восемь поденщиковъ изъ Гиндорфа, по четыре на каждой сторонѣ, справа русые, слѣва рыжіе, подняли однимъ взмахомъ тяжелый гробъ на плечи, тогда Пе-Онтьесъ глу-

боко вздохнулъ.—Слава Богу,—сказалъ онъ. Только теперь ему показалось, что онъ спасъ его отъ всего горя души и жизни.

Передъ длиннымъ домомъ у дверей стоялъ старикъ и ожидалъ шествія. Онъ долгимъ взоромъ посмотрѣлъ на гробъ, и углы губъ его дрогнули. И онъ нахлобучилъ шапку на глаза и молча примкнулъ къ шествію. Пе-Онтьесъ пошелъ съ нимъ рядомъ. Гейнке и Анна, которыя были у старика, смотрѣли изъ окна.

Что же сказать еще?... Въ открытую могилу упалъ тяжелый, теплый майскій дождь. Новое зерно взойдетъ. И новые люди вырастутъ, которые въ думахъ и дѣлахъ будутъ работать надъ величайшими вопросами человѣчества.

Ночью.

—

(Посвящается О. Я.).

—

Одинокій и печальный
Я сижу въ своемъ углу.
Звонъ унылый, погребальный
Льется, падая, во мглу.

—

Я задумался глубоко...
Ночь глядитъ ко мнѣ въ окно.
Какъ минувшее далеко!
Какъ грядущее темно!

—

И мнѣ грезится: въ туманѣ
Мы съ врагомъ сошлись въ бою.
Бьемся мы во вражьемъ станѣ,
Защищая честь свою.

—

И пурпуровое знамя
Я держу передъ врагомъ,
И горитъ свободы пламя
Въ сердцѣ трепетномъ моемъ.

—

Много насъ... Мы укоризны
Не снесли, вступили въ бой.
Мы хотимъ своей отчизнѣ
Свѣтлой жизни, трудовой.

—

И мы бьемся... Но рѣдѣетъ
Наша доблестная рать:
Смерть надъ нами грозно рѣетъ,
Намъ не страшно умирать.

—

Что жъ, умремъ!.. Вдругъ знамя пало,
Опустилася рука:
Въ грудь вонзилось стали жало,
Рана въ сердцѣ глубока.

—

Я лежу забытый въ полѣ,
А кругомъ шумятъ цвѣты,
И въ очахъ о свѣтлой волѣ
Еще теплятся мечты.

—

Ты склонилась надо мною
И мнѣ шепчешь вся въ слезахъ:
„Слава павшему герою!
Спи... я буду вѣкъ съ тобою
На землѣ и въ небесахъ“..

—

Полночь бьетъ... Одинъ, печальный
Я сижу въ своемъ углу.
Звонъ унылый, погребальный
Льется, падая, во мглу.

С. Яхонтовъ.

Случай, какихъ много.

Разсказъ С. Савинковой.

Былъ ясный, солнечный день, когда студентъ Вася Поповъ вышелъ на улицу. Его не радовали хорошая погода, звонкое щебетаніе птицъ и красивый видъ рѣки; на душѣ у него было тяжело, и на природу онъ сегодня не отзывался: въ эту ночь арестовали нѣсколько товарищей, затѣмъ была по этому поводу сходка въ университетѣ, но безрезультатна, и все вокругъ него было мрачно и безъ надежды на лучшее.

Чтобы разсѣяться, онъ вышелъ на бульваръ и, купивъ у газетчика „Мысль“, присѣлъ на скамейку. Но газета не дала успокоенія. Передовая статья трактовала о недавней карательной экспедиціи, и имя командира полка Лотова повторялось на всѣ лады. И, прочитавъ описанія кровавыхъ расправъ, Вася тяжело вздохнулъ и вынулъ папироску.

Но не оказалось спичекъ... Онъ оглянулся. У воротъ казармъ стояло два молодыхъ солдата; одинъ изъ нихъ курилъ.

— Дайте огня! — попросилъ Вася, подходя къ нимъ. Быстроглазый, бойкій блондинъ охотно вынулъ спички.

— А вы, баринъ, газету пожалуйте, ежели прочтена.

— А вы грамотный?—спросилъ, закуривая, Вася.

— Я грамотный, а онъ вотъ нѣтъ, — указалъ солдатъ на товарища, — а только обоимъ узнать хочется, что на свѣтѣ дѣлается.

— Возьмите,—сказалъ Вася, протягивая газету,—да только ничего хорошаго не прочтете: все кровь, казни да убійства.

— Да,—вздохнули солдаты,—плохое время!

— Ужъ чего хуже,—сказалъ и Вася.—Вотъ и вамъ, поди, не весело своихъ же разстрѣливать? а? Свои, родные, русскіе, а ихъ убивать надо. Ужасъ!...

— А-а-а! Вотъ оно что!—вынырнулъ внезапно изъ-подъ

воротъ высокій, рыжій фельдфебель.—Ты какъ смѣешь солдатъ смущать?—закричалъ онъ на Васю и обернулся къ солдату:

— Что у тебя?—и онъ вырвалъ изъ рукъ солдата газету. Перевернувъ ее на всѣ стороны, онъ посмотрѣлъ на Васю исподлобья.

— Вотъ оно какое дѣло! Зови дежурнаго по полку,— обратился онъ къ одному изъ оторопѣвшихъ солдатъ. Вася съ улыбкой смотрѣлъ на фельдфебеля. Его забавлялъ его азартъ.

— Чего вы волнуетесь? — обратился онъ къ нему. — Я только далъ газету почитать. Развѣ нельзя?

— А вотъ узнаешь! — грубо отвѣтилъ фельдфебель и вдругъ вытянулся:

— Смирно-о! Самъ командиръ идетъ!...

— Что тутъ такое?—раздался рѣзкій голосъ.—Это что за студентъ?—и статный полковникъ смѣрилъ Васю съ головы до ногъ строгими глазами.

— Такъ что, ваше высокородіе, я агитатора поймалъ,— заторопился фельдфебель,—стою за воротами и слышу, какъ онъ будто закурить проситъ, а самъ сейчасъ въ разговоры— зачѣмъ-де въ народъ стрѣляете... Я къ нему, а ужъ у нихъ въ рукахъ прокламація, значитъ.

— Да, нѣтъ же, — возразилъ Вася, — какая прокламація? Это газета, прямо отъ разносчика, незапрещенная.

— На цыгарки мы, значитъ, попросили, ваше высокородіе,—заикнулся, было, одинъ изъ солдатъ.

— Молчать! Тебя не спрашиваютъ! — крикнулъ полковникъ.—Какая газета?—обратился онъ къ Васѣ.

— „Мысль",—спокойно отвѣтилъ Вася.—Я подошелъ случайно, спички не было... Ну, и далъ газету... вотъ и все...

Полковникъ сталъ пробѣгать газету глазами.

Вдругъ лицо его вспыхнуло, и онъ нахмурился:—Дѣйствія полковника Лотова,—прочелъ онъ, и губы его дрогнули.

— Веди его въ манежъ и зови офицеровъ, кто есть,— приказалъ онъ фельдфебелю,—я сейчасъ приду.

— Но зачѣмъ же мнѣ идти въ манежъ?—запротестовалъ было Вася, но его тотчасъ прервали.—Идите или силой поведутъ!—угрюмо сказалъ полковникъ.

— Вотъ такъ приключеніе! — легкомысленно подумалъ Вася и зашагалъ за фельдфебелемъ.

Полковникъ Лотовъ былъ однимъ изъ идеальнѣйшихъ командировъ. Солдаты его были хорошо одѣты, ѣли сытно, лошади были въ тѣлѣ, и къ рукамъ полковника не пристало ни одной соломинки. Дисциплина и порядокъ у него были образцовые. И благодаря своей энергіи и рѣшительности онъ былъ на отличномъ счету у начальства. А послѣ выказанной имъ безпримѣрной „распорядительности" по усмиренію одной изъ мятежныхъ частей Имперіи репутація его поднялась еще выше. Никто не сомнѣвался, что его ждала блестящая карьера, и полковникъ съ гордостью думалъ самъ, что вполнѣ заслужилъ ее. Быстрота, рѣшительность и полное отсутствіе колебанія передъ самой жестокой расправой приводили его сослуживцевъ въ удивленіе. „Тигра"—потихоньку называли его солдаты, но онъ этого не зналъ, да и вообще о чьемъ-либо мнѣніи, кромѣ начальства, не заботился. Ему приказано было „усмирить"—онъ усмирялъ; приказано „не щадить"—онъ не щадилъ... А слово „крамола" заглушало и уничтожало всякое сомнѣніе.

Вообще въ своихъ требованіяхъ порядка и дисциплины полковникъ былъ безпощаденъ. Какъ въ полку, такъ и въ семьѣ, онъ требовалъ одного — повиновенія. Это былъ его идеалъ, и только къ нему онъ и стремился. Желѣзной рукой держалъ онъ свой жезлъ власти, и ничто не могло вырвать его изъ его крѣпкихъ рукъ. Были ли счастливы окружавшіе его и зависѣвшіе отъ него люди—объ этомъ онъ не думалъ. Они „должны" были быть счастливы, такъ какъ были сыты, обуты, одѣты и имѣли кровъ; большаго имъ, въ ихъ положеніи, по мнѣнію полковника, желать было нечего. За нихъ думалъ и рѣшалъ онъ. Загадка бытія была имъ разгадана. Повиновеніе — вотъ весь ея смыслъ. А море человѣческихъ страстей, самолюбіе, честь, правда, справедливость, любовь, ненависть и все то, что составляетъ суть человѣческой души,—все укладывалось въ узкія рамки мундира и могло всплывать наверхъ только по приказанію свыше. Почему ему, полковнику Лотову, дана была такая власть—вызывать одни чувства и заглушать другія — полковникъ не размышлялъ. Онъ зналъ, что можетъ требовать, чтобы глаза „глядѣли весело", и будутъ глядѣть, чтобы отвѣчали „бодро", и будутъ отвѣчать, чтобы „провожали глазами", и будутъ провожать, а до всего остальнаго полковнику Лотову было мало дѣла. И, гордясь своимъ полкомъ до самозабвенія, полков-

никъ не щадилъ силъ, чтобы довести его дисциплину до крайнихъ предѣловъ.

То же было и въ его семьѣ: порядокъ и повиновеніе царили и тамъ, и полковникъ никогда не замѣчалъ, что въ испуганныхъ глазахъ его жены иногда сверкала слеза, или что дѣти, при его приближеніи, старались спрятаться; что въ его присутствіи всѣ нѣмѣли, и что обѣдъ проходилъ въ гробовомъ молчаніи... Это нравилось полковнику Лотову, это былъ порядокъ... Но сейчасъ онъ былъ мраченъ. До него и раньше дошелъ слухъ, что въ газетахъ осуждаютъ его „рвеніе“ въ карательной экспедиціи, и его бѣсила невозможность „воспретить“ прессѣ судить о немъ. По его мнѣнію, это была та же ненавистная ему „крамола“, и онъ мучился безсильной яростью о невозможности уничтожить ее. Съ какимъ наслажденіемъ онъ направилъ бы ружья на ненавистныя ему редакціи! Но приказанія не было—приходилось терпѣть...

Теперь онъ шелъ медленнымъ шагомъ и на ходу читалъ, задыхаясь отъ негодованія. Цѣлый столбецъ былъ посвященъ дѣйствіямъ его отряда, и имя его пестрѣло на всей страницѣ.

Полковникъ былъ внѣ себя... Его подвиги, вмѣсто восхищенія, вызывали негодованіе, и эта самая „крамольная газета“, благодаря студенту, едва не проникла въ полкъ, къ солдатамъ. Ужасно!... И, когда полковникъ вошелъ въ манежъ, при взглядѣ на него всѣ поняли, что онъ въ безпощадномъ настроеніи. Все стихло.

Полковникъ сѣлъ на подставленный стулъ. Вокругъ стояли офицеры и солдаты, а впереди всѣхъ, охраняемый фельдфебелемъ, Вася.

Его занимала эта исторія; онъ былъ радъ случаю наблюдать закулисную сторону незнакомой военной жизни. Къ тому же онъ зналъ, что ни въ чемъ не виноватъ, что не агитаторъ, и былъ спокоенъ.

— Это ваша газета?—сурово спросилъ полковникъ.

— Моя,—сказалъ Вася и улыбнулся. Улыбнулся тому, съ какой гадливостью произнесено было слово „газета“. Двѣ глубокія ямки появились на розовыхъ щекахъ юноши, и нѣкоторые близъ стоящіе, глядя на него, тоже невольно улыбнулись. Какъ ни была мимолетна эта улыбка, полковникъ ее замѣтилъ, и рука его гнѣвно скомкала газету:

— Сочувствуютъ! — съ негодованіемъ подумалъ онъ. Съ суровымъ вниманіемъ оглядѣлъ онъ Васю: передъ нимъ былъ совершенно юный, безусый, розовый и неизвѣстно чему улыбавшійся юноша.

— Мальчишка, щенокъ, — подумалъ полковникъ.—Не стоитъ затѣвать исторію, составлять протоколъ и прочее Но проучить надо и строго,—рѣшилъ онъ въ душѣ.

— Вы читали, что здѣсь напечатано? — спросилъ онъ.

— Читалъ, — сказалъ Вася.

— Какъ же вы смѣли давать читать солдатамъ порицаніе ихъ командира?

— Какъ командира? Но развѣ вы полковникъ Лотовъ? — наивно спросилъ Вася. Отвѣта не было. Въ манежѣ стояла гробовая тишина, и только два голоса гулко звучали въ воздухѣ — полковника и Васи.

— Я не зналъ ни полка, ни казармъ, ни васъ, — сообщилъ онъ. — Все вышло случайно. Я подошелъ закурить и далъ газету.

— Обычный пріемъ агитаторовъ...—сказалъ полковникъ.— Ну, да долго разговаривать нечего. Я могъ бы позвать полицію, арестовать и предать васъ суду. Но вы мальчишка, и я поступлю съ вами именно, какъ съ мальчишкой. Розогъ! — крикнулъ онъ.

— Что-о-о?! — закричалъ Вася. — Да какъ вы смѣете?

— А вотъ вы сейчасъ узнаете, какъ я смѣю! Розогъ! — повторилъ онъ.

Никто не шевелился. Офицеры смотрѣли внизъ; солдаты ѣли глазами начальство.

— Ну? — закричалъ полковникъ Лотовъ, и жила на его лбу внезапно вздулась.

Весь полкъ зналъ эту жилу. По рядамъ прошелъ трепетъ...

— Ну? — еще громче закричалъ командиръ.

Васю схватили...

Шатаясь, хватаясь кое-гдѣ за стѣну, плелся Вася, но не домой... Не было у него теперь ни дома, ни друзей, ни хозяйки, ни университета... все погибло, пропало въ бездонной глубинѣ безвыходнаго оскорбленія. Тѣло ныло, болѣло—онъ этого не замѣчалъ, но ныла и болѣла душа невыносимо. Сплошная мрачная туча непереносимаго позора нависла надъ

нимъ, и ничто не могло не только разсѣять ее, но хотя бы прорѣзать какимъ бы то ни было лучомъ... И онъ брелъ, боясь одного: что умретъ, не дойдетъ до цѣли... Кажется, близко... Кажется, та улица, тотъ домъ... Тутъ живетъ Павелъ... Его одного могъ только видѣть, перенести сейчасъ Вася; онъ все пойметъ, все приметъ такъ, какъ бы это произошло съ нимъ самимъ. И, добредя до его комнаты, увидя Павла, онъ бросился на его постель, и изъ груди его вырвался, наконецъ, вопль, вопль загнаннаго, затравленнаго звѣря: „высѣкли!“

Прошли дни...

Молча, торжественно шли друзья. Твердо шелъ Павелъ, твердо шелъ оправившійся Вася. Это былъ не тотъ Вася, приходившій недавно къ Павлу, жизнерадостный и полный надеждъ, а другой, вновь народившійся, твердый, какъ сталь. Онъ зналъ, куда идетъ, онъ зналъ, на что идетъ...

Въ небольшой комнатѣ стояло и сидѣло нѣсколько человѣкъ. Окно было завѣшено, на столѣ горѣла одна свѣча. Лица всѣхъ были спокойно-серьезны. Только-что былъ прочтенъ рядъ подвиговъ полковника Лотова. Дѣло было рѣшено — приговоръ единогласенъ. И никто не шевельнулся, когда изъ среды ихъ поднялся одинъ и сказалъ тихимъ, но проникновеннымъ голосомъ:

— Товарищи! Каждый изъ насъ готовъ пожертвовать собою... Но никто изъ насъ не имѣетъ большаго права... — Онъ указалъ рукой на стоявшаго съ скрещенными руками у косяка двери Васю.—Товарищъ! Хотите ли? Можете ли?

— Могу, — твердо сказалъ Вася, и словно невидимая печать была приложена къ невидимому документу.

Полковникъ Лотовъ шелъ въ казармы... Онъ былъ въ духѣ. Все шло хорошо. Въ семьѣ царилъ порядокъ... Всѣ слушались движенія его бровей... Жена была послушна, дѣти, прислуга тоже. Всѣ ходили передъ нимъ на цыпочкахъ, смотрѣли ему въ глаза. Еще вчера, когда онъ больно схватилъ сына за ухо, тотъ покорно поцѣловалъ ему руку и сказалъ: — Никогда больше не буду.

Денщикъ, котораго онъ ударилъ по лицу и спросилъ:

— Понимаешь ли ты, что ты оселъ, каналья? — громко отвѣтилъ: — Такъ точно, ваше высокородіе.

Все шло, какъ должно. Порядокъ, послушаніе и неразсужденіе.

Въ полку тоже было хорошо. Фельдфебель донесъ, что солдаты, послѣ послѣдняго взысканія, ведутъ себя примѣрно, никто не отвѣчаетъ, встаютъ, ходятъ и сидятъ, какъ одинъ человѣкъ, глаза держатъ весело и книжками не балуются. Полковникъ былъ доволенъ и шелъ быстро.

Но вдругъ изъ-за угла къ нему навстрѣчу вышелъ человѣкъ. Онъ былъ высокъ, строенъ, молодъ, и полковнику Лотову казалось, что онъ его никогда не видалъ. Ему и въ голову не пришло, что то былъ тотъ самый веселый и розовый студентъ, беззаботно махнувшій рукой, когда полковникъ спросилъ его:

— Ваша ли это газета?

— Моя, — весело отвѣтилъ тогда Вася.

Теперь въ двухъ шагахъ отъ полковника Лотова былъ человѣкъ, старше студента лѣтъ на 10, съ темнымъ лицомъ и мрачными, глядѣвшими исподлобья глазами.

И вдругъ воспоминаніе прорѣзало мозгъ полковника:—Я его видѣлъ.

О происшествіи съ розгами онъ уже забылъ. Прошла съ тѣхъ поръ недѣля, а такихъ исторій на каждомъ шагу— всѣхъ не упомнишь...

Но Вася остановился и посмотрѣлъ полковнику Лотову прямо въ глаза и... полковникъ въ этомъ взорѣ прочелъ свой приговоръ: то былъ грозный призракъ смерти съ поднятой косой! Съ неудержимой быстротой понеслось въ его памяти то, о чемъ онъ до сихъ поръ никогда не думалъ: стоны, крики, блѣдныя лица, руки, съ мольбою поднятыя вверхъ, крикъ матери:

— Полковникъ, это сынъ мой!—и, наконецъ, послѣдній вопль студента:

— Лучше убейте!

Все, какъ вихрь, пронеслось въ мозгу полковника, рука его машинально потянулась въ карманъ за револьверомъ, но было уже поздно... Что-то блеснуло, что-то подняло его на воздухъ, мгновеніе... и все было кончено... и полковникъ Лотовъ, и Вася обратились въ прахъ...

Полковника Лотова хоронили... Та каша, смѣшанная съ грязью и соромъ, остатками одеждъ и кожи, каша, которая

теперь составляла то, что носило имя полковника Лотова и къ которой впопыхахъ были присоединены и частицы, бывшія Васей, — была положена въ гробъ, тщательно замурована, покрыта цвѣтами и торжественно покоилась въ катафалкѣ.

Знамена, склонясь надъ нею, красиво колыхались, голоса пѣвчихъ звонко неслись высоко къ небу, и священникъ взволнованнымъ голосомъ говорилъ:

— Сей доблестный герой, коего смерть пощадила на поляхъ Манджуріи, коего жизнь была такъ нужна отечеству, вѣрный слуга престола, палъ отъ руки гнуснаго злодѣя! и за что, спрашиваю я васъ, благочестивые слушатели?

И глухіе, нѣмые, слѣпорожденные, наполнявшіе храмъ, съ недоумѣніемъ глядѣли другъ на друга, и въ ихъ глазахъ видѣлся тотъ же вопросъ:—За что?

Они не понимали... И поймутъ ли когда-нибудь?.. Васю никто не отпѣвалъ... Его руку, ногу, палецъ и кусокъ черепа съ волосами бросили въ деревянный ящикъ и закопали съ проклятьями и руганью.

И только гдѣ-то въ глуши, въ какомъ-то захудаломъ городишкѣ, чья-то мятущаяся женская душа и до сихъ поръ бродитъ отъ окна къ окну, высматривая почтальона и съ тоской спрашивая себя:

— Почему же Вася такъ долго не пишетъ?

Годъ борьбы.

(Очеркъ исторіи рабочаго движенія 1905—1906 гг.).

1905—1906 годъ съ октября по октябрь, со дня возникновенія перваго петербургскаго Совѣта Рабочихъ Депутатовъ по день судебнаго приговора надъ этимъ Совѣтомъ—этотъ годъ былъ славнымъ годомъ рабочаго движенія въ Россіи. Онъ богатъ не событіями, не побѣдами,—онъ богатъ глубокимъ внутреннимъ содержаніемъ. И самыя страданія рабочаго класса въ дни неравной борьбы и пораженій, въ дни безработицы, вызванной местью хозяевъ, какъ пламя ночного пожара, разрываютъ окружающую предразсвѣтную тьму неволи рабочаго класса въ капиталистическомъ обществѣ.

Это былъ годъ ожесточенной борьбы классовъ. И не даромъ борьба эта унесла такое громадное количество жертвъ и принимала такія варварскія формы, какими являлись, напримѣръ, артиллерійскіе разстрѣлы. Она велась при условіяхъ, которыхъ не знаетъ демократическій Западъ. Господствовала анархія. Власть превратилась въ необузданное насиліе, несдерживаемое даже и нормами законовъ самодержавной Россіи. И что хуже всего: власть эта отдавалась въ распоряженіе и къ услугамъ буржуазіи въ ея хозяйственныхъ интересахъ. За требованія относительно распорядка на фабрикѣ рабочіе выкидывались на улицу. За „депутатство" отъ рабочихъ лишались возможности поступить куда бы то ни было на работу, иными словами—осуждались на голодную смерть. За политическую дѣятельность сами хозяева выдавали рабочихъ полиціи. И далѣе борцовъ ждала тюрьма, ссылка, битье, пули. Что было позволено рабочимъ, какъ гражданамъ? Ничто. А что было запрещено властямъ, полиціи, хозяевамъ въ охрану личности рабочаго? Все было позволено. Не было власти, которая обязана соблюдать хоть какія-нибудь нормы даже и въ насиліи. И это неограниченное право насилія развратило обладателей земельныхъ богатствъ и капитала. Ихъ обычные способы эксплоатаціи и угнетенія перешли въ буйное пренебреженіе правами рабочаго. Недоконченный демократическій переворотъ сдѣлался царствомъ варварства, разгуломъ самыхъ

злыхъ инстинктовъ со стороны жрецовъ наживы и расточительнаго самоуслажденія. Страданія массъ становятся поэтому нестерпимы. И на рубежѣ новаго года въ головахъ милліоновъ растетъ сознаніе того, что переворотъ долженъ быть завершенъ.

Россія должна стать демократіей!

Это сознаніе пробиваетъ себѣ дорогу въ умъ массы среди тысячи впечатлѣній пережитаго года. И выходитъ оно изъ опыта этого года такимъ же глубокимъ и многостороннимъ, какимъ было содержаніе самаго рабочаго движенія и жизнь рабочаго класса. Намѣтить развитіе рабочаго движенія за этотъ годъ—значитъ намѣтить главныя черты этого сознанія. Попытаемся сдѣлать это.

Волна рабочаго движенія этого года имѣла короткій и блестящій взлетъ: 1—2 мѣсяца. 11 остальныхъ мѣсяцевъ она падала подъ непрестаннымъ гнетомъ враждебныхъ силъ. Къ концу года спокойствіе и равновѣсіе народной стихіи оказывается такъ же немыслимо, какъ и въ началѣ бурнаго года. Пролетаріатъ, жившій „славной жизнью“ [1]) хотя бы въ теченіе одного мѣсяца, не помирится съ годами жизни въ безславіи. Такова психологія массы. Мыслью и чувствомъ онъ будетъ всегда возвращаться къ славному прошлому.

Первый періодъ этого года начался октябрьской стачкой. Въ ней общественно-экономическая сила рабочаго класса слилась съ его политической силой. Сила эта пріостановила однообразный ходъ бюрократической машины. Власть, какъ эхо, повторила народныя требованія свободъ и правъ: гражданскихъ и политическихъ. Правыя фракціи буржуазіи приняли пресловутый манифестъ, какъ еврейскій народъ библіи—скрижали Завѣта. Пролетаріатъ отвѣтилъ: „Это только *слабое эхо* нашихъ голосовъ борьбы и требованій; оно раздается въ мертвыхъ залахъ бюрократическихъ канцелярій. Мы идемъ дальше. Мы продолжаемъ дѣло общественнаго и государственнаго строительства. Пусть старая власть лишь не мѣшаетъ намъ. Себѣ мы возьмемъ восьмичасовой рабочій день, народу будемъ готовить народоправленіе“.

Власть дѣйствительно бездѣйствовала. И пролетаріатъ, главнымъ образомъ столичный, развилъ напряженную дѣятельность, какъ политическую, такъ и общественно-классовую. Руководилъ той и другой преимущественно петербургскій Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ. Политическая дѣятельность рабочихъ массъ не была борьбой съ правительствомъ: правительство отошло въ сторону; министры, принимая рабочихъ депутатовъ, оказывались въ положеніи исполнителей пролетарскихъ требованій; а за пролетаріатомъ какъ будто признавалось фактическое право почина въ разрѣшеніи вопросовъ управленія страной. Борьба политическая была отпоромъ фанатикамъ

---

1) Рѣчь Хрусталева въ процессѣ Совѣта Раб. Деп.

стараго строя, черносотенцамъ. И въ центрахъ политической жизни этотъ отпоръ достигъ цѣли. Избіенія интеллигентовъ, студентовъ и т. д. были предотвращены, мѣстами сдержаны. Политическіе противники сошлись въ гражданской войнѣ. При этомъ и борьба ихъ не была смягчена парламентаризмомъ и законами демократическаго государства. И въ этой борьбѣ сначала взялъ верхъ пролетаріатъ при поддержкѣ передовыхъ элементовъ среднихъ слоевъ. Но вскорѣ его осилили реакціонные элементы народа при прямой поддержкѣ старыхъ властей. Старая власть стала главнымъ штабомъ „черносотеннаго" народа. Двѣ попытки обороны со стороны пролетаріата въ ноябрѣ и декабрѣ были разбиты. И рабочая масса очутилась въ плѣну у побѣдителя-варвара.

Другой стороной того-же періода была борьба общественно-экономическая. Два класса современнаго города стояли враждебно другъ противъ друга. При этомъ казалось, что они въ своей борьбѣ не стѣснены ничѣмъ: ни условіями момента, ни законами. Такая иллюзія абсолютной свободы создалась весьма естественно. Дѣйствительно, еще недавно старые законы Россіи сковывали всѣ проявленія жизни рабочаго класса. Теперь они какъ будто упразднялись октябрьскимъ манифестомъ, а новое законодательство еще не сложилось. И въ то время, какъ даже демократическое законодательство Запада признается сильнымъ стѣсненіемъ рабочаго класса въ его движеніи впередъ,—бездѣйствіе нашихъ законовъ въ октябрѣ— ноябрѣ 1906 года казалось вожакамъ рабочихъ массъ высшей свободой. Чудилась безконечная возможность строительства въ жизни рабочаго класса. Газета „Начало" (№ 1) писала: „Пролетаріатъ „ не успокоится", онъ не дастъ водвориться тому устойчивому „мирному" положенію, котораго такъ жаждутъ насытившіеся буржуазные классы". Вмѣстѣ съ тѣмъ объявлялась прямая борьба съ хозяевами за восьмичасовой рабочій день. „Прямая борьба" началась по постановленію Совѣта Раб. Деп., который шелъ навстрѣчу желаніямъ массъ. Ежедневно, отработавъ 8 часовъ, рабочіе многихъ столичныхъ заводовъ и фабрикъ, давали гудокъ и уходили съ работы. Казалось, послѣ провозглашенія „свободъ" не было закона, который запрещалъ бы „прямое дѣйствіе". Не было силы, которая привела бы въ исполненіе этотъ законъ. И вдругъ иллюзія разрушилась. Нашелся суровый „законъ": законъ экономическаго господства класса хозяевъ. И этотъ законъ нашелъ точныхъ, ревностныхъ исполнителей въ лицѣ старыхъ властей. Съ привычной ухваткой капиталъ позвалъ полицейскаго. Петербургскій градоначальникъ распорядился закрыть промышленныя заведенія, въ которыхъ рабочіе „проводили восьмичасовой рабочій день". Въ распоряженіе администраціи различныхъ фабрикъ и заводовъ были предоставлены полицейская и военная охрана. Многія тысячи рабочихъ очутились на мостовой.

Столичная рабочая масса пыталась оказать прямое сопротивленіе по-

пыткѣ локаута. Наканунѣ осуществленія угрозы капиталистовъ рабочіе семянниковскаго завода въ Петербургѣ обратились ко всѣмъ рабочимъ Петербурга съ воззваніемъ, въ которомъ они говорили: „Товарищи-пролетаріи Петербурга! Поддерживаемые правительствомъ Витте, заводчики и фабриканты готовятся выбросить на улицу сотни тысячъ петербургскихъ рабочихъ, не желая согласиться на введенный ими революціоннымъ путемъ 8-мичасовой рабочій день“. Далѣе семянниковцы призывали товарищей: „Не дожидаясь расчета, сами бросайте работу, чтобы показать заводчикамъ и фабрикантамъ единеніе всѣхъ пролетаріевъ Петербурга и ихъ рѣшимость до конца бороться за 8-ми час. раб. день... Объединяйтесь и снова на борьбу *вплоть до побѣды*!“ Они готовили локауту стачечный отпоръ и разсчитывали новой стачкой сломить силу капитала, поддерживаемаго физической силой старыхъ орудій власти. Но вожаки не были ослѣплены подобно массамъ. Соціалъ-демократы сдерживали горячность рабочихъ. Сами же они надѣялись на успѣшность только *организованныхъ* дѣйствій рабочихъ массъ и звали массу выжидать постановленія Совѣта. Однако, нетрудно понять, что и Совѣтъ Р. Д. не могъ бы помочь дѣлу своей объединяющей дѣятельностью, и новая форма борьбы—стачка—не измѣнила бы положенія въ пользу рабочихъ массъ. Въ „прямой борьбѣ“ съ капиталомъ рабочій классъ оказывался слишкомъ слабымъ для этой побѣды. И организація массъ, пригодная для давленія на государственную власть, оказывалась безсильной въ дни этой борьбы именно потому, что не было власти, связанной обязательствами, законами, обычаями. Въ этомъ смыслѣ гораздо болѣе право было „Начало“, когда въ борьбѣ за 8-мичасовой рабочій день надѣялось на что, что „Всероссійское Учредительное Собраніе *должно будетъ* признать это требованіе пролетаріата“. Къ несчастію, чѣмъ дальше заходили реакціонеры въ репрессіяхъ, тѣмъ менѣе было надежды на близкое осуществленіе полноправнаго, отвѣтственнаго передъ всѣмъ народомъ народнаго представительства. И Совѣтъ указалъ выходъ изъ положенія въ томъ, чтобы готовиться дать отпоръ властямъ. А въ „прямой борьбѣ“ съ предпринимателями онъ объявилъ отступленіе. Декабрьская схватка съ силами реакціи была проиграна массами. Петербургскій Совѣтъ Р. Д. былъ сметенъ передъ этимъ. Въ тоже время были уничтожены и провинціальные Совѣты. Старая власть вошла въ полную силу.

За весь этотъ періодъ рабочіе оживленно строили ячейки организацій рабочей демократіи. Политическая борьба и оборона не мѣшала строительству рабочихъ союзовъ. Напротивъ того, именно подъ прикрытіемъ этой борьбы оно и велось успѣшно. Но замѣчательно то, что ростъ профессіональнаго движенія начался задолго до выхода историческаго манифеста. Союзы основывались повсюду съ января 1905 года вопреки тогдашнимъ законамъ, несмотря на всю бдительность старыхъ властей, враждебныхъ

рабочему дѣлу. Такъ, въ Петербургѣ съ января по октябрь основалось 2 легальныхъ, 2 полулегальныхъ, 4 нелегальныхъ союза и возникло объединяющее ихъ центральное бюро [1]). Нѣсколько такихъ союзовъ возникло тогда же въ Москвѣ. Въ Харьковѣ роль союзовъ играли рабочіе „комиссіи" для сношеній съ хозяевами. Къ октябрю, по словамъ доклада на второй конференціи профессіон. союзовъ, „уже мало было производствъ, гдѣ не существовало бы такихъ комиссій". Въ Нижнемъ-Новгородѣ профессіональное объединеніе началось съ августовской (1905 г.) забастовки сормовскихъ рабочихъ, и т. д., и т. д.

Но, конечно, сила, которую рабочая масса почувствовала въ себѣ послѣ октябрьской побѣды, удесятирила успѣхи строительства союзовъ. Рабочее движеніе зашагало семимильными шагами. „Кто бывалъ въ эти памятные (октябрьскіе) дни русской свободы, въ дни торжества „захватнаго права", въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, куда стекались по вечерамъ десятки тысячъ рабочаго люда, тотъ вспомнитъ большіе плакаты въ вестибюляхъ, на которыхъ указывалось распредѣленіе залъ. Вы могли прочесть на этихъ плакатахъ перечисленіе, вѣроятно, всѣхъ профессій физическаго и умственнаго труда. Всякая профессія хотѣла имѣть свой митингъ, свое собраніе, на которомъ можно было бы облегчить свою душу отъ тяжести, накопленной за десятки лѣтъ униженія и безправія. Рядомъ съ призывомъ къ вооруженному возстанію, рядомъ съ блестящими рѣчами о свѣтломъ будущемъ соціализма вы могли слышать простыя и наивныя рѣчи портного-жилетника, который видѣлъ исходъ въ повышеніи на 50 коп. платы за жилетъ" [2]).

И вотъ за октябрь и ноябрь въ *Петербургѣ* возникло около *40* профессіональныхъ союзовъ. На ихъ учредительныхъ собраніяхъ обыкновенно бывало по 2000—3000 человѣкъ. Въ *Москвѣ* основалось и объединилось при посредствѣ центр. бюро *26* союзовъ. Къ декабрю въ Москвѣ насчитывалось болѣе *50*-ти профессіональныхъ союзовъ съ количествомъ записавшихся членовъ до *двадцати пяти тысячъ*. Въ *Харьковѣ* организовалось 12 союзовъ. Въ *Кіевѣ*—10 союзовъ. Въ Одессѣ—27 (болѣе мелкихъ) союзовъ. Въ *Нижнемъ-Новгородѣ* за ноябрь—декабрь выросло *18* новыхъ союзовъ. Въ *Сѣверномъ* районѣ (Ярославъ, Кострома, Иваново-Вознесенскъ, Рыбинскъ)—14 союзовъ (изъ которыхъ одинъ женскій—союзъ ремесленницъ въ Рыбинскѣ) и т. д., и т. д.

И вся эта сложная, живая стройка организацій была смята и разгромлена вслѣдъ за декабрьскимъ пораженіемъ массъ. Бюро арестуются, книги союзовъ конфискуются. У членовъ союзовъ, обнаруженныхъ по забраннымъ книгамъ, производятся тщательные обыски. Общія собранія и даже

---

1) Докладъ о петерб. профес. движ. на „Второй конференціи профессіональныхъ союзовъ".

2) Тамъ же.

собранія „уполномоченныхъ“ становятся невозможны. Примѣромъ разгрома можетъ служить Нижній-Новгородъ. Въ немъ изъ 18 рабочихъ союзовъ съ 7750 членовъ, уцѣлѣло только 4 съ 1355 членами; 6 бездѣйствуетъ; 8 распалось совершенно. „Мирное“ профессіональное объединеніе рабочихъ, которое было способно осуществляться *до* октябрьскихъ свободъ, не удерживается *послѣ* разгрома народныхъ силъ реакціей. Таково было первое послѣдствіе того режима, который установился на остальные 10 мѣсяцевъ этого года борьбы. Таковъ по природѣ своей этотъ режимъ.

Старая власть, прикрываясь намѣреніемъ осуществить октябрьскій манифестъ, на дѣлѣ признала для себя необязательными даже и законы, приспособленные Александромъ II къ современнымъ задачамъ государственной власти. Власть стала силой, которая борется за свое существованіе, не стѣсняясь въ выборѣ средствъ. И эта ничѣмъ не ограничиваемая сила вступилась за интересы крупныхъ землевладѣльцевъ въ борьбѣ съ крестьянами и за интересы предпринимателей въ борьбѣ съ рабочими. Настала вторая стадія борьбы классовъ этого года. Капиталисты взяли верхъ надъ возбужденными рабочими массами. И вслѣдъ за разгаромъ политической силы и политическихъ организацій рабочихъ, капиталъ, не встрѣчая препятствій со стороны властей, разнуздалъ свою экономическую силу. Фабриканты и заводчики сильно увеличиваютъ продолжительность рабочаго дня; выкидываютъ всѣхъ рабочихъ, игравшихъ какую-нибудь роль въ политическихъ стачкахъ; такихъ жертвъ набираются многія тысячи. На ничтожныя требованія рабочихъ относительно внутренняго распорядка въ промышленныхъ заведеніяхъ хозяева то и дѣло отвѣчаютъ *расчетомъ всѣхъ рабочихъ*. Итогомъ всего этого является длительная, тягостная безработица.

Безработица—главный бичъ рабочихъ въ продолженіе всѣхъ остальныхъ мѣсяцевъ минувшаго года. Но эта безработица—не то неизбѣжное зло, которое удручаетъ рабочій классъ въ дни промышленныхъ кризисовъ. Застой промышленности—не единственная причина ея. Положимъ, по словамъ рабочей петиціи въ петербургскую городскую думу: „Хозяева, отказывая въ работѣ, говорятъ, что у *нихъ самихъ нѣтъ заказовъ*“. Но вотъ примѣръ, опровергающій это.. На заводѣ петербургскаго морского порта до забастовки работало 2800 человѣкъ. За забастовку рабочіе получили расчетъ. И тщетно потомъ рабочіе стучались въ заводскую контору. Новыхъ рабочихъ было принято даже 2960. Тѣмъ не менѣе, неугодные начальству не были приняты. А вотъ еще болѣе краснорѣчивыя цифры: изъ 330 опрошенныхъ [1]) въ Петербургѣ за одинъ день рабочихъ только 99, т. е. немного болѣе четверти всего числа, оказалось уволено вслѣдствіе прекращенія или сокращенія производства; остальные

---

[1]) „Вѣстникъ жизни“, № 6, стр. 51. Отчетъ изв. рабочихъ районовъ Петербурга.

231—за участіе въ политической забастовкѣ, за политическія убѣжденія, за столкновенія съ фабричной администраціей. Полный опросъ безработныхъ цѣлаго (городского) района далъ такіе результаты: вслѣдствіе сокращенія производства уволено около четверти (27%), и три четверти всего числа за забастовку и политику. Наконецъ, и этого сокращенія производства въ его цѣломъ могло бы вовсе не быть, если бы городъ и казенныя предпріятія, въ частности судостроительныя верфи, не отдавали своихъ заказовъ за границу. Очевиденъ „преднамѣренный умыселъ" капиталистовъ въ проведеніи локаута и въ отстраненіи непріятныхъ имъ рабочихъ. Но насъ спросятъ, какъ же имъ удавалось, не сокращая производства, отстранить „забастовщиковъ". Очень просто. Остальныхъ „счастливцевъ" они заставляли работать вдвое больше, доводя до чудовищности сверхурочныя работы. Въ казенныхъ мастерскихъ Варшавской желѣзной дороги въ Петербургѣ рабочій день былъ доведенъ до *14 часовъ*! И такъ повсюду. А зато, напримѣръ, работница Наталія Ларіонова, уволенная съ фабрики изъ-за того, что когда-то была „выбрана депутаткой въ комиссію Шидловскаго", въ теченіе цѣлаго года не могла добиться, чтобы ее приняли куда-нибудь на работу. Въ итогѣ—свѣдѣнія, полученныя о числѣ безработныхъ Петербурга въ апрѣлѣ, дали цифру 42,000. Но и къ концу года число незанятыхъ рабочихъ мало уменьшилось. И режимъ анархическаго самоуправства капитала не обѣщаетъ имъ никакого исхода. Становится ясно, что всенародная законодательная власть и эту анархію способна будетъ ограничить.

Прямымъ слѣдствіемъ безработицы явилось разстройство рабочихъ организацій. Тѣмъ легче было капиталистамъ при посредствѣ полицейскихъ властей достигнуть крушенія рабочихъ союзовъ. Взносы перестаютъ притекать въ кассы союзовъ, а въ то же время отовсюду несутся просьбы о пособіяхъ. Въ концѣ-концовъ подъ двойнымъ экономическимъ и политическимъ гнетомъ союзы распадаются или замираютъ. Тѣмъ самымъ прямая цѣль озлобившагося въ борьбѣ капитала безпрепятственно достигнута сила и организованность рабочаго движенія заглушена и разбита.

Дальше идти было некуда. Дальше могла бы слѣдовать только физическая расправа съ массами. И намъ съ ужасомъ приходится отмѣтить, что реакціонеры, повидимому, непрочь были воспользоваться „свободой" бурнаго года для умноженія кровавыхъ боенъ. „Провокація,—говорится въ одномъ воззваніи „Совѣта безработныхъ",—окружаетъ насъ со всѣхъ сторонъ, но она не заставитъ насъ забыть о той цѣли, для которой долженъ беречь свои силы пролетаріатъ". И дѣйствительно, такія мѣры, какъ закрытіе столовыхъ, затрудненія, чинимыя чинами администраціи городской думы Петербурга въ дѣлѣ помощи безработнымъ,—все это можетъ быть объяснено только желаніемъ вызвать голодные бунты. Тѣ же факты случались и повсемѣстно въ провинціи. Югу, куда безработные стекались съ

сѣвера, особенно грозила опасность подобныхъ бунтовъ. Такъ, въ Симферополѣ провокаторы открыто пытаются поднять безработную массу на погромъ. Словомъ, повсюду безнаказанность извѣстныхъ категорій преступленій, безнаказанность „сильныхъ" толкаетъ въ бездну крови и ужаса рабочую массу и окончательно склоняетъ ее подъ ноги побѣдителей.

Вожаки дѣлаютъ судорожныя усилія предотвратить грозныя послѣдствія царящей анархіи. Они ищутъ спасенія въ организованности. Но для разрѣшенія острыхъ бѣдствій момента нужно было бы внести организованность въ общество и государство. Необходимо было бы установить демократическій строй съ его отвѣтственностью правящихъ и наказуемостью преступленій противъ интересовъ массы. Они же, вожаки освободительнаго движенія, могли достигнуть только нѣкоторой организованности *массъ*. Такъ возникъ совѣтъ безработныхъ въ Петербургѣ и Москвѣ.

Организованныя массы города способны представить мощную силу для борьбы съ властями. Но совѣтъ безработныхъ, разумѣется, не былъ объединяющимъ центромъ города. Онъ не объединялъ даже пролетарскихъ массъ, не объединялъ даже всѣхъ безработныхъ. Ему удалось сорганизовать только половину ихъ общаго числа. Поэтому политическія задачи ему были не по силамъ. Но и „прямая борьба" съ капиталомъ была не легка.

Петербургскій совѣтъ безработныхъ понялъ это и сталъ на правильный путь, рѣшивъ оказать давленіе на городскую думу. Дѣйствительно, городская дума представляла собой нѣкоторое подобіе общественнаго учрежденія, отчасти отвѣтственнаго передъ населеніемъ, отчасти связаннаго общественнымъ мнѣніемъ. Удалось кое-какъ при помощи газетъ подготовить это общественное мнѣніе въ пользу массъ. 12 апрѣля думѣ была подана петиція безработныхъ, и ораторъ-рабочій говорилъ думцамъ: „Мы ничего не просимъ у васъ—мы требуемъ". Дума взяла на себя обязательства: избрать комиссію для организаціи общественныхъ работъ и постановила отчислить въ ея распоряженіе сейчасъ же 500 тысячъ рублей... Но черезъ двѣ недѣли совѣту уже пришлось въ особомъ заявленіи въ эту комиссію говорить: „Дѣятельность городской думы за послѣднія двѣ недѣли совершенно не соотвѣтствуетъ даннымъ ею 12 апрѣля обѣщаніямъ". Дѣйствительно, общественныя работы свелись къ ничтожной, полублаготворительной помощи. И вся эта попытка повліять на органъ цензоваго городского самоуправленія, на „думу домовладѣльцевъ и кабатчиковъ" ни къ чему ни привела. Еще яснѣе стало, что необходимо прежде всего довести до конца освободительную борьбу и закрѣпить власть массъ въ правильныхъ учрежденіяхъ государственнаго и мѣстнаго управленія.

Въ это время еще засѣдала Государственная Дума. Организація безработныхъ обратилась къ этой послѣдней надеждѣ народа. Но Государственной Думѣ суждено было обмануть много народныхъ надеждъ. У нея не было власти въ рукахъ. Министры, администрація, армія не были подчи-

нены ей. Ея постановленія не имѣли силы закона. Она сама еще была недоконченнымъ созданіемъ освободительной борьбы. И она была не въ силахъ вмѣшаться въ анархію, для защиты правъ человѣка хотя бы противъ слишкомъ разнузданной эксплоатаціи. Она не устранила произвола ни властей, ни капитала, а сама пала жертвой произвола старой власти. Попытка совѣта безработныхъ обратиться сначала къ „трудовой"—крестьянской—группѣ депутатовъ, а потомъ къ возникшей въ Думѣ соціалъ-демократической рабочей группѣ—погибла вмѣстѣ съ самой Думой. И послѣ разгона Думы изъ всѣхъ проявленій жизни рабочаго класса только профессіональное движеніе даетъ знать о себѣ упорнымъ отстаиваніемъ своего существованія. Отчасти тайкомъ, отчасти подъ ударами полицейскихъ репрессій немногіе уцѣлѣвшіе союзы стараются дожить до лучшаго времени.

Но подъ пепломъ затушеннаго пожара революціи горитъ огонь политическо-классоваго сознанія пролетаріевъ. Обогащенное опытомъ „года борьбы", это сознаніе настойчиво стремится довести до конца незавершенное въ октябрѣ дѣло переустройства государства. И представители столичнаго пролетаріата формулируютъ это сознаніе въ залѣ суда надъ Совѣтомъ Рабочихъ Депутатовъ, требуя, чтобы судьи выслушали ихъ улики противъ старыхъ властей.

Судъ отказываетъ имъ въ этомъ и выноситъ рабочимъ депутатамъ обвинительный приговоръ за то, что они стремились положить предѣлъ господству алчнаго насилія, за то, что они готовились къ упорной борьбѣ за освобожденіе труда и для этого положили начало организаціи своего многомилліоннаго класса, за то, что ихъ защитники повторили передъ судьями мысль, созрѣвшую въ умахъ массъ за годъ борьбы,—что *Россія должна стать демократіей!*

Но надъ этимъ судомъ есть еще судъ народа.

П. Стрѣльскій.

Классъ и партія.

(Къ очереднымъ вопросамъ).

I.

Въ переживаемый нами историческій моментъ, когда вся общественная жизнь, выведенная изъ равновѣсія, подвергается сильнѣйшимъ колебаніямъ, когда весь государственный механизмъ расшатанъ до основанія пришедшими въ столкновеніе различными общественными силами, вопросъ о томъ, что приводитъ въ движеніе эти силы и что даетъ этому движенію то или иное направленіе, имѣетъ животрепещущій интересъ.

Со времени Великой Французской революціи все болѣе и болѣе становилось яснымъ, что *ключъ къ пониманію* общественныхъ переворотовъ и вообще новѣйшей исторіи слѣдуетъ искать въ борьбѣ общественныхъ классовъ съ ихъ противоположными интересами. На это указывалъ еще Сенъ-Симонъ, объ этомъ говорили французскіе историки Гизо, Тьери и др., о классовой борьбѣ во Франціи писалъ у насъ еще Чернышевскій.

Заслуга Маркса и Энгельса заключалась въ томъ, что они прослѣдили этотъ вопросъ дальше и разрѣшили его шире и глубже. Они пришли къ заключенію, что всякая *историческая борьба*, въ какую бы идеологическую форму она ни облекалась, является лишь выраженіемъ взаимной борьбы общественныхъ классовъ; основа же этихъ классовъ лежитъ въ экономикѣ. Анализъ исторіи всѣхъ цивилизованныхъ странъ подтвердилъ этотъ взглядъ; подтверждаетъ его и наша революція. То, что у насъ происходитъ обостренная борьба классовъ, это *фактъ* общепризнанный Этого не могутъ теперь отрицать ни наша „народная" к.-д. партія, ни *внѣклассовая*, защищающая интересы „трудящихся массъ", партія соц.-рев. На съѣздѣ послѣднихъ въ концѣ декабря 1905 года протоколы котораго вышли недавно и представляютъ любопытнѣйшій документъ,— г. Рождественскій, между прочимъ, заявилъ: „Мы стоимъ на точкѣ зрѣнія классовой борьбы, хотя и полагаемъ, что она не исчерпываетъ всего содержанія исторіи. Борьба классовъ—не всеобъемлющее понятіе. Надо искать рядомъ съ понятіемъ борьбы классовъ и болѣе широкую формулу

для охвата всего содержанія историческаго процесса" („Протоколы", 56 стр.). Г. Рождественскій теперь народникъ - соціалистъ, онъ ярый поклонникъ Н. К. Михайловскаго и потому большой любитель „формулъ прогресса". Но то же самое мы находимъ и у г. Тучкина, одного изъ лидеровъ с.-р. партіи, котораго на съѣздѣ упрекали въ зараженіи марксизмомъ! И онъ утверждалъ тамъ, что с.-д. „придаютъ классовой борьбѣ исчерпывающее значеніе въ опредѣленіи содержанія исторіи" (182 стр.). Упрекъ этотъ для соц.-демократіи не новъ. Не разъ и въ нашей литературѣ различные „критики" заявляли, что для марксистовъ „въ исторіи нѣтъ ничего, кромѣ борьбы классовъ", что для нихъ „классовая борьба составляетъ *все содержаніе* исторіи". Нелѣпость этого утвержденія намъ незачѣмъ здѣсь доказывать. Достаточно указать, что ни Марксъ, ни Энгельсъ, ни ихъ послѣдователи *никогда* и *нигдѣ* не говорили ничего подобнаго. Для марксистовъ теорія классовой борьбы есть *способъ уясненія* себѣ сложнаго переплета общественныхъ событій. Въ *антагонизмѣ* классовъ они, далѣе, видятъ *рычагъ, движущую силу* прогресса въ современномъ обществѣ... Однако, не эта сторона вопроса насъ здѣсь сейчасъ интересуетъ.

Термины: классовая борьба, классовая политика, общественный классъ стали у насъ послѣднее время общеупотребительными, причемъ въ нихъ вкладывается самое разнообразное содержаніе. Любопытно при этомъ заявленіе „кадетовъ"—въ лицѣ *редакціи* ихъ „научнаго" органа „Полярной Звѣзды",—что „ортодоксальному марксизму вообще свойственно чрезвычайно грубое и ненаучное пониманіе такихъ важныхъ научныхъ категорій, какъ „классъ", „классовая борьба" (№ 10, 725 стр.). То же самое, какъ мы увидимъ ниже, твердили на всѣ лады и гг. „эсъ-эры" на своемъ съѣздѣ... и это для насъ не ново. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ „ревизіонистъ" Туганъ-Барановскій обвинилъ не только марксистовъ въ томъ, что они въ „огромномъ большинствѣ случаевъ" не знаютъ, что такое классъ, но что и „самъ Марксъ и Энгельсъ не дали опредѣленнаго отвѣта на этотъ вопросъ; болѣе того, они часто впадали въ противорѣчія!" Ближайшее разсмотрѣніе инкриминацій г. Туганъ-Барановскаго [1]) показало намъ въ свое время, что открытыя имъ у Маркса „противорѣчія"—чистѣйшіе продукты его собственнаго непониманія и что предложенное *имъ* опредѣленіе класса не выдерживаетъ критики. Объ этомъ не стоило бы вспоминать, если бы г. Бернштейнъ въ іюльской книжкѣ „Social. Monatshefte" за текущій годъ не вздумалъ бы подражать г. Туганъ-Барановскому. Вдохновившись появившимися на нѣмецкомъ языкѣ „Теоретическими основами марксизма" нашего экс-марксиста, Э. Бернштейнъ

---

[1]) См. нашу статью „Классъ и общество", „Народное хозяйство", 1904 г., кн. II.

въ статьѣ „Vom Klassenkampf“, упрекая Маркса въ „непослѣдовательности“, пытается, подобно и нашимъ с.-р., дать свое опредѣленіе сущности понятія „классъ“. Все это побуждаетъ насъ здѣсь прежде всего разсмотрѣть, что дѣйствительно понималъ Марксъ подъ категоріей „классъ“.

II.

Какъ извѣстно, Марксъ свое знаменитое предисловіе къ „Zur Kritik etc“ начинаетъ словами: „Я разсматриваю систему *буржуазной* экономіи въ слѣдующемъ порядкѣ: капиталъ, земельная собственность, наемный трудъ... Подъ первыми тремя рубриками я изслѣдую *условія экономическаго существованія* трехъ большихъ классовъ, на которое распадается буржуазное общество“... Измѣнивъ затѣмъ планъ своего великаго труда, держась того принципа, что „всякое предвосхищеніе выводовъ, которые должны быть еще доказаны, нежелательно“, Марксъ вопросъ о „классахъ“ отодвигаетъ на конецъ своей книги. Въ *заключительной* главѣ III тома „Капитала“ онъ имѣетъ въ виду дать *исчерпывающій* анализъ понятія „классъ“, *всесторонне* выяснить источникъ и сущность классовъ въ современномъ капиталистическомъ строѣ, но рукопись обрывается на самомъ интересномъ мѣстѣ.

„Что такое *образуетъ* классъ?“—спрашиваетъ Марксъ. „Отвѣтомъ на этотъ вопрсоъ является отвѣтъ на другой: что дѣлаетъ наемныхъ рабочихъ, капиталистовъ и землевладѣльцевъ *образователями* трехъ большихъ общественныхъ классовъ? На первый взглядъ кажется, что одинаковость доходовъ и источниковъ доходовъ... Но съ этой точки зрѣнія и врачи, и чиновники должны были бы составлять два класса“... Попытку заполнить оставленный Марксомъ пробѣлъ сдѣлалъ безспорно самый талантливый ученикъ его, К. Каутскій. Въ статьѣ: „Klasseninteresse-Sonderinteresse-Gemeininteresse“ („Neue Zeit“, 1903) послѣдній писалъ: „Анализъ фактовъ приводитъ меня къ заключенію, что не одинаковость лишь источниковъ доходовъ, но и вытекающая изъ этого одинаковость интересовъ, и общность антагонизма по отношенію къ другимъ классамъ, изъ которыхъ каждый стремится присвоить себѣ источники доходовъ другихъ, чтобы сдѣлать свой болѣе полнымъ,—вотъ что образуетъ отдѣльные классы. Отдѣльныя профессіи внутри отдѣльныхъ подоходныхъ группъ не образуютъ, такимъ образомъ, особыхъ классовъ...“ Опредѣленіе Каутскаго, однако, нельзя считать удачнымъ. И вотъ почему.

Каутскій выдвигаетъ здѣсь на первый планъ „присвоеніе“ продукта. Но рабочіе образуютъ общественную группу, живущую своимъ трудомъ; они не стремятся, поэтому, къ „присвоенію себѣ *источниковъ* доходовъ другихъ группъ“. Далѣе, самое „присвоеніе“ или распредѣленіе *продуктовъ* опредѣляется, какъ это указалъ Марксъ еще въ „Misère de

la philosophie", соціальными отношеніями, а эти отношенія сами покоются на антагонизмѣ классовъ. Если это такъ, то „экономическая и политическая борьба, которая пускается въ ходъ различными классами для полученія большей доли въ общемъ продуктѣ", на что указывается Каутскимъ, зависитъ *уже отъ существованія* классовъ и ихъ противоположныхъ интересовъ, а не—наоборотъ—отъ того, что „на этомъ способѣ распредѣленія *продукта* покоются классовыя различія, классовыя противорѣчія и классовая борьба", какъ это мы находимъ у Каутскаго въ той же статьѣ.

Въ капиталистическомъ строѣ землевладѣльцы, капиталисты и наемные рабочіе образуютъ три общественныхъ класса, живущихъ отъ ренты, прибыли и заработной платы. Это *фактъ*. Для капиталиста, землевладѣльца и наемнаго рабочаго эти *три* дохода, эти три части ежегодно производимой общественной цѣнности, эти три части ежегодно производимаго общественнаго продукта кажутся продуктами *трехъ* источниковъ: земли, капитала и труда. И вульгарная экономія, которая принимаетъ *видимость* за сущность, не отличаетъ *внѣшняго* проявленія отъ *внутренняго* содержанія, отсюда-то и взяла свою трехчленную формулу: капиталъ—процентъ, земля—ренту и трудъ—заработную плату. Эта формула несостоятельна во всѣхъ отношеніяхъ. Однако, несомнѣнно, что существованіе различныхъ доходовъ предполагаетъ уже существованіе соотвѣтствующихъ источниковъ ихъ. Останавливаться, поэтому, при изслѣдованіи сущности общественныхъ классовъ на первомъ этапѣ, на различныхъ *доходахъ*—это значитъ завѣдомо оставаться на поверхности. Въ капиталистическомъ строѣ прибыль предполагаетъ капиталъ, рента—поземельную собственность, а заработная плата—наемный трудъ. Но если мы возьмемъ и эту, болѣе соотвѣтствующую *опредѣленной исторической* эпохѣ, формулу отношеній доходовъ къ ихъ источникамъ, то мы все-таки не получимъ полнаго, *научнаго* выраженія дѣйствительнаго положенія вещей. Анализъ капиталистическаго способа производства, данный классической экономіей и всесторонне дополненный Марксомъ, показываетъ, что источникъ у всѣхъ этихъ *трехъ* различныхъ доходовъ *одинъ*—овеществленный *общественный трудъ*, и что *распредѣлителемъ* цѣнностей, т. е. этихъ доходовъ, является *капиталъ*. Итакъ, если въ обыденномъ представленіи разсматриваемыхъ трехъ классовъ ихъ доходы и имѣютъ три различныхъ, самостоятельныхъ и противоположныхъ источника, то вѣдь съ *научной* стороны это *невѣрно*. Съ этой точки зрѣнія считать образователями этихъ классовъ существованіе *трехъ* источниковъ доходовъ ошибочно. Каутскій не обратилъ вниманія на эту сторону дѣла. Онъ остановился на полдорогѣ, когда свелъ вопросъ о классахъ къ различнымъ источникамъ доходовъ и вытекающимъ изъ нихъ одинаковости и противоположности интересовъ. Мы думаемъ, что Марксъ съ такимъ рѣшеніемъ

вопроса согласиться бы не могъ. И къ такому выводу насъ приводитъ въ особенности весь седьмой отдѣлъ III-го тома „Капитала", гдѣ данъ, хотя и въ фрагментарномъ видѣ, обстоятельный разборъ „доходовъ и ихъ источниковъ".

Что же, спрашивается, образуетъ классъ? Теорія Маркса учитъ, что „опредѣленное *расчлененіе* общества вытекаетъ изъ опредѣленной *формы матеріальнаго производства*". Матеріальное производство это есть *общественный* процессъ производства матеріальныхъ средствъ существованія человѣческой жизни. Что видоизмѣняетъ матеріальное производство, придаетъ ему *опредѣленный* общественный характеръ? Измѣненіе *въ распредѣленіи элементовъ* общественнаго процесса производства. Но это распредѣленіе *безусловно отлично* — говоритъ Марксъ — отъ того, что обыкновенно понимаютъ подъ „распредѣленіемъ", т. е. отъ распредѣленія *продуктовъ*. Въ различныхъ мѣстахъ Марксъ указываетъ на ошибочность взгляда экономистовъ, состоящаго въ томъ, что формы „распредѣленія"—и именно послѣдняго рода—опредѣляютъ отношенія участниковъ даннаго процесса производства въ данномъ обществѣ. Марксъ упрекаетъ и Рикардо въ томъ, что онъ считаетъ важнымъ разсматривать исторически лишь область этого „распредѣленія", между тѣмъ какъ задача его была: „изслѣдованіе современнаго *производства* въ его *опредѣленномъ соціальномъ расчлененіи*" [1]). Опредѣленныя такъ называемыя отношенія „распредѣленія" являются лишь оборотной стороной исторически опредѣленныхъ отношеній *производства*. Распредѣленіе продуктовъ *дано* распредѣленіемъ элементовъ производства; послѣднее распредѣленіе образуетъ моментъ производства и производство нельзя разсматривать отдѣльно отъ него. „*Эти* отношенія распредѣленія (т. е. элементовъ), напротивъ того (т. е. въ противоположность распредѣленію продуктовъ), *образуютъ основы особыхъ общественныхъ функцій*, которыя въ предѣлахъ са-

---

[1]) Мы обращаемъ здѣсь особенное вниманіе на Рикардо. Во II-омъ томѣ „Theorien über den Mehrwert", Марксъ, подвергая подробной критикѣ теоретическія изслѣдованія Рикардо, между прочимъ, пишетъ: „Основой, исходнымъ пунктомъ физіологіи буржуазной системы—пониманія ея внутренней органической связи, ея жизненнаго процесса—является опредѣленіе *цѣнности рабочимъ временемъ*". Изъ этого и исходитъ Рикардо и подвергаетъ научному анализу современное буржуазное производство. „Съ этой его научной заслугой, — говоритъ Марксъ, — стоитъ въ тѣсной связи то, что Рикардо обнаруживаетъ и вскрываетъ экономическій антагонизмъ классовъ—въ его внутренней связи; историческая борьба, процессъ историческаго развитія разсматриваются, обнажаются такимъ образомъ въ корнѣ, въ экономикѣ. Кэри, поэтому, и называетъ его отцомъ коммунизма". Но, заявляетъ Марксъ при этомъ, если здѣсь и видны научное значеніе и великая историческая цѣнность трудовъ Рикардо, то вмѣстѣ съ тѣмъ обнаруживается и *недостаточная* научность его изслѣдованія (3—4 стр.).

михъ отношеній производства предназначаются *опредѣленнымъ агентамъ его* и это *въ противоположность къ непосредственному производителю. Они* придаютъ самимъ условіямъ производства и *ихъ представителямъ специфическій общественный характеръ. Они опредѣляютъ весь характеръ и все движеніе производства*" („Das Kapital", III B. II Th. 416 стр. Курсивъ нашъ *А. Ф.*). Здѣсь, такимъ образомъ, мы и находимъ у Маркса отвѣтъ на вопросъ: что опредѣляетъ общественные классы. Это—*распредѣленіе элементовъ производства.*

Современный строй, какъ извѣстно, *предполагаетъ* отдѣленіе орудій производства отъ непосредственнаго производства, концентрацію ихъ въ рукахъ „меньшинства", монополію на землю въ рукахъ ограниченнаго числа лицъ. Капиталъ—не вещь, а опредѣленная форма общественныхъ отношеній людей черезъ посредство вещей, опредѣленная форма отношеній *производства.* Капиталисты и наемные рабочіе олицетворяютъ собой капиталъ и наемный трудъ; они образуютъ *опредѣленныя общественныя группы,* и это потому, что на лицъ, составляющихъ эти группы, общественный процессъ производства накладываетъ *опредѣленный общественный характеръ.* Итакъ, что дѣлаетъ рабочихъ, капиталистовъ и землевладѣльцевъ *тремя* общественными классами? *Ихъ роль, ихъ отношенія въ процессѣ производства.* Относительно капиталистовъ и наемныхъ рабочихъ — это ясно. *Отношенія капитала и наемнаго труда* дѣйствительно накладываютъ печать на весь характеръ капиталистическаго производства,—скажутъ намъ. Но, а землевладѣльцы, въ чемъ же ихъ *роль* въ современномъ производствѣ? Марксъ самъ на это отвѣчаетъ: „Поземельная рента не есть лишь простая форма распредѣленія, какъ это можетъ показаться по тому, что землевладѣлецъ не отправляетъ никакой или, по крайней мѣрѣ, никакой нормальной функціи въ процессѣ производства". Поземельная рента есть все-таки специфическій продуктъ капиталистическаго производства. „Поземельный собственникъ *играетъ роль въ капиталистическомъ процессѣ производства* не только тѣмъ, что онъ оказываетъ давленіе на капиталъ, и не тѣмъ только, что крупная поземельная собственность — предпосылка и условіе капиталистическаго производства, но спеціально тѣмъ, что онъ является персонификаціей одного изъ самыхъ существенныхъ условій производства" („Das Kapital", III B. II Th., 346 стр.).

Съ понятіемъ „классъ" тѣсно связаны различіе и противоположность групповыхъ интересовъ. „Поскольку милліоны семействъ живутъ въ экономическихъ условіяхъ, которыя *отличаютъ* ихъ способомъ жизни, образованіемъ, интересами отъ *другихъ классовъ* и ставятъ ихъ въ *антагонистическія* къ нимъ отношенія, постольку они создаютъ классъ"— говоритъ Марксъ въ „18 Брюмера". Что причина антагонизма классовъ—

въ экономическихъ условіяхъ, на это указываетъ не только Каутскій, но и Бернштейнъ, и Туганъ-Барановскій и др. Вопросъ идетъ о томъ, что слѣдуетъ понимать здѣсь подъ экономическими отношеніями. Условія распредѣленія доходовъ, продуктовъ несомнѣнно *усиливаютъ* противоположность интересовъ различныхъ классовъ, но не они, т. е. не эти условія, ее *создали*. Марксъ показалъ, что этотъ антагонизмъ классовъ, эти противорѣчія интересовъ даны условіями *производства*, а не „распредѣленія". Въ современномъ строѣ капиталъ имѣетъ своей цѣлью производство капитала. Общественныя производительныя силы труда имѣютъ здѣсь особую форму развитія; „онѣ *противостоятъ* рабочему, какъ самостоятельныя силы капитала, и стоятъ, поэтому, въ *прямомъ противорѣчіи* съ его, рабочаго, собственнымъ развитіемъ" („Das Kapital", III B. II Th., 417 s.). Извѣстно, далѣе, что крупная поземельная собственность является *противоположностью* самого капитала; чѣмъ болѣе развивается капитализмъ, тѣмъ болѣе она становится тормазомъ этого развитія. Капиталъ на опредѣленной ступени своего развитія требуетъ, въ интересахъ развитія общественныхъ производительныхъ силъ въ *предѣлахъ и на основѣ* капиталистическаго производства уничтоженія класса крупнаго землевладѣнія... Чтобы не было, наконецъ, никакого сомнѣнія въ томъ, что Марксъ центръ тяжести вопроса о классахъ видѣлъ въ *производствѣ*, а не въ „распредѣленіи", мы приведемъ слѣдующее мѣсто изъ одного примѣчанія въ „18 Брюмера": „*Жизнь* общественныхъ классовъ, а, слѣдовательно, и *конфликты* ихъ между собой опредѣляются ступенью развитія экономическаго строя, *характеромъ ихъ роли въ производствѣ* и въ обусловливаемомъ производствомъ обмѣнѣ"...

III.

„Что опредѣляетъ классъ? Экономически-соціальное *положеніе* или соціально-политическое *желаніе*?"—задаетъ вопросъ Э. Бернштейнъ въ указанной нами уже выше статьѣ „Vom Klassenkampf". „*Первое*— отвѣтитъ послѣдователь матеріалистическаго пониманія исторіи. Но замѣчательно, продолжаетъ г. Бернштейнъ, что—какъ это указываетъ и Туганъ-Барановскій въ своей превосходной работѣ—Марксъ въ одной изъ самыхъ важныхъ своихъ работъ высказалъ положеніе, которое доказываетъ противоположное. Въ „Ком. Манифестѣ" К. Марксъ и Фр. Энгельсъ указываютъ, какъ на ближайшую цѣль коммунистовъ на „Bildung des Proletariats zur Klasse—„организацію пролетаріата въ классъ". Здѣсь, такимъ образомъ, оказывается, что экономически-соціально опредѣленный пролетаріатъ не есть еще классъ, онъ становится таковымъ только послѣ организаціи, что можетъ быть только на основѣ опредѣленнаго *желанія*. Въ научномъ отношеніи я считаю это очень уязвимымъ; это и логически

стоитъ въ малой связи съ ученіемъ, которое выводитъ соціально-политическое желаніе изъ соціально-экономическаго положенія и опредѣляетъ первое у большихъ массъ послѣднимъ"... Интересно, говоритъ Бернштейнъ, поэтому, выяснить, какое значеніе придавали Марксъ и Энгельсъ понятію „классъ" въ ихъ *программномъ* сочиненіи. И онъ даетъ слѣдующій отвѣтъ: „Здѣсь *классъ* у нихъ *идентиченъ съ классовой партіей*". Мы привели это мѣсто и считаемъ нужнымъ остановиться на немъ подробно потому, что оно имѣетъ для насъ не академическій лишь интересъ, но и глубоко *практическій*. Какъ мы увидимъ дальше, гг. соц.-революціонеры, толкуя по-своему тезисъ „Ком. Маниф." объ „организаціи („образованіи" или „превращеніи"—с.-р. переводятъ слово Bildung трояко) пролетаріата въ классъ", строютъ на немъ *свою* теорію „класса" и „классовой борьбы" и объявляютъ себя *классовой* партіей! Точно также и въ нашей с.-д. партіи агитація за „рабочій съѣздъ", поднятая такими людьми, какъ тт. Плехановъ и Аксельродъ, подкрѣпляется тѣмъ же тезисомъ Маркса. Въ высшей степени, поэтому, важно выяснить истинный смыслъ этого тезиса, опредѣлить точнѣе сущность *классовой партіи* и отношенія ея къ *классу*. Только при свѣтѣ *теоріи* можно дать себѣ ясный отчетъ въ с.-д. программѣ *дѣйствія*...

Г. Бернштейнъ пришелъ къ указанному выше объясненію тезиса „Ком. Маниф.", выставивъ предварительно *самъ* положеніе: понятіе „пролетаріатъ" обнимаетъ одинаковость *положенія*, а соціалъ-демократія—одинаковость *желаній* (Wollens). Это положеніе носитъ чисто произвольный характеръ. Бернштейнъ говоритъ, что классъ опредѣляется соціально-экономическимъ положеніемъ, но если бы мы пожелали точнѣе узнать у него, въ чемъ заключается эта „одинаковость положенія", то оказывается, что это—*одинаковость* въ „происхожденіи" лицъ, принадлежащихъ къ данному классу, одинаковость въ „имуществѣ", „общественныхъ правахъ" или въ „общественной силѣ". Все это признаки въ лучшемъ случаѣ лишь внѣшніе, и они намъ ничего не выясняютъ, откуда, чѣмъ вызваны и опредѣляются „одинаковость положенія" даннаго класса и его отличіе отъ другихъ? Далѣе, почему Бернштейнъ лишаетъ *классъ* и одинаковости „желаній"? Вѣдь онъ самъ признаетъ, что желанія вытекаютъ изъ положенія... Съ другой стороны, нельзя считать характернымъ для *партіи*, хотя бы даже и съ чисто *формальной* стороны, „одинаковость желаній". Съ этой точки зрѣнія Бернштейнъ долженъ былъ бы признать партіей и „клубъ холостяковъ", такъ какъ одинаковость желаній свойственна и его членамъ... Не уяснивъ себѣ сущности и различія понятій „классъ" и „партія", Бернштейнъ естественно долженъ былъ приписать положенію „Ком. Маниф." смыслъ, который не только „мало", но и вовсе не „вяжется" съ матеріалистическимъ пониманіемъ исторіи.

Для Маркса и Энгельса „классъ" не логическая лишь категорія, но и

историческая, они разсматриваютъ „классы“ *динамически.* И въ „Ком. Маниф.“, и въ незадолго передъ тѣмъ написанной „Нищетѣ Философіи“, и въ позднѣйшемъ „Капиталѣ“ Марксъ указываетъ, что и буржуазія, и пролетаріатъ проходятъ цѣлый рядъ ступеней развитія, прежде чѣмъ конституируются, организуются въ классы. „*Рабочее* движеніе возникаетъ *инстинктивно* само собой изъ современныхъ условій производства“. И вмѣстѣ съ развитіемъ въ данной странѣ капитализма „постоянно возрастаетъ, постоянно обучается, объединяется, организуется и пролетаріатъ, и это *самимъ механизмомъ капиталистическаго процесса производства*“. Сначала рабочіе разъединены, разсѣяны по странѣ, они борются въ одиночку, защищая свои *частные,* матеріальные интересы. По мѣрѣ того, какъ капиталъ охватываетъ все больше и больше отраслей производства и подчиняетъ себѣ хозяйственную жизнь страны, рабочіе путемъ стачекъ, союзовъ и различнаго рода коалицій объединяются для борьбы съ нимъ. Капиталъ все больше и больше создаетъ для рабочихъ одинаковость положенія и интересовъ, онъ все болѣе и болѣе дѣлаетъ безсильной, а потому и безплодной борьбу отдѣльныхъ рабочихъ. Но и на этой стадіи *борьба* труда съ капиталомъ, носящая чисто экономическій, *мѣстный* и профессіональный характеръ, не есть еще *классовая* борьба. Въ это время—какъ это и было на Западѣ—можетъ происходить *массовое* выступленіе пролетаріата на *общественную* арену, но, „не какъ результатъ его собственнаго объединенія, а объединенія буржуазіи, приводящей его въ движеніе для своихъ *политическихъ* цѣлей“. Ведетъ ли пролетаріатъ въ такіе моменты *классовую борьбу?* Нѣтъ, онъ борется *не за свои интересы.* Но представляетъ ли онъ *вообще* классъ на этой стадіи развитія? Несомнѣнно представляетъ. Элементы рабочаго класса *даны* съ самаго возникновенія капиталистическаго строя. Они развиваются по мѣрѣ развитія самаго производства. *Противоположность* интересовъ, сначала скрытая, становится постепенно ярче и *рѣзче.* Уже тотъ фактъ, что апологеты буржуазіи и ревизіонисты à la Бернштейнъ „примиреніе“ интересовъ различныхъ классовъ стараются доказать—сознательно или безсознательно—посредствомъ доказательства „притупленія“ капитализма, показываетъ, что центръ тяжести вопроса о классахъ слѣдуетъ искать въ *производствѣ.* Источники доходовъ: поземельная собственность, капиталъ и наемный трудъ остаются вѣдь *тѣ* же, а между тѣмъ интересы и противорѣчія этихъ интересовъ претерпѣваютъ эволюцію. „Измѣняющіяся матеріальныя условія производства—въ предѣлахъ самаго капиталистическаго строя—измѣняютъ сообразно съ ними соціальныя отношенія производителей“... (Марксъ). На опредѣленной ступени развитія капитализма, когда буржуазія, организующаяся постепенно въ классъ еще подъ господствомъ феодализма и абсолютизма, выступаетъ, наконецъ, на *общественную* арену, какъ *національная* сила, *за свои*

интересы, какъ *классъ*, на этой ступени для *нея* не только феодальная аристократія, противъ господства которой она борется, но и пролетаріатъ, которымъ она пользуется въ этой борьбѣ, какъ орудіемъ для *своихъ* цѣлей, представляютъ классы. Въ тотъ моментъ, когда капиталъ принялъ *національный* характеръ, охватилъ всю страну, пролетаріатъ, какъ *классъ*, здѣсь на-лицо.

Въ этотъ моментъ капиталомъ созданы уже для масы пролетаріата и *общность* положенія, и *общность* интересовъ. „И эта масса, такимъ образомъ, уже классъ по отношенію къ капиталу, но еще не для себя самой"—говоритъ Марксъ. Эта масса выступаетъ, какъ классъ, вступаетъ въ *классовую* борьбу лишь тогда, когда „ея мѣстная *борьба*, носящая вездѣ одинаковый характеръ, объединяется, централизуется *въ борьбу національную*" („Ком. маниф.").

Что же означаетъ задача, поставленная Марксомъ коммунистамъ: „Bildung des Proletariats zur Klasse"—„образованіе пролетаріата въ классъ"? Только одно, развитіе классоваго *самосознанія* у пролетаріата, *содѣйствіе* его объединенію, организаціи въ классъ. Бернштейнъ, какъ мы видѣли выше, думаетъ, что если пролетаріатъ становится классомъ *послѣ* объединенія, организаціи, то это значитъ, что *не* соціально-экономическое положеніе опредѣляетъ пролетаріатъ, какъ классъ. „Организація, молъ, можетъ, совершаться только на основѣ опредѣленнаго желанія". Бернштейнъ здѣсь не понялъ самыхъ основъ матеріалистическаго пониманія исторіи. Какъ мы указали выше, пролетаріатъ организуется, объединяется, развивается самымъ процессомъ общественнаго производства. Исключаетъ ли это *сознательное* отношеніе участниковъ въ этомъ процессѣ объединенія? Конечно, нѣтъ. Вѣдь самый процессъ объединенія, организаціи, когда онъ идетъ стихійно, инстинктивно, совершается черезъ посредство людей и людьми. По Марксу поведеніе людей опредѣляется тѣми соціальными отношеніями, въ которыя они поставлены. Самое возникновеніе опредѣленныхъ задачъ и цѣлей, которыя люди себѣ ставятъ, слѣдуетъ искать въ матеріальныхъ условіяхъ, и разрѣшены и достигнуты онѣ могутъ быть только тогда и потому, что на-лицо матеріальныя условія для этого. Исторію дѣлаютъ люди, но въ опредѣленныхъ условіяхъ, не отъ нихъ зависящихъ и подчиненныхъ опредѣленнымъ общественнымъ законамъ. Уничтожить эти законы они не могутъ, но, понявъ ихъ, они могутъ ихъ использовать—это несомнѣнно. Вѣдь это азбука марксизма. И когда Марксъ указываетъ коммунистамъ на „образованіе пролетаріата въ классъ", какъ на ближайшую ихъ задачу, то подъ этимъ онъ подразумѣваетъ только *сознательное* участіе въ *совершающемся уже* безсознательно историческомъ процессѣ. Онъ не ставитъ имъ задачи „*создать*" классъ, нѣтъ, этого не въ силахъ сдѣлать никакая партія. Онъ ставитъ ихъ цѣлью: *содѣйствіе* объединенію пролетаріата, *ускореніе* совершающагося

уже процесса организаціи его въ классъ. „Теоретическія положенія коммунистовъ,—говоритъ онъ,—*никоимъ образомъ* не опираются на идеяхъ, на принципахъ, открытыхъ тѣмъ или другимъ „реформаторомъ“. Они—лишь *выраженія* фактическихъ отношеній *существующей* уже классовой борьбы“. Это ли не ясно? А по Бернштейну выходитъ, что соціально-экономическій процессъ у Маркса самъ по себѣ, а сознательное участіе въ немъ само по себѣ, что организація пролетаріата въ *классъ* есть процессъ „произвольный“, процессъ, *противоположный* естественному экономическому ходу вещей... Интересно отмѣтить здѣсь, что когда наши соц.-революціонеры,—какъ это указалъ на ихъ съѣздѣ г. Шевичъ, представитель с.-р. въ международномъ бюро соціалистовъ,—когда они говорятъ о стихійномъ историческомъ процессѣ, то ссылаются при этомъ на ученіе Маркса, а когда о сознательномъ участіи въ немъ, то на Лаврова. Не понявъ сущности ученія Маркса и Энгельса, они думаютъ, что исправили и дополнили его, когда въ своей историко-философской программѣ устроили мѣшанину изъ этого ученія и этическаго пониманія исторіи Лаврова и Михайловскаго! Но разъ мы заговорили объ „эсъ-эрахъ“, то остановимся на нихъ подробнѣе и посмотримъ, что они говорятъ по интересующему насъ вопросу о „классахъ“.

IV.

Характерная черта программы соц.-револ. та, что они стремятся объединить пролетаріатъ и „трудовое“ крестьянство въ *одинъ* классъ. „Здѣсь—на съѣздѣ с.-р.—произошелъ споръ о терминахъ „народъ“ и „классовая борьба“—говорилъ г. Тучкинъ. Могло бы показаться, что будто бы существуютъ двѣ прямо противоположныя точки зрѣнія, но это недоразумѣніе. Когда товарищи, съ которыми мы споримъ, употребляютъ терминъ „народъ“ въ смыслѣ совокупности трудящихся и эксплоатируемыхъ, то отличіе ихъ отъ насъ только кажущееся. Съ легкой руки россійскихъ соц.-демократовъ у нихъ слово „рабочій классъ“ обратилось въ синонимъ лишь „индустріальнаго пролетаріата“. Но это напрасно. Первое понятіе гораздо шире послѣдняго. Мы стоимъ на этой болѣе широкой точкѣ зрѣнія. Мы—партія рабочаго класса, мы стоимъ на классовой точкѣ зрѣнія, и эта послѣдняя—рычагъ нашей дѣятельности“... Насколько это послѣднее утвержденіе соотвѣтствуетъ дѣйствительности, мы сейчасъ увидимъ, а пока замѣтимъ, что если у „нихъ“, т. е. у нѣкоторыхъ, вѣрнѣе, у большинства, эсъ-эровъ терминъ рабочій классъ обнимаетъ только индустріальныхъ рабочихъ, то виноваты въ этомъ они сами и кивать на с.-д. имъ нечего. Р. с.-демократы говорили всегда прямо противоположное; они всегда подчеркивали, то ихъ партія есть партія *классовой борьбы пролетаріата*

индустріальнаго и сельскаго. Для нихъ азбучная истина, что однимъ изъ важнѣйшихъ условій возникновенія и развитія капитализма является отдѣленіе непосредственнаго производства отъ земли, т. е. созданіе *сельскаго* пролетаріата. Невѣжество—старая привилегія нашихъ эсъ-эровъ, и цитируемые нами ихъ „протоколы" даютъ много тому доказательствъ...

Нашлись, однако, и среди участниковъ съѣзда лица—правда, изъ нынѣшнихъ народниковъ-соціалистовъ, — которыя не могли не указать г. Тучкину, что онъ напрасно „употребляетъ слова „народъ" и „рабочій классъ", какъ синонимы, между тѣмъ какъ я—говоритъ г. Рождественскій— не могу мыслить ни трудовое крестьянство, ни тѣмъ болѣе интеллигенцію, какъ рабочій классъ"... И совершенно основательно, скажемъ мы г. Рождественскому.

Выше мы развивали мысль, что *виды* классовъ, *содержаніе* ихъ интересовъ на данной ступени развитія экономической жизни данной страны опредѣляются *ролями* извѣстныхъ общественныхъ группъ въ производствѣ. Мы знаемъ, что и въ странахъ съ развитымъ капитализмомъ, гдѣ экономическое расчлененіе общества болѣе всего развито, и тамъ рядомъ съ указанными нами выше тремя большими общественными классами существуетъ и рядъ промежуточныхъ, переходныхъ къ нимъ классовъ. На ряду со вновь появившимися, созданными новыми условіями производства, продолжаютъ существовать и *старые* классы, приспособившись къ новымъ условіямъ. Такое именно положеніе и занимаетъ крестьянство—мелкіе самостоятельные производители. Этотъ общественный слой играетъ *опредѣленную роль* и въ современномъ производствѣ. Его интересы противоположны не только интересамъ капитала и крупнаго землевладѣнія, но и таковымъ индустріальныхъ и сельскихъ рабочихъ. Крестьянство, въ *экономическомъ* смыслѣ этого слова, является поэтому общественнымъ классомъ. „Исторія всѣхъ современныхъ странъ,—писалъ Марксъ въ „Революціи и контръ-революціи въ Германіи"—свидѣтельствуетъ, что сельское населеніе не можетъ успѣшно начать *самостоятельное* движеніе; слишкомъ уже сильно разсѣяно оно по обширнымъ пространствамъ... Крестьяне нуждаются въ иниціативѣ и толчкѣ со стороны болѣе сконцентрированнаго, просвѣщеннаго и подвижнаго населенія городовъ"... Золотыя слова! Но тотъ фактъ, что *тождественность* интересовъ мелкихъ производителей-крестьянъ съ трудомъ *проявляется* въ видѣ „*общности* интересовъ, въ видѣ *національной* общности", что это мѣшаетъ *выступленію* крестьянства на общественно-политическую арену въ качествѣ самостоятельнаго класса, что, поэтому, яркое вліяніе его, какъ общественнаго класса, обнаруживается часто въ исторіи лишь тамъ, гдѣ царитъ „*неограниченная* власть", выступающая отъ его имени, въ защиту его интересовъ отъ другихъ классовъ,—все это не измѣняетъ нашего положенія, что мелкое крестьянство—классъ и,—но намъ важно здѣсь подчеркнуть,—классъ

отличный и отъ рабочаго класса. Гг. соц.-революціонеры этого не признаютъ.

„Трудовое крестьянство, какъ постоянная составная часть рабочаго класса,—говорилъ на съѣздѣ другой с.-р. Фирсовъ,—столь же присущая органически капиталистическому производству, какъ наемный пролетаріатъ, это *характерная черта* нашей программы, а она отсутствуетъ въ проектѣ. Для „Револ. Россіи“ трудовое *крестьянство не мелкая буржуазія, неизбѣжно обреченная на исчезновеніе и становящаяся подъ соціалистическое знамя лишь постольку, поскольку оно усваиваетъ точку зрѣнія пролетаріата. Нѣтъ, трудовое крестьянство по самымъ условіямъ своего соціальнаго положенія, въ силу своихъ собственныхъ классовыхъ интересовъ столь же „соціалистично“, какъ и индустріальный пролетаріатъ“*.... Мы подчеркнули сказанное г. Фирсовымъ, такъ какъ это и есть настоящій символъ вѣры „эсъэровъ“. Г. Фирсовъ послѣдователенъ; онъ пристаетъ съ ножомъ къ горлу и требуетъ отъ докладчика проекта программы г. Тучкина, чтобы въ программѣ была *доказана* „общность классоваго положенія трудового крестьянства и пролетаріата въ современномъ обществѣ... Для формированія класса, прибавляетъ онъ резонно, *одной* пропаганды и агитаціи недостаточно“. (l. с., 104—105 стр.). Легко сказать—доказать! И это послѣ того, какъ „Vorstand“ германской соц.-демократіи на Штутгартскомъ конгрессѣ прямо заявилъ, что въ „современномъ обществѣ“ крестьяне, исключая военныхъ и налоговыхъ тяготъ, преслѣдуютъ интересы, которые далеки отъ пролетарскихъ. Измѣненіе с.-д. программы—указывалъ „Vorstand“—въ томъ смыслѣ, чтобы въ нашу партію были привлечены крестьяне, какъ того желаютъ нѣкоторые, возможно лишь при томъ условіи, если мы выставимъ требованія, выгодныя для крестьянства въ ущербъ пролетаріату, требованія, идущія вразрѣзъ съ основными принципами нашей программы... Съ другой стороны, К. Каутскій, изслѣдовавъ положеніе дѣлъ въ Америкѣ, предупреждалъ недавно тамошнюю с.-демократію не повторять попытки Greenbackler'овъ, Singletaxer'овъ и Populist'овъ—т. е. народниковъ всякихъ толковъ,—стремившихся объединить въ одну партію „трудовое“ крестьянство и рабочихъ. Онъ совѣтовалъ имъ—дѣло было въ 1901 г.—не измѣнять программы и тактики въ этомъ направленіи, такъ какъ это было бы и ошибочно, и опасно... И въ переживаемое нами время буржуазно-демократической революціи, когда крестьянство выступаетъ у насъ, какъ революціонный классъ и сословіе, у него существуютъ *общіе* интересы съ пролетаріатомъ, какъ по отношенію къ государству, такъ и другимъ классамъ, но это не устраняетъ существованія между ними и противоположныхъ другъ другу интересовъ, которые дѣлаютъ ихъ *отличными* классами. Въ нашей литературѣ достаточно убѣдительно доказывалось, что *единственнымъ* носителемъ соціализма и у насъ

является пролетаріатъ—индустріальный и сельскій и, что крестьянство наше и по своимъ интересамъ, и по своимъ задачамъ, и „конечнымъ цѣлямъ", классъ мелкобуржуазный *по существу*... Но что до всего этого г. Тучкину? Ахъ, онъ очень смѣлъ! Какія, собственно говоря, тамъ еще спеціальныя доказательства нужны Фирсову, когда это объединеніе трудового крестьянства и пролетаріата въ одинъ классъ вытекаетъ изъ самыхъ основъ с.-р. философско-исторической программы? Это „ходячій экономическій матеріализмъ сводитъ понятіе класса къ чисто-хозяйственному, а не къ соціально-политическому понятію"... А мы, с.-р., въ нашей программѣ „развѣ не оттѣняемъ сложный переплетъ междусословной, междурасовой, междунаціональной борьбы вмѣстѣ съ борьбой между классовъ? Развѣ мы не оттѣняемъ значенія перехода отъ вырождающейся буржуазіи къ свѣжей, новой исторически-творческой силѣ лучшихъ умственныхъ и моральныхъ силъ страны"? Развѣ мы въ противоположность „стихійности" с.-д. не оттѣняемъ элемента „сознанія" и пр., и пр.? Что же, спрашивается, послѣ этого стоитъ соц.-революціонерамъ, въ противоположность с.-дем., втиснуть въ пролетарскій классъ весь *классъ* крестьянъ—мелкихъ самостоятельныхъ производителей? Ровно ничего; они это и дѣлаютъ, и притомъ не переставая кричать: мы стоимъ на *классовой* точкѣ зрѣнія, мы партія *классовой* борьбы! И чтобы не было ни у кого сомнѣнія, что это совершенно правильно, лидеръ партіи г. Тучкинъ читаетъ своимъ товарищамъ на съѣздѣ лекцію: „что такое классъ?" и старается доказать, что та точка зрѣнія, на которой стоятъ они, соц.-революціонеры, точка зрѣнія... кого бы вы думали? Маркса! Послушаемъ, и внимательно, рѣчь г. Тучкина.

„Объективно трудовое крестьянство, какъ и разнообразные слои пролетаріата, въ сущности, представляютъ собой не столько классъ, сколько матеріалъ для класса. Только въ процессѣ сначала мѣстныхъ и групповыхъ антагонизмовъ, только въ процессѣ сплоченія, организаціи, борьбы, растущаго въ этой борьбѣ самосознанія, „людская пыль", изъ которой первоначально состоятъ рабочія массы, вырастаетъ въ классъ, сливая индивидуальное, групповое, профессіональное, узкіе и мѣстные интересы въ единое классовое сознаніе. Въ этомъ смыслѣ Марксъ часто говоритъ объ „организаціи пролетаріата въ классъ", „образованіи" или „превращеніи" его въ классъ. Хозяйственныя условія вѣдь не даютъ намъ рабочаго класса, какъ совершенно однородной массы; на-лицо есть солидная диференцировка положеній, интересовъ, формъ эксплоатаціи, разнообразныхъ культурныхъ уровней и разновидностей рабочихъ. Процессъ сліянія ихъ въ единый классъ есть процессъ въ значительной мѣрѣ искусственный, употребляя, конечно, слово „искусственный" не въ смыслѣ противоположности нормальному, а лишь въ смыслѣ противоположности „стихійному". То, что дано естественными условіями хозяйства, есть еще не совсѣмъ „классъ", это „классъ" лишь на половину. Марксъ это формулировалъ довольно

мѣтко, говоря, что на этой ступени развитія рабочіе составляютъ лишь классъ „an sich“, но еще не являются классомъ „für sich“, такимъ образомъ, что тамъ мы имѣемъ классъ, какъ законченную соціологическую величину, гдѣ онъ является уже классомъ и an sich и für sich, гдѣ онъ выработалъ, фигурально выражаясь, единую классовую душу. Объ этой выработкѣ подъ непосредственнымъ руководствомъ революціоннаго соціализма *общественнаго класса изъ разрозненныхъ раньше трудовыхъ элементовъ отъ пролетаріата до трудового крестьянства* наша программа говоритъ совершенно отчетливо; и я думаю, что въ ней достаточно отразился этотъ чрезвычайно существенный оттѣнокъ нашего міросозерцанія, *не чуждый*, какъ видите, и Марксу, но чуждый догматическимъ марксистамъ“ („Протоколы“, 139 стр. Курсивъ нашъ *А. Ф.*).

Мы привели это мѣсто цѣликомъ, такъ какъ, разбирая его полностью, читатель получаетъ отчетливое представленіе о той путаницѣ понятій, о томъ винигретѣ мыслей, который царитъ въ головахъ лучшихъ теоретиковъ партіи с.-р. *Объективно*—говоритъ намъ г. Тучкинъ—трудовое крестьянство это скорѣе матеріалъ для класса, точно такъ же, какъ и пролетаріатъ. Допустимъ. Что же, спрашивается, матеріалъ для *одного* съ нимъ класса? На это г. Тучкинъ сразу не даетъ прямого отвѣта, но рисуетъ картину превращенія „рабочихъ массъ“ въ классъ. И этотъ процессъ постепенной организаціи „людской пыли“, развитія классоваго самосознанія, *противопоставляется* имъ *объективному* ходу вещей. Этотъ процессъ представляется г. Тучкинымъ стоящимъ *надъ* матеріальнымъ процессомъ, *независимымъ* отъ него, „искусственнымъ“. Но кто же его тогда совершаетъ? Кто превращаетъ эту объективную „людскую пыль“ въ классъ? *Сверхестественная* сила? Г. Тучкинъ, *тѣ* же люди, которые по-вашему представляютъ „матеріалъ“ для класса, вѣдь они-то и организуютъ его. Вашъ „объективный“ процессъ совершается людьми и черезъ посредство людей, и ихъ нельзя *отдѣлить* отъ *него*. И послѣ того, какъ Марксъ въ „Ком. Маниф.“ же доказываетъ, что процессъ объединенія, организаціи рабочихъ въ *классъ* совершается *самымъ ходомъ матеріальнаго* процесса производства, г. Тучкинъ рѣшается навязать Марксу свой „искусственный“, „субъективный“ взглядъ на этотъ процессъ! Для Маркса процессъ „организаціи пролетаріата въ классъ“ объективенъ *во всемъ его цѣломъ*. Марксъ не противопоставляетъ сознанія бытію, второе у него опредѣляетъ первое, онъ разсматриваетъ ихъ, какъ *единый* процессъ. Нужно далѣе помнить, г. Тучкинъ, что *наука* знаетъ лишь одну точку зрѣнія—*объективную*!

„Объективно“ существуетъ лишь „матеріалъ“ для класса, первоначально существуетъ „людская пыль“... слышимъ мы отъ г. Тучкина. Но вслѣдъ за тѣмъ мы узнаемъ отъ него же, что *„хозяйственныя* условія не даютъ намъ рабочаго класса, какъ *однородной* массы“, они

даютъ „дифференцированную". Итакъ, оказывается, что *объективно* у г. Тучкина же существуетъ и *организованный* людской „матеріалъ", такъ какъ онъ говоритъ о дифференціаціи его въ различныя группы. Однако, здѣсь насъ интересуетъ не это противорѣчіе г. Тучкина. Послѣдній высказалъ это новое положеніе для пущаго доказательства „искусственности" процесса организаціи, сліянія рабочихъ въ единый *классъ*: „стихійно"-де рабочіе вѣдь дифференцированы и по своему положенію, и интересамъ, и пр.... Если бы г. Тучкинъ внимательно читалъ Маркса, то онъ бы узналъ, что тотъ же ходъ экономическаго развитія, который создаетъ указанную имъ дифференцировку рабочихъ, постепенно сглаживаетъ эти различія и выдвигаетъ интересы, *общіе* рабочимъ, какъ классу, сплачивающіе ихъ въ классъ... Если же стоять на точкѣ зрѣнія г. Тучкина, то возникаетъ вопросъ: что же мѣшаетъ с.-р. слить въ *одинъ* рабочій классъ съ пролетаріатомъ не только „трудовое" крестьянство, но и крупную буржуазію? Вотъ г. Бернштейнъ, напр., указываетъ, что интересы торговаго и промышленнаго капитала часто болѣе отличаются другъ отъ друга, чѣмъ таковые рабочихъ и предпринимателей. Въ самомъ дѣлѣ, г. Тучкинъ, что же сплачиваетъ, побуждаетъ сплотиться эти „дифференцированныя" группы рабочихъ и буржуазіи въ *отдѣльные классы?* Г. Тучкинъ чувствуетъ, что ему трудно вылѣзть изъ этого положенія и онъ заявляетъ: „То, что дано *естественными* условіями хозяйства, есть еще *не совсѣмъ классъ;* это классъ лишь на половину". Итакъ, *„объективно"* у г. Тучкина имѣется уже классъ на половину! Это прогрессъ! Но г. Тучкинъ при этомъ ссылается на Маркса, который, молъ, мѣтко формулировалъ, что на этой ступени развитія рабочіе лишь классъ „an sich", и что тамъ лишь имѣется цѣлый классъ, гдѣ онъ и „an sich" и „für sich". Мы должны замѣтить г. Тучкину, что Марксъ *нигдѣ* не говорилъ такихъ вещей. Г. Туганъ-Барановскій тотъ дѣйствительно открылъ, что Марксъ различаетъ два фазиса для *класса*: первый, когда онъ—классъ по отношенію къ другимъ, но еще не классъ „für sich"—„въ себѣ", и второй фазисъ, когда онъ становится классомъ „въ себѣ", и это-то и есть зрѣлый классъ. Г. Туганъ-Барановскій увидѣлъ здѣсь вліяніе Гегелевской діалектики на Маркса. Но, какъ мы показали въ свое время, открытіе г. Туганъ-Барановскаго объясняется просто-напросто ошибочнымъ переводомъ имъ одного мѣста изъ „Нищеты Философіи" во французскомъ оригиналѣ [1]). Марксъ

[1]) Что это дѣйствительно тамъ, показываетъ и Бернштейнъ, который, цицируя въ своей „Vom Klassenkampf" это мѣсто у Туганъ-Барановскаго, переводитъ тѣмъ не менѣе „für sich selbst", а не „für sich", и ничего не говоритъ о „гегелевскомъ вліяніи". У насъ нѣтъ подъ рукой нѣмецкаго перевода произведенія Туганъ-Барановскаго и мы не знаемъ исправилъ ли онъ тамъ указанную нами ошибку, но и въ русскомъ 3-емъ изданіи его „Теоретическихъ основъ" все осталось по-старому.

тамъ ясно говоритъ, что рабочая масса является классомъ—*цѣлымъ* классомъ, г. Тучкинъ—раньше для капитала, т. е. буржуазіи, чѣмъ для *себя самой*—pour elle même, für sich selbst. Почему это такъ происходитъ, мы видѣли въ предыдущей главѣ.

Раздѣливъ „классъ" пополамъ и отдавъ одну половину — его „an sich" *объективному ходу* вещей, а вторую половину „единую классовую душу" — его „für sich" — *искусственному* процессу, г. Тучкинъ и зоветъ къ выработкѣ подъ руководствомъ с.-р. единаго общественнаго класса изъ *трудового крестьянства* и *пролетаріата*. Вѣдь дѣло идетъ объ *искусственномъ* процессѣ, тогда зачѣмъ же стѣсняться? Можно забыть и объ „объективной" половинѣ, признанной имъ же, можно рабочихъ, которые „естественнымъ" ходомъ вещей стали уже классомъ на половину, превратить опять въ „разрозненные элементы", можно пристегнуть къ нимъ и трудовое крестьянство, объ объективномъ положеніи котораго г. Тучкинъ намъ совсѣмъ не говоритъ,—да и мало ли что можно сдѣлать, когда дѣло идетъ объ „искусственномъ" созданіи класса „für sich", т. е. для соціалистовъ-революціонеровъ! Но г. Тучкинъ при этомъ позволяетъ себѣ ссылаться на Маркса, что и послѣдній раздѣляетъ его взглядъ; г. Тучкинъ бросаетъ при этомъ упрекъ по адресу догматическихъ марксистовъ, которые не могутъ себѣ разрѣшить такой роскоши, какъ игнорированіе объективнаго хода вещей! Послушайте, почтеннѣйшій, вѣдь есть modus in rebus! Въ „Нищетѣ Философіи", на которую вы молчаливо ссылаетесь, всякій вѣдь можетъ прочесть, что Марксъ говоритъ тамъ о развитіи *рабочей* массы въ классъ и ни слова не говоритъ при этомъ о вашемъ „трудовомъ" крестьянствѣ. Болѣе того, въ „Ком. Маниф." Марксъ подчеркиваетъ различіе *вашего* крестьянства отъ пролетаріата и показываетъ, что они именно *различные* классы. Далѣе, и въ „Нищетѣ Философіи", и въ „Ком. Маниф." Марксъ ясно указываетъ, что „организація" революціонныхъ силъ *пролетаріата* въ классъ *предполагаетъ* уже существованіе *матеріальныхъ условій* для этого... Его положеніе „Bildung des Proletariats zur Klasse" или, иначе говоря, *„развивайте классовое самосознаніе пролетаріата"* предполагаетъ уже *объективное* существованіе класса. Марксъ извѣстную индивидуалистическую античную формулу: „познай самого себя" распространилъ здѣсь на цѣлый *классъ*...

Гг. соц-революціонеры строютъ единый *классъ* изъ различныхъ элементовъ соотвѣтственно *своему* „желанію". Вольному, конечно, воля! Но, если читатель вспомнитъ, что и Бернштейнъ считаетъ, что „организація" возможна лишь на основѣ опредѣленнаго желанія, а потому и Марксъ, выставивъ положеніе: „организуйте пролетаріатъ въ классъ" подтверждаетъ, такимъ образомъ, справедливость с. р. Самъ Бернштейнъ не согласенъ, что классъ создается на основѣ извѣстныхъ желаній. „Не тѣмъ или потому,

что кто-нибудь то или другое желаетъ,—говоритъ онъ,—опредѣляется его принадлежность къ тому или другому аггрегату (Verbindung), стоновится кто-нибудь принадлежащимъ къ извѣстному классу, но тѣмъ или потому, что онъ находится въ опредѣленномъ экономическомъ положеніи. И неорганизованный наемный рабочій принадлежитъ къ классу наемныхъ рабочихъ, т. е. къ пролетаріату. Вся соціологическая классификація потеряла бы смыслъ, если бы его принадлежность къ другому общественному классу указывалась на основаніи его желаній или дѣланія". Все это такъ, но Бернштейнъ напрасно поучаетъ Маркса. Какъ мы видѣли выше, г. Бернштейнъ прямо-таки не понялъ Маркса и приписалъ ему чуждый его словамъ смыслъ. Но мало того: г. Бернштейнъ нашелъ объясненіе и оправданіе оказавшемуся здѣсь у Маркса „противорѣчію" съ его, марксовымъ, матеріалистическимъ пониманіемъ исторіи. У Маркса, молъ, въ его программномъ трудѣ „классъ *отождествленъ* съ классовой *партіей*!" И это абсолютно невѣрно. Мы сейчасъ увидимъ, что такое, съ *марксистской* точки зрѣнія, партія и каково ея отношеніе къ классу.

V

Классовая борьба есть борьба *общественная*, и на *національномъ* масштабѣ. Классовая борьба есть вмѣстѣ съ тѣмъ борьба *политическая*. Въ обществѣ, экономическій фундаментъ котораго построенъ на антагонистическихъ началахъ, гдѣ государственная машина, „разъ созданная, стала самостоятельной силой, которая хотя въ общемъ и слѣдуетъ за движеніемъ производства, но реагируетъ, въ силу присущей ей, т. е. данной ей разъ и постепенно далѣе развивающейся, относительной самостоятельности, съ своей стороны на условія и ходъ производства" (Энгельсъ), а вмѣстѣ съ этимъ и на отношенія классовъ, въ обществѣ, гдѣ „государственная власть, какъ *сосредоточенная и организованная общественная сила*", (Марксъ) можетъ служить и служитъ орудіемъ усиленія даннаго общественно-экономическаго положенія вещей, средствомъ ускоренія уничтоженія старыхъ и развитія новыхъ общественныхъ формъ производства, гдѣ этой машиной, этой силой пользуются различные классы въ своихъ интересахъ,— въ *такомъ* обществѣ высшая форма *экономической* борьбы является борьбой *за эту власть*, высшая форма общественной борьбы—классовая борьба—борьбой *политической*.

Классы, какъ общественныя единицы, нигдѣ не борются, говоритъ намъ г. Бернштейнъ; борются лишь отдѣльныя группы этихъ классовъ или, на политической аренѣ, партіи, называющія себя съ большимъ или меньшимъ правомъ защитниками интересовъ этихъ классовъ.. Это невѣрно. Во времена общественныхъ переворотовъ, политическихъ революцій, борются *массы*, борются именно *классы*. Партіи въ такіе моменты сливаются съ

классами, сами вовлекаются и увлекаются *стихійнымъ* потокомъ событій. Это и понятно. Революція, по своему существу, есть процессъ *стихійный, неорганизованный, анархическій*. Въ такіе моменты, когда общественная жизнь въ своемъ могучемъ и быстромъ волнообразномъ движеніи разрушаетъ или видоизмѣняетъ старыя формы „надстройки"— въ обширномъ смыслѣ этого слова,—и создаетъ новыя формы борьбы, въ такое время *не* отдѣльныя партіи, которыя являются въ такой же мѣрѣ *продуктами* матеріальныхъ условій, какъ и „идеологія", могутъ господствовать, направлять эту жизнь, а лишь цѣлые *классы*. Они это и дѣлаютъ. И по мѣрѣ того, какъ сила въ разгорающейся общественной борьбѣ переходитъ на сторону того или другого отдѣльнаго класса, послѣдній и задаетъ тонъ, и кладетъ свой отпечатокъ, и отмѣчаетъ опредѣленный этапъ революціи. Это показываетъ исторія революцій всѣхъ странъ, въ томъ числѣ и Россіи. Въ „нормальное" время, въ періоды относительнаго покоя, на общественно-*политической* аренѣ борются партіи, которыя являются организованными силами, постоянными арміями, авангардами различныхъ общественныхъ классовъ и ихъ фракцій.

Что характеризуетъ партію? Ея *общественно-экономическая программа*, ея *политическая* программа. Партія въ истинномъ смыслѣ этого слова неразрывно связана съ *политической* борьбой, и по тѣмъ же основаніямъ, по какимъ классовая борьба есть борьба политическая. Партіи только потому и имѣютъ свой raison d'être, что онѣ вызываются существующими соціальными отношеніями, а это значитъ существующими *матеріальными* условіями, но характеръ ихъ въ значительной степени опредѣляется и *идеологическими* факторами, играющими въ извѣстной степени *самостоятельную* роль и съ своей стороны вліяющими, въ *опредѣленныхъ границахъ*, на соціальныя отношенія. Съ *этой* точки зрѣнія организація партіи можетъ быть названа „искусственной", и это *въ противоположность* организаціи *класса*, всецѣло опредѣляемой экономическимъ развитіемъ.. Извѣстно, что одинъ и тотъ же классъ можетъ имѣть различныя партіи, и далѣе, что люди различныхъ классовъ могутъ принадлежать къ одной партіи. Чѣмъ это объясняется? Съ одной стороны, тѣмъ, что въ предѣлахъ даннаго класса существуетъ диффренціація положеній, различныя группы. Такъ, среди буржуазіи бросаются въ глаза сельская и промышленная съ противоположными интересами. И особенно обнаруживается расколъ внутри даннаго класса, борьба его отдѣльныхъ частей между собой тогда, когда этотъ классъ достигъ уже своего господства, достигъ уже своего кульминаціоннаго пункта. Партіи являются политическими выразителями не только классовъ, но и *фракцій* этихъ классовъ—на это указываетъ и Энгельсъ, и Марксъ. Съ другой стороны, среди крупныхъ общественныхъ классовъ существуютъ промежуточные, переходные классы, и это въ особенности тамъ, гдѣ новая форма производства еще не вполнѣ

овладѣла, не вполнѣ подчинила себѣ весь хозяйственный строй страны. Между различными классами существуютъ здѣсь еще *общіе* интересы, которые затушевываютъ, скрываютъ до поры до времени ихъ различіе. При такихъ условіяхъ люди *различныхъ* классовъ считаютъ себя родственными по своимъ интересамъ, задачамъ, цѣлямъ и средствамъ борьбы и принадлежатъ къ одной *партіи*.

Принятіе участія въ той или другой партіи есть процессъ *сознательный*. Но мы знаемъ, что сознаніе далеко не всегда выражаетъ дѣйствительной сущности вещей. Сознаніе опредѣляется цѣлымъ рядомъ идеологическихъ факторовъ; традиція прошлаго играютъ при этомъ не послѣднюю роль. Марксъ прямо предупреждаетъ, что слѣдуетъ отличать процессъ, совершающійся въ матеріальныхъ условіяхъ общественной жизни, отъ того, какъ онъ *отражается* въ головахъ участниковъ его, нужно отличить его отъ тѣхъ *идеологическихъ* формъ, въ которыхъ люди воспринимаютъ его и въ которыхъ вступаютъ въ борьбу. Подобно тому, какъ объ отдѣльномъ человѣкѣ нельзя судить по тому, что онъ *думаетъ* или *говоритъ* о себѣ, такъ и о *партіяхъ* слѣдуетъ судить только по ихъ *дѣйствіямъ*.

Соц.-революціонеры, какъ мы видѣли выше, *считаютъ* себя *классовой* партіей. Ближайшее изслѣдованіе показываетъ, что они являются выразителями интересовъ *двухъ различныхъ* классовъ, изъ которыхъ одинъ—мелкое самостоятельное крестьянство—является по своему существу защитникомъ *современнаго* общественнаго хозяйственнаго строя, а другой—пролетаріатъ—носителемъ *будущаго*. Они называютъ себя партіей *классовой борьбы*, а между тѣмъ затушевываютъ противоположность интересовъ этихъ двухъ классовъ; вмѣсто борьбы, здѣсь проповѣдуется примиреніе, общность и въ настоящемъ, и *въ будущемъ*. Гг. соц.-рев. называютъ себя соціалистами. Но стоитъ только разсмотрѣть *средства, пути*, рекомендуемые ими для достиженія соціализма,—а это необходимо, такъ какъ различные пути ведутъ къ различнымъ цѣлямъ,—и мы убѣждаемся, что эти пути и средства являются *двойственными*, запутанными, а то и утопичными, и что ведутъ они въ концѣ концовъ къ *мѣщанскому* соціализму. Гг. соціал.-революціонеры напоминаютъ во многомъ „соціалъ-демократовъ" во Франціи и Германіи въ 48 году: „это мелкобуржуазно-пролетарская смѣсь безъ опредѣленно выраженнаго классоваго характера, но съ преобладающими мелко-буржазными стремленіями". Наши „эсъ-эры" въ послѣднемъ счетѣ представители мелкой буржуазіи, они являются партіей *демократической*.

Въ противоположность гг. „эсъ-эрамъ" гг. „кадеты" отрицаютъ классовый характеръ своей программы, они отрицаютъ классовую политику и гордо называютъ себя *народной* партіей. Въ составъ ея,—въ силу цѣлаго ряда условій, о которымъ здѣсь не мѣсто распространяться,—вошли при выборахъ въ первую Думу *часть* сельсвой буржуазіи, мелкое помѣстное

дворянство и часть средняго, мелкая и средняя буржуазія городовъ, лица интеллигентныхъ профессій и часть крупной промышленной и торговой буржуазіи. Программа кадетской партіи является *буржуазной* въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Стремясь къ господству буржуазіи, т. е. „меньшинства“ народа, что можетъ быть достигнуто лишь при посредствѣ „большинства“, партія эта старается представить *классовые* интересы буржуазіи *тождественными* съ интересами *всего* народа. Она зоветъ въ свои ряды весь народъ, оппозиціонно настроенный противъ стараго режима. Она—партія мирныхъ реформъ, примиренія противоположныхъ классовыхъ интересовъ. Уже въ силу неопредѣленнаго характера ея состава вся ея *политика* являлась образцомъ половинчатости, колебаній между революціей и контръ-революціей, дипломатированія съ революціонными массами народа, съ одной стороны, и „правыми“ партіями и реакціоннымъ правительствомъ—съ другой.

Подобно теоретикамъ западно-европейской буржуазіи, и наши „идеалисты“-кадеты, Струве, Бердяевъ и К-о, говорятъ: наша к.-д. программа является программой „общей“, она защищаетъ *общественные* интересы, она является „цѣлымъ“, она, поэтому, выше, больше, шире вашей с.-д. узкой, ограниченной *классовой* программы, которая съ общечеловѣческой точки зрѣнія является „частью“... Очень хорошо, господа! Много вы поняли изъ того, что защищаютъ и чего хотятъ соц.-демократы!

Въ противоположность вашимъ увѣреніямъ, для с.-д. вся совокупность *общественныхъ* интересовъ не исчерпывается одними классовыми интересами. Однако, существующіе „общіе“ общественные интересы, которые вы одни якобы защищаете, вовсе не суть интересы, уничтожающіе или парализующіе классовые и доказывающіе *солидарность*, а не противоположность классовъ. Они и не стоятъ отдѣльно, *независимо* отъ классовыхъ интересовъ, а, наоборотъ, тѣсно связаны съ послѣдними. И отношеніе къ этимъ „общимъ“ интересамъ со стороны различныхъ классовъ различно и противоположно. На это указываетъ и К. Каутскій. Общественные идеалы и цѣли у различныхъ классовъ различные. Ваше, т. е. кадетское, пониманіе „общихъ“ общественныхъ интересовъ, характеръ защиты ихъ вами всецѣло опредѣляется вашимъ классовымъ положеніемъ, точно такъ же, какъ и отношеніе къ нимъ соц.-демократіи обусловливается пролетарской точкой зрѣнія. И такъ какъ вы являетесь представителями интересовъ „меньшинства“, а с.-демократія, по самому положенію, занимаемому прелетаріатомъ въ современномъ обществѣ, защищаетъ интересы „большинства“, то спрашивается, чье же пониманіе, чья защита этихъ „общихъ“ интересовъ имѣетъ право на большую общность,—ваша или соц.-демократовъ?

Соц.-демократія—партія *классовой борьбы*. Въ этомъ ея *отличительная* черта. Она партія *одного* и опредѣленнаго класса, пролета-

ріата, и является защитницей интересовъ этого класса *въ его цѣломъ*. Она—партія *борьбы* и *классовой*: она исходитъ изъ положенія, что безъ борьбы классовъ нѣтъ прогресса въ обществахъ, основанныхъ на антагонистическихъ началахъ. С.-д.—партія *революціонная* по своему существу, потому что представляемый ею пролетаріатъ—классъ революціонный *въ корнѣ*, и это въ силу его *общественнаго положенія*. С.-д.—партія не только классовая, но и партія *соціальнаго развитія*. Что это значитъ? То, что въ каждый данный моментъ она считается съ движеніемъ всего общества и не выставляетъ никакихъ требованій въ защиту своего класса, которыя бы шли вразрѣзъ съ развитіемъ общества, какъ цѣлаго. Бебель еще на Бреславльскомъ конгрессѣ 1895 г. замѣтилъ по поводу этого, что, когда ему приходится обсуждать какое-нибудь мѣропріятіе или проектъ своей партіи, то онъ всегда себя спрашиваетъ: будетъ ли это препятствовать дальнѣйшему развитію капитализма, и если да, то онъ такое требованіе отвергаетъ. И это вполнѣ понятно, такъ какъ с.-д. свою „конечную цѣль" выводитъ, какъ необходимое слѣдствіе, изъ развитія производительныхъ силъ въ современномъ обществѣ, а это развитіе можетъ идти только путемъ капитализма. Гг. соц.-рев. на своемъ съѣздѣ объявили этотъ взглядъ Бебеля, являющійся взглядомъ и международной с.-д., недостаточно революціоннымъ. „Для насъ,—заявилъ г. Тучкинъ,—не существуетъ того или другого ограниченія, тѣхъ или другихъ рамокъ революціонному дѣланію, которыя существуютъ для с.-демократіи, т. е. недостаточной зрѣлости самаго капитализма, какъ таковаго. Мы уже считаемъ возможнымъ теперь же относиться къ капиталу революціонно. Мы не считаемся, соотвѣтствуетъ ли это развитію капитализма или нѣтъ". („Протоколы", 268 стр.) И очень плохо дѣлаете, гг. соц.-революціонеры! Отъ этого-то ваше „революціонное дѣланіе" и хромаетъ на всѣ четыре ноги. Именно вслѣдствіе того, что вы игнорируете дѣйствительный ходъ вещей, что вы не считаетесь съ фактами,—а что капитализмъ у насъ *фактъ*, это вы сами признаете—именно потому-то ваши требованія и ваши средства и оказываются сплошь и рядомъ или утопическими, или реакціонными, или то и другое вмѣстѣ. Примѣръ: ваша аграрная программа... Въ этомъ отношеніи вы—достойные преемники нашихъ „народниковъ".

С.-д.—партія соціальнаго развитія... Это значитъ, что въ данной странѣ въ каждый данный моментъ она вмѣстѣ съ другими дѣйствительно прогрессивными и революціонными элементами борется за уничтоженіе всѣхъ *отжившихъ* и *отживающихъ* хозяйственныхъ, политическихъ и прочихъ общественныхъ формъ, борется за водвореніе условій, при которыхъ производительныя силы страны, а съ ними и культура, могли бы свободно развиваться; борется за общественныя условія, въ которыхъ пролетаріатъ могъ бы вполнѣ проявить свою мощь и сыграть полностью

свою великую историческую роль... Гг. кадеты упрекаютъ насъ въ томъ, что мы не „поддерживаемъ“ ихъ въ „освободительной“ борьбѣ со старымъ режимомъ. Да, господа, вы правы: мы не поддерживаемъ васъ *такъ*, какъ *вы* этого хотите. Поддерживать, по нашему мнѣнію, не значитъ тащиться въ вашемъ хвостѣ, идти по вашей указкѣ, приспособляться къ вашему трусливому, черепашьему шагу. Поддерживать можно, *заставляя* васъ идти все быстрѣе и быстрѣе, *толкая* васъ все впередъ и впередъ, или таща васъ, наконецъ, на буксирѣ, если вы ужъ такъ нужны... На это неоднократно указывалось въ нашей печати. Но не только гг. кадеты, а и соціалисты „безъ заглавія“ и даже нѣкоторые товарищи изъ нашей собственной среды упрекаютъ р. с.-д. партію—въ особенности ея лѣвое крыло—въ томъ, что она не слѣдуетъ положенію „Ком. Маниф.“ „объ общемъ дѣйствіи съ буржуазіей“ противъ абсолютной монархіи и феодальныхъ порядковъ. Чтобы показать гг. критикамъ, какъ Марксъ самъ понималъ выставленное имъ положеніе, мы приведемъ одну цитату изъ „Обращенія центральнаго органа союза коммунистовъ“, въ которомъ разъясняется, каково должно быть отношеніе коммунистовъ въ Германіи къ ея буржуазной демократіи. Дѣло относится къ марту 1850 г., когда ожидалось, что при новомъ взрывѣ революціи у власти очутится тамъ мелкобуржуазная демократія. И это обстоятельство усиливаетъ нашъ интересъ къ названному документу. При дальнѣйшемъ развитіи нашей революціи есть основанія предполагать, что мы можемъ оказаться въ такомъ положеніи: „побѣда“ кадетовъ можетъ смѣниться побѣдой трудовиковъ, т. е. нашей мелкобуржуазной демократіи... Вспомнимъ, далѣе, что выдѣленіе въ Государственной Думѣ рабочихъ представителей въ самостоятельную фракцію было объявлено, напримѣръ, „соціалистами“ изъ „Нашей Жизни“ ошибкой со стороны с.-д., такъ какъ это, молъ, ослабляло демократическія силы внутри Думы и внѣ ея. По мнѣнію этихъ „критиковъ“, рабочіе должны были бы составить *одну* оппозиціонную группу съ трудовиками, *одну* демократическую партію. Посмотримъ теперь, что говорилъ Марксъ въ этомъ „Обращеніи“ къ коммунистамъ.

„Въ настоящее время мелкобуржуазные демократы проповѣдуютъ пролетаріату примиреніе и объединеніе. Они протягиваютъ ему руку и стремятся къ созданію одной большой оппозиціонной партіи, которая бы охватила всѣ оттѣнки демократіи, т. е. они стремятся къ тому, чтобы вовлечь рабочихъ въ одну партійную организацію... Такое объединеніе было бы только на пользу имъ и совершенно во вредъ пролетаріату. Пролетаріатъ потерялъ бы всю свою самостоятельную, съ трудомъ добытую, позицію и сталъ бы придаткомъ оффиціально-буржуазной демократіи. Это *объединеніе* должно быть, такимъ образомъ, *самымъ рѣшительнымъ образомъ отклонено. На случай борьбы съ общимъ противникомъ нѣтъ надобности ни въ какомъ особомъ единеніи.* Какъ только передъ

нами задача открытой борьбы съ такимъ противникомъ, въ такой моментъ интересы обѣихъ партій совпадаютъ и, какъ это было до сихъ поръ, такъ и въ будущемъ, это единеніе, разсчитанное только на данный моментъ, создастся само собой. Понятно, далѣе, что въ предстоящихъ кровавыхъ столкновеніяхъ, какъ и въ прошлыхъ, рабочимъ главнымъ образомъ на своихъ плечахъ придется вынести всю тяжесть борьбы за побѣду, и это, благодаря ихъ искусству, рѣшительности и самопожертвованію. Рабочіе должны *при всякомъ случаѣ*, какъ *во время борьбы*, такъ и послѣ нея, выставлять рядомъ съ требованіями буржуазныхъ демократовъ *свои собственныя*. Они должны требовать гарантій для рабочихъ, какъ только демократическая буржуазія обнаруживаетъ стремленіе взять въ свои руки бразды правленія. Они должны добыть себѣ эти гарантіи *во что бы то ни стало*, они должны вообще заботиться о томъ, чтобы новые правители надавали имъ какъ можно больше обѣщаній, обязались сдѣлать имъ всевозможныя уступки—*это самое вѣрное средство ихъ скомпрометтировать*. Рабочіе должны всячески отрезвлять опьянѣніе новой побѣдой, умѣрять восторги по поводу новаго положенія вещей, они это должны дѣлать путемъ спокойнаго и хладнокровнаго анализа текущаго момента и явно выраженнаго *недовѣрія* къ новому правительству..."

Скажите, гг. критики, положа руку на сердце, не находите ли вы здѣсь у Маркса полнаго подтвержденія правильности той тактики, которой держалось у насъ главнымъ образомъ лѣвое крыло с.-д. партіи? Намъ скажутъ: но вѣдь Марксъ ошибся тогда насчетъ дальнѣйшаго хода революціи въ Германіи. Это абсолютно ничего не измѣняетъ. Вопросъ идетъ о томъ: какова должна быть истинная *классовая* политика *пролетаріата*. А что она должна быть именно такая, въ томъ порука К. Каутскій, который приводитъ цитированное нами мѣсто въ написанномъ имъ въ іюнѣ 1906 г. предисловіи къ „Ком. Манифестѣ", приводитъ, какъ доказательство противъ гг. „критиковъ", бернштейніанцевъ, проповѣдующихъ „совмѣстное дѣйствіе съ буржуазіей" и ссылающихся при этомъ на „Манифестъ" Маркса.

VI.

Выше мы попытались опредѣлить сущность категорій „классъ" и „партія", ихъ различіе и отношеніе другъ къ другу. Но вопросъ объ отношеніи соц.-дем. партіи къ рабочему классу имѣетъ для насъ, с.-д., спеціальный интересъ: онъ служитъ въ настоящій моментъ предметомъ горячихъ обсужденій не только у насъ, но и на Западѣ. На послѣднемъ соц.-дем. Мангеймскомъ конгрессѣ, какъ извѣстно, была принята резолюція, признающая за профессіональнымъ движеніемъ въ Германіи *одинаковое* значеніе въ дѣлѣ развитія рабочаго класса, какъ и за движеніемъ соціалъ-демо-

кратическимъ. Съ другой стороны, у насъ тт. Аксельродъ и Плехановъ агитируютъ за *безпартійный* рабочій съѣздъ, которому предоставляется рѣшать судьбы нашей с.-д. *партіи.* И въ томъ, и въ другомъ случаѣ исходнымъ и оправдательнымъ пунктомъ является извѣстное положеніе, что „освобожденіе рабочихъ должно быть дѣломъ самого рабочаго класса", положеніе, защищавшееся Марксомъ и Энгельсомъ и раздѣляемое международной с.-демократіей. Однако, признаніе этого положенія не есть *отличительное* свойство марксизма. Его признавали и признаютъ англійскіе трэдъ-юніонисты, прудонисты различныхъ странъ, нынѣшніе французскіе синдикалисты, кооператоры со своею „самопомощью" и нынѣшніе „профессіоналы" въ Германіи. Но содержаніе, которое вкладывалось и вкладывается въ это положеніе различными теченіями въ рабочемъ движеніи, *различное*; и недаромъ это положеніе, которое является общимъ по своей формѣ, лежало въ основѣ статута „Интернаціонала".

Марксъ еще въ „Misère de la philosophie" подчеркнулъ громадное значеніе профессіональнаго движенія въ дѣлѣ организаціи рабочихъ въ классъ. Точно также важна роль и коопераціи, такъ какъ онѣ объединяютъ рабочихъ, обучаютъ ихъ самодѣятельности и содѣйствуютъ развитію ихъ классоваго самосознанія. На это указывалось неоднократно и „Интернаціоналомъ".

Но замѣчательно, что въ то время, какъ Марксъ ради цѣлей объединенія рабочихъ различныхъ странъ, рабочихъ, стоявшихъ на различныхъ ступеняхъ развитія, защищавшихъ различные интересы, преслѣдовавшихъ различныя цѣли, ради объединенія ихъ въ „Международную ассоціацію рабочихъ", счелъ возможнымъ временно отказаться отъ выставленія основныхъ положеній „Ком. Маниф." въ качествѣ программы этой ассоціаціи,— на что указываетъ и Энгельсъ,—онъ тѣмъ не менѣе въ составленномъ имъ учредительномъ манифестѣ „Интернаціонала" въ трехъ мѣстахъ подчеркиваетъ важность, значеніе и „первый долгъ" рабочихъ вести *политическую* борьбу. И это не случайность. Это требованіе вытекаетъ у него изъ самаго пониманія имъ сущности *классоваго* движенія. Пока рабочіе ведутъ чисто-экономическую борьбу, борьбу для защиты ихъ групповыхъ, профессіональныхъ интересовъ, до тѣхъ поръ ихъ движеніе не есть классовое движеніе. Оно становится имъ тогда, когда они выступаютъ на политическую арену, какъ *самостоятельная* сила, когда ихъ движеніе принимаетъ *общественный* характеръ въ широкомъ смыслѣ этого слова, когда они защищаютъ вмѣстѣ со своими *общіе* интересы со своей пролетарской точки зрѣнія; рабочіе выступаютъ, какъ классъ—стихійно или сознательно,—когда обнаруживаютъ „свою *историческую* самостоятельность, *свое*, свойственное имъ, *политическое* движеніе". Трэдъ-юніонистское движеніе въ Англіи представляетъ давно могучую экономическую силу, но *классовымъ* движеніемъ пролетаріата въ первую половину прошлаго вѣка было лишь *чартистское.*

Марксъ не даромъ съ такимъ нетерпѣніемъ ждалъ, когда, наконецъ, англійскіе рабочіе выступятъ самостоятельно въ области политики, т. е. съ опредѣленной, свойственной имъ, какъ классу въ его цѣломъ, *общественной программой.*

„Освобожденіе рабочихъ есть дѣло лишь самого рабочаго класса" для Маркса и Энгельса означаетъ не самостоятельную лишь защиту рабочими ихъ интересовъ въ предѣлахъ современнаго строя, нѣтъ, но и *уничтоженіе* классовъ *вообще.* Для нихъ рабочій классъ, какъ *классъ*, есть носитель опредѣленнаго соціальнаго строя, есть носитель *соціализма.*

Требуется продолжительная борьба труда съ капиталомъ, требуется длинный мучительный процессъ и *хозяйственнаго* развитія прежде чѣмъ рабочія массы, постепенно организуясь, проникнутся сознаніемъ этой своей *исторической* миссіи, пока онѣ поймутъ *дѣйствительныя* условія своего освобожденія. Въ противоположность утвержденіямъ г. Бернштейна, Марксъ въ „Ком. Маниф." строго отличалъ классъ отъ классовой партіи. Но несомнѣнно, что дѣйствительной пролетарской классовой партіей нужно считать только ту, которая, борясь за непосредственные интересы и цѣли пролетаріата, защищаетъ въ современномъ движеніи *одновременно* и *будущность* движенія, только ту партію, которая „на *различныхъ стадіяхъ* борьбы пролетаріата и буржуазіи *всегда* защищаетъ *интересы всего движенія*".

Марксъ прямо указываетъ, что организація пролетаріата въ классъ тѣсно связана съ образованіемъ политической партіи, которая, будучи авангардомъ этого *класса*, состоя изъ передовыхъ, сознательныхъ элементовъ его, и является носительницей и защитницей интересовъ и цѣлей пролетаріата, какъ *класса. Соц.-демократы*, какъ и коммунисты того времени, отличаются тѣмъ, что „они въ *практическомъ* отношеніи являются *самой рѣшительный, всегда толкающей впередъ* частью пролетаріата; въ *теоретическомъ* отношеніи они имѣютъ передъ остальной массой пролетаріата *то преимущество*, что они *сознаютъ условія, ходъ и общіе результаты пролетарскаго движенія*".

Профессіональное движеніе, повторяемъ, имѣетъ громадное воспитательное и организаціонное значеніе для пролетаріата, но пока оно остается „безпартійнымъ", т. е. пока оно не проникнуто соц.-демокр. духомъ, пока оно не подчиняетъ сознательно свое движеніе „конечной цѣли" пролетаріата, пока оно преслѣдуетъ *лишь интересы дня*,—до тѣхъ поръ говорить объ одинаковости значенія профессіональныхъ союзовъ съ соц.-демокр. партіей по меньшей мѣрѣ преждевременно. И резолюція Мангеймскаго конгресса по этому вопросу является несомнѣнной уступкой оппортунизму. Недаромъ ей рукоплещутъ наши кадеты... Здѣсь намъ невольно вспоминаются слова Энгельса, сказанныя имъ при разборѣ проекта Эрфуртской программы въ 1891 г.: „Игнорированіе великихъ важнѣйшихъ вопро-

совъ изъ-за *временныхъ интересовъ дня*, борьба и заботы о моментальномъ успѣхѣ безъ принятія во вниманіе позднѣйшихъ слѣдствій, игнорированіе *будущаго* движенія изъ-за *настоящаго*, можетъ быть, и „честно" мыслится, но это все-таки оппортунизмъ и останется всегда таковымъ. ***И честный оппортунизмъ можетъ быть самый опасный изъ всѣхъ***"...

Послѣ вышеизложеннаго намъ остается немного сказать о томъ, каково только можетъ и должно быть отношеніе нашей соц.-демократіи къ идеѣ безпартійнаго рабочаго съѣзда. Въ моменты *революціоннаго* взрыва, когда на политической аренѣ дѣйствуютъ *массы*, когда ихъ движеніемъ руководитъ *массовый инстинктъ*, который никогда не обманываетъ въ эпохи „Sturm и Drang'a",—въ такіе моменты с.-дем. можетъ смѣло довѣриться стихійному революціонному движенію пролетаріата. Исторія всѣхъ революцій показываетъ, что онѣ терпѣли крушеніе тогда, когда одерживало верхъ благоразуміе „реальныхъ", „интеллигентскихъ" политиковъ. Это—благоразуміе, которое оказывалось въ концѣ концовъ высшимъ неразуміемъ. Тайна силы всѣхъ крайнихъ партій во времена революцій заключается, какъ это указываетъ Лассаль, именно въ томъ, что онѣ довѣряютъ движенію „сѣрыхъ" массъ, политикѣ массъ. И рос. соц.-дем., которая является истинно-революціонной, пролетарской, *классовой* партіей, а не „интеллигентской", *такъ именно и поступала.*

Когда въ знаменитое 9 января петербургскій пролетаріатъ шелъ къ Зимнему дворцу съ *своей* петиціей, то, хотя онъ шелъ и подъ предводительствомъ попа-авантюриста и съ иконами въ рукахъ, тѣмъ не менѣе это движеніе было революціонное, стихійно-*классовое* пролетарское движеніе. И Роза Люксембургъ была совершенно права, когда выразилась, что въ тотъ день духъ Маркса виталъ надъ Петербургомъ; онъ виталъ надъ всей страной, когда пролетаріатъ по всей Россіи откликнулся живымъ эхомъ на это кровавое шествіе и въ потокахъ своей крови запечатлѣлъ свою *классовую* солидарность. Когда въ историческіе октябрьскіе-декабрьскіе мѣсяцы въ освободительномъ движеніи гегемонія принадлежала пролетаріату, когда сама жизнь выдвинула Совѣты Рабочихъ Депутатовъ, эти органы централизованной власти рабочихъ, *мѣстные* рабочіе конвенты, тогда с.-д. *сознательно* довѣрилась этому стихійному революціонному пролетарскому потоку, и въ *этомъ была ея сила*. Она отдала безпартійнымъ боевымъ органамъ пролетаріата свои лучшія силы именно потому, что въ эти *революціонные* дни инстинктъ толкалъ широкія пролетарскія массы въ направленіи, указанномъ Марксомъ. С.-д. поэтому-то и играла главенствующую роль въ этихъ рабочихъ совѣтахъ. И если новый революціонный шквалъ потребуетъ появленія на сцену центральнаго боевого органа пролетаріата—Всероссійскаго Совѣта Рабочихъ Депутатовъ,—то с.-демократы.

первые выскажутся за созывъ такого безпартійнаго рабочаго съѣзда, и первые созовутъ его. Совсѣмъ другое дѣло—во времена затишья, во времена сравнительно пониженнаго революціоннаго настроенія. Въ такіе періоды с.-д. должна твердо стоять на своемъ посту, никому не отдавать своего революціоннаго оружія, ни съ кѣмъ не дѣлить своего идейнаго руководства пролетаріатомъ, а наоборотъ, сильная своимъ научнымъ пониманіемъ историческаго хода вещей, сильная своимъ отборнымъ, боевымъ, революціоннымъ пролетарскимъ составомъ, должна продолжать развивать, организовывать, будить и подготовлять пролетаріатъ къ новому революціонному подъему. Созывъ безпартійнаго рабочаго съѣзда въ такое время является для с.-д. безусловно опаснымъ, и она должна отвѣтить на это отрицательно. И добро бы, если бы подъ именемъ такого съѣзда проектировался созывъ различныхъ активныхъ, революціонныхъ, пролетарскихъ организацій съ цѣлью выработки новыхъ методовъ борьбы, съ цѣлью координированія мѣстныхъ революціонныхъ дѣйствій, съ цѣлью выработки общаго плана кампаніи на случай, когда хлынетъ новая революціонная волна. А то предлагается созывъ *безпартійнаго* рабочаго съѣзда съ цѣлью реорганизаціи на *новыхъ началахъ* соц.-дем. *партіи*, съ цѣлью созданія новой, „рабочей“ партіи, съ цѣлью дать с.-дем. *новое направленіе*! И продѣлать это „харакири“ надъ собой предлагается... самой р. с.-д. партіи! На какую же наивность ея членовъ надѣются гг. иниціаторы этого съѣзда. Они мотивируютъ свой проектъ тѣмъ, что нынѣшная россійская с.-д.— „интеллигентская“. Старыя сказки кадетовъ и прочихъ нашихъ противниковъ! Сама жизнь лучше всего это доказываетъ. Съ тѣхъ поръ, какъ дѣйствительно интеллигентская группа „Освобожденія труда“, вооружившись методомъ научнаго соціализма, создала с.-д. программу для Россіи, съ тѣхъ поръ прошло 23 года. Понадобилось цѣлыхъ 15 лѣтъ, пока россійскіе соц.-демократы, преодолѣвая громадныя препятствія, путемъ кропотливой, кротовой работы въ *пролетарской* средѣ, камень за камнемъ, кружокъ за кружкомъ, союзъ за союзомъ не сложили, не соединили въ нынѣшнюю с.-д. *рабочую* партію. Можно смѣло сказать, что за послѣднія десять лѣтъ на пространствѣ всей Россіи, отъ Архангельска до Одессы и Баку, отъ Варшавы до Владивостока россійскій пролетаріатъ борется подъ непосредственнымъ идейнымъ руководствомъ его авангарда соціалъ-демократовъ изъ его же *собственной* среды. И тт. Плехановъ и Аксельродъ не могутъ этого не знать. И мотивы созыва „рабочаго съѣзда“, поэтому, вовсе иные, а не „интеллигентскій“ характеръ с.-д. партіи. Если раньше расколъ въ нашей средѣ и объяснялся чисто-организаціонными разногласіями, то теперь дѣло обстоитъ серьезнѣе. За послѣднее время среди р. с.-д. рѣзко обозначились два теченія, вызванныя различнымъ пониманіемъ задачъ *классовой* пролетарской политики и связанной съ ней тактики. Наряду съ революціоннымъ направленіемъ „большевиковъ“ существуетъ,

но, нашему убѣжденію, оппортунистическая струя у „меньшевиковъ“. И эта послѣдняя, въ силу условій переживаемаго нами момента, теряетъ все больше и больше почву подъ ногами. И вотъ для укрѣпленія своей позиціи поднимается вопросъ о безпартійномъ съѣздѣ рабочихъ въ надеждѣ, что такимъ путемъ удастся растворить „безразсудный“ революціонизмъ партійныхъ рабочихъ въ благоразумномъ поссибилизмѣ безпартійной массы. И гг. инициаторы такого съѣзда обращаются къ самой с.-д. партіи съ такимъ проектомъ именно потому, что надѣются на *правое* крыло ея, въ рукахъ котораго находится въ настоящее время „дирижерская палочка“, и которое, поэтому, можетъ поддержать этотъ проектъ. Но они ошибаются: с.-демократія en masse не пойдетъ на этотъ опасный для партіи экспериментъ. Какъ велики бы ни были наши разногласія, разрѣшить ихъ можетъ и должна *сама* партія, *своими собственными силами*, въ *своей собственной средѣ*, а не аппеллируя къ другимъ партіямъ или къ малосознательной безпартійной массѣ. И если у насъ въ настоящее время дебатируется вопросъ о новомъ *партійномъ* съѣздѣ, то это вызывается не стремленіями къ „дирижерской палочкѣ“—мы слишкомъ уважаемъ товарищей того и другого крыла партіи, чтобы приписывать имъ *такія* цѣли,—а настойчивыми требованіями момента. Пусть при этомъ не ссылаются на трудности, расходы по созыву с.-д. съѣзда, пусть не говорятъ намъ и о частотѣ такихъ съѣздовъ у насъ: если нѣмецкіе наши товарищи въ *мирное* время собираются ежегодно, если французскіе еще чаще, если наши кадеты въ теченіе года сочли нужнымъ созвать *четыре* съѣзда, то намъ въ такое *военное* время, когда жизнь течетъ такъ быстро, когда каждый мѣсяцъ—годъ, намъ, такой жизненной партіи, собираться часто прямо-таки *необходимо*... [1]).

Иниціаторы „безпартійнаго рабочаго съѣзда“ грозятъ намъ повернуться спиной къ партіи, если ихъ проектъ провалится. Это можетъ вызвать лишь улыбку. Пусть они попробуютъ своими средствами, *помимо* с.-д. партіи, собрать такой съѣздъ, и они сейчасъ же убѣдятся, что ихъ идея—дѣйствительно „интеллигентская“ затѣя, а что нынѣшная р. с.-д. партія—истинно *рабочая* партія.

---

[1]) Наша статья была написана въ сентябрѣ. Въ первыхъ числахъ ноября была созвана конференція р. с.-д. р. п., которая по вопросу о рабочемъ съѣздѣ приняла слѣдующую резолюцію: „Конференція полагаетъ, что активные шаги по организаціи созыва рабочаго съѣзда совершенно недопустимы и являются нарушеніемъ партійной дисциплины до тѣхъ поръ, пока по этому поводу не состоялось соотвѣтственнаго рѣшенія партійнаго съѣзда. Поскольку же дискуссіи по вопросу о рабочемъ съѣздѣ ведутся въ партійной прессѣ и на собраніяхъ, онѣ не должны выходить изъ границъ чисто принципіальнаго обсужденія“. На этой же конференціи былъ рѣшенъ вопросъ о созывѣ въ ближайшемъ будущемъ *партійнаго* съѣзда.

Когда-то Либкнехтъ бросилъ буржуазной печати, поднявшей дикіе крики восторга по поводу обнародованія Энгельсомъ Марксовой критики Готской программы, замѣчаніе: „Wir sind keine Marxianer und keine Lassalianer, wir sind Socialdemokraten", и мы, рядовые р. с.-д. партіи можемъ и должны смѣло заявить: „Мы не Плехановцы и не Ленинцы, мы соц.-демократы". Каковы бы ни были недостатки нашей организаціи,—а это является во многихъ отношеніяхъ слѣдствіемъ тѣхъ ненормальныхъ внѣшнихъ условій, въ которыхъ мы находимся,—какія бы уродливыя формы ни приняла въ настоящее время „верхушка" русской вѣтви международнаго с.-д. дерева, несомнѣнно одно, что ядро ея свѣжо, сильно и крѣпко, что эта вѣтвь будетъ расти, расширяться, цвѣсти и приносить обильные плоды. И россійскій пролетаріатъ подъ руководствомъ этой все углубляющейся и развивающейся с.-д. партіи будетъ и впредь идти отъ побѣды къ побѣдѣ, пока не осуществитъ полностью своей великой исторической задачи.

А. Финнъ-Енотаевскій.

С.-д. партія и выборы.

(Окончаніе).

II.

Политическая дѣйствительность и тактика „большевиковъ".

Нельзя удовлетвориться ходячими объясненіями причинъ переживаемой реакціи. Правительственная политика, выражающаяся въ грубомъ насиліи надъ обществомъ въ подавленіи всякой попытки политической самодѣятельности,—фактъ слишкомъ очевидный и яркій, чтобы съ нимъ не считаться, но развѣ онъ представляетъ собой что-нибудь новое въ русской жизни? Массовое движеніе прошлаго года началось послѣ бойни 9 января и въ глубокой внутренней связи съ нимъ январскія жертвы въ Петербургѣ (а ихъ было больше, чѣмъ даже при покореніи Москвы доблестнымъ сухопутнымъ адмираломъ) не остановили активнаго протеста рабочихъ въ Польскомъ, Прибалтійскомъ краѣ и Кавказѣ. Массовые разстрѣлы, тюрьма и ссылка проходятъ красной нитью черезъ весь годъ великой революціи, нисколько не понижая революціонности настроенія пролетаріата и не удерживая его отъ активныхъ выступленій на улицахъ и площадяхъ, свѣжеобагренныхъ кровью погибшихъ товарищей. И наиболѣе революціонная толпа подъ выстрѣлами разсѣивается, но только для того, чтобы снова сомкнуть свои ряды. Мертвыхъ и раненыхъ подбираютъ, а живые идутъ впередъ. Но если даже признать, что высшія формы репрессіи, въ видѣ карательныхъ отрядовъ и военно-полевой юстиціи, устранили самую возможность массоваго открытаго выступленія, то вѣдь въ прошломъ году революціонная борьба разыгралась не столько на площадяхъ и улицахъ, сколько на фабрикахъ и мастерскихъ, въ собраніяхъ и обществахъ, въ печати, школѣ и семьѣ. Слишкомъ ясно, что правительство, обладавшее тогда еще всей полнотой власти, не отказывалось добровольно отъ усмиренія и установленія порядка. Но движеніе выросло настолько вширь и вглубь, что нельзя было уже справиться съ нимъ; самая жестокая полицейская репрессія—единственно, на что вообще способно правительство—не достигала цѣли, такъ какъ то, что приводило въ движеніе массы, было

въ сознаніи ея, руководило ея чувствомъ, входило, какъ составная часть душевной жизни широкихъ слоевъ населенія. Что это было и почему оно же проявляется въ такой формѣ теперь? Вотъ вопросы, которые занимаютъ всѣхъ политически-мыслящихъ людей, всѣ партіи и группы. Конечно, на нихъ различно отвѣчаютъ, но отвѣтить приходится, такъ же, какъ и приходится приспособить свою тактику къ тому или иному объясненію причинъ переживаемаго момента реакціи. Соціалъ-демократіи больше, чѣмъ кому-либо другому, нужно было бросить взглядъ назадъ, чтобы провѣрить, не сбилась ли она гдѣ-нибудь съ правильнаго пути, такъ какъ политическая дѣйствительность въ очень многомъ не совпала съ разсчетами и планами партіи. Не входя пока въ обсужденіе въ деталяхъ, какъ справилось съ этой задачей каждое изъ теченій с.-демократіи, нужно отмѣтить, что анализъ настоящаго положенія сравнительно съ прошлымъ привелъ партію къ единодушному рѣшенію: принять участіе въ выборахъ не только для того, чтобы усилить агитацію въ массахъ и положить начала ея политической партійной организаціи, но и для того, чтобы довести выборы до ихъ естественнаго конца, создавши с.-демократическую группу въ Думѣ.

Что же заставило измѣнить старую тактику бойкота, въ защиту которой выдвигалась въ свое время стройная система доказательствъ? Выяснилось ли, что она не оправдала возлагавшихся на нее надеждъ или же въ политической обстановкѣ произошли настолько глубокія перемѣны, („ситуація измѣнилась"), что участіе въ выборахъ не угрожаетъ уже тѣми печальными послѣдствіями для будущаго Россіи, на которыя указывали сторонники бойкота?

Бывшіе бойкотисты объясняютъ перемѣну своего отношенія къ выборамъ измѣненіемъ политическаго положенія. Что же именно измѣнилось въ немъ? Въ свое время (это было очень недавно!) Н. Ленинъ обосновывалъ необходимость бойкота слѣдующими соображеніями: участвовать въ выборахъ не нужно, во-первыхъ, потому, что полицейскія условія, отсутствіе свободы агитаціи не позволяютъ партіи выступить свободно, какъ партіи революціоннаго пролетаріата; во-вторыхъ, участіе с.-демократіи въ выборахъ способно затемнить въ сознаніи массы революціонные лозунги момента, подмѣнить борьбу за Учредительное Собраніе борьбой за участіе въ Думѣ, участіе въ недостойной пролетаріата игрѣ въ парламентаризмъ.

Нѣтъ нужды подробно доказывать, что полицейскія условія, если и измѣнились, то только къ худшему. Есть полное основаніе думать, что выборы пройдутъ безъ широкой предвыборной агитаціи на массовыхъ собраніяхъ. Вполнѣ вѣроятное запрещеніе собраній с.-демократической партіи лишитъ с.-демократовъ и этой возможности использовать „свободу" собраній въ партійныхъ цѣляхъ. Также мало основаній разсчитывать на агитацію путемъ широко-доступной легальной партійной прессы,—ее не допустятъ. А что касается арестовъ возможныхъ кандидатовъ въ выборщики и депу-

таты, то вѣдь они не прекращаются и ко времени выборовъ примутъ, вѣроятно, открыто-циническій характеръ. Соціалъ-демократія будетъ вынуждена вступить въ общеніе съ широкой массой только тѣми путями, какіе она выработала въ своемъ нелегальномъ существованіи. Даже на предвыборныя собранія рабочихъ, если они будутъ допущены, партійные люди не всегда будутъ имѣть доступъ.

Если бы с.-демократія выдвигала свободную партійную агитацію, какъ предпосылку своего участія въ выборахъ, ей пришлось стоять теперь за бойкотъ еще въ большей степени, чѣмъ раньше, такъ какъ выборы произойдутъ въ самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ въ этомъ отношеніи.

Итакъ, несомнѣнно, что лѣвая сторона партіи (такъ она себя называетъ!) имѣетъ въ виду перемѣну иного характера, когда она говоритъ, что „ситуація измѣнилась". Измѣнилось отношеніе народа къ Думѣ, разсѣялись „конституціонныя иллюзіи". Народъ убѣдился уже, что у него нѣтъ парламента, нѣтъ гражданскихъ и политическихъ правъ и нѣтъ надежды на мирное парламентское завоеваніе ихъ. Участіе с.-демократіи въ выборахъ теперь уже не можетъ понизить общаго революціоннаго настроенія и не отвлечетъ революціонную энергію, какъ это было бы раньше. Скорѣе наоборотъ—оно способно внести единство въ настроеніе и дѣйствія массы, какъ въ моментъ предвыборной агитаціи, такъ и въ дальнѣйшій періодъ, когда Дума будетъ созвана. Тактика бойкота оставляется не потому, что онъ оказался непригоднымъ орудіемъ борьбы, а только потому, что политическій моментъ выдвигаетъ другіе пріемы, болѣе дѣйствительные при настоящихъ условіяхъ. Таково „оффиціальное" объясненіе. Соотвѣтствуетъ ли онъ тѣмъ реальнымъ, объективнымъ условіямъ, которыя заставили бывшихъ бойкотистовъ отказаться отъ прежней тактики? Что собственно разсѣяло конституціонныя иллюціи? Бойкотъ выборовъ? Какъ ни вѣрятъ бывшіе большевики въ силу революціоннаго слова въ настоящій политическій моментъ, они не могутъ не признать, что агитація за бойкотъ не имѣла рѣшительно никакого вліянія на исходъ выборовъ, что даже далеко не всѣ рабочіе послѣдовали партійному лозунгу, что въ Думѣ образовалась рабочая группа еще раньше появленія „разрѣшенныхъ" соціалъ-демократовъ, группа, съ которой партія должна была войти въ постоянныя сношенія. „Вѣдь Дума уничтожила конституціонныя иллюзіи народа и прояснила его политическое сознаніе не рѣчами своихъ ораторовъ, а главнымъ образомъ тѣмъ, что въ столкновеніяхъ Думы съ правительствомъ и думскихъ партій между собой разоблачался истинный характеръ стремленій и домогательствъ какъ правительства, такъ и отдѣльныхъ партій" [1]). Такъ говоритъ авторитетный большевикъ теперь и, конечно, нѣтъ рѣшительно никакихъ основаній предполагать, что фракція большевиковъ не предугадывала заранѣе

[1]) „Вѣстникъ Жизни", № 13. *П. Р—цевъ.*

такого исхода. Она вѣдь всегда особенно оттѣняла, что самодержавіе еще не ликвидировано, а Дума безвластна, столкновеніе между ними такъ же неизбѣжно, какъ и неизбѣжно пораженіе послѣдней. Правильный учетъ реальнаго соотношенія силъ долженъ былъ бы создать у большевиковъ твердую увѣренность, что вѣра въ Думу не можетъ держаться долго, и конституціонныя иллюзіи неизбѣжно смѣнятся трезвымъ отношеніемъ къ политической дѣйствительности. Въ тотъ моментъ, когда страна готовилась къ выборамъ, не было рѣшительно никакихъ указаній на возможность перемѣны правительственной тактики, а потому и кадетская „мирнообновленская" агитація не могла имѣть никакого длительнаго вліянія, не могла ничего измѣнить въ грядущемъ неизбѣжномъ столкновеніи правительства съ Думой. Не было основаній бояться за будущее—даже ближайшее будущее—политическаго сознанія народа.

И дѣйствительно тактика бойкота диктовалась иными соображеніями. Думу нужно было сорвать не потому, что она угрожала затемненію сознанія въ будущемъ, а для того, чтобы она не мѣшала опредѣленнымъ дѣйствіямъ въ настоящемъ [1]). „Тактика бойкота преслѣдовала извѣстныя цѣли: максимальная цѣль—помѣшать созыву Думы, чтобы тѣмъ скорѣе разрѣшить политическій конфликтъ помимо Думы; минимальная—по возможности отвлечь широкіе круги населенія отъ участія и попустительства тому торгу, который вела съ бюрократіей либеральная буржуазія, чтобы продать народное право на свободу и самоопредѣленіе за чечевичную похлебку умѣренно-либеральныхъ реформъ".

Болѣе конкретно это формулируется Ленинымъ [2]). „Въ большинствѣ мѣстъ Россіи кипитъ гражданская война. Затишье здѣсь можетъ быть только временное. Подготовка вновь и вновь необходима. Нашей партіи соединять это съ дѣломъ выборовъ по закону 11 декабря и нецѣлесообразно, и практически неосуществимо".

С.-демократическая партія должна была отказаться отъ участія въ выборахъ, чтобы отдаться всецѣло опредѣленной практической работѣ подготовки открытаго массоваго движенія: с.-демократія должна была всѣми средствами мѣшать подготовкѣ къ выборамъ (помните проповѣдь активнаго бойкота, похищеніе списковъ, терроръ по отношенію къ мирнымъ избирательнымъ собраніямъ), чтобы отвлечь широкія народныя массы отъ „недостойной игры" и ихъ втянуть въ активныя дѣйствія. Тактика бойкота имѣла въ своемъ основаніи глубокую вѣру, что страна готова къ массовому движенію, обѣщающему болѣе полно и рѣшительно ликвидировать старыя политическія отношенія, чѣмъ это сдѣлала бы наилучше составленная Дума. Поэтому нужно было не понижать революціоннаго давленія, а наоборотъ—сконцентрировать его, направить въ одно мѣсто, и

[1]) „Вѣстникъ Жизни", № 11. *Б. Авиловъ*. 17 стр.

[2]) „Госуд. Д. и с.-д. тактика", 3 стр.

такую роль должна была взять на себя с.-демократія въ союзѣ съ наиболѣе революціонными демократическими партіями.

Тактика бойкота была видна обывателю своей пассивной стороной, большевики выдвигали ея активную сторону. „Не выбирать, отстраниться отъ наиболѣе крупнаго акта политической жизни всего народа“—такъ представлялось первымъ. „Не выбирать, чтобы всѣ усилія и средства направить на непосредственную активную борьбу за Учредительное Собраніе помимо Думы“—говорили бойкотисты.

Какъ извѣстно, „меньшивики“ выдвинули въ этотъ моментъ другую тактику: участіе въ низшихъ ступеняхъ выборовъ съ цѣлью использовать ихъ „для агитаціи, организаціи пролетаріата и политическаго воспитанія его“.

Принципіальныхъ возраженій эта тактика не встрѣтила; тѣмъ не менѣе „большинство отказалось отъ нея и стояло за бойкотъ, потому что видѣло въ немъ болѣе дѣйствительное средство, потому что надѣялось добиться тѣхъ же или еще большихъ результатовъ прямой революціонной организаціей, избѣгая пользоваться какими бы то ни было легальными формами, чтобы не смутить ясности и прямоты пролетарски-революціонной тактики. Неминуемъ новый общій подъемъ революціоннаго движенія, можетъ быть, болѣе близкій, чѣмъ думаютъ наиболѣе оптимистичные въ нашей средѣ“ [1]). Въ этихъ словахъ полностью выражается пониманіе „большевиками“ момента передъ выборами и въ нихъ лежитъ объясненіе бойкота. Наканунѣ революціоннаго подъема, обѣщающаго смыть виттевскую Думу, какъ была смыта булыгинская, участвовать въ выборахъ преступно и равносильно измѣнѣ дѣлу революціи. Цензурныя условія, къ сожалѣнію, не позволяютъ привести буквально формулировку и выводы большевиковъ въ этотъ моментъ. Они очень ярко выражены въ проектѣ резолюцій къ объединительному съѣзду. Но и то, что было здѣсь изложено, достаточно ясно и опредѣленно указываетъ, что̀ лежало въ основаніи тактики бойкота этой весной.

Что же заставило большевиковъ отказаться отъ этой тактики теперь? Прямого отвѣта на этотъ вопросъ „бывшіе“ большевики не даютъ. Центръ тяжести вопроса они переносятъ въ другое мѣсто, доказывая, что участіемъ въ выборахъ нисколько не мѣняется ихъ принципіальная точка зрѣнія. Ситуація, молъ, измѣнилась. Раньше участіе въ выборахъ поддерживало конституціонныя иллюзіи, теперь, когда онѣ разсѣяны, эта опасность исчезла, участіе въ выборахъ уже не можетъ затемнить революціоннаго сознанія.

Нѣсколько болѣе конкретно они отвѣчаютъ на вопросъ: для чего нужно принять участіе въ выборахъ и имѣть представительство въ Думѣ? Анализируя эти отвѣты, можно получить разрѣшеніе и перваго вопроса.

„Исторія показала, что когда собирается Дума, то является возмож-

---

[1]) „Партійныя извѣстія“, № 1, стр. 5.

ность полезной агитаціи изнутри ея и около нея; что тактика сближенія съ революціоннымъ крестьянствомъ противъ кадетовъ возможна внутри Думы. Это кажется парадоксомъ, но такова, несомнѣнно, иронія исторіи: именно кадетская Дума особенно наглядно показала массамъ правильность этой анти-кадетской, скажемъ для краткости, тактики. Исторія безпощадно опровергла всѣ конституціонныя иллюзіи и всю „вѣру въ Думу", но исторія безусловно доказала извѣстную, хотя и скромную, пользу такого учрежденія для революціи, какъ трибуны для агитаціи, для разоблаченія истиннаго „нутра" политическихъ партій" [1]).

„Первую Думу мы не могли сдѣлать орудіемъ революціи. Тогда еще не были изжиты массой населенія конституціонныя иллюзіи и Дума являлась противовѣсомъ того способа борьбы, который не далъ непосредственнаго успѣха въ декабрѣ и январѣ. Теперь при измѣнившейся политической конъюнктурѣ Дума при участіи и подъ сильнымъ давленіемъ лѣвыхъ можетъ быть превращена въ органъ массоваго народнаго движенія, въ центръ, который связалъ бы въ одно цѣлое народныя массы и могъ бы направить ихъ къ одной общей цѣли. Сочетать дѣятельность Думы съ открытымъ выступленіемъ народныхъ массъ—вотъ наша очередная задача" [2]).

„Удастся намъ организовать избирателей въ мощную боевую силу, удастся связать ихъ съ нашими депутатами, удастся использовать выборы, а потомъ и Думу для расширенія и углубленія общественнаго движенія, удастся прочно втянуть въ политическую жизнь массы рабочаго класса и крестьянства,—и намъ не страшна будетъ даже самая черносотенная Дума" [3]).

Что же произошло? Не надо принимать участія въ выборахъ, потому что оно способно отвлечь революціонный народъ отъ его непосредственной задачи—говорили весною. Надо принять участіе въ выборахъ, чтобы „сочетать дѣятельность Думы съ открытымъ выступленіемъ массъ", чтобы втянуть въ политическую жизнь массы рабочаго класса и крестьянства"—говорятъ теперь. Въ глазахъ бывшихъ большевиковъ выборы пріобрѣли теперь то значеніе, котораго они раньше не замѣчали потому, что не видѣли реальнаго положенія вещей. „Неминуемъ общій подъемъ, можетъ быть, болѣе близкій, чѣмъ думаютъ наиболѣе оптимистичные"—вотъ что

---

1) „Пролетарій", № 1. „О бойкотѣ".

2) „Вѣстникъ Жизни", № 11. *Б. Авиловъ.* „Наша тактика и Гос. Д." Приводя эту цитату, мы находимся въ нѣкоторой нерѣшительности. Не окажется ли она еретической съ большевистской точки зрѣнія? По крайней мѣрѣ въ № 7 „Пролетарія" сказано: „Въ будущей Думѣ, какъ въ цѣломъ, мы рѣшительно отказываемся видѣть какое бы то ни было орудіе, а тѣмъ болѣе центръ революціонной борьбы".

3) „Вопросы Дня", № 1. *И. Степановъ.*

всецѣло владѣло ими. Прошло время, и то, что казалось такъ близко весною, къ зимѣ отступаетъ все дальше и дальше. „Нашъ лозунгъ—Учредительное Собраніе—оказался тысячу разъ вѣрнымъ, но жизнь, т. е. революція, вела къ нему болѣе долгимъ и запутаннымъ путемъ, чѣмъ мы въ состояніи были предвидѣть“, говоритъ Ленинъ въ своей брошюрѣ „Роспускъ Думы и задачи пролетаріата“. Еще во власти теченія мыслей онъ готовъ назначить выступленіе къ концу лѣта и къ началу осени, къ срединѣ или концу августа, но вмѣстѣ съ тѣмъ не можетъ уже отдѣлаться отъ начинающихся сомнѣній,—однимъ словомъ при данномъ положеніи вещей, какъ оно сложилось теперь, въ моментъ роспуска Думы не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, что активная борьба ведетъ прямо и непосредственно къ возстанію. *Можетъ быть, положеніе вещей измѣнится, и тогда этотъ выводъ придется пересмотрѣть*“. Такъ писалось еще лѣтомъ. Прошла осень, прошли указанные сроки, а революціоннаго подъема все нѣтъ и не предвидится въ ближайшемъ будущемъ. Эти факты настолько краснорѣчиво говорятъ сами за себя, что дѣйствуютъ понемногу и на большевиковъ.

Неправильна оказалась оцѣнка высоты революціоннаго напряженія и распространенности революціоннаго чувства въ массѣ. Температура еще не такъ высока, чтобы ожидать скораго взрыва. Возникаетъ опасеніе, не уменьшилось ли количество или качество горючаго матеріала и приводитъ къ рѣшенію взять на себя задачу поднять температуру общественнаго кипѣнія активнымъ и планомѣрнымъ воздѣйствіемъ на сознаніе и настроеніе массы. Большевики стояли за бойкотъ, когда вѣрили въ ближайшее будущее всенароднаго возстанія. Большевики отказались отъ бойкота потому, что убѣдились въ неосновательности своихъ разсчетовъ въ данный моментъ.

Участіе въ выборахъ, безполезное и даже вредное въ первомъ случаѣ, пріобрѣтаетъ большое значеніе во второмъ, какъ средство пробудить массы, привести ихъ въ движеніе, широко распространить лозунги и положить начало организованнымъ дѣйствіямъ. На эту сторону указывали постоянно „меньшевики“. Какъ мы видѣли раньше, ихъ доводы встрѣчали не принципіальное отрицаніе, а возраженіе такого рода: нужно ли готовить массу косвенными путями, когда она уже готова идти напрямикъ?

Теперь большевики убѣдились, что еще не готова и рѣшаютъ прибѣгнуть къ испытаннымъ средствамъ. Большевики принимаютъ участіе въ выборахъ, потому что убѣдились, что соціалъ-демократіи нужно пока не столько технически организовать возстаніе, сколько пробудить и оформить политическое сознаніе массъ, вызвать въ ней активное отношеніе къ текущей политической жизни, держать ее въ постоянномъ напряженіи, возбужденіи; положить начало организаціямъ, обѣщающимъ сдѣлаться активными, самодѣятельными центрами мѣстной революціонной массовой жизни.

Большевики убѣдились, что Дума вразрѣзъ съ ихъ предположеніями и планами сдѣлалась дѣйствительно центромъ вниманія народа, сосредоточіемъ политической борьбы.

Поскольку соціалъ-демократія отстранилась сознательно отъ активнаго участія въ этомъ центрѣ, постольку же она попирала свое вліяніе въ широкихъ массахъ, поразительно яркое въ революціонные дни. Большевики отказались отъ бойкота, послѣ того какъ убѣдились, что народное движеніе пошло не помимо Думы, а вмѣстѣ съ Думой; чтобы не отдѣлиться отъ движенія, не отстать отъ него, большевики рѣшили принять участіе въ выборахъ, добиться своего представительства. Не предугадавъ пути, на которомъ сосредоточится политическая жизнь страны, большевики не могли уже, конечно, стать впереди ея, а вынуждены догонять движеніе, приспособляться къ формамъ, на образованіе которыхъ они никакого вліянія не имѣли.

Но теперь, вынужденные измѣнить свою тактику, выяснили ли они себѣ, что собственно произошло, почему народная масса пошла не тѣмъ путемъ, какой они намѣчали и къ которому звали; почему теперь, „разочаровавшись“ въ Думѣ (таково мнѣніе большевиковъ), народъ снова идетъ въ нее?

Отвѣтъ на эти вопросы не возбуждаетъ никакихъ сомнѣній, но его нужно извлечь анализомъ всего плана кампаніи большевиковъ.

Съ чѣмъ и для чего должны идти с.-демократы на выборы? „Никакихъ блоковъ и соглашеній на первой стадіи. Мы ведемъ исключительно с.-демократическую агитацію, и наши избиратели будутъ голосовать только за с.-демократическихъ выборщиковъ. Кампанія на первой стадіи будетъ для насъ такимъ образомъ и смотромъ нашимъ избирательнымъ силамъ, и средствомъ организаціи, объединенія этихъ силъ. Соціалъ-демократы—революціонеры раньше всего; мы въ самой избирательной кампаніи будемъ разоблачать непригодность Думы для осуществленія требованій пролетаріата и крестьянства; мы постоянно, какъ прежде, будемъ указывать народу, какъ на единственный исходъ изъ настоящаго положенія, какъ на единственное средство осуществленія нашихъ ближайшихъ требованій, на всенародное революціонное выступленіе за Учредительное Собраніе. Для насъ ни серединъ, ни компромиссовъ, ни соглашеній быть не можетъ... Наша избирательная тактика на первой стадіи и проста, и ясна. А дальше? На второй, на третьей стадіи? Здѣсь также ни блоковъ, ни соглашеній: простое распредѣленіе мѣстъ при наличномъ составѣ и данной политической группировкѣ выборщиковъ. А въ основу этой группировки мы положимъ не только отличіе либеральной монархической буржуазіи (кадетовъ) отъ радикальной и революціонной мелкой буржуазіи (трудовиковъ), но и отличіе трудовиковъ-оппортунистовъ (народно-соціалистическая партія) отъ трудовиковъ-революціонеровъ (с.-р. и близкимъ къ нимъ)“ [1]).

---

[1]) „Пролетарій“, 7. „С.-дія и избирательная кампанія“.

Планъ дѣйствій намѣченъ здѣсь ясно и опредѣленно, но раньше чѣмъ принять его или отвергнуть, нужно опредѣлить, соотвѣтствуетъ ли онъ основнымъ задачамъ партіи въ данный историческій моментъ, и каковы будутъ практическія послѣдствія его въ случаѣ успѣха. Выяснимъ эту послѣднюю сторону.

С.-демократія должна выступать совершенно самостоятельно на первой стадіи, чтобы исполнить свою основную задачу—революціонной агитаціи и организаціи—и исполнить ее такъ, какъ требуютъ принципы международной революціонной соціалъ-демократіи... „Мы охраняемъ—и мы этимъ гордимся—чистоту принциповъ м. р. с.-д.", говорятъ большевики.

Нѣтъ сомнѣнія, что с.-демократія вообще отличается отъ другихъ партій тѣмъ, что имѣетъ очень много общаго въ пріемахъ борьбы, не говоря уже о цѣляхъ, какъ бы различны ни были бытовыя, экономическія, политическія условія страны. Выводы, пріемы, принципы, установленные въ одномъ мѣстѣ, могутъ сохранять свою цѣнность и практическое значеніе въ другомъ, но нельзя все-таки забывать, что они были сдѣланы въ конкретной исторической обстановкѣ и служили опредѣленнымъ политическимъ цѣлямъ. Совпадаетъ ли эта политическая обстановка и политическія цѣли съ тѣмъ, что переживаетъ теперь Россія? Только въ томъ случаѣ, если отвѣтъ будетъ положительный, можно будетъ всецѣло довѣриться избирательной тактикѣ, выработанной западно-европейской практикой.

Какъ ни различна политическая обстановка, въ которой приходится жить и дѣйствовать соціалъ-демократическимъ партіямъ въ различныхъ странахъ, въ ихъ исторіи и теперешнемъ положеніи есть одна общая черта, опредѣляющая ихъ тактику: с.-демократія возникла въ тотъ моментъ, когда въ странѣ существовали свободныя представительныя учрежденія и весь народъ пользовался свободой слова, собраній, союзовъ и т. д., хотя бы и въ неравной степени. Пролетаріатъ, какъ таковой, принималъ активное участіе въ завоеваніи этихъ свободъ, но с.-демократическія партіи сложились и опредѣлились уже при наличности болѣе или менѣе широкихъ и свободныхъ политическихъ формъ. Наиболѣе рѣзкой и отличительной особенностью этого „парламентскаго" періода является зависимое положеніе правительства. Оно не можетъ стоять внѣ вліянія и воздѣйствія народа черезъ посредство партій—оно не можетъ противопоставлять свои желанія, свою программу ясно выраженному желанію большинства народа. Опирается ли оно прямо на парламентское большинство, какъ во Франціи, Англіи, Италіи и др., или косвенно должно считаться съ нимъ, какъ въ Германіи, правительственная политика является въ это время выраженіемъ интересовъ и взглядовъ тѣхъ или иныхъ общественныхъ классовъ, сильныхъ какъ своимъ вліяніемъ въ народѣ, такъ и своимъ численнымъ представительствомъ въ парламентѣ. Власть въ это время принадлежитъ или, вѣрнѣе

сказать, можетъ принадлежать тѣмъ общественнымъ классамъ, которые имѣютъ за собой или абсолютное большинство, или выражаютъ собой интересы этого большинства. Задача пріобрѣтенія власти — основная задача соціалъ-демократіи—разрѣшается пріобрѣтеніемъ вліянія въ народѣ путемъ распространенія партійнаго ученія и созданія партійной политической организаціи. Тамъ, гдѣ существуетъ всеобщее избирательное право и ничто не мѣшаетъ претворяться каждому увеличенію соціалъ-демократическихъ голосовъ въ увеличеніе парламентскаго вліянія партіи, тамъ полная самостоятельность с.-демократіи должна была бы найти наиболѣе рѣзкое и непримиримое выраженіе. Однако, тактика западно-европейскихъ соціалистическихъ партій далеко не всегда совпадаетъ съ этимъ теоретическимъ положеніемъ. Во Франціи соціалисты вступаютъ въ соглашенія съ радикалами и радикалами-соціалистами; въ Бельгіи — съ либералами, въ Испаніи — съ республиканцами. Германская партія наиболѣе послѣдовательно проводитъ самостоятельность своей избирательной кампаніи. Почему?.. Потому ли, что она во что бы то ни стало охраняетъ чистоту своей тактики, или же потому, что глубокое убожество и соціальная отсталость нѣмецкаго либерализма не позволяютъ извлечь никакой пользы изъ поддержки его путемъ избирательныхъ соглашеній; при перебаллотировкахъ же партія всегда голосуетъ за либерала противъ партіи центра и консерватора. И, наконецъ, еще очень недавно, когда соглашеніе съ буржуазной партіей обѣщало непосредственный практическій результатъ, с.-демократія въ Баваріи вступила въ избирательное соглашеніе съ центромъ для проведенія всеобщаго избирательнаго права. И баварцевъ не отлучили отъ партіи! Что лежитъ въ основаніи соціалъ-демократической тактики: стремленіе во что бы то ни стало сохранить свою самостоятельность на выборахъ какой бы ни было цѣной и при всякихъ условіяхъ, или фактическая невозможность, или безрезультатность соглашеній въ силу политической и соціальной реакціонности либеральныхъ классовъ и отсутствіе искренне-демократическихъ, не соціалистическихъ, вліятельныхъ народныхъ партій? Соціалистическія партіи на Западѣ не сдѣлали изъ „самостоятельности" догмата: въ случаѣ необходимости, когда соглашеніе съ буржуазной демократіей обѣщаетъ ускорить темпъ, хотя бы только демократическаго, движенія, оно признается вполнѣ пріемлемымъ для партіи тактическимъ пріемомъ. Становясь въ защиту „принципа" международнаго соціализма, большевики защищаютъ то, что этимъ соціализмомъ не возводится въ принципъ. А то, что пріобрѣло принципіальный характеръ въ жизни соціализма, никѣмъ изъ русскихъ соціалистовъ не отвергается. Никто изъ русскихъ соціалъ-демократовъ не совѣтуетъ отказаться отъ самостоятельной агитаціи и организаціи, никто не хочетъ смягчить или сгладить основныхъ принциповъ соціалистическаго пониманія дѣйствительности, отказаться отъ выясненія классовыхъ противорѣчій, необходимости самостоятельной политики и т. д., и т. д.

Большевики ни въ какомъ случаѣ не могутъ доказать, что рекомендуемая ими тактика—единственно допустимая, единственно соціалъ-демократическая. Для болѣе полной оцѣнки ея выяснимъ, какія практическія послѣдствія имѣло бы вполнѣ самостоятельное выступленіе с.-д. на первой стадіи выборовъ. О рабочей куріи говорить не будемъ; всѣ соціалъ-демократы единодушно признаютъ, что никакія соглашенія съ буржуазными партіями здѣсь невозможны, да они и ненужны. Спорнымъ вопросомъ является городъ. Текущая пресса достаточно выяснила, что сенатскія разъясненія исключили громадное большинство рабочихъ изъ разряда городскихъ избирателей, такъ что соціалъ-демократіи придется разсчитывать на такъ называемую мелкую буржуазію: приказчиковъ, ремесленниковъ, служащихъ въ частныхъ и общественныхъ предпріятіяхъ, лицъ либеральныхъ профессій. Что это—новый разрядъ избирателей? Нѣтъ, это тѣ избиратели, которые на прошлыхъ выборахъ голосовали за кадетовъ. Сравнивая списки избирателей передъ первыми выборами и теперь, приходится убѣдиться, что чисто-демократическій разрядъ избирателей въ общемъ сократился. Конечно, не всѣ избиратели голосовали раньше: возможно допустить, что усиленная агитація могла бы привести къ избирательнымъ урнамъ большее количество избирателей. Но вѣдь нѣтъ пока благопріятныхъ условій для агитаціи крайнихъ лѣвыхъ, зато особенно благопріятны эти условія для правыхъ. При общемъ подавленномъ настроеніи страны, при господствѣ репрессій и отсутствіи свободы собраній нѣтъ основаній разсчитывать на особенно исключительное активное участіе избирателей, сравнительно съ прошлымъ годомъ. Большая часть голосовъ, полученная с.-демократіей, будетъ принадлежать не новымъ избирателямъ, а отойдетъ отъ к.-демократовъ и, если соглашенія между ними не произойдетъ, обезпечитъ побѣду правыхъ. Чѣмъ энергичнѣе, шире и успѣшнѣе окажется агитація с.-демократіи въ городахъ, чѣмъ ближе она будетъ численно къ партіи кадетовъ, тѣмъ опредѣленнѣе и выше шансы правыхъ въ громадномъ большинствѣ городовъ, если всѣ партіи будутъ выступать совершенно самостоятельно. Предвидятъ ли эти послѣдствія большевики? Несомнѣнно, но, судя по всему, они не представляютъ себѣ всего значенія ихъ. Участвуя въ выборахъ поневолѣ, только чтобы не остаться внѣ политическаго вліянія, большевики мало интересуются реальной обстановкой выборовъ, своеобразными особенностями русской избирательной системы, съ которыми нужно считаться, чтобы добиться какихъ-нибудь положительныхъ результатовъ на выборахъ. И только поэтому они относятся такъ пренебрежительно къ исходу выборовъ въ городахъ, между тѣмъ какъ именно городскимъ выборщикамъ придется опредѣлить не только партійный, но вообще качественный составъ Думы. На губернскомъ избирательномъ собраніи компактная группа уѣздныхъ землевладѣльцевъ подъ октябристскимъ или мирнообновленскимъ флагомъ будетъ противостоять крестьянскимъ выбор-

щикамъ — рядовымъ крестьянамъ въ громадномъ большинствѣ случаевъ безъ партійной окраски, въ лучшемъ случаѣ оппозиціонно настроеннымъ противъ теперешняго режима насилія, въ общемъ же неспособнымъ избрать опредѣленную и самостоятельную политическую тактику, какъ показали трудовики въ Думѣ.

Очень часто городскіе выборщики своими голосами опредѣлятъ исходъ выборовъ и если правые побѣдятъ въ городахъ, то они побѣдятъ и въ губернскомъ избирательномъ собраніи. Но главная задача городскихъ выборщиковъ—оформить политическое положеніе крестьянскихъ выборщиковъ, сгруппировать ихъ въ партійныя организаціи. Самостоятельная побѣда с.-д. въ городахъ почти совершенно исключается: побѣда правыхъ оставитъ за бортомъ и кадетовъ, и с.-демократовъ; побѣда же кадетовъ противъ правыхъ и с.-демократовъ, гдѣ она окажется возможной, въ такой же степени уничтожитъ какое бы то ни было значеніе с.-демократовъ въ губернскомъ избирательномъ собраніи, сведя ихъ представителей къ группѣ въ нѣсколько человѣкъ рабочихъ-выборщиковъ, численно слишкомъ слабой, чтобы съ ней считались.

С.-демократіи угрожаетъ перспектива остаться совсѣмъ безъ депутатовъ въ цѣломъ рядѣ губерній или же своимъ избраніемъ она будетъ обязана не столько реальному значенію с.-демократическихъ выборщиковъ, сколько добровольному согласію другой группы или партій „удѣлить мѣстечко“. Таковы будутъ непосредственные результаты послѣдовательнаго проведенія большевистской тактики самостоятельнаго выступленія на первой стадіи выборовъ—для соціалъ-демократіи. Другимъ болѣе общимъ результатомъ будетъ во всякомъ случаѣ усиленіе правой въ Думѣ, причемъ не исключается возможность пріобрѣтенія его большинства или во всякомъ случаѣ очень значительнаго сравнительно съ прошлымъ числа голосовъ.

Но, конечно, тактика большевиковъ обѣщаетъ возмѣстить эти послѣдствія иными болѣе дѣйствительными средствами борьбы за политическую свободу и скорою, и рѣшительною побѣду. Полная независимость и самостоятельность партійнаго выступленія является совершенно необходимой предпосылкой для большевистскаго плана дѣйствій, потому что всякое соглашеніе заставило бы невольно смягчить, сгладить, а потому и ослабить программу дѣйствія, которую они намѣчаютъ для революціонно-настроеннаго населенія. Въ этомъ планѣ участіе въ выборахъ занимаетъ большое, но совершенно подчиненное мѣсто. Выборы нужно использовать, но только для того, чтобы возбудить массы широкой, страстной, революціонной агитацій, кристаллизовать чувство высшаго революціоннаго протеста массовыми организаціями и затѣмъ съ высоты думской трибуны поддерживать силу и глубину революціоннаго подъема. Участіе въ выборохъ есть только средство использовать представляющійся случай съ цѣлями подготовки общаго революціоннаго выступленія.

Но дѣйствительно ли это такъ, дѣйствительно ли предвыборный періодъ обѣщаетъ создать условія, особенно благопріятныя для агитаціи вообще, революціонной въ частности? Партійная агитація и организація лежитъ въ центрѣ дѣятельности соціалъ-демократовъ всегда и вездѣ; необходимость создать массовую организацію чувствуется уже очень давно россійской партіей. Втиснуть массовую организацію въ подполье оказалось невозможнымъ; революціонное настроеніе массы не оказалось насколько рѣзкимъ, глубокимъ, непрерывнымъ, чтобы успѣшно противостоять репрессивнымъ мѣрамъ. Внѣшняя полицейская реакція снова отдѣлила массы отъ партіи; вліяніе ея не исчезло, но доходитъ медленно и видоизмѣненнымъ другими вліяніями.

Думаютъ ли большевики, что с.-демократіи разрѣшатъ свои собранія или позволятъ выступать совершенно свободно и открыто на собраніяхъ другихъ партій? Пока нѣтъ никакихъ основаній разсчитывать на формальное расширеніе рамокъ агитаціи. Все, что сдѣлаетъ с.-демократія для революціонной агитаціи, она сдѣлаетъ нелегальнымъ путемъ, по которому она дѣйствуетъ все время съ постояннымъ, но крайне ограниченнымъ успѣхомъ.

Еще въ большей степени это примѣнимо къ организаціи. Мы уже видѣли, при какихъ условіяхъ массовыя организаціи имѣютъ успѣхъ и руководящее значеніе. Когда онѣ избраны открыто массой, открыто дѣйствуютъ и имѣютъ свои открытые исполнительные и техническіе органы,—однимъ словомъ, когда находятся въ постоянномъ живомъ и непосредственномъ общеніи съ массой. Н. Ленинъ вѣрно опредѣлилъ причину, почему пали Совѣты Рабочихъ Депутатовъ. Развѣ теперь внѣшнія условія благопріятны возрожденію массовыхъ, демократически избранныхъ организацій,—только онѣ имѣютъ широкое и длительное вліяніе. Рабочіе выборщики, конечно, формально соотвѣтствуютъ бывшимъ депутатамъ, но вѣдь главное затрудненіе не въ невозможности избранія, а въ отсутствіи условій для открытой дѣятельности. Нужно открыто признать, что предстоящіе выборы не обѣщаютъ ничего прибавить къ обычнымъ формамъ и пріемамъ агитаціи и организаціи, они не расширятъ формальныхъ рамокъ политической дѣятельности и не позволятъ массѣ, искусственно распыленной, создать себѣ активные, руководящіе центры.

Совершенно отвергая внѣшнюю возможность широкой открытой революціонной агитаціи и созданія длительной, активной массовой революціонной организаціи въ періодъ выборовъ, мы безусловно признаемъ, что участіе въ выборахъ замѣтно подымаетъ и сознательность, и активность массы. Задача партіи—позаботиться о томъ, чтобы этотъ подъемъ политической жизни не упалъ, чтобы онъ постоянно питался извнѣ и находилъ себѣ выраженіе въ массовой самодѣятельности. Обезпечивъ партіи возможность свободной агитаціи, съ парламентской трибуны можно сдѣлать первый

шагъ къ этому: думская дѣятельность с.-демократіи будетъ поддерживать и углублять сознательное отношеніе къ переживаемымъ событіямъ, будетъ помогать исканію путей къ разрѣшенію очередныхъ политическихъ вопросовъ.

Добиться с.-демократическаго представительства необходимо, чтобы закрѣпить агитаціонную работу предвыборной кампаніи, связать ее непрерывно съ дальнѣйшей агитаціонной дѣятельностью въ Думѣ и черезъ Думу.

Какія же практическія мѣры предлагаютъ большевики для обезпеченія необходимаго качественнаго и количественнаго состава думской с.-д. группы? Приводятъ ли они какія-либо фактическія данныя, подтверждающія возможность побѣды с.-демократіи при самостоятельномъ выступленіи? Конечно, нѣтъ, потому что ихъ и привести нельзя. Жертвуютъ ли практическимъ успѣхомъ—избраніемъ депутатовъ—чистотѣ „принципа"? Нѣтъ. Поставленные передъ угрозой остаться безъ депутатовъ, большевики принуждены отказаться отъ проведенія принципа во всей чистотѣ. На недавно состоявшейся с.-д. конференціи большевики внесли резолюцію, гласящую что „исключенія допускаются лишь въ крайнихъ случаяхъ и при томъ въ видѣ соглашеній только съ тѣми партіями и организаціями, которыя стоятъ на точкѣ зрѣнія необходимости рѣшительной борьбы и принимаютъ основные боевые лозунги момента" [1]).

Что здѣсь понимать подъ „крайнимъ" случаемъ? Перспектива побѣды праваго? Или же невозможность собственными силами провести с.-демократа? Изученіе текущей большевистской литературы показываетъ, что случай перваго рода не особенно озабочиваетъ [2]) большевиковъ, такъ что приходится принять, что подъ „крайнимъ случаемъ" нужно признать завѣдомую невозможность провести своего выборщика исключительно партійными силами.

Группы, съ которыми допускаются соглашенія въ этомъ случаѣ въ порядкѣ ихъ революціонности, располагаются такъ: соціалисты-революціонеры, народные соціалисты и трудовики.

Какое реальное значеніе можетъ имѣть соглашеніе съ ними? Являются ли они силой, стоятъ ли за ними компактныя массы населенія? Въ городахъ с.-р. вербуютъ своихъ сторонниковъ среди рабочихъ и интеллигенціи, и въ этомъ лежитъ источникъ борьбы между ними и с.-демократіей. Въ настоящій моментъ партія переживаетъ періодъ кризиса. Отъ нея отдѣли-

---

[1]) Общепартійная конференція. „Вопросы дня", № 2, стр. 9.

[2]) Укажемъ статью въ № 47 „Пролетарія", брошюру Ленина „О соглашеніяхъ", статью Н. Степанова на ту же тему въ „Вопросахъ дня". Нѣсколько иную позицію занимаетъ Авиловъ въ „Вопросахъ жизни" (№ 13) „О блокахъ".

лись народные соціалисты и максималисты. Послѣдніе увели съ собой много молодыхъ силъ, способныхъ оказаться полезными въ предвыборной работѣ. Вліятельны ли с.-р. въ деревнѣ? Въ Думѣ этого не было замѣтно. Приходится удовлетвориться этимъ отвѣтомъ, за неимѣніемъ другихъ, болѣе точныхъ. Нужно ли говорить о народныхъ соціалистахъ—группѣ интеллигенціи, слабой количественно, безъ связи съ населеніемъ или же использующей тѣ связи, которыя раньше принадлежали с.-р.?

Трудовики? Тѣ самые трудовики, о которыхъ говоритъ „Пролетарій": „Мы постановили, что въ случаѣ выборовъ необходимо избирательное соглашеніе на нѣсколько недѣль съ трудовиками. И мы разобьемъ тогда кадетовъ на голову!"

Исторія возникновенія и дѣятельности трудовой группы прошла передъ нашими глазами слишкомъ недавно, чтобы уже забыть ее. Мы знаемъ, какъ небольшая группа интеллигентовъ - крестьянъ объединила массу крестьянскихъ представителей вокругъ программы, гдѣ первое мѣсто занимала земля; какъ вся трудовая группа колебалась между практическими реформами к.-демократовъ и утопическими планами с.-ровъ, не имѣя никакой теоретической основы подъ ногами, не обладая силой и выдержкой, чтобы играть въ Думѣ роль, соотвѣтствующую ея численности. И, наконецъ, незадолго передъ роспускомъ Думы громадное большинство этой группы—главнымъ образомъ рядовые крестьяне—готовилось уже отпасть отъ своихъ духовныхъ руководителей и перейти подъ руководство партіи народной свободы [1]).

Возродится ли трудовая группа, оправдаетъ ли она ожиданія, возлагаемыя на нее всѣми крайними лѣвыми партіями,—вопросъ ближайшаго будущаго; во всякомъ случаѣ это партія крестьянская или опирающаяся на крестьянъ, и с.-демократы встрѣтятся съ нею только въ губернскомъ избирательномъ собраніи, если попадутъ туда, какъ городскіе выборщики. Трудовики же, какъ городская партія,—величина еще совершенно неизвѣстная, чтобы можно было опереться на нее. Да и, наконецъ, какія соціальныя группы могли бы составлять кадры ея членовъ: мѣщане, ремесленники, приказчики, служащіе въ частныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ. Наиболѣе сознательная часть этихъ группъ на прошлыхъ выборахъ голосовала за партію народной свободы. Уйдутъ ли они изъ нея?

Тутъ мы подходимъ близко къ одному изъ центральныхъ пунктовъ большевистской оцѣнки дѣйствительности. Сенатскія разъясненія сократили число демократическихъ избирателей, политическая реакція устраняетъ возможность широкой массовой агитаціи, обѣщающей привлечь индифферентные слои или разъяснить положеніе безсознательно примкнувшимъ къ правымъ.

1) Фактъ этотъ, сообщенный Петрункевичемъ, нигдѣ не опровергнутъ.

Исходъ выборовъ зависитъ главнымъ образомъ отъ перераспредѣленія уже голосовавшихъ избирателей. Крайніе лѣвые будутъ вербовать своихъ сторонниковъ главнымъ образомъ изъ тѣхъ слоевъ, которые раньше голосовали за „народную свободу". Побѣда крайнихъ лѣвыхъ мыслима только въ томъ случаѣ, если громадное большинство бывшихъ кадетскихъ избирателей откажетъ этой партіи въ поддержкѣ и перейдетъ къ болѣе лѣвымъ. Произошла ли такая перемѣна въ настроеніи избирателей, и почему она произошла?

Большевики отвѣчаютъ на первый вопросъ положительно: избиратели въ массѣ полѣвѣли. Во время первыхъ выборовъ они повѣрили к.-демократамъ, что Дума разрѣшитъ всѣ очередные наболѣвшіе политическіе и экономическіе вопросы, и дали большинство партіи народной свободы. Теперь, послѣ роспуска Думы, народъ убѣдился, что Дума никакой власти не имѣетъ, такъ какъ правительство не желаетъ уступать ей этой власти, что нѣтъ никакихъ надеждъ добиться свободы и права черезъ Думу. К.-демократы же попрежнему стоятъ на „конституціонномъ" пути, все болѣе утверждаясь въ своей тактикѣ: приспособлять свои дѣйствія къ рамкамъ закона. Между избирателями и партіей народной свободы не можетъ уже произойти соглашенія, всѣ наиболѣе активно настроенные народные слои (крестьянство и городская мелкая буржуазія) пойдутъ теперь за тѣми, кто обѣщаетъ выходъ изъ теперешняго положенія, указываютъ путь къ побѣдѣ, хотя бы и черезъ борьбу: народъ уже созналъ, что безъ борьбы, массовой открытой борьбы, не освободиться отъ бюрократически-помѣщичьяго ига.

Эта оцѣнка политическаго настроенія массы стоитъ въ основѣ всѣхъ политическихъ построеній большинства, является главной опорой ихъ,— разобраться въ ней необходимо. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ основѣ всѣхъ массовыхъ народныхъ движеній лежатъ интересы, настойчиво требующіе удовлетворенія и не находящіе его при данныхъ политическихъ и соціальныхъ условіяхъ. Также несомнѣнно, что главнымъ интересомъ крестьянства является „земля", что политическая группировка крестьянства всецѣло опредѣлилась отношеніемъ различныхъ партій къ этому лозунгу. И въ Думу крестьянство пошло за „землею". Если бы крестьянская масса дѣйствительно „сознала", что у нея нѣтъ надежды получить землю при теперешнихъ политическихъ условіяхъ, неужели она осталась бы спокойной? Періодъ, когда у массы открывались глаза и развязывались руки, ознаменовался широкимъ стихійнымъ аграрнымъ движеніемъ. Могла ли она бездѣйствовать теперь, когда „убѣдилась" что земля и воля лежатъ въ ея собственныхъ рукахъ. Мыслимо, конечно, предположить, что крестьянство отказалось отъ старыхъ формъ разрушенія и перешло къ новымъ формамъ—непосредственной политической борьбы за пріобрѣтеніе власти (полновластное Учредительное Собраніе!) Гдѣ же проявленія этой борьбы? Со

времени роспуска Думы прошло около полугода, истекли всѣ сроки, на которые предполагались выступленія, къ хроникѣ же борьбы можно отнести только небольшое количество случаевъ столкновенія крестьянъ съ стражниками или карательными отрядами, причемъ въ громадномъ большинствѣ случаевъ крестьянамъ приходилось защищаться отъ нападенія. Сами по себѣ эти факты имѣютъ большое значеніе и безусловно показываютъ, что психологія крестьянства мѣняется, но они ни въ какомъ случаѣ не могутъ служить доказательствомъ, что крестьянство въ своемъ большинствѣ сознало необходимость открытаго революціоннаго выступленія. Аграрныя рабочія волненія въ городахъ въ 1905 г. показали, въ какія формы выливается движеніе, когда масса находится во власти какого-нибудь опредѣленнаго чувства или къ чему-нибудь сознательно стремится. Всѣ репрессіи въ этомъ случаѣ безсильны, пока не уляжется подъемъ и не разобьется вѣра. Въ крестьянствѣ не видно такого подъема и не чувствуется такой вѣры въ свои силы въ настоящій моментъ. Но если современная дѣйствительность не приводитъ никакихъ доказательствъ, что народная масса готова или только предрасположена къ открытому выступленію, то, можетъ быть, есть факты, подтверждающіе, что она разочаровалась въ Думѣ, признала ея негодность, безполезность для удовлетворенія своихъ нуждъ? Такое сознаніе можетъ проявиться очень легко въ бойкотѣ. Тамъ, гдѣ крестьянство не вѣритъ въ значеніе землеустроительныхъ комиссій, оно отказалось отъ избранія своихъ представителей. Намѣчается ли бойкотистское движеніе въ массѣ? Въ прессѣ появляются отдѣльныя рѣдкія сообщенія объ этомъ, но приводимые при этомъ мотивы бойкота указываютъ здѣсь на явленіе совершенно иного характера,—мотивомъ выступаетъ боязнь репрессій.

Но несравненно больше сообщеній о томъ, что крестьянство подбираетъ надежный составъ уполномоченныхъ, способныхъ противостоять давленію.

О бойкотѣ, какъ массовомъ явленіи, ничего не слышно; крестьянство идетъ въ Думу. И пока нѣтъ массовыхъ проявленій того настроенія, которое приписывается крестьянству, нѣтъ основанія признавать его существованіе. То же самое и въ городахъ!

Значитъ ли это, что опытъ съ Думой прошелъ безслѣдно въ народномъ сознаніи? Конечно, нѣтъ, но громадная масса населенія извлекла изъ него совсѣмъ не тѣ выводы, которые ей приписываютъ большевики. Народъ шелъ въ Думу съ вѣрой; разувѣрившись въ ней, онъ разочаровался и въ кадетахъ,—такъ говорятъ большевики.

А фактически дѣло происходило такъ: раньше народъ пытался удовлетворить свои нужды на свой ладъ, когда же появилась Дума и ему представилась возможность добиться удовлетворенія назрѣвшихъ потребностей, народъ довѣрилъ свое представительство тѣмъ, кто обѣщалъ ему защи-

щать его интересы. Обманули ли кадеты эти разсчеты, пошли ли они въ Думѣ вразрѣзъ со своими обѣщаніями, разошлись ли они рѣзко съ средними крестьянскими воззрѣніями на текущіе вопросы? Нисколько. И переходъ большинства крестьянъ-представителей подъ ихъ вліяніе наилучшимъ образомъ доказываетъ это.

Всѣ проекты Думы остались на бумагѣ не потому, что кадеты отказались отъ нихъ, а потому, что правительство распустило Думу. Поскольку крестьянство разобралось въ этомъ фактѣ, оно выяснило себѣ противоположность между народомъ и народнымъ представительствомъ, съ одной стороны, и бюрократіей—съ другой, оно сдѣлалось политически сознательнѣе, оно пришло къ выводу, что предстоитъ борьба. Какая? открытая революціонная борьба? О нѣтъ! Народная мысль развивается далеко не въ томъ направленіи, въ какомъ идетъ мысль большевиковъ. Она чрезвычайно консервативна и реалистична. Она видитъ вокругъ себя водруженную руку власти, карательные отряды, поголовныя массовыя истязанія и она не имѣетъ ничего, что можно было бы противопоставить насилію. Среди гнета и мрака открывается только одинъ путь къ удовлетворенію нуждъ, не терпящихъ отлагательства,—Дума—и народъ идетъ по этому пути. Громадное большинство идетъ еще съ полной вѣрой, такъ какъ не успѣло и не умѣло усвоить урокъ, такъ какъ полно внутренняго безсознательнаго убѣжденія, что народныя желанія, высказанныя всѣмъ народомъ, неизбѣжно превратятся въ законъ; громадному большинству населенія еще предстоитъ усвоить различіе между правомъ народа на распоряженіе своими судьбами и формальными рамками закона. Меньшинство—болѣе сознательное—уже усвоило урокъ. Но какъ?! Плетью обуха не перешибешь—вотъ выводъ изъ этого урока. Неудачи всѣхъ революціоныхъ выступленій, торжество репрессій, молчаніе народа,—все это убѣдило многихъ и многихъ, что нужно измѣнить тактику. Кадеты чутко уловили эти ноты въ настроеніи извѣстныхъ слоевъ населенія и оформили ее въ цѣломъ рядѣ ясно формулированныхъ положеній. Путь, намѣченный крайними лѣвыми, не удовлетворяетъ потому, что не указываетъ конкретныхъ способовъ для безпомощной массы; потому, что предполагаетъ уже такое высокое состояніе революціоннаго напряженія и организованности, какого въ массахъ народа нѣтъ. Путь, предлагаемый кадетами, понятенъ массѣ своей конкретностью, своей послѣдовательностью и кажущейся исполнимостью. Первый обѣщаетъ многое, но многое и требуетъ, второй даетъ меньше, но больше соотвѣтствуетъ пассивной настойчивости массъ.

Конкретная политическая обстановка толкаетъ политически-пробуждающуюся массу по линіи наименьшаго сопротивленія—въ Думу, и толкаетъ съ опредѣленной практической цѣлью—разрѣшить очередные вопросы. Кадеты, не вполнѣ приспособляясь къ конкретнымъ условіямъ, предлагаютъ народу опредѣленные ему, понятные и доступные пріемы борьбы.

Всѣмъ извѣстно, что партія народной свободы представляетъ соединеніе различныхъ общественныхъ группъ и ея программа насильно стремится отвѣтить на всѣ интересы ихъ. Вполнѣ вѣроятно, что возникновеніе самостоятельныхъ политическихъ организацій внутри той или другой изъ этихъ общественныхъ группъ, болѣе точно и близко обслуживающихъ ихъ профессіональные интересы, болѣе соотвѣтствующихъ ихъ общественно-психологическому укладу и болѣе близко связанныхъ съ ними организаціонно, образованіе такихъ партій могло бы, конечно, отвлечь часть голосовъ отъ партіи народной свободы. Но вытекаетъ ли отсюда неизбѣжно пораженіе кадетской тактики и торжество тактики крайнихъ лѣвыхъ? Нисколько! Въ представленіи большевиковъ большая демократичность состава политической группы или партіи отожествляется съ большей революціонностью настроенія и пріемовъ борьбы.

Въ дѣйствительности же революціонность опредѣляется характеромъ интересовъ, возможностью или невозможностью ихъ удовлетворенія при настоящихъ условіяхъ. Въ этомъ отношеніи крестьянство и мелкая городская буржуазія находятся въ иныхъ условіяхъ, чѣмъ рабочій классъ. Удовлетвореніе очередныхъ экономическихъ нуждъ послѣдняго находится внѣ власти правительства—это настолько очевидно, что между рабочими (какъ классомъ) и правительствомъ не можетъ образоваться даже случайнаго союза, временной связи, основанной на сознательномъ обманѣ или недоразумѣніи. Наоборотъ—разрѣшеніе аграрнаго вопроса или, вѣрнѣе, частичное удовлетвореніе земельной нужды безусловно находится во власти правительства и зависитъ отъ той или иной политики. Послѣднія аграрныя мѣропріятія несомнѣнно кое-что сдѣлали. Выдвинувъ небольшой уголокъ вопроса, они заставили крестьянство потянуться за остальными, по пути, выбранному правительствомъ.

Крестьянству не приходится выбирать потому, что его сознанію не представляется выбора (рѣшительныя мѣры революціонеровъ, какъ мы доказывали, ничего не говорятъ трезвому реалистическому рядовому крестьянину). Ему нужна земля, и онъ идетъ въ Думу за землею: условія полученія ея для него отступаютъ на второй планъ. Своимъ представителямъ крестьянство накажетъ требовать наиболѣе льготныхъ условій, но еще съ большей настойчивостью потребуетъ возможно болѣе скораго и рѣшительнаго разрѣшенія вопроса. Крестьянство идетъ въ Думу съ опредѣленнымъ планомъ—добяться непосредственныхъ результатовъ, хотя бы цѣной уступокъ. Мелкая буржуазія ставитъ вопросъ такимъ образомъ: во что бы то ни стало непосредственныхъ результатовъ, во что бы то ни стало выйти изъ теперешняго промежуточнаго положенія. Масса исходитъ не изъ теоретической возможности добиться многаго (она этой возможности не чувствуетъ), а изъ необходимости жить нормальной жизнью, закрѣпить въ формѣ права и закона то, до чего она доросла въ это время, исполь-

зовать всецѣло всѣ свои политическія пріобрѣтенія. Революціонныя событія 1905 года и опытъ Думы несомнѣнно повліяли на населеніе, прояснили его политическое сознаніе, выяснили для него роль правительства по отношенію къ народу, заставили цѣнить народное представительство. За два года народная масса, не знавшая до того, что такое народное представительство, сумѣла использовать его, сумѣла противопоставить свою ясно выраженную волю насилію власти, намѣтила свой путь поведенія. За время, протекшее со дня роспуска Государственной Думы, не произошло никакихъ событій, показывающихъ, что населеніе измѣнило этотъ путь, отказалось отъ надежды дѣйствовать въ Думѣ и черезъ Думу.

Таковы факты, характеризующіе настроеніе широкихъ массъ избирателей. Фактовъ, доказывающихъ существованіе активнаго революціоннаго настроенія въ массахъ, такъ мало, что дѣлать изъ нихъ „большевистскіе" выводы совершенно невозможно. Если бы с.-демократія и другія крайнія партіи, имѣющія связи съ массой, обратились бы къ ней своей положительной стороной, послѣдовательной и полной программой демократическихъ и соціальныхъ реформъ, онѣ нашли бы отзвукъ и привлекли бы къ себѣ большее или меньшее количество кадетскихъ избирателей. Но и въ этомъ отношеніи не приходится создавать себѣ особенныхъ иллюзій. Массовой открытой агитаціи нѣтъ и, вѣроятно, не будетъ, очныхъ ставокъ между партіями и избирателями не придвидится, а программа кадетовъ, традиціи, связанныя съ этой партіей, вліяніе, которымъ она пользуется въ извѣстныхъ кругахъ, еще долго будутъ удерживать въ ея рядахъ широкіе слои мелкой буржуазіи. Пробныя голосованія въ московскомъ обществѣ приказчиковъ показали, что большинство голосовъ будетъ голосовать за к.-д. партію.

Но если с.-демократія обратится къ избирателямъ въ городѣ съ большевистской тактикой, если она выставитъ своимъ лозунгомъ борьбу съ кадетами, откажется отъ положительной работы въ Думѣ и будетъ призывать къ открытому выступленію помимо Думы, тогда она безусловно не встрѣтитъ ни пониманія, ни сочувствія въ массѣ городскихъ избирателей и не можетъ надѣяться разбить кадетскіе голоса. И партія к.-д. была бы не партіей, если бы не сумѣла всецѣло использовать благопріятнаго для себя настроенія. С.-демократы получили бы аплодисменты за свое гражданское мужество, к.-демократы—голоса избирателей за свое благоразуміе.

Да, избиратели полѣвѣли, сдѣлались политически сознательнѣе, но ничто не указываетъ, что они восприняли „боевые лозунги момента". Кадетскіе голоса не перейдутъ въ массѣ на сторону боевой тактики, и крайнимъ лѣвымъ въ лучшемъ случаѣ удастся отвлечь только часть, а не большинство кадетскихъ голосовъ.

Разбить кадетовъ на-голову не удастся, но вполнѣ возможно разбить голоса лѣвыхъ въ пользу правыхъ.

Поставить на мѣсто кадетовъ „блокъ" революціонно-настроенныхъ пролетарскихъ и демократическихъ партій невозможно, потому что населеніе настроено не революціонно.

Полные оптимизма разсчеты с.-демократовъ-большевиковъ на с.-р., трудовиковъ и т. д. не имѣютъ рѣшительно никакой почвы подъ ногами. Первое дуновеніе дѣйствительности разсѣетъ ихъ безъ слѣда и покажетъ совершенно ясно печальныя послѣдствія плана дѣйствій, всецѣло основаннаго на замѣнѣ дѣйствительности „революціонными желаніями".

Ослѣпленные ненавистью къ кадетамъ, большевики забыли, что послѣдніе никогда не выражали классовыхъ интересовъ какой-нибудь одной опредѣленной общественной группы или класса, а шли по линіи, выражавшей ровнодѣйствующую различныхъ и противорѣчивыхъ вліяній, преобладающихъ въ каждый данный моментъ. Кадеты не создаютъ ту или иную тактику, а приспособляютъ ее къ среднему настроенію въ странѣ. Можно ли найти въ населеніи опору въ борьбѣ съ кадетами, точно отражающими преобладающія теченія въ широкихъ слояхъ городского населенія, не говоря уже о деревнѣ?

Поставивъ себѣ эту задачу, большевики ведутъ с.-демократію къ вѣрному пораженію. Дума соберется, Дума сдѣлается центромъ политической жизни страны. При отсутствіи широкой общественной свободы, дѣятельность Думы пріобрѣтетъ особенно сильное вліяніе, она будетъ воспитывать политически населеніе, она будетъ содѣйствовать распространенію тѣхъ или иныхъ политическихъ взглядовъ, тѣхъ или иныхъ пріемовъ борьбы, будетъ класть начало законамъ, обѣщающимъ создать основу новаго правового порядка.

И во всей этой работѣ с.-демократія не будетъ участвовать прямо, если она послѣдуетъ за большевиками, и въ борьбѣ съ кадетами потерпитъ пораженіе на выборахъ. Рѣшающій и первенствующій голосъ будетъ принадлежать кадетамъ или болѣе правымъ, если с.-демократамъ удастся разбить силу первыхъ.

Равнодѣйствующая Думы склонится значительно болѣе вправо, чѣмъ это было бы при наличности сильной количественно и качественно с.-демократической группы. Рабочій классъ, не имѣя представителей или имѣя ихъ слишкомъ недостаточно, не будетъ въ силахъ накладывать свою печать на законодательную дѣятельность въ тотъ моментъ, когда вліяніе его вполнѣ возможно. Выиграетъ ли отъ этого авторитетъ с.-демократіи въ глазахъ рабочаго класса?

Подведемъ итоги. Большевики отказались отъ бойкота поневолѣ, потому что масса не пошла за ними, не приняла ихъ тактики. Большевики не хотятъ сдѣлать вывода изъ того факта, что революція уже перестала

быть національной. Большевики не видятъ или не хотятъ видѣть, что Дума, явившаяся плодомъ борьбы, сосредоточила на себѣ вниманіе всего народа. За карательными экспедиціями и военно-полевыми судами большевики не замѣчаютъ, что отношеніе нѣкоторыхъ слоевъ къ революціи совершенно измѣнилось, сдѣлалось прямо враждебнымъ или индифферентнымъ, а внѣшнія условія ставятъ непреодолимыя препятствія массовой агитаціи и организаціи въ тѣхъ кругахъ, гдѣ онѣ возможны.

Большевики не видятъ, что глубокая національная революція много перемѣнила въ сознаніи даже неподвижныхъ классовъ, заставила правительство отозваться на нѣкоторыя наиболѣе острыя требованія, разрушила прежнюю неподвижность, представлявшую благопріятную почву для всеобщихъ взрывовъ. Убѣдившись раньше, что пролетаріатъ самъ по себѣ не въ силахъ вынести на себѣ всей тяжести революціи, большевики не замѣчаютъ, что крестьянство, выбранное ими въ союзники пролетаріату, идетъ своей линіей, несомнѣнно допускающей цѣлый рядъ совмѣстныхъ дѣйствій въ Думѣ и внѣ ея, но безусловно отклоняющейся отъ линіи большевистской тактики. Большевики не видятъ политической дѣйствительности; послѣдовавъ за ними, с.-демократическая партія можетъ потерять свое политическое вліяніе въ массахъ, перестанетъ быть партіей массъ и активнымъ факторомъ въ намѣчающейся творческой законодательной дѣятельности народа и его представительства.

Вл. Коганъ.

Литературныя замѣтки.

„Съ одной стороны, съ другой стороны"...

Нѣсколько словъ о Леонидѣ Андреевѣ.

По мнѣнію литературнаго обозрѣвателя газеты „Товарищъ", драма Леонида Андреева „Савва" „имѣетъ всю видимость содержательности, не будучи содержательной по существу"...

Этому утвержденію предшествуетъ характерное предисловіе: „Художники не въ силахъ подняться надъ дѣйствительностью на крыльяхъ творческаго обобщенія, просто умываютъ руки. Они легко говорятъ: ignoramus, не принимая той отвѣтственности, которая связана съ исканіемъ правды, они поверхностно „объективны" не потому, что постигли всю сложность жизни, но потому, что это спокойно, потому что это безпристрастіе ни къ чему не обязываетъ. И читатель, лѣнивый и нелюбопытный одобряетъ это удобное безпристрастіе. Оно и къ нему не предъявляетъ требованій. *Въ Саввѣ г. Андреева много такого безпристрастія. „Съ одной стороны... съ другой стороны, а, впрочемъ, Господь съ вами"* [1]).

Ошибочнѣе такой характеристики трудно что-либо представить.

Леонидъ Андреевъ, какъ писатель, именно тѣмъ и выдѣляется изъ цѣлаго ряда современныхъ художниковъ, что никогда не отписывается отъ дѣйствительности, умывая руки; никогда не пытается освободиться отъ отвѣтственности, которая связана съ исканіемъ правды; никогда не бываетъ поверхностно объективнымъ.

Онъ съ мукой подходитъ къ мученическимъ вопросамъ, онъ, въ жадномъ исканіи правды, не останавливается на внѣшнемъ описаніи дѣйствительности, а всей силой своего таланта стремится проникнуть въ ея сокровенный смыслъ,—вотъ почему произведенія Леонида Андреева такъ „нужны для жизни" и такъ „важны для тѣхъ, кто пытается разгадать ее; для тѣхъ, кто зубами впивается въ жизнь и грызетъ ее" и „творчески относится къ жизненной задачѣ".

---

[1]) См. № 85 „Товарища". „Литературныя Бесѣды" г. А. Горнфельда.

Если произведенія художника Савелова, друга доктора Керженцова [1]), были „интересны для сотни ожирѣвшихъ людей“, которыхъ они развлекали, то произведенія Леонида Андреева, въ особенности послѣднія, волнуютъ глубоко и захватываютъ тѣхъ „русскихъ мальчиковъ“, о которыхъ разсказывалъ въ трактирѣ Иванъ Карамазовъ своему брату Алешѣ.

Мы привели, однако, мнѣніе г. литературнаго обозрѣвателя въ виду того, что въ немъ, думается намъ, содержится отдаленный намекъ на характерную черту произведеній Леонида Андреева, въ особенности, произведеній второго періода.

Если вы вспомните его „Мысль“, „Жизнь Василія Ѳивейскаго“, „Къ звѣздамъ“, „Такъ было, такъ будетъ“, „Савву“,—васъ поразитъ то обстоятельство, что „свѣтлая, острая, упругая, какъ рапира, мысль“ художника съ одинаковымъ блескомъ приходитъ къ самымъ противоположнымъ выводамъ и, наконецъ, „превращается въ самую страшную изъ змѣй, ибо она прячется во мракѣ“.

Это отнюдь не то „удобное безпристрастіе“ съ его равнодушно-лѣнивымъ „съ одной стороны, съ другой стороны“,—это пытка, которую пережилъ докторъ Керженцовъ, когда его „единая мысль разбилась на тысячу мыслей, и каждая изъ нихъ была сильна, и всѣ онѣ были враждебны“.

Когда появилась въ печати „Жизнь Василія Ѳивейскаго“, съ этимъ произведеніемъ произошло то же, что съ статьей Ивана Карамазова о „церковныхъ судахъ“: она понравилась одинаково и атеистамъ, и церковникамъ. Церковники и атеисты торжественно объявили автора *своимъ*, и одинаково ошиблись въ авторѣ, который, если можно такъ выразиться, былъ „самъ не свой“.

Весѣда въ кельѣ О. Зосимы о статьѣ Ивана Карамазова, заявившаго: „нѣтъ добродѣтели, если нѣтъ безсмертія“, является глубокимъ проникновеніемъ въ психологическія основы такой раздвоенности.

— Блажены вы, коли такъ вѣруете, или уже очень несчастны!—сказалъ Ивану Ѳедоровичу старецъ Зосима.

— Почему несчастенъ?—улыбнулся послѣдній.

— Потому что, по всей вѣроятности, не вѣруете сами въ безсмертіе вашей души, не даже въ то, что написали о церкви и о церковномъ судѣ.

— Можетъ быть, вы правы! Но все же я и не совсѣмъ шутилъ...—вдругъ странно признался, впрочемъ, быстро покраснѣвъ Иванъ Ѳедоровичъ.

— Не совсѣмъ шутили, это истинно. Идея эта еще не рѣшена въ вашемъ сердцѣ и мучаетъ его. Но и мученикъ любитъ иногда забавляться своимъ отчаяніемъ, какъ бы тоже отъ отчаянія. Пока съ отчаянія и вы

---

1) См. „Мысль“, „Міръ Божій“, 1902 г., іюль, стр. 126.

забавляетесь—и журнальными статьями, и свѣтскими спорами, сами не вѣруя своей діалектикѣ и съ болью сердца усмѣхаясь ей про себя. Въ васъ этотъ вопросъ не рѣшенъ—и въ этомъ великое горе, ибо настоятельно требуетъ разрѣшенія“ [1]).

Что же представляетъ собою сердце Ивана Карамазова?

Въ бесѣдѣ съ Алешой въ трактирѣ-Иванъ Карамазовъ, этотъ большой Иванъ, Иванъ-могила неожиданно для себя, быть можетъ, проявилъ свою „двадцатитрехлѣтнюю желторотость“,—и признался брату: „Клейкія листочки, голубое небо люблю я—вотъ что! Тутъ *не умъ, не логика,—тутъ нутромъ, тутъ чревомъ любишь*, первыя свои молодыя силы любишь“.

Ивана самого поражаетъ это признаніе. Онъ *ничего не понимаетъ* „въ этой ахинеѣ“, но Алеша, этотъ тихій мальчикъ, прекрасно понимаетъ: „Нутромъ и чревомъ хочется любить—прекрасно ты это сказалъ, и радъ я ужасно за то, что тебѣ такъ жить хочется,—воскликнулъ Алеша.—Я думаю, что всѣ должны прежде всего на свѣтѣ жизнь полюбить.

— Жизнь полюбить больше, чѣмъ смыслъ ея?

— Непремѣнно такъ, полюбить прежде логики, какъ ты говоришь, непремѣнно, чтобы прежде логики, и тогда только я и смыслъ пойму“... [2]).

Сердце Ивана, „исходящее кровью,“—это арена, гдѣ *нутро* съ *логикой* борются, и въ этомъ „съ одной стороны, съ другой стороны“—великая трагедія мыслящаго человѣка.

Мнѣ думается, что послѣдняя драма Леонида Андреева—тоже трагедія мыслящаго художника, а не умыванье рукъ и не удобное безпристрастіе.

Обратимся, однако, къ самой драмѣ, отнюдь не собираясь въ небольшой замѣткѣ исчерпать ея богатое содержаніе.

Дѣйствіе происходитъ въ началѣ XX столѣтія.

Трактиръ въ монастырскомъ посадѣ; монастырь съ чудотворной иконой Спасителя и „гробомъ, въ которомъ лежалъ преподобный“; кладбище монастыря, гдѣ все старое и покосившееся; дорога, по которой изъ окрестныхъ селъ приходятъ „труждающіеся и обремененные“ къ стѣнамъ монастыря; по ту сторону дороги—черезъ рѣку—широкій видъ на окрестности луга: лѣса, села съ горящими на солнцѣ крестами церквей—вотъ обстановка, въ которой разыгрывается драма и развертываются дѣйствіе за дѣйствіемъ.

Трактиръ, монастырь, кладбище, раздолье лѣсовъ и полей—это не просто декораціи,—это громадные символы. Царство пошлости и безсмысленнаго гнета пріютилось за старыми, загаженными и грязными стѣнами трактира; спокойное благополучіе, построенное на человѣческомъ горѣ, темнотѣ слѣпцовъ и страданіяхъ калѣкъ и уродовъ,—вотъ что такое старый монастырь.

---

1) См. изд. IV, т. 12 собр. соч. Достоевскаго, стр. 85.

2) Т. 12, стр. 267.

Неизбывныя человѣческія страданія, отчаянье, послѣдняя надежда на чудо, огромное, неудержимое, стихійное движеніе на праздникъ слѣпыхъ и убогихъ, чающихъ исцѣленія,—вотъ о чемъ говоритъ утоптанная *дорога*, которую „въ рабскомъ видѣ царь небесный исходилъ благословляя", дорога, безконечною лентой протянувшаяся отъ стѣнъ монастыря къ бѣднымъ селеньямъ, въ „край родной долготерпѣнья"...

Объ отжившемъ, давно несуществующемъ, о томъ, что „погребено и не воскреснетъ вновь" говоритъ монастырское *кладбище* и о жизни живой, о свѣтлой безсознательной радости поетъ ликующая *природа*.

Передъ зрителемъ безконечной вереницей проходятъ монахи, богомольцы, странники, калѣки и убогіе, слѣпцы и уроды, слышенъ невнятный говоръ толпы, иногда выростающій въ дикій нечеловѣческій ревъ, передъ зрителемъ встаетъ и отдѣльная человѣческая личность, поставленная лицомъ къ лицу съ уродствомъ человѣческой жизни и нетлѣнною красою свѣта бѣлаго.

Гдѣ же выходъ?

Логика или нутро?

Та жизнь, которую устроили люди, невыносима. Это чувствуютъ всѣ участники драмы—и слѣпые, и зрячіе, и здоровые, и калѣки, и анархистъ Савва, и юродивый „царь Иродъ".

„Скинула одного ребенка, а на другомъ и сама Богу душу отдала. Что же! *Лучше, чѣмъ такая жизнь!*"—говоритъ беременная Пелагея, изнывающая надъ безсмысленнымъ мытьемъ половъ грязнаго трактира.

Мужъ Пелагеи—Тюха—пьетъ горькую. У него „кровь въ сердцѣ запеклась", и Пелагея просто объясняетъ это непрерывное пьянство: „съ вами нехотя запьешь, идолы!"

Егоръ Тропининъ, отецъ Тюхи, содержатель трактира, въ гробъ жену вогналъ—„до смерти заговорилъ, зуда проклятая. Говоритъ, говоритъ, зудитъ, зудитъ, а что ему надо—и самъ не знаетъ".

Дочь Тропинина—Липа,—четыре года проведшая тихо въ Москвѣ только за чтеніемъ книгъ, „должно быть, скоро уйдетъ" изъ этого пріюта.

„Ахъ, Савва,—говоритъ онъ брату,—если бы ты зналъ, какая у насъ здѣсь жизнь! Мужчины пьянствуютъ, бьютъ женъ, а жены"... и т. д.

Она видитъ здѣсь кусочекъ только жизни, но ея братъ Савва много бродилъ по свѣту, бывалъ и за границей, живалъ въ большихъ городахъ и ничего страшнѣе человѣка не видѣлъ, и въ этомъ онъ сходится съ „царемъ Иродомъ".—„Видѣлъ я, парень, много плохого,—говоритъ этотъ послѣдній,—а хуже человѣка ничего не видѣлъ".

По словамъ Саввы, люди „превратили землю въ помойную яму, въ бойню, въ жилище рабовъ, грызутъ другъ друга"...

Ясно, что такая жизнь невозможна, невыносима и должна быть измѣнена. Но какъ и чѣмъ?

Передъ Саввой, Липой, Тюхой, „царемъ Иродомъ", измученной толпой встаетъ этотъ вопросъ. Каждому на помощь приходитъ мысль, но у каждаго получается свое рѣшеніе.

Тюха и Сперанскій, который еще въ семинаріи два раза вѣшался, тѣ просто пришли къ отрицанію дѣйствительности. Они живутъ въ мірѣ мертвыхъ, потому что только мертвые знаютъ правду, они не имѣютъ настоящаго бытія, какъ другіе люди. „Разъ человѣкъ *сомнѣвается въ собственномъ существованіи*, такъ для него никакое занятіе необязательно", говоритъ блѣдный, какъ смерть, и худой, какъ скелетъ, Сперанскій.

И Тюха, и Сперанскій потеряли вкусъ жизни. Они чуютъ трупный запахъ, запахъ разложенія, они бродятъ вокругъ могилъ, они заглядываютъ въ лица мертвецовъ...

Липа, вялая, бездѣятельная, знаетъ одно дѣло—молится да книги читаетъ, въ молитву и книгу она *„уходитъ"*, какъ монахи въ монастырь—„съ вѣрой покойнѣе".

Она *боится* страданій людей и холодѣетъ отъ ужаса при мысли о томъ, сколько вокругъ страданій безцѣльныхъ, никому ненужныхъ, даже никому неизвѣстныхъ.

Что же она дѣлаетъ? Она взываетъ къ всемогущему Богу и ждетъ чуда, радости и забвенія.

Если для Тюхи и Сперанскаго никого и ничего нѣтъ, а „однѣ рожи" да „сонная греза", то для Липы мрачная и грязная дѣйствительность съ ея наглымъ обманомъ и пошлостью уходитъ въ какую-то голубую даль, одѣвается свѣтомъ мечты, точно ризою. „Пострадать за людей", дождаться чуда, надѣяться, что придетъ настоящая жизнь,—вотъ мечты Липы.

Она часто сидитъ съ закрытыми глазами, какъ очарованная, она всѣмъ своимъ существомъ „уходитъ" въ музыку души, и эта музыка внутренняго міра заполняетъ все вокругъ нея и заглушаетъ всѣ звуки земли, да и на землѣ она любитъ все старое, далекое, отчужденное.

Какъ же относится Савва къ дѣйствительности, этотъ человѣкъ, который однажды родился, родился и пошелъ смотрѣть, увидѣлъ церкви и каторгу, фабрики и картинныя галлереи, дворецъ и нору въ навозѣ?

Савва относится просто, даже слишкомъ просто!

„Надо уничтожить все"—вотъ рѣшеніе, которое подсказываетъ Саввѣ его „простой, мужицкій умъ".

„Голый человѣкъ на голой землѣ"—вотъ тотъ голый принципъ, изъ котораго Савва выводитъ возрожденье міра.

Если у Ивана Карамазова были сомнѣнья насчетъ одной только капли крови невиннаго ребенка, за которую онъ не хотѣлъ купить міровой гармоніи, ибо этого не хотѣлъ допустить его земной и эвклидовскій умъ, то для Саввы такихъ вопросовъ не существуетъ. Онъ, не колеблясь, перешагнетъ „черезъ океанъ крови".

„Огнемъ ихъ надо! Огнемъ!“—вотъ его девизъ.

Когда сестра въ бесѣдѣ съ Саввой спрашиваетъ послѣдняго: „Неужели тебѣ не жаль дѣтей? Сколько должно погибнуть ихъ!“—Савва даже не замѣчаетъ вопроса и по ассоціаціи вспоминаетъ, что дѣти его любятъ.

„Только бы самъ выдержалъ,—говоритъ Савва,—ну, а не выдержалъ—не въ своя, значитъ, сани сѣлъ. Міровая ошибочка произошла“.

То, что задумалъ и приводитъ въ исполненіе Савва, это только выводъ изъ его логическихъ посылокъ. Тутъ простой математическій разсчетъ.

Савва могъ бы сказать о себѣ словами Керженцова: „Какъ средневѣковый баронъ, засѣвшій, словно въ орлиномъ гнѣздѣ, въ своемъ неприступномъ замкѣ, гордо и властно смотритъ на лежащія внизу долины, такъ непобѣдимъ и гордъ былъ я въ своемъ замкѣ за черепными костями. Царь надъ собой, я былъ царемъ и надъ міромъ“.

Этого царя не страшатъ нечеловѣческія страданія, какъ Липу, а возмущаетъ и мучитъ неизбывная человѣческую глупость.

Онъ видитъ всюду не людей несчастныхъ, какъ видитъ Липа, а глупыхъ.

„Первое время, когда я читалъ ихъ газеты,—говоритъ Савва,—я смѣялся и думалъ, что это нарочно, что это издается въ какомъ-нибудь сумасшедшемъ домѣ для сумасшедшихъ. Но нѣтъ, это серьезно... И тогда *моей мысли стало невыносимо больно*“.

Мысль подсказала Саввѣ взорвать икону, на которой много налипло.

Интересно, что когда взрывъ произошелъ, но замыселъ не удался, такъ какъ икона была заранѣе удалена игуменомъ съ братіей и Савва достигъ обратнаго результата, Савва только укрѣпился въ правильности своего логическаго построенія „о голомъ человѣкѣ и голой землѣ“. „Я правъ, я правъ“, повторяетъ онъ въ какомъ-то полузабытьѣ, не замѣчая уже занесеннаго надъ нимъ смертельнаго удара.

Однако, не можетъ понять Савва радости Кондратія, сестры, толпы при вѣсти о „чудѣ“, ихъ вѣры, ихъ потребности вѣрить. „*У васъ мысли однѣ*, да гордость, да злость,—оттого вы и неп онимаете“, говоритъ ему Кондратій, послушникъ, преобразившійся подъ вліяніемъ чуда.

Савва—мститель. За его спиной все удушенное, но самъ онъ становится жертвой толпы, которая не захотѣла отдать своего бога. И первый ударъ получилъ Савва отъ того самаго „царя Ирода“, который лучше другихъ видѣлъ всю мерзость жизни, все ничтожество спокойнаго человѣка и всѣ свои надежды возлагалъ на „огонь“ только не земной, а небесный, на геену огненную.

Съ Саввой произошло то же, что съ народникомъ семидесятыхъ годовъ: его растопталъ мужицкій сапогъ. Огромное стихійное движеніе народа оказалось для Саввы „шагомъ смерти“.

„Въ нравственной жизни есть свои полюсы, и одного изъ нихъ пытался я достичь“, говоритъ въ одномъ мѣстѣ герой „Мысли“, докторъ

Керженцовъ. Савва пытался достичь полюса въ соціальной жизни и для достиженія его шагалъ черезъ нравственные полюсы безъ страха и сомнѣнья. Онъ вскользь говоритъ, что зарѣзалъ богатаго купца въ лѣсу, онъ покупаетъ на деньги, какъ Іуду, своего единомышленника, во имя правды; онъ хочетъ убить сестру, когда та разрушаетъ его планъ.

„Планъ“ „голый принципъ“, вотъ тотъ богъ, на алтарь котораго приносятся жертвы тѣмъ безстрастнымъ жрецомъ, который возвѣщаетъ безграничное право отдѣльной личности.

„Мы всѣ глядимъ въ Наполеоны“, говорилъ А. С. Пушкинъ. Савва не только глядитъ, онъ дерзаетъ.

Для него, какъ и для Керженцова, нѣтъ судьи, нѣтъ законовъ природы, нѣтъ недозволеннаго. „Вы можете представить себѣ міръ,—говоритъ Керженцовъ,—въ которомъ нѣтъ законовъ притяженія, въ которомъ нѣтъ верха, низа, въ которомъ все повинуется только *прихоти и случаю*? Я, докторъ Керженцовъ, этотъ новый міръ. Все можно“.

Все повинуется только прихоти, случаю, я этотъ новый міръ—вотъ основы міросозерцанія Саввы. Это—тотъ „утопизмъ упадка“, о которомъ упоминаетъ Г. Плехановъ въ своей книгѣ объ анархизмѣ.

Мало того, благодаря „духовному малокровію“ Савва не можетъ отдѣлить общественныя отношенія отъ фактовъ и отношенія людей замѣняетъ отношеніемъ вещей. Онъ хочетъ уничтожить факты и тѣмъ самымъ создать новаго человѣка, голаго человѣка безъ каржановъ; онъ хочетъ взорвать икону и подорвать у людей вѣру въ чудо, у тысячъ людей, которыхъ тьма, отчаянье и прежде всего зависимость отъ стихійныхъ силъ природы, „отъ неба“, въ процессѣ производства толкаютъ къ стѣнамъ монастыря.

Савва презрительно относится къ террористамъ, которые „бацъ!—глядь какого-нибудь воробья и прикончили. А черезъ минуту глядь—на этой же вѣткѣ другой воробей скачетъ“... „Ну можно ли вырубить здоровенный лѣсище, рубя по одному дереву, скажи на милость! А они такъ и дѣлаютъ: съ одного конца рубятъ, а на другомъ подрастаетъ. Пустое получается занятіе“.

А что дѣлаетъ Савва, собираясь бороться съ фактами, бороться съ „кускомъ дерева“,—развѣ не собирается вырубить здоровенный лѣсище? Развѣ не собирается противопоставить свое маленькое „я“ стихійному, неудержимому процессу, случай и прихоть—законамъ исторической необходимости?

И что же получается въ результатѣ? Игуменъ монастыря замыселъ Саввы, направленный къ ниспроверженію чуда, направилъ въ противоположную сторону. Савва хотѣлъ разсѣять тьму, а тьма поглотила его.

„Анархистъ—такой человѣкъ, который всегда и вездѣ достигаетъ противоположнаго тому, къ чему стремится“, пишетъ въ той же книгѣ Г. Плехановъ, и Савва, какъ видитъ читатель, оказался въ этомъ отношеніи

типичнымъ анархистомъ. Онъ затратилъ громадную энергію, а вышло, что онъ во имя мысли убилъ въ себѣ голосъ собственной природы, во имя революціи онъ служилъ дѣлу реакціи, во имя морали оправдывалъ безнравственность, во имя дѣла свободы онъ попиралъ всѣ права своихъ ближнихъ.

Кто же, наконецъ, правъ? Тюха и Сперанскій, отрицающіе действительность; Липа, подмѣняющая ее мечтой; „царь Иродъ", возлагающій всѣ свои упованія на жизнь будущаго вѣка, на страшный судъ и на небесный огонь; Савва, стремящійся „все разрушить"; толпа, требующая чуда, или, наконецъ, игуменъ, этотъ Василій Ѳивейскій наизнанку, фабрикующій чудо?

Каждый увѣренъ, что онъ правъ, каждый логиченъ по-своему и у всѣхъ логика приходитъ къ разнымъ выводамъ.

Савва видитъ въ чудотворной иконѣ кусокъ дерева; трактирщикъ Егоръ—хорошее средство „народъ облапошить", дураковъ, которымъ „что ни поставь"; Липа видитъ въ иконѣ ликъ страдальца, потемнѣвшій отъ павшихъ на него слезъ народныхъ, „царь Иродъ" видитъ въ немъ образъ такого же мученика, какъ онъ самъ, въ горѣ узнавшій правду; монахи, которые на селѣ по три бабы содержатъ и всюду видятъ дьявола, и въ иконѣ готовы видѣть обманъ, подмѣнъ, совершенный дьяволомъ; наконецъ, народъ видитъ въ ней заступника.

Гдѣ же правда? Неужели только мертвые знаютъ правду?..

И точно въ отвѣтъ на этотъ вопросъ, намъ слышится таинственная бесѣда Тюхи и Сперанскаго:

Тюха (таинственно). Куда это они идутъ, а?

Сперанскій. На поднятіе иконы. Завтра праздникъ, поднятіе иконы.

Тюха. Нѣтъ, а *по-настоящему*? По-настоящему, понимаешь?

Сперанскій. Понимаю. Неизвѣстно. Никому неизвѣстно, Антонъ Егорычъ!

Никому неизвѣстно—ни доктору Керженцову, который „думалъ, что онъ притворяется, а онъ дѣйствительно сумасшедшій", ни Саввѣ, ни Липѣ, ни „царю Ироду", ни Тюхѣ.

Какъ обитатели дома умалишенныхъ въ повѣсти „Призраки" видѣли въ разноцвѣтныя стекла пріемной комнаты не міръ Божій и не людей, а призраки, и каждый видѣлъ такіе призраки, какихъ хотѣла одна навязчивая идея, такъ и обитатели трактира и монастыря живутъ въ мірѣ призраковъ, не для нихъ свѣтитъ солнце, благоухаютъ поля и шумитъ темный лѣсъ.

Монахи „съ тѣнями да съ дьяволами возятся" и свѣтящихся червяковъ принимаютъ за глаза дьявола, а міряне новый гробъ принимаютъ за старый и отъ подмѣненнаго гроба у нихъ „зубы такъ же проходятъ".

Вы посмотрите, какими глазами они смотрятъ на міръ,—развѣ не говоритъ „царь Иродъ" Саввѣ: „Для меня, парень, и солнце не всходитъ. Для

другихъ всходитъ, а для меня нѣтъ. Другіе днемъ темноты не видятъ, а я вижу. Она промежъ свѣту, какъ пыль. Сперва взглянешь, какъ будто и свѣтло, а потомъ,—глядь, Господи!—небеса черныя, земля черная и все, какъ сажа... Тоска моя, тоска великая"...

Тоска великая—вотъ то единственное черное окно, въ которое видитъ „царь Иродъ" и небо, и солнце. Весь міръ передъ его взоромъ одѣвается траурнымъ покровомъ и единственно свѣтлая точка—это геена огненная, это небесный огонь...

Но этого мало, что всѣ герои драмы смотрятъ на міръ черезъ окна и видятъ то, что диктуетъ имъ навязчивая идея, они самихъ себя, свою природу, „голову свою въ застѣнокъ посадили".

Приглядитесь къ дѣйствующимъ лицамъ драмы: *лицъ-то* у нихъ и нѣтъ. Тутъ „никого нѣтъ—*однѣ рожи*... множество рожъ!" Тутъ не *былъ* XX столѣтія, а „*видѣнія*".

Даже самый монастырь въ знойный день „такой странный: какъ будто онъ виситъ въ воздухѣ, дунуть на него—и онъ заколышется и улетитъ"; даже многотысячная толпа, наконецъ-то дождавшаяся чуда, толпа, которая *ревет* „Христосъ воскресе" и убиваетъ Савву, жаждетъ исцѣленія калѣкъ и давитъ здоровыхъ,—даже эта толпа, эти „раскрытые рты, округлившіеся, расширенные глаза"—тоже „множество рожъ".

И не даромъ сквозь побѣдное пѣнье толпы, переходящее въ „дикій ревъ", слышится замирающій откуда-то смѣхъ Тюхи, того самаго мрачнаго Тюхи, который никогда не смѣялся и такъ боялся умереть отъ смѣха.

Авторъ „Мысли" и „Лжи", „Краснаго смѣха" и „Призраковъ" въ лицѣ Тюхи выводитъ какъ бы истолкователя собственныхъ настроеній.

Присмотритесь не глазами Тюхи, а своими глазами къ Саввѣ, Сперанскому, Липѣ, монахамъ, Егору,—развѣ не поражаетъ васъ какая-то двойственность образовъ? Это образы двойниковъ.

Чудится, что вы сидите въ полутемной комнатѣ, вѣтеръ надуваетъ бѣлую занавѣску въ окнѣ и колышетъ пламя свѣчи, слышится шопотъ Сперанскаго и Тюхи, а передъ вами плывутъ „рожи", „множество рожъ", плывутъ застывшія, мертвыя маски, каждая изъ нихъ выкрикиваетъ одну какую-либо мысль, а за этими рожами, за этими масками изъ пустыхъ глазныхъ впадинъ глядятъ „по-настоящему" тоскующіе глаза взаправдашнихъ скрытыхъ людей.

Какія настоящія лица за этими „рожами", иногда вы узнаете сразу, иногда только смутно догадываетесь, но всегда вамъ бросается въ глаза, что „рожа" вводитъ въ заблужденіе, что она изображаетъ не настоящее и не по-настоящему, совершенно обратное тому, что прикрываетъ.

Вотъ на моментъ изъ-за „рожи" мелькнуло свѣтлое лицо, съ молодымъ пушкомъ, лицо Саввы. Какой онъ мальчикъ! Онъ приходитъ въ восторгъ отъ того, что выигралъ шесть паръ ладыжекъ у десятилѣтняго

Мишки, онъ цѣлую ночь напролетъ слушаетъ ихъ сказки. Но вотъ проходитъ минута—и уже этого живого лица нѣтъ, на васъ смотритъ неподвижная мертвая маска, вы снова видите сутуловатую фигуру, видите раба навязчивой идеи и слышите голосъ другого, не настоящаго Саввы.

Сперанскій разсказываетъ о томъ, что ничего на свѣтѣ не существуетъ, о мертвыхъ, о смерти, о томъ, какъ онъ два раза вѣшался, и на васъ смотритъ мертвая маска.

Но вотъ разыгралась гроза. Сперанскій въ тревогѣ: какъ же онъ пойдетъ домой безъ зонтика и галошъ? Вѣдь онъ простудится...

Это голосъ живого, настоящаго Сперанскаго.

Итакъ, не быль, а видѣнія, не лица, а рожи — вотъ царство гордой мысли, превратившей голову изъ замка въ тюрьму...

Какъ же вырваться на свободу изъ этой тюрьмы, къ синему небу и клейкимъ листочкамъ?

Интересно, что отвѣтъ на этотъ вопросъ невзначай намѣчаетъ Савва, „настоящій" Савва въ разговорѣ со Сперанскимъ, который всюду несетъ съ собой трупный запахъ, даже ночью въ полѣ, когда слышно, какъ кричитъ коростель и природа празднуетъ пробужденіе жизни.

„А зачѣмъ вамъ знать, существуете ли вы или нѣтъ,—говоритъ Сперанскому Савва.—Вонъ небо, посмотрите, какое красивое! Вонъ ласточки. Травою пахнетъ... Хорошо!.."

Самъ Савва, какъ и Сперанскій, тоже отгородился тюремной стѣной и отъ неба, и отъ ласточекъ.

— Пойдемте въ лѣсъ,—зоветъ его послушникъ Вася—Идемте?—Но Савва не слышитъ, онъ уже снова въ плѣну у своей мысли, уже нѣтъ чуткаго къ радости жизни, настоящаго Саввы. Это уже человѣкъ отравленный, и отъ него „ихнею мертвечиной пахнетъ", человѣкъ, у котораго не разберешь, правду ли онъ говоритъ или шутитъ.

Вокругъ Саввы и Липы, монаховъ и богомольцевъ разлита необъятная, полная красокъ и благоухающей красоты, полная ликующей жизни природа. Она подходитъ къ человѣку, заглядываетъ ему въ лицо, приподнимая его маску, она говоритъ ему, зоветъ, угрожаетъ, а человѣкъ... не слышитъ...

Савва разсказываетъ Липѣ о бомбочкахъ и о лицахъ, которыя мѣшаютъ и которыхъ убираютъ...

За окномъ кричитъ пѣтухъ, нашедшій зерно и сзываетъ куръ...

Савва убѣждаетъ Кондратія взорвать „кусокъ дерева", предлагаетъ деньги этому человѣку, у котораго „давно мечтаньице есть — устроить трактиръ".

Темнѣетъ. Зарницы чаще безмолвно вспыхиваютъ. Онѣ въ разныхъ сторонахъ неба, и кажется при каждой вспышкѣ, что кто-то заглядываетъ черезъ ограду и башни во дворъ монастыря...

И на каждомъ шагу человѣка, скрывшаго лицо живое за мертвую

маску, выступаетъ свѣтлый ликъ природы и, быть можетъ, это единственное *лицо* во всей драмѣ.

Впрочемъ, нѣтъ не единственное!

Въ драмѣ Леонида Андреева не только выступаютъ дѣйствующія лица-рожи, послушные манекены логики. Это—„съ одной стороны".

„Съ другой стороны"—*нутро*, и представителемъ этой другой стороны является послушникъ Вася.

Вы помните, какъ доктору Керженцову, которому мысль измѣнила и его свѣтлый „замокъ сталъ тюрьмой", часто вспоминалась одна картинка. Эту картинку ему довелось видѣть осенью въ погожій солнечный день: крохотная дѣвочка въ ватномъ платьицѣ и въ капюшонѣ, изъ-подъ котораго только и видны были розовыя щечки и носикъ, крохотная собачка съ трусливымъ зажатымъ между ногами хвостикомъ, и няня, съ добрымъ и простымъ лицомъ.

Вы помните въ той же повѣсти сидѣлку Машу, которая, правда, ничего *не знала*, но въ одной изъ каморокъ ея нехитраго дома жилъ кто-то ей полезный, а у Керженцова „эта комната была пуста".

Вы помните, что самъ Керженцовъ уже послѣ убійства Савелова говорилъ о крохотной дѣвочкѣ съ розовыми щечками: „Тогда еще при взглядѣ на эту милую группу подъ яснымъ осеннимъ солнцемъ у меня явилось странное чувство, какъ будто разгадка чего-то, и задуманное мною убійство показалось мнѣ *холодною ложью изъ какого-то другого совсѣмъ особаго міра*".

Послушникъ Вася въ драмѣ „Савва" является тѣмъ же, чѣмъ была дѣвочка съ розовыми щечками или сидѣлка Маша въ повѣсти „Мысль".

Вася, точно посланникъ изъ забытаго взаправдашняго міра пришедшій оттѣнить людямъ-„рожамъ" ихъ „холодную ложь изъ какого-то другого совсѣмъ особаго міра", міра видѣній и призраковъ, міра, въ которомъ множество рожъ и нѣтъ человѣческаго лица.

И кажется вамъ на минуту, что Вася—„разгадка чего-то".

Молодой, круглолицый, крѣпкій, съ безсознательной радостью на лицѣ—Вася не призракъ, не „рожа", а сама жизнь, сама природа.

Онъ ходитъ какимъ-то танцующимъ шагомъ, онъ вѣчно бродитъ по полямъ и оврагамъ, у рѣки и въ лѣсу. Къ нему какъ нельзя болѣе подходятъ слова поэта: „Съ природой *одною онъ жизнью дышалъ*"...

Вокругъ него призраки шепчутся и уносятся въ міръ видѣній, а Вася всѣмъ своимъ *нутромъ* отдается общенью съ природой.

Улыбаясь осторожно, онъ машетъ рукой на какую-то птицу и шопотомъ говоритъ своему другу: „Спать пора, спать пора".

По цѣлымъ часамъ раздается въ лѣсу его „го-го-го!"

Вася—это „Панъ" въ подрясникѣ, и не даромъ игуменъ, поймавъ его въ лѣсу, напалъ на него со словами: „Лѣшій! Лѣсной духъ козлоногій!"

Этотъ *лѣсной духъ козлоногій нутромъ* чуетъ всюду жизнь такъ же, какъ Сперанскій своей *мыслью* всюду различаетъ только „трупный запахъ“. Не даромъ же Вася такъ не выноситъ Сперанскаго, и не даромъ же онъ такъ любитъ гулять по полямъ съ *настоящимъ* Саввой...

Великое для Васи не тамъ, гдѣ чудо и гдѣ люди въ религіозномъ безуміи давятъ женщинъ и выпускаютъ имъ кишки, или въ радостномъ экстазѣ хрюкаютъ, какъ отецъ Кириллъ: ци! ци!

Тоскуетъ, томится „духъ козлоногій“ среди этихъ обезумѣвшихъ, охваченныхъ одной мыслью о чудѣ или о борьбѣ съ чудомъ людей.

„Пойдемте въ лѣсъ!“—молитъ онъ...

Онъ задыхается, его свѣтлый ликъ темнѣетъ, онъ уже не идетъ танцующимъ шагомъ.

Отчего же все-таки Вася не уходитъ въ лѣсъ? Отчего онъ томится? Или не совсѣмъ благополучно и „съ другой стороны“!?

Спасаетъ ли „нутро“? Не коснулась ли здѣсь передъ лицомъ убійства Саввы, передъ лицомъ сфабрикованнаго чуда, передъ лицомъ несказанныхъ страданій и неизбывнаго горя человѣка, не коснулась ли отрава общественныхъ отношеній и этого „нутра“?

— Зачѣмъ онъ это? Зачѣмъ? Зачѣмъ?—тысячу разъ повторяетъ Вася.

Этотъ проклятый вопросъ „зачѣмъ“ уже внесъ цѣлую смуту въ душу Васи.

Нѣтъ болѣе Пана! Умеръ лѣсной духъ козлоногій! Пришла „мысль“...

И читатель—да и художникъ—самъ томится вмѣстѣ съ Васей.

Горе человѣческое идетъ, идетъ, а лѣсъ шумитъ, полный ликующей жизни. И не знаетъ художникъ человѣка, который сочеталъ бы въ себѣ гармонически и „нутро“, и „логику“, отдался бы человѣческому горю и слышалъ бы немолчный шумъ лѣса.

Въ этомъ незнаніи, въ этомъ „съ одной стороны, съ другой стороны“, повторяемъ, не умываніе рукъ, а трагедія...

Слушайте, что говоритъ Керженцовъ въ отчаяніи, которое трудно себѣ представить:

„Пока мое „я“ находилось въ моей ярко освѣщенной головѣ, гдѣ все движется и живетъ въ закономѣрномъ порядкѣ, я понималъ и зналъ себя, размышлялъ о своемъ характерѣ и планахъ и былъ, какъ думалъ, господиномъ. Теперь же я увидѣлъ, что я не господинъ, а рабъ жалкій и безсильный.

„Представьте, что вы жили въ домѣ, гдѣ много комнатъ, *занимали одну только комнату* и думали, что владѣете всѣмъ домомъ, и вдругъ вы узнали, что тамъ, въ другихъ комнатахъ, живутъ. *Да живутъ*. Живутъ какія-то загадочныя существа, быть можетъ, люди, быть можетъ, что-нибудь другое, и домъ принадлежитъ имъ. Вы хотите знать, кто они, но дверь заперта, и не слышно за нею ни звука, ни голоса. И въ то же время вы знаете, что тамъ, за этой молчаливой дверью, рѣшается ваша судьба“.

Все творчество Леонида Андреева—это попытка открыть молчаливую дверь въ другія комнаты большого дома. Читатель вдругъ слышитъ этотъ стукъ и вмѣсто фразы объ „удобномъ объективизмѣ“ онъ протягиваетъ руку художнику и говоритъ, какъ читатель-другъ: „Ищите и обрящете! Толцыте и отверзнится вамъ!“

Художникъ—не одинъ. Вся страна рвется изъ одной комнаты въ громадное помѣщеніе цѣлаго дома, „гдѣ живутъ“.

За молчаливой дверью рѣшается судьба, надо сломать проклятую дверь!

Надо сломать, а тогда и Вася „лѣсной духъ козлоногій“, и Савва, у котораго „однѣ мысли“, сумѣютъ и разрѣшить вопросъ „зачѣмъ“, и отдаться ликованью вольнаго міра, и возликовать на праздникѣ свободнаго человѣка!

В. Львовъ.

Замѣтки философа.

Еще объ искусствѣ и революціи.

На тему объ искусствѣ и революціи пишутъ теперь очень много, пожалуй, даже слишкомъ много. Это какой-то больной вопросъ, чувствуется въ немъ желаніе одной части литераторовъ и художниковъ спокойно уйти къ своимъ обычнымъ занятіямъ, отъ которыхъ оторвала ихъ первая революціонная буря, чувствуется торопливая попытка заглушить въ себѣ сомнѣнія и припомнить всѣ догматы и софизмы о самоцѣнности искусства и надземности поэта.

Конечно, существуютъ и такіе писатели и художники, которые чувствуютъ живую связь съ великой реальной трагедіей, протекающей предъ ихъ глазами, и нисколько не тяготятся ея горячимъ дыханіемъ. Есть и такіе, которые въ своихъ оранжереяхъ вообще весьма слабо ее почувствовали. Но для нѣсколько сконфуженнаго средняго писателя, какъ-то неуклюже шарахнувшагося налѣво, а теперь пугливо отступающаго направо,—вопросъ остается.

Господинъ Чуковскій, присяжный критикъ газеты „Свобода и Жизнь", не безъ остроумія пытался построить мостъ для отступленія маленькой арміи. Настойчиво выдвигаетъ господинъ Чуковскій ту мысль, что для успѣшнаго совершенія какого бы то ни было дѣянія необходима увѣренность въ его безполезности и совершенной обособленности. Г. Чуковскій пишетъ:

„Всякая общественная полезность полезнѣе, если она совершается при личномъ ощущеніи ея безполезности. Общественный фетишизмъ необходимъ, выгоденъ, нуженъ обществу, и культура не даромъ, чѣмъ дальше, все больше укрѣпляетъ его. Мы должны признать всѣ эти комплексы идей: искусство для искусства, патріотизмъ для патріотизма, любовь для любви, наука для науки—необходимыми иллюзіями современной культуры, разрушать которыя не то, что не должно, но прямо-таки *невозможно!*"

Въ общемъ у г. Чуковскаго понятіе о полезности, повидимому, до крайности упрощенное. Творя художественное произведеніе, я долженъ увѣрять себя, что оно безполезно. Хорошо: скажетъ ли г. Чуковскій, что

безполезное вообще не нужно, ни къ чему не пригодно? Если — да, то, значитъ, художникъ, затрачивая свои силы на произведеніе, долженъ внушить себѣ мысль, что рѣшительно для всѣхъ на свѣтѣ, въ томъ числѣ для него самого, абсолютно безразлично, будетъ ли существовать это произведеніе или нѣтъ. Я думаю, что даже г. Чуковскій, при всей его молодости и склонности къ парадоксамъ, затруднится сказать, что равнодушное и безразличное отношеніе къ своему творчеству является стимуломъ таковаго. Нѣтъ, и защитники искусства для искусства, и самъ г. Чуковскій скажутъ, конечно, что истинный художникъ не можетъ не вѣрить въ важность и значительность создаваемыхъ имъ произведеній. Въ сущности, г. Чуковскій какъ разъ даже того и требуетъ, чтобы художникъ считалъ свое *безполезное* искусство *самой важной* и *самой нужной* вещью на свѣтѣ. Итакъ, на мой вопросъ г. Чуковскій долженъ сказать, что безполезное можетъ быть важнымъ и нужнымъ.

Можетъ и не быть, не правда ли? Напримѣръ, если бы г. Чуковскій прошелся по редакціи „Свобода и Жизнь“ на рукахъ — это было бы и безполезно, и вовсе не нужно. Если же онъ изящно изложитъ какой-нибудь изъ своихъ парадоксовъ, то это будетъ, по его терминологіи, безполезно, но, вѣроятно, въ его глазахъ, если онъ не на словахъ только исповѣдуетъ свою вѣру, важно. Въ чемъ же разница между безполезностью ненужной и безполезностью важной?

Называя искусство безполезнымъ, очевидно, хотятъ сказать этимъ, что оно благо само по себѣ, непосредственно. Но, милосердный Боже, неужели то, что благотворно непосредственно, безполезно? Плугъ, напримѣръ, вещь полезная, но лишь постольку, поскольку помогаетъ добыванію хлѣба. Хлѣбъ же непосредственно утоляетъ голодъ и отсюда, по г. Чуковскому, хлѣбъ есть вещь безполезная. „Позвольте, позвольте!—перебиваетъ меня кто-нибудь изъ сторонниковъ г. Чуковскаго.—Хлѣбъ полезенъ потому, что утоляетъ голодъ, а искусство само по себѣ!“—А искусство утоляетъ такъ называемый голодъ духовный—отвѣчу я.

„Не единымъ хлѣбомъ живъ будетъ человѣкъ“.

И хотѣлъ бы я видѣть художника, который съ увѣренностью защищалъ бы мысль, что сытость живота стоитъ выше, чѣмъ широкое развитіе ума и сердца.

Нѣтъ, искусство полезно, полезно потому же, почему полезны и другія полезныя вещи: оно удовлетворяетъ запросамъ человѣка, оно смягчаетъ его жажду, оно несетъ съ собою наслажденіе. Какой еще полезности вамъ нужно? Надѣюсь, мы не будемъ спорить, если установимъ, какъ фактъ, что творящій художникъ долженъ вѣрить, что творчество его удовлетворяетъ важнымъ запросамъ духа человѣческаго, т. е. что оно въ высокой мѣрѣ полезно.

Но отсюда еще очень далеко до революціи,—мало ли какіе запросы могутъ казаться тому или иному художнику важными? Тутъ я долженъ сказать, что *формально* цѣли художника *совпадаютъ* съ цѣлями соціальной революціи. Даже тогда, когда художникъ—соціалистоѣдъ. Художникъ, какъ таковой, стремится къ тому, чтобы къ имѣющемуся богатству чувствъ, мыслей, формъ прибавить новое сокровище. Цѣль художника, даже тогда, когда онъ кичится мнимой безцѣльностью своей,—обогатить природу человѣческую. Очень спорно, конечно, является ли то или другое произведеніе искусства обогащеніемъ сокровищницы духа. То, что автору и нѣкоторымъ его поклонникамъ можетъ казаться художественнымъ благомъ, другимъ можетъ показаться жалкимъ порожденіемъ бездарности. Но, въ общемъ, аксіомой является то, что къ искусству относятся лишь талантливыя произведенія, а талантъ заключается въ способности обогащать насъ *новыми* эстетическими *цѣнностями*.

Итакъ, художникъ стремится къ тому же, къ чему стремится и современная соціальная революція. Одинъ изъ величайшихъ художниковъ прошлаго вѣка, Рихардъ Вагнеръ, говоритъ:

„Истинное искусство не можетъ возвыситься изъ своего состоянія цивилизованнаго варварства иначе, какъ только опираясь на наше великое соціальное движеніе. Искусство и соціальное движеніе имѣютъ одну и ту же цѣль, но ни то, ни другое не можетъ достигнуть его, если они не будутъ стремиться къ ней сообща. Цѣль эта—прекрасный и сильный человѣкъ. Пусть революція даетъ ему силу, а искусство—красоту".

Но даже и съ признаніемъ этого факта глубокой прогрессивности какъ искусства, такъ и революціи, и внутренней необходимости для нихъ дѣйствовать „сообща", мы еще не приходимъ къ ясному пониманію того, въ чемъ такое взаимное содѣйствіе ихъ можетъ выражаться.

Г. Чуковскій требуетъ отъ революціонера, чтобъ онъ былъ узкимъ и безсмысленнымъ фанатикомъ. Въ уста своему идеальному революціонеру господинъ Чуковскій влагаетъ слѣдующій кличъ:

„Если для свободы нужно сжечь Данте на кострѣ, то принесите скорѣе дровъ для этого костра".

Съ чисто-формальной точки зрѣнія я, пожалуй, согласенъ съ этимъ идеальнымъ революціонеромъ. Но только потому, что торжество революціи въ моихъ глазахъ представляетъ изъ себя великое начало новаго и несравненнаго искусства, плодородную почву для появленія сотенъ Данте. Я сошлюсь при этомъ на одного изъ тончайшихъ эстетовъ прошлаго вѣка, на Вильяма Морриса, который писалъ: „Вмѣсто того, чтобы видѣть, какъ искусство прозябаетъ среди немногихъ избранныхъ людей, презирающихъ толпу за невѣжество и грубость, ими же созданную, вмѣсто этого я предпочелъ бы, чтобы искусство на *нѣкоторое время* исчезло съ лица земли".

Но читатель уже замѣчаетъ, какая тутъ огромная разница: революція не принимается за нѣчто самодовлѣющее, абсолютно чуждое искусству; революція никогда не была, не есть, не будетъ цѣлью, революція есть средство, средство къ созданію гармонической культуры и безконечному росту силъ и красоты человѣка. *Человѣкъ*—вотъ цѣль всѣхъ нужныхъ и важныхъ вещей: его совершенство—вотъ что сіяетъ намъ, когда мы *думаемъ*, а не премъ по-звѣриному и не парадоксимъ.

Прежде чѣмъ идеальный революціонеръ г. Чуковскаго начнетъ „переть" съ фанатическимъ крикомъ: „руби все, да здравствуетъ революція!"—онъ долженъ еще подумать, что такое революція, къ чему она ведетъ, что содѣйствуетъ и что противодѣйствуетъ ей? Но это значитъ—поставить сверхъ-революціонный вопросъ, вопросъ о послѣдней цѣли, т. е. о наилучшихъ путяхъ къ обогащенію и гармонизаціи жизни человѣческой. Но постановки этого-то вопроса г. Чуковскій не допускаетъ. Это уже противорѣчитъ его требованію: не смѣйте думать о пользѣ.

Идеальный художникъ у г. Чуковскаго „долженъ считать поэзію абсолютной и говорить: „если для того, чтобъ существовалъ Данте нужно уничтожить свободу—долой свободу!"

А нѣсколькими строками ниже г. Чуковскій энергически протестуетъ противъ того, чтобъ его считали „чудакомъ", который выбѣжалъ на улицу и крикнулъ: „Долой революцію, да здравствуетъ искусство!"

Но чтобы художникъ не попалъ въ положеніе такого чудака, ему, очевидно, нужно напречь свою голову для освѣщенія этого самаго „если". Что если по зрѣломъ размышленіи художникъ согласится съ Рихардомъ Вагнеромъ и вмѣсто ожидаемаго г. Чуковскимъ лозунга восторженно скажетъ: „Такъ какъ для существованія множества Данте и расцвѣта искусства необходимъ соціализмъ, то я хочу служить ему всѣмъ, чѣмъ могу, а въ томъ числѣ и моею кистью, моимъ перомъ". Но г. Чуковскій требуетъ, чтобы художникъ не раздумывалъ надъ такими вопросами, а фанатически занимался своимъ *ремесломъ*. Это-то я и считаю посягательствомъ со стороны г. Чуковскаго на „священную свободу" художника.

Теперь разберемся коротко въ вопросѣ о томъ, чему были бы рады въ искусствѣ революціонеры, хорошо понявшіе свои задачи, и противъ чего они могли бы запротестовать. Пока я думаю лишь слегка коснуться этого вопроса по поводу опредѣленнаго и довольно шумнаго явленія въ области искусства, по поводу драматическаго театра В. Ф. Коммиссаржевской.

Театръ представляетъ собою вершину искусства и долженъ наиболѣе рельефно отражать всѣ перипетіи его жизни. Конечно, это въ идеалѣ: подъ гнетомъ театральной цензуры линіи сгибаются и краски меркнутъ. И все-таки театръ остается очень характернымъ показателемъ художественныхъ настроеній націи въ каждый данный моментъ.

Въ эпоху революціонную и предреволюціонную драма начинаетъ жить особенно пышной жизнью. И для настоящаго времени это такъ. Мы имѣемъ теперь длинный рядъ драматическихъ произведеній, среди которыхъ иныя безусловно вещи крупныя, лишенныя, правда, возможности найти свое сценическое воплощеніе. Въ частности, тотъ промежутокъ времени, который мы переживаемъ именно теперь, является въ одно и то же время и предреволюціоннымъ, и реакціоннымъ. Публика нашихъ театровъ и читатели драмъ—это почти сплошь такъ называемая интеллигенція. Часть ея все еще болѣе или менѣе твердо увѣрена въ неизбѣжномъ наступленіи новыхъ грандіозныхъ потрясеній общественной жизни, она торопливо ищетъ обосновать свое міросозерцаніе, укрѣпить свою позицію, выяснить свои сомнѣнія, пересмотрѣть тактику. Отсюда та жадность, съ которой передовая молодежь бросилась на науку, поскольку она имѣетъ какое-нибудь отношеніе къ выработкѣ идеала и уясненію путей. Революціонный шквалъ и внезапнымъ потокомъ хлынувшая брошюрная литература захлестнули очень многихъ и привлекли ихъ вниманіе къ жгучимъ соціальнымъ вопросамъ. И теперь, когда первый актъ революціонной драмы окончился и окончился довольно печально,—брошюрные соціалъ-демократы садятся за книги и думаютъ, думаютъ...

Но кто поручится за прочность революціоннаго настроенія интеллигенціи во всемъ ея объемѣ? Значительная ея часть, къ сожалѣнію, какъ извѣстно, имѣетъ необыкновенную наклонность къ скисанію. Скисшій интеллигентъ—это совершено опредѣленная фигура: прежде всего онъ пессимистъ, жизнь, по его мнѣнію, безрадостна, толпа ужасна, тупа и грязна, матеріальное счастье и утопично, и въ тоже время грубо, освобожденіе представляется ему въ видѣ самоосвобожденія, въ концѣ концовъ въ видѣ своеобразнаго психическаго комфорта,—жизнь въ мірѣ грезъ, звуковъ, абсолютной свободы, среди утѣхъ чистой красоты и т. п. Есть тьма охотниковъ связать на разные лады этотъ психическій комфортъ съ извѣстной долей чисто-словесной революціонности или кадетскаго мирнообновленства. Нѣкоторые факты заставляютъ меня думать, что процессъ скисанія части интеллигентной молодежи начался. Я думаю, что опустѣвшіе храмы господъ идеалистовъ, христіанскихъ соціалистовъ и мистическихъ анархистовъ, если и не переполнятся молящимися, то найдутъ свои группы адептовъ.

Однимъ изъ симптомовъ такого скисанія является относительный успѣхъ театра, съ которымъ по несчастью связала свое имя талантливѣйшая и симпатичнѣйшая русская актриса. Именно талантъ В. Ф. Коммиссаржевской, сдабривая различные кунштюки г. Мейерхольда, постепенно пріучаетъ молодую публику глотать его декадентскія пилюли. Съ глубокимъ убѣжденіемъ скажу, что г. Коммиссаржевская служитъ дурному дѣлу, что, съ искреннимъ энтузіазмомъ отдавшись служенію прогрессу театра, она на самомъ дѣлѣ безвинно способствуетъ его декадансу.

Чего въ самомъ дѣлѣ должна невольно искать въ театрѣ та лучшая и, надѣюсь, большая часть молодежи и тотъ передовой слой интеллигенціи вообще, которые серьезно проникнуты сознаніемъ важности и остроты задачъ нашего времени и грядущихъ катастрофъ?

Г. Чуковскій очень ошибается, если воображаетъ, что я потребовалъ бы отъ театра непремѣнно изображать революціонныя событія, или прямо и непосредственно отвѣчать на революціоные вопросы. Вовсе нѣтъ, намъ нужна драма, истинная драма. Каутскій утверждаетъ, что драматическій геній Шиллера находился въ связи съ его революціоннымъ темпераментомъ.

„Драма и революція,—говоритъ Каутскій,—родственны другъ другу, поскольку обѣ представляютъ собою катастрофы, которыя подготовляются незамѣтно, но непреодолимо, а потомъ внезапно обрушиваются. Чѣмъ больше у поэта развиты чувствованіе и пониманіе катастрофы, тѣмъ лучше ему дается драматическая форма, тѣмъ сильнѣе дѣйствіе его драмы, при прочихъ равныхъ условіяхъ, конечно".

Это точнѣйшая истина. Катастрофа—это гвоздь драмы, и вялая, сонная душа, боящаяся сильныхъ потрясеній, не можетъ ни создавать драмы, ни наслаждаться ими. Другимъ элементомъ, душою драмы является *борьба*. Нельзя представить себѣ гармонической драмы, такъ какъ это contradictio in adjecto,—драма непремѣнно предполагаетъ дисгармонію, драма есть художественное отраженіе дисгармоній жизни и міра. Трагическое искусство, по несравненному ученію Аристотеля, вызываетъ въ душѣ зрителя очищеніе отъ страха и состраданія передъ лицомъ реальныхъ дисгармоній, пріучая считаться съ ними и трагически побѣждать ихъ въ художественномъ изображеніи.

Но для нѣкоторыхъ классовъ и типовъ вовсе не важна боевая готовность жить. Классы революціонные жаждутъ драмы во всемъ ея блескѣ бурнаго дѣйствія, рѣзкихъ противоположностей, стремительныхъ катастрофъ и величавыхъ побѣдъ духа; классы и группы консервативные принимаютъ драму до степени почти идилліи.

„Время Шиллера,—говоритъ Каутскій,—жадно искало борьбы и быстро развивающагося дѣйствія, а не пассивнаго настроенія. Ни одинъ поэтическій геній не шелъ въ такой степени навстрѣчу этой потребности, какъ Шиллеръ. Въ этомъ источникъ могущественнаго дѣйствія, которое онъ оказываетъ, въ этомъ источникъ его популярности. И его популярность еще жива среди пролетаріата, который и въ настоящее время ищетъ въ драмѣ борьбы и дѣйствія; спустя сто лѣтъ послѣ его смерти, Шиллеръ все еще поэтому остается для пролетаріата вѣчно юнымъ, и онъ останется популярнѣйшимъ нѣмецкимъ драматургомъ, пока не появится новый геній, въ твореніяхъ котораго захватывающія катастрофы предстанутъ передъ глазами зрителей, какъ живыя".

Но и самъ Шиллеръ въ періодъ послѣ французской революціи сильно сбавилъ тонъ и превратился въ идеалиста-мечтателя. „Лучшіе люди того времени видѣли въ дальнѣйшей исторіи французской революціи крушеніе своихъ иллюзій и испытывали потребность противопоставить неудовлетворявшему ихъ міру дѣйствительности идеальный образъ болѣе прекраснаго міра; но теперь они его искали не въ будущемъ, а въ прошломъ, въ среднихъ вѣкахъ, и они окружили эти средніе вѣка такимъ же лучезарнымъ сіяніемъ, какимъ они прежде окружали ждаяное царство грядущей свободы. Какъ разъ у самыхъ пылкихъ натуръ романтика заняла мѣсто бурныхъ революціонныхъ стремленій былыхъ временъ, и нѣкоторыя изъ послѣднихъ произведеній Шиллера уже заражены романтическимъ мистицизмомъ". Эту сторону дѣятельности „зрѣлаго" Шиллера Марксъ и Энгельсъ оцѣнивали весьма пренебрежительно. Марксъ говорилъ, что бѣгство Шиллера отъ жизни къ идеалу есть замѣна обыкновенной нищеты нищетой высокопарной.

Бѣгство отъ жизни къ идеалу—это первый симптомъ отказа извѣстнаго класса, группы или соціальнаго типа отъ выполненія своей исторической миссіи, это своего рода кличъ: „расходись по кущамъ, Израиль". Каждый въ своей кущѣ и подъ своей смоковницей начинаетъ устраивать свой идеалистическій комфортъ. Но симптомомъ реакціи служитъ не только подмѣна живой жизни и *боевого* идеализма прекрасными призраками и „высокопарной" нищетой, но и паденіе въ драмѣ катастрофы и борьбы. Каутскій говоритъ:

„Не случайность то обстоятельство, что сила и глубина драматическаго творчества все больше и больше падаетъ въ Германіи по мѣрѣ того, какъ ея буржуазія становится все консервативнѣе, что драма вмѣстѣ съ тѣмъ мѣняетъ свой характеръ. Элементъ катастрофы изъ нея все болѣе и болѣе изгоняется. Драма, чѣмъ дальше, тѣмъ больше перестаетъ быть изображеніемъ *дѣйствія*, а становится изображеніемъ неизмѣняющагося душевнаго *состоянія*; вмѣсто сильной борьбы намъ показываютъ усталую покорность, скорбный пессимизмъ или циничное издѣвательство, и всѣ они варьируютъ одну и ту же тему: ничего не мѣняется".

Именно навстрѣчу подобной реакціи идетъ театръ г. Мейерхольда.

Антитеатраленъ, антидраматиченъ уже самый принципъ этого театра. До открытія сезона много пѣли о стилизаціи, какъ такомъ принципѣ. Что значитъ стилизація? Это значитъ произвольное измѣненіе художникомъ формъ живой дѣйствительности ради своихъ чисто художественныхъ цѣлей: экономіи вниманія, простоты основныхъ линій, интереснаго сочетанія красокъ. Стилизируй, пожалуй. Ничего нельзя имѣть противъ театра, который удачно стилизуетъ людей и вещи на сценѣ. Но, прежде всего—театръ не можетъ заниматься стилизаціей, какъ своей *истинной* задачей, ибо эта задача формальная, для этого могутъ существовать театры-студіи, въ

собственномъ значеніи этого слова. Стилизація для настоящаго театра, для театра закончено художественнаго, можетъ быть лишь однимъ изъ средствъ. Истинная задача театра—вооружившись всѣми средствами новѣйшаго сценическаго искусства, потрясти души сгущеннымъ, пламеннымъ изображеніемъ мукъ, тревогъ и побѣдъ духа. Къ этому стремится поэтъ-драматургъ, этого онъ проситъ отъ театра, а не даетъ канву для вышиванія декоративныхъ узоровъ. Но то революціонное знамя, подъ которымъ выступилъ новый театръ, было именно чисто формально: символъ противъ быта. Однако, и это еще не бѣда; хотя и увлекаясь формой вмѣсто содержанія, новаторы могли, тѣмъ не менѣе, стилизацію свою въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ подчинять художественнымъ намѣреніямъ поэта. Вѣдь и борьба можетъ быть передана стилизованно, не теряя отъ этого своей остроты. Но нѣтъ, театръ рѣшили до конца и послѣдовательно подчинить живописи, и живописи *декоративной*. Декоративная живопись, по самому существу своему, ищетъ красочной гармоніи, гаммы блѣдныхъ и благородныхъ тоновъ, она изгоняетъ всякое бурное движеніе и требуетъ пластическихъ позъ; декоративная живопись ненавидитъ глубины и стремится къ интересной колоритной обработкѣ плоскости. Все это мы видимъ на всѣхъ лучшихъ декоративныхъ произведеніяхъ живописи отъ Джотто до Пювись-дю-Шавинна. И то, что очень хорошо въ декоративной живописи, никуда не годно въ драмѣ. Театръ существуетъ не для живыхъ картинъ, не для того, чтобы ласкать глазъ, а для того, чтобы душа зрителя раскалывалась въ трагическомъ волненіи и пріобрѣтала въ эстетическомъ катарсисѣ новое и углубленное героическое единство.

Своими формальными намѣреніями театръ приступилъ къ такимъ пьесамъ, какъ „Гедда Габлеръ" и „Въ городѣ" г. Юшкевича. Театръ потерпѣлъ жалкій крахъ. „Гедда Габлеръ"—это мучительная драма, рисующая безысходное столкновеніе истерическаго послѣдыша аристократіи съ умѣренной, добродушной, трудолюбивой и пошловатой буржуазіей, причемъ яблокомъ раздора служитъ въ особенности безпутный полугеній „аристократъ духа" Левборгъ.

Этотъ конфликтъ „высшихъ" и „низшихъ" людей Ибсенъ прослѣживаетъ съ изумительной правдивостью и подкупающимъ безпристрастіемъ. Онъ во всякомъ случаѣ отнюдь не на сторонѣ „высшихъ людей", хотя прекрасно понимаетъ и пошлость Тесмановъ; это чудный кусокъ трагедіи европейской интеллигенціи. Изъ этой драмы г. Мейерхольдъ, плетясь за г. Сапуновымъ, создалъ рядъ мало интересныхъ декоративныхъ картинъ и группъ, и во имя этого они подвергли Генриха Ибсена истинному надругательству, попутно принеся въ жертву своимъ декоративнымъ претензіямъ и благородный талантъ госпожи Коммиссаржевской.

Пьеса провалилась.

Что было смотрѣть въ ней? Реальная, страстная драма жизни

стерлась. Не осталось и слѣда отъ того скрытаго издѣвательства и надъ мѣщаниномъ, и надъ его антиподомъ, мнимымъ аристократомъ духа, которымъ полна эта ѣдкая и умная комедія высшаго полета.

Меблировка, костюмы, ритмъ, т. е. подогнанные другъ къ другу элементы, живописная гармонія—вотъ что загромождало сцену. „Я вамъ покажу, какъ можно драму разыграть съ самою успокаивающею декоративностью"—вотъ что въ сущности заявилъ г. Мейерхольдъ. Но г. Сапуновъ сталъ въ такую кричащую противоположность къ Ибсену, что опять никто не осмѣлился отрицать въ этомъ случаѣ провала художественныхъ намѣреній новаторовъ.

„Въ городѣ" идетъ съ большимъ успѣхомъ въ Москвѣ у Корша и въ Кіевѣ. Но эту немножко однотонную и абстрактную пьесу приняли въ театрѣ Коммиссаржевской именно за эти недостатки. Режиссеръ не воплотилъ ее, а старательно сдѣлалъ еще однотоннѣе и еще абстрактнѣе. Получилась такая тѣнь тѣни, которая, разумѣется, ни на секунду не затронула зрителя. Второй провалъ.

Но если печальны провалы новаго живописно-ритмическаго театропогубленія, то еще печальнѣе его тріумфы.

Обѣ первыя постановки г. Мейерхольда доказали, что его декоративно-стилизующей манерѣ недоступно яркое сценическое изображеніе живой жизни, что его театръ не можетъ дать намъ квинтъ-эссенціи дѣйствительности. Но, быть, можетъ, онъ вполнѣ приспособленъ къ художественному воплощенію грезы?

Вообще говоря, греза предполагаетъ гармонію, миръ, завершеніе всякой борьбы. Человѣкъ грезитъ о томъ, что удовлетворяло бы потребностямъ его существа.

Въ понятіе грезы входитъ еще извѣстная воздушность, оторванность отъ дѣйствительности; греза вводитъ насъ въ волшебный міръ, въ которомъ царица фантазія не связана никакой конституціей съ неподдатливой дѣйствительностью. Назначеніе грезы—даже не рисовать намъ возможное будущее, греза имѣетъ свою цѣнность въ себѣ самой, то есть не какъ предвкушеніе лучшаго грядущаго, а какъ утѣшеніе, которое человѣкъ находитъ въ сладкомъ самозабвеніи, въ тихомъ подчиненіи силы воображенія шопоту сердца, требующаго безграничнаго счастья.

Борецъ тоже мечтаетъ, но находя исходъ для своихъ буйныхъ силъ, отвергающихъ дѣйствительность, воинственно устремленныхъ къ завоеваніямъ, въ самомъ процессѣ борьбы, онъ и идеалъ рисуетъ себѣ подъ знакомъ осуществимости, какъ цѣпь смѣняющихъ другъ друга реальныхъ состояній дѣйствительности, все болѣе подвластной царю-человѣку.

Борецъ не является типичнымъ мечтателемъ, хотя творческая мечта—важный элементъ всякой широкой борьбы. Мечтатель... Достаточно вымолвить это слово, чтобы передъ вами предсталъ образъ жизненно-худосочный,

къ дѣйствительности болѣе или менѣе равнодушный. Образъ пьяницы, уходящаго отъ шума повседневной борьбы, безсмысленной какафоніи будней, въ свою маленькую комнатку, стѣны которой раздвинетъ своею властной рукой ласковая фея Фантаста, раскрывая другой міръ, безконечно болѣе цѣнный, міръ, созданный человѣкомъ по образу и подобію своему, міръ, который въ любую минуту можетъ быть разрушенъ дуновеніемъ устъ и замѣненъ другимъ, еще болѣе прекраснымъ.

И я думаю, что классъ, не имѣющій впереди себя никакого реальнаго идеала, но достаточно привязанный къ жизни, чтобы попытаться скрасить ее грезой, долженъ создать себѣ, достигнувъ высокой ступени культурности, свой собственный, особенный, не театральный театръ. Туда будутъ приходить, чтобы забыться, чтобы художникъ-мечтатель помогъ безкрылой фантазіи выгоняемаго вонъ изъ жизни зрителя подняться на седьмое небо сокровеннѣйшихъ стремленій отрѣшившагося отъ плоти, махроваго духа. Такой зритель сядетъ въ мягкое кресло и передъ нимъ развернутся блистательныя картины убаюкивающей, опьяняющей сказки, смѣна неземныхъ странныхъ и сладостныхъ пейзажей, хоры ангеловъ, тихое ликованіе абсолютной умиротворенности, торжество блѣдной гармоніи красокъ, линій, звуковъ, ароматовъ, ласковыхъ словъ, томныхъ взоровъ... Словомъ настоящая утонченнѣйшая нѣга, художественная баня, въ которой человѣкъ психически можетъ такъ же сладострастно распариться, какъ дѣлали это въ своихъ термахъ грубоватые декаденты падающаго Рима.

Это будетъ театръ для всѣхъ измученныхъ, нервно больныхъ, убоявшихся жизни, это будетъ сценическое пиршество Валтасара, самоудовлетвореніе увядающей аристократіи и ея приспѣшниковъ, дерзновенно признавшихъ цѣнность своего декаданса и съ блѣдной улыбкой глядящихъ на подступающія волны бурнаго океана черни, отнимающаго у нихъ ступеньку за ступенькой и грядущаго поглотить ихъ.

Но мы и въ Западной Европѣ не имѣемъ подобнаго театра, этой цѣли въ большей мѣрѣ служитъ пока музыкѣ. Не всякая музыка, конечно, но есть и такая. Нѣтъ, отрываясь отъ живой жизни, констатируя, что путь ихъ сошелся клиномъ, меркнущіе и разлагающіеся классы, повидимому, еще не осмѣливаются признать грезу самодовлѣющей настолько, чтобы создать театръ чистой грезы. Но они идутъ къ этому. И театръ чистой грезы будетъ культурнымъ противникомъ театра чистой драмы.

Пока мы видимъ нарожденіе множества пьесъ, которыя представляютъ собою смѣсь драмы и грезы. Все громче раздается лозунгъ Сольнеса: „Не надо строить храмовъ богу, не надо строить жилищъ людямъ, —надо строить воздушные замки“.

Ибсенъ обломалъ свои богатырскія руки объ оголтѣлое мѣщанство, которое хотѣлъ научить свободѣ, и къ концу своего драматическаго творчества противопоставилъ лишь двѣ истинныя мудрости: мудрость молодого

Боркмана съ его вдовушкой, животно-радостную, физіологическую мудрость Уифгейма и Майи и мудрость бѣгства въ воздушные замки, на безплотныя вершины грезящаго одиночества. И лозунгъ былъ подхваченъ тѣснимой жизнью бездольной интеллигенціей.

Если не греза, то тоска по грезѣ, призывъ грезить; если не изгнаніе дѣйствительность, то протестъ противъ нея. Эти пьесы протеста грезящаго духа, потуги осуществить грезу, хотя бы въ ея приближеніи и въ приближеніи къ ней явятся несомнѣнно, что бы ни говорилъ г. Мейерхольдъ, настоящей сферой его искусства. Въ томъ случаѣ, конечно, если курсъ г. Мейерхольда и его товарищей не измѣнится болѣе или менѣе круто.

Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній мы можемъ взглянуть на содержаніе тѣхъ двухъ пьесъ, постановка которыхъ въ „Драматическомъ театрѣ“ сопровождалась относительнымъ успѣхомъ. Отмѣтимъ и кое-какія особенности самой постановки.

„Сестра Беатриса“ написана Метерлинкомъ въ тотъ свѣтлый періодъ времени, когда онъ отрѣшился отъ своего интеллигентскаго-декадентскаго страха передъ жизнью и пришелъ къ тому ясному міровоззрѣнію, которое ясно отразилось хотя бы въ его „Temple enseveli“.

Тѣмъ не менѣе основная идея была взята Метерлинкомъ изъ коллекціи его идей эпохи „Tresor des humbles“. Въ этой книгѣ развивалась, между прочимъ, своеобразная теорія о томъ, что человѣческая личность можетъ совершить всевозможныя, преступныя и позорныя дѣянія, между тѣмъ какъ истинная душа человѣка въ своемъ вѣчномъ и таинственномъ молчаніи можетъ пребывать абсолютно чистой и непогрѣшимой. Именно эту идею хотѣлъ, повидимому, иллюстрировать легендой о Беатрисѣ фригійскій поэтъ. Но подоспѣлъ благотворный переворотъ въ его душѣ, и сюжетъ былъ оставленъ. И только случайно, затѣявъ по просьбѣ друга написать либретто для небольшой оперы, Метерлинкъ вернулся къ когда-то помѣченному сюжету.

Въ его обработкѣ сказалось и старое, и новое. *Чудо*—вотъ центръ всей пьесы. Но для стараго Метерлинка чудо есть нѣчто безгранично желанное и сводится оно къ тайнѣ искупленія: внезапно открываются глаза человѣка, который „студными грѣхами окаляхъ душу“ и оказывается, что нѣкоторая высшая и всеблагая сила чудеснымъ образомъ омыла эту душу, что бремя позора и горя было кажущимся бременемъ, кто-то снялъ его такъ, какъ будто его и не было.

Припомните „Петра Гинта“, который послѣ цѣлой вереницы скверныхъ поступковъ и скверныхъ положеній находитъ свое спасеніе, находитъ себя самого вѣрнымъ себѣ, идеально-чистымъ въ пѣсняхъ беззавѣтно любящей Сольвейги. Понятна эта жажда современной мѣщанской индивидуальности найти гдѣ-нибудь чистый уголокъ, который не былъ бы захватанъ грязными лапами рыночныхъ компромиссовъ. Чистота семьи, въ противо-

воложность лавки, чистота церкви и воскресенья въ противоположность буднямъ и базару. „Подлецъ я, но въ Христа-батюшку и Богородицу-матушку вѣрую чисто, свято и крѣпко, въ этомъ бѣлый кусочекъ моего я, ради бѣлаго кусочка отпустятся мнѣ мои студные грѣхи".

По горло стоя въ невылазной грязи, можетъ ли буржуа не быть проникнутъ Августиновской идеей невозможности выбраться изъ вея безъ помощи Вышняго? И правда, буржуазныя этики, не признающія небесной помощи, напоминаютъ барона Мюнхгаузена, который самъ тащилъ себя изъ грязи за собственную косу. Но новый Метерлинкъ внесъ новыя черты въ свою мистерію, и чудо уже начало пріобрѣтать подъ его геніальнымъ перомъ тотъ бичующій и саркастическій характеръ, которымъ оно окончательно облеклось въ пьесѣ „Чудо святого Антонія", гдѣ розга сатирика свищетъ почти на манеръ розги Мирбо.

Человѣкъ, брошенный въ міръ, чѣмъ болѣе онъ слабъ и прекрасенъ, тѣмъ скорѣе можетъ стать добычею людей-волковъ съ ихъ низкими похотями; и виноватъ ли слабый, прекрасный, если слабость его используютъ и красоту его загадятъ тѣ, кто въ слабости видятъ возможность обидѣть, а въ красотѣ—возможность надругаться? Нѣтъ, онъ не виноватъ. Но вы, лучшіе изъ людей, чистыя сестры, бѣжавшія отъ міра для молитвы и единенія съ абсолютнымъ добромъ; вы—сестры любви, милосердія и кротости, въ состояніи ли вы понять ту неопредолимую силу, которая влечетъ молодое существо къ соблазнамъ міра сего и къ его покрытымъ розами капканамъ; въ состояніи ли вы не то что простить, а слезами обмыть муки истерзанной слабости и красоты? Нѣтъ, въ вашихъ устахъ слишкомъ часто слышится слово „дисциплина", которое, какъ извѣстно, означаетъ трехвостую плеть, ваша добродѣтель сурова; побѣдивъ бунтъ своей плоти, вы съ тѣмъ большимъ наслажденіемъ будете хлестать взбунтовавшуюся плоть вашей сестры. Да, даже лучшіе изъ людей, говоритъ Метерлинкъ, только въ томъ случаѣ смогутъ понять простую истину невиновности поруганнаго грѣшника и дѣйствовать согласно такому пониманію, если сама Богородица сойдетъ съ своего пьедестала и милосердно скроетъ отъ нихъ своей сіяющей ризой картину грѣхопаденія ихъ ближняго.

Драматиченъ моментъ, когда сказочный принцъ Бэлидоръ, воплощеніе сатаны искусителя, вся вкрадчивая прелесть заманчиваго міра, приходитъ въ огромный и темный домъ Божій, распахиваетъ его строгія ворота и сіяніе разоперстой Эросъ смѣшиваетъ съ мерцаніемъ монастырскихъ лампадокъ. Драматиченъ моментъ борьбы между опасливой добродѣтелью и лукаво прекраснымъ міромъ. Но вмѣсто Бэлидора мы видѣли смѣшную маріонетку; ни единаго намека на противопоставленіе въ какомъ-либо символѣ міру, съ его длинными дорогами, ведущими въ маящіе города, съ его цвѣтущими садами любви,—полумраку и мистической строгости

средневѣковаго собора. И даже самое г. Коммиссаржевскую въ этомъ первомъ актѣ г. Мейерхольду удалось-таки превратить въ нѣчто приближающееся къ маріонеткѣ. Драматиченъ моментъ, когда изступленныя монахини готовы обрушиться на возгордившуюся сестру, и ихъ подстрекаетъ и разгорячаетъ гнѣвная рѣчь фанатика-священника: чудо должно хлестнуть по этимъ яростью горящимъ сердцамъ и бросить ихъ ницъ въ трепетѣ къ ногамъ преображенной Беатрисы. Ничего подобнаго. Г. Мейерхольдъ затратилъ не мало таланта для того, чтобы затушевать эту сторону и выдвинуть на первый планъ слово *чудо*, которое съ трепетнымъ стономъ переходитъ изъ устъ въ уста въ группѣ калѣкъ и нищихъ, съ ликованіемъ экстатическаго торжества изъ устъ въ уста сестеръ. Совершилось чудо, радуйтесь и веселитесь, чудо возможно, Божество проявляетъ себя... Если не въ жизни, то хоть на сценѣ. Драматиченъ моментъ буйнаго протеста изможденной Беатрисы противъ той справедливости Небесъ, которую мы видимъ въ живой жизни, и тутъ, несмотря на всю невыгоду положенія, созданную и авторомъ, и режиссеромъ, г-жа Коммиссаржевская вырвалась изъ всякихъ путъ и схватила за сердца интонаціей мятежа и неизбывной скорби. Эти злыя нотки, эти бьющіеся въ судорогахъ диссонансы провѣщали намъ все-таки со сцены: что все это басня, Мадонны сходятъ съ пьедесталовъ только въ глухихъ монастыряхъ вашего воображенія, а тамъ, вѣрнѣе, здѣсь, среди насъ, въ огромномъ мірѣ, свирѣпствуетъ чудовищный развратъ, и тысячи Беатрисъ продаютъ за кусокъ хлѣба свое счастье, свое тѣло и дѣтей своихъ на попраніе и растленіе. И Богъ не дрогнетъ въ небѣ, и Богоматерь не осѣнитъ ихъ святымъ своимъ покровомъ, и надѣяться имъ можно только на собственный мятежъ, мятежъ эксплоатируемыхъ противъ эксплоататоровъ. Тутъ былъ драматическій моментъ, невольный и притушенный созданнымъ въ мозгахъ зрителей лживымъ фантомомъ искупляющей Мадонны.

Я не говорю, что этой пьесы не слѣдуетъ ставить, я говорю только, что всѣ элементы истиннаго драматизма были по мѣрѣ силъ отброшены постановкой: живыя картины, ритмическая рѣчь на тему о жаждѣ чуда и радости его осуществленія,—вотъ что намъ дали, проявивъ такимъ образомъ тенденцію: прочь отъ драмы къ грезѣ, прочь отъ борьбы къ пластической позѣ, отъ ужаса къ примиренію.

Нѣкоторымъ успѣхомъ сопровождалась и четвертая изъ поставленныхъ театромъ пьесъ „Вѣчная сказка" Пшибышевскаго. Театральный рецензентъ газеты „Товарищъ", изъ силъ выбивающійся проложить путь новому театру въ сердца публики, остался особенно доволенъ этой пьесой. Онъ заявилъ, что въ этомъ произведеніи Пшибышевскій „освободился отъ своего неумнаго индивидуализма" и раскрылъ „желанную и святую мудрость". Рецензентъ ликуетъ:

„Театръ В. Ѳ. Коммиссаржевской долженъ привлечь къ себѣ всеобщее

вниманіе. Я съ радостью смотрѣлъ, какъ шумѣла и волновалась молодежь у рампы послѣ третьяго акта, какъ настойчиво она вызывала Коммиссаржевскую и Мейерхольда. Это—побѣда. Старые „критики“ и молодые критики съ преждевременно одряхлѣвшими душами не угасятъ своими порицаніями того энтузіазма, который загорѣлся вокругъ этого театра“.

Конечно, до энтузіазма дѣло еще не дошло, торжествовать еще рано, но все-таки фактъ налицо: молодежь аплодисментами встрѣтила пьесу Пшибышевскаго, очевиднѣйшимъ образомъ не понявъ основной идеи и основного настроенія пьесы.

Для всякаго, кто видѣлъ или читалъ пьесу, не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію ея глубокая антидемократичность, антисоціальность и мизантропичность. Основную тему въ пьесѣ высказываетъ шутъ, разсказывающій королю сказку о человѣкѣ, набравшемъ солнечныхъ лучей въ кувшинъ и желавшемъ освѣтить тьму подваловъ. Но тьма проглотила лучи и не просвѣтлѣла. Король, символизирующій героя духа вообще, хочетъ осчастливить свой народъ, возведя на престолъ дочь мудреца Сонку, олицетвореніе свободы и любви. Но дѣйствительность въ лицѣ черни, тупая, грязная и порочная дѣйствительность, не поддается просвѣщенному абсолютизму героя духа, она требуетъ отъ него борьбы, выдержки, сложной политики. Но это трудное дѣло, это черное дѣло не по плечу, конечно, чистому и сентиментально безвольному герою духа. И постепенно онъ приходитъ къ тому выводу, что сломить зло въ дѣйствительной жизни невозможно, и что самое намѣреніе такого рода, намѣреніе революціонизировать жизнь безумно и ведетъ къ насилію. И вотъ король постигаетъ истинную мудрость, онъ уходитъ отъ дѣйствительности въ царство абсолютной свободы и абсолютнаго свѣта, въ царство грезъ. Онъ отплываетъ на „тотъ берегъ“, на берегъ, гдѣ нѣтъ борьбы и труда, гдѣ есть свободная мечта и та форма индивидуальнаго счастья, которую можно назвать самоопьянѣніемъ духа.

„Коммиссаржевская - Сонка говоритъ намъ: „Съ того берега слышится голосъ: идите, идите сюда... Ярче свѣтятся звѣзды, нѣжнѣе поютъ рощи, таинственнѣе манитъ молчаніе“... „И мы вѣримъ Сонкѣ и идемъ за ней“, говоритъ рецензентъ „Товарища“.

Тотъ, кто идетъ за Сонкой, идетъ прочь отъ жизни, прочь отъ коллективной работы, прочь отъ исторіи къ грезѣ, отшельничеству и вѣчности.

„Мои волосы,—говоритъ Сонка,—ниспадутъ на тебя, какъ золотыя струны, и зазвучатъ неуловимою пѣснью объятаго сномъ молчанья, которое есть начало и конецъ всякаго бытія“. Тутъ звучатъ уже совсѣмъ откровенно буддійскіе призывы къ пассивности и расцвѣченному и разубранному квіетизму.

Таковъ смыслъ пьесы.

Г. Азовъ иронически замѣчаетъ:

„А публика думала, что поэтъ бичуетъ придворную камарилью, что поэтъ стоитъ за принудительное отчужденіе земель". Было бы еще хорошо, если бы I. Азовъ былъ правъ.

А, можетъ быть, та часть молодежи, „которая шумѣла и волновалась у рампы", прекрасно разслышала настоящую музыку, настоящее „баюшки-баю", которое лучезарно поднялось надъ страшными картинами разочарованій и горести, связанныхъ съ соціальной и просвѣтительной борьбой. Можетъ быть, аплодировали за легкій толчокъ по тому же склону, который уже облюбовала душа; но только переходъ не долженъ быть рѣзокъ. Не знаю, изъ лукавства ли, или по какому-то затменію герольдъ новаго театра изъ „Товарища" облегчаетъ такой переходъ, находя въ пьесѣ протестъ противъ „начала механическаго, государственнаго, насильственнаго". Но по Пшибышевскому—всякое просвѣтительство въ условіяхъ дѣйствительности приводитъ къ борьбѣ. Съ канцлерамъ ли, символомъ лукавства и пошлости, или съ рыцаремъ Богдаромъ, отправляющимся въ просвѣтительно-карательную экспедицію, во всякомъ случаѣ не избѣгнешь насилія, прямой и порою кровавой борьбы. Противъ этого и возстаетъ, за это и клеймитъ живую дѣятельность польскій декадентъ. Его манера борьбы противъ государственнаго и механическаго начала такова, что отрицаніе всякой политики хотя бы то и освободительной, вытекаетъ изъ нея само собой. Принципъ Пшибышевскаго —не противопоставленіе свободы угнетенію, а противопоставленіе индивидуальнаго, духовнаго блаженства соціальному творчеству. И если разные мистическіе анархисты пока еще привносятъ въ свою двусмысленную кличку и отзвуки политическаго освобожденія, и соціальнаго переустройства жизни, то въ Пшибышевскомъ они могутъ видѣть свое недалекое будущее, въ которомъ мистическое самоублаженіе несомнѣнно противопоставитъ себя „ужасамъ" той тяжкой и порою нечистой, мучительной работы, на какую обязываетъ соціальную личность тьма, грязь и жестоковыйность дѣйствительности, подлежащей переработкѣ, въ мукахъ и воплях рождающей новое и свѣтлое.

Соціализмъ неминуемо и неизбѣжно призываетъ всякаго искренняго своего адепта къ черной работѣ, индивидуализмъ, даже называющій себя трагическимъ и бунтующимъ, можетъ обезпечить за вами полную чистоту, выдержанную эстетичность, а его мятежные порывы и муки творчества такъ похожи на наслажденія, что и не отличишь, а между тѣмъ оставляютъ на челѣ интересную блѣдность мученика высшихъ вопросовъ. Индивидуализмъ очень удобенъ, право,—ступайте поскорѣе на стезю индивидуализма.

Вокругъ театра Коммиссаржевской подымается очень много толковъ; нельзя, конечно, сказать, чтобъ онъ имѣлъ успѣхъ въ подлинномъ смыслѣ этого слова, но какъ-никакъ онъ попалъ въ центръ вниманія. Между

тѣмъ въ Петербургѣ существуетъ театръ очень интересный и незаслуженно игнорируемый.

Я говорю о новомъ Василеостровскомъ театрѣ Попова. При знакомствѣ съ нимъ меня пріятно поразили слѣдующія данныя: превосходная любовная постановка; въ ней нѣтъ никакихъ кричащихъ потугъ на оригинальность, но масса вкуса, настроенія, тонкаго пониманія намѣреній автора; даже при маленькихъ размѣрахъ сцены режиссеру удается достигнуть той опредѣленности и въ тоже время сложности, многозвучности настроенія, которыми поражаетъ въ лучшихъ своихъ постановкахъ Станиславскій; во-вторыхъ, много любви вносятъ въ свое дѣло и сами артисты; кажется, въ большинствѣ случаевъ эта молодежь, но молодежь даровитая, а главное работающая, повидимому, сознательно стремящаяся къ тому важнѣйшему, что называется ансамблемъ; наконецъ, очень интересенъ и репертуаръ театра. Я не хочу сказать, чтобы онъ меня вполнѣ удовлетворялъ, но прежде всего, множество пьесъ, которыхъ требовалъ бы современный моментъ, ставить г-ну Попову вообще нельзя по условіямъ цензурнымъ. Во-вторыхъ, трагедія мало доступна театру съ миніатюрной сценой. Потому нельзя, пожалуй, осуждать г. Попова за то, чего онъ не даетъ.

Можно, однако, выразить нѣкоторое недоумѣніе по поводу кое-чего изъ того, что онъ даетъ. Надо ли было ставить „Короля лягушекъ“? Стоило ли тратить силы молодыхъ артистовъ на довольно веселую, пожалуй, изящную, но пустую комедію „Школьные товарищи“? Не ошибкой ли является и то, что первой оригинальной пьесой репертуара явился „Потокъ“? Онъ написанъ литературно, не безъ тонкости психологическаго узора, но идейное содержаніе пьесы ничтожно. Я думаю, что всѣ эти пьесы можно было бы съ успѣхомъ замѣнить другими, столь же нетрудными для постановки и безконечно болѣе содержательными. Но театръ превосходно поставилъ и цѣлый рядъ пьесъ, будящихъ мысль и волнующихъ чувство. Конечно, онѣ разнокалиберны, но иначе и нельзя.

Интересная постановка великой трагедіи Шекспира „Макбетъ“, превосходная постановка „Привидѣній“ Ибсена, „Всѣхъ скорбящихъ“ Хейерманса, „Зимняго сна“ Дрейера, „Мастера“ Германа Бара, — все это несомнѣнныя и крупныя заслуги театра въ тѣхъ скромныхъ предѣлахъ, какіе допускаютъ его условія. Особенно приходится подчеркнуть великолѣпно разыгрываемую (если не безъ недочетовъ, то съ подкупающей свѣжестью, искренностью, увлеченіемъ) истинно-прекрасную пьесу Хейерманса „Всѣхъ скорбящихъ“. Она чужда намъ во многомъ, борьба направленій въ нѣдрахъ католическаго христіанства не можетъ такъ остро чувствоваться нами, какъ она чувствуется, вѣроятно, на родинѣ даровитаго драматурга, но фигура Риты, эта жизнерадостная, глубоко языческая и глубоко соціалистическая фигура,—что-то вродѣ первой ласточки новаго пролетарскаго романтизма. Вообще въ этой пьесѣ есть что-то молодое,

обѣщающее, весенне-зеленое, и одна эта пьеса, одна эта постановка г. Попова въ моихъ глазахъ стоитъ большаго, чѣмъ все исканіе новыхъ путей г. Мейерхольдомъ, инстинктивно толкающимъ театръ по пути вредному и для драмы, и для публики въ моментъ того относительнаго разброда и нѣкотораго идейнаго недоумѣнія, которое мы переживаемъ.

Я ограничиваюсь пока этими замѣчаніями, имѣя въ виду поговорить болѣе подробно о театрѣ и его судьбахъ въ готовящемся къ печати сборникѣ.

А. Луначарскій.

Хроника русской жизни.

Передъ новой Думой.—Продовольственная вакханалія и податной бойкотъ.—Еще одинъ „рапортъ".

I.

Соціалъ-демократія уже начала выборную кампанію. Организуются участковыя, городскія, уѣздныя, губернскія бюро, выпускаются листки, дѣлаются шаги къ легализаціи—работа кипитъ... Конечно, не надо преувеличивать значенія этой работы. Не надо забывать, что партія пролетаріата стоитъ сейчасъ поистинѣ между Сциллой и Харибдой; съ одной стороны, азіатскія жестокости правительства, съ другой—внутренніе дефекты партіи, сказывающіеся особенно остро именно въ наиболѣе серьезные моменты, наконецъ, отсутствіе всякаго избирательнаго опыта, — вѣдь въ первый разъ пролетаріатъ, „гордо швырнулъ въ лицо кровавому правительству его пригласительный билетъ"—безспорно, огромны препятствія, стоящія на пути. Но вѣдь велики и силы пролетаріата. Всѣ данныя, поскольку они проникаютъ изъ подполья на свѣтъ Божій, говорятъ за то, что работа идетъ, не останавливаясь...

Общія основанія уже разработаны на общероссійской конференціи, какъ извѣстно, постановившей, что формы соглашеній должны сообразоваться съ мѣстными условіями. Посмотримъ, что говорятъ и пишутъ „на мѣстахъ". *Симферополь*: соціалъ-демократическая партія не въ состояніи выставить самостоятельной кандидатуры. *Екатеринославъ*: сильны правыя партіи, соціалъ-демократы рѣшили вступить въ соглашеніе въ первой стадіи съ кадетами. *Ростовъ-на-Дону*: начались переговоры между с.-д. и к.-д. Изъ общаго числа выборщиковъ 35 отданы с.-д., а 45—к.-д. *Кіевъ*: кіевскій комитетъ высказался за необходимость соглашенія съ к.-д. независимо отъ стадій, когда явится необходимость провести демократическаго кандидата. *Полтава*: произошло соглашеніе съ к.-д. *Екатеринославъ*: возможно соглашеніе съ мелкобуржуазными элементами, объединенными около одного радикала. *Кутаисъ*: с.-д. высказываются за соглашенія съ к.-д. *Сѣверо-кавказскій союзъ*: выставить са-

мостоятельныхъ кандидатовъ въ районѣ союза почти нѣтъ никакой возможности. *Кубанская область* пошлетъ оппозиціонныхъ казаковъ, *Черноморская*—радикальныхъ кандидатовъ. Провести соціалъ-демократовъ нельзя. Постановленіе, вынесенное центральнымъ комитетомъ „Бунда": 1) въ томъ случаѣ, когда объединенными силами революціонныхъ партій можно провести вмѣсто кадета болѣе лѣваго кандидата, съ кадетами ни въ какомъ случаѣ входить въ соглашеніе не слѣдуетъ; 2) вопросъ относительно соглашеній съ кадетами рѣшается не для всей губерніи, а въ каждомъ избирательномъ пунктѣ отдѣльно, въ зависимости отъ того, существуетъ ли въ данномъ мѣстѣ черносотенная опасность при выборахъ; 3) при соглашеніяхъ съ еврейскими избирательными группами слѣдуетъ разобрать въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ и рѣшить вопросъ въ зависимости отъ того, какой характеръ носятъ списки выборщиковъ и кандидатовъ въ Думу; 4) съ сіонистами-соціалистами и „сеймовцами" (еврейская соціалистическая рабочая партія), какъ съ оппозиціонными партіями, допустимы соглашенія только въ исключительныхъ случаяхъ, когда безъ такихъ соглашеній можетъ пройти черносотенецъ, но когда черносотенной опасности можно избѣгнуть, вступая въ соглашенія только съ кадетами, то съ сіонистами-соціалистами и сеймовцами входить въ соглашенія не слѣдуетъ.

Итакъ, прежде всего не допустить, чтобы „монархическимъ партіямъ удалось, какъ думаетъ г. Столыпинъ, сплотить вокругъ себя народныя массы и составить большинство въ Государственной Думѣ", чтобы „къ измѣненію основныхъ законовъ въ духѣ установленія освященной вѣками государственной идеи русскаго народа врядъ ли встрѣтилось препятствіе"— вотъ задача, стоящая передъ партійными работниками во всей своей сложности и необходимости.

Мы должны превратить Думу прежде всего въ органъ борьбы съ бюрократіей; мы прежде всего должны отправить въ историческую гробницу ту надстройку, которая давитъ всѣ мало-мальски жизненные элементы русскаго общества, а для этого нужна полновластная Дума. По сравненію съ тѣмъ, что готовитъ г. Столыпинъ въ подарокъ камарильѣ и иже съ ними, разогнанная Дума, конечно, была верхомъ дерзновенія и непочтительности. Но мы прямо скажемъ: при всемъ томъ, вообще, и творческомъ геніи г. Столыпина, въ частности, если новая Дума повторитъ старую, не сдѣлавъ рѣшительнаго шага впередъ, по сравненію съ словесной оппозиціей, она ничего не сдѣлаетъ, ничего не достигнетъ... Необходимо во что бы то ни стало выковать орудіе не слова, а власти— органъ, который выразитъ, если не юридическое, то фактическое соотношеніе силъ. А для этого нуженъ центръ, объединяющій центръ. Если у насъ вездѣ, и въ городѣ, и въ деревнѣ, голоса разобьются, если въ то время, какъ на одномъ полюсѣ будетъ фигурировать одинъ списокъ, мы будемъ всѣ выставлять лишь самостоятельныя кандидатуры,—то мы

рискуемъ сыграть въ руку не только такъ называемымъ партіямъ порядка, но прямымъ черносотенцамъ. Мы рискуемъ сами себя изолировать вмѣсто того, чтобы изолировать реакцію. Въ основу своей агитаціи нужно класть свою соціалъ-демократическую программу, свои боевые лозунги, но это нисколько не идетъ вразрѣзъ съ стремленіемъ, если соціалъ-демократы въ новой Думѣ, допустимъ, не могутъ быть представлены лучше, чѣмъ въ старой, передать свои голоса с. р., трудовикамъ, даже кадетамъ...

Такъ подошла къ выборамъ партія пролетаріата—прямо, открыто, не утаивая отъ другихъ никакихъ сокровенныхъ побужденій. Такъ дѣйствуетъ и дѣйствовала соціалъ-демократія всегда и вездѣ...

Но... не такъ подходятъ къ дѣлу тѣ, кто мнитъ себя „хозяиномъ" не только прошлой, но и предстоящей Думы. Ихъ позиція прежде всего непрямая, не открытая. Въ сущности говоря, трудно сказать, за что они высказываются разъ навсегда—за соглашеніе или противъ. Чтобы получить представленіе о томъ, какъ они говорятъ противъ, послушайте мнѣніе г. Кутлера: „соединиться съ соціалъ-демократами было бы весьма важно въ практическомъ отношеніи,—говоритъ онъ,—но съ ними согласиться намъ очень трудно. Въ общемъ, к.-д. вопросъ о распредѣленіи мѣстъ въ самой Думѣ считаютъ преждевременнымъ въ настоящій моментъ". Очень вразумительно, неправда ли? Въ такомъ же стилѣ слѣдуютъ аргументы за. Дѣло въ томъ, что-такъ или иначе,—развивается ли позиція за или противъ,—вы чувствуете прежде всего боязнь тѣхъ элементовъ, о которыхъ идетъ рѣчь, та боязнь революціи, революціонныхъ постановокъ вопросовъ, которая до сихъ поръ была отличительной чертой кадетовъ. Страшно становится,—слышимъ мы отъ ихъ лидеровъ. Вѣдь кадетская программа есть программа „фатально-общая всей русской оппозиціи. Ее убавлять нечего". Между тѣмъ „Богъ ихъ (соціалъ-демократовъ) знаетъ, будутъ ли они „взрывать" Думу изнутри или поведутъ органическую работу въ самой Думѣ", подниметъ очи горѣ г. Милюковъ. То же г. Родичевъ: „Къ чему сводилась тактика соціалъ-демократовъ въ Думѣ, напр., какъ не къ тому, чтобы возможно успѣшнѣе сорвать ея скорѣйшій роспускъ? Они такъ и заявили, что вся ихъ парламентская работа направлена къ тому, чтобы доказать негодность Думы"... Г. Набоковъ высказывается еще яснѣе. Онъ боится соціалъ-демократовъ потому, что „главнѣйшія положенія" ихъ совсѣмъ иныя, чѣмъ соціалъ-демократовъ, потому что послѣдніе несомнѣнно будутъ всѣми силами препятствовать осуществленію этихъ положеній... [1]). Кадеты, хотя не предрѣшаютъ вопроса, не могутъ остановиться ни на одномъ практическомъ рѣшеніи. Болѣе того, настроеніе, поскольку оно сказывается въ ихъ дѣйствіяхъ и писаніяхъ, рѣзко отрицательное, т. е.

---

[1]) „Наша Жизнь", 13 декабря. „Партійные представители о соглашеніяхъ".

та самая партія, которая выставила на своемъ знамени всеобщее избирательное право, т. е. отказъ въ пользу пролетаріата отъ цѣлаго ряда привилегій въ свою пользу, на дѣлѣ, когда жизнь выдвинула на очередь одну изъ такихъ уступокъ, не въ состояніи относиться къ иначе, какъ къ серьезному, пролетаріату глубоко опасному колебателю всѣхъ своихъ основъ... То ли дѣло, напр., мирнообновленцы, которые, конечно, „не рѣшатся что-нибудь выкинуть изъ основныхъ положеній партіи народной свободы“ [1]).

Куда дѣлся тотъ пылъ, съ которымъ кадеты еще недавно противопоставляли партійности, узости иныхъ прочихъ свою склонность къ единству, тождественности интересовъ, ихъ доктринерству—свой политическій „реализмъ“, подправленный ссылками на Маркса, агитировавшаго въ 1848 г. за блокъ съ либералами? Стоило это идею, подъ своимъ угломъ зрѣнія, выдвинуть инымъ прочимъ, начать агитацію за нее въ трудящихся массахъ, какъ тѣ же реалисты-демократы подняли въ своемъ лагерѣ тревогу. Они не хотятъ, чтобы въ Думу проникли черносотенцы; но, оказывается, не многимъ болѣе имъ улыбается сосѣдство въ Думѣ „крайнихъ лѣвыхъ“, которые имъ надѣлаютъ бѣдъ... Ибо, другъ Гораціо, идея безъ конкретнаго приложенія и идея, какъ конкретная цѣль, какъ совершенно осязательная точка зрѣнія—вещи разныя.

Смыслъ кадетскихъ рѣчей не такъ ужъ теменъ, какъ кажется. Дѣло въ томъ, что они не могутъ „смотрѣть на будущую Думу, какъ на открытое поле для политическихъ экспериментовъ“, т. е. „предпочитаютъ видѣть тамъ людей, уже наученныхъ „опытомъ жизни“, а не тѣхъ, кто еще „нуждается въ новыхъ урокахъ“. Они хотятъ занять въ новой Думѣ то же господствующее положеніе, которое они занимали въ старой, положеніе думскаго большинства по меньшей мѣрѣ, „компактнаго прочнаго большинства, способнаго поддерживать стремленія партіи съ той же настойчивостью и съ той же вліятельностью, какъ это было въ первой Думѣ“. Между тѣмъ въ этомъ смыслѣ крайніе лѣвые будутъ во многихъ отношеніяхъ скорѣе вредны, чѣмъ полезны. Даже ставя своей задачей возвращеніе не только прежняго большинства, но большинства возможно болѣе усиленнаго, они едва ли могутъ думать, что соціалъ-демократы явятся факторомъ этого усиленія. Таковъ кадетскій „аппетитъ“. Разумѣется, трудно что-либо возразить противъ подобнаго... аппетита. Партія „народной свободы“, какъ всякая партія, имѣетъ свою соціальную психологію, свою мораль. Давно извѣстно, что если бы этой партіи не было на свѣтѣ, то Россія до сихъ не была бы „конституціонной“ страной, не имѣла бы ни одного правильнаго политическаго пріема борьбы съ темными силами, ничего, кромѣ грубыхъ ошибокъ, съ одной стороны, опасныхъ порывовъ—съ другой. Очевидно, разъ каждой партіи свойственно

---

[1]) „Рѣчь“, отъ 1 дек.

стремленіе къ расширенію своего вліянія, укрѣпленію своихъ основъ, то тѣмъ болѣе естественно оно въ рядахъ такихъ тонкихъ, образованныхъ политиковъ. Хозяева такъ хозяева—въ добрый путь! Только уже съ самаго начала просится лукавый вопросъ. Допустимъ, что наши хозяева были и будутъ самыми хорошими, образованными господами. Но не они ли признали въ Гельсингфорсѣ, что организацію общественнаго мнѣнія надо сдать въ архивъ? Не они ли выдвинули задачей дня организацію народныхъ силъ? Организацію народныхъ силъ... но развѣ все несчастіе хорошихъ господъ не въ томъ и состоитъ, что они никуда дальше „общественнаго мнѣнія" ступить не могутъ? Пусть революціонныя партіи въ тѣхъ или иныхъ направленіяхъ скорѣе вредны, чѣмъ полезны для осуществленія ихъ цѣлей, безъ нихъ организаціи народныхъ силъ нѣтъ; до тѣхъ поръ, пока революціоннаго центра не образуется, нѣтъ и не можетъ быть организаціи силъ...

Центръ тяжести еще не въ этомъ. Вѣдь для того, чтобы „болѣе, чѣмъ когда-либо, хотѣть выступать самостоятельно", мало одного сознанія своихъ высокихъ заслугъ. Для этого нужно и еще кое-что, между прочимъ, данныя за то, что такое выступленіе можетъ дать такое большинство. Вотъ тутъ-то и зарыта собака. „По общему впечатлѣнію,—читаемъ мы,—несмотря на всѣ репрессивныя мѣры, несмотря на упорство, съ которымъ правительство не признаетъ существованія партіи, несмотря даже на жестокія преслѣдованія послѣднихъ дней, позиціи партіи народной свободы и теперь вовсе не потеряны въ столицѣ" [1]). И не только въ столицѣ. „Общія условія,—заявляетъ В. Д. Набоковъ,—положенія партіи ничуть не измѣнились и вполнѣ аналогичны условіямъ при выборахъ въ первую Думу" [2]). „Нашъ исходный пунктъ—наша побѣда въ предыдущей кампаніи"... „Побѣда кадетовъ", блестящая первая побѣда—вотъ, что мерещится воображенію нашихъ обаятельныхъ ораторовъ, вотъ, что не даетъ безъ гримасы начинать разговоръ о томъ, о чемъ они такъ любили говорить въ ту пору, когда еще ихъ „обаяніе" только создавалось...

Но такъ ли, дѣйствительно ли „общія условія положенія партіи" не измѣнились, вполнѣ аналогичны и пр.? Мы категорически утверждаемъ: гг. Набоковъ и Милюковъ весьма основательно ошибаются въ своихъ разсчетахъ. Въ самомъ дѣлѣ, подойдемъ къ нашему текущему моменту. Только слѣпому или фанатику, упорно отказывающемуся считаться съ фактами дѣйствительности, не можетъ броситься въ глаза та характерная тенденція, которая съ такой силой сказывалась все время, начиная съ знаменитаго разгона. Никогда, кажется, политическая дифференціація въ русскомъ обществѣ не совершалась такъ остро. Тѣ самые помѣщики, которыхъ

1) „Рѣчь", отъ 9 декабря.

2) „Товарищъ", отъ 13 декабря.

мы, то и дѣло, съ такимъ успѣхомъ толкнули на аршинъ впередъ, которые въ такомъ количествѣ наполняли ряды сперва союза освобожденія, затѣмъ партіи гг. Милюкова и Набокова,—ни для кого не тайна численный составъ партій—эти самые помѣщики, послѣ думскихъ рѣчей на темы о выкупахъ, отчужденіяхъ и пр., такъ засуетились, такъ засуетились... Облетѣли цвѣты... Кадеты очень любятъ говорить о черносотенныхъ успѣхахъ, показывая тѣмъ, что они отнюдь не закрываютъ глаза на дѣйствительность, что они все видятъ, все предвидятъ. Между тѣмъ они именно не видятъ, не предвидятъ... Въ то время, какъ они съ проницательностью истинныхъ реальныхъ политиковъ всегда преувеличиваютъ силы хулиганскихъ сотенъ, дѣло вовсе не въ этихъ сотняхъ. Дѣло вообще въ соотношеніи силъ, въ политической эволюціи общественныхъ классовъ; прежде всего въ политической эволюціи дворянства, именно той его части, которая подъ вліяніемъ тѣхъ или иныхъ причинъ временно уклонилась въ сторону отъ притягательныхъ центровъ. Значеніе этого факта для будущей побѣды кадетовъ болѣе, чѣмъ осязаемо, въ особенности если принять во вниманіе, что „многихъ уже нѣтъ“. Шаховской, Линтваревъ, Яснопольскій, Ковальскій,—этихъ уже нѣтъ, а тѣ, которые остались, еще вчера поддерживали знамя „народной свободы“, сегодня, можетъ быть, кричатъ уже о негодности стараго избирательнаго закона, требуютъ „возстановленія разоренныхъ гнѣздъ“ при содѣйствіи субсидій и льготъ, введенія усиленной охраны отъ „народа“ и пр. Мало того, кадетскія потери этой стороной не ограничиваются. Процессъ политической дифференціаціи съ рѣзкимъ преобладаніемъ крайностей отразился на всѣхъ слояхъ общества. Поправѣло не только благородное сословіе, поправѣла и буржуазія опять-таки въ частности, и та часть, которая еще до Думы голосовала за кадетовъ. Безъ сомнѣнія, это не эволюція земскаго либерализма. Русская буржуазія никогда не была тѣмъ, чѣмъ являлось и является дворянство по отношенію къ правительству. Русская буржуазія, какъ бы финансовое вѣдомство ее ни умиротворяло послѣ разныхъ инцидентовъ, всегда имѣла и имѣетъ шансы быть недовольной. Но на какой „предметъ“ ей можетъ быть нужно кадетское большинство, да еще усиленное большинство послѣ выборгскаго воззванія, сказать трудно. Наоборотъ, всѣ съѣзды, всѣ программы, все поведеніе буржуазной оппозиціи показываетъ съ очевидной ясностью, что она правѣетъ, что во всякомъ случаѣ она такъ же далека отъ кадетовъ, какъ отъ партій правительственнаго блока.

Наконецъ, развѣ кадетская побѣда тогда, въ первую кампанію, была побѣдой кадетовъ? Кого только ни объединила дубасовская дубинка подъ этимъ проблематичнымъ знаменемъ! Тѣ же соціалъ-демократы—единственная партія, ставящая своей цѣлью развитіе классоваго сознанія, остались въ подпольѣ съ своими абстрактными фантазіями, а отпоръ требовался сейчасъ, сію минуту... И главная струя политической жизни потекла къ кадетамъ,

ибо они шли наносить ударъ сейчасъ, сію минуту, какъ ни робки, ни рѣшительны были ихъ шаги... Въ извѣстномъ смыслѣ это была не болѣе, какъ политическая случайность...

Такова предстоящая побѣда, таково возможное „большинство“ хозяевъ...

Мы не заражены конституціонными предразсудками; соціалъ-демократія не гналась и не будетъ гнаться за мѣстечками вопреки какимъ бы то ни было условіямъ. Наконецъ, прошлые выборы показали, чего могутъ добиться соціалъ-демократы при извѣстной энергіи. Мы искренно безъ задней мысли совѣтуемъ кадетскимъ избирателямъ хорошенько пораздумать надъ призывами, которые имъ съ такой легкостью бросаютъ ихъ „побѣдоносные“ публицисты. Вѣдь хотятъ или не хотятъ они дать практическую постановку вопросу, они вынуждены будутъ дать ее, какъ только первый жизненный натискъ этого потребуетъ, дать именно такого рода постановку, какую потребуетъ эта волна...

II.

Въ то время, какъ помѣщики клянчутъ о милостяхъ и льготахъ, добиваются охраны частной собственности въ видѣ ежегодной ренты, съ одной стороны, и цѣлаго ряда „мѣръ предупрежденія“—съ другой, продовольственная помощь населенію, изъ котораго въ концѣ концовъ и выколачиваются эти ренты, какой бы оно само ни переживало глубочайшій кризисъ, становится все ничтожнѣе, связана съ еще болѣе возмутительными злоупотребленіями, чѣмъ когда бы то ни было.

Еще весной мы описывали, какъ въ Воронежской губерніи семьи въ пять—семь человѣкъ спасались отъ голодной смерти, собирая по одной или по двѣ картофелины у „богатыхъ“; какъ въ Казанской губерніи мѣстами почти въ каждомъ домѣ лежатъ больные, гдѣ 2, гдѣ 3: тифъ, цынга, злая корча отъ спорыньи. Впрочемъ, надо ли говорить у насъ о голодѣ, какъ о явленіи, которое такъ же внезапно уходитъ, какъ приходитъ? Это „лежанье“ настолько регулярно повторяется изъ года въ годъ, что представляетъ скорѣе нормальное состояніе, чѣмъ случайность. Это особый терминъ, выработанный русской жизнью послѣ долгаго горькаго опыта... Но разница между теперешнимъ положеніемъ и тѣмъ, о которомъ мы въ свое время писали, все же есть; ихъ отдѣляетъ день 28 іюня, тотъ день, когда министры финансовъ и внутреннихъ дѣлъ внесли въ Думу свои знаменитыя предложенія объ ассигновкѣ чрезвычайнымъ сверхсмѣтнымъ кредитомъ 50 милліоновъ рублей на выдачу пособій населенію пострадавшихъ отъ неурожая мѣстностей и предоставленіи министру финансовъ изыскать источникъ для покрытія означеннаго кредита... Люди, доведшіе народъ до вырожденія, до того, что терзаемый муками голода, отецъ про-

даетъ свою дочь, мужъ жену и пр.,—эти люди заявляли Думѣ, что забота о прокормленіи этого самаго голодающаго народа должна быть поручена не кому иному, какъ имъ... Какъ извѣстно, это требованіе было уважено. Правда, было постановлено просимыхъ 50 милліоновъ не давать, но все же 15 милліоновъ было предоставлено. Кромѣ того, какъ только Дума была разогнана, г. Столыпинъ прибавилъ по своему усмотрѣнію остальные 35 милл. Такимъ образомъ, если весной мы могли наблюдать лишь за тѣмъ, какъ дѣйствуетъ комитетъ помощи голодающимъ, устроенный при вольно-экономическомъ обществѣ, т. е. исторію закрытія устраиваемыхъ имъ столовыхъ, высылокъ „неизвѣстныхъ лицъ“, присылаемыхъ комитетомъ, конфискаціи денегъ, то сейчасъ передъ нами лишній случай посмотрѣть, какъ накормилъ голодающихъ самъ г. Столыпинъ. Трудно, повторяемъ, представить себѣ всѣ ужасы этой кормежки...

Вотъ образчики. Въ с. Новоигорѣ (муром. у.) по большей части у крестьянъ выходитъ запасъ хлѣба, но правительство до сихъ поръ не производитъ раздачу обѣщеннаго хлѣба. Крестьяне въ недоумѣніи. Въ Бугульминскомъ уѣздѣ многія земли остались просто незасѣянными, такъ какъ продовольственный хлѣбъ для осѣмененія не былъ выданъ: кормовые выдаются только нѣкоторымъ. Крестьянамъ дер. Сабуровки (Кирс. уѣзда) правительство въ средствахъ на обсѣмененіе озимаго посѣва отказало, какъ и деревнямъ Казанской губ.: „казенный кормовой хлѣбъ обѣщали выдавать въ сентябрѣ, но не выдаютъ еще и теперь“. Въ Самарской губ. ссуда обѣщана еще въ іюлѣ, но не выдается, прошенія крестьянъ даже не читаются. То же въ Саратовской, Пензенской губ.

Безъ сомнѣнія, изъ милліоновъ рублей тѣ или иныя крохи не могутъ время отъ времени не попадать въ голодные рты. Но что это за крохи! Хлѣбъ, присланный изъ Симбирска въ количествѣ 76 вагоновъ, какъ и изъ Бугулька въ количествѣ 86 вагоновъ, оказался никуда негоднымъ. Сто тысячъ пудовъ хлѣба оказались никуда негодными. Поступившая отъ министерства внутреннихъ дѣлъ рожь для продовольствія населенія Тульской губ. оказалась болѣе чѣмъ наполовину негодной. Изъ прибывшихъ 153 вагоновъ ржи не забракованы лишь 76 вагоновъ. Забраковано 84 вагона. Изъ Хвалынска телеграфируютъ, что зерновой хлѣбъ въ количествѣ 230,000 пудовъ, предназначенный для продовольствія и обсѣмененія полей уѣзда, оказался плохого качества, съ примѣсью 25 проц. суррогатовъ. Даже земскій начальникъ, которому поручено вести продовольственное дѣло, забраковалъ 50,000 пудовъ сѣменной пшеницы и отказался отъ дальнѣйшей пріемки, такъ какъ если эта пшеница будетъ выдана крестьянамъ на сѣмена, то въ будущемъ году въ уѣздѣ будетъ чисто искусственный голодъ. При такихъ условіяхъ хлѣбъ сходитъ за хлѣбъ довольно своеобразно. Такъ, напр., въ слободѣ Покровской, гдѣ доставляемый для обсѣмененія хлѣбъ предсѣдатель съѣзда земскихъ начальниковъ г. Европеусъ принимаетъ безъ экспертизы. По

21 ноября никѣмъ не просмотрѣнной пшеницы было принято 150 вагоновъ по 750 пудовъ. Заключающіе въ Петербургѣ сдѣлки съ правительствомъ поставщики стараются обойти и „тѣ снисходительныя для нихъ условія“, которыя поставлены имъ завѣдующимъ продовольственнымъ дѣломъ, чинами министерства внутреннихъ дѣлъ. Какъ извѣстно, одна петербургская фирма пыталась сбыть 140 тысячъ пудовъ ржи съ примѣсью 5 проц. земли и сора. Когда комиссія съ завѣдующимъ мѣстнымъ отдѣленіемъ торгово-промышленнаго банка Ф. И. Понамаренкомъ и П. П. Тупицинымъ во главѣ признала рожь прѣлой, г. Европеусъ заявилъ, что отказъ отъ ея принятія можетъ отразиться дурно... на его служебномъ положеніи. Естественно, назначенная для экспертизы той же ржи другая комиссія признали ее „годной“...

Или въ самомъ дѣлѣ, гг. Пономаренко и Тупицинъ—злонамѣренные люди, задавшіеся цѣлью во что бы то ни стало скомпрометтировать „русское знамя“? Министерство внутреннихъ дѣлъ, торопясь „успокоить“ благоразумную часть общества, даже вопреки своему благоразумію, начинающую выказывать всѣ признаки недовольства кормежкой г. Столыпина, такъ давно и увѣряетъ, что дѣло именно потому придетъ къ благопріятному концу, что оно поручено хорошимъ, честнымъ исполнителямъ. Посмотрите же на гг. исполнителей. Голодные крестьяне села Полудней Бугурусл. у.) обрадовались привезенному, наконецъ, продовольственному хлѣбу. Но тутъ-то они столкнулись съ однимъ изъ „исполнителей“. Старшина Кирченковъ прежде всего приказалъ, ссыпая хлѣбъ въ общественный амбаръ, отсыпать особо отъ каждаго воза по десяти фунтовъ. Всего возовъ 50. На вопросы, для чего этотъ хлѣбъ нуженъ старшинѣ, кому этотъ хлѣбъ нуженъ, старшина отвѣчалъ, будто бы, этотъ хлѣбъ нуженъ Красному Кресту (?). Какъ ни упирались крестьяне, заявляя, что имъ нечего ѣсть, старшина все-таки взялъ свое... Еще лучше поступилъ священникъ Ельцовъ, села Степановки (Буз. у.), получившій средства для прокормленія голодающихъ. Ельцовымъ для завѣдыванія раздачей закупленнаго были указаны крестьяне Андреевъ, Шаликъ, Степановъ и Тимаковъ. Эти лица закупленнымъ надѣлили преимущественно своихъ родственниковъ. Рекомендованныя Ельцовымъ лица отдали даже печь хлѣбъ по домамъ родственникамъ, гдѣ отпущенная мука подмѣнялась и вмѣсто пшеничнаго хлѣба былъ выпеченъ полуржаной сырой, съ примѣсью отрубей. Священникъ на свою долю бралъ паекъ на 10 человѣкъ... Хлѣбъ, закупленный елецкимъ предводителемъ дворянства Ветчинниковымъ, переправлявшійся черезъ Царицынъ, потому „врядъ ли достигъ мѣстъ своего назначенія“, что командированный въ Царицынъ для перегрузки управляющій имѣніемъ Дурново г. Янакъ... не зналъ, какъ приступить къ дѣлу, т. е., яснѣе выражаясь, желѣзнодорожные дубликаты, полученные имъ, сваливалъ въ уголъ занимаемаго имъ номера въ гостиницѣ де-

тѣхъ поръ, пока ему не было выяснено надлежащее назначеніе этихъ дубликатовъ...

Что продѣлываютъ одни земскіе начальники! Можно по истинѣ сказать, жадность всѣхъ этихъ отдѣльныхъ піявокъ, присосавшихся къ мужицкой мошнѣ, является факторомъ не менѣе чувствительнымъ, чѣмъ тѣ стихіи природы, передъ которыми крестьянинъ стоитъ, какъ пораженный громомъ...

Но... не въ піявкахъ дѣло. Кто хоть разъ помѣшалъ имъ дѣлать свое дѣло? Укажите мнѣ того обывателя, — разумѣется, изъ тѣхъ, кто сколько-нибудь втянутъ въ политическую жизнь Россіи,—который бы по поводу подобныхъ фактовъ сталъ сейчасъ охать и ахать... Мы испытали въ предѣлахъ земныхъ слишкомъ для того, чтобы какія-нибудь растраты и хищенія могли поражать еще чье-либо воображеніе, не говоря уже о тѣхъ самыхъ размѣрахъ, которыхъ до сихъ поръ достигали этого рода „шалости“ нашихъ чиновныхъ особъ. Все сіе весьма избито, и если около продовольственной кампаніи сейчасъ поднялась буря, то это не оттого даже, что растраты превысили, такъ сказать, обычный градусъ—о какой тутъ нормѣ можетъ идти рѣчь!—а оттого, что... плохи, охъ, какъ плохи стали времена!.. Съ одной стороны, гг. Лопухины, Пѣтуховы, Урусовы, съ другой—гг. Ковалевскіе, Кутлеры, Стаховичи—кого вѣшать, въ кого стрѣлять? „Я считаю необходимымъ печатно огласить, что я авторъ той замѣтки,—пишетъ г. Стаховичъ г. Гурко,—чтобы дать вамъ теперь возможность привлечь меня за клевету или диффамацію, такъ какъ теперь вамъ извѣстно, кто печатно огласилъ и оглашаетъ порочащія вашу честь свѣдѣнія“. Онъ имѣетъ основанія думать, что на судѣ должны даже открыться обстоятельства, оглашеніе которыхъ еще болѣе задѣнетъ честь г. Гурко, его отношеніе къ служебному долгу. Такъ пишетъ г. Стаховичъ, тотъ самый, который изобличилъ уже П. Н. Дурново съ знаменитымъ „овсомъ“—не стрѣлять же въ него за это, не вѣшать, какъ того не заслуживаютъ съ точки зрѣнія г. Гурко и m-me Эстеръ всѣ измѣнники русскаго знамени...

Продовольственныя хищенія сейчасъ пріобрѣтаютъ интересъ прежде всего потому, что имъ предшествовалъ тотъ самый день 23 іюня, о которомъ мы говорили. Намъ приходитъ на память все богатое содержаніе этого дня. Въ самомъ дѣлѣ, что въ этотъ день произошло! Русскіе министры — послѣ всѣхъ арестовъ, погромовъ, разстрѣловъ, тянувшихся безконечной вереницей еще до введенія военно-полевой юстиціи, задумали показать европейскимъ банкирамъ, что все же имъ, именно имъ, русскимъ министрамъ, народъ ввѣряетъ деньги для организаціи помощи голодающимъ... Тонко подошли они къ Думѣ... И вотъ ясный и опредѣленный отказъ, мотивированный, конечно, тѣмъ, что правительство всегда найдетъ деньги, если оно захочетъ, если оно тѣ

самыя деньги, которыя оно тратитъ на войну съ народомъ, обратить въ продовольственный фондъ, дали одни соціалъ-демократы. Ихъ резолюція—въ виду сложившихся событій—имѣетъ столь злободневный интересъ, что мы приводимъ ее цѣликомъ, тѣмъ болѣе, что стенографическіе отчеты Думы, отпечатанные въ свое время въ государственной типографіи, являются уже... полулегальными матеріалами...

Признавая, — читаемъ мы: 1) что значительной части крестьянскаго населенія Россіи грозитъ голодъ, и что населеніе нуждается въ немедленномъ оказаніи самой широкой помощи на продовольствіе и обсѣмененіе полей; 2) что одной изъ главныхъ причинъ крестьянскихъ голодовокъ является безконтрольное хозяйничанье самодержавнаго правительства, распоряжающагося всѣми средствами изъ народнаго кармана, отрывающаго множество рабочей силы на военную и полицейскую службу и своей опекой мѣшающаго развитію хозяйственныхъ силъ крестьянства; 3) что невозможно допустить ни малѣйшаго прикосновенія къ дѣлу помощи голодающимъ правительства и администраціи, являющихся истинными виновниками голодовокъ, тратящихъ народныя деньги на войну съ народомъ и, какъ показалъ неоднократно опытъ, прикрывающихъ расхищеніе собранныхъ на дѣло помощи средствъ и мѣшающихъ отдѣльнымъ лицамъ и общественнымъ организаціямъ оказывать крестьянамъ эту помощь,—соціалъ-демократическая фракція Государственной Думы полагала признать, что: 1) въ настоящее время недопустимо сосредоточеніе въ рукахъ безотвѣтственнаго правительства какъ организаціи продовольственной помощи, такъ и всякаго рода продовольственныхъ капиталовъ; 2) отказывая настоящему правительству въ выдачѣ въ его распоряженіе какихъ бы то ни было суммъ, Государственная Дума постановляетъ немедленно образовать продовольственный комитетъ при Государственной Думѣ и поручить ему командировать своихъ членовъ на мѣста и организовать мѣстные комитеты изъ среды голодающихъ, привлекая къ дѣлу помощи органы самоуправленія, городскіе и земскіе, и свободныя общественныя организаціи; 3) не довѣряя оффиціальнымъ даннымъ о состояніи государственныхъ финансовъ и находя, что средства для первоначальной помощи голодающимъ могутъ быть добыты немедленно путемъ уничтоженія секретныхъ фондовъ, сокращенія военныхъ расходовъ, распущенія казачьихъ войскъ, несущихъ полицейскую службу, уничтоженія расходовъ на жандармерію, полицію, политическій сыскъ и сельскихъ стражниковъ, сокращенія жалованья и пенсій всѣмъ высшимъ чинамъ какъ гражданскаго, такъ и военнаго вѣдомства, и обращенія на нужды голодающихъ доходовъ съ кабинетскихъ, удѣльныхъ, церковныхъ и монастырскихъ имѣній и капиталовъ,—Государственная Дума для изысканія дальнѣйшихъ средствъ находитъ необходимой дѣйствительную и тщательную провѣрку наличныхъ счетовъ государственнаго казначейства, для чего и поручаетъ бюджетной комиссіи немедленно

выработать и срочно доложить Государственной Думѣ основанія такого рода провѣрки и сокращенія расход въ [1]).

Быть можетъ, не всѣ эти положенія могутъ быть одобрены съ той или иной точки зрѣнія, не всѣ заключенія приняты,—рѣдкая партія можетъ на это претендовать, но... какъ на самомъ дѣлѣ отнеслись „хозяева Думы" къ с.-д. резолюціи? Тѣ самые кадеты, которые всего 10 дней до того постановляли, что дѣло помощи голодающимъ тормазится и будетъ тормазиться администраціей, пока у власти остается нынѣшнее правительство, что необходима организація помощи, при которой ассигнованныя средства находились бы подъ строгимъ контролемъ Государственной Думы [2]), теперь, 23 іюня, когда настала часъ не говорить патетическія фразы, а дѣлать дѣло, вступаютъ въ споръ съ соціалъ-демократами, дѣлая крутой поворотъ назадъ и.. постановляютъ дать деньги нынѣшнему правительству.

Разумѣется, мнѣніе кадетовъ не такъ ужъ гладко бы прошло, если бы оно встрѣтило солидную оппозицію со стороны той революціонной демократіи, о которой съ такимъ трепетомъ душевнымъ пишутъ и говорятъ наши „большевики". Но—увы!—тѣ самые крестьяне, на которыхъ зиждилась группа, которые, казалось бы, должны были съ наибольшимъ реализмомъ отнестись къ вопросу о продовольственной помощи деревнѣ, отнеслись не только къ соціалъ-демократамъ достаточно „сдержанно", но и къ самому дѣлу. Они предпочли, повидимому, скорѣе слушать тонкихъ діалектиковъ, которыхъ въ Думѣ было такъ много, чѣмъ развивать свои взгляды—гдѣ ужъ тутъ искать энергіи, послѣдовательности—и когда дѣло дошло до общаго голосованія, соціалъ-демократы оказались гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, ибо трудовики, въ значительномъ большинствѣ, голосовали вмѣстѣ съ кадетами. Рѣшеніе кадетовъ было осуществлено...

И вотъ...

Гурко, Лидваль, m-me Эстеръ... Гурко, товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ, которому г. Столыпинъ поручаетъ показать европейскимъ банкирамъ, какъ русское правительство умѣетъ кормить голодающихъ, сдаетъ подрядъ на поставку 10 милліоновъ пудовъ хлѣба торговому дому... то бишь, ватерклозетной фирмѣ Лидваль, выдавъ сперва 800,000 рублей въ счетъ поставки, затѣмъ еще, въ общемъ, до $1^1/_2$ милл. О томъ, какую роль играла въ этой тройкѣ m-me Эстеръ, можно было бы, разумѣется, оставить на совѣсти г. Гурко, если бы не оказалось, что... передъ нами одно изъ тѣхъ дѣлъ, которыя такъ успѣшно обдѣлываются въ мастерской Эстеръ, вообще. Лидваль не только не доставилъ 10 милліоновъ къ сроку который обозначенъ въ договорѣ, но то, что онъ доставилъ, не окупаетъ, даже значительной части полученнаго аванса. Если же принять во вни-

---

[1]) Стенографическій отчетъ, стр. 1674.

[2]) Ibid., стр. 1259.

маніе, что самый контрактъ съ Лидвалемъ составленъ съ такимъ мастерствомъ, что, въ сущности, ватерклозетная фирма его можетъ совершенно свободно отказаться отъ всякой отвѣтственности, то станетъ вполнѣ понятно все, чего заслужила партія народной свободы за свое отношеніе къ соціалъ-демократической резолюціи 23 іюня, за то рѣшеніе, которое она приняла при сочувствіи трудовиковъ, когда—послѣ цѣлаго ряда обаятельныхъ рѣчей—пришлось перейти къ дѣлу...

Отсюда вопли крестьянъ, до того лишенныхъ помощи, что приходится питаться желудями до тѣхъ поръ, пока Богъ не приберетъ; отсюда тотъ песокъ, та грязь, та лебеда, которыя доставляются вмѣстѣ съ хлѣбомъ и вмѣсто хлѣба, отсюда вся сѣть хищной прожорливой птицы, вьющейся около кампаніи... Мелкіе хищники ничѣмъ не отличаются отъ крупныхъ, вродѣ губернаторовъ, рекомендующихъ гг. Лидвалей. А за тѣми и другими—система...

Состоялось высочайшее повелѣніе о разслѣдованіи дѣла. Конечно, коммиссія, при извѣстныхъ условіяхъ, можетъ открыть два-три новыхъ штриха, можетъ и совсѣмъ замять дѣло. Но давно извѣстно, что не въ коммиссіяхъ дѣло. Дѣло въ системѣ. Въ постановкѣ всего продовольственнаго дѣла?—можетъ быть, спроситъ читатель старой либеральной фразой. Но что такое постановка продовольственнаго дѣла? Что такое общественный контроль въ продовольственномъ дѣлѣ безъ общественнаго контроля вообще, общественная инициатива въ этомъ дѣлѣ безъ инициативы вообще? Нѣтъ, ужъ будемъ ждать новаго „23 іюня“...

III.

Плохо кормятъ наши правители... Зато, говорятъ, они сами хорошо кормятся. „Енъ достанетъ“!.. Противорѣчиво такое положеніе, а до сихъ поръ остается вѣрнымъ...

Только сейчасъ мы замѣчаемъ любопытную фазу, въ какую вступаетъ крестьянское движеніе. Приговоры, убійства, поджоги крестьянскихъ усадебъ — глубоко ошибся бы тотъ, кто повѣрилъ бы въ ту тишину, о которой съ такимъ паѳосомъ провозглашаютъ представители нашей аграрной демагогіи. Быть можетъ, послѣ роспуска Думы былъ такой моментъ, когда крестьянство какъ бы попало въ какой-то психологическій тупикъ. Но, въ общемъ, движеніе растетъ все сильнѣй и сильнѣй, и тишина, которой готовы утѣшать себя или, точнѣе, другихъ, наши министры,—предательская тишина... И вотъ въ этомъ слагающемся новомъ потокѣ съ чрезвычайной яркостью выступаетъ одно теченіе, проявляющееся съ какой-то стихійной силой: это—податная забастовка.

Какъ извѣстно, неплатежъ тоже былъ однимъ изъ призывовъ выборгскаго воззванія. Первый призывъ — не идти въ солдаты — мы уже под-

вергли критикѣ на данныхъ рекрутскаго призыва въ прошломъ обозрѣніи. Факты дѣйствительности разбиваютъ подобныя иллюзіи. Совершенно обратное оказывается съ отказомъ отъ податей. Оказывается, этотъ отказъ проходитъ съ такимъ единодушіемъ, что власть положительно не въ состояніи съ нимъ бороться.

Въ самомъ дѣлѣ, обратимся къ фактамъ. Прежде всего—необходимо замѣтить — дѣло не въ воззваніи. Безъ сомнѣнія, власти не въ силахъ были воспрепятствовать распространенію этого популярнаго документа,— вездѣ на базарахъ, въ деревняхъ, на сходахъ — воззваніе бралось на расхватъ, и весьма солидная часть отказовъ носитъ чисто политическій характеръ. Такъ, „земскихъ повинностей, — пишутъ въ своемъ приговорѣ крестьяне села Святцева, Новоторжскаго уѣзда, — мы рѣшили не вносить до тѣхъ поръ, пока не добьемся народнаго земства, съ введеніемъ мелкой земской единицы на основѣ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго избирательнаго права. Эти справедливыя требованія, касающіяся земскаго устройства, можетъ рѣшить лишь Всенародное Учредительное Собраніе. Если управа, несмотря на то, что крестьяне не вносятъ земскихъ повинностей, продолжаетъ свою дѣятельность, значитъ, она не хочетъ идти на встрѣчу нашимъ требованіямъ, значитъ, она хочетъ вернуться къ прошлому. Поэтому мы требуемъ, чтобы управа сложила свои обязанности и передала все дѣло въ руки, къ чему и подписуемся“. Въ Орловской губ. крестьяне говорятъ: „дайте землю, тогда разсчитаемся со всѣми“, „когда отдадутъ землю—все начисто заплатимъ“. Въ Балтійскомъ уѣздѣ крестьяне отказываются платить до созыва Государственной Думы. Крестьяне Курской губ. на всѣ требованія заявляютъ: соберите Государственную Думу, тогда уплатимъ до копеечки. Въ Новгородской губ. движеніе среди крестьянъ носитъ политическій характеръ. Въ приговорѣ Сурушинскаго сельскаго общества читаемъ: „населеніе не довѣряетъ болѣе своихъ кровныхъ денегъ дворянско-помѣщичьему земству; мы предлагаемъ волостному сходу выборы гласныхъ въ земство на новое трехлѣтіе не производить до полнаго реформированія его новой Государственной Думой“ и „образовать при волости свое временное земство, которому и передать всѣ дѣла, ведущіяся теперь земствомъ“. Конечно, къ этому типу движенія слѣдуетъ отнести и тѣ отказы, въ которыхъ крестьяне хотя и не отдаютъ еще себѣ яснаго отчета во всемъ, но инстинктивно тянутся къ общимъ мотивировкамъ въ своихъ объясненіяхъ съ властями... Газетныя извѣстія особенно пестрятъ подобными исторіями. Все это такъ. Однако, не надо преувеличивать роли агитаціи, значенія выборгскаго воззванія и пр. въ этомъ движеніи. Не надо забывать, что лишь тѣ движенія всегда и вездѣ получали конкретное развитіе, которыя прежде всего имѣли экономическую почву подъ собой. Какъ ни реально то или иное идейное вліяніе въ деревнѣ, отказъ отъ платежа налоговъ для крестьянина является прежде

всего простымъ констатированіемъ факта: въ теченіе многихъ лѣтъ, многихъ десятилѣтій изъ него выколачивалось все, что можно было выколачивать, и вотъ наступилъ моментъ, когда „ёнъ“ достать уже не можетъ, когда — въ силу извѣстныхъ комбинацій — быть можетъ, еще сегодня-завтра кое-гдѣ покормиться около него можно, но, что будетъ послѣзавтра, предсказать невозможно...

„Забастовка“, понятно, прежде всего отразилась на земствахъ. Такъ, самыя незначительныя поступленія оказались въ воронежской, тульской земской управѣ, тверской, казанской, полтавской и пр. „Денегъ нѣтъ въ земствѣ. Школы и больницы должны закрываться“, пишутъ изъ Белебеевскаго уѣзда. Закрываются не только школы, больницы, но земскіе склады, земскія статистическія отдѣленія. Отсутствіе денежныхъ поступленій дѣлаетъ, наконецъ, невозможнымъ самое функціонированіе земства. Не менѣе рѣзко сокращеніе казенныхъ сборовъ. Извѣстный циркуляръ, подписанный г. Столыпинымъ и г. Коковцовымъ, который подтверждаетъ, что „политическія волненія понизили въ населеніи чувство законности и сознаніе долга: плательщики стали намѣренно пренебрегать своими податными обязанностями“, говоритъ о „рѣзкомъ“ сокращеніи окладныхъ сборовъ. Циркуляръ говоритъ не объ однихъ послѣднихъ мѣсяцахъ. Оказывается, еще къ 1-му январю 1906 года недоимки съ частновладѣльческихъ имуществъ достигли ни болѣе, ни менѣе, какъ 35 милл. руб. Съ крестьянскихъ надѣльныхъ земель за первые 6 мѣсяцевъ 1905 года, при годовомъ окладѣ въ 32 милл. руб., поступило 15 милл. руб., а въ 1906 году за то же время, при окладѣ въ 35 милл. руб., внесено всего 8 милл. руб. Цифры, кажется, достаточно внушительныя...

Какъ быть? Если гг. Гурко не умѣютъ кормить населеніе, то какъ поддержать собственное кормленіе, какъ устроить, чтобы изсякшій источникъ не засохъ совсѣмъ? Конечно, давно извѣстно, что русскіе администраторы весьма недолго ломаютъ голову надъ „вопросами“. Каковы бы ни были эти вопросы, у нихъ отвѣтъ готовъ. Такъ и въ данномъ случаѣ. Какъ можетъ быть, чтобы „ёнъ“ отказывался, ёнъ да не досталъ?! А посему: „населеніе должно быть приведено къ повиновенію закону, упорство недоимщиковъ должно быть сломлено всѣми законными мѣрами, сколь бы суровы и рѣшительны онѣ ни были: бездѣятельность и нерадивость исполнительныхъ чиновъ должна преслѣдоваться мѣстными начальствами съ примѣрной строгостью“—вотъ какъ отвѣчаетъ власть самой себѣ и своимъ исполнителямъ на мѣстахъ, вотъ чему должно быть посвящено все напряженіе силъ, весь служебный долгъ...

Такъ чины приступаютъ... Прежде всего, разумѣется, описывается имущество послѣ „вселенія убѣжденія въ безусловной неизбѣжности платежа“. Тульскій губернаторъ предупредилъ чиновниковъ, что ихъ „дальнѣйшая служба будетъ зависѣть отъ успѣшности взысканія недои-

мокъ"—и опись крестьянскаго имущества идетъ во-всю. То же въ Нижегородской губ., въ Гродненской и пр. Только — увы! — во-первыхъ, „что возьмешь съ бѣдняка-мужика,—какъ жаловался одинъ минскій чиновникъ, пострадавшій за „малоуспѣшное" взысканіе податей, — когда у него и имущества никакого нѣтъ для продажи"? Во-вторыхъ, кому продавать? На этой почвѣ происходитъ цѣлый рядъ недоумѣній. Такъ, въ Кудрявцевской волости, Корчевскаго уѣзда, были назначены уже три продажи съ аукціона крестьянскаго имущества, но покупателей не находилось ни одного, хотя бы на одинъ рубль. Въ Суражскомъ уѣздѣ крестьяне не приняли участія въ торгахъ. Мало того: создается и сознательный бойкотъ торговъ. Изъ Тирасполя сообщаютъ, что когда въ селеніи Слободзея, по распоряженію земскаго начальника и податного инспектора, свезено было на площадь для публичной продажи имущество, взятое съ недоимщиковъ: сельскія орудія, животныя, домашнія вещи, даже подушки, то собравшійся народъ заволновался, противясь дѣйствіямъ администраціи и, затѣмъ при крикахъ „ура", разобралъ всѣ свезенныя вещи. Продажа не состоялась.. одобные факты попадаются все чаще и чаще...

Такимъ путемъ ничего не выходитъ. И вотъ изыскиваются болѣе крѣпкіе пути. По свѣдѣніямъ „Вятскаго Края", въ Уртумскомъ уѣздѣ состоялся уѣздный съѣздъ, который прямо рѣшилъ, что вмѣсто отобранія имущества необходимо прямо употребить силу надъ крестьянами. Полиція угрожаетъ военнымъ судомъ, штрафомъ въ 3000 руб. (sic!), арестовываетъ цѣлыя группы крестьянъ, распространяетъ слухи, что, по указу царя, будетъ введена порка за неплатежъ податей и дѣйствительно поретъ; къ обывателямъ, не заплатившимъ подати, вводятся солдаты на постой. Наконецъ, правительство обращается къ одному изъ своихъ излюбленнѣйшихъ средствъ—посылаетъ карательную экспедицію въ деревню. Вотъ что мы читаемъ въ „Рѣчи": „Въ село Жирково, Константиноградскаго уѣзда, было командировано 50 стражниковъ для побужденія населенія къ уплатѣ податей. Стражники вступили въ село въ 10 ч. утра. Павелъ Шевченко, уплатившій всѣ сборы и недоимки, первымъ попался на глаза новымъ сборщикамъ и былъ жестоко избитъ нагайками. По дорогѣ въ волость той же участи подверглось еще 5 человѣкъ, въ томъ числѣ баба съ дѣтьми. Въ волости избитъ цыганъ, задержанный по неосновательному подозрѣнію въ воровствѣ... Затѣмъ стражники согнали жителей въ волость и объявили, что всѣ подати должны быть уплачены въ трехдневный срокъ". Кутаисскій генералъ-губернаторъ во время карательнаго объѣзда Гуріи требовалъ уплаты налоговъ огнемъ и мечомъ. А вотъ что пишетъ корреспондентъ „Симбирскихъ Вѣстей": „Пріѣхалъ я въ село Новодѣвичье. Сѣрыя тучи, дождь, грязь. Сижу въ избѣ у окна и задумался. Вдругъ я увидѣлъ страшное зрѣлище. Ѣдетъ тройка. По бокамъ, сзади, спереди— всадники, числомъ около 30. Всѣ поютъ, если только можно считать

пѣніемъ такія нечеловѣческія завыванія, гиканье, свистъ... Встрѣчные крестьяне сторонятся... Я ущипнулъ себя: думаю, что уснулъ и вижу сонъ изъ временъ Ивана IV... Но нѣтъ, оказывается, не сплю... Странно... послѣ мнѣ объяснили, что это новодѣвичьевскій приставъ ѣхалъ изъ какой-то карательной экспедиціи, окруженный стражниками, и что онъ уже не въ первый разъ проѣзжаетъ селомъ такимъ образомъ".

Въ такихъ случаяхъ полиція встрѣчаетъ иногда рѣшительный отпоръ. Такъ, въ то время, какъ отрядъ конныхъ и пѣшихъ стражниковъ чинилъ подобнаго рода насилія въ деревнѣ Кадошники, Уртумскаго уѣзда, крестьяне успѣли оповѣстить жителей сосѣднихъ деревень, которые и не замедлили явиться въ волостное правленіе. Народъ былъ такъ возбужденъ, что полиціи ничего не оставалось, какъ ускакать туда, откуда они пріѣхали. То же произошло въ Большемуринской волости, гдѣ дѣло прямо дошло до крупнаго столкновенія со стражниками. Однако, большей частью въ аналогичныхъ случаяхъ дѣло кончалось весьма грустно для крестьянъ. Засвистятъ нагайки, засвистятъ пули, запылаютъ огненные языки, пожирающіе послѣднее добро бѣдняка вмѣстѣ съ его избушкой на курьихъ ножкахъ—и послѣ всего этого груды тѣлъ, валяющихся среди пепла на „поученіе", которыя мстительная рука запрещаетъ убрать долго, долго...

Вотъ извѣстія, несущіяся со всѣхъ концовъ страны вмѣстѣ съ извѣстіями о разореніи, о болѣзняхъ, о страшныхъ голодныхъ смертяхъ. Если аграрный терроръ, не только не прекращающійся до сихъ поръ, но—совершенно наоборотъ—принимающій все болѣе и болѣе грозные размѣры рядомъ съ развитіемъ террористической дѣятельности вообще, является наполовину политическимъ, наполовину стихійнымъ, безсознательнымъ теченіемъ, то тѣмъ болѣе это относится къ „забастовочному" движенію. Податная забастовка является прежде всего выраженіемъ существующаго факта: деньги, предназначенныя на мужицкую кормежку, оказываются въ карманахъ кафешантанныхъ царей и царицъ—мужичку отказываютъ въ помощи, и онъ отказывается „давать"... Въ этомъ вся его непобѣдимость, и каковъ бы ни былъ кровавый туманъ, который гг. завоеватели Руси нашего времени готовятъ русской деревнѣ, какова бы ни была самая самоувѣренность ихъ въ томъ, что „ёнъ" достанетъ, долженъ достать, всѣ ихъ удары окажутся ударами въ глухую стѣну, слѣдовательно, вмѣстѣ съ тѣмъ ударами самимъ себѣ. Не жизненъ оказался одинъ призывъ, за то какъ реаленъ, болѣе, чѣмъ реаленъ,—другой!..

IV.

Мы говорили уже о томъ, какъ охраняется общественная безопасность въ Россіи тѣми лицами, которыя призваны ее охранять, о проникшемъ въ газеты письмѣ къ г. Столыпину бывшаго директора департамента

полиціи [1]). Теперь передъ нами новый документъ — рапортъ жандармскаго ротмистра Пѣтухова помощнику варшавскаго генералъ-губернатора по полицейской части. Въ письмѣ Лопухина мы видѣли, какъ подготовляется погромъ, какъ онъ направляется изъ руководящаго центра, такъ сказать, на мѣста, здѣсь,—какъ самый погромъ осуществляется. Въ первомъ случаѣ передъ нами фигурировало тайное правительство, которое скрыто отъ посторонняго глаза за высокой оградой своихъ чиновъ и орденовъ, во второмъ—уже правительство явное.

Но обратимся къ самому рапорту, тѣмъ болѣе, что онъ является не только подтвержденіемъ, но прямымъ продолженіемъ того, о чемъ писалъ г. Лопухинъ нашему свободолюбивому премьеру. Онъ пишетъ объ извѣстномъ августовскимъ погромѣ Сѣдлеца послѣ того, какъ генералъ-губернаторъ Сѣдлецкой губерніи генералъ-майоръ Энгельке приказомъ отъ 10 августа назначилъ начальникомъ охраны Сѣдлеца подполковника 39-го драгунскаго нарвскаго полка Тихановскаго. Ротмистръ такъ подавленъ, все видѣнное и слышанное имъ въ эти дни до того идетъ вразрѣзъ даже съ его жандармской психологіей, что надо отдать ему справедливость: все что онъ сообщаетъ,—рѣшительно до сихъ поръ нигдѣ не оглашенное въ печати,—болѣе, чѣмъ „откровенно", развѣ съ письмомъ Лопухина можетъ въ этомъ отношеніи соперничать.

Дѣло въ томъ, что сѣдлецкій погромъ совершенно особый погромъ. Вообще, въ погромахъ власть не выступаетъ открыто. Она прячется за спинами наемныхъ убійцъ, работая не собственными руками, а руками провокатора, не останавливаясь передъ оскорбленіемъ всего святого для того, чтобы достигнуть цѣли. Наоборотъ, она дѣлаетъ видъ, что стоитъ на стражѣ порядка, что защищаетъ избиваемыхъ, указываетъ, что это... не она, а народъ громитъ улицы, грабитъ магазины, неизвѣстно откуда дѣлаетъ выстрѣлы, дѣйствуетъ оружіемъ такъ разрушительно, что вызванныя войска не въ состояніи справиться съ громилами. Не то было въ Сѣдлецѣ. Конечно, и здѣсь не обошлось дѣло безъ провокаціи. Поступали заявленія, пишетъ г. Пѣтуховъ, о провокаторскихъ выстрѣлахъ со стороны стражниковъ. Такъ, содержатель лавки съ ружьями, велосипедами и т. п. Боренштейнъ видѣлъ, какъ стражникъ, котораго онъ можетъ указать въ лицо, стрѣлялъ въ воздухъ и затѣмъ указывалъ солдатамъ, что стрѣляли изъ такого-то дома и т. д. Но не въ этомъ сѣдлецкое дѣло. Здѣсь сама власть выступала открыто, отбросивъ всякую маску. „На терроръ революціи мы должны отвѣтить еще болѣе сильнымъ терроромъ", говорилъ Тихановскій и твердо стоялъ на своемъ мѣстѣ, заявляя, что все беретъ на себя.. Отсюда можно себѣ представить тѣ факты, которыми долженъ

---

[1]) „Образованіе", № 11.

быть полонъ рапортъ ротмистра, задавшагося цѣлью, такъ или иначе, но дать вѣрный и правдивый отчетъ начальству...

Страшные факты, безумные, отъ которыхъ волосы становятся дыбомъ, голова идетъ кругомъ...

11 августа, въ жандармскомъ управленіи, когда происходило первое совѣщаніе о производствѣ въ Сѣдлецѣ повальныхъ обысковъ, подполковникъ Тихановскій потребовалъ, чтобы ему было указано нѣсколько почтенныхъ гражданъ г. Сѣдлеца, которые, хотя сами и не принимаютъ активнаго участія въ революціонномъ движеніи, но такъ или иначе способствуютъ ему. Тихановскій рѣшилъ посадить этихъ лицъ въ тюрьму, считая ихъ заложниками, съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ покушенія на кого-либо изъ служащихъ, они были лишены жизни. На вопросъ, какимъ образомъ они будутъ лишены жизни, подполковникъ обратился къ полиціймейстеру съ вопросомъ, не найдется ли у него стражника, который, прикинувшись сумасшедшимъ, перестрѣляетъ заложниковъ въ тюрьмѣ, либо подсыпетъ имъ въ кушанье мышьяку... Въ тотъ же день Тихановскій потребовалъ, чтобы полиціймейстеромъ ко времени обысковъ была приготовлена пожарная команда, а всѣ доктора собрались къ этому времени въ больницахъ. Съ своей стороны Тихановскій обѣщалъ приготовить лазаретныя линейки. На вопросъ опять-таки, къ чему эти приготовленія, онъ заявилъ, что „употребленіе оружія будетъ поощрено: могутъ случиться и пожары". „Такъ готовились мы къ производству мирныхъ обысковъ, а драгунскіе офицеры, какъ стало извѣстно затѣмъ уже, въ тотъ же вечеръ, будучи въ обществѣ, потирали руки и съ самодовольной улыбкой заявляли громогласно: „ужъ мы устроимъ имъ погромчикъ, пощады не будетъ". О томъ же шли толки среди солдатъ. Тихановскій даже требуетъ прекращенія пріема частныхъ телеграммъ съ первой тревогой, чтобы жители не могли просить о прекращеніи дѣйствій войскъ, когда послѣднія будутъ ихъ „поучать".

Рапортующій сейчасъ Пѣтуховъ, видя настроеніе подполковника, рѣшилъ обратить на него вниманіе губернатора, указывая, что оно можетъ вызвать тотъ же грабежъ, то же ненужное кровопролитіе, которое уже имѣло мѣсто 8 августа послѣ убійства полиціймейстера капитана Гольцева. Губернаторъ какъ будто прислушивался, но отвѣчалъ ротмистру не губернаторъ, а тотъ же Тихановскій. „Пусть ротмистръ Пѣтуховъ,—отвѣчалъ онъ,—и не думаетъ, что у насъ будутъ арестованные, а отмѣченные въ его спискѣ, навѣрное, среди арестованныхъ не окажутся" (списокъ лицъ, „извѣстныхъ своей преступной дѣятельностью", былъ данъ Пѣтуховымъ).

Такъ наступила стрѣльба...

Для вящшаго эффекта Тихановскій вызвалъ во время стрѣльбы хоръ трубачей изъ драгунскихъ казармъ; такъ какъ ему было отказано, то онъ собралъ пѣсенниковъ, и среди трескотни выстрѣловъ, кровопролитія, пожаровъ въ городѣ раздавалось пѣніе. Войска и не производили обысковъ, а просто

грабили, поджигали, зря били людей. Представитель фирмы жирардовской мануфактуры Рубинштейнъ заявилъ фактъ ограбленія у него солдатами значительной суммы наличными деньгами, билета внутренняго займа и векселей на 2,000 руб., сославшись, какъ на свидѣтеля, на штабсъ-капитана Стоянова. То же заявила еврейка, торгующая сапожнымъ товаромъ. Солдаты, вламываясь въ квартиру, требовали только денегъ. Солдаты брали все, что могли. Самъ Тихановскій на предложеніе Пѣтухова прекратить безсмысленную бойню въ виду хотя бы утомленія войска безъ пищи, заявилъ, что „въ городѣ много съѣстныхъ лавокъ и хватитъ на всѣхъ". Заявилъ въ присутствіи нижнихъ чиновъ... Но солдаты не только грабили,—они жгли. Уже въ первую ночь драгуны обращались за керосиномъ къ жандармскимъ унтеръ-офицерамъ Андреюку и Зайцу на томъ основаніи, что „такъ велѣно". Домохозяинъ Ксентопольскій свидѣтельскими показаніями подтвердилъ фактъ поджога его сараевъ драгунскими солдатами. То же самое вполнѣ установлено относительно другихъ 2—3 домовъ. Были заявленія и объ изнасилованія женщинъ...

Говоря о „третьихъ жертвахъ", падающихъ „случайно" въ сутолокѣ партизанскихъ схватокъ правительства съ народомъ, наши оффиціозы умѣютъ пустать весьма милую слезу. Такъ, по словамъ „Новаго Времени", всѣ дѣти, всѣ женщины, всѣ мирные жители, погибшіе отъ пулеметовъ и штыковъ на улицахъ и площадяхъ, погибли не по винѣ солдата, не отъ „самозащищающагося вооруженнаго отечества", а „всецѣло и единственно" по винѣ революціонеровъ, построившихъ именно баррикады „изъ живой уличной толпы, изъ живого мяса людей, ни малѣйшаго желанія не имѣющихъ принимать участіе въ сумятицѣ". Рапортъ г. Пѣтухова является лучшимъ отвѣтомъ и на эти іудушкины рѣчи. Войска, пишетъ онъ, не разбирали, стрѣляютъ изъ даннаго дома или нѣтъ, „безпощадно расправляясь съ мирными жителями". „Я самъ былъ свидѣтелемъ, какъ приведено было въ полицейское управленіе нѣсколько человѣкъ, преимущественно пожилыхъ и старыхъ евреевъ, и какъ солдаты съ увлеченіемъ, на глазахъ подполковника Тихановскаго, пропускали ихъ сквозь строй прикладовъ. При мнѣ же стоявшій недалеко отъ полиціи драгунскій солдатъ безъ всякой причины стрѣлялъ въ окна квартиры члена окружнаго суда Мудрова. Я былъ также свидѣтелемъ, какъ драгунъ явился за патронами, и подполковникъ Тихановскій сказалъ ему: „Мало убитыхъ". Когда же стали носиться слухи о томъ, что Тихановскаго убьютъ, то онъ, явившись въ эскадронъ, которымъ раньше командовалъ, сказалъ собравшимся солдатамъ, что если его дѣйствительно убьютъ, то онъ хочетъ, чтобы они „хорошенько справили тризну по немъ и выкупались бы въ крови по уши". Наконецъ, насколько все это происходитъ не по винѣ солдата, можно судить по тому, что говорятъ самые мирные, самые благонамѣренные жители. На солдатъ они уже не смотрятъ, какъ на „защитни

ковъ". „Губернаторъ обѣщалъ,—говорятъ они,—что пока онъ въ Сѣдлецѣ, то погромовъ не будетъ, а что вышло? Намъ не нужно никакихъ слѣдствій со стороны, мы свое слѣдствіе произведемъ и правду найдемъ"...

Таковъ рапортъ. Въ письмѣ г. Лопухина мы видѣли, какъ подготовляются подобныя злодѣянія въ тиши застѣночныхъ кабинетовъ. Теперь мы получили понятіе о томъ, какъ осуществляются данныя свыше предначертанія. Славныя особы, славныя дѣянія! Такія ли особы безпокоить для мелкихъ людей, такія ли дѣянія предавать открыто проклятію! Вѣдь еще вчера эти проклятія мы не смѣли твердить про себя... Вчера... а сегодня, самъ того не желая, самъ того не сознавая, заноситъ руку надъ ними, надъ самимъ собой, надъ всей системой, рождающей такихъ звѣрей, такія звѣрства жандармъ. Письмо Лопухина и рапортъ Пѣтухова являются матеріальными вещественными показателями того, насколько эта система пошатнулась, треснувъ по всѣмъ швамъ: люди хотятъ нанести ударъ врагу и наносятъ его самимъ себѣ; люди, воспитанные въ самыхъ „лучшихъ" традиціяхъ, люди, сами прошедшіе огонь и воду, не могутъ иначе поступить... Такъ во время пожара чувства путаются, мысли мѣшаются, и свои своихъ перестаютъ узнавать... Характерна даже самая судьба, постигшая оба документа. Письмо Лопухина помѣчено іюнемъ. Рапортъ Пѣтухова 27 сентября. Кажется, достаточно времени, чтобы дать ходъ, если не дѣлу г. Лопухина, въ которое замѣшаны особы, достаточно высокія, то докладу Пѣтухова? Тѣмъ не менѣе, ни звука. Какъ будто на свѣтѣ никогда не было ни д. с. с. Лопухина, ни ротмистра Пѣтухова...

Л. Клейнбортъ.

Критика и библіографія.

Иванъ Бунинъ. Стихотворенія. Т. 3-ій, изд. т-ва „Знаніе". 1903 –1906 гг. СПБ. 1906 г. Ц. 1 р.

Къ книгѣ Бунина можно подойти только съ однимъ мѣриломъ, которое для многихъ стихотворцевъ будетъ слишкомъ строгимъ и непосильнымъ: это—живая поэзія и свободная правда чувствъ и впечатлѣній въ творчествѣ. Поэтъ—какъ нѣжной и тонкой работы инструментъ, достаточно чуткій для того, чтобы фиксировать неуловимо-легкія ощущенія красокъ, звуковъ, запаховъ, вѣяній, схватывающій благодаря творческой способности внутренняго прислушиванія жизнь настроеній, разлитыхъ въ различныхъ уголкахъ міра природы и человѣка,—такую мѣрку Ив. Бунинъ блистательно выдержитъ. Съ иной къ нему не подходите. Это, конечно, очень хорошо, если поэтъ, представляя собой артистическій инструментъ, обладаетъ также той способностью инпціативы, новаторства въ области мысли и идей, которая есть особое творчество, прокладывающее новые пути въ духовномъ строительствѣ. Но Бунинъ, не обладая этой способностью, все же имѣетъ,—отчасти благодаря этому—два преимущества передъ философствующими и „ищущими" поэтами нашего декаданса. Во-первыхъ, онъ не выдаетъ новые пріемы и замыслы, заимствованные у западныхъ модернистовъ за свои, не возвращаясь, такимъ образомъ, послѣ поисковъ на чужихъ нивахъ на рогахъ трудолюбивыхъ воловъ. Во-вторыхъ, онъ приходитъ къ читателю не со старымъ, уже даннымъ міру, богатствомъ, но приноситъ ему ту цѣнность поэтическихъ строкъ, которая каковъ бы ни былъ ея удѣльный вѣсъ, представляетъ собой исключительно личное, зависящее отъ глубочайше-индивидуальныхъ чертъ автора, созданіе.

Индивидуальность глубокой и многообразной впечатлительности — это именно та черта, безъ которой поэтъ не можетъ быть поэтомъ. Ни сдѣлать, ни развить ее искусственно нельзя. И проштудировавши съ большимъ стараніемъ и Верхарна, и Д'Аннунціо, и Демеля, и десятокъ другихъ лириковъ Запада, какъ дѣлаютъ у насъ иные стихотворцы, все же личнаго, собственнаго творчества не пріобрѣтешь ни на грошъ.

У Бунина свой стаканъ. Ему дана та роскошь—„пить изъ своего стакана“, которая оправдывается настоящей жизненной свѣжестью лирическихъ строкъ, дающихъ читателю яркую иллюзію непосредственныхъ впечатлѣній природы. Чѣмъ достигается эта иллюзія? Тѣмъ, что не-поэтъ, не умѣющій почувствовать тонкую связь между образомъ или ощущеніемъ и полученнымъ впечатлѣніемъ, читая строки поэта, отъ закрѣпленныхъ имъ красокъ и вѣяній получаетъ вновь то впечатлѣніе, какое пережилъ лицомъ къ лицу съ природой, или же помощью тѣхъ же красокъ и звуковъ какъ бы входитъ даже въ непережитыя возможности природныхъ впечатлѣній.

Для этого нужна смѣлая и свободная искренность въ рисункахъ новыхъ и неожиданныхъ явленій, дающихъ поэту живой образъ и чувство. И посмотрите, какъ откровененъ и искрененъ Бунинъ; вотъ онъ рисуетъ „Русскую весну“ и снимаетъ взглядомъ съ полей и деревень для бумаги все, что сливается въ смѣшанное чувство тоски, ожиданія, красоты и волненія: и муть тумана среди полей, и чернѣющійся на дорогѣ навозъ, и запахъ пекущагося хлѣба въ деревнѣ, лужи, волу, „синеватую грязь“, тлѣющія на солнцѣ завалинки, овчарку у амбара, жмурящуюся отъ солнца, сонно распѣвающихъ пѣтуховъ... Это образы художника, въ которыхъ живетъ общее чувство картины. Всмотритесь въ рисунокъ смерти въ „Послѣ битвы“—мертвый воинъ въ полѣ, на землѣ, застывшій вросшій въ землю, разлагающійся среди равнодушнаго молчанія степей. Это сдѣлано рукой художника. Любой изъ „парнассцевъ“ похвалилъ бы эту работу. Рисунокъ угасающей, близкой къ разсвѣту ночи („На ущербѣ“); цѣлый рядъ новыхъ живыхъ штриховъ въ „Апрѣлѣ“ (вродѣ—„свинцово-тусклый блескъ желѣзной крыши“); маленькій шедевръ „Сентябрь“, гдѣ въ слабыхъ лучахъ солнца краснѣютъ бронзовыя дыни, а вдалекѣ надъ стѣной хаты сѣрѣетъ крыло вѣтряка; великолѣпная вещь „Олень“, гдѣ такъ чувствуется и свѣжій пушисто-глубокій снѣгъ, и мощный легконогій звѣрь; такая же совершенная по рисунку „Змѣя“—все это вещи, за которыя Ѳетъ привѣтствовалъ бы Бунина, какъ своего младшаго брата. Слабѣе — циклъ „Исламъ“.

Н. Я. А—вичъ.

А. Н. Александровскій. Дома и заграницей. Разсказы. Спб. 1906 г.

Разсказы печатались въ „Русскомъ Богатствѣ“ 1897—1904 гг. Самочувствіе у читателя они устанавливаютъ недурное, свѣжее. Для характеристики его вы невольно обращаетесь къ строкамъ автора насчетъ одного парижанина. „Я сразу чувствую, что передо мной не сверхъ-и не низъ-человѣкъ, а какъ разъ настоящій человѣкъ“. Въ первомъ очеркѣ „по дѣтскимъ воспоминаніямъ“—„Высѣкли“—передается исторійка изъ тѣхъ, которыя въ наше время стремятся сдѣлать одними злыми сказками.

въ деревенской школѣ Иванъ Кузнецовъ былъ цѣлымъ „Грановскимъ“ и этого-то учителя въ волостномъ правленіи „подвергли на глазахъ дѣтей самому позорному и унизительному наказанію“. Разсказъ „Безъ послѣдствій“—изъ тюремныхъ впечатлѣній. Въ немъ живыми чертами зарисованъ „часовой на прогулкѣ“. Это самородный философъ-скептикъ. Теперь мы, наконецъ, легче замѣчаемъ „я“ и въ „черни непросвѣщенной“. „Часовой на прогулкѣ“ аргументируетъ: „Въ Евангеліи Христосъ намъ прямо говоритъ: „Строите вы все на пескѣ, чуть подуетъ буря—и все пойдетъ прахомъ, безъ послѣдствія“.

„Подъ дождемъ“—очеркъ переживаній и приключеній „партіи“, двигающейся „по этапу въ дальній путь“. Тема, конечно, волею судебъ нашихъ, и слишкомъ переповторяемая. Но у г. Александровскаго дорого то, что въ обработкѣ ея—ни тѣни нервическаго нытья, всегда какъ-то оскорбительнаго для человѣка. „Парижскій день“ повѣствуетъ о знакомствахъ и занятіяхъ автора въ міровой столицѣ. Александровскій сообщаетъ тутъ нѣкоторыя прямо интересныя свѣдѣнія. Соблазнительно, если хотите, дѣйствуетъ здѣсь описаніе дня интеллигента, работающаго на полномъ культурномъ просторѣ.

Словомъ, книга „Дома и заграницей“ содержательна и при невеликомъ художественно-идейномъ вѣсѣ своемъ.

А. Налимовъ.

Маргарита Бемэ. Дневникъ падшей. Перев. Ф. Ельяшевичъ. Со вступительной статьей С. Л. Франка. Спб. 1906 г. Изд. т-ва „Общ. Польза“. Ц. 70 к.

Эта книга представляетъ собой *подлинныя записки*, обработанныя для печати нѣмецкой писательницей Маргаритой Бемэ. Она имѣла большой успѣхъ заграницей. Глубокій интересъ должна возбудить эта своеобразная книга и у насъ; но, по всей вѣроятности, это будетъ интересъ нѣсколько иной. Буржуазное европейское общество, насквозь пропитанное рутинной моралью и предразсудками, было захвачено ею совершенно стихійно, по невольной отзывчивости, свойственной каждому человѣческому сердцу, въ какой бы оно ни было заключено футляръ. Сытые, гордые своей лицемѣрной добродѣтелью люди вдругъ вспомнили о тѣхъ, кто лишенъ этихъ благъ — и сытости, и добродѣтели, и выноситъ изъ своей отравленной жизни только чувство ужаса. Они были удивлены, что среди „отбросовъ“ общества встрѣчаются тонко чувствующія интеллигентныя души и прониклись къ нимъ невольной жалостью. Кромѣ того, они были испуганы, увидѣвъ, какая, въ сущности, шаткая перегородка, отдѣляетъ ихъ, стоящихъ вверху, отъ павшихъ въ этомъ мірѣ, гдѣ все такъ

случайно. Всѣ эти чувства ярко сквозятъ въ архибуржуазномъ предисловіи нѣмецкой издательницы книги. „Да хранитъ Богъ нашихъ дѣтей!“, твердитъ она въ суевѣрномъ страхѣ и совѣтуетъ читателю „научиться отличать порокъ отъ несчастія“, быть гуманнымъ и милостивымъ къ падшимъ. Для русскаго читателя такія чувства слишкомъ примитивны. Онъ менѣе буржуазенъ, менѣе зараженъ косностью и предразсудками и притомъ особенно чутокъ ко всякаго рода душевнымъ исканіямъ. Поэтому онъ найдетъ для себя въ замѣчательной книгѣ больше пищи. Она освѣтитъ ему цѣлый рядъ моральныхъ вопросовъ, которые давно стучатся въ нашу жизнь. Она явится для него прекрасной иллюстраціей къ такъ называемой *новой* морали, которая протестуетъ противъ чисто-внѣшней, казенной оцѣнки человѣка съ точки зрѣнія одного общепризнаннаго моральнаго кодекса, и выдвигаетъ ни съ чѣмъ несравнимую цѣнность человѣческой личности, какъ одного своеобразнаго и самобытнаго цѣлаго; морали, которая такъ же *противоположна* старой, какъ два міра: разрушающійся буржуазный и приближающійся ему на смѣну, пока загадочный, свободный міръ.

Уже одно общеніе съ такой яркой, сложной и пламенной индивидуальностью, какъ авторъ записокъ, Тиміанъ Готтебаль, способно раздвинуть интеллектуальный круговоръ читателя. Кстати сказать, эти записки совсѣмъ не производятъ впечатлѣнія искусственнаго литературнаго произведенія, а вполнѣ вызываютъ иллюзію общенія съ живымъ человѣкомъ. Природа дѣйствительно богато одарила Тиміанъ: не одной внѣшней красотой, но и внутренними качествами—дала ей все то, что можетъ доставить радость себѣ и другимъ. У нея яркій темпераментъ, живой, ясный умъ и та неувядающая душевная красота, благородство и прирожденное достоинство, которыя не измѣняютъ человѣку нигдѣ: ни въ несчастіи, ни въ паденіи. Сама Тиміанъ придавала значеніе только этому внутреннему, сокровенному существу человѣка и съ юныхъ лѣтъ протестовала противъ узкой, традиціонной морали.

„Кромѣ грубой и собственно говоря исключительно внѣшней морали, которую люди построили для себя, существуетъ еще другая тонкая мораль души, не имѣющая ничего общаго съ первой,—говоритъ она въ своемъ дневникѣ.—Можно стоять обѣими ногами въ грязи и тинѣ и сохранять свою душу ясной и чистой. И можно, напротивъ, сохраняя внѣшность уважаемой и „честной“ женщины, быть насквозь безнравственной, если душа и образъ мыслей загрязнены и испорчены низостью чувствъ, мелочностью и пошлостью“.

На долю такой интеллектуально-утонченной, выдающейся Тиміанъ выпала весьма заурядная исторія. По сцѣпленію разныхъ случайностей она попала на роковой для женщины скользкій путь и уже не могла съ него вернуться. Возможно, впрочемъ, что главная причина и того и другого

отчасти были въ ней самой: въ большомъ и разнообразномъ запасѣ ея силъ, въ слишкомъ стихійномъ, безыскусственномъ отношеніи къ жизни и экспансивной впечатлительности. Но „паденіе“ совершилось ужъ черезчуръ, до обидности просто: ее въ 16 лѣтъ соблазнилъ одинъ негодяй, воспользовавшись ея наивностью и сиротствомъ. Сильно развитый жизненный инстинктъ помѣшалъ Тиміанъ покончить съ собой и властнымъ голосомъ удержалъ въ жизни. Съ удивительнымъ для ея возраста нравственнымъ чутьемъ и стойкостью она отвергла бракъ съ своимъ соблазнителемъ и смѣло предпочла позорное искупленіе „вины“ въ исправительныхъ пансіонахъ и благочестивыхъ семействахъ. Въ томъ, что произошло дальше, главнымъ образомъ виновата лицемѣрная среда, оттолкнувшая ее отъ себя и внушившая ей мысль, что возвращеніе для нея къ прежней жизни въ обществѣ невозможно. Тиміанъ бросилась самостоятельно искать путей въ жизни и вскорѣ очутилась на наклонной плоскости. Несомнѣнно опять таки, что въ этомъ кажущемся фатальномъ движеніи по наклонной плоскости сыграли некоторую роль и ея столь ярко выраженныя личныя свойства: стремительная независимость и жадность къ жизни. Она откровенно признается, что ее ничуть не привлекала монастырская келья и участь старой дѣвы и неудержимо влекла къ себѣ жизнь со всѣми ея радостями... Она только не представляла себѣ, какою цѣною придется окупать эти радости и потому совершила невольную ошибку—переступила границу, дѣйствительно отдѣлившую ее отъ всего міра, замкнувшую ее навсегда въ заколдованный узкій кругъ, нестерпимый для ея богатой индивидуальности. Тиміанъ прошла сквозь всѣ ужасы своей профессіи и испила до дна неизбѣжную связанную съ нею чашу горечи. Но она всегда и вездѣ осталась сама собой. Та тонкая мораль души, которою она такъ дорожила, не измѣнила ей. Ея устойчивая, законченная нравственная личность ничего не восприняла отъ окружающей ее грязной среды — даже ея внѣшней печати. Тиміанъ сама съ радостью отмѣчаетъ, что на ней нѣтъ отвратительнаго клейма падшихъ, потому, что ея „духъ эмансипированъ отъ тѣла“. И она могла бы съ полнымъ правомъ сказать людямъ: „Вотъ я *какая*, несмотря на тотъ страшный путь, который мнѣ пришлось пройти! Неужели ни моя душа, ни мой умъ, ни моя любовь къ жизни и людямъ, мое горячее желаніе служить имъ вамъ не нужны и среди васъ не найдется для меня мѣста?“ Въ своихъ запискахъ Тиміанъ много говоритъ о своихъ наблюденіяхъ надъ жизнью „павшихъ“ женщинъ и выражаетъ увѣренность, что едва ли хоть одна изъ нихъ отказалась вернуться на путь чистой жизни, еслибъ для этого *дѣйствительно* представилась возможность. Но ужасъ роковой профессіи и состоитъ въ томъ, что этой возможности при данныхъ общественныхъ условіяхъ нѣтъ. Личная судьба Тиміанъ можетъ служить тому подтвержденіемъ. Съ чисто внутренней, сердечной стороны ея жизнь нельзя назвать

несчастной. Люди, которые случайно къ ней подходили, оставались около нея, какъ прикованные, очарованные ея внутреннимъ міромъ, и окружали ее поклоненіемъ. Но ея богатая личность совершенно не могла проявиться во внѣ, и въ этомъ былъ главный трагизмъ ея существованія. Всѣ попытки ея порвать съ прошлымъ, вернуться къ нормальной жизни и найти себѣ опредѣленное мѣсто въ человѣческомъ обществѣ разбивались въ прахъ. Это постепенно подтачивало ея силы и, наконецъ, привело ее къ преждевременной могилѣ. Чѣмъ-то безсмысленно-жестокимъ вѣетъ отъ этой ни для кого ненужной гибели. И невольно хочется спросить: кому, кромѣ себя самой, причинила вредъ Тиміанъ своей несчастной жизнью, своими ошибками? Допустимъ самое страшное для добродѣтельнаго ума. Перестанемъ „отличать порокъ отъ несчастія“. Представимъ себѣ, что Тиміанъ выбрала себѣ свой страшный путь потому, что онъ казался ей наиболѣе соотвѣтствующимъ ея личнымъ свойствамъ и склонностямъ. Какое жъ до этого дѣло господамъ моралистамъ, если она и тамъ, на днѣ глубокой бездны, осталась такой же прекрасной, какъ и была, способной вносить въ жизнь только добро и красоту? Зачѣмъ ей мѣшать сдѣлаться снова полноправнымъ членомъ общества, можетъ быть, болѣе полезнымъ, чѣмъ тѣ, которые слывутъ за безукоризненно добродѣтельныхъ?

„На мой взглядъ,—разсуждаетъ Тиміанъ,—жизнь была бы совершеннѣе и ближе къ этическому идеалу, если бы люди не предписывали такъ много законовъ другъ другу, не вмѣшивались бы такъ нетерпимо и деспотически въ дѣла и отношенія другихъ. *Пусть каждый устраиваетъ себѣ садъ своей жизни, какъ ему нравится*“.

Рано или поздно люди, навѣрное, придутъ къ новой морали, которую Тиміанъ называла „болѣе тонкой моралью души“. Пока же отъ человѣческой нетерпимости гибнетъ много силъ, къ ущербу какъ для отдѣльной индивидуальности, такъ и для всего человѣчества въ его цѣломъ. Печальный и правдивый разсказъ Тиміанъ даетъ богатый матеріалъ для раздумій на эту тему...

Переводъ дневника сдѣланъ безукоризненно и передаетъ всѣ оттѣнки мыслей автора. Дневнику предпослана небольшая талантливая статья г. Франка о новой морали.

Е. Колтоновская.

Исторія одной души (Елена Келлеръ). З. А. Раговиной. Спб. Изданіе А. Ф. Маркса. Ц. 80 к.

Не интересоваться вовсе жизнью Елены Келлеръ—хитро даже. „Исторія“ этой „души“ любопытна не однимъ присяжнымъ воспитателямъ, психологамъ или врачамъ. Каждый мало-мальскій думающій и чувствую-

щій человѣкъ остановится на ней. Біографія Келлеръ указываетъ конкретно, сколько скрытой энергіи таитъ человѣческій организмъ; подтверждаетъ, пожалуй, теорію Уорда: наше искусство, молъ, одинъ изъ видовъ творчества той же природы вселенной. Если хотите, и обществовѣда, соціальнаго политика окрылятъ иные факты изъ жизни Келлеръ. Семилѣтняя дѣвочка—слѣпая, глухонѣмая, раздражительная, съ наклонностями звѣреныша попадаетъ подъ руководство молодой особы. И начинается рядъ волшебныхъ превращеній. Юное животное становится тонко-человѣчною, изумительно духовно воспріимчивою натурою. 24 лѣтъ кончаетъ женскій университетъ въ штатѣ Массачусетъ, пишетъ статьи, читаетъ лекціи, обнаруживаетъ живыя стремленія къ общественной работѣ. Выдающеюся личностью, конечно, показала здѣсь себя и г-жа Солливанъ, воспитательница Келлеръ. Но это уже другой вопросъ. Должно поблагодарить и г-жу Рагозину за то, что она съ любовью къ предмету передаетъ русской публикѣ вышеназванную „исторію". Но она немало выиграла бы безъ полемическихъ киваній куда-то въ сторону, видимо, очень неразумныхъ педагоговъ. Въ высшей степени важный и блестящій по успѣхамъ опытъ свой г. Солливанъ провела по-сократовски, что ли, т. е. состоя главнымъ образомъ умственнымъ акушеромъ своей питомицы. И вотъ г-жа Рагозина тутъ восхищается мнимо новыми обобщеніями, громитъ теоріи и т. п. Но дѣятельность г-жи Солливанъ рельефнѣе всего выдѣляетъ неудобства обычныхъ педагогическихъ обстановокъ. А *здравыя теоріи*—вѣдь тѣ же отвлеченія практики, дѣйствительности. Сама-же г-жа Рагозина договаривается, что Келлеръ—„феноменъ не въ такой исключительной степени, какъ съ перваго взгляда можно былъ полагать". Слѣдовательно, и въ дѣлѣ глухонѣмыхъ дороже всего широкая систематизація наблюденій, свѣдѣній, повсюдное распространеніе жизнетворныхъ условій.

А. Налимовъ.

Письма Фердинанда Лассаля къ К. Марксу и Ф. Энгельсу. Съ примѣчаніями Ф. Меринга. Пер. В. А. Шанина подъ ред. А. Финна-Енотаевскаго. Второе изданіе. Книгоизд. „Литературное дѣло". СПБ. 1907.

Полтора года тому назадъ книгоиздательство „Литературное Дѣло" выпустило въ свѣтъ указанныя въ заголовкѣ „Письма Лассаля къ Марксу и Энгельсу съ примѣчаніями Меринга". Намъ нѣтъ надобности много распространяться по существу о томъ значеніи, какое имѣютъ эти письма во всѣхъ отношеніяхъ, тѣмъ болѣе, что они уже получили оцѣнку въ октябрьской книжкѣ „Образованія" за 1905 г.

Теперь книга появилась въ свѣтъ вторымъ изданіемъ. Слѣдовательно, и русская читающая публика оцѣнила „Письма" по достоинству.

Мы обратили особенное вниманіе на это 2-е изданіе, надѣясь, что оно будетъ не только удешевленнымъ (на полтинникъ), но и улучшеннымъ. Однако, надежда наша но оправдалась: второе изданіе—точная копія съ перваго, даже съ прежними типографскими опечатками. Очевидно, издатель, редакторъ и переводчикъ остались вполнѣ довольны своимъ трудомъ и не нашли нужнымъ портить образцовое литературное дѣло, внося какія-либо измѣненія.

А съ другой сторонь, бросается въ глаза небрежное обращеніе съ русскимъ языкомъ прежде всего переводчика писемъ Лассаля, г. Шанина.

Такое обвиненіе требуетъ доказательствъ. Приводимъ поэтому рядъ цитатъ изъ второго (перваго то жъ) изданія „Писемъ". На стр. 99 читаемъ: „слова, которыя они (фабриканты и предприниматели) высказывали *не безъ многихъ стоновъ...*" На стр. 107 Лассаль въ русскомъ переводѣ пишетъ Марксу: „съ этой работой я буду готовъ къ сентябрю". Письмо отъ 4 іюня 1858 г. Лассаль по-русски заключилъ великолѣпнымъ комплиментомъ: „Вѣдь ты не кто-нибудь, кто смотритъ глазами камердинера". Въ нижеслѣдующемъ періодѣ предоставляемъ разбираться самому читателю: „Но такого рода реальныя вещи, какъ разногласія со своей партіей, конфликты и споры съ другими дворянами относительно своихъ крестьянскихъ тенденцій, все это—а только такіе осязательные факты и *могло было бы быть необходимо присочинять* къ исторіи, хотя бы ничего подобнаго и не происходило—это я считаю непозволительнымъ" (стр. 167). На стр. 217 Мерингъ сообщаетъ, что Лассаль „изо всѣхъ силъ старается раздобыть своему другу наиболѣе благопріятныя условія гонорара..." „и развѣ на этомъ не вполнѣ ли очевидно что"... и т. д.—вопрошаетъ Лассаль на какомъ-то ломанномъ языкѣ своего корреспондента (стр. 336). На столь же странномъ нарѣчіи на 359 стр. онъ пишетъ: „мы всѣ... желали отправиться... въ Kew, *вмѣсто туда*". Наконецъ, въ искаженномъ видѣ передано извѣстное письмо Маркса къ Швейцеру, приводимое Мерингомъ въ концѣ книги (363 стр). Не говоря уже о стилистической неуклюжести, небольшомъ пропускѣ и неточности, переводчикъ передалъ слово *transitorisch* (т. е. переходный, временный) словомъ „трансисторическій". Выигралъ ли Марксъ отъ такой „поправки", хотя бы и съ благословенія г. Финна—можно, конечно, нѣсколько сомнѣваться. Всѣ эти ошибки—не исключеніе въ переводѣ г. Шанина, и изъ нихъ мы привели лишь часть для примѣра.

Даже тѣ ошибки, которыя указаны были, напр., въ упомянутой рецензіи „Образованія", даже онѣ красуются на своихъ мѣстахъ. Есть погрѣшности и въ транскрипціи собственныхъ именъ (Абердеенсъ вм. Эбердинъ, Бюхеръ вм. Бухеръ и т. д.). Гуттенъ, оказывается, велъ борьбу съ Рейхлинымъ (171 стр.).

Послѣ всѣхъ этихъ цитатъ, читатель не вправѣ требовать отъ пере-

водчика, чтобы онъ хотя бы отдаленно воспроизвелъ изящество и художественность лассалевскаго стиля.

Во избѣжаніе упрековъ въ чрезмѣрной придирчивости къ гг. издателямъ „Писемъ“ напомнимъ, что мы имѣемъ дѣло съ переводомъ *редактированнымъ*, и при томъ во второмъ изданіи. Редакція же перевода должна служить для читателя (и покупателя) гарантіей того, что онъ имѣетъ дѣло не съ макулатурой, а съ подлинной литературной работой.

Б. В—нъ.

Л. Крживицій. Аграрный вопросъ. Перев. съ польскаго. Изд. „Знанія“. Стр. 372. Ц. 70 к.

Центральнымъ пунктомъ этой весьма цѣнной работы г. Крживицкаго является анализъ переворота, произведеннаго въ техникѣ сельскаго хозяйства и въ условіяхъ мірового хозяйства выступленіемъ на сцену въ концѣ XIX вѣка заокеанской, главнымъ образомъ с.-американской, конкурренціи хлѣбомъ. Авторъ яркими штрихами рисуетъ ростъ централизаціи с.-х. производства въ С.-Америкѣ и его послѣдствія, усовершенствованіе машинъ и орудій; затѣмъ подробно останавливается на переворотѣ, происшедшемъ за послѣднія десятилѣтія въ области организаціи международной хлѣбной торговли.

Не давая чего-либо новаго въ области теоретической, авторъ вмѣстѣ съ тѣмъ наглядно иллюстрируетъ ошибочность основныхъ „законовъ“ буржуазной школы въ примѣненіи къ сельскому хозяйству. Такъ, имъ хорошо показано, что „принципъ, формулированной Мальтусомъ (пресловутый законъ размноженія населенія и сокращенія средствъ потребленія), не есть желѣзный законъ, естественный и обязательный для всѣхъ эпохъ исторической эволюціи“. Въ настоящее время о немъ „забыли подъ вліяніемъ фактовъ экономическаго развитія“. Такой же условный смыслъ имѣло и утвержденіе буржуазныхъ экономистовъ относительно пониженія производительности новыхъ затратъ труда и капитала въ земледѣліи. Новѣйшія изслѣдованія Валенти, Готье и др. выдвинули теорію производительности, увеличивающейся „до предѣла насыщенія“. Пока предѣлъ этотъ далеко еще не достигнутъ и производительность почвы остается пропорціональной затратамъ. „Предѣлъ“ этотъ съ развитіемъ техники и агрономическихъ знаній „въ теченіе послѣдняго полувѣка сильно отодвинулся, а въ будущемъ, быть можетъ, отдалится еще больше“.

Точно также благодаря выступленію заокеанской конкурренціи хлѣбомъ доказана несостоятельность закона Рикардо (относительно регулированія цѣнъ стоимостью обработки на наилучшихъ участкахъ) — *для всѣхъ историческихъ моментовъ*.

Въ вопросѣ относительно мелкаго и крупнаго хозяйства въ земледѣліи г. Крживицкій проявляетъ большую осторожность. Тщательнымъ анали-

зомъ показываетъ онъ, какія условія въ томъ или въ другомъ мѣстѣ поддерживали мелкое хозяйство въ борьбѣ съ крупнымъ. Главная причина живучести мелкаго хозяйства была до сихъ поръ та, что оно „фактически находится внѣ сферы дѣйствія рыночныхъ цѣнъ или же потому, что въ данномъ обществѣ существуютъ посторонніе заработки, дающіе возможность вести хозяйство на небольшомъ клочкѣ". Долго ли продлится такое состояніе, сказать трудно, но „одно не подлежитъ сомнѣнію: тамъ, гдѣ основой с.-х. производства является мелкое хозяйство, тамъ прогрессъ земледѣлія не можетъ имѣть широкихъ перспективъ".

Авторъ останавливается также на ростѣ коопераціи въ сельскомъ хозяйствѣ; изслѣдуетъ условія, способствующія ей послѣднее время; затѣмъ анализируетъ и самое кооперативное движеніе, предѣлы его распространенія и слои, которые оно охватываетъ. Указавъ на то, что „кооперація захватила среди крестьянъ главнымъ образомъ зажиточные слои", г. Кржививцкій продолжаетъ затѣмъ: „Но если мы допустимъ, что синдикальное движеніе захватитъ даже и малоземельныхъ крестьянъ, въ чемъ мы сомнѣваемся, то вѣдь и тогда въ деревнѣ остаются элементы безземельные, увеличивающіеся благодаря естественному приросту населенія. Эти элементы не могутъ ожидать отъ коопераціи перемѣны своего положенія, скорѣе могутъ ожидать ухудшенія его".

Разсматривая кооперативное движеніе, авторъ совершенно не касается такого движенія въ Италіи, хотя оно получило тамъ наибольшее развитіе. Слабой стороной работы является также недостаточный анализъ замѣчаемаго послѣдніе годы обратнаго движенія: остановка въ пониженіи хлѣбныхъ цѣнъ и въ связи съ этимъ замедленіе паденія и даже повышеніе земельной ренты на Западѣ.

Въ общемъ работа г. Кржививцкаго отличается богатствомъ матеріала и осторожностью въ выводахъ, отсутствіемъ поспѣшныхъ обобщеній. Издана книга хорошо и очень дешево.

Б. Веселовскій.

М. Туганъ-Барановскій. Національзація земли. Изд. 2-е, переработанное. Стр. 179. Ц. 60 к.

Первое изданіе этой книги подъ заглавіемъ „Земельная реформа" вышло болѣе года тому назадъ. Защищавшаяся тамъ идея націонализаціи земли теперь, съ возникновеніемъ крестьянскаго движенія, „побѣдоносно прокладываетъ себѣ свой путь. За ней стоятъ уже народныя массы, начертавшія на своемъ знамени: „земля народу!". Мало того, это движеніе въ пользу націонализаціи земли въ Россіи представляетъ „единственную область, въ которой русская революція обнаружила выдающееся самостоятельное соціальное творчество". Благодаря націонализаціи земли „соціализмъ найдетъ въ крестьянствѣ не врага, но друга". Такъ г. Туганъ-

Барановскій оцѣниваетъ „движеніе въ пользу національзаціи (?), вспыхнувшее... во всей крестьянской Россіи“.

Отъ этого въ сильнѣйшей степени отдаетъ эсъ-эрствомъ: та-же переоцѣнка „общенародныхъ“ стремленій крестьянства въ отношеніи „землицы“, тотъ же неосновательный оптимизмъ относительно успѣха соціализма у крестьянъ и т. д.

Вторая часть работы г. Туганъ-Барановскаго („Національзація земли въ Россіи“) даетъ намъ еще и другое откровеніе. Оказывается, что „практическія программы (аграрныя) с.-д. и с.-р. становятся все менѣе отличимы другъ отъ друга“.

Всѣ симпатіи автора лежатъ на сторонѣ с.-р. „Соціализація земли, по его мнѣнію, есть нѣчто весьма своеобразное, продуктъ самостоятельнаго творчества русской общественной мысли и въ этомъ отношеніи аграрный проектъ с.-р. заслуживаетъ величайшаго вниманія“. Но, какъ и полагается оппортунисту, г. Туганъ-Барановскій находитъ, что надо отбить острые углы у этого проекта. Прежде всего, дѣлежъ земли долженъ производиться не „въ уравнительное пользованіе“, а лишь „въ направленіи уравнительности“. Нельзя не согласиться съ г. Туганъ-Барановскимъ относительно практической неосуществимости „уравнительнаго землепользованія“. „Всякій передѣлъ земли,—говоритъ онъ,—превращался бы въ своего рода великое переселеніе народовъ“.

Точно также и „право на землю“ представляетъ лишь плодъ „увлеченія“ с.-р. Какъ бывшій с.-д., г. Туганъ.-Барановскій не можетъ не отмѣтить, что уравнительность землепользованія „по самому существу противорѣчитъ общественной организаціи труда“.

Вообще же говоря, „програма с.-р. грѣшитъ прямолинейностью и догматичностью... Чтобы стать жизненной и практичной, она должна быть введена въ рамки возможнаго и осуществимаго“. Съ этой цѣлью, кромѣ необходимости отказаться отъ полнаго проведенія принципа уравнительности, слѣдуетъ также отвергнуть конфискацію помѣщичьихъ земель, такъ какъ при ней „въ результатѣ земля обойдется крестьянину дороже, чѣмъ при выкупѣ ея обычнымъ капиталистическимъ способомъ“.

Какъ видимъ, г. Туганъ-Барановскій ближе всего въ данномъ вопросѣ соприкасается съ народно-соціалистической партіей, разница лишь въ томъ, что г. Туганъ-Барановскій полонъ вѣры въ стремленіе „къ національзаціи“ русскаго крестьянства, тогда какъ н.-с. партія есть продуктъ разочарованія въ силѣ этого стремленія.

Первая часть работы г. Туганъ-Барановскаго, посвященная иллюстраціи того, что западно-европейскіе сторонники движенія въ пользу земельной реформы (національзаціи)—враги соціализма, оригинальностью не отличается и написана весьма поверхностно.

Б. Веселовскій.

Мазовецкій. Политическія партіи въ Польшѣ. Изд. Н. Парамонова. Стр. 80. Ц. 12 к.

Потребность въ изданіи на названную выше тему несомнѣнно ощущалась уже давно. Широкимъ слоямъ русскаго общества недостаетъ знакомства съ политической жизнью на окраинахъ,—въ Польшѣ, Прибалт. Краѣ, на Кавказѣ и т. д. Нельзя поэтому не привѣтствовать попытку освѣтить положеніе дѣла съ этой стороны, тѣмъ болѣе, что работа г. Мазовецкаго выполнена въ общемъ весьма недурно. Читатель имѣетъ возможность познакомиться въ общихъ чертахъ съ платформами политическихъ партій въ Польшѣ, съ ихъ соціальнымъ составомъ и кругомъ вліянія. Самъ авторъ—сторонникъ партіи „Пролетаріата" и это обстоятельство мѣстами даетъ себя знать, когда рѣчь заходитъ о соціалистическихъ партіяхъ. Страннымъ, напр., представляется такое утвержденіе: „Несомнѣнно и „Пролетаріатъ" былъ бы теперь во главѣ соціалистическаго движенія въ Царствѣ Польскомъ, если бы не то обстоятельство, что въ 1905 г. П. П. С. стала измѣнять свою программу въ духѣ „Пролетаріата".

Защита федеративнаго устройства Польши больше основывается авторомъ на признаніи „самобытныхъ" качествъ польскаго народа, чѣмъ на раціональныхъ доводахъ. Аргументація С.-Дем. Ц. П. и Л. противъ такой автономіи г. Мазовецкимъ затрагивается лишь вскользь и, можно считать, остается непоколебленной.

Несмотря на такіе частичные недостатки, работу г. Мазовецкаго можно рекомендовать всѣмъ, желающимъ получить общее представленіе о политическихъ тенденціяхъ польскаго движенія.

Б. Веселовскій.

В. Федоровъ. Къ вопросу о воинской повинности въ Россіи. Изд. Н. Парамонова. Стр. 48. Ц. 8 к.

Популярная легальная литература относительно военной службы, военной „политики" (комплектованіе арміи, сроки службы, дисциплина и т. д.), классоваго характера воинской повинности въ Россіи крайне бѣдна. Недавно вышедшая брошюра г. Федорова въ популярной формѣ даетъ отвѣтъ на всѣ перечисленные выше вопросы. Не ограничиваясь критикой существующей системы, авторъ развиваетъ и положительное требованіе: учрежденіе милиціи вмѣсто постоянныхъ армій, причемъ останавливается какъ на практической сторонѣ дѣла, такъ и на политическихъ соображеніяхъ по этому поводу. Написана брошюра достаточно популярно и можетъ разсчитывать на хорошій пріемъ въ широкихъ кругахъ читающей публики.

Б. Веселовскій.

Гатти. Соціализмъ и аграрный вопросъ. Стр. 255. Ц. 50 к. Изд. „Новое Товарищество".

Работа Дж. Гатти, депутата въ итальянскомъ парламентѣ, появилась въ иностранной печати уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ, на русскомъ же языкѣ она появляется теперь впервые. Однако, русскому читателю книга эта небезызвѣстна: въ свое время ей посвятилъ порядочно вниманія Г. В. Плехановъ (См. „Критика нашихъ критиковъ", стр. 293—301).

Книга Гатти состоитъ изъ 3-хъ частей: первая посвящена общимъ разсужденіямъ относительно „земледѣльческаго производства"; она не представляетъ интереса, изобилуетъ скучными повтореніями и т. д. Во второй трактуется о „техническихъ и экономическихъ тенденціяхъ сельскаго хозяйства" и въ третьей—о „соціалистическихъ партіяхъ и сельскихъ классахъ".

Общая точка зрѣнія ревизіониста Гатти на эволюцію земледѣлія заключается въ томъ, что путь „отъ стараго феодальнаго режима къ будущему коллективистскому режиму" въ индустріи лежитъ черезъ капитализмъ, а въ земледѣліи—черезъ капитализмъ и кооперацію мелкихъ хозяйствъ. „Коллективизмъ,—говоритъ онъ,—можетъ такъ же хорошо возникнуть изъ кооперативной ассоціаціи собственности, какъ и изъ ея капиталистической концентраціи". Разсужденія Гатти объ этихъ двухъ параллельныхъ путяхъ къ соціализму не представляются достаточно убѣдительными, и основной вопросъ: какъ „кооперація мелкихъ хозяйствъ" избѣгнетъ до наступленія коллективистскаго строя Сциллы и Харибды капиталистической концентраціи и проч., Гатти совершенно не доказанъ. Мы не будемъ останавливаться на отдѣльныхъ положеніяхъ Гатти, такъ какъ читатель найдетъ въ рецензіи Г. В. Плеханова довольно обстоятельный разборъ противорѣчій и ошибокъ Гатти. По мнѣнію Плеханова, у Гатти „нѣтъ и слѣда истинно-критическаго отношенія къ дѣлу. Литература предмета извѣстна ему очень мало".

Оцѣнивая взгляды Гатти на „кооператизмъ", Плехановъ вполнѣ справедливо полагаетъ, что „кооператизмъ" лишь ускоритъ ходъ развитія капиталистическихъ производственныхъ отношеній въ сельскомъ хозяйствѣ, поэтому резонно со стороны с.-д. поддерживать тѣ законодательныя мѣры, которыя устраняютъ юридическія препятствія съ пути кооператизма. Лишь одному требованію должны удовлетворять эти мѣры: „Онѣ *отнюдь не должны* упрочивать ту цѣпь, которая привязываетъ мелкаго *собственника* къ его участку" (стр. 301). Это было написано Плехановымъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Послѣднее время въ это „коренное требованіе" Плехановымъ внесено нѣкоторое смягченіе, приведшее къ тому, что раздѣлу помѣщичьихъ земель (въ собственность отдѣльныхъ крестьянъ) имъ отдается предпочтеніе передъ національзаціей земли.

Б. Веселовскій.

М. Лядовъ. Исторія Россійской Соціалъ-Демократической Рабочей Партіи. Ч. I. Стр. 163 (1883—1897 гг.). Изд. „Колоколъ". Ц. 50 к.

Авторъ „Исторіи" исходитъ изъ того взгляда, что „дѣйствительная фактическая исторія нашей партіи... должна и можетъ быть написана только практикомъ"...

„Роль практика-историка—собрать матеріалъ, свести въ одно свой опытъ, свои наблюденія", говоритъ М. Лядовъ и въ качествѣ „рядового практика" ставитъ себѣ задачей помочь „опытному теоретику написать законченную и уже вполнѣ обработанную исторію нашей партіи" (стр. 9).

Такое претенціозное заявленіе не соотвѣтствуетъ содержанію вышедшей первой части „Исторіи": она написана исключительно по источникамъ, болѣе или менѣе доступнымъ всѣмъ членамъ партіи, а именно на основаніи брошюръ Г. В. Плеханова („Русскій рабочій въ revол. движеніи", „Соціализмъ и политич. борьба" и т. д.), Пажитнова, Ельницкаго, „Текущій моментъ" и т. под. легальныхъ изданій. Личныя же воспоминанія автора распространяются главнымъ образомъ на дѣятельность московской организаціи 90-хъ гг. и страдаютъ большимъ субъективизмомъ. Такъ, напр., г. Лядовъ утверждаетъ, что „наличность возникшей помимо воздѣйствія с.-д. (стихійной экономической) борьбы была причиной, почему въ Москвѣ, какъ и въ др. промышленныхъ центрахъ, не могла развиться чистая кружковщина" (стр. 79). Къ сожалѣнію, „стихійная экономическая борьба" рабочихъ въ серединѣ 90 хъ гг. не препятствовала процвѣтать кружковщинѣ въ Москвѣ и др. „промышленныхъ центрахъ", и утвержденіе г. Лядова, что агитаціонный листокъ, выпущенный въ Москвѣ въ концѣ 1894 г., прочитывался и „малограмотными рабочими", представляетъ несомнѣнное преувеличеніе (стр. 111).

Нельзя не указать также, что возникновеніе и дѣятельность „Союзовъ борьбы за освобожденіе рабочаго класса" (въ серединѣ и концѣ 90-хъ гг.) очерчены авторомъ слишкомъ туманно. То же приходится сказать о стачкѣ въ Петербургѣ въ 1897 г., въ Ярославлѣ на Карзинкинской мануфактурѣ и др.

Вообще можно сказать, что плохъ будетъ тотъ „профессіональный литераторъ", который на основаніи брошюры г. Лядова попытается „написать законченную и уже вполнѣ обработанную исторію нашей партіи".

Тѣмъ не менѣе брошюра г. Лядова не лишена значенія для массы „рядовыхъ практиковъ", такъ какъ въ ней набросана въ общихъ чертахъ картина развитія с.-д. въ Россіи довольно живо. Исключеніе представляетъ полемика съ „экономистами", поставленная не на достаточно широкую почву, такъ что сущность „экономизма" во всей его полнотѣ обрисована весьма слабо. Подождемъ продолженія „Исторіи". Можетъ быть, тамъ этотъ и др. пробѣлы будутъ авторомъ восполнены.

Б. В—ій.

Л. Г. Дейчъ. 16 лѣтъ въ Сибири (Воспоминанія). 2-ое исправленное и дополненное изданіе. Цѣна 1 рубль. Изданіе Н. Глаголева. СПБ. 1906.

П. Кропоткинъ. Въ русскихъ и французскихъ тюрьмахъ. Съ англійскаго. Пер. Батуринскаго под. ред. автора. Единственное изданіе, разрѣшенное для Россіи авторомъ. Изд. товарищества „Знаніе". СПБ. 1906. Ц. 1 рубль.

По странной ироніи исторіи русская публика знакомится съ этими двумя „запрещенными" сочиненіями, вскрывающими тайны нашей ужасной ссылки, тюрьмы, всѣ ужасы нашего застѣнка, въ годъ 1906-ой, когда и ссылка, и тюрьма не только не обчистились отъ старыхъ кровавыхъ пятенъ, но обагряются еще новою кровью и въ удесятеренной степени высасываютъ жизнь у населенія. Мы знакомимся со скорбной исторіей прошлой борьбы за освобожденіе теперь, когда борьба приняла самыя жестокія, звѣриныя формы, когда приходится не съ грустью изучать далекое, уничтоженное прошлое, а съ ужасомъ чувствовать настоящія цѣпи, болѣе страшныя, чѣмъ тѣ, о которыхъ повѣствуютъ и Дейчъ, и Кропоткинъ.

Л. Г. Дейчъ, одинъ изъ первыхъ русскихъ соціалъ-демократовъ и организаторъ группы „Освобожденіе Труда", былъ арестованъ въ Германіи въ 1884 г., выданъ русскому правительству, преданъ военному суду и приговоренъ къ 13 годамъ и четыремъ мѣсяцамъ каторжныхъ работъ. Пробылъ на Карѣ 11 лѣтъ и 5 мѣсяцевъ и въ 1901 году бѣжалъ съ мѣста поселенія морскимъ путемъ, чрезъ Японію и Америку. Его записки обнимаютъ, такимъ образомъ, періодъ жизни въ 16 лѣтъ. Богатство содержанія, разнообразіе положеній, въ которыя попадалъ авторъ записокъ масса лицъ, съ которыми ему пришлось сталкиваться и проводить „каторжные" годы, дѣлаютъ книгу Л. Г. Дейча чрезвычайно интересной. Европейское общество оцѣнило по достоинствамъ эти записки и „16 лѣтъ въ Сибири" переведены на англійскій, нѣмецкій, французскій, голландскій, польскій, итальянскій и болгарскій языки. Кромѣ того, что воспоминанія Л. Г. Дейча привлекаютъ неослабное вниманіе общей связью излагаемыхъ фактовъ съ жизнью одного и того же лица, автора, они еще дѣйствуютъ спокойнымъ и искреннимъ тономъ, вполнѣ выдержаннымъ въ духѣ „ума холодныхъ наблюденій и сердца горестныхъ замѣтъ". Стоитъ сравнить, напр., разсказъ Л. Г. Дейча объ извѣстной карійской трагедіи, закончившейся смертью Сигиды, Калюжной, Ковалевской, Смирницкой, Калюжнаго и Бобохова, съ разсказомъ о томъ же Стефановича („Дневникъ карійца") и др. У однихъ мрачный ужасъ конца совершенно затемняетъ постепенное развитіе карійскаго протеста и не даетъ общаго впечатлѣнія отъ этой исторіи, съ начала до конца характерной для нашей ссылки. Стефановичъ слишкомъ занятъ критической оцѣнкой субъективныхъ переживаній виновницъ и жертвъ протеста. И только у Л. Г. Дейча мы нашли ту

картину въ цѣломъ, гдѣ поставлены на свое мѣсто и повышенная чувствительность заключенныхъ, и безпросвѣтный мракъ окружающей обстановки,— все вмѣстѣ приведшее къ роковому концу. И въ его передачѣ фактовъ ужасъ карійской трагедіи, на нашъ взглядъ, еще больше, еще тягостнѣй сгущается надъ жертвами, чѣмъ при особомъ выдѣленіи и подчеркиваніи мрачнаго конца.

Рядомъ съ книгой Л. Г. Дейча сочиненія П. Кропоткина значительно проигрываютъ. Фактическій матеріалъ книги очень устарѣлъ: книга написана во второй половинѣ восьмидесятыхъ годовъ. Кромѣ того, „Въ русскихъ и французскихъ тюрьмахъ“ является слегка переработаннымъ сборникомъ отдѣльныхъ статей П. Кропоткина о положеніи заключенныхъ въ русскихъ и французскихъ тюрьмахъ. Поэтому, не являясь цѣльнымъ трактатомъ, сочиненіе П. Кропоткина представляетъ собою рядъ болѣе или менѣе бѣглыхъ личныхъ наблюденій и знакомыхъ изъ другихъ разсказовъ фактовъ о тюремной жизни. Все это снабжено соотвѣтствующими разсужденіями и подкрѣплено ссылками на другихъ авторовъ, чтобы въ итогѣ, въ двухъ послѣднихъ главахъ, получить мысль о вредномъ вліяніи тюремъ на общественную нравственность и о ненужности тюремъ. Отъ книги П. Кропоткина, такимъ образомъ, получается двойственное впечатлѣніе не то замѣтокъ изъ тюремной жизни, не то статей по тюрьмовѣдѣнію. Въ общемъ не выдержано ни первое, ни второе. Автобіографическое значеніе этой книги тоже очень невелико въ виду извѣстныхъ и гораздо болѣе цѣнныхъ „Записокъ революціонера“ того же автора. Да и авторъ избѣгалъ здѣсь слишкомъ „личныхъ“ эпизодовъ, направивъ все свое вниманіе на организацію заключенія. Сочиненіе П. Кропоткина, несомнѣнно, имѣло значеніе для англичанъ; для нихъ оно и было въ сущности написано въ опроверженіе наблюденій англійскаго священника Лансделля (Л. Н. Толстой охарактеризовалъ его въ „Воскресеніи“), который промчался на курьерскихъ по Сибири, а затѣмъ написалъ „преподленькую книжку объ русскихъ тюрьмахъ“, какъ кратко выражается П. Кропоткинъ. Да еще имѣетъ значеніе, пожалуй, для нашихъ русскихъ Лансделлей, буде таковые еще найдутся.

Л. Б.

Кропоткинъ, П. Анархія. Ея философія, ея идеалъ. Книгоизд. „Мысль“. Спб. 1906 г. Ц. 15 коп. Стр. 47.

Елизе Реклю. Анархія. Книгоизд. „Мысль“. СПБ. 1906 г. Ц. 5 к. Стр. 16.

Нищета и безработица широкихъ народныхъ массъ, въ связи съ ростомъ интеллигентнаго пролетаріата, съ одной стороны, и безпредѣльный полицейско-бюрократическій произволъ, съ другой, создаютъ въ Россіи такія общественно-экономическія условія, при которыхъ анархизмъ составляетъ якобы органическое явленіе русской жизни, свойственное пси-

хологіи и чувству народа. Дѣйствительно, изъ семи крупнѣйшихъ основоположниковъ современнаго анархизма трое—Бакунинъ, Толстой и Кропоткинъ—русскихъ. Революціонные катаклизмы и гражданская война минувшаго года, обостряя до крайнихъ предѣловъ соціальныя противорѣчія капиталистическаго строя, породили организацію анархистовъ-коммунистовъ и усилили ихъ практическія выступленія. Наряду съ этимъ широкіе круги русской читающей публики обнаруживаютъ за послѣднее время поразительный интересъ къ ученію анархистовъ и къ литературѣ его теоретиковъ. Всѣ болѣе или менѣе выдающіеся ученые трактаты по анархизму — Адлера, Штамлера, Эльцбахера, Ценкера, Диля, Кульчицкаго и прочихъ буржуазныхъ профессоровъ и писателей уже переведены на русскій языкъ. Еще больше интереса должны возбуждать, конечно, попытки самихъ анархистовъ познакомить читателя съ содержаніемъ философіи и идеала анархизма. Но анархисты по самой своей сущности весьма индивидуальны и каждый изъ нихъ излагаетъ свою теорію, не считаясь съ мнѣніемъ единомышленниковъ. Неудивительно поэтому, что брошюры Кропоткина и Э. Реклю объ „Анархіи" являются единственными на русскомъ языкѣ сочиненіями самихъ анархистовъ, всесторонне выясняющими, что такое анархизмъ.

Въ указанной брошюрѣ Кропоткина изложены въ общихъ чертахъ вся его теорія и взгляды на право, государство, собственность и соціальную революцію. Эволюціонная философія учитъ, что высшимъ закономъ для человѣка является законъ развитія человѣчества отъ менѣе счастливой къ возможно болѣе счастливой жизни. Изъ этого закона, аргументируя его рядомъ примѣровъ изъ естественно-историческихъ наукъ, авторъ выводитъ начало справедливости и начало энергіи въ міровой жизни. По мѣрѣ развитія человѣчества, по теоріи Кропоткина, исчезнетъ не право вообще, а лишь писаное право, уничтожится не собственность вообще, а ея современная форма, т. е. частная собственность. Исчезновеніе государства, преобразованіе права и собственности, наступленіе новыхъ порядковъ,—все это произойдетъ при помощи соціальной революціи, ибо „эволюція постоянно прерывается революціями, а революціи, эти періоды ускоренной эволюціи, такъ же необходимы для гармоніи природы, какъ и эпохи замедленной эволюціи".

Брошюра написана агитаціоннымъ языкомъ и проникнута горячей ненавистью къ существующему строю. Но ея критика научнаго соціализма, который Кропоткинъ называетъ „идеей чековъ", наглядно показываетъ все безсиліе лучшихъ умовъ теоретиковъ анархизма справиться и понять теорію трудовой цѣнности.

Что касается брошюры Э. Реклю, то, заключая въ себѣ весьма слабую популяризацію идей Кропоткина, она не представляетъ интереса. Брошюры изданы весьма прилично. Переводъ удовлетворителенъ.

Д. Зайцевъ.

Артуръ Арну. Народная исторія Парижской Коммуны. Полный переводъ съ франц. В. Александрова. Изд. Н. Глаголева. СПБ. Ц. 80 коп.

Парижская революція 1871 г. привлекаетъ особенное вниманіе нашей читающей публики. Это объясняется прежде всего, конечно, запросомъ нашего революціоннаго времени и нашего революціоннаго настроенія. Но, кромѣ того, есть несомнѣнная аналогія и внутренняя, соціальная связь между типами послѣдней французской революціи и первой россійской. Не соглашаясь даже съ тѣмъ, что революціонная Россія стоитъ непосредственно передъ задачей, неоконченной и нерѣшенной парижской коммуной—мнѣніе, которое поддерживается небольшимъ теченіемъ русской соціалъ-демократіи,—слѣдуетъ признать, что *типъ* соціальной задачи и тамъ, и здѣсь обнаруживаетъ больше сходства, чѣмъ при сравненіи русской революціи со всякой другой, не французской 1871 г., Поэтому ссылки на 71-ый годъ и сопоставленія двухъ послѣднихъ европейскихъ переворотовъ напрашиваются сами собою. Необходимость соотвѣтствующаго историческаго матеріала чувствуется, и изъ небольшой въ общемъ литературы о Парижской Коммунѣ у насъ имѣются по крайней мѣрѣ наиболѣе извѣстныя сочиненія. Книга Лиссагарэ, выдержавшая у насъ уже нѣсколько изданій, лучше всего удовлетворяетъ современной читательской потребности и даетъ больше всего чисто фактическаго матеріала. Теперь вышло довольно объемистое (325 стр.) сочиненіе члена парижской коммуны Артура Арну, но врядъ ли оно оправдаетъ ожиданія русскаго читателя.

Во-первыхъ, это не исторія, а, во-вторыхъ, не народная исторія, какъ обманчиво сулитъ заглавіе. Арну разсказываетъ о своихъ личныхъ наблюденіяхъ, впечатлѣніяхъ и размышленіяхъ изъ эпохи великаго переворота, и главнымъ образомъ и прежде всего впечатлѣнія и размышленія. Его задача—познакомить читателя съ „соціальной идеей“ народнаго движенія 1871 г., его больше всего интересуетъ „моральная и интеллектуальная“ сторона этой революціи. Уже изъ такъ очерченной цѣли сочиненія виденъ характеръ дальнѣйшаго изложенія. Вся книга Арну представляетъ большую публицистическую статью, въ которой тамъ и сямъ вкраплены маленькіе памфлеты противъ нѣкоторыхъ лицъ и большіе панегирики Парижу и народу. Пылъ агитаціоннаго краснорѣчія, градъ рѣзкихъ возгласовъ и короткихъ фразъ, бѣглая, но сильно выраженная характеристика,—вотъ, въ сущности, и весь историческій аппаратъ Арну. Все это характерно для писателя, защищающаго излюбленную „идею“, но никакъ не для историка. И, дѣйствительно, Арну только и хочетъ, что выставить въ ослѣпительномъ свѣтѣ принципы анархическаго коммунизма, ту „формулу“, въ которой, по его мнѣнію, воплощается коммуна: „автономія, федерація, коллективизмъ“. Эту формулу Парижъ прозрѣвалъ и почти овладѣлъ ею. Эта формула была „грезой“ Парижа въ то время, какъ провинція еще ничего „не понимала“.

Отношеніе Парижа къ провинціи — это „мыслящая голова на трупѣ!“ Въ такихъ фигуральныхъ, но нечего не разъясняющихъ и неубѣдительныхъ выраженіяхъ Арну и доказываетъ, что и какъ Парижъ, народъ началъ „понимать“, а вмѣстѣ съ тѣмъ,—въ чемъ заключалась соціальная „идея“ парижской революціи.

И если мы въ концѣ концовъ узнаемъ даже точную „формулу“ парижской революціи, то зато почти ничего — о самой революціи, объ ея движущихъ силахъ, объ ея объективномъ развитіи. Поглощенный раскрытіемъ особой, оригинальной для парижской коммуны „формулы“, Арну совершенно теряетъ изъ виду оригинальность въ соотношеніи современныхъ общественныхъ силъ. Отъ него ускользнуло какъ разъ то, что дѣлаетъ данную революцію оригинальной, что освѣщаетъ ее и ея идеи особымъ, присущимъ именно данному народному движенію свѣтомъ. Энгельсъ опредѣлилъ коммуну 1871 г., какъ „диктатуру пролетаріата“, и право на этотъ терминъ онъ получилъ изъ блестящаго историческаго анализа коммуны, который произвелъ Марксъ. Въ своей знаменитой работѣ Марксъ дѣйствительно показалъ, чѣмъ революція 1871 г. оригинальна, что въ ней новаго, кто это новое создалъ и почему исторія коммуны была такова, какъ она есть. Что же далъ вмѣсто геніальнаго анализа Маркса Арну? „Въ коммунѣ,— говоритъ Арну,—не было ни буржуа, ни рабочихъ,—тамъ были довѣренные отъ народа, которые существовали и хотятъ существовать только опираясь на народъ“. На этой неопредѣленной *фразѣ* и зиждется весь историческій анализъ Арну. Что такое этотъ „народъ“? Почему ни представители буржуазіи, ни представители рабочаго класса не являются по Арну тѣмъ же, что и довѣренные народа? Да, въ коммунѣ не было ни истинныхъ представителей буржуазіи, ни истинныхъ представителей сознавшаго свои классовые интересы пролетаріата. И если понимать фразу Арну въ этомъ смыслѣ идеологическаго представительства, то онъ правъ въ первой части своего положенія. Но какъ только мы обратимся къ дѣйствіямъ коммуны, то увидимъ, что дѣйственно коммуна выступала почти безошибочно, какъ правительство именно рабочаго класса,—это выяснилъ Марксъ. Поэтому туманная неопредѣленность утвержденія Арну хотя и служитъ удобнымъ фономъ для какой угодно, даже анархической „формулы“, но по существу является искаженіемъ исторической истины. Въ этомъ же родѣ полуправдивы въ своей недоговоренности и многія другія наблюденія автора. Познакомиться по „Народной исторіи парижской коммуны“ съ подлинной исторіей революціоннаго народа въ 1871 г. никакъ нельзя.

Переводъ сдѣланъ небрежно. **Л. Б.**

„Искра“ за два года. Сборникъ статей изъ „Искры“: П. Аксельрода, М. Б—ова, Ф. Дана, В. Засуличъ, Кольцова, Л. Мартова, Мартынова, Н. Негорева, Парвуса, Г. Плеханова, Старовѣра, Стрѣльскаго,

Н. Троцкаго. СПБ. 1906 г. Т. I. Ц. 1 р. 65 к. (стр. 688). Т. 2-ой, Ц. 60 к. (стр. 243). Изд. С. Н. Салтыкова.

Въ сборникѣ „За два года“ собраны статьи 13-ти соціалъ-демократовъ-меньшевиковъ, помѣщенныя за время 1903—1905 гг. въ центральномъ органѣ Р. С.-Д. Р. Партіи. Сборникъ представляетъ крупную историко литературную цѣнность. Онъ знакомитъ широкую публику не только съ эволюціей взглядовъ такъ называемое „меньшевистскаго“ теченія русской соціалъ-демократіи, но и даетъ не мало указаній на то, какую роль въ дѣйствительности играла соціалъ-демократическая критика въ обще-освободительномъ движеніи, какіе программные лозунги и тактическіе пріемы борьбы удалось соціалъ-демократіи сдѣлать достояніемъ широкихъ массъ населенія. Кромѣ указанной цѣли, составители сборника преслѣдовали также задачу—показать, какъ „меньшевистское“ направленіе, боровшееся сначала за свое существованіе, а позднѣе—за преобладаніе въ соціалъ-демократіи, недавно впервые заняло господствующее положеніе, ставъ оффиціальнымъ credo партіи. Но выполненіе этой задачи нельзя признать удачнымъ да и врядъ ли оно возможно безъ непосредственной связи съ изложеніемъ исторіи соціалъ-демократіи послѣднихъ лѣтъ. Заключеніе составителей сборника, что побѣда „меньшевика“ доказала его жизнеспособность въ ряду другихъ теченій внутри партіи, нужно признать также, по крайней мѣрѣ, преждевременнымъ. Формальная побѣда не означаетъ еще побѣды фактической. Фракціонная борьба послѣ такъ называемаго „объединительнаго“ съѣзда не только не уменьшилась, но, напротивъ, возросла и усилилась. Осложненныя современнымъ политическимъ моментомъ великой россійской революціи, фракціонныя разногласія по ряду крупнѣйшихъ тактическихъ и отчасти программныхъ вопросовъ настолько обострились, соотношеніе организаціонныхъ и другихъ силъ обѣихъ фракцій настолько тождественны другъ съ другомъ, что говорить при такихъ условіяхъ о побѣдѣ фракціи „меньшевиковъ“ нѣсколько странно. Болѣе того, затяжной кризисъ партійной жизни такъ продолжителенъ, принципіальныя разногласія членовъ партіи, стоящихъ на противоположныхъ сторонахъ ея, настолько глубоки, что можно предвидѣть скорѣе полный расколъ или созданіе новаго, объединяющаго абсолютное большинство партіи, чѣмъ побѣду одного изъ старыхъ ея теченій.

Изъ общаго числа (131) статей и замѣтокъ, помѣщенныхъ въ „Сборникѣ“, большинство написаны Л. Мартовымъ (40) и Ф. Даномъ (34); нѣкоторые изъ авторовъ—М. В—овъ и Парвусъ—представлены въ немъ только по одной замѣткѣ. Въ первой части сборника трактуются вопросы общаго и программнаго характера (политическій моментъ, либерализмъ, демократія, студенчество, война и миръ), во второй помѣщены статьи на тему о взаимоотношеніи русской революціи и современной Европы по вопросамъ международнаго соціализма и основамъ тактики. Большинство послѣднихъ статей принадлежатъ П. Аксельроду и Г. Плеханову.

Д. Зайцевъ.

Максъ Веберъ (профессоръ гейдельбергскаго университета). Историческій очеркъ освободительнаго движенія въ Россіи и положеніе буржуазной демократіи. Пер. съ нѣмецкаго. Кіевъ. Типографія Чоколова. 1906.

Издатель книжки не выставилъ своего имени: онъ предпочелъ перепечать на внутренней страницѣ обложки сочувственный отзывъ, напечатанный о книгѣ Вебера въ іюльской книжкѣ журнала „Былое". Пріемъ рекламы—нужно признаться—довольно удачный: намъ извѣстны случаи, когда покупатель бралъ эту книгу въ магазинѣ, основываясь исключительно на авторитетномъ отзывѣ журнала. При чтеніи книги покупатель ея долженъ съ первыхъ же страницъ убѣдиться, что онъ даромъ бросилъ 85 копеекъ.

Хотя гейдельбергскій профессоръ и пользовался указаніями („всесторонними знаніями по данному вопросу", какъ сказано въ примѣчаніи на стр. 7) г. Кистяковскаго,—онъ далеко не обнаруживаетъ самъ не только всестороннихъ, но и сколько-нибудь основательныхъ знаній о предметѣ, о которомъ взялся писать. Самъ авторъ признается, что его очеркъ составленъ „очень поспѣшно" по газетамъ, случайно попавшимъ въ руки („особенно" газ. „Русь" и „Русск. Вѣд.", „иногда"—другимъ газетамъ и журналамъ). Рѣчь идетъ преимущественно о событіяхъ послѣдней четверти 1905 года и объ освобожденскомъ проектѣ конституціи. Русскій переводъ представляетъ собою что-то сверхъестественное даже въ безконечномъ ряду негодныхъ переводовъ, появляющихся въ Россіи. Поэтому не имѣя въ рукахъ подлинника, трудно опредѣлить, какая нелѣпость принадлежитъ автору, какая—переводчику. Для характеристики перевода приводимъ первое мѣсто, попавшееся подъ руку. Сообщивъ, что въ Россіи государственная власть, „несмотря на все превосходство бюрократической техники, совершенно понятнымъ образомъ является только паразитомъ (,) служащимъ къ удержанію существующаго раздѣленія власти и почти не имѣющимъ другихъ существенныхъ интересовъ (,) кромѣ финансово-политическихъ, и поэтому—исполнена глубочайшаго недовѣрія къ конкуррентамъ",—авторъ (въ передачѣ переводчика) поясняетъ:

„И—какъ это именно здѣсь можетъ быть—несмотря на это, каждый непредубѣжденный человѣкъ будетъ избѣгать представлять себѣ такихъ, примѣрно, людей, какъ Плеве злыми духами и мракобѣсами. Безспорно: твердый курсъ системы, которой они служили, раціоналистическая практика управленія этой „просвѣщенной" бюрократіи, которая совершенно естественно смотритъ на „старыя привычки" и „непрактическое своенравіе", на „особые интересы", „безуміе" и эгоизмъ и „утопическія грезы" интеллигенціи и органовъ самоуправленія, на „фразы" печати—какъ на элементы, всегда препятствовавшіе и тормазившіе утилитарному дѣланію

сверху народнаго счастья съ соотвѣтствующимъ повиновеніемъ авторитету, представляющимися необходимымъ ввиду государственныхъ соображеній— все это, конечно, было системой, которая жизнь дѣлала „адомъ"; благодаря этому при извѣстіи объ убійствѣ Плеве такіе „не отъ міра сего" кабинетные ученые впали въ состояніе, подобное упоенію данной радостью. Кто это пережилъ, тому не нужна критика—но не только результаты этой системы могутъ при утилитарной оцѣнкѣ указать на многія важныя положительныя стороны, но даже и путь, пройденный ею къ этому аду здѣсь, какъ и вездѣ, выложенъ благими намѣреніями, которыя всѣ можно найти въ документахъ"... (стр. 22—23).

Я преднамѣренно сдѣлалъ длинную сплошную выписку, чтобы читатель почувствовалъ все удовольствіе—прочесть 150 страницъ подобнаго изложенія. Переходя отъ переводчика къ автору, я остановлюсь только на томъ, что г. Веберъ разсказываетъ о русской соціалъ-демократіи. Соціалъ-демократія,—разсказываетъ Веберъ,—еще до своего открытаго выступленія осенью 1905 г. раздѣлилась на двѣ „группы". Одна,—во главѣ съ Мартовымъ и другими,—„въ центръ тяжести своей политики ставила развитіе профессіональныхъ союзовъ", другая (во главѣ съ Ленинымъ) „вмѣсто образованія профессіональныхъ союзовъ выставила требованіе 8 часового рабочаго дня... отклонила всѣ легальныя формы агитаціи и, въ противовѣсъ приверженцамъ группы „Искры", требовала для крестьянъ немедленную „конфискацію" всѣхъ некрестьянскихъ земель... Въ противоположность плехановской группѣ, партія Ленина считала полезнымъ „при условіи сохраненія своей самостоятельности" временное объединеніе съ соціалистами-революціонерами. Далѣе узнаемъ, что группа Ленина „только въ декабрѣ" 1905 г приняла лозунгъ „непримиримой враждебности къ деревенской буржуазіи". Поводы къ расколу имѣютъ „основанія, которыя лежатъ въ духовныхъ особенностяхъ русскаго соціализма... сюда присоединяются еще опредѣленныя духовныя традиціи и отголоски существующей сельской общины" (стр. 62—64). Читатель, сколько-нибудь слѣдившій за соціалъ-демократической литературой, самъ видитъ, что Веберъ слышалъ звонъ (изъ устъ Кистяковскаго?), да не знаетъ, гдѣ онъ.

М. Ольминскій.

Проф. В. О. Ключевскій. Курсъ русской исторіи. Часть вторая. М. 1906, in 8-vo. Стр. 508+IV. Ц. 2 руб. 50 коп.

Первая часть „курса русской исторіи" проф. В. О. Ключевскаго появилась въ 1904 году; въ предисловіи къ ней авторъ заявилъ, что „лекторъ не замедлитъ выпускомъ дальнѣйшихъ частей курса"... и только черезъ два года вышла въ свѣтъ *вторая* часть. Столь значительные промежутки между выходомъ въ свѣтъ тѣмъ нежелательнѣе и тѣмъ непріятнѣе,

что самъ авторъ подчеркиваетъ „отсутствіе (у насъ) доступныхъ публикѣ университетскихъ курсовъ русской исторіи“. Впрочемъ, у насъ порою и недоступное доступно: авторъ эффектно отдѣлалъ подобную чудесность въ предисловіи ко второй части. „Въ 1902 г. въ Петербургѣ,—пишетъ онъ,—было напечатано, не для обращенія въ публикѣ и, повидимому, въ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ, полное изданіе университетскаго курса автора. Экземпляръ этого изданія имѣется въ Императорской Публичной Библіотекѣ. Авторъ не принималъ участія въ этомъ изданіи, даже не зналъ о немъ долгое время, не имѣетъ его экземпляра и даже не искалъ его имѣть“. Всего лучше заявленіе автора, что онъ даже *не искалъ имѣть* экземпляръ своего курса, отпечатаннаго безъ воли и безъ вѣдома автора. Вообще предисловіе 1906 г. сильно разнится по тону отъ предисловія 1904 г., и въ наше время ломки личныхъ убѣжденій и репутацій—событія отразились на г. Ключевскомъ въ сторону „славы и добра“. При столь хорошихъ ауспиціяхъ критику пріятно было раскрыть вторую часть курса и прочитать рядъ тѣхъ лекцій, которыя онъ съ удовольствіемъ и пользой слушалъ въ устномъ изложеніи профессора ровно двадцать лѣтъ тому назадъ. Читая эти своеобразныя характеристики и крылатые эпитеты автора, которыми пестритъ его курсъ, невольно выносишь борьбу между инстинктами критика и лирикой мемуариста... Курсъ, безспорно, цѣнный, и прямо жаль, что появляется онъ въ свѣтъ такъ поздно: для широкихъ круговъ читающей публики онъ представляется въ высокой степени доступнымъ, несмотря на значительный объемъ почти въ тысячу страницъ до конца XVI вѣка. Во *вторую* часть входитъ окончаніе второго періода русской исторіи (съ XIII до половины XV в.)—московское княжество и вольныя городскія общины (лекція XXI—XXIV) и третій періодъ—московское государство (1462—1613 гг.; лекціи XXV—XL). Обычный читатель съ большимъ интересомъ и даже волненіемъ раскроетъ страницы, посвященныя характеристикѣ царя Ивана Грознаго (со стр. 234) и анализу земскихъ соборовъ XVI вѣка (со стр. 475). Авторъ не увлекся попыткой снять съ царя Ивана всякую отвѣтственность, изобразивъ его психически ненормальнымъ; онъ превосходно изобразилъ, какъ изъ священнаго и всякаго другого писанія царь Иванъ смогъ вынести „только простую, голую идею царской власти безъ практическихъ выводовъ, какихъ требуетъ всякая идея“. Отрицательное значеніе царя Ивана несомнѣнно; въ современномъ ему государственномъ порядкѣ онъ сыгралъ нулевую величину, подготовивъ лишь рядъ послѣдовавшихъ за его смертью потрясеній. Сильнѣе всякихъ нелестныхъ эпитетовъ дѣйствуютъ строгія и злыя замѣчанія автора, что его (т. е. царя Ивана) возвышенная теорія верховной власти превратилась въ капризъ личнаго самовластія, исказилась въ орудіе личной злости, безотчетнаго произвола“, что „онъ сильнѣе подѣйствовалъ на воображеніе и нервы своихъ современниковъ, чѣмъ на современный

ему государственный порядокъ“ и что „враждѣ и произволу царь жертвовалъ собой, и своей династіей, и государственнымъ благомъ“. По г. Ключевскому выходитъ, что царь Иванъ былъ предтечей новѣйшей русской бюрократіи съ тою лишь разницей, что у новѣйшей бюрократіи не только нѣтъ какой-либо возвышенной идеи, но нѣтъ и никакихъ идей, кромѣ инстинктовъ, которые и называть непригоже. „Жизнь московскаго государства,—добавляетъ г. Ключевскій, —и безъ Ивана устроилась бы такъ же, какъ она строилась до него и послѣ него“, что, впрочемъ, съ полной справедливостью можно сказать едва ли не о всѣхъ принципахъ въ русской исторіи. Съ эпохой царя Ивана связана также практика земскихъ соборовъ древней Руси, которыхъ реабилитація мерещилась нѣкоторымъ политикамъ XX вѣка, имѣвшимъ болѣе, чѣмъ смутное понятіе о русскомъ прошломъ и съ взоромъ безсмысленнаго укора останавливавшимся передъ бурями настоящаго. Надувательство подъ флагомъ земскаго собора не удалось. По изслѣдованію г. Ключевскаго, земскіе соборы возникли у насъ въ одно время и въ связи съ земскими учрежденіями царя Ивана и являются совмѣстными совѣщаніями центральнаго правительства съ людьми столичныхъ классовъ, служившихъ ему ближайшими отвѣтственными органами; подобныя совѣщанія устраивались для выработки общаго постановленія по особо важнымъ вопросамъ государственной жизни и для принятія членами собора отвѣтственнаго кругового ручательства въ исполненіе соборнаго приговора. Это своеобразное представительство свободно уживается съ самыми чудовищными излишествами произвола, озорства и разбоя... оно уживалось съ опричиной (см. стр. 221 и слѣд.), учрежденіемъ, которое, по словамъ нашего автора (см. стр. 224)), „должно было ограждать личную безопасность царя“. А царь, говоритъ г. Ключевскій (стр. 505), „предпринимаетъ поголовное истребленіе боярства, своей правой руки въ управленіи... отъ ожесточившагося царя льется и небоярская кровь, на всю землю его именемъ набрасывается стая опричниковъ, легитимированныхъ мундирныхъ анархистовъ, возмущавшихъ нравственное чувство христіанскаго общества“. Легитимированный мундирный анархизмъ въ Россіи—явленіе не одного XVI вѣка, явленіе, хорошо знакомое россійскому обывателю,—тѣмъ интереснѣе изучить его эволюцію, тѣмъ любопытнѣе прослѣдить остроту соусовъ, въ которыхъ онъ преподносился и преподносится. Особенностями московскаго государства являются боевой строй, тягловой, неправовой характеръ внутренняго управленія и верховная власть съ неограниченнымъ пространствомъ дѣйствія и съ нерѣшеннымъ вопросомъ объ отношеніи къ собственнымъ органамъ... также ни проблеска протеста противъ потрясающихъ пріемовъ воздѣйствія власти. „Общество молчитъ и терпитъ... Какъ будто одна сторона утратила чувство страха и отвѣтственности за излишества произвола, а другая многомилліонная сторона забыла мѣру терпѣнія и чувство боли, застывъ

въ оцѣпенѣніи отъ страха передъ какой-нибудь шеститысячной толпой озорниковъ, гнѣздившихся въ лѣсной берлогѣ Александровской слободы". Ставя такой любопытный вопросъ, авторъ пытается отвѣтить на него. И этотъ отвѣтъ не представляется намъ вполнѣ удачнымъ, онъ не разрѣшаетъ вопроса всего цѣликомъ. Народъ сковывалъ, по мнѣнію г. Ключевскаго, высшій интересъ—*оборона государства отъ внѣшнихъ враговъ*. Ну, а позднѣе? Неужели все мѣшаютъ внѣшніе враги, неужели все виноваты чужіе, а не мы сами?

Отдавая справедливость превосходнымъ построеніямъ курса и значительному вниманію автора къ соціально-хозяйственнымъ явленіямъ въ русскомъ прошломъ, нельзя не признать, что курсъ отражаетъ на себѣ особенности переходнаго періода нашей науки. Соціально-хозяйственный факторъ занимаетъ у г. Ключевскаго видное мѣсто, но онъ не верховодитъ, не составляетъ главнаго основанія историческаго процесса: отсюда серія недоразумѣній, чисто лирическихъ опредѣленій, щегольскихъ, но недостаточно ясныхъ схемъ. Автора сильно занимаетъ политическій бытъ, какъ таковой; детали политическаго строя у него впереди фактовъ соціально-хозяйственныхъ. Оттого онъ все-таки даетъ намъ исторію русскаго государства, а не исторію русскаго народа, смотритъ болѣе сверху внизъ и когда вслѣдствіе этого попадаетъ въ не совсѣмъ пріятное положеніе, отдѣлывается остроумной фразой или крылатымъ словцомъ. Неясность постановки историческихъ проблемъ всего лучше усматривается изъ историко-философскаго введенія къ первой части курса русской исторіи. Быть можетъ, здѣсь же и заключается секретъ, почему въ устномъ изложеніи съ кафедры его курсъ производитъ болѣе сильное впечатлѣніе, большій эффектъ, нежели въ чтеніи. „У каждаго народа своя судьба и свое назначеніе,—читаемъ въ концѣ второй части,—судьба народа слагается при совокупности внѣшнихъ условій, среди которыхъ ему приходится жить и дѣйствовать; назначеніе народа выражается въ томъ употребленіи, какое народъ дѣлаетъ изъ этихъ условій, какое онъ вырабатываетъ изъ нихъ для своей жизни и дѣятельности". Эта сентенція понадобилась г. Ключевскому только для того, чтобы польстить *патріотическому* чувству читателя; авторъ какъ будто смутился передъ этимъ читателемъ, раскрывъ ему всю прелесть мундирнаго анархизма и бюрократическаго разбоя. Оказывается, что наши предки Римъ спасли. „Мы,—утѣшается русскій читатель въ резюме второй части курса,—очутились въ арьергардѣ Европы, оберегали тылъ европейской цивилизаціи. Но сторожевая служба вездѣ неблагодарна и скоро забывается, особенно когда она исправна; чѣмъ дѣятельнѣе охрана, тѣмъ спокойнѣе спится охраняемымъ и тѣмъ менѣе расположены они цѣнить жертвы своего покоя". Въ сущности, это—mot, а не научный выводъ, доза успокоительной микстуры, а не формулировка сути явленія... Большой интересъ представляютъ затѣмъ во второй части курса лекціи XXXIV—

XXXV, посвященныя исторіи монастырскаго землевладѣнія въ московской Руси и ходу монастырской колонизаціи. Здѣсь разсыпано не мало цѣнныхъ указаній и матеріала для характеристики древне-русской религіозности, которую авторъ тронулъ нѣсколько робко и безъ надлежащаго сопоставленія съ данными средне-вѣкового Запада. Монастыри были въ московской Руси „привилегированными мастерскими наемной молитвы“ (стр. 338), „общества отшельниковъ, убѣгавшихъ отъ міра, міръ превратилъ въ привилегированныя наемныя молельни о мірскихъ грѣхахъ и ломился въ мирныя обители со своими заказами“. Особенно херактеренъ приведенный проф. В. О. Ключевскимъ эпизодъ, разыгравшійся въ перепискѣ между Іосифомъ Волоцкимъ и княгиней Голепиной (стр. 339—340). Вторую часть курса русской исторіи В. О. Ключевскаго нельзя не рекомендовать съ усердіемъ нашей читающей публикѣ; нельзя не пожелать, чтобы авторъ возможно скорѣе обработалъ остальныя части своего курса и тѣмъ обезпечилъ наличность въ нашей литературѣ свѣжаго цѣльнаго очерка русской исторіи въ изложеніи мастерскомъ, продуманномъ и весьма характерномъ.

В. Сторожевъ.

Отвѣтственный редакторъ **В. Молчановъ.** Издатель **Ал. Острогорскій.**

ОГЛАВЛЕНІЕ ЖУРНАЛА ЗА 1906 г.

Оригинальная беллетристика.

Переводные разсказы и романы.

Стихотворенія.

Научныя статьи.

Публицистика.

Хроника русской жизни.

Л. Клейнборта.

Изъ жизни и литературы.

Замѣтки философа.

А. Луначарскаго.

Родныя картинки.

(Общественный фельетонъ).

Александра Яблоновскаго.

Письма изъ провинціи.

На Западѣ.

Критика и библіографія.

При этомъ № всѣмъ подписчикамъ разсылается объявленіе о подпискѣ на изданія: „Нива“ и „Иллюстрированная библіотека Нивы“, „Библіотека самообразованія“ и „Библіотека Юнаго Читателя“.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1907 ГОДЪ

на

литературный и общественно-политическій журналъ

„Образованіе".

Журналъ выходитъ по прежнему, ежемѣсячно, книгами въ 25 листовъ,

при редакціонномъ участіи:

Л. Клейнборта, А. Луначарскаго и В. Львова.

Постоянными сотрудниками состоятъ:

В. Базаровъ, П. Берлинъ, М. Бернацкій, А. Богдановъ, Б. Веселовскій, Г. Гроссманъ, П. Звѣздичъ, А. Коллонтай, Л. Клейнбортъ, А. Луначарскій, М. Лунцъ, В. Львовъ (псевд.), **П. Масловъ, М. Ольминскій, В. Ольховскій, П. Румянцевъ, И. Степановъ** (псевд.) и **А. Яблоновскій.**

Особое вниманіе обращено на развитіе публицистическаго отдѣла, на освѣщеніе важнѣйшихъ вопросовъ текущей общественной жизни.

Цѣна на годъ 7 руб. съ пересылкой, на полгода— 3 руб. 50 к., заграницу—9 руб.

Цѣна отдѣльной книжки—60 коп. съ перес.

ПОДПИСКА принимается въ главной конторѣ журнала: **СПБ. Моховая, 33.** Въ Москвѣ при книжн. магаз. „Трудъ" и у Н. Печковской. Въ Одессѣ, въ книжн. магаз. С. Можаровскаго (Пассажъ) и „Образованіе" (Ришельевская).

Отвѣтственный редакторъ *В. Молчановъ.* Издатель *Ал. Острогорскій.*

Отъ издателя.

За послѣдній годъ значительно возрасли расходы по изданію журнала (однѣ типографскія цѣны поднялись на 25%), а потому, не желая сокращать объема журнала, мы вынуждены въ наступающемъ 1907 году повысить годовую плату на одинъ рубль.